

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФИИ.
ТОМЪ XVI.

ОЧЕРКИ

БЫТА

БУДДІЙСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И БУДДІЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ МОНГОЛІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО БЪ НАРОДУ.

А. Позднѣева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вып. Остр., 2 том., № 12.
1887.

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
ТОМЪ XVI.

ОЧЕРКИ

БЫТА

БУДДІЙСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ И БУДДІЙСКАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ МОНГОЛІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ОТНОШЕНІЯМИ СЕГО ПОСЛѢДНЯГО КЪ НАРОДУ.

А. Позднѣева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 6 лн., № 12.
1887.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества.

XVI-й томъ Записокъ Имп. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи, изданъ
подъ редакціей чл. сотрудника А. М. Позднѣва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	СТРАН. VII—XVI
-------------------	-------------------

I. Общія замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи.

Общія наименованія монастырей и значеніе этихъ наименованій. — Раздѣленіе монастырей по происхожденію. — Монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе. — Шабинары и получаемые отъ нихъ монастырями доходы. — Монастыри императорскіе и средства ихъ существованія. — Монастыри хошунные. — Монастыри сумунные. — Монастыри частныхъ лицъ. — Храмовой составъ монастырей. — Правила относительно устройства монастырей. — Капопическія постановленія буддизма и религіозные обряды, относящіяся до постройки монастырей.....	1 — 24
--	--------

II. Монголо-буддійскія кумирни и ихъ принадлежности.

Внѣшній видъ буддійскихъ монастырей и внутреннее расположеніе ихъ зданій. — Архитектура буддійскихъ храмовъ. — Постановленія буддійской каноники относительно паружьяго и внутренняго устройства храмовъ. — Внутренность буддійскихъ храмовъ. — Различіе ламскихъ сѣдалищъ и постановленія объ ихъ устройствѣ. — Львиный престолъ и его значеніе. — Завѣщаніе будды о бурханахъ или кумирахъ. — Раздѣленіе бурхановъ: а) амугулангу бурханы; б) докшигы. — Постановленія относительно изображенія божествъ. — Субурганы. — Эдзэнъ сюльдэ. — Рисунки бурхановъ. — Бурханъ-бакшинъ арбанъ хояръ цзохоль. — Другіе сложные рисунки бурхановъ. — Хото мандалъ. —	
--	--

Рисунки религиозно-нравственного содержания: Сансарынья хурдэ. — Рисунки У-тай-шан'я и Хлассы. — Рисунок Цагань-эбугэя'а. — Жертвенный столъ и его принадлежности: а) Найманъ тахиль; б) Долонь эрдэни; в) Долонь пугуцэ; д) Улцэйтунъ найманъ эдъ; е) Табунъ хусэль; ф) Бадирь аяга; г) Харсылъ или дуддуй; h) Толи; и) Рашиянь; j) Габала; к) Лабарц. — Украшения въ буддйскихъ храмахъ. — Номы или священныя книги. — Музыкальные инструменты. — Особенности построения ургинскихъ храмовъ. — Кочевые монастыри и ихъ передвиженія. . . . . 24—110

III. Духовенство.

Завѣщанія будды о принятіи духовнаго званія и обѣтовъ. — Постановленія китайскаго правительства о принятіи духовнаго званія монголами. — Отбываніе ламами повинностей. — Включеніе ламъ въ монастырскіе списки. — Посвященіе въ убаши. — Посвященіе въ баньди. — Жизнь баньди въ домѣ родителей и поступленіе въ монастырь. — Обыденная жизнь послушника. — Его обученіе. — Курсы ученія монгольскихъ ламъ. — Посвященіе въ гѣцули. — Обязанности гѣцуля. — Посвященіе въ гѣлуны. — Обыкновенная одежда ламъ. — Ламскія шапки. — Монастырская іерархія. — Постановленія о замѣщеніи монастырскихъ должностей. — День монастырскаго ламы. — Обрядъ «усунъ-балинь». — Односторонность мнѣній, выражаемыхъ въ европейской литературѣ по вопросу о ламахъ. — Постановленія о дѣлѣжѣ доходовъ въ монастыряхъ хутухтинскихъ и хошунныхъ. — Управление монастыремъ. — Правила монастырской жизни въ Монголіи. — Лишеніе духовнаго званія и добровольное снятіе обѣтовъ. — Цанитъ и цанитскіе ламы. — Даянчи или созерцатели. — Посѣщеніе ламъ-даянчи. — Правила созерцаній, различныя формы самади и перечисленіе самади . . . . . 110—233

IV. Хубилганы.

Происхожденіе хубилгановъ и постоянное возрастаніе числа ихъ въ Монголіи. — Перечень монгольскихъ хубилгановъ. — Различіе хубилгановъ по титуламъ. — Замѣтки о рожденіи хубилгановъ. — Избраніе хубилгановъ. — Переѣздъ ихъ въ монастырь и обряды совершаемые при этомъ случаѣ. — Дѣтство и отрочество хубилгановъ. — Этикеты при свиданіи

ніяхъ съ хубилганами. — Поѣзды хубилгановъ въ Пе-
кинъ. — Жизнь хубилгановъ. — Ихъ болѣзнь, смерть и
погребеніе . . . . . 233—275

V. Богослуженія или хуралы.

Различіе хураловъ. — Годовое распредѣленіе великихъ хура-
ловъ и ихъ дѣйствительное отправленіе. — Участіе въ ху-
ралахъ простолюдиновъ. — Поклоненія монголовъ и обрядъ
«Сумэ эргиху». — Ламскія постановленія о служеніи хура-
ловъ. — Призваніе къ хуралу. — Богослужебный кругъ. —
Молитвенники буддистовъ и ихъ раздѣленіе. — Составъ
великихъ и малыхъ хураловъ. — Рансалы. — Служеніе
«довшитъ». — Введеніе этого служенія въ Халхѣ. — Вышнія
особенности довшитскаго хурала. — Одежды ламъ. — Жер-
твоприношенія или балины. — Довшитское служеніе въ
честь Чжамсарана. — Хураль «Туй ургуху». — Сочиненіе и
его служеніе. — Номту дэбэль. — Пратимоеша сутра у
монголовъ. — Цзуланъ хураль. — Хуралы Цаганъ сара:
Линка, Соръ. — Церемонія круговращенія Майдари. —
Цамъ. — Обо и его чествованія. — Ходъ съ Ганьчжуромъ. —
Богослуженія, совершаемыя по просьбѣ частныхъ лицъ. —
Обряды при рожденіи ребенка и постановленія о нихъ. —
Обряды «мэнгэйнь цзасаль» и «чжплинь оролгонъ». —
Свадебные обряды. — Обрядъ поста. — Абишки. — Сацули,
или освященіе стадъ. — Обрядъ «дзоликъ гаргаху». —
Обряды при смерти. — Посмертные обряды. — Погребеніе
монголовъ и относящіяся до сего постановленія. — Обряды
по совершеніи погребенія и поминки по покойникѣ. . . . . 275—474
Алфавитный указатель собственныхъ и географическихъ именъ 475—480
Алфавитный указатель предметныхъ именъ . . . . . 480—492

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга представляет собою почти дословную выписку изъ дневниковъ, которые велъ я во время своего путешествія по Монголіи въ 1876 — 1879 гг. Возвращаясь изъ этого путешествія, я думалъ было обработать и издать эти дневники непосредственно по прибытіи въ Петербургъ; но вотъ миновало уже болѣе семи лѣтъ, а между тѣмъ, если не считать изданныхъ мною «Образцовъ народной литературы монгольскихъ племенъ», то изъ всего записаннаго я успѣлъ составить лишь двѣ монографіи: «Ургинскіе хутухты» и «Города Сѣверной Монголіи»; отвлекаемый разнаго рода научными работами я лишенъ былъ возможности осуществить свое намѣреніе. Въ послѣднее время обстоятельства снова позволили мнѣ обратиться къ обработкѣ моихъ журналовъ и, конечно, недостатка въ выборѣ вопросовъ, подлежащихъ изслѣдованіямъ, не было. Какъ ни велики за послѣдніе годы результаты нашего изученія Монголіи, они все таки оставляютъ массу не рѣшеннаго и недоговореннаго даже въ томъ, что подвергалось тщательнымъ наблюденіямъ; а такіе, напр., вопросы, каковы юридическіе, еще и вовсе не обращали на себя вниманія нашихъ путешественниковъ. Я постараюсь, по возможности, скорѣе обнародовать собранныя мною свѣдѣнія и по этой части; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ представлялось и болѣе благовременнымъ, и болѣе важнымъ сгруппировать собранныя мною

свѣдѣнія о бытѣ буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи. Обстоятельства, опредѣлившія такой выборъ, были самыя различныя; ими же въ значительной степени обусловливалась и та форма, въ которой является настоящее изданіе.

Свое изданіе очерковъ быта буддійскихъ монастырей и буддійскаго духовенства въ Монголіи я считалъ благовременнымъ особенно потому, что настоящій 1887-й годъ почитается у монголовъ годомъ трехсотъ-лѣтняго юбилея возрожденія буддизма въ Халхѣ. Извѣстно, что первый буддійскій, собственно ламаистскій, монастырь, Эрдэни-цзү, былъ начатъ въ Халхѣ постройкою въ 1585 году; въ 1586 году онъ былъ оконченъ, а въ 1587-мъ изъ Тибета прибылъ въ этотъ монастырь лама Шиддиту-габжжү, который совершилъ великое освященіе (йэхэ рабнай) эрдэни цзү-скихъ храмовъ и учредилъ здѣсь правильное ламское общежитіе. «Съ этого времени», говорятъ халхаскія лѣтописи, «вѣра будды какъ солнце просіяла въ Халхѣ; животворные лучи ея согрѣли души халхасовъ и смирили ихъ жестокіе нравы: халхасы совершенно вступили на путь десяти бѣлыхъ добродѣтелей и стали весьма прилежны къ дѣяніямъ высокородныхъ - святыхъ»¹⁾).

Такіе отзывы монгольскихъ лѣтописцевъ о халхасахъ, не смотря на свою напыщенную и высокопарную форму, повидимому, исполнены олицетворенной правды. Въ самомъ дѣлѣ, едва успѣло миновать полстолѣтія со времени закладки Эрдэни-цзү-скаго монастыря, и мы видимъ, что халхасы не довольствуются уже проповѣдью и руководствомъ обыкновенныхъ ламъ,—имъ потребовался высшій, необычайный первосвященникъ: и вотъ въ Халхѣ является первый хубилганъ Чжэбцзүнъ - дамба - хутухты. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего халхасовъ имѣлъ возможность наблюдать іезуитскій миссіонеръ Жербильонъ и въ составленныхъ имъ запискахъ онъ характеризуетъ нравы халхасовъ слѣдующими словами: «Ils sont fort dévots dans leur fausse secte, et presque tous portent des chapelets au col, sur lesquels ils ré-

1) Эрдэни цзуйнъ тухэ, л. 17-й.

«citent leurs prieres. S'ils avoient embrassé la vraie religion, je crois qu'ils seroient de fervens chrétiens: quoique pourtant, à dire «vrai, ils sont tellement entêtez de leurs Lamas et de leurs erreurs, «qu'il y a peu d'apparence qu'on pût les convertir à la foi, à moins «que Dieu ne fit un de ces miracles de la grâce, par lesquels sa «main toute puissante sçait changer les pierres en enfans d'Abraham. Il n'y a guerres de prince Mongou qui n'ait quelque pagode «dans ses Etats, quoiqu'il n'y ait pas une seule maison»¹⁾. Въ миновшемъ столѣтїи, въ описанїяхъ Георга, Ланга и Палласа мы находимъ почти такїе же отзывы о монголахъ. Наконецъ съ началомъ нынѣшняго вѣка сношенїя европейцевъ съ Монголіей сдѣлались еще болѣе часты, но каждый изъ путешественниковъ, представляя намъ свои замѣтки о монголахъ, свидѣтельствовалъ передъ нами тоже самое распространенїе буддизма въ Монголіи. Читая подробнѣйшіе дневники путешествїй Тимковскаго и Іакинфа, можно по истинѣ удивляться тому обилїю ламъ, которое встрѣчали путники на проходимыхъ ими пространствахъ и той религіозной преданности, которую они изображаютъ въ монголахъ. Лазаристъ Гюкъ по этому поводу передаетъ свои наблюденїя надъ монголами еще болѣе ярко. «Монголы», говоритъ онъ, «очень набожны: будущая жизнь занимаетъ ихъ непрерывно и «земныя дѣла въ глазахъ ихъ ничтожны. Оттого живутъ они въ «этомъ мірѣ, какъ бы не принадлежа ему»²⁾. Наконецъ нашъ послѣдній путешественникъ, г. Пржевальскій, объѣхавшїй теперь почти уже всѣ страны, принявшїя ученїе Цзонхавы, прямо удостоверяетъ насъ, что «ламайское ученїе пустило въ Монголіи «такїе глубокїе корни, какъ, можетъ быть, ни въ одной другой «странѣ буддайскаго міра»³⁾.

Такїе успѣхи буддизма не могутъ показаться удивительны для людей, знакомыхъ съ основными догматами этой вѣры. Цзонхавъ, реформаторъ буддизма и основатель секты такъ назы-

1) Du Halde. Description géograph. histor. chronol. polit. et physique de l'Empire de la Chine T. IV, p. 46.

2) Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie par M. Нус. Т. I, p. 48.

3) Пржевальскій. — Монголія и страна Тангутовъ, — стр. 52.

буддизма въ дѣлѣ ознакомленія съ жизнью монголовъ вообще? Признаніе этой важности служило также причиною, побудившею меня приступить къ изданію моихъ замѣтокъ прежде всего о буддизмѣ въ Монголіи.

Съ другой стороны Россія въ настоящее время можетъ считать у себя уже миллионы поклонниковъ будды по сектѣ Цзонхавы, а между тѣмъ, что знаемъ мы о Цзонхавинскомъ вѣроученіи, объ его обрядахъ, объ его требованіяхъ, о духовной жизни его послѣдователей, о правилахъ и обязанностяхъ, начертанныхъ для представителей этого вѣроученія — ламай-скаго духовенства? Почти ровно ничего. Въ нашихъ коротенькихъ описаніяхъ отдѣльныхъ событій изъ быта ламаитовъ, равно какъ и въ замѣткахъ путешественниковъ мы постоянно встрѣчаемъ курьезныя описанія буддійскихъ капищъ, наполненныхъ идолами; но что это за идолы, каково ихъ значеніе, какъ учить о нихъ самъ буддизмъ и какъ слѣдовательно смотреть на нихъ сами буддисты? Намъ постоянно твердятъ о томъ, что духовенство у ламаитовъ отличается своею невѣжественностью и своимъ корыстолюбіемъ; что повсюду оно гнететъ народъ, не неся на себѣ ни какихъ общественныхъ обязанностей и живя исключительно на счетъ труда другихъ; что это чуть ли ни самый развратный и своевольный классъ народа. Но дѣйствительно ли это такъ? Ставлю этотъ вопросъ не для того, чтобы вселить подозрѣніе къ этимъ описаніямъ ламства, а единственно съ цѣлью охарактеризовать самыя описанія. Мы читаемъ и слышимъ въ нихъ только огульное порицаніе цѣлаго класса, но мало узнаемъ примѣровъ и еще менѣе приобретаемъ данныхъ для сужденія о дѣйствительномъ значеніи этихъ примѣровъ. Намъ говорятъ, что ламство невѣжественно; но чему же должно оно обучаться и что изучаетъ въ дѣйствительности? Намъ говорятъ, что ламство угнетаетъ народъ; но какъ же проявляется этотъ гнетъ и въ чемъ скрываются его причины? Намъ говорятъ о бездѣятельности ламства; но въ чемъ же должна состоять его дѣятельность и какія его обязанности? Намъ говорятъ, что ламство своевольно; но развѣ мыслимо существованіе цѣлыхъ общинъ, не

имѣющихъ ни правилъ, ни порядковъ, да при томъ еще религіозныхъ общинъ? Намъ говорятъ, что у буддистовъ народъ не участвуетъ въ богослуженіяхъ; но тогда что же это за религія, если она не ставитъ ни какихъ отношеній между божествомъ и человѣкомъ? Вопросы эти всегда вселяли во мнѣ охоту къ изслѣдованію ихъ и я не могу не сказать, что это изслѣдованіе представило мнѣ очень многое совершенно въ обратномъ видѣ. При ближайшемъ знакомствѣ съ буддизмомъ я нашелъ въ буддійскихъ монастыряхъ стройныя правила жизни ламъ и, по возможности, ознакомился со всѣми монастырскими поставленіями, видѣлъ отношеніе ламъ къ народу и религіозную жизнь самаго народа. Все это я передаю теперь въ печати, ибо мнѣ кажется несомнѣннымъ, что для правильнаго отношенія къ ламству и ламаитамъ, намъ необходимо знать ихъ собственныя правила и воззрѣнія; безъ этого мы никогда не достигнемъ своей пользы въ нашихъ отношеніяхъ къ исповѣдующимъ ламаизмъ и народцамъ Россіи.

Законы ламаитовъ повсюду одинаковы. Посѣтивъ въ періодъ своего путешествія степи Монголіи и Забайкальскаго края, я естественно говорю въ своей книгѣ только о видѣнномъ въ этихъ мѣстахъ; но я полагаю, что совершенно тоже можно находить и у ламаитовъ, обитающихъ при кульджинскихъ границахъ. Къ этому убѣжденію приводитъ меня еще больше то обстоятельство, что, посѣщая калмыцкія степи астраханской губерніи, я находилъ въ нихъ тоже самое, что видѣлъ и въ Монголіи. Въ нашей литературѣ о калмыкахъ не рѣдко приходится встрѣчать мнѣніе, что калмыки уже значительно забыли свою религію—буддизмъ, что она во многомъ отличается у нихъ не только отъ буддизма у монголовъ, но даже и у бурятъ. Мнѣніе это представляется однако въ высшей степени поверхностнымъ и далеко не оправдываемымъ на дѣлѣ, чтобы не сказать невѣрнымъ во все. Правда, калмыки не имѣютъ у себя хутухтъ, или живыхъ воплощеній бодисатвъ, но что же это значить? Культъ ихъ не теряетъ равно ничего отъ этого недостатка: если монголы и буряты возносятъ даньшикъ и маңдаль передъ живыми хутухтами, калмыки совершаютъ тотъ же самый хураль и тѣже самые об-

ряды передъ кумирами буддъ и бодисѣтвъ. Правда, у калмыковъ нѣтъ четырехсаженныхъ кумировъ Майдари, какіе находимъ мы въ халхаской Ургѣ, или въ бурятскомъ Гусино-озерскомъ дацанѣ; но у нихъ масса такихъ же кумировъ въ четыре вершка, а не все ли равно для существа религіи будетъ ли кумиръ измѣряться вершкомъ, или саженью? Говорятъ, что у калмыковъ и вообще нѣтъ многихъ бурхановъ; это опять таки не совсѣмъ справедливо и, мнѣ кажется, что люди, высказывающіе такое положеніе, разумѣютъ бурхановъ только литыхъ; но я хорошо знаю, что въ калмыцкихъ степяхъ если нѣтъ всѣхъ изображеній бурхановъ литыхъ, такъ есть рисованные, а развѣ это видоизмѣняетъ сущность дѣла? Что касается религіозныхъ обрядовъ, то въ этомъ отношеніи калмыки опять таки не разнятся ни отъ монголовъ, ни отъ бурятъ. Въ хурулахъ ихъ ведется рѣшительно тотъ же порядокъ службъ, читаются тѣ же нѣмы, исполняются тѣ же обряды. Недостаточность духовенства, правда, препятствуетъ имъ совершать нѣкоторыя богослуженія, какъ напр. чжудъ, цамъ и др.; но несомнѣнно также и то, что изъ числа калмыцкихъ ламъ очень многіе основательно изучаютъ тарнистическія системы и высшую догматику буддизма, слѣдовательно состояніе ихъ религіи и въ этомъ отношеніи не отличается отъ буддизма въ Монголіи и у бурятъ. Въ отношеніяхъ къ простолудинамъ духовенство калмыцкихъ степей совершаетъ тѣ же самые обряды, какіе мы видимъ и въ Монголіи. Наблюдающіе жизнь калмыковъ несомнѣнно найдутъ, что у нихъ, при рожденіи ребенка, также точно совершается обрядъ «хүхэтъ аршалаху», а за симъ, по мѣрѣ возраста человѣка, будугъ слѣдовать надъ нимъ тѣ же «мэнгэйнъ цэсэлъ», «чжилінъ оролгднъ», брачныя обряды; также призываются у калмыковъ духовныя лица къ больному, также направляютъ они и умершаго въ блаженное царство Сукавади.

Эта общность буддизма какъ въ Монголіи, такъ въ Забайкальи и наконецъ въ нашихъ калмыцкихъ степяхъ, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстна всѣмъ, поставленнымъ въ необходимость имѣть близкія отношенія къ буддистамъ и заинтересованнымъ

въ дѣлѣ изученія практическихъ сторонъ буддизма. Послѣднимъ обстоятельствомъ я именно и объясняю себѣ, почему собранные мною свѣдѣнія касательно быта монгольскихъ монастырей и монголо-буддійскаго духовенства въ свое время встрѣтили себѣ самое лестное вниманіе со стороны нашихъ администраторовъ Восточно-Сибирскаго края какъ духовнаго, такъ и гражданскаго вѣдомствъ. Эти лица не только выражали мнѣ свое желаніе, а даже указывали на необходимость изданія моихъ замѣтокъ по возможности скорѣе. Въ частныхъ бесѣдахъ они выяснили мнѣ и тѣ нужды, которымъ собственно долженъ бы былъ удовлетворять мой трудъ. Отъ него требовалось, чтобы онъ далъ свѣдѣнія о должной, обыденной обстановкѣ и жизни буддійскихъ монастырей и монаховъ, излагалъ бы именно тѣ правила, которыми руководствуется теперь буддійское духовенство, сообщалъ бы о каждомъ предметѣ именно то ученіе, тѣ понятія и вѣрованія, которыя распространены о немъ у современныхъ буддистовъ. Само собою разумѣется, что для практическихъ дѣятелей, — для людей, поставленныхъ въ ближайшее отношеніе къ буддистамъ, такого рода свѣдѣнія гораздо болѣе необходимы, чѣмъ даже научныя изысканія объ историческомъ ходѣ развитія буддійскихъ идей; лучшимъ же способомъ удовлетворенія этихъ нуждъ я почиталъ именно представленіе дословныхъ выписокъ изъ моего дневника, въ который заносилось мною все, что я видѣлъ, всѣ тѣ объясненія, которыя передавались мнѣ устно и наконецъ всѣ тѣ переводы буддійскихъ сочиненій, которыя давали мнѣ ламы въ дополненіе своихъ толкованій:

Издавая свой трудъ, я принялъ за правило сообщать названія предметовъ именно по способу монгольскаго ихъ произношенія. Такимъ образомъ я пишу: «Вачиръ-вâни», или «О чиръ-вâни», вм. «Вâчжра-пâни», Майдари вм. Майтрèа, Бирүзана вм. Вайрòчана, «чòй чжинъ» вм. «чòйчжонъ» или «чòйчжунъ» и др. Для многихъ такое правописаніе можетъ показаться неправильнымъ и не научнымъ, такъ какъ большинство этихъ именъ принадлежитъ языкамъ санскритскому и тибетскому, а у монголовъ, очевидно, является въ извращенной формѣ. Но говоря о буддизмѣ

у монголовъ, я всегда почитаю за болѣе вѣрное давать вещамъ и монгольскія названія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ мы знаемъ, что русское слово «ангелъ» есть не полное греческое «ἀγγελος», что слово «іерей» есть искаженіе греческаго «ιερεύς»; и однако, пиша о христіанствѣ въ Россіи, никто не станетъ, въ видахъ научности, называть эти предметы ихъ греческими именами, а употребитъ слова для обозначенія ихъ именно въ той формѣ, въ какой усвоены они русскими. Съ другой стороны, такое правописание имѣетъ за собою и то преимущество, что читающему книгу дается возможность всецѣло войти въ область именно монгольскаго буддизма, а за симъ провѣрять и дополнять мои свѣдѣнія личными изслѣдованіями. Между тѣмъ спросите у любого монгольскаго, бурятскаго, или калмыцкаго ламы, покажите вамъ хурульную принадлежность «вѣчжра» и онъ затруднится найти ее вамъ только потому, что привыкъ называть ее вачир'омъ, или очир'омъ.

Нѣкоторое различіе встрѣтятъ за симъ читатели и въ моемъ произношеніи словъ тибетскаго литературнаго текста; какъ, мною на равнѣ употребляется чтеніе слова «дуйцанъ» и «дуйчанъ» (= дуйчинъ) и др. Произошло это оттого, что сами монголы имѣютъ у себя двойное чтеніе тибетскихъ буквъ: букву, или слогъ $\equiv$ одни читаютъ *иза*, а другіе *ча*. Отдавать преимущество тому или другому чтенію мы не имѣемъ никакого основанія; оттого какъ въ своихъ дневникахъ, такъ и въ настоящей книгѣ я всецѣло удерживалъ транскрипцію того чтенія, какое я слышалъ въ каждомъ данномъ случаѣ выходившимъ изъ устъ монгола.

Другихъ, требующихъ объясненія особенностей подлежащаго изданія мнѣ не представляется въ настоящую пору и я приношу только извиненіе передъ читателями за встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности съ внѣшней стороны. Обращая вниманіе главнымъ образомъ на содержаніе книги, я знаю, что опустилъ многое со стороны формальной; но надѣюсь, что именно это внут-

ренное достоинство моей работы послужить искупленіемъ ея опущеній со стороны внѣшней.

Въ заключеніе считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность Проф. В. П. Васильеву, сообщившему мнѣ имѣвшійся у него списокъ монгольскихъ хубилгановъ и Высокопреосвященному Веніамину Иркутскому, который доставилъ мнѣ два фотографическихъ рисунка, приложенныхъ къ настоящей книгѣ.

А. Позднѣевъ.

I.

Общія замѣчанія о буддійскихъ монастыряхъ Монголіи.

Ламайскіе монастыри извѣстны въ Халхѣ обыкновенно подъ тремя различными наименованіями. Одни изъ нихъ называются «хурѣ» (ᠬᠤᠷᠢ), другіе носятъ прозваніе «сүмэ» (ᠰᠦᠮᠡ), третьи извѣстны подъ именемъ «хиг'овъ» (ᠬᠢᠭᠣᠪᠠ). Каждое изъ этихъ названій, имѣя за собой свое особенное значеніе, усвоется тому или другому монастырю сообразно съ тѣмъ, къ какому изъ этихъ названій подходитъ монастырь ближе по особенностямъ своей жизни и по складу своего быта. Собственно слово «хурѣ» обозначаетъ на монгольскомъ языкѣ понятіе о какомъ либо станѣ, жилья зданія котораго располагаются кругомъ. Такъ какъ, по обычаю буддизма, кельи ламъ, или буддійскихъ монаховъ, должны располагаться вокругъ зданія кумирни, то на этомъ основаніи монголы даютъ названіе «хурѣ» только тѣмъ изъ своихъ монастырей, при которыхъ постоянно живутъ ламы и которые по тому самому представляютъ собою не одни только зданія кумирень, но заключаютъ еще въ своихъ стѣнахъ и кельи монаховъ. Слово «сүмэ» по буквальному его значенію знаменуетъ собою кумирню, или молитвенный храмъ буддистовъ и потому именемъ «сүмэ» обозначаются у халхасовъ тѣ монастыри, братія которыхъ не живетъ при монастырскихъ кумирняхъ постоянно, а кочуетъ въ различныхъ частяхъ степей и собирается къ своему

монастырю только въ праздники и въ дни, назначенные для великихъ хураловъ (= богослуженій). Что касается третьяго прозванія «хитъ», то оно усвоится въ Халхѣ тѣмъ монастырямъ, которые служатъ мѣстопробываніемъ монаховъ—отшельниковъ; къ разряду ихъ халхасы относятъ ламъ — созерцателей, или — дайнчи (ᠳᠠᠶᠢᠨᠴᠢ), ламъ, исполняющихъ разнаго рода подвиги и проч.

Таково основное различіе буддійскихъ монастырей въ Халхѣ по ихъ названіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это различіе въ первое время существованія и развитія буддизма въ Халхѣ имѣло свое полное примѣненіе и на дѣлѣ; но теперь всѣ эти названія уже перемѣшались и утратили свое значеніе. Проѣзжая по степямъ Халхи, не трудно замѣтить, что названіе «хурѣ» за частую усвоено теперь за одинокими степными кумирнями, при которыхъ давно уже не живетъ ни одного монаха и на оборотъ есть такіе монастыри, которые, продолжая носить названіе «сүмэ», превратились въ настоящее время въ громадныя монастырскія обители; въ свою очередь и прозваніе хит'овъ не рѣдко можно встрѣчать за такими монастырями, которымъ гораздо болѣе приличествовало бы нынѣ наименованіе «хурѣ». Все это, конечно, обуславливается тѣмъ общечеловѣческимъ закономъ, по которому предметы, въ силу разнаго рода жизненныхъ и историческихъ условій подвержены различнымъ перемѣнамъ, но тѣмъ не менѣе неуклонно сохраняютъ за собою одно и то же, усвоенное имъ названіе. Такимъ образомъ самое общее прозваніе того или другаго монастыря всегда можетъ служить у монголовъ матеріаломъ для его исторіи, ибо оно всегда имѣетъ за собою историческую подкладку. Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря Эрдэни-цэу располагается значительная буддійская обитель, при которой живетъ теперь до 500 ламъ и которая извѣстна нынѣ подъ именемъ «Гэгэнэй бутэлійнъ сүмэ». Просматривая исторію Халхи, мы узнаемъ, что монастырь этотъ при своемъ построеніи во все не предназначался для постоянного жительства при немъ буддійскихъ монаховъ, а былъ сооруженъ въ видѣ отдѣльной кумирни для перваго халхаскаго хубилгана Чжэбцунъ-дамба хутухты

съ исключительною цѣлю совершенія богослуженій этимъ послѣднимъ, когда посѣщаль онъ своихъ родителей. Точно такимъ же образомъ на берегахъ озера Угэй-нѹра высится теперь общежительный буддѣйскій монастырь, извѣстный подъ именемъ «Оромбѵ-гэгэнэй хит'а»: монастырское преданіе разказываетъ однако, что монастырь этотъ по первоначалу служилъ именно мѣстомъ подвижничества тибетскаго Оромбѵ- (Ромба) хутухты и только впослѣдствіи ламы устроили здѣсь свое общежитіе.

Причины, вліявшія на подобныя видоизмѣненія въ бытѣ халхаскихъ монастырей, заключаются съ одной стороны въ той обстановкѣ, при которой извѣстный монастырь получалъ свое начало, а съ другой—въ тѣхъ матеріальныхъ средствахъ, которыми располагалъ онъ для своего дальнѣйшаго существованія. Просматривая лѣтописи халхасовъ и собирая устные преданія этого народа, можно не безъ основанія заключать, что всѣ халхаскіе монастыри въ отношеніи своего происхожденія могутъ быть раздѣлены на четыре категоріи. Одни изъ нихъ были воздвигаемы маньчжурскими императорами въ Китаѣ на счетъ китайскаго государственнаго казначейства,—это такъ называемые императорскіе монастыри и храмы; другіе устроились халхасами на пользу ихъ гэгэновъ, хутухтъ и хубилгановъ, какъ мѣста, въ которыхъ должны были проживать эти гэгэны и молиться за народное благо,—это такъ называемые монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе; третьи возникали на суммы, составлявшіяся изъ пожертвованій частныхъ лицъ, представлявшихъ собою какое-либо отдѣльное сообщество, — таковы всѣ монастыри, принадлежавшіе въ старину отдѣльнымъ родамъ (ᠬᠠᠯᠬᠤᠰᠤ) халхасовъ, а въ настоящее время, когда халхасы уже совершенно утратили свой родовой бытъ, принадлежащіе той или другой административной единицѣ, на которыя раздѣляются теперь халхасы,—это такъ называемые хошѹнные и сумѹнные монастыри; четвертые наконецъ сооружались на суммы отдѣльныхъ частныхъ личностей, каковы богатые монгольскіе князья, или знатные и извѣстные своимъ богатствомъ и добродѣтелями ламы.

Изъ числа четырехъ помянутыхъ видовъ халхаскихъ мона-

стырей самыми богатыми и обширными безспорно являются монастыри гэгэновскіе или хутухтинскіе. Построеніе ихъ, какъ я сказалъ уже выше, совершалось обыкновенно халхасами съ спеціальною цѣлью дать мѣстожителство и устроить милитвенный храмъ для какого нибудь прославившагося своими чудесами хубилгана. Устроивъ храмъ, халхаскіе князья дарили его обыкновенно хутухтѣ, при чемъ каждый князь отдѣлялъ еще изъ числа своихъ данниковъ нѣсколько семей и также передавалъ ихъ на вѣчное владѣніе хутухтѣ. Съ тѣхъ поръ эти семьи составляли уже собою отдѣльное вѣдомство и получали названіе шабинаровъ того хутухты, которому онѣ были подарены. Они освобождались навсегда отъ платы податей своимъ прежнимъ свѣтскимъ правителямъ и взамѣнъ сего обязаны были содержать своего хутухту, равно какъ и принадлежащій ему монастырь; въ кочевья имъ отводились обыкновенно земли вокругъ этого монастыря и въ административномъ отношеніи они зависѣли отъ монастырскаго начальства. Число шабинаровъ у различныхъ халхаскихъ хутухтъ, обусловливается главнымъ образомъ знатностью и значеніемъ въ народѣ самыхъ этихъ хутухтъ, а потому весьма различно: мы знаемъ напр., что количество шабинаровъ Чжэбцзунь-дамба хутухты превосходитъ 20,000 семей, между тѣмъ какъ у Оромбо-гэгэна едва насчитывается ихъ до 150. Само собою разумѣется, что отъ этого количества шабинаровъ не мало зависитъ и богатство каждаго монастыря, но за всѣмъ тѣмъ всякій хутухта всегда и совершенно вѣрно рассчитываетъ, что благосостояніе монастыря его вполне упрочено, коль скоро у него явилось 50 или 100 семей шабинаровъ. Источники доходовъ отъ шабинаровъ у монастыря и хутухтъ самые разнообразны, тѣмъ болѣе что въ вѣдѣніи монастырей и хутухтъ обыкновенно ни одинъ человѣкъ не остается безъ дѣла. Бобыли и бездомные одиночки по большей части живутъ при монастырскихъ табунахъ и стадахъ монастырскаго скота, а въ самыхъ монастыряхъ они исполняютъ обязанности работниковъ; семейные и зажиточные отъ этихъ работъ увольняются, но за то они несутъ на себѣ повинности, которыя, конечно, приносятъ хутухтамъ еще болѣе важ-

ные доходы. Первымъ видомъ доходовъ, доставляемыхъ этими послѣдними шабинарами, являются прямыя подати: каждый шабинаръ изъ имѣющихся у него двадцати овецъ обязанъ отдать ежегодно въ пользу монастыря одну; при этомъ пять коровъ, три лошади, или два верблюда приравняются къ двадцати овцамъ. Если шабинаръ имѣетъ менѣе двадцати овецъ, тогда онъ платитъ подать хлѣбомъ, чаемъ, или наконецъ деньгами. Съ десятка овецъ, или двухъ коровъ у различныхъ хутухтъ шабинары платятъ различно: отъ пяти до шести котловъ проса, отъ четырехъ до пяти кирпичей чаю, или же отъ двухъ до двухъ съ половиною ланъ серебра; съ пяти овецъ, или одной коровы почти у всѣхъ вносится три котла проса, два кирпича чаю, или же лана серебра деньгами. Но уходъ за скотомъ и вообще всякаго рода домоводство лежитъ у монголовъ, какъ извѣстно, на обязанности женщинъ; отсюда помянутая подать, собственно говоря, берется съ женскаго труда и достатка; что же касается мужчинъ, то они въ свою очередь не мало платятся достатками своего труда въ монастырь. Въ этомъ отношеніи для хутухтъ особенно выгоднымъ является извозничество шабинаровъ. Китайскіе купцы, постоянно перевозя свои товары изъ Китая въ Монголію и обратно изъ Монголіи за великую стѣну, обыкновенно пользуются для этого транспорта монгольскими вьючными животными. Но такъ какъ для нихъ всегда удобнѣе, выгоднѣе и безопаснѣе имѣть дѣло съ зажиточными возчиками, то они въ этихъ случаяхъ прежде всего заботятся о томъ, чтобы сдать весь транспортъ въ руки и на отвѣтственность одного лица. Въ Халхѣ въ настоящее время уже никто, кажется, такъ не богатъ скотомъ, какъ монастырскія обитатели и потому ежели какому либо китайцу потребуется караванъ въ 50, 60 верблюдовъ, то поставщикомъ такого каравана всегда является казначейство того или другаго монастыря, того или другаго хутухты. Отправляя животныхъ изъ своихъ стадъ, монастырское казначейство посылаетъ при этомъ погонщиками тѣхъ самыхъ бобылей изъ своихъ шабинаровъ, которые дома у него или ухаживаютъ за монастырскимъ скотомъ, или же состоятъ при монастырѣ въ качествѣ работни-

ковъ. Очень часто бываетъ при этомъ, что въ составѣ такихъ монастырскихъ каравановъ и не всѣ животныя принадлежатъ монастырю, но часть ихъ составляетъ собственность шабинаровъ, причисленныхъ къ вѣдомству хутухты. Въ этомъ случаѣ у халхасовъ идетъ, такъ сказать, круговая порука. Шабинаръ, имѣющій у себя три, пять, десять верблюдовъ, не могъ бы единолично получить для себя выгоднаго подряда, и вотъ онъ присоединяется съ своими верблюдами къ хутухтинскому каравану и везетъ транспортъ какъ бы везли его верблюды хутухтинскаго казначейства. Этотъ способъ особливо практикуется въ казначействахъ хутухты малозначительныхъ и небогатыхъ, которые безъ взаимной помощи своихъ шабинаровъ не могли бы, пожалуй, сами по себѣ и держать подрядовъ; но не менѣе часто можно видѣть тоже самое и въ караванахъ снаряжаемыхъ отъ богатыхъ монастырей, потому что такое присоединеніе шабинаровъ къ ихъ караванамъ является далеко не безвыгоднымъ для монастырскихъ казначействъ. Дѣло въ томъ, что каждый шабинаръ, пожелавшій присоединиться къ монастырскому каравану, обязанъ платить за это позволеніе присоединиться, или, другими словами, платить за то, что ему доставляется выгодная работа; за то, что по немъ поручаются; за то наконецъ, что ему будетъ легче и безопаснѣе идти въ большомъ караванѣ,—и плата за все это полагается довольно значительная. Какой либо нормы для опредѣленія ея мнѣ никогда не приходилось встрѣчать въ монгольскихъ монастыряхъ и, собственно говоря, этой нормы, по всей вѣроятности, не существуетъ вовсе; ибо я наблюдалъ, что при договорѣ съ своимъ шабинаромъ со стороны монастырскихъ ламъ всегда принимается въ расчетъ выгодность заключеннаго ими подряда, дальность и удобство пути, время совершенія путешествія, количество верблюдовъ шабинара и вообще всѣ, идущія къ дѣлу обстоятельства. Высшую плату, какъ мнѣ пришлось видѣть въ монастырѣ Угэй-нор'скомъ, составляло то, что при подрядѣ отъ Улясутая до Урги (при цѣнѣ 12 ланъ за каждыя вьючнаго верблюда) изъ числа трехъ верблюдовъ шабинара одинъ шелъ въ пользу монастырскаго казначейства; самая низшая плата была

наблюдаема мною въ монастырѣ Бару́нь-хурѣ, гдѣ, при перевозѣ товаровъ на пространствѣ отъ монастыря Эрдэни-цзу до Урги, въ пользу монастыря шелъ только восьмой верблюдъ шабинара. Но, какъ бы то ни было, извозничество шабинаровъ даетъ значительные доходы хутухтамъ и благодаря ему казначейства хутухтинскихъ монастырей безъ всякихъ затратъ обогащаются на счетъ своего крѣпостнаго люда.

Не менѣе важный доходъ представляетъ въ хутухтинскихъ монастыряхъ подрядъ на содержаніе почтовыхъ станцій. Извѣстно, что отбываніе натуральныхъ повинностей, въ какой бы мѣстности оно ни требовалось, возлагается въ Халхѣ на всѣ четыре аймака; но отсюда возникаетъ цѣлая масса неудобствъ и трудностей: живущимъ по р. Кэрулену сэцэнъ-хановцамъ приходится содержать станціи близъ Кобдо и на оборотъ кочующіе по Цзабхану цзасакту-хановцы обязаны отбывать почтовую повинность по дорогѣ отъ Долбнъ-нүра къ русскимъ карауламъ въ Восточной Сибири. Мало того, хошұны часто не находятъ въ своей средѣ людей, которые согласились бы отбывать натуральную повинность даже въ своихъ родныхъ кочевьяхъ. Чтобы избѣжать этихъ трудностей отбыванія подводной повинности особенно въ мѣстахъ удаленныхъ отъ родныхъ кочевьевъ, халхасы обыкновенно нанимаютъ за себя туземцевъ и вотъ въ этихъ то случаяхъ подрядчиками являются опять таки хутухтинскія и монастырскія казначейства, всегда богатые скотомъ и юртами. По прямой дорогѣ отъ Урги на Улясутай (такъ называемой «бага ѳртбнѳй цзамъ») почти весь трактъ снятъ съ подряда хутухтами, — такъ: отъ Урги до станціи Чинь-тологой почтосодержателями являются въ большинствѣ случаевъ шабинары Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; станціи Тахильту и Уланъ-шубу сняты казначействомъ Оромбо гэгэна; на станціяхъ Шубукту и Дзунъ-модо обязанности подводчиковъ исполняютъ шабинары Зая-пандиты; еще далѣе къ Улясутаю нѣсколько станцій содержится монастыремъ Илагуксанъ хутухты, — послѣдній при томъ снимаетъ подряды и на большомъ улясутайскомъ трактѣ на Саиръ-усу. Плата за содержаніе почтовыхъ станцій полагается самая раз-

личная, смотря по количеству разъѣздовъ и разстоянія одной станціи отъ другой; но обыкновенно она колеблется на суммѣ отъ 200 до 600 ланъ серебра, т. е. отъ 400 до 1200 р. серебромъ въ годъ съ каждой почтовой юрты.

Богатства хутухтинскихъ монастырей, значительное количество живущихъ въ нихъ ламъ и наконецъ почти постоянное стеченіе сюда поклонниковъ, почти всегда привлекаютъ въ эти обители торгующихъ китайцевъ; но за право торговли при монастырѣ хутухтинскія казначейства также точно назначаютъ взносъ съ китайцевъ. Такимъ образомъ въ монастырѣ Эрдэни-цзу'скомъ этотъ взносъ равняется 20-ти ланамъ серебра въ годъ съ каждой китайской лавки, у Зая-пандиты 25-ти, а въ Бару́нь-хурѣ 12-ти ланамъ. Въ Южной Монголіи мнѣ пришлось встрѣтить, что въ монастырѣ Хара-хадайнъ-сүмэ такіе китайскіе торговцы построили для себя даже байшинъ на монастырской землѣ; взносъ ихъ какъ поземельный, такъ и за право торговли=50-ти ланамъ.

Такъ собирая отовсюду, хутухтинскіе монастыри богатѣютъ съ каждымъ годомъ и это обстоятельство даетъ имъ возможность наживаться еще отдавая свои деньги подъ проценты: казначейство Чжэбцунъ-дамба-хутухты постоянно ссужаетъ хошүны суммами въ 3, 5, 8 тысячъ ланъ серебра, получая за нихъ отъ 10 до 30 годовыхъ процентовъ; тѣже самыя операціи производятъ и казначейства другихъ хутухтинскихъ монастырей. Отсюда то всегда происходило и происходитъ то, что незначительные гэгэновскіе сүмэ и хиты, вслѣдъ за поднесеніемъ хутухтѣ шабнаровъ, постоянно преобразовываются въ болѣе или менѣе значительные монастыри Халхи. Въ настоящее время можно постановить уже общимъ правиломъ, что каждый хутухтинскій монастырь, будетъ ли онъ называться хурѣ, сүмэ, или хит'омъ, непременно представляетъ собою общину буддійскихъ ламъ, постоянно живущихъ при своемъ монастырѣ и совершающихъ въ немъ свои хуралы (богослуженія). Мало того, болѣе состоятельные изъ халхаскихъ хутухтъ содержатъ общежительные монастыри не только при своей резиденціи, но устраиваютъ ихъ еще и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ извѣстный

хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты имѣеть въ своемъ вѣдѣнїи и содержитъ на свои средства слѣдующіе монастыри:

1) *Урзу* — монастырь, который за свою обширность получилъ у насъ уже названіе города и въ которомъ находится, какъ извѣстно резиденція Чжэбцзунъ-дамба-хутухты.

2) *Барунъ-хуръ*, — монастырь, находящійся въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ монастыря Эрдэни-цзу.

3) *Ребунъ-гэжи линъ*¹⁾, построенный на южномъ скатѣ Гэнтэйскихъ горъ въ верховьяхъ р. Кэрулэна.

4) *Эруанчинъ-ган-данъ-шат-дуб-линъ*, — монастырь, посвященный богинѣ Дара-эхэ и стоящій въ мѣстности Цэцэрлигійнъ-эрдэни-тологой.

5) *Шат-дуб-чойн-коръ-линъ*, — монастырь, извѣстный у монголовъ подъ именемъ Цзунъ-хуръ.

6) *Гэгэнэй бютэлынъ сүмэ*, — монастырь, находящійся верстахъ въ 4-хъ отъ Эрдэни-цзу.

9) *Даянційнъ-хитъ*, — монастырь ламъ созерцателей, построенный въ мѣстности Уланъ бахча, отстоящей въ 6 верстахъ къ сѣверу отъ Урги.

Всѣ эти монастыри построены на средства самаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, или, по крайней мѣрѣ, при непосредственномъ участіи его своими средствами въ ихъ постройкѣ. Содержаніе свое помянутыя обители получаютъ, конечно, прежде всего отъ своихъ доходовъ, т. е. текущихъ приношеній поклонниковъ; но за симъ, если бы приношенія эти оказались недостаточными для покрытія всѣхъ монастырскихъ издержекъ, въ такомъ случаѣ онѣ пользуются поддержкою, выдаваемою изъ общаго сана (каз-

---

¹⁾ Собственныя имена монастырей въ настоящемъ случаѣ, равно какъ и всѣ остальные тибетскія слова, я транскрибирую здѣсь согласно общему произношенію этихъ словъ у монголовъ. Очень можетъ быть, что нѣкоторыми это будетъ признано не правильнымъ, или по крайней мѣрѣ не научнымъ; но съ своей стороны мы затрудняемся даже и сказать, какъ должно транскрибировать тибетскія слова, въ виду разности ихъ чтенія и обилія нѣмыхъ буквъ. Имя настоящаго монастыря по тибетскимъ буквамъ должно быть прочитано «Риво-ргъясъ-г.Линъ».

нохранилища) Чжэбцзунь-дамба-хутухты, наконецъ избытокъ доходовъ одного монастыря часто служитъ поддержкою для другаго. Эта круговая порука является одною изъ основныхъ причинъ, по которымъ халхаскіе монастыри, принадлежащіе тому или другому хутухтѣ, не только никогда не падаютъ въ своемъ значеніи, но напротивъ годъ отъ года все болѣе и болѣе расширяются въ своихъ размѣрахъ. Халхасы, строители монастырскихъ обителей, давно уже сознали важность для монастыря быть причисленнымъ къ вѣдомству какого либо хутухты и оттого, построивъ монастырь, не рѣдко прямо подносили его въ даръ хутухтамъ. Такимъ образомъ помимо помянутыхъ семи монастырей, въ вѣдѣніи Чжэбцзунь-дамба-хутухты, находится еще 8-я обитель, извѣстная подъ именемъ *«Донъ-коръ-маньчжушри-йнъ сѹмэ»*. Монастырь этотъ располагается верстахъ въ 40 отъ Урги, на южной сторонѣ Ханъ-улы. Основаніе его было положено въ 1733 году ламою Донъ-коръ-маньчжушри, который на мѣстѣ настоящаго монастыря построилъ только одинъ громаднѣйшій храмъ тибетской архитектуры и поднесъ его Чжэбцзунь-дамба-хутухтѣ. Чжэбцзунь-дамба въ тоже время отдѣлилъ изъ Урги нѣсколько ламъ и отправилъ ихъ для постоянного жительства и совершенія хураловъ въ Донъ-коръ-маньчжушри-йнъ сѹмэ. Съ тѣхъ поръ монастырь этотъ не переставалъ увеличиваться и въ настоящее время ламы, живущіе при немъ, раздѣляются уже на 6 аймаковъ, общее же число ихъ доходитъ до 1000 человекъ. Подобнымъ же образомъ въ вѣдѣніи Чжэбцзунь-дамба-хутухты находится 9-й монастырь *«Амуръ баясхуланту»*, расположенный на р. Ибэнъ и 10-й *«Шачжини бадарагулхчи сѹмэ»*, извѣстный у Монголовъ болѣе подъ именемъ «Дамба дорчжи» и находящійся верстахъ въ 5-ти къ сѣверу отъ Урги на берегу р. Сельбы. Оба эти монастыря были построены на счетъ китайскаго императора какъ мѣсто для погребенія хубилгановъ ургинскихъ хутухтъ, но за симъ Чжэбцзунь-дамба-хутухты также завели при этихъ храмахъ постоянныя буддѣйскія обители.

Императорскіе монастыри въ Халхѣ въ настоящее время являются уже значительно бѣднѣе хутухтинскихъ, хотя при

своёмъ сооруженіи они получали обыкновенно нѣкоторое обезпеченіе отъ богдохана. Просматривая лѣтописи монголовъ, мы видимъ, что богдоханы, сооружая храмы въ Халхѣ, въ тоже время постоянно заботились и о томъ, чтобы при храмахъ этихъ жило постоянно извѣстное количество духовенства, равно какъ и о томъ, чтобы духовенство это было обезпечено въ своёмъ существованіи. Первымъ способомъ къ этому обезпеченію было прямое назначеніе жалованья духовенству; но такъ какъ способъ этотъ былъ весьма обременителенъ для государственнаго казначейства, то онъ практиковался очень рѣдко и обыкновенно не на долго. Вотъ почему императорскіе монастыри Халхи прежде всего превращались изъ общежительныхъ обителей въ одинокіе и пустынные храмы какъ скоро для ламъ переставали высылать жалованье изъ Пекина, они, не находя достаточныхъ средствъ къ своему существованію, невольно должны были оставлять монастырь и поселяться въ степяхъ у своихъ родственниковъ и однохошѹнцевъ; монастырь съ этого времени естественно становился пустыннымъ храмомъ и ламы являлись къ нему только въ дни великихъ хураловъ. Другой способъ, которымъ обезпечивали маньчжурскіе императоры содержаніе духовенства и совершеніе богослуженій при построенныхъ ими кумирняхъ заключался въ томъ, что, построивъ кумирню, императоры дѣлали воззваніе къ монгольскимъ князьямъ и предлагали имъ откомандировать къ новоустроенной обители по одному ламѣ отъ каждаго хошѹна, при чемъ каждый хошѹнъ обязывался и обезпечивать содержаніе командированнаго имъ ламы. Способъ этотъ особливо практиковался во времена императоровъ Канси и Юнь-чжэн'а, а равно и въ первые годы правленія Цянь-лун'а, но въ послѣдствіи, когда халхасы годъ отъ года становились бѣднѣе въ своихъ средствахъ, они постоянно прекращали командировки ламъ въ императорскія кумирни, такъ что въ настоящее время собственно въ Халхѣ не содержится, кажется, ни одного монастыря на подобныхъ началахъ. Единственный примѣръ подобнаго ламскаго общежитія мнѣ удалось повстрѣчать въ 1878 году при долбнѣ-нѹр'ской императорской кумирнѣ, извѣстной подъ именемъ «Шара-сѹмэ». По

воззванію императора Канси, сдѣланному при построеніи этого монастыря, здѣсь должны были жить ламы отъ всѣхъ хошѹновъ какъ сѣверной такъ и южной Монголіи; но въ періодъ моего пребыванія въ Шара-сѹмэ здѣсь недоставало представителей отъ очень многихъ хошѹновъ. Что касается четырехъ халхаскихъ аймаковъ, то они также точно прежде содержали въ Шара-сѹмэ своихъ ламъ; но отчасти обѣднѣніе Халхи, отчасти дальность разстоянія халхаскихъ кочевьевъ отъ Долѹнъ-нѹра привели къ тому, что въ мое время при помянутой императорской кумирнѣ жило только нѣсколько ламъ отъ хошѹновъ сэцэнъ-хѣновскаго аймака, удѣлѣло еще два лама изъ аймака Тушѣтѹ-хѣна; изъ сайнъ-нояновскихъ же послѣдній лама умеръ года за два до моего приѣзда и съ тѣхъ поръ его мѣсто оставалось вакантнымъ, потому что ни одинъ изъ хошѹновъ сайнъ-нояновскаго саймака не могъ послать своего ламы. Разспрашивая о средствахъ существованія у этихъ ламъ, я узналъ, что всѣ они получаютъ отъ своихъ хошѹновъ нѣкоторое количество денегъ въ видѣ жалованья; но такъ какъ суммы этого жалованья ассигнуются хошѹнными властями совершенно произвольно, то у различныхъ ламъ жалованье естественно разнствуетъ по своей величинѣ и количество его обусловливается, главнымъ образомъ, богатствомъ того хошѹна, къ которому принадлежит лама. Высшій окладъ, какъ мнѣ пришлось узнать изъ монастырскихъ бумагъ, назначался въ свое время халхаскими хошѹнами сайнъ-нояновскаго аймака, — онъ равнялся 62-мъ ланамъ серебра въ годъ (т. е. 124 серебряныхъ рубля); другіе халхаскіе хошѹны давали по 60 и 56 ланъ серебра, а нѣкоторые хошѹны южной Монголіи ассигновывали только по 50,000 чохъ, что составляетъ въ Долѹнъ-нѹрѣ отъ 34-хъ до 38-ми ланъ серебра, въ годъ. Кромѣ жалованья каждый хошѹнъ, содержащій своего ламу въ Шара-сѹмэ, обязанъ былъ построить для него особый байшинъ (домъ, или келью) за отдѣльной оградой. Такимъ образомъ всѣ монастырскія зданія при этой императорской кумирнѣ представляютъ собою собственность различныхъ хошѹновъ. По положенію хошѹны обязаны были исправлять байшины черезъ каждые десять лѣтъ, но это правило выполнялось

далеко не точно, а потому мнѣ пришлось видѣть десятка три байшиновъ въ совершенно разрушенномъ состояніи, ламы же, хозяева ихъ, или проживали въ чужихъ байщинахъ, или ставили себѣ войлочные юрты за чужими оградами. Всѣ байшины были построены здѣсь изъ сырцеваго кирпича и имѣли одну форму продолговатыхъ, одноэтажныхъ зданій. Каждый байшинъ раздѣлялся на три комнаты, вытянутыхъ въ рядъ и имѣвшихъ отдѣльные входы; внутренность ихъ была совершенно въ китайскомъ вкусѣ. Въ Халхѣ построеніе такихъ байшиновъ при императорскихъ кумирняхъ никогда не вмѣнялось въ обязанность правителямъ, и отъ того ламы, высылаемые изъ различныхъ хошуновъ къ императорскимъ кумирнямъ Халхи, проживали здѣсь обыкновенно въ своихъ кочевыхъ юртахъ. Вотъ почему въ настоящее время, когда командировки ламъ изъ халхаскихъ хошуновъ прекратились, императорскія кумирни являются въ Халхѣ дѣйствительно одинокими зданіями степи, и ничто даже не въ состояніи напомнить намъ о томъ, что когда то существовали при нихъ цѣлыя обители буддійскихъ монаховъ. Единственное исключеніе изъ сказаннаго правила мнѣ пришлось видѣть въ городѣ Кобдо, гдѣ при императорской кумирнѣ, известной подъ именемъ «Түгэмэль амурчжигүлукчи сүмэ», еще и донинѣ видны остатки отъ байшиновъ, — жилыхъ помѣщеній когда то проживавшихъ здѣсь ламъ; но эти зданія были построены не халхасами, а на счетъ того же императорскаго казначейства, которое соорудило и самый храмъ. По своей внѣшней формѣ эти байшины ни чѣмъ не отличаются отъ видѣнныхъ мною въ долѣн-нүрскомъ Шара-сүмэ, только построены они были въ свое время, очевидно, гораздо прочнѣе и изящнѣе долѣн-нүрскихъ, что естественно обуславливалось различіемъ средствъ строителей. Просматривая исторію этого храма «Түгэмэль амурчжигүлукчи» и собирая различныя преданія о его существованіи, я между прочимъ натолкнулся и на третій способъ, которымъ маньчжурскіе императоры обеспечивали содержаніе ламайскаго духовенства при своихъ храмахъ. Способъ этотъ состоялъ въ томъ, что вслѣдъ за построеніемъ храма, по высочайшему повелѣнію богдохана, со всей Халхи было

собрано громадное количество скота, который въ теченіе трехъ лѣтъ долженъ былъ оставаться при монастырѣ и пастись на близъ лежащихъ къ нему пастбищахъ. По истеченіи трехъ лѣтъ монастырь долженъ былъ снова возвратить собранный скотъ его владѣльцамъ, но приплодъ, получившійся въ теченіе помянутыхъ трехъ лѣтъ, остался въ монастырскую пользу. Такимъ образомъ черезъ какіе нибудь три года императорскій монастырь имѣлъ уже свои значительныя имуществва, которыми вполне обезпечивалось общежитіе состоявшихъ при немъ ламъ. На дѣлѣ однако это средство оказалось весьма не прочно. Едва миновало какихъ нибудь двадцать, двадцать пять лѣтъ, какъ большая часть скота, составлявшаго монастырское имущество, погибла отъ падежей, зимнихъ холодовъ и шургановъ; ламы опять были лишены средствъ къ своему существованію и должны были разойтись по степямъ. Такимъ то образомъ императорскіе монастыри въ Халхѣ, не смотря на то, что каждый изъ нихъ всегда являлся при своемъ сооруженіи до нѣкоторой степени обезпеченнымъ въ своемъ существованіи, постоянно падали въ своемъ благосостояніи и въ настоящее время только тѣ изъ нихъ и представляютъ еще собою монастырскія обители, которые были поручены императоромъ вѣденію того или другаго хутухты; всѣ же прочіе представляются одинокими, степными кумирнями, къ которымъ только по нѣскольку разъ въ годъ собираются для богослуженій ламы изъ ближайшихъ къ кумирнѣ мѣстностей.

Хошунные монастыри въ Халхѣ, число которыхъ, согласно количеству халхаскихъ хошунновъ, восходитъ до 86, всѣ до одного представляютъ собою буддійскія обители, постоянно вмѣщающія въ себѣ болѣе или менѣе значительное число ламъ. Сооруженія и поправки этихъ монастырей всегда производились и до нынѣ производятся въ Халхѣ главнымъ образомъ на средства того хошүна, которому принадлежитъ монастырь. При каждой постройкѣ въ монастырѣ новаго храма, или при необходимости какой либо поправки въ немъ, со всего хошүна дѣлается единовременный сборъ въ пользу монастыря и этими суммами покрываются издержки по тому или другому предпріятію. Определен-

ныхъ субсидій за сямъ эти монастыри никогда и ни откуда не получаютъ, а содержатся почти исключительно на доходы, собираемые ими при общественныхъ и частныхъ богослуженіяхъ. Чтобы по возможности увеличить эти доходы, хошўнныя монастыри всегда располагаются не подалеку отъ ставки хошўннаго князя, или же вблизи хошўнныхъ ямуней (присутственныхъ мѣстъ), такъ какъ мѣста эти, служа административнымъ центромъ въ хошўнѣ, естественно привлекаютъ къ себѣ большое число обитателей, которые вмѣстѣ съ сямъ являются и постоянными поклонниками и милостынедателями (ᠬᠤᠰᠣᠩᠭᠤ ᠨᠠᠮᠤᠨᠠᠳᠤ) въ монастырѣ. Что касается ламъ, составляющихъ братство въ хошўнныхъ хўрѣн'яхъ, то они по своему происхожденію всегда и исключительно принадлежатъ тому хошўну, въ вѣдомствѣ котораго состоитъ и хўрѣнь. Въ большинствѣ случаевъ эти ламы имѣютъ всегда собственную юрту и собственный скотъ, т. е. представляются на столько зажиточными, что свободно могутъ проживать на собственные средства, гдѣ бы только они не пожелали; но за всѣмъ тѣмъ, разъ рѣшившись жить въ монастырѣ, они всегда поселяются въ монастырѣ именно хошўнномъ и поступаютъ такъ, безъ сомнѣнія, потому что жизнь въ этихъ монастыряхъ является и разнообразнѣе и богаче.

Въ совершенную противоположность хошўннымъ хўрѣ, *сумунныя* монастыри халхасовъ являются почти всегда одинокими степными храмами, при которыхъ много много если кочуетъ три, или четыре монгольскихъ юрты. Являясь плодомъ беззавѣтной преданности и ревности халхасовъ къ религіи будды, эти храмы возникаютъ обыкновенно въ години общаго довольства. Минетъ три, четыре плодородныхъ года, 150 или 200 семей халхасовъ, составляющихъ собою отдѣльную административную единицу, извѣстную на монгольскомъ языкѣ подъ именемъ «сумун'а», нѣсколько побогатѣютъ, — и вотъ, на первомъ же своемъ сеймовомъ собраніи старшины ихъ начинаютъ толковать о постройкѣ монастыря въ своей маленькой общинѣ. Вскорѣ собирается сумма въ 5,6 тысячъ рублей; при недостаточности средствъ посылаются сборщики добротныхъ подаваній (ᠪᠣᠶᠢᠨᠠᠳᠤ) по близъ

лежащимъ хошӯнамъ, проходить еще годъ и зданіе монастыря готово. Само собою разумѣется, что все здѣсь ограничивается только постройкою небольшой деревянной кумирни, да нѣсколькихъ, состоящихъ при ней служебныхъ зданій. Обезпеченія для своего существованія эти храмы не имѣютъ ни какого. На первое время, какъ къ новинкѣ, къ монастырю собираются сумунные ламы; нѣкоторое время живутъ при немъ и совершаютъ здѣсь свои хуралы (молебствія); но за сямъ снова расходятся по своимъ кочевьямъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи собираться къ этой кумирнѣ только въ дни великихъ хураловъ. Иначе впрочемъ оно и не мыслимо; ибо какое-же обезпеченіе и какіе доходы могутъ доставить монастырю 150 семей его прихожанъ, или, какъ говорятъ монголы, милостынедателей? Въ халхаскихъ монастыряхъ живутъ по большей части такіе ламы, которые могутъ содержаться на свой счетъ; но таковыя, какъ я уже сказалъ, уходятъ обыкновенно въ монастыри хошӯнные или въ гэгэновскіе, такъ какъ положеніе въ этихъ послѣднихъ все таки обезпеченнѣе, доходы встрѣчаются чаще и богаче, да и самая жизнь въ этихъ монастыряхъ веселѣе и обильнѣе событіями.

Еще пустыннѣе и безлюднѣе кажутся теперь монастыри, построенные какими либо частными благотворителями. Встарину, когда монголы были богаче, ихъ ревность въ дѣлѣ устройства храмовъ могла проявляться въ гораздо большихъ размѣрахъ. Проновѣди и увѣщанія ламъ, по которымъ признается безразличнымъ, сдѣлаетъ ли доброе дѣло человекъ самъ лично, или же исполнитъ его чрезъ другихъ, всегда находили для себя полнѣйшій отголосокъ въ душѣ халхасовъ; отсюда чрезмѣрное число построенныхъ кумирень, масса воздвигнутыхъ бурхановъ, громадныя бібліотеки рукописныхъ номовъ (священныхъ книгъ буддизма), находящіяся въ монастыряхъ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ мнѣ приходилось напр. встрѣчать цѣлыя сотни экземпляровъ одного и того-же сочиненія. Можно было бы спросить, для чего потребовалась такая масса? Оказывается однако, что нужды тутъ ни какой не было. Все дѣло въ томъ, что въ концѣ этой книги, за переписку ея переписчику обѣщается возрожденіе въ

и чествуетъ преимущественно предъ другими докшитами. Историческіе памятники Монголіи, правда, свидѣтельствуютъ намъ, что въ первые времена развитія здѣсь буддизма, монголы оставляли свои монастыри безъ избранія генія хранителя иногда на довольно долгое время (такимъ образомъ въ Эрдэни-цзу Гѣнбо-гуру былъ избранъ только черезъ 70 лѣтъ, послѣ основанія монастыря); но въ настоящее время чествованіе генія хранителя начинается обыкновенно со времени освященія храма, а избраніе спеціальнаго генія хранителя совершается даже до времени основанія и закладки монастыря. Такими покровителями избраны въ Ургѣ—Чжамсаранъ, въ Эрдэни-цзу—Гѣнбо-гуру, въ Барунъ-хурѣ — Чжикчжигъ, въ Гусино-озерскомъ дацанѣ нашихъ Бурятъ—Хлама, въ Цугальскомъ и Эгэтуевскомъ—Чдйчжиль, въ Анинскомъ—Чжамсаранъ и проч. Въ честь избраннаго монастыремъ генія хранителя у монголовъ принято въ обычай сооружать также отдѣльный храмъ; вотъ почему въ каждомъ монгольскомъ монастырѣ почти обязательнымъ является уже не одинъ, а непременно два храма, т. е. помимо «гѣль сѣмэ», въ нихъ еще бываетъ «докшидѣйнъ сѣмэ». Въ большихъ монастырскихъ обителяхъ принадлежащее къ нимъ духовенство, у монголовъ принято въ обычай, для удобства управленія, раздѣлять на аймаки, или отдѣльныя части; при этомъ каждый изъ такихъ аймаковъ непременно имѣетъ свой «гѣль сѣмэ», въ которомъ и отправляетъ ежедневныя службы. Для соборныхъ служеній ламъ всѣхъ аймаковъ въ такихъ монастыряхъ устраивается еще особый храмъ, который носитъ названіе «цокчйнъ», т. е. соборнаго храма. Само собою разумѣется, что въ этихъ большихъ монастыряхъ по преимуществу сосредоточивается изученіе буддизма, высшія школы котораго извѣстны подъ именемъ «цанит'а». Ламы, изучающіе это высшее богословіе, совершаютъ свои богослуженія и производятъ религіозныя диспуты въ особо для того назначенныхъ храмахъ, получающихъ названіе «цанидѣйнъ сѣмэ». Окончившіе курсъ цанит'а получаютъ у монголовъ право совершать тарнистическія багослуженія, для которыхъ также устраиваются особые храмы—«Чжудѣйнъ сѣмэ». Ламы, избирающіе специаль-

монастыря и его обитателей отъ міра и всего мірскаго (ᠮᠠᠨᠤᠰᠢᠷᠠ ᠶ᠋ᠢ ᠨᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ) ¹⁾.

Что касается до устройства самыхъ храмовъ, то, несмотря на ихъ различіе по специальности ихъ назначенія, они устраиваются всегда по однимъ и тѣмъ же правиламъ буддійской каноники, а потому естественно не могутъ и не должны отличаться одинъ отъ другаго ни по обрядамъ своего построения, ни по своимъ главнѣйшимъ составнымъ частямъ. За все время трехлѣтняго пребыванія моего въ Монголіи мнѣ ни разу не пришлось видѣть буддійскихъ обрядовъ, совершаемыхъ при основаніи и закладкѣ монастыря или храма. Единственный случай для сего представлялся мнѣ въ 1879-мъ году близъ Улясутая въ монастырѣ Ханбо ламы, или Ханбо гэгэна ²⁾, гдѣ устраивали въ ту пору

---

1) Этотъ законъ уже нѣсколько разъ давалъ поводъ ургинскимъ ламамъ переносить свой монастырь съ мѣста на мѣсто. Содержа въ своихъ стѣнахъ тысячъ до 20 жителей, Урга, или точнѣе сказать, ургинскій монастырь, естественно привлекаетъ къ себѣ массу китайцевъ — купцовъ, которые, для удобства сбыта товаровъ, всегда стараются лѣпиться поближе къ самому монастырю. Въ 1836-мъ году, ургинскіе ламы, безуспѣшно ведшіе судебное дѣло въ Пекинѣ объ удаленіи китайскихъ торговцевъ отъ монастыря, должны были уочевать съ р. Сельбы на р. Толу и такимъ образомъ освободились отъ осаждавшихъ ихъ китайскихъ лавокъ. Во время моего пребыванія въ Ургѣ, монастырь снова былъ уже обстроены зданіями купеческихъ домовъ: русскія и китайскія лавки располагались не далѣе 50 саженъ отъ монастырской ограды. Въ 1880 г. Чжэбцунъ - дамба хутухта опять началъ хлопотать въ Пекинѣ объ удаленіи торговцевъ и въ 1882-мъ году представилъ докладъ къ императору о томъ, что Урга будетъ перенесена въ Эрдэницзу, если торговцы не будутъ удалены отъ стѣнъ ея. Послѣ сего лавки китайскихъ купцовъ были отсюда удалены, но русскія постройки остались на старыхъ мѣстахъ, благодаря толковому веденію этого дѣла и д. консула В. М. Успенскимъ.

2) Ханбо гэгэнъ, или Ханбо лама явился въ Монголію изъ Тибета въ началѣ настоящаго столѣтія и въ 1879 году имѣлъ уже два перерожденія въ Монголіи. Изъ Тибета онъ пришелъ самъ, безъ всякаго приглашенія и подъ видомъ простаго ламы. Сначала онъ поселился въ небольшой юртѣ, гдѣ былъ у него и сумэ, потомъ построилъ монастырь на берегу рѣки Тэкши-буянту (рѣка эта составляетъ правый притокъ Идэра, течетъ въ Сайнъ нояновскомъ аймакѣ и составляетъ собою границу для кочевьевъ халхасовъ средняго лѣваго знамени и крайняго знамени праваго крыла; или какъ говорятъ въ просторѣчьи, границу между хошунами Далай вана и Джа-батуръ-цзасака); здѣсь онъ и скончался, сдѣлавшись извѣстнымъ подъ именемъ благочестиваго тойна. Впослѣдствіи начали искать его перерожденія и оба послѣдующіе хубилганы

новую кумирню; но, по несчастію, я опоздалъ на самую церемо-
нію закладки и пріѣхалъ уже спустя двѣ недѣли послѣ того, какъ
были покончены всѣ обряды. Новизна событія позволяла однако
ламамъ разказывать обо всемъ болѣе подробно и изъ этихъ
разказовъ я узналъ, что обряды, предшествовавшіе постройкѣ
храма, начались по крайней мѣрѣ за годъ до его закладки. Пер-
вымъ изъ нихъ было то, что главнѣйшія лица монастыря Ханбо-
гэгэна отравили отъ себя посольство въ Ургу, къ тамошнимъ
астрологамъ, или цзурхайчіямъ, съ цѣлью просить ихъ опредѣлить
мѣсто для постройки храма. Посольство явилось въ Ургу, под-
несло мандалъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ и обратилось съ своей
просьбой къ его цзурхайчіямъ; но дѣло не окончилось еще такъ
скоро. Потому ли что ургинскіе цзурхайчи не знали кочевьевъ,
въ которыхъ проживалъ Ханбò-гэгэнь, или потому что они
предвидѣли получить при этомъ обстоятельстве малую толику,
но они отказались исполнить просьбу посольства въ Ургѣ, а
порѣшили, что имъ необходимо ѣхать въ самыя кочевья
Ханбò-гэгэна, отстоящія приблизительно верстъ на 550 отъ
Урги. Прибывъ на мѣсто, они въ теченіе цѣлаго мѣсяца
служили молебствія, совершая свои гаданія на различныхъ мѣ-
стахъ и только по истеченіи этого времени могли указать точ-
ное мѣсто для постройки храма. Ламы, разказывавшіе мнѣ объ
этомъ обстоятельстве, были совершенно убѣждены, что оно было
дѣломъ великой важности и что исполненіе его было необы-
чайно трудно, потому что при этомъ должны быть приведены въ

его являлись въ кошунѣ Далай вана, хотя монастырь Ханбо-ламы принадле-
жить собственно кочевьямъ Джа-цзасака. 12-го февраля 1879 г. я, проѣзжая
изъ Урги въ Улясутай, видѣлъ этотъ монастырь Ханбо гэгэна на берегу Тэкши
гола, но уже оставленнымъ и пустыннымъ. Въ стѣнахъ его находилось до
150 деревянныхъ байшиновъ, въ которыхъ жили ламы и шесть дугановъ
(храмовъ), изъ которыхъ 5 было деревянныхъ и 6-й изъ глины. Все это по-
вторяю, было оставлено, потому что монастырь былъ перенесенъ верстъ на 8
къ западу отсюда, въ долину рѣки Чжиргаланту. Перенесеніе монастыря со-
вершилось вслѣдствіе болѣзни гэгэна: мѣсто при р. Тэкши буянту было при-
знано несчастнымъ, а потому и оставлено вмѣстѣ съ построенными на немъ
зданіями и монастырскою утварью.

согласіе всѣ примѣты, исчисленныя въ буддійскихъ астрологическихъ книгахъ. Такимъ образомъ здѣсь принимались въ расчетъ положеніе горъ и скалъ, окружающихъ мѣстность, видъ самаго мѣста, отношеніе къ нему близъ лежащихъ рѣкъ, колодезь и другихъ водъ и т. п. Когда отыскано было мѣсто для постройки храма, тѣже цзурхайчи обязаны были указать откуда нужно было брать матеріалы для постройки кумирни и день, въ который можно было начать самую постройку. На первый изъ помянутыхъ вопросовъ цзурхайчи, такъ какъ зданіе кумирни въ данномъ случаѣ предполагалось деревянное, указали брать лѣсъ съ горъ Хангая. Это было приблизительно верстъ за 300 отъ мѣста постройки, хотя матеріалъ для нея можно было найти гораздо ближе, наконецъ еще проще, легче и дешевле можно было купить его у мѣстныхъ китайскихъ торгашей, ведущихъ лѣсное дѣло. Все это было обойдено, ибо при самой заготовкѣ матеріала надлежало совершить еще новые обряды. Отпустивъ съ подарками цзурхайчиевъ, верховное духовенство монастыря Ханбò гэгэна со своимъ штатомъ, а всего въ количествѣ 62 человекъ, отправилось въ Хангай на мѣсто, гдѣ должно было брать матеріалъ для постройки, или, точнѣе сказать, рубить лѣсъ. Здѣсь они въ теченіи 15-ти дней (съ 1-го по 15-е число мѣсяца) совершали молебствія и приносили жертвы съ тою цѣлью, какъ объясняли мнѣ ламы, чтобы во 1-хъ испросить у геніевъ, хранителей этого мѣста позволеніе рубить деревья, а во 2-хъ дать знать духу каждаго дерева, что жилище его будетъ разрушено и просить его заблаговременно куда либо переселиться, чтобы такимъ образомъ не остаться ему безъ крова. За тѣмъ ко дню, назначенному цзурхайчіями для самой закладки кумирни, весь матеріалъ, потребный къ ея постройкѣ, былъ уже на мѣстѣ. Самый день закладки съ ранняго утра начать былъ богослуженіемъ. Съ принесеніемъ жертвъ и балиновъ ламы освящали мѣсто будущей кумирни, содержаніе же читаемыхъ при этомъ молитвъ представляетъ просьбу къ божествамъ о покровительствѣ вновь устраиваемаго храма и объ изгнаніи нечистыхъ духовъ, господствовавшихъ надъ этимъ пространствомъ. Послѣ сего было окончательно

рубинъ и сапфиръ. Бумба, наполненная этими предметами и сверхъ того вмѣщающая въ себѣ нѣсколько листовъ, исписанныхъ молитвами и разнаго рода священными заклинаніями, обертывается въ желтый шелковый хадакъ и поставляется въ склепѣ, такъ что остается непридавливаемою массою накидываемою на нее земли.

Теперь мы намѣрены представить своимъ читателямъ подробное описаніе внѣшняго и внутренняго вида монгольскихъ монастырей и кумирень, чтобы такимъ образомъ дать понятіе о буддѣйскихъ монастыряхъ и кумирняхъ, а равно и познакомить съ церковною утварью буддистовъ.

III.

Монголо-буддѣйскія кумирни и ихъ принадлежности.

Изъ тѣхъ короткихъ указаній, которыя были сдѣланы выше относительно сооруженія кумирень, читателямъ уже можно было догадываться, что буддѣйскіе монастыри и храмы въ Халхѣ представляютъ собою не кочевыя и подвижныя, а прочныя деревянныя, или каменныя постройки. Дѣйствительно, за все время своего путешествія, я находилъ буддѣйскіе храмы помѣщавшимися въ войлочныхъ кибиткахъ только у Олѣтовъ заселяющихъ мѣста древней Чжунгаріи, да у Дѣрбѣтовъ, кочующихъ близъ оз. Убса; говорятъ, что два или три такихъ кочевыхъ монастыря находится еще въ южныхъ хошунѣхъ халхаскаго Цзасакту-хана, но мнѣ не удалось посѣтить ихъ, такъ что всѣ монастыри и храмы, видѣнные мною въ собственной Халхѣ, были именно осѣдлыми и прочными постройками.

Внѣшній видъ у буддѣйскихъ монастырей, какъ у бѣдныхъ такъ и у богатыхъ, довольно однообразенъ. Снаружи всѣ они

существуетъ до тысячи лѣтъ, приобрѣтаетъ (буквально: устанавливается) въ шарообразную форму. (Таковую) драгоценность называютъ «мусарага». Цвѣтъ ея бѣлый, синеватый и желтый.

непремѣнно обносятся оградами, которыя устраиваются или изъ сплошь стоящихъ бревенъ, или же складываются изъ сырцеваго кирпича и обмазываются глиною. Въ императорскихъ сѹмѣ ограда всегда бываетъ кирпичная, съ бордюромъ по верхнему краю, выдѣланнымъ изъ того же кирпича и непремѣнно окрашенная въ розовую краску, что составляетъ особое преимущество и отличіе именно императорскихъ кумиренъ. По угламъ этихъ стѣнъ, или заборовъ, равно какъ надъ воротами, надъ калитками и вообще на всѣхъ, выдающихся мѣстахъ и столбахъ при-вѣшивается, или же водружается на шестикахъ такъ называемый «дарцѡкъ». Это небольшіе (въ полъ-аршина величиною) лоскутки разноцвѣтныхъ матерій съ начертанными на нихъ словами священныхъ молитвъ, или отдѣльныхъ мистическихъ изрѣченій. Дарцѡкъ'амъ приписывается чудесная сила отгонять все злое отъ монастырскихъ зданій. Они смѣняются каждый годъ 4-го числа 1-й луны при совершеніи особыхъ богослуженій. Саженьхъ въ 30-ти не доходя до этой монастырской ограды, прямо противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, ставятся двѣ слегги приблизительно сажень въ пять, или шесть вышиною. Это, такъ называемыя, «стахильйинъ модѡ» (མཐོག་ལོ་མཐོག་),—первыя религіозныя принадлежности каждаго буддійскаго монастыря (འཇགས་ཀྱི་མཐོག་), съ которыми встрѣчается наблюдатель, подходя къ монастырской оградѣ. Въ дни великихъ праздниковъ, когда въ кумирняхъ совершаются торжественные хуралы, ламы ставятъ на одну изъ этихъ слегъ сосудъ съ куреніями, а на другой утверждаютъ фонарь съ лампадою. Въ параллели этихъ слегъ, т. е. также точно не доходя сажень тридцати, вокругъ всего монастыря располагается иногда по одному съ каждой стороны, а иногда и нѣсколько десятковъ «манійинъ хүрдѡ». Это особаго рода приборъ, состоящій изъ поставленнаго вертикально, круглаго, или же восьмиграннаго цилиндра. Посрединѣ этого цилиндра и чрезъ оба дна его проходитъ также точно вертикально водруженная, наглухо прикрѣпленная къ цилиндру, но сама по себѣ подвижная желѣзная ось. Къ нижнему концу этой оси придѣлывается металлическая или деревянная рукоятка, служащая для удобства вращенія оси, а вмѣстѣ съ нею конечно и цилиндра.

Хүрдэ имѣеть сверху отверстіе, при посредствѣ котораго въ средину его закладываютъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ листовъ, сплошь исписанныхъ шестисложною мистическою формулою: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ», иногда еще въ хүрдэ вкладываютъ листы и фолліанты другихъ молитвъ, а иногда даже и цѣлыя религіозныя сочиненія. Назначеніе этого прибора состоитъ въ томъ, чтобы всякій вѣрующій, проходя мимо монастырской ограды, могъ повернуть его; при чемъ буддисты вѣрують, что каждое круговращеніе хүрдэ равняется прочтенію всѣхъ тѣхъ молитвъ и всѣхъ тѣхъ ма̃ни, которыя въ него положены. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ и значеніе этого прибора—«ма̃нійнъ хүрдэ» имѣеть ближайшую связь съ «найманъ хэгэсүтү» и другими видами хүрдэ, о которыхъ буду говорить я ниже, теперь же отмѣчу только одно сообщеніе, сдѣланное мнѣ въ Ургѣ тибетскимъ ламою Чойндономъ, которое кажется мнѣ въ высшей степени интереснымъ, потому что, по моему мнѣнію, оно бросаетъ намъ нѣкоторый свѣтъ на первоначальное происхожденіе обычая вращенія хүрдэ. Пословамъ Чойндона тибетцы значительно религіознѣе монголовъ. Во всемъ Тибетѣ, говорилъ онъ, не только ламы, но даже и простолюдины иначе не входятъ въ храмъ, какъ предварительно прочитавши «ма̃ни», «итэгэль» (символь вѣры) и «микчжимъ». Большинство знаетъ наизусть эти молитвы, для незнающихъ же и малолѣтнихъ предъ дверями храма вкапывается столбъ, на которомъ написаны помянутыя молитвы со всѣхъ сторонъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ собирается много народа и гдѣ вѣрующимъ неудобно обходить вокругъ столба, чтобы прочитать все написанное на немъ, — «ма̃ни», «итэгэль» и «микчжимъ» пишутся на подвижныхъ, вращающихся кругомъ, столбахъ. Прочитавши написанное на одной сторонѣ столба, поворачиваешь его и прочитываешь написанное на другой; чѣмъ больше разъ прочтешь, тѣмъ достойнѣе вступаешь въ храмъ. Отсюда сама собою дѣлается понятною мысль о вращеніи хүрдэ: чтобы достойнѣе вступить въ храмъ, нужно было большее число разъ прочитать молитвы, а слѣдовательно и повернуть столбъ: отъ поворотовъ для чтенія до механическаго поворачиванія переходъ уже очень небольшой и мнѣ кажется, весьма вѣ-

роятнымъ, что время теперъ только изгладило изъ памяти буддистовъ первоначальное происхожденіе ихъ хурдэ, придало ему новое значеніе, а за симъ, сообразно этому значенію изобрѣтало для него и новыя формы. Но Чойндонъ напрасно обвинялъ монголовъ въ недостаткѣ религіозности, потому что благоговѣніе, съ которымъ приближается каждый степнякъ богомолецъ къ своему монастырю, по истинѣ заслуживаетъ только удивленія. Подъѣзжая къ монастырю, халхасъ всегда по крайней мѣрѣ за полъ-версты слѣзаетъ съ своей лошади и далѣе идетъ пѣшкомъ; приблизившись къ оградѣ, онъ привязываетъ лошадь у обыкновенно устраиваемой здѣсь коновязи, а самъ становится посреди «тахильйнъ модо», т. е. какъ разъ противъ главныхъ монастырскихъ воротъ, и кладетъ здѣсь три земныхъ поклона; за симъ онъ обходитъ посолонь три раза вокругъ всей монастырской ограды и при этомъ считаетъ своимъ долгомъ повернуть каждое хурдэ;—только обошедши въ третій разъ весь монастырь, вступаетъ онъ въ его ограду. Само собою разумѣется, что я описываю здѣсь обычай богомольцевъ, а не входъ тѣхъ лицъ, которые живутъ въ монастырѣ постоянно, или являются сюда по причинамъ, лежащимъ внѣ ихъ религіозныхъ потребностей. Относительно «тахильйнъ модо» и стоящихъ вокругъ монастыря хурдэ мы почитаемъ должнымъ замѣтить еще, что они соединяютъ въ себѣ значеніе пограничныхъ знаковъ земли, принадлежащей монастырю. Внутри этихъ знаковъ, т. е. на монастырской землѣ, невозможно убивать животныхъ, сюда нельзя вносить водку и вино, здѣсь нельзя оставлять ночевать женщину, или же возможно только съ разрѣшенія начальника монастыря. Если бы что либо подобное сдѣлалъ лама, или кто изъ монастырскихъ прислужниковъ, то таковымъ въ наказаніе назначается положить 1000 поклоновъ въ кумирнѣ.

Проходовъ за ограду буддійскихъ монастырей всегда устраивается нѣсколько и главнѣйшимъ изъ нихъ почитаются широкія створчатыя ворота, устраиваемыя на южной сторонѣ монастыря. Впрочемъ ворота эти почти весь свой вѣкъ бываютъ на замкѣ, такъ какъ на телѣгахъ во дворъ монастырей никто и никогда не въѣзжаетъ, да и не можетъ въѣзжать согласно уставамъ буддй-

ются въ видѣ простыхъ створчатыхъ воротъ, украшеній на себѣ они почти никакихъ не имѣютъ, равно какъ не поставляется надъ ними и никакихъ бурхановъ. Въ императорскихъ кумирняхъ надъ главными воротами монастыря прикрѣпляется обыкновенно продолговатая дощечка, окрашенная въ синюю краску и обдѣланная въ изящно вырѣзанную рамку; на этой дощечкѣ золотыми буквами надписывается на языкахъ китайскомъ, тибетскомъ, монгольскомъ и маньчжурскомъ названіе кумирни, пожалованное ей императоромъ; кромѣ того на одномъ только кигайскомъ языкѣ обозначается время окончанія постройки храма и пожалованія ему этой самой дощечки. Такая же дощечка прикрѣпляется за симъ въ императорскихъ кумирняхъ и надъ главными дверями самаго храма.

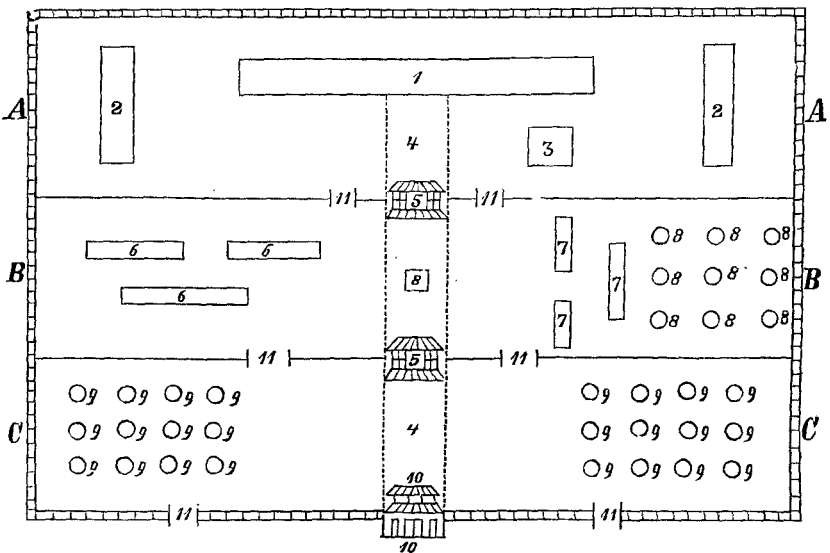
Вступивъ черезъ калитку въ монастырскую ограду, мы находимъ, что общее пространство монастырскаго двора раздѣляется здѣсь заборами обыкновенно на три или на четыре отдѣленія, при чемъ только одно изъ такихъ отдѣленій составляетъ собственно храмовой дворъ, а два, или три другихъ назначаются для постройки на нихъ разнаго рода службъ и жилищъ обитающихъ при монастырѣ монаховъ. Располагаютъ эти отдѣльные дворы двумя способами: или такъ, что одинъ дворъ предшествуетъ другому и тогда заборы внутри общаго монастырскаго двора пересѣкаютъ его вдоль; или же служебные и жилые дворы располагаются по бокамъ двора храмоваго и тогда заборы ихъ пересѣкаютъ монастырскій дворъ поперегъ. Первый способъ расположенія соблюдается по преимуществу въ императорскихъ кумирняхъ, при чемъ главный храмъ устраивается обыкновенно въ самой глубинѣ дворовъ, т. е. за второю, или даже за третьей оградой; второй способъ расположенія чаще всего можно находить въ степныхъ монастыряхъ хутухтинскихъ, или хошунныхъ. Во всякомъ случаѣ однако дворы эти находятся въ одной общей монастырской оградѣ и взаимно соединяются между собою воротами и калитками. Внутреннія ворота, смотря по богатству монастыря устраиваются также точно съ бѣльшимъ или меньшимъ великолѣпіемъ: иногда они представляютъ собою простые калитки, въ другой разъ

всѣ строятся двухъ-этажными, имѣя во второмъ этажѣ часовни, или даже небольшія кумирни.

Что касается расположенія зданій на монастырскомъ дворѣ, то главное изъ нихъ, т. е. «гѡль сѹмэ», всегда строится посреди своего двора и при томъ двери его непремѣнно находятся параллельно главнымъ воротамъ (богдѡйнъ хѡлга) общей монастырской ограды. Отъ этихъ воротъ вплоть до самыхъ дверей храма устраивается съ нѣкоторымъ возвышеніемъ противъ общаго уровня двора широкая дорога, выстилаемая плитами тесанаго бѣлаго камня и иногда огораживаемая перилами. Это «высокій путь» назначаемый для шествованія гэгэновъ, если бы имъ вздумалось когда либо посѣтить храмъ, а также и для торжественныхъ религиозныхъ церемоній, когда ламамъ нужно бываетъ выходить за ограду монастыря и совершать какой либо церковный обрядъ за его стѣнами. На этомъ высокомъ пути, какъ разъ на половинѣ разстоянія между воротами ограды и дверями главной кумирни, сооружается каменный жертвенникъ въ видѣ четырехъ-угольнаго столба, аршина въ два вышиною, а на вершинѣ его ставится чугунный сосудъ, имѣющій видъ или небольшой урны, или фигуры того чудовищнаго и уродливаго животнаго, съ безобразными формами котораго китайцы и монголы соединяютъ понятіе льва. Въ этомъ сосудѣ въ дни великихъ праздниковъ разжигаются угли и сжигается большое количество истолченнаго можжевельника (—), почитаемаго монголами за его благовоніе священною травою. Влѣво отъ этого жертвенника, т. е. на юго-восточной сторонѣ «гѡль-сѹмэ» въ нѣкоторыхъ монастыряхъ устраивается еще «бурѣйнъ шата». Это деревянный помостъ, воздвигнутый на четырехъ столбахъ, сажени въ полторы, или въ двѣ вышиною; къ помосту пристраивается деревянная лѣстница для того чтобы всходить по ней на вершину помоста. Назначеніе этой постройки состоитъ въ томъ, чтобы призывать съ нея ламъ къ совершенію хураловъ. Передъ началомъ каждаго хурала обыкновенно входитъ на этотъ помостъ лама съ раковиною, или бишкѹромъ и, по установленному порядку трубить три раза, чѣмъ и оканчивается благовѣсть въ буддійскихъ монастыряхъ. Въ императорскихъ

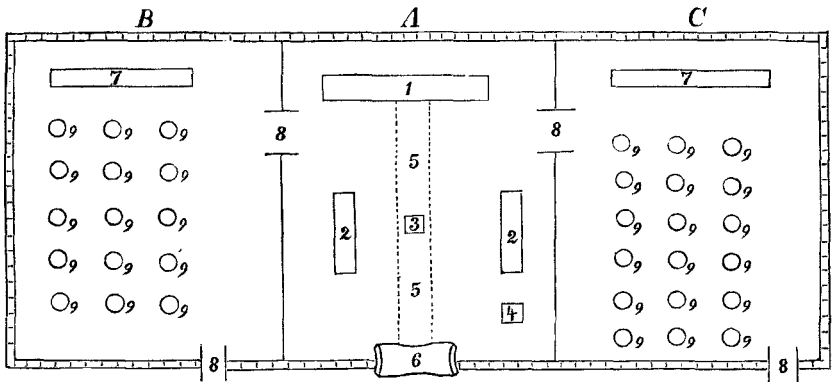
монастыряхъ передъ гѣль сѹмэ можно встрѣчать иногда особый кіоскъ, или часовню съ каменописнымъ памятникомъ, въ которомъ раскрывается или исторія построенія монастыря, или другаго какого замѣчательнаго событія, совершившагося подъ его стѣнами. Помимо сего на обширныхъ дворахъ степныхъ храмовъ не бываетъ ни какихъ строеній: всѣ зданія монастырскихъ службъ и кладовыхъ, равно какъ и жилища ламъ, находятся обыкновенно за оградою храма, а внутри ея дворы всегда представляются совершенно пустынными: они густо поростають травою и на всемъ занимаемомъ ими пространствѣ только ясно видны двѣ, три дорожки, по которымъ приходятъ въ кумирню ламы, да бѣлыя плиты «высокаго пути», выглядывающія изъ подъ травы, поросшей въ ихъ промежуткахъ.

Расположеніе императорскихъ и богатыхъ хутухтинскихъ монастырей.

- А. Главный дворъ. 1) Гѣль-сѹмэ. 2) Боковые храмы, или жилище хутухты. 3) Часовня съ императорскимъ памятникомъ. 4) Высокій путь. 5) Внутреннія ворота. В. Второй дворъ. 6) Кладовыя монастыря. 7) Байшины ламъ. 8) Юрты почтенныхъ ламъ, живущихъ въ монастырѣ. 8) Жертвенникъ куреній. С. Третій дворъ. 9) Юрты низшихъ ламъ. 10) Богдойнъ хѣлга. 11) Калитки.

Расположеніе обыкновенныхъ степныхъ монастырей.

А. Главный дворъ. 1) Гбль сѹмэ. 2) Боковыя храмы. 3) Жертвенникъ куреній. 4) Бурѣйнъ шата. 5) Высокій путь. 6. Богдойнъ хѣлга. В. Второй дворъ. С. Третій дворъ. 7) Кладовыя монастыря. 8) Калитка. 9) Юрты монастырскихъ ламъ.

Въ архитектурномъ отношеніи сами монголы раздѣляютъ свои храмы на два отдѣльныхъ вида: въ 1-хъ храмы тибетскаго и во 2-хъ храмы китайскаго типовъ. Кумирни перваго рода представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ квадратныя, или же нѣсколько продолговатыя съ запада на востокъ зданія; они почти всегда бываютъ одноэтажныя, но за всѣмъ тѣмъ являются гораздо выше даже двухъ-этажныхъ китайскихъ построекъ. Въ фасадѣ ихъ нѣтъ ничего затѣливаго. Это ровныя четырехъ-угольныя зданія, въ которыхъ отъ самой ихъ основы вплоть до верхушки крыши не выдается ни одинъ уголокъ, ни одной колонны, ни одного выпуклаго карниза, ни одной вогнутой ниши. Нашъ совершенно ровный деревянный срубъ, обшитый тесомъ и выкрашенный въ бѣлую краску можетъ служить лучшимъ подобіемъ монголо-буддійскихъ храмовъ тибетской архитектуры. Крыша ихъ состоитъ изъ связанныхъ въ пучки и гладко обрѣзанныхъ корней самшитаго дерева (*Buxus sempervirens*; мон-

гол. «даланъ-халисү»), накладываемыхъ толщиною приблизительно въ пять, или шесть четвертей. Сверхъ этого слоя снова продолжается бѣлая стѣна храма, также приблизительно на аршинъ, или на три четверти и этимъ зданіе оканчивается. Такимъ образомъ смотря на зданіе кумирни тибетской архитектуры, мы вовсе не видимъ въ немъ выдающейся кверху по европейскому, или по китайскому образцу крыши. Собственно крышу составляютъ у этихъ зданій корни самшита, но придавленные верхней частью стѣны они выглядываютъ наружу какъ прессованные и, почернѣвъ отъ времени, кажутся только чернымъ бордюромъ для общаго фона бѣлыхъ стѣнъ храма. На этотъ черный бордюръ монголы накладываютъ какъ украшеніе, въ каждой сторонѣ храма по нѣскольکو кружковъ изъ желтой мѣди, ярко блестящихъ на солнцѣ и довершающихъ для европейца новизну внѣшняго вида кумирни. Таковы храмы собственно тибетскаго образца; но въ настоящее время въ Монголіи ихъ уже имѣется не много, такъ что зданія подобной формы мнѣ удалось видѣть только въ монастырѣ Эрдэни-цзу, въ Барунъ-хурѣ да въ хошунномъ хитѣ Хлабэйсэ на Кэрулэнѣ, въ большей же части храмовъ тибетской архитектуры, относящихся по своей постройкѣ къ послѣднему времени, монголы всегда устраиваютъ крышу китайскаго образца; иногда они надстраиваютъ надъ ними даже мезонинъ, какъ это налримѣръ сдѣлано въ загородномъ монастырскомъ храмѣ, служащемъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ ургинскаго хутухты, а иногда даже нѣчто въ родѣ византійскаго купола, какъ въ ургинскомъ храмѣ Майдари. Окна въ храмахъ тибетской архитектуры обыкновенно располагаются очень высоко, почти подъ самую крышею и при томъ съ трехъ сторонъ: восточной, западной и южной. Въ сѣверной стѣнѣ кумирень оконъ никогда не дѣлаютъ, потому что эта стѣна, какъ увидимъ ниже, бываетъ почти сплошь закрыта стоящими у нея бурханами.

Храмы китайской архитектуры несравненно сложнѣе, фигурнѣе и красивѣе тибетскихъ по своему внѣшнему виду. Какъ и храмы тибетскаго образца они представляютъ собою квадратныя, но еще чаще продолговатыя съ запада на востокъ зданія и по

редь дверями кумирни, поддерживается снизу колоннами, число которых бывает весьма различно, смотря по величинѣ кумирни, но всегда колонны эти бывают окрашены въ какую либо яркую краску и испещрены или лѣпными, или же рисованными изображеніями цвѣтовъ, драконовъ, крылатыхъ змѣй и проч. Между этими колоннами въ обычное время дня ставятся искусно вырѣзанные, подвижныя, деревянныя рѣшетки (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), которыя преграждаютъ входъ на паперть для животныхъ, но легко могутъ быть отодвинуты каждымъ, желающимъ пройти къ дверямъ храма человѣкомъ. При входѣ на паперть, у главныхъ колоннъ передь дверями храма, нерѣдко поставляются каменные фигуры львовъ (ᠬᠡ ᠠᠯ), а иногда ихъ замѣняютъ такіе же каменные сосуды въ родѣ урнъ, или большихъ вазъ. Посреди паперти, передь самыми дверями храма, довольно часто можно еще повстрѣчать хурдэ, которое, передь своимъ входомъ въ храмъ, поворачиваетъ каждый благочестивый поклонникъ. Двери въ кумирняхъ всегда бываютъ створчатыя, деревянныя, хотя они также разнятся по своему устройству: однѣ изъ нихъ бываютъ глухія, т. е. цѣликомъ сколоченныя изъ досокъ; эти двери обыкновенно окрашиваются въ красную краску и разрисовываются раззолоченными изображеніями четырехъ махаранца, а иногда въ нихъ симметрично вколачиваютъ, какъ украшеніе, нѣсколько десятковъ гвоздей съ широкими позолоченными шляпками (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), при чемъ двери пріобрѣтаютъ видъ испещреннаго золотыми кружками пространства. Другой, не менѣе часто наблюдаемый въ императорскихъ кумирняхъ, способъ устройства храмовыхъ дверей, представляютъ собою такъ называемые монголами «ханайнъ-халга» (ᠬᠠᠨᠠᠶᠢᠨ ᠬᠠᠯᠭ᠎ᠠ). По этому способу верхняя половина дверей дѣлается въ видѣ рѣшетчатой оконной рамы, а нижняя часть ея остается сплошною и также точно украшается или рѣзными, или же раскрашенными фигурками. Окна въ храмахъ китайской архитектуры всегда располагаются только на южной сторонѣ зданія, или что тоже со входа въ храмъ. Они бываютъ обыкновенно такъ велики, что занимаютъ всю верхнюю половину южной стѣны и представляютъ собою сплошной рядъ

окопныхъ рамъ, съ самою вычурною рѣзбою. Сочетанія различныхъ геометрически правильныхъ угловъ и ломаныхъ линий варьируются здѣсь на различные манеры и образуютъ затѣйливый, красивый и стройный рисунокъ. Гораздо чаще впрочемъ въ кумирняхъ китайской архитектуры оконъ не бываетъ вовсе, такъ что онѣ освѣщаются только тѣмъ свѣтомъ, который врывается черезъ двери кумирни. Вокругъ стѣнъ зданія кумирень въ императорскихъ монастыряхъ всегда дѣлается кирпичная или плитовая постилка для принятія и стока дождевой воды съ кровли. Монголы, какъ уже было сказано выше, значительно измѣнили этотъ типъ китайской постройки. Прежде всего они обыкновенно иначе и не строятъ храмовъ китайской архитектуры, какъ надстраивая надъ ними нѣчто въ родѣ мезонина; эта прибавка особенно сильно способствуетъ къ измѣненію основнаго типа. Нижній этажъ зданія остается въ своихъ частяхъ, собственно говоря, точно такимъ же, какимъ онъ бываетъ и въ императорскихъ кумирняхъ; но такъ какъ свои постройки монголы возводятъ изъ дерева, то понятно, что уже въ силу самаго матеріала ихъ, зданія не могутъ принимать тѣхъ грандіозныхъ и граціозныхъ формъ, которыя обуславливаютъ собою красоту китайской архитектуры. Фигуральный охлупень и глазированную черепицу китайской крыши здѣсь замѣняетъ простая слѣга и ровныя тесаныя дранцы, окрашенныя подъ одинъ цвѣтъ въ красную краску. Но еще чаще монголы вовсе не дѣлаютъ охлупня, а устраиваютъ крыши своихъ кумирень въ видѣ остроконечной четырехъ-сторонней пирамиды, что придаетъ имъ уже совершенно своеобразный видъ. Впрочемъ если храмы измѣненной монголами китайской архитектуры и не такъ фигуральны по своей отдѣлкѣ, то тѣмъ не менѣе на нихъ всегда бываетъ не мало привѣсныхъ украшеній. Подъ крышею по 4-мъ угламъ навѣса не рѣдко прикрѣпляются небольшіе колокольчики, которые издаютъ весьма мелодичные звуки при каждомъ движеніи вѣтра. Кромѣ сего отъ каждаго угла навѣса въ различныхъ направленіяхъ протягиваются веревочки или снурь, къ которымъ прикрѣпляются разноцвѣтныя ленточки, лоскутки матерій и проч. Иногда на этихъ лоскуткахъ рисуютъ изобра-

женія бурхановъ, иногда надписываютъ отдѣльныя тарнистическія изрѣченія, а иногда лоскуткамъ даютъ просто форму бадана (духовнаго знамени) и въ этомъ случаѣ лоскутокъ уже самымъ своимъ цвѣтомъ символически изображаетъ бурхана: желтый баданъ знаменуетъ собою знамя Эсруа-тенгри, бѣлый баданъ — знамя тенгрия Хормусты и т. д. Должно замѣтить еще, что всѣ вышеописанныя формы построекъ не усвоятся въ Монголіи однимъ только храмамъ: въ точно такихъ же зданіяхъ живетъ большинство монгольскихъ хутухт, гэгэновъ и даже настоятелей въ большихъ монастыряхъ, какъ Эрдэни-цзу, Барунъ-хүрѣ и пр. Каждый изъ нихъ любитъ жить въ домахъ (лабринъ), похожихъ на храмы и представлять изъ себя если не божество, то по крайней мѣрѣ существо, отличное отъ прочихъ смертныхъ.

Буддійская каноника для наружнаго и внутренняго устройства храмовъ поставляетъ еще свои опредѣленные и неизмѣнные законы, а именно: входъ въ нихъ долженъ быть всегда съ юга, а главная часть обращена на сѣверъ, гдѣ, по ученію буддистовъ, находится «Шамбалайнъ-оронъ», современное мѣстопребываніе Шигэмүни. На вершинѣ храма должно быть поставлено изображеніе лежащаго полукруга луны, водруженнаго на немъ солнца и выходящаго изъ него огненнаго языка; все это въ знакъ того, что вѣра шигэмуніанская столь же благотворна и блестяща какъ эти предметы, и также чиста въ своихъ правилахъ какъ свѣтъ лучей ихъ. Въ другихъ храмахъ, и въ Монголіи даже болѣе обыкновенно, можно встрѣтить водруженный на кровлѣ ганчжиръ (тибетск. цзут-данъ, монгол. санъ тэгүльдэръ, что значитъ «полный сокровищъ»), который поставляется какъ разъ по срединѣ крыши. Ганчжиръ дѣлается изъ мѣди и золотится; по формѣ онъ представляетъ собою вазу съ высокимъ, суживающимся кверху и закругленнымъ горломъ; при освященіи храма онъ наполняется до верха печатными «мани», почему вѣроятно и получилъ свое имя у монголовъ. Кромѣ сего на кровляхъ сүмэ принято у монголовъ ставить чжалцанъ (ᠴᠢᠯᠠᠨ ᠵᠢᠰᠠᠨ санск. dhvadja, а монголы зовутъ его «илагүхсану тэмдэкъ»), или т. е. знакъ побѣдителя). Чжалцановъ обыкновенно ставится въ

храмахъ тибетской архитектуры или четыре — по четыремъ угламъ зданія, или два, на углахъ сѣверо-восточномъ и юго-западномъ; въ храмахъ китайской архитектуры ихъ ставится также иногда по два и въ этомъ случаѣ чжалцаны утверждаются по бокамъ ганчжѳира на охлупнѣ кровли, а иногда по четыре и тогда чжалцаны ставятся опять таки по четыремъ угламъ храма. Чжалцанъ дѣлается обыкновенно мѣдный, позолоченный. Онъ имѣетъ форму закрытаго съ обѣихъ сторонъ цилиндра и при освященіи храма, какъ и ганчжѳиръ наполняется письменами мѣни и другихъ нѣмовъ. Кромѣ того въ него всегда кладутъ сочиненіе «Боді мур'унъ цзуйль». Говорятъ, что чжалцанъ въ Тибетѣ въ древнее время всегда поставлялся на высокихъ мѣстахъ и будто бы отъ того получилъ свое имя; что же касается до времени, съ котораго началъ онъ поставляться на кровляхъ сѣмэ, то оно относится къ періоду пребыванія въ Тибетѣ Чжуадиши. Последній, написавъ свое сочиненіе «Боді мур'унъ цзуйль», будто бы положилъ его въ чжалцанъ и поставилъ его на кровлѣ храма. Обстоятельство это дало поводъ ученикамъ Чжуадиши ввести въ обычай постановку чжалцана на кровляхъ, а изъ Тибета обычай этотъ перешелъ и въ Монголію. Наконецъ надъ дверями сѣмэ, на кровлѣ поставляется еще одно позолоченное изваяніе. Оно представляетъ собою восьми-радіусный кругъ, или колесо, — «хурдэ», на которое, поднявъ свои головы, смотрятъ двѣ, стоящія на колѣняхъ газели. Основная мысль этой фигуры, по словамъ сочиненія «Цоктү ямандагѳинъ эгүсхэлъ», лежитъ въ слѣдующемъ историческомъ фактѣ. Въ древности Эсруа тэнгри поднесъ буддѣ 1000 радіусное колесо, сдѣланное изъ золота Цзамбо и просилъ его начать свою проповѣдь. Когда будда заговорилъ, двѣ золотистыя газели, самецъ и самка, выбѣжали изъ лѣса и, глядя на верхушку этого колеса, прослушали ученіе Будды. Поклонники будды, говоритъ далѣе сочиненіе, должны неусыпно бодрствовать надъ ученіемъ, потому что и неразумные звѣри стремятся внимать ему.

Внутри монгольской сѣмэ состоитъ обыкновенно изъ одной комнаты въ величину всего зданія, при чемъ въ сѣверной, т. е.

Бурятская кумирня, въ Забайкальской области, близъ Верхнеудинска. Съ фотогр. Дингеса, грав. М. Рашевскій.

противуположной входу стѣнѣ иногда устраивается ниша для постановки бурхановъ, чрезвычайно напоминающая собою алтари католическихъ костеловъ. Въ тѣхъ кумирняхъ, гдѣ этой ниши не выведено, у сѣверной стѣны дѣлается небольшое возвышеніе, въ родѣ соли нашихъ храмовъ, — возвышеніе это также точно назначается для того, чтобы опредѣлить собою мѣсто буддійскаго алтаря и иногда отдѣляется отъ общей моленной залы рядомъ колоннъ, идущихъ такимъ образомъ по сѣверной стѣнѣ храма. Помимо сего по моленной залѣ проходитъ еще съ юга на сѣверъ два, а иногда, смотря по величинѣ кумирни, и четыре ряда колоннъ, раздѣляющихъ эту залу на три, или на пять частей. Всѣ таковыя колонны окрашиваются въ красную краску и украшаются рѣзными и рисованными изображеніями золотыхъ, синихъ и зеленыхъ драконовъ, львовъ, чудовищной птицы гарида и прочихъ могущественныхъ существъ, которыхъ буддизмъ постоянно представляетъ въ своихъ священныхъ книгахъ, то какъ образцы для дѣятельности человѣка, то какъ существа, имѣющія отношеніе къ самой жизни и судьбѣ его. Между рядами колоннъ, расположенныхъ въ моленной залѣ, параллельно восточной и западной стѣнамъ храма, устанавливаются сѣдалища ламъ, которыя занимаютъ они при совершеніи своихъ молебствій. Мѣста старшихъ ламъ располагаются въ первомъ ряду, а нисходящая постепенность мѣстъ выражается во 1-хъ предпочтеніемъ лѣвой стороны храма передъ правою, а во 2-хъ приближеніемъ къ югу, къ дверямъ, или что тоже удаленіемъ отъ алтаря и бурхановъ. Правила объ устройствѣ ламскихъ сѣдалищъ у монгольскихъ буддистовъ довольно сложны. Прежде всего, на примѣръ, всѣ старшіе ламы, въ отличіе отъ ламъ низшихъ разрядовъ всегда имѣютъ у себя болѣе высокія сѣдалища. Настоятели монастырей и лица, занимающія въ монастырѣ высшія должности, помѣщаются обыкновенно на отдѣльныхъ, обтянутыхъ какою либо матеріей табуреткахъ, но, смотря по рангу ламы, табуретъ его отличается по крышкѣ. Первою и обязательною покрывкою табурета является всегда цыновка, витая изъ мочалы, или плетеная изъ тонкаго камыша; употребленіе этой цыновки несомнѣнно обосновывается

на ученія Будды, которое предписывало каждому бикшу подкладывать траву подъ подстилку своего сѣдалища. По верхъ цыновки на табуреты высшихъ ламъ кладутъ тонкія подушки или, какъ называютъ ихъ монголы, олбѣки. Олбѣкъ имѣеть форму квадратнаго четырехъ-угольника, каждая сторона котораго имѣеть у себя четвертей пять длины; онъ дѣлается изъ двухъ или трехъ, наложенныхъ одинъ на другой и простеганныхъ вмѣстѣ войлоковъ, послѣ чего эти войлоки обтягиваются какою либо матеріею по преимуществу желтаго цвѣта. Въ большинствѣ случаевъ олбѣки бываютъ одноцвѣтные, но на нѣкоторые изъ нихъ нашивается еще такъ называемое «тѣ» (ᠲᠡ). По буквальному значенію въ языкѣ монголовъ, *тѣ* обозначаетъ—пядень; но въ данномъ случаѣ словомъ *тѣ* называется квадратный кусочекъ красной матеріи величиною въ пядень, нашиваемый въ самой срединѣ олбѣка. Обычай нашивать *тѣ* также точно лежитъ въ основномъ ученіи Будды. Дѣло въ томъ, что Будда, предписывая различныя правила своимъ послѣдователямъ, между прочимъ обязывалъ ихъ пользоваться употребляемой для сидѣнья и лежанья подстилкой въ теченіе шести лѣтъ, ранѣе этого срока ни одинъ бикшу не могъ себѣ сдѣлать новой подстилки; за симъ, когда проходило шесть лѣтъ, и бикшу дѣлалъ новый тюфякъ, онъ долженъ былъ взять изъ стараго одну квадратную четверть и нашить ее на новый. Таково происхожденіе *тѣ*. Въ настоящее время оно для монголовъ уже утратило свой смыслъ и употребляется у нихъ скорѣе какъ украшеніе, почему *тѣтѣй* олбѣки (т. е. подушки съ нашитыми на нихъ *тѣ*) можно встрѣчать даже въ юртахъ самыхъ простыхъ монголовъ; но такъ или иначе, потому ли что подстилки старѣйшихъ ламъ, согласно ученія Будды, естественно должны имѣть на себѣ *тѣ*, или потому что эти *тѣтѣй* олбѣки почитаются монголами за болѣе красивые, высшее буддійское духовенство всегда постилаетъ на свои табуреты именно *тѣтѣй* олбѣки. Число олбѣковъ, полагаемыхъ на табуреты ламъ, бываетъ опять таки различно, смотря по важности лица, которому принадлежитъ сѣдалище. Есть ламы, которымъ предоставлено класть на свой табуретъ и сидѣть на семи олбѣкахъ, другіе пользуются пятью, а иные имѣютъ только

три олбока. Лицамъ, которыя имѣютъ право сидѣть на семи и пяти олбокахъ, предоставляется еще имѣть у своего табурета «түшилгэ». Это такая же подушка какъ и олбокъ, но обдѣланная въ четырехъ-угольную, деревянную рамку и приставляемая къ табурету какъ спинка кресла. Тѣ ламы, которые сидятъ на трехъ олбокахъ, имѣютъ право сидѣть на особомъ табуретѣ, но безъ «түшилгэ», имѣющіе же менѣе трехъ олбоковъ, два, или одинъ, отдѣльными табуретами не пользуются, а помѣщаются, сообразно своимъ степенямъ, уже на общихъ ламскихъ сѣдалищахъ—чжабдѣнъ. Чжабдѣнъ имѣетъ форму скамьи, ширина которой равняется приблизительно аршину, длина достигаетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ сажений, а вышина отъ одной до двухъ четвертей аршина. Сверху эта скамья покрывается сначала цыновкой, а потомъ длиннымъ и широкимъ войлокомъ съ оторочкою изъ какой либо красной полотняной или холщевой матеріи. Эту оторочку монголы называютъ хуббѣ (ᠬᠤᠪᠪᠡ) и почитаютъ ее, также точно какъ и тѣ, украшеніемъ; хотя весьма вѣроятно, что она опять таки имѣетъ свое основаніе въ ученіи буддизма. Извѣстно, что Будда предписывалъ своимъ послѣдователямъ употреблять подстилку не свыше 2-хъ локтей въ длину и $1\frac{1}{2}$ въ ширину, но, въ случаѣ большаго роста бикшу, ему дозволялось еще приставлять къ своей постилкѣ кайму. Очень можетъ быть, что эта первоначальная кайма превратилась теперь въ простую оторочку и является въ понятіяхъ монголовъ какъ украшеніе сѣдалищной подстилки. Передъ сѣдалищами старшихъ ламъ поставляются еще особые столики на низенькихъ ножкахъ, называемые у монголовъ «лү ширѣ». Такое названіе эти столики несомнѣнно получили отъ своихъ орнаментовъ, такъ какъ по бокамъ они всегда украшаются рѣзными изображеніями драконовъ (лү), слоновъ, львовъ и цвѣтовъ, раскрашиваемыхъ въ самыя яркія краски. На этихъ столикахъ передъ ламами располагаются ихъ музыкальныя принадлежности во время богослуженія, таковы: хонхѣ и неразлучный съ нимъ очиръ, дамăру и пр. Помимо сего ламы кладутъ на нихъ свои четки, чаврунъ или пузырекъ съ аршаномъ, служащимъ у нихъ водою для полосканія рта послѣ принятія пищи и проч. Въ тѣхъ

монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопробываніе хутухты и гэгэны, для нихъ устраивается въ храмѣ особое мѣсто, при чемъ оно поставляется даже и не въ ряду ламъ. Гэгэны сидятъ обыкновенно какъ и бурханы по сѣверной стѣнѣ и смотря лицомъ на югъ. Торжественное сѣдалище ихъ составляетъ такъ называемый «львиный престолъ» (འཇམ་མཐོག་འཇམ་མཐོག་ санскр. Sinhasâna). Каеэдра эта имѣетъ форму квадратнаго четырехъ-угольнаго стола (འཇམ་མཐོག་), стоящаго на пьедесталѣ (འཇམ་མཐོག་) изъ трехъ порошковъ и съ таковымъ же количествомъ зубцовъ антаблемана (འཇམ་མཐོག་). Стержень стола украшается изображеніемъ четырехъ, или восьми львовъ, изъ которыхъ каждый, стоя на пьедесталѣ тремя ногами, четвертою — правою переднею, а иногда при томъ и головою, поддерживаетъ карнизъ верхней части стола. Въ Сумбумѣ Чжидоръ-хамбѣ о значеніи этого престола говорится такъ: «львиный престолъ на верху долженъ быть шире и эта выдающаяся ширина его поддерживается восьмью львами. Есть обычай поддерживать ее и четырьмя, но во всякомъ случаѣ она поддерживается львами. Это имѣетъ то знаменованіе, что, подобно тому какъ левъ подавляетъ своимъ величіемъ прочихъ звѣрей, имѣющіе силу могущественнаго ламы могутъ подавлять своимъ величіемъ еретиковъ и шимнусовъ. Восемь львовъ знаменуютъ собою восемь могущественныхъ богатствъ ¹⁾, а четыре

---

1) Подъ именемъ «восьми могущественныхъ богатствъ» (འཇམ་མཐོག་འཇམ་མཐོག་ འཇམ་མཐོག་) на языкѣ буддистовъ разумѣется 1) *могущественное богатство тѣла*, по которому существо имѣетъ способность за одинъ разъ показывать безчисленное число видоизмѣненій своего тѣла; 2) *могущественное богатство слова*, т. е. способность проповѣдывать священное ученіе заразъ безчисленнымъ одушевленнымъ существамъ и притомъ каждому на его языкѣ; 3) *могущественное богатство мысли*, т. е. способность, будучи совершенно чуждымъ матеріи, знать все, что можно знать; 4) *могущественное богатство хубиланства*, или способность, лишь только пожелаешь, показать безчисленные превращенія; 5) *могущественное богатство вездесущія*, т. е. способность быть всеобщимъ, существовать во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; 6) *могущественное богатство пожеланій*, т. е. способность исполнить свое пожеланіе лишь только чего либо захочешь; 7) *могущественное богатство творчества*, т. е. способность принять на себя видъ и сущность всего, что только пожелаешь; 8) *могущественное богатство достоинства*, т. е. быть исполненнымъ всѣхъ преимущественныхъ особенностей, главнѣйшими изъ которыхъ почитаются десять силъ.

льва обозначаютъ четыре безстрашія¹⁾, которыми обладаютъ сидящіе на львиномъ престолѣ. Волосы этихъ львовъ бѣлые, а грива искрасна желтая; ногти ихъ необыкновенно остры. Правую ногой они поднимаютъ сѣдалище къ небу, а потому она поднята вверхъ, а лѣвою ногою они попираютъ фундаментъ и потому она обращена къ низу. То, что они вперили свои глаза въ небо, есть знакъ, что они стерегутъ злое навожденіе бѣсовъ, живущихъ на верху, демоновъ и драконовъ, находящихся въ низу, чертей и привидѣній, находящихся въ промежуткѣ (между небомъ и землею). Далѣе, что престолъ этотъ наикрасивѣйшимъ образомъ унизанъ драгоцѣнностями, будучи самъ по себѣ истиннымъ свойствомъ драгоцѣнности, это есть знакъ удовлетворенія нуждъ ищущихъ успокоенія одушевленныхъ существъ». На такомъ то львиномъ престолѣ возсѣдаютъ хутухты. Въ Халхѣ принято въ обычай ставить сѣдалище хутухтъ не въ ряду бурхановъ, а впереди ихъ и при томъ нѣсколько сбоку, или точнѣе сказать въ промежуткѣ между бурханами и первою колонною лѣвой стороны храма; на югѣ Монголіи львиный престолъ (арсалантү тэбцэн) хутухтъ и гэгэновъ ставится хотя и также параллельно сѣверной стѣнѣ, но въ самой срединѣ перваго ряда колоннъ, или что тоже прямо противъ входныхъ дверей въ храмъ, такъ что сидящій на престолѣ гэгэнъ совершенно заграждаетъ своимъ тѣломъ главнаго бурхана въ храмѣ. Должно замѣтить, что гэгэны, какъ и всѣ прочіе ламы, различаются, смотря по своему значенію, количествомъ олбоковъ, на которыхъ они имѣютъ право сидѣть: есть гэгэны, имѣющіе девять олбоковъ, у другихъ ихъ семь и пять, но менѣе пяти ни одинъ изъ хубилгановъ имѣть не можетъ. Тѣ гэгэны, которые имѣютъ у себя какъ преимущество семь и девять олбоковъ, обыкновенно устраиваютъ для себя еще особое мѣсто

---

1) Существомъ, обладающимъ четырьмя безстрашіями (འཇགས་ཀྱི་ལྷ་མོ་ལྔ་པོ་ལྔ་པོ་) называется то, которое а) хранить въ себѣ увѣренность, что оно достигло состоянія будды; б) что оно уничтожило въ себѣ суетность (འཇགས་ཀྱི་ལྷ་མོ་ལྔ་པོ་ལྔ་པོ་) и освободилось отъ препятствій — матеріи; в) что оно прониклось божественною святостью и д) что оно проповѣдало священное ученіе. — (Хайби-чжунай, л. 169-й).

въ ряду ламъ. Мѣсто это поставляется всегда на лѣвой сторонѣ и конечно впереди всѣхъ ламскихъ сѣдалищъ; по формѣ своей оно представляетъ обыкновенное ламское кресло, т. е. табуретъ съ приставленнымъ къ нему «түшилгэ», на которомъ лежитъ то число олбоковъ, которое имѣетъ право употреблять гэгэнь. На мѣстахъ этихъ гэгэны, собственно говоря, никогда и не сидятъ, но всегда ставятъ ихъ и едва ли только не для того, чтобы было извѣстно, сколько они имѣютъ олбоковъ, такъ какъ на обыкновенномъ своемъ престолѣ, т. е. на «арсалантү тэбцэнь», ни въ какомъ случаѣ не могутъ они употреблять свыше пяти олбоковъ. Помимо сего у самыхъ дверей храма, по обѣимъ сторонамъ ихъ, и на нѣкоторомъ возвышеніи отводится еще два мѣста, которыя назначаются для храмовыхъ гэгбүевъ, или блюстителей порядка во время совершенія богослуженій. Мѣста гэгбүевъ представляютъ собою такіе же табуреты съ түшилгэ, какіе бываютъ и у высшихъ ламъ, а количество лежащихъ на нихъ олбоковъ сообразуется съ заслуженностью личности гэгбүя, хотя и никогда не бываетъ менѣе трехъ.

Главнѣйшимъ предметомъ чествованія въ буддійскомъ храмѣ являются *шүтэны* (ལྷ་མོ་), или изображенія божествъ, которыми наполняютъ буддисты всѣ свои храмы. Болѣе обыкновенно эти шүтэны на языкѣ монголовъ, какъ и самыя божества, носятъ названіе бурхановъ. По способу своего приготовленія, изображенія бурхановъ бываютъ весьма разнообразны, такимъ образомъ они дѣлаются литыми и коваными изъ золота, серебра, бронзы и преимущественно изъ мѣди (цатхамаль རྩ་མཚན་ལྷ་མོ་); бываютъ также рѣзные изъ дерева, лѣпные изъ глины и изъ палье-маше, вытесанные изъ камня, высѣченные на камнѣ и наконецъ рисованные на кожѣ, на бумагѣ, а чаще всего на полотнѣ (хүрүкь ལྷ་མོ་). Главнѣйшіе изъ нихъ, являющіеся въ формѣ статуй, всегда разставляются въ кумирнѣ по ея сѣверной стѣнѣ; рисунки располагаются по боковымъ стѣнамъ, или же на длинныхъ снурахъ свѣшиваются съ потолка.

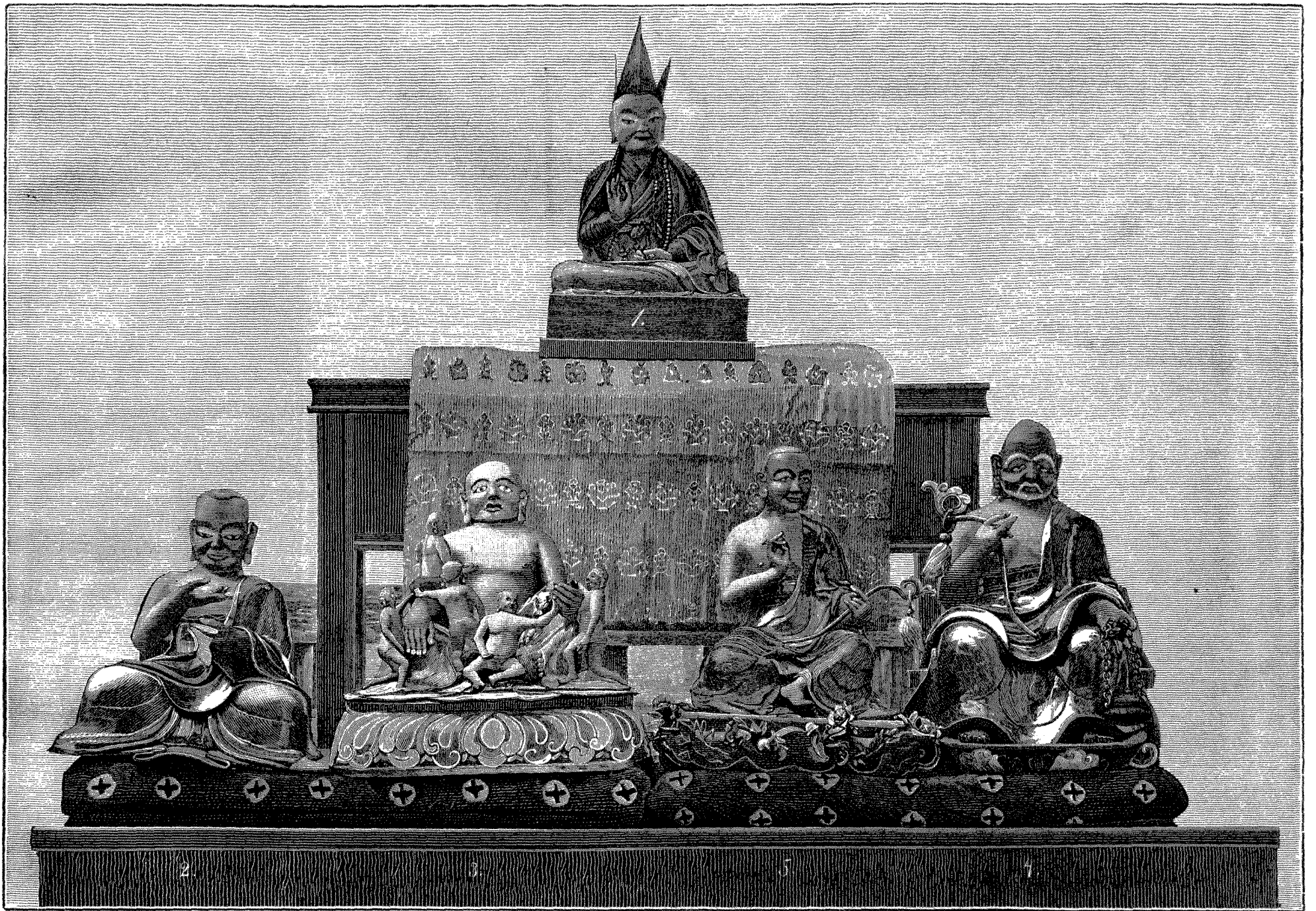
Происхожденіе бурхановъ, т. е. изображеній божествъ, буддисты относятъ къ самому первоначальному времени существо-

ванія своей религіи, употребленіе же ихъ при храмахъ почитаютъ заповѣдью самого Шигэмуні-будды. Въ сочиненіи «Гэртэнъ бэр тахиль бэлэтхэху йосонъ» разказывается, что въ одно время Маньчжүшри обратился къ буддѣ съ такою рѣчью: Всесовершенный, нынѣ предметомъ чествованія для всѣхъ одушевленныхъ существъ являешься ты, дѣйствительно существующій и пребывающій среди насъ будда; какъ же поступать намъ, когда ты сдѣлаешься нирваною (умрешь)? Будда отвѣчалъ: «теперь друзья мои чествуютъ меня самого, въ будущемъ же времени, если будутъ благоговѣйно чествовать мои изображенія, то это хотя и будетъ нѣсколько различаться, однако добродѣтель въ сущности будетъ одна и таже и значеніе будетъ одно и то же, потому что такое дѣяніе освящено буддою. Младенчествующіе умомъ и глупые не могутъ постигнуть этого». Находящіеся въ настоящее время въ Хлассѣ кумиры, такъ называемыхъ большаго и малаго цзү (изображенія Шигэмунія), по вѣрованію буддистовъ, подробно изложенному въ сочиненіи «Хлассайнъ мүнъхэ цзүйнъ оронъ», получили свое начало во времена Шигэмунія и были самолично освящены имъ. Такимъ образомъ чествованіе кумировъ, какъ изображеній божествъ, буддисты почитаютъ заповѣдью самого Шигэмунія; они относятся къ этимъ кумирамъ съ величайшимъ почтеніемъ; тѣмъ не менѣе было бы весьма ошибочно полагать, что буддисты именно эти кумиры почитаютъ своими божествами: по ученію буддизма, шүгэны, или бурханы, должны служить только напоминать вѣрующимъ о тѣхъ божествахъ, которыя они изображаютъ. Въ этомъ отношеніи высшую степень отвлеченія представляетъ собою кумиръ Лама-Чэтбò. Фигура этого бурхана представляетъ собою обыкновеннаго ламу, одѣтаго въ духовныя одежды (ᠯᠠᠮᠠ ᠴᠡᠲᠦᠨ), держащаго въ рукахъ книгу и сидящаго въ молитвенной позѣ (ᠯᠠᠮᠠ ᠴᠡᠲᠦᠨ). По своему названію лама - чэтбò (монгол. йэхэ бакші) въ дословномъ переводѣ значить—великій учитель, и какъ, по ученію будды, каждый правый вѣрный буддистъ долженъ вѣровать, воздавать почести и поклоняться своему учителю также точно какъ и буддѣ, то на этомъ основаніи кумиру лама-чэтбò усваивается именно выраженіе идеи

учителя: каждый, преклоняясь предъ этою статуею, долженъ видѣть въ ней своего наставника, возноситься мыслью къ его духу и возсылать къ нему свои хвалы и моленія.

Изображенія своихъ божествъ буддисты раздѣляютъ главнымъ образомъ на два отдѣла: а) амурлингуй бурхановъ (божествъ покойныхъ) и б) докшитовъ (божествъ свирѣпыхъ и грозныхъ). Оба эти вида бурхановъ рѣзко различаются между собою по своимъ внѣшнимъ формамъ и имѣютъ у себя развѣ только одно общес — подставку, или пьедесталь, на которомъ представляются они стоящими, или сидящими: таковою подставкою какъ у амурлингуй бурхановъ, такъ и у докшитовъ является священный львиный престолъ, подробное описаніе и значеніе котораго уже было представлено выше. Что касается покрывекъ львинаго престола, на которыхъ собственно водружаются статуи бурхановъ, то онѣ являются уже различными: такъ у однихъ бурхановъ покрывкою престола бываетъ цвѣтокъ падма (*nelumbium speciosum*), знаменующій свою отчужденность сидящаго на немъ отъ всякой нечистоты грѣха; у другихъ — солнце, или луна, которыя обозначаютъ, что сидящій на львиномъ престолѣ бурханъ или содержитъ въ своей власти средства (𑖀𑖃𑖄) спасенія, или же въ высшей степени обладаетъ мудростью, при посредствѣ которой получается спасеніе (𑖀𑖃𑖄). На этомъ основаніи у амурлингуй бурхановъ на львиномъ престолѣ бываетъ послана или луна, или же цвѣтокъ падма и луна; а у докшитовъ — солнце. Впрочемъ бурхановъ, отливаемыхъ въ небольшихъ размѣрахъ буддисты представляютъ сидящими на львиномъ престолѣ очень рѣдко: въ этомъ видѣ ихъ обыкновенно лишаютъ божественнаго трона, предоставляя имъ какъ сѣдалище только цвѣтокъ падму, да изображеніе солнца и луны.

По своей внѣшней формѣ амурлингуй бурханы раздѣляются на два рода: къ первому разряду принадлежатъ такъ называемые «*дэгэдү амуулангтү бурханай шүтэнгэ*», — это изображенія такихъ божествъ, почитаніе которыхъ составляетъ основу буддйскаго вѣроученія, изображенія такихъ буддъ, о которыхъ проповѣдалъ и училъ самъ Шигэмүни, или же которые жили и дѣй-

Забайкальская область. Бурятские бурханы в Онинском Дацанѣ. Съ фотогр. Дингеса, грав. М. Рашевскій.

1) Тараната, первосвященникъ. 2) и 4) Одинъ изъ 16 бурхановъ одного названія. 3) Даженсонъ, владыка монголовъ, съ дѣтьми—богъ плодородія. 5) Братъ Даженсона—Яила-Кжанъ.

ствовавали въ его время; ко второму разряду относятся *амугулантъу бурханай шүтэнз*, т. е. изображенія такихъ божествъ, ученіе о которыхъ не было проповѣдано Шигэмүниемъ, но которые достигли состоянія высшей буддійской святости и сдѣлались буддами уже послѣ пребыванія его на землѣ, послѣдую его ученію и заботясь о распространеніи и развитіи этого ученія. Общими чертами въ изображенія бурхановъ обоихъ помянутыхъ родовъ является то, что всѣ они имѣютъ у себя глаза, потушенные внизъ и на половину закрытые, и это долженствуетъ выражать собою ту мысль, что святые этого рода не только отрѣшили отъ всѣхъ матеріальныхъ вліяній свой духъ, но и всецѣло погрузились имъ въ созерцаніе, сдѣлавшись чуждыми всему, происходящему во внѣшности. Это состояніе полнѣйшаго буддійскаго покоя, достигаемое неуклоннымъ упражненіемъ духа въ дѣлахъ вѣры и добродѣтели. Сообразно этой основной мысли, всѣ эти бурханы имѣютъ у себя покойныя и улыбающіяся лица, а въ рукахъ (которыхъ бываетъ до тысячи) необходимо держать какія либо принадлежности церковной утвари, какъ-то: книгу, вачіръ, колокольчикъ, чашку, извѣстную подъ именемъ бадра, цвѣтокъ падма и проч. Обращаясь къ самымъ формамъ, въ которыхъ изображаютъ монголы амурлингуй бурхановъ перваго рода, т. е. «дэгэдү амугулантъу бурхановъ», нельзя не сказать, что онѣ очень не разнообразны, особливо если принять въ расчетъ то громадное количество бурхановъ, которое признается буддизмомъ. Всѣ дэгэдү амугулантъу бурханы имѣютъ у себя волосы, всчесанные въ одинъ пучекъ на макушкѣ (усніръ) и, какъ особеннымъ признакомъ божественной красоты, обладаютъ необыкновенно длинными ушами. Тѣло ихъ на половину обнажено и по большей части не имѣетъ на себѣ никакой одежды кромѣ оркимчжй, или широкаго платя, накидываемаго на лѣвое плечо, а отсюда спускающагося внизъ и плотно окутывающаго нижнюю часть тѣла, начиная нѣсколько ниже пупка. Поза, въ которой сидятъ эти бурханы и которую монголы называютъ «очіръ цзабилатъ», есть поджатая впереди себя ноги и переплетенныя такъ, что вывороченная стопа каждой ноги лежитъ на колѣнной кости другой ноги. Вотъ общая форма, въ ко-

торой изображаются всѣ дэгэдү амугулантү бурханы. Такъ какъ физиогноміи ихъ совершенно одинаковы, то узнавать ихъ главнымъ образомъ можно или по предметамъ, которые они держатъ въ рукахъ, или по цвѣту, въ который они окрашены, потому что цвѣтъ лица у бурхановъ различенъ,—есть бѣлые, желтые, красные, зеленые, синіе и проч. Но и всѣ эти различія могутъ помочь весьма мало и при посредствѣ ихъ можно узнать, собственно говоря, только самыхъ обыкновенныхъ шүтэновъ, изображенія которыхъ можно встрѣчать почти въ каждомъ храмѣ. Объ этихъ бурханахъ буддизмъ разказываетъ довольно подробно, имѣетъ ихъ исторіи и объясняетъ значеніе всего, что составляетъ ихъ атрибуты. Таковъ напримѣръ будда Шигэмүни, основатель буддизма, который, какъ проповѣдникъ нищенства, завѣщавшій своимъ послѣдователямъ питаться только отъ сбора подаяній, изображается съ одною только чашею въ рукахъ; таковъ желто-тѣлый Майдари; таковъ одиннадцати-лицый Арія-балло, который въ древности, скорбя о порокахъ одушевленныхъ существъ, разбилъ свою голову на одиннадцать частей, изъ которыхъ каждая образовала потомъ собою отдѣльную голову; такова наконецъ Дарà-эхэ, которая впервые отъ начала бытія, пожелала, не мѣняя своего женскаго тѣла на мужское, устроить благо одушевленныхъ существъ и получила высшую степень бодисатвы. Изображенія этихъ божествъ, говорю я, обосновываются или на ихъ исторіи, или на приписываемыхъ имъ качествахъ; они легки для изученія и служатъ нагляднымъ пособіемъ къ запоминанію самаго ученія о божествахъ и усвояемыхъ имъ свойствахъ: такъ, изображеніе Маньчжушри, держащаго въ лѣвой рукѣ падму съ книгою, а правою поднявшаго мечъ (по толкованію, посѣкающій неразуміе), прямо свидѣтельствуетъ о немъ, какъ о богѣ мудрости. Но что сказать о массѣ божествъ, не имѣющихъ ни какого отличія и изображаемыхъ по общимъ пріемамъ съ усниромъ на головѣ и круглымъ лицомъ, съ узенькими глазками и длинными ушами, съ полуобнаженнымъ тѣломъ, сложенными на колѣнахъ руками и вывороченными ногами? Такія изображенія надо считать тысячами и понятно, что при этой общности формъ опредѣлять бур-

хановъ очень трудно. Самый ученѣйшій лама не можетъ назвать бурхановъ, если только имена ихъ не будутъ обозначены подписью, потому что другихъ средствъ для распознаванія нѣтъ и не можетъ быть, хотя бы изображеніе было самое подробное. Дѣло въ томъ, что буддисты, наполнивъ свой духовный міръ безконечнымъ множествомъ буддъ трехъ временъ: прошедшаго, настоящаго и будущаго, создали ихъ оеософію весьма обще, а тѣмъ конечно осудили на бѣдность и иконологію. Впрочемъ, то и другое весьма естественно, потому что какъ бы ни была велика фантазія человѣка, она все таки не въ состояніи начертать столькихъ отдѣльныхъ образовъ и отдѣльныхъ событій, сколько потребно было бы для всѣхъ созданныхъ буддизмомъ божествъ. Въ настоящее время можно поистинѣ даже удивляться икономаніи буддистовъ, старавшихся во чтобы то ни стало достигнуть того, чтобы число внѣшнихъ изображеній бурхановъ соотвѣтствовало бы числу буддъ и бодисатвъ, упоминаемыхъ въ ихъ обширномъ ученіи о божествахъ. Шигэмүни проповѣдалъ, на примѣръ ученіе о 1000 буддъ, имѣющихъ явиться въ мірѣ: онъ разказалъ, какъ будутъ каждаго изъ нихъ звать по имени, изъ какого сословія будетъ каждый изъ нихъ происходить, какъ будутъ звать у каждаго изъ нихъ отца и мать, въ какомъ городѣ каждый изъ нихъ родится и сколько лѣтъ будетъ управлять міромъ; но за симъ не очертилъ ихъ больше ни какими красками. Что же оставалось дѣлать буддійскимъ иконологамъ? Откуда брать сразу столько разнообразныхъ изображеній? Они и порѣшили разумнымъ судомъ раздѣлить этихъ 1000 буддъ на пять отдѣловъ, да и изображать по двѣсти буддъ одинаково. Такимъ образомъ отливаются и рисуются изображенія цѣлой тысячи различныхъ буддъ всего только по пяти образцамъ, которые отличаются другъ отъ друга лишь тѣмъ, что у одного обѣ руки сложены на колѣнахъ, другой одну руку держитъ на колѣнѣ, а другою благословляетъ и т. д. Должно замѣтить, что изображенія этихъ 1000 буддъ необходимо находятся въ каждой монгольской кумирнѣ. Такъ какъ металлическія статуи ихъ стоятъ довольно дорого (не менѣе 3000 серебряныхъ рублей), то въ большинствѣ монгольскихъ кумирень изображенія

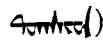
ихъ встрѣчаются рисованныя и всегда на одномъ громадномъ полотнянномъ свиткѣ; но въ большихъ монастыряхъ ваяныя фигуры тысячи буддъ составляютъ необходимую принадлежность. Они располагаются обыкновенно по восточной и западной стѣнамъ храма въ шкафахъ, раздѣленныхъ на полки, которыя въ свою очередь перегорожены на клѣточки; въ каждой клѣточкѣ ставится по три бурхана, статуя же Шигэмүнія царить среди всѣхъ ихъ единично.

Что касается втораго отдѣла амурлингуй бурхановъ, иначе называемыхъ амугулантуй бурханами, то изображенія ихъ хотя и болѣе разнообразны, однако же не менѣе трудны для опредѣленія. Прежде всего нужно сказать, что всѣ эти бурханы суть изображенія различныхъ ламъ, въ разное время дѣйствовавшихъ на пользу буддизма, отсюда характеристичными чертами для познанія ихъ служатъ прежде всего ихъ одежды и особливо шапки. Бурханы, чествованіе которыхъ заимствовано изъ Индіи, которые жили, дѣйствовали и прославились въ Индіи, естественно разнятся по своимъ изображеніямъ отъ бурхановъ, культъ которыхъ обосновался въ Тибетѣ. Тибетскіе вѣропроповѣдники и святители краснаго толка въ свою очередь различествуютъ отъ тибетскихъ же вѣропроповѣдниковъ желтаго ученія, а эти послѣдніе конечно разнятся отъ тѣхъ, которые жили и прославились уже въ собственной Монголіи. Такимъ образомъ представляется весьма не труднымъ отличить статуи Падма Самбавы или Чжу-адиши¹⁾ отъ статуи Цзонхавы, а статую Цзонхавы отъ изображенія халхаскаго Чжэбцзунъ-дамба-хутухты; но коль скоро дѣло доходитъ до прославленныхъ буддистами многочисленныхъ дѣятелей, принадлежащихъ одной какой либо странѣ и школѣ, то опять и невольно возникаютъ недоумѣнія. У одного Цзонхавы, на примѣръ, насчитывается свыше 70 главныхъ учениковъ, которые всѣ почитаются бодисатвами и прославляются буддистами: всѣ они изо-

---

1) Такъ произносятъ собственно монголы, тибетцы же говорятъ Чжо-адиша (ཇོ་འདི་ཤི་ཤ།).

бражаются на одно лицо, всѣ одѣты въ священныя «номтү дэбэль» и различаются развѣ тѣмъ, что одинъ держитъ книгу, другой колокольчикъ, третій благословляетъ одною рукою, четвертый двумя и т. д. Удержатъ въ памяти всѣ эти особенности конечно трудно и опредѣлять точно бурхановъ дѣлается еще невозможно, когда нѣсколько изъ нихъ изображаются совершенно одинаково.

Изображенія докшитовъ (т. е. свирѣпыхъ божествъ) какъ бы въ совершенную противоположность амурлингуй бурханамъ, соединяютъ въ себѣ все, что можетъ представить безобразнаго и уродливаго человѣческая фантазія. Какъ божествъ, буддисты раздѣляютъ докшитовъ на два рода: одни изъ нихъ суть будды, — собственно «идамъ бурханы», каковы Ямандага (Yamantaka འཇིགས་ཕྱེད་པ་), Махагала (санск. Mahākāla тиб. མཁའ་ལྷ་པོ་) и проч.; другіе еще находятся на степеняхъ бодисатвъ, таковыми, представляются всѣ Чой-чжины, (ཇོ་མོ་ཉིད་) или по монгольски «номъйнъ сакусунъ», санск. dharmarāla). Съ внѣшнею позою, въ которой обыкновенно изображаютъ докшитовъ, монголы соединяютъ понятіе пляски и поза эта у всѣхъ докшитовъ одна и та же: широко разставленныя ноги съ нѣсколько согнутымъ правымъ колѣномъ, распростертыми, нѣсколько приподнятыми вверхъ руками и загнутою влѣво головою. Далѣе по внѣшней формѣ изображенія докшитовъ могутъ быть раздѣлены на три рода: во 1-хъ) докшиты въ сладострастныхъ формахъ (уцзүгүргэхуй байдал-танъ); во 2-хъ) докшиты въ формахъ, которыя монголы называютъ богатырскими (багатуръ байдал-танъ) и въ третьихъ докшиты въ формахъ ужасныхъ (сүрхэй, говабусу байдал-танъ), т. е. докшиты съ лицами полными гнѣва и окруженными принадлежностями смерти, пытки и мученій. Докшитовъ, изображаемыхъ въ формахъ самаго чувственнаго сладострастія (тачійнгуи байдал), чрезвычайно много. Всѣ божества этого рода изображаются съ совершенно обнаженнымъ тѣломъ, даже съ непокрытыми половыми органами, которые при томъ изображаются въ возбужденномъ состояніи. Для при-

мѣра беремъ фигуру Чойчжила, или Эрликъ-хана, изображеніе котораго можно встрѣтить въ каждой кумирнѣ и почитаніе котораго едва ли не самое распространенное между монгольскими буддистами. Въ своей пляшущей позѣ онъ стоитъ на украшенномъ самыми разнообразными привѣсками и соединяющемся съ женщиною быкѣ. Чойчжилъ имѣеть человѣческое тѣло и какія то звѣриныя ноги, украшенныя впрочемъ золотыми браслетами, усыпанными драгоценными камнями. Въ распростертой правой рукѣ онъ держитъ скипетръ, изображающій собою скелетъ ребенка съ удлиненнымъ становымъ хребтомъ, который и служитъ рукояткою для скипетра. Въ лѣвой рукѣ Чойчжилъ держитъ трезубчатыя вилы и этою же рукою онъ хочетъ обнять подающую ему, наполненный кровью человѣческой черепъ (габала), женщину, совершенно голую. Голова Чойчжила бычья, съ тѣлою изъ пяти человѣческихъ череповъ и необыкновенно большими рогами, а глаза смотрятъ искоса на подходящую женщину; все тѣло украшено превосходными ожерельями, драгоценными опоясаниями, а на рукахъ блестящія запястья. Другіе докшйты изъ отдѣла сладострастныхъ также подобны Чойчжилю. Большинство ихъ изображается съ какими либо звѣринными головами и всѣ они или цѣлуются, или совокупаются съ женщинами на самые разнообразные манеры.

Второй родъ докшйтовъ, имѣющій, какъ говорятъ монголы, богатырскій видъ (батурлахуй янцутанъ), изображается обыкновенно въ формахъ человѣческаго тѣла, только формамъ этимъ, сообразно приписываемой докшйтамъ этого рода силѣ, придаются размѣры и видъ, свидѣтельствующіе объ ихъ крѣпости и могуществѣ. Такимъ образомъ челюсти этихъ докшйтовъ обладаютъ огромными глазными зубами, выдающимися наружу въ видѣ клыковъ; руки и ноги ихъ необыкновенно жилисты и толсты, съ огромными, похожими болѣе на когти, ногтями пальцевъ. Какъ бы въ доказательство своей силы, они всегда попираютъ или какихъ либо дикихъ звѣрей, или чудовищъ, измышленныхъ фантазією буддійскихъ иконологовъ. Другой способъ для олицетворенія силы, приписываемой этимъ докшйтамъ, есть увеличеніе числа чле-

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С. П. Б.

БУРХАНЪ ИЗЪ ОТДѢЛА „ДОКШИТЬ“

новъ ихъ тѣла; такимъ образомъ являются докшиты съ нѣсколькими головами, громаднымъ числомъ рукъ, ногъ и проч.

Наконецъ третій отдѣлъ докшитовъ—ужасныхъ и безобразныхъ (сурхэй гова-бусу) по своимъ личнымъ формамъ почти ничѣмъ не разнится отъ докшитовъ батуровъ, они только не попираютъ ни какихъ чудовищъ, а или стоятъ прямо на усвоенномъ всѣмъ докшитами кругѣ солнца, или же изображаются сидящими верхомъ на какомъ либо животномъ: лошади, мулѣ, слопѣ, львѣ, тигрѣ и проч. Въ рукахъ докшиты этого рода обыкновенно держатъ черепа и человѣческія кости, разнаго рода оружіе, змѣй, гадовъ и пр. Нахмуренныя брови и искаженныя отъ злобы морщинами лица составляютъ особый и отличительный признакъ бурхановъ этого рода.

Страннымъ и даже просто непонятнымъ могутъ показаться для человѣка, незнакомаго съ буддизмомъ эти циничныя и ужасныя формы божествъ; но въ глазахъ буддистовъ все это имѣетъ свой великій смыслъ и свое таинственное значеніе. Такимъ образомъ общее для всѣхъ докшитовъ безобразіе и искаженіе злобою лицъ ихъ служитъ прямымъ выраженіемъ ихъ отвращенія отъ предметовъ матеріальнаго міра и постоянного стремленія ихъ подавить матеріальное, грѣховное начало. Чудовищныя формы тѣла докшитовъ знаменуютъ собою ихъ страшную силу, которая даетъ имъ полную возможность бороться и побѣждать злое начало въ мірѣ. Изображеніе докшитовъ въ совершенной наготѣ свидѣтельствуемъ о полнѣйшемъ удаленіи (свободѣ) ихъ отъ всѣхъ препятствій къ спасенію. Подавливаніе ими различныхъ чудовищъ знаменуетъ побѣду ихъ надъ врагами спасенія. Объятіямъ женщинъ и совокупленіямъ съ ними придается иносказательный смыслъ полнѣйшаго удовлетворенія всѣхъ пожеланій и распространенія великаго блаженства. Говорить болѣе подробно о значеніи докшитскихъ изображеній мы здѣсь не будемъ и желающихъ ознакомиться съ этимъ значеніемъ нѣсколько основательнѣе отсылаемъ къ статьѣ о докшитахъ, изложенной въ примѣчаніяхъ къ нашему сочиненію «Ургинскіе хутухты» (стр. 51—63); хотя считаемъ долгомъ замѣтить здѣсь, что выяснить въ частности смыслъ

каждаго докшитскаго изображенія почти невозможно, именно въ силу сложности предмета и обилія его значеній. Каждый докшитъ имѣетъ свои особыя формы и всякой изъ этихъ формъ усвоится опять таки особое духовное значеніе: каждая рука, нога, каждый глазъ и чуть ни каждый волосъ на головѣ имѣетъ свое значеніе въ иконологіи буддистовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ изслѣдованіе ея ученій относительно изображенія божествъ, должно составить цѣлые томы. Не менѣе точны и пособія, данныя буддизмомъ его иконографамъ; пособія, въ которыхъ обыкновенно ни одного слова не говорится о значеніи той или другой части бурхановъ, но въ которыхъ подробно выясняется, каковы именно должны быть по своимъ внѣшнимъ формамъ изображенія бурхановъ. Такъ какъ европейская литература до сего времени еще не была знакома съ характеромъ монголо-буддійскихъ сочиненій по иконографіи, то я позволяю себѣ представить нѣсколько краткихъ выдержекъ изъ сочиненій этого рода, чтобы съ одной стороны познакомить своихъ читателей съ характеромъ помянутыхъ произведеній монгольской литературы, а съ другой еще точнѣе и обстоятельнѣе, словами самихъ монголовъ, указать формы изображенія буддійскихъ бурхановъ.

Такъ какъ будда Шигэмүни почитается основателемъ буддизма, то указаніями его изображеній обыкновенно начинается каждое иконографическое сочиненіе монголовъ. Въ сочиненіи «Цагунъ-хүрдэ», говорится, что «вообще всесовершеннѣйшаго будду приличнѣе изображать въ тѣхъ формахъ, какія имѣлъ онъ на землѣ и при этомъ разказывается, что Шигэмүни отъ вершины уснѣра (иначе санск. uchnīcha, тиб. ཡུ་ཤུ་གྲོ་འུ་རྩེ་) до подошвы ступни былъ вышиною въ 125 пальцевъ¹⁾; точно также и при распростертыхъ рукахъ отъ оконечности правой руки до оконечности лѣвой онъ имѣлъ тоже 125 пальцевъ; короче

¹⁾ При наименованіи различныхъ мѣръ у буддійскихъ иконографовъ принято принимать за одно: 12-ть хуби (частей), одну ладонь, одну пядень и двѣнадцать пальцевъ. Одинъ палецъ, одна малая хуби, и восемь ячменныхъ зеренъ также одинаковы. Одно ячменное зерно и одно кунжутное зерно также одинаковы.

сказать сверху вниз и справа на лѣво онъ былъ одинаковъ, — квадратный. Нѣтъ сомнѣнiя, что именно на этомъ основанiи въ статуяхъ Шигэмүниа насъ особенно поражаетъ длина его рукъ.

Въ сочиненiи «Вачир'унъ ицагүр'ун цзабсаръ» относительно изображенiй Шигэмүни въ его натуральную величину говорится нѣсколько подробнѣе, а именно: «у всесовершеннѣйшаго будды отъ вершины уснiра до междубровiя — одна ладонь; отъ междубровiя до горла одна ладонь; отъ горла до сердца — одна ладонь; отъ сердца до пупка одна ладонь; наконецъ одна ладонь отъ пупка до скрытыхъ частей (𑖀𑖂𑖃𑖄). Такова верхняя часть тѣла. Въ нижней части, лядвiя = 25 пальцамъ; сѣдалищная кость = 4-мъ пальцамъ; колѣнная чашка = 4-мъ пальцамъ; голенная кость = 25-ти пальцамъ; толщина ступни въ ногѣ = 4½ пальцамъ и подошва ступни въ ногѣ въ длину = 14 пальцамъ. Въ ширину тѣло будды должно быть слѣдующаго размѣра: отъ центра груди въ одну сторону 12½ пальцевъ, плечевая кость 20-ть пальцевъ, локтевая кость 16 пальцевъ; ладонь въ рукѣ до оконечности пальцевъ = 12-ти пальцамъ. Между плечевою и локтевою костью — одинъ палецъ; между плечевою костью и ключицею — одинъ палецъ. Точно также и съ другой стороны. Еще болѣе подробно главнѣйшiя части лица будды измѣряются такъ: величина уснiра на головѣ = 4-мъ пальцамъ; за симъ до оконечности волосъ 4½ пальца; лобъ = 4-мъ пальцамъ; носъ = 4-мъ пальцамъ; ротъ и подбородокъ = 4½ пальцамъ.

Въ сочиненiи «Дэгэдү амугуланъ санваръ» относительно изображенiя всѣхъ вообще бурхановъ говорится: «Форма лица блаженныхъ (амугулантъү) буддъ подобна куриному яйцу, т. е. почти круглая, суживающаяся книзу; у Дагiни (женскихъ божествъ) похожа на кунжутное зерно, т. е. болѣе продолговатая; у биритовъ и чертей (бутà), а также у бурхановъ докшiтовъ (свирѣпыхъ, гнiевъ хранителей ученiя) она или совершенно круглая, или же четырехугольная. Въ тѣлахъ ихъ должно быть соблюдаемо слѣдующее различiе: у бурхановъ, принадлежащихъ къ отдѣлу высокоблаженныхъ (дэгэдү амугулантъү) тѣло равняется 10-ти ладонямъ; вышина головной повязки = одной ладони; цвѣтъ линхоа,

или падма, составляющій подножіе бурхана = 3-мъ пальцамъ; изображеніе солнца на подножіи = 1-му пальцу; попираемыя бурханами существа должны быть величиною въ восемь пальцевъ, все же подножіе вмѣстѣ взятое = 12-ти пальцамъ, или одной ладони, а въ итогѣ отъ подножія до вершины уснѣра бурханы помянутыхъ родовъ должны имѣть 12 ладоней. У всѣхъ Дарѣ эхѣ (женскихъ божествъ) величина тѣла должна быть въ 9-ть ладоней, потому что только при этомъ условіи объемъ ихъ будетъ находиться въ соотвѣтствіи съ изображеніями другихъ божествъ, а равно и согласоваться съ нашими представленіями (сэтхиль-дур цохистай). Докшіты имѣютъ въ тѣлѣ восемь четвертей, поднятые на головѣ волосы ихъ равняются одной четверти, равно и подножіе — одной четверти, такъ что все вмѣстѣ изображеніе докшітовъ должно равняться десяти четвертямъ.

Тоже сочиненіе относительно изображенія Бурханъ-бакші, т. е. будды Шигэмүни съ большею подробностью сообщаетъ, что у Шигэмүни вышина прически волосъ (уснѣръ) должна быть въ 4-ре пальца; длина глаза = 4-мъ пальцамъ, а ширина = 2-мъ пальцамъ; длина отверстія уха въ 2 пальца; отверстіе въ срединѣ уха $\frac{1}{2}$ пальца; длина рта = 4-мъ пальцамъ отъ подбородка до горла у него 8 пальцевъ; ключица величиною = одной пяди; верхняя оконечность плечевой кости величины двухъ пальцевъ; отъ ямки мышцъ до оконечности пальцевъ 4 пяди; ладонь руки по длинѣ = 7-ми пальцамъ; средній палецъ = 5-ти пальцамъ; указательный палецъ ниже его на половину верхняго сустава, на четыре ячменныхъ зерна ниже средняго пальца палецъ безымянный; а ниже его на суставъ мизинецъ. У этихъ четырехъ пальцевъ на третьемъ верхнемъ суставѣ ногти, а у большаго пальца ноготь на второмъ суставѣ; палецъ этотъ нѣсколько ниже половины перваго сустава пальца указательнаго. Всѣ пальцы въ окружности должны имѣть величину 12-ти пальцевъ. Отъ мышцы до мышцы — 12 пальцевъ, таже мѣра и назадъ; впадина мышцъ = 5-ти пальцамъ. Сосокъ грудей величины ячменнаго зерна, а красноватое вокругъ него величины 4-хъ ячменныхъ зеренъ. Дѣтородный удъ величиною въ половину лица; шулята въ длину 5

пальцевъ, а толщиною у основанія въ 4 пальца. Лядвія имѣють въ длину 25 пальцевъ; голенная кость тоже 25 пальцевъ; въ промежуткѣ между ними голенная чашка равняется тремъ пальцамъ¹⁾; щиколка величиною въ 2 пальца, толщина подошвы = 4-мъ пальцамъ²⁾, толщина пятки 6 пальцевъ».

Въ сочиненіи «Цагун-хүрдэ» говорится: «Очи (нитà) всесовершеннаго будды имѣють въ ширину 2 ячменныхъ зерна, а въ длину 2 пальца и 6 ячменныхъ зеренъ³⁾, по формѣ же они подобны луку. У амугулантү бурхановъ очи имѣють въ ширину 4 ячменныхъ зерна, а въ длину 20 ячменныхъ зеренъ и имѣють форму цвѣтка Утбала. Очи «докшйтовъ» должны имѣть въ ширину 10 ячменныхъ зеренъ, а въ длину 14 и такимъ образомъ представляются почти круглыми. У дагйни (женскихъ божествъ) очи шириною въ 6 ячменныхъ зеренъ, а длиною въ 15 и похожи на рыбій пузырь. Ширина носа у Бурханъ-бакшй — 2 пальца; вышина $1\frac{1}{2}$ пальца, ноздри въ поперечникѣ $\frac{1}{2}$ пальца, а въ длину $1\frac{1}{2}$ пальца, промежутокъ между двумя ноздрями $\frac{1}{2}$ пальца. Лицо его въ окружности отъ одного уха до другаго по лицевой сторонѣ — 18 пальцевъ, по задней — 14 пальцевъ, а всего имѣетъ въ окружности 32 пальца. Горло въ окружности 24 пальца; плечевая кость — 20 пальцевъ; локтевая — 16 пальцевъ; локтевая у ладони (царбагү) — 12 пальцевъ. Отъ груднаго соска назадъ до оконечности реберъ — 12 пальцевъ. Окружность всего тѣла у реберъ — 45 пальцевъ, у пупка — 46; ниже пупка на 8 пальцевъ, т. е. тамъ, гдѣ полагается вершина опоясанія, — 18 пальцевъ. На вершинѣ каждая лядвія у будды имѣетъ въ окружности 36 пальцевъ, въ срединѣ — 32; окружность голени = 28 пальцамъ, окружность ноги посрединѣ икры = 21-му пальцу, а на оконечности икръ = 14-ти пальцамъ».

Вотъ образецъ тѣхъ наставленій, которыя даетъ буддизмъ своимъ иконографамъ для изображенія бурхановъ; по этимъ же

1) А по сочиненію «Вачирүнгъ ицагүрун цзасаръ», = 4 пальца.

2) По тому же сочиненію — $4\frac{1}{2}$ пальца.

3) Слѣдовательно только $2\frac{2}{4}$ пальца, тогда какъ по сочиненію «Дэгэдү амугулантү санваръ» длина глаза должна быть въ 4 пальца.

наставленіямъ мы можемъ себѣ представить и фигуры и объемъ буддійскихъ кумировъ. Должно однако замѣтить, что бурханы, встрѣчающіеся въ монгольскихъ храмахъ не всѣ отливаются въ указанной величинѣ, равно какъ и рисованныя изображенія буддійскихъ божествъ бываютъ у монголовъ въ высшей степени разнообразны, начиная отъ величины трехъ, четырехъ сажень и кончая фигурками меньшими вершка. Тѣмъ не менѣе при дѣланіи бурхановъ монгольскими художниками всегда и обязательно принимаются къ руководству всѣ вышеуказанныя правила: каждая часть тѣла бурхановъ увеличивается, или уменьшается совершенно пропорціонально съ общимъ увеличеніемъ, или уменьшеніемъ ихъ изображенія, формы же каждаго бурхана, конечно остаются однѣ и тѣже, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ изображеніяхъ. Это обстоятельство весьма важно въ томъ отношеніи, что въ иконографіи буддистовъ никогда не встрѣчается ничего произвольнаго, а отсюда въ буддійскихъ кумирняхъ никогда нельзя встрѣтить и такихъ вольныхъ и небрежныхъ изображеній, какія исполняются, напримѣръ, нашими владимірскими богомазами.

Помимо литыхъ изображеній бурхановъ у главной, т. е. сѣверной стѣны храма, поставляются еще бронзовыя же фигуры субургановъ, обыкновенно называемыхъ у насъ пирамидами. Субурганы (санск. *tchâitya*, тиб. མཚོན་རྟེན་) суть собственно ничто иное какъ миниатюрное изображеніе древнихъ индійскихъ ступъ. По сказаніямъ буддистовъ, устройство субургановъ, какъ памятниковъ замѣчательнѣйшихъ священнѣйшихъ событій, начато было въ Индіи еще при жизни Шигэмунія будды; въ послѣдствіи субурганы воздвигались тамъ не только на мѣстахъ замѣчательныхъ событій, но служили еще гробницами для ламъ, извѣстныхъ святостью своей жизни и своими подвигами на благо буддійской вѣры. Понятно отсюда, что субурганы, устрояемые въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время, должны были имѣть у себя и разныя формы; но у монголо-буддистовъ субурганы по своему внѣшнему виду особенно не разнятся. Разсматривая фигуру субургана въ архитектурномъ отношеніи, мы находимъ,

что онъ состоитъ вообще изъ трехъ частей: пьедестала (сэнтэй), главной части (бумба) и шпица; въ частности же пьедесталъ можетъ быть раздѣленъ еще на слѣдующія составныя части:

а) *плинтъ*, состоящій изъ четырехъ ступеней, причемъ нижняя ступень наиболѣе массивна и высота ея представляетъ сумму высотъ остальныхъ четырехъ ступеней.

б) *фустъ*, представляющій сплошной параллелепедъ. Высота его равна высотѣ плинта, а апогема нѣсколько менѣе діаметра послѣдней ступени плинта.

с) *карнизъ*, состоящій изъ трехъ ступеней, при чемъ верхняя наиболѣе массивна и высота ея равняется суммѣ высотъ двухъ остальныхъ ступеней.

Главная часть субургана, *бумба*, покоится на базѣ (банъ-рймъ), состоящей изъ четырехъ главныхъ, равныхъ по высотѣ ступеней и двухъ меньшихъ, при чемъ одна изъ этихъ меньшихъ (гэбчжү) лежитъ при основаніи базы, а другая (бум-данъ) на вершинѣ.

Самое бумба представляетъ собою два, наложенные другъ на друга, усѣченные конуса съ равными радіусами большихъ оснований. Нижній конусъ обращенъ большимъ основаніемъ вверхъ, а верхній внизъ; образующая линія нижняго конуса вдвое болѣе образующей верхняго. Высота бумба равна высотѣ плинта, сложенной съ высотой фуста.

Шпизъ, или третья часть субургана, состоитъ изъ трехъ частей:

а) шейки, или основанія (брэй).

б) собственно шпица, представляющаго довольно высокій, усѣченный конусъ, украшенный тринадцатью металлическими кольцами (чойнъкоръ чжисумъ) и

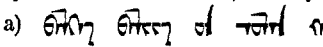
с) коронующей части, состоящей изъ двухъ, обращенныхъ другъ къ другу широкими основаніями, усѣченныхъ конусовъ (діаметръ большаго основанія верхняго конуса — *тукъ-кэбъ*, вдвое больше діаметра большаго основанія нижняго конуса — *тукъ-тунъ*), увѣнчиваемыхъ изображеніями луны, солнца и пламеняю-

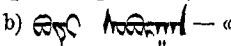
щаго огня премудрости (на́да). Высота всего шпица равна высотѣ пьедестала и высотѣ базы, на которой покоится бумба.

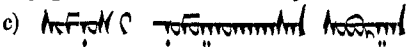
Служа изображеніемъ священныхъ предметовъ, долженствующихъ напоминать о славныхъ событіяхъ изъ исторіи буддизма, субурганы являются для буддистовъ такими же предметами чествованія какъ и кумиры бурхановъ, или божествъ ¹⁾.

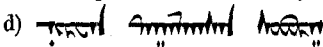

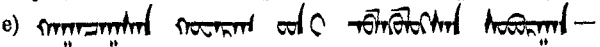
1) Монголо-буддисты насчитываютъ у себя множество субургановъ, которые всѣ болѣе или менѣе однообразны по своему внѣшнему виду, но различаются по своимъ названіямъ, а равно и по происхожденію, преданіе о которомъ твердо хранится въ разказахъ ламъ. Главнѣйшіе изъ субургановъ чествуемыхъ въ Монголіи, какъ удалось намъ замѣтить суть слѣдующіе:

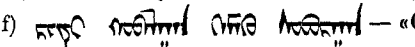
a) — «Субурганъ, обладающій многочисленными вратами премудрости», впервые воздвигнутыи будто бы въ Индіи въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши (Vârânapasa, нынѣ Бенаресь).

b) — «Святой (боді) субурганъ» о происхожденіи котораго разказываютъ, что онъ былъ построенъ впервые царемъ Роба-гарби и обитателями Магады въ воспоминаніе того событія, когда Шигэмүни на р. Наранджана укротилъ полчища шимвусовъ и сдѣлался всесовершеннымъ буддой.

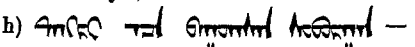
c) «Субурганъ укрощенія Шимвусовъ», воздвигнутый будто бы тѣмъ же царемъ Роба-гарба и по поводу того же событія прославленія Шигемүни при р. Наранджана.

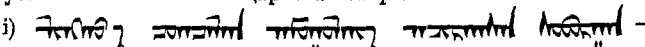
d) — «Субурганъ смерти» (проникновенія нирваной), — впервые воздвигнутый обитателями города Куша, въ то время, когда будда показалъ видъ прехожденія изъ страданій (этой жизни).

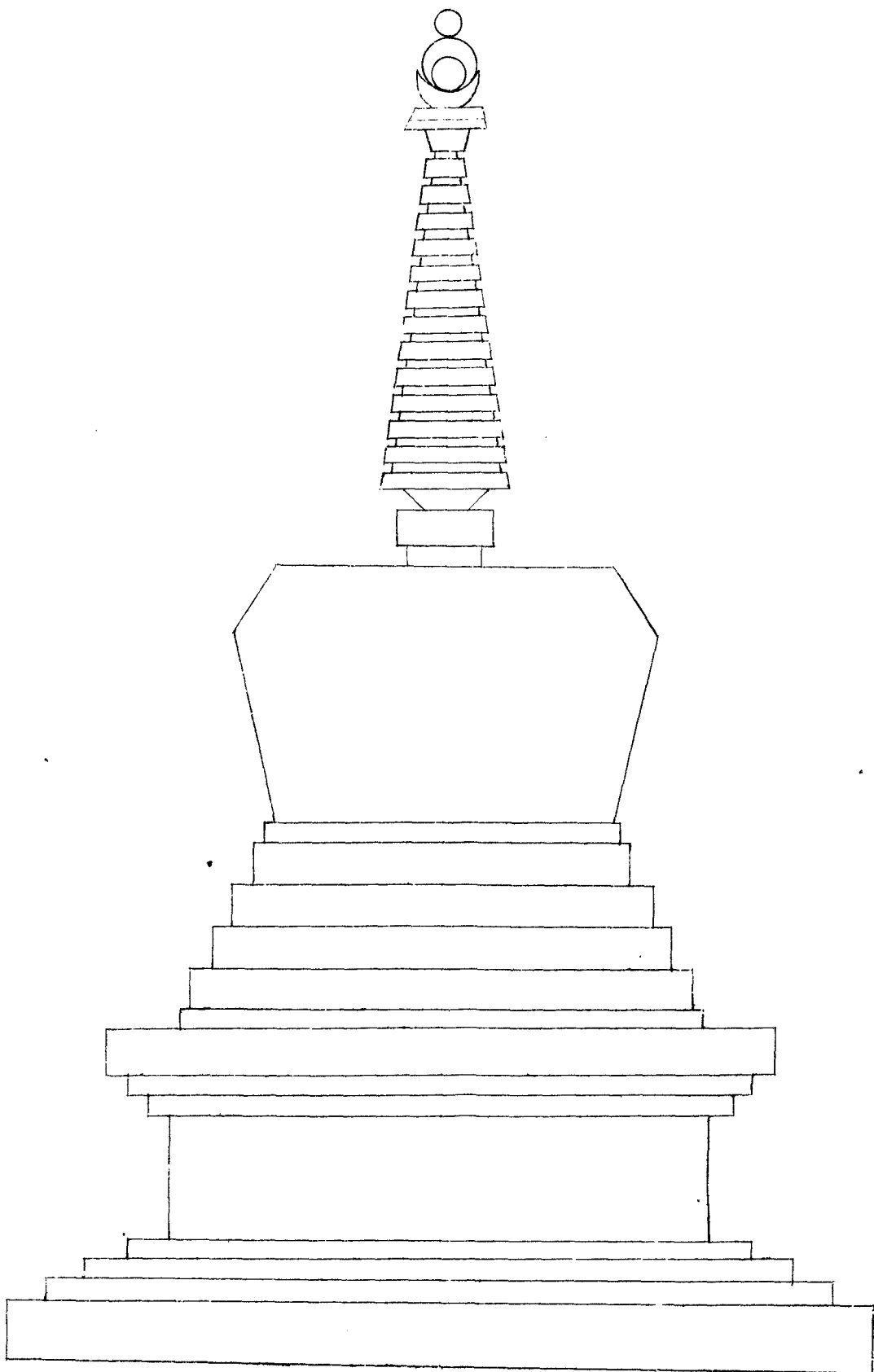
e) — «Субурганъ примиренія разошедшихся хувараконъ» — впервые построенный будто бы жителями Рачжагрихи и Магады въ то время, когда будда, въ лѣсу Нома, примирилъ пришедшихъ между собою въ несогласіе хувараконъ (духовныхъ лицъ).

f) — «Субурганъ чудотворныхъ превращеній», — воздвигнутый якобы обитателями Шравасты въ то время, когда будда въ лѣсу Зада укротилъ дерзкія притязанія представителей различныхъ еретическихъ ученій.

g) «Субурганъ всесовершенной побѣды» — воздвигнутый обитателями города Вайсали въ то время, когда будда благословилъ и укрѣпилъ свое физическое существо для дѣятельности на благо одушевленныхъ существъ.

h) — «Субурганъ нисхожденія съ неба» воздвигнутый обитателями города Вайсали въ память того событія, что будда низпустился на землю изъ царства тенгриевъ.

i) — Субурганъ,

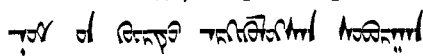

СУБУРГАНЪ.

Съ не меньшимъ почтеніемъ относятся монголо-буддисты и къ почитанію такъ называемыхъ «Эцзэн'ү сүльдэ», — особаго рода императорскихъ дощечекъ, составляющихъ исключительную принадлежность императорскихъ кумирень. «Эцзэн'ү сүльдэ» по вѣншему виду представляетъ продолговатую дощечку, въ аршинъ длиною и вершковъ въ 10 ширины. Дощечка всегда бываетъ окрашена въ синюю краску и обдѣлана золоченую и украшенную рѣзнымъ золотымъ бордюромъ рамку. Посреди ея золочеными китайскими іероглифами начертывается слѣдующее изрѣченіе: «хуанъ-ди вань суй, вань суй, вань вань суй», что по буквальному переводу значитъ: «Императоръ (да живетъ) десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ лѣтъ, десять тысячъ десятковъ тысячъ лѣтъ». Въ императорскихъ кумирняхъ Эцзэн'ү сүльдэ обыкновенно поставляется на жертвенникъ впереди главнаго бурхана и передъ нимъ, какъ необходимая принадлежность, ставится двѣ китайскихъ свѣчи. Свѣчи эти собственно сальныя, но обливаются тонкимъ слоемъ воска, вслѣдствіе чего онѣ не текутъ. Воскъ окрашивается въ красную краску и разрисовывается изображеніями золотыхъ цвѣтовъ и китайскихъ іероглифовъ. Свѣтильня въ такихъ свѣчахъ дѣлается обыкновенно изъ стеблей кунжутнаго дерева, обвитыхъ ватой, а иногда какимъ то тонкимъ хлопкомъ, который, по удостовѣренію китайцевъ, составляетъ сердцевину растенія изъ породы бузины. Нижняя часть такой свѣтильни саломъ не покрывается и служитъ ножкой, при посредствѣ которой свѣчу утверждаютъ на подсвѣчникѣ. Съ этою цѣлью и подсвѣчники устраиваются у китайцевъ въ родѣ нашихъ парафитокъ, т. е. съ выдающимся стержнемъ, на который втыкается свѣча. Помимо этихъ свѣчъ передъ «эцзэн'ү сүльдэ» иногда ставятся лампы и возжигаются хучжи, т. е. благовонныя куренія.

построенный шакъяскимъ царемъ Суддадан'ою въ память возрожденія будды въ человѣческомъ видѣ, которое совершилось въ саду Ломби.

j) «Субурганъ проповѣди» построенный индійскимъ царемъ Самбо въ то время, когда будда впервые началъ свою проповѣдь въ городѣ Варанаши.

Что касается рисованных бурхановъ (ᠪᠦᠷᠬᠠᠨ, тиб. རྒྱལ་བུ་), то они обыкновенно развѣшиваются по стѣнамъ храмовъ и бываютъ самой разнообразной величины, начиная отъ двухъ, трехъ сажений до четверти аршина и менѣе. Обыкновенная форма ихъ есть продолговатый четырехугольникъ, матеріаломъ же, на которомъ пишутся храмовые рисунки бурхановъ, въ большинствѣ случаевъ является или полотно, или же льняная холстина. Краски разводятся на рыбьемъ клѣѣ и растираются стекляннымъ шаромъ, съ придѣланной къ нему деревянной рукояткой. Холстъ крѣпко натягиваютъ на деревянную раму и потомъ накладываютъ на него грунтъ изъ мѣлу. Когда грунтъ высохнетъ, разогрѣваютъ рыбій клей и намазываютъ имъ обѣ стороны полотна, а когда и клей высохнетъ, тогда полотно полируется волчьимъ или кабаньимъ зубомъ. Живопись, почти исключительно акварель, является здѣсь въ однихъ только обрисахъ, безъ тѣней, но всегда отличается рѣзкими контрастами цвѣтовъ, и блещетъ необыкновенною яркостью красокъ. Говорятъ, что монгольскіе художники для приданія большей яркости краскамъ подкладываютъ въ нихъ коровью желчь, но мнѣ лично не приходилось наблюдать этого. Рисунокъ, приготовленный на полотнѣ, обшивается за симъ каймами изъ шелковой матеріи, а сверху и снизу къ нему прикрѣпляются деревянные скалки. Въ этомъ видѣ онъ во 1-хъ можетъ быть совершенно безъ поломки, свернуть въ одну трубку, а во 2-хъ повѣшенный на стѣнѣ храма виситъ ровно и не заворачивается кверху.

Содержаніе рисунковъ, развѣшиваемыхъ въ храмахъ, составляютъ прежде всего отдѣльныя изображенія буддъ и бодисатвъ, при чемъ послѣдніе, по своимъ внѣшнимъ формамъ ни чѣмъ не разнятся и отъ своихъ литыхъ изображеній. Особенность рисунковъ бурхановъ составляетъ то, что на верхнихъ двухъ углахъ каждаго рисунка пишется изображеніе солнца и луны. Самая фигура бурхана всегда обводится кругомъ, иногда окрашиваемымъ въ синюю краску и испещреннымъ золотыми лучами, исходящими отъ тѣла бурхана. Эти лучи уже легко даютъ понять, что кругъ, всегда изображаемый на рисункахъ амурлингуй бурхановъ и бла-

женныхъ ламъ, вѣроучителей буддизма, знаменуетъ собою сіяніе, исходящее изъ ихъ тѣла, почему и называется онъ гэрэль (сіяніе). У всѣхъ амурлингуй бурхаповъ помимо этого круга, обнимающаго изображеніе, рисуется еще особый кругъ, обрамливающей только лицо бурхана. Этотъ послѣдній кругъ, называемый «солонгò» (ᠰᠣᠯᠠᠩᠭ᠎ᠠ), знаменуетъ собою радугу, по вѣрованію буддистовъ, всегда распространяющуюся надъ головою буддъ въ моменты ихъ прославленія. Изображенія докшитовъ не имѣютъ у себя ни сіянія вокругъ тѣла, ни радуги вокругъ головы; но взамѣнъ сего докшиты изображаются окруженными пламенемъ, по толкованію, пожигающимъ всѣ препятствія ко спасенію.

Кромѣ изображенія буддъ, бодисѣтвъ и разнаго рода священныхъ, мифическихъ животныхъ буддизма (драконы, птица гарида и проч.) въ развѣшенныхъ храмовыхъ рисункахъ можно не рѣдко встрѣтить изображенія, заимствованныя изъ исторіи буддизма. Такова напримѣръ картина, носящая названіе «Бурханъ-бакшіинъ арбанъ-хойръ цзòхòль» или двѣнадцати явленій изъ жизни Шигэмунія. Рисунокъ этотъ имѣетъ въ своей срединѣ обыкновенное изображеніе Шигэмунія, по краямъ же его располагаются изображенія изъ жизни Шигэмунія въ слѣдующемъ порядкѣ:

На самомъ верху рисунка изображено (№ 1-й) нѣчто въ родѣ представленнаго въ разрѣзѣ буддійскаго храма, въ срединѣ котораго возсѣдаетъ желтолицый бурханъ Майдари. Это область Тушита¹⁾, въ которой Шигэмуніи, намѣреваясь спуститься на землю, оставилъ намѣстникомъ Майдари, увѣнчавъ его священной тиарой. Подъ этимъ изображеніемъ видите вы (№ 2-й) фигурку бѣлаго слона, по толкованію — священнаго, отличительную особенность котораго составляетъ то, что на спинѣ у него есть при-

---

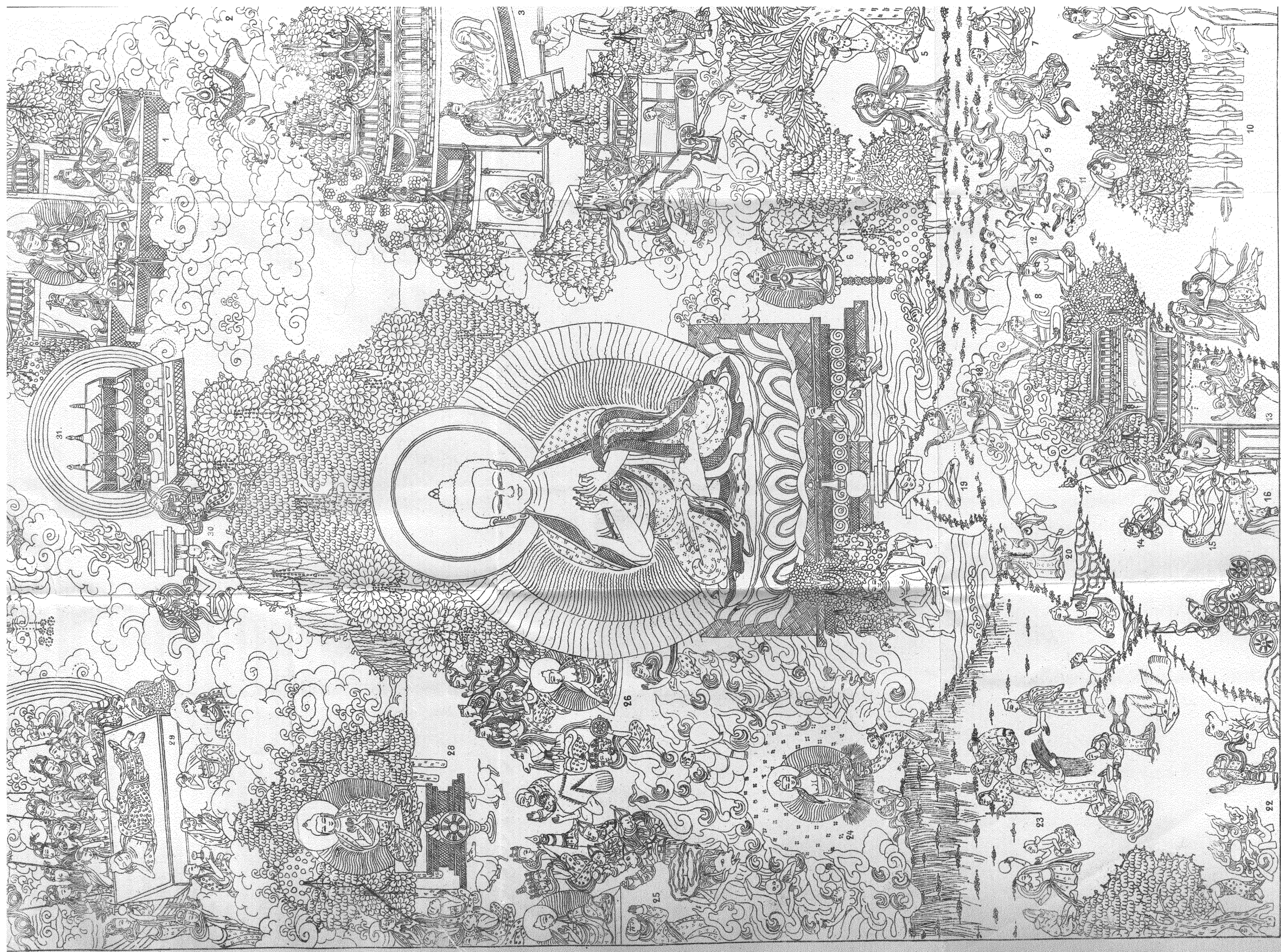
1) Тушитъ, (санскр. Тушита, монгол. Тэгүсь баясхулантү ординъ) т. е. область совершенной радости, — названіе небесной страны, принадлежащей къ третьей области органическаго міра, въ которой имѣютъ свое мѣстопробываніе будды до воплощенія въ человѣка и гдѣ преподаютъ они тэнгриямъ (= небожителямъ) свое ученіе о вѣрѣ. По вѣрованіямъ буддистовъ, Шигэмуніи, низпустившись на землю, оставилъ въ области Тушита намѣстникомъ своего ученія Майдари.

родное изображеніе чиндамани ¹⁾). Этотъ слонъ есть первое превращеніе Шигэмүни, который, какъ извѣстно, низпустился съ неба на землю, принявъ на себя видъ бѣлаго слона. Въ дальнѣйшемъ рисунокъ является нѣсколько непослѣдовательнымъ (хотя, замѣтимъ кстати, эта непослѣдовательность была обща для всѣхъ тѣхъ экземпляровъ, которые намъ случалось когда либо видѣть) и для продолженія событій изъ жизни Шигэмүнія въ ихъ хронологическомъ порядкѣ, намъ нужно обратиться къ отдѣлу № 5-й. Здѣсь изображено дерево, на вѣтвь котораго опершись правою рукою, стоитъ женщина, а нѣсколько ниже ея мужчина, держащій въ рукахъ кусокъ бѣлаго полотна, на которомъ покоится ребенокъ. Этотъ рисунокъ изображаетъ собою рожденіе Шигэмүнія, который, по легендамъ, спустившись съ неба въ видѣ бѣлаго слона, вошелъ въ утробу царицы Махамאי и черезъ десять мѣсяцевъ послѣ сего родился изъ подъ правой мышки ея въ то время, какъ она прогуливалась въ саду Лѣмби. При этомъ событіи немедленно же явился Хормустà тэнгри, который принялъ чудесно появившагося младенца въ бѣлое полотно. На ряду съ этимъ рисункомъ изображается (№ 6-й) шесть бѣлыхъ цвѣтковъ и на седьмомъ изъ нихъ стоитъ фигура Шигэмүнія уже въ его взросломъ и прославленномъ видѣ. Это означаетъ тотъ фактъ, что Шигэмүни, родившись, тотчасъ же сдѣлалъ семь шаговъ, при чемъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ ступилъ своею ногою, выросло по одному бѣлому лотусу (пѣдма). Выше этого рисунка видится (№ 3-й) опять таки изображенный въ разрѣзѣ буддійскій храмъ, но въ данномъ случаѣ онъ изображаетъ собою дворецъ Аріонъ идэнъ хана, (санск. *śuddhōdana*) т. е. отца Шигэмүнія. Храмъ представляется раздѣленнымъ на двѣ комнаты и въ одной изъ нихъ сидитъ женщина, держа въ рукахъ ребенка, а въ другой—вы видите постель, на которой лежитъ женщина,—въ ногахъ ея по одну сторону сидитъ мужчина въ царской тиарѣ, а по другую—юноша, въ почтительной (т. е. согбенной) позѣ. Оба эти рисунка должны служить

---

1) Чиндамани—мифическій камень, представляющій собою драгоценность способную удовлетворить всѣ пожеланія.

БУРХАНЪ БАКШІНЬ АРБАНЪ ХОЯРЪ ЦЗОХОЛЬ.

знаменовать собою воспитаніе Шигэмүнія въ домѣ родителей, а именно: первый изъ нихъ его воспитаніе во младенчествѣ, а второй — въ періодъ отрочества. Сюда должно причислить рисунокъ (№ 4), на которомъ тотъ же юноша Шигэмүни представляется сидящимъ въ царскихъ носилкахъ, везомыхъ парю бѣлыхъ лошадей и окруженнымъ нѣсколькими слугами. Это прогулки Шигэмүнія, которыя предпринималъ онъ, живя въ домѣ своихъ родителей. Далѣе въ послѣдовательномъ порядкѣ является нѣсколько небольшихъ рисунковъ, долженствующихъ изображать обученіе Шигэмүнія. Первые два изъ этихъ рисунковъ (№№ 7, 8) одинаково представляютъ Шигэмүнія, сидящимъ въ обществѣ старцевъ и держащимъ въ рукахъ книгу, — это обученіе грамотѣ, математикѣ и медицинѣ. Далѣе слѣдуетъ рисунокъ (№ 9), изображающій Шигэмүнія, сидящимъ на слонѣ, — это обученіе верховой ѣздѣ. Еще далѣе изображается (№ 10) семь насквозь пронизанныхъ стрѣлою деревьевъ, передъ которыми стоитъ Шигэмүни, держа въ рукахъ лукъ, — это обученіе стрѣльбѣ изъ лука, при чемъ Шигэмүни, прострѣливъ семь деревьевъ, впервые показалъ свою сверхъестественную силу, проявившуюся еще въ послѣдствіи въ укрощеніе слоновъ, въ борьбѣ со сверстниками и въ играхъ. Все это также точно имѣетъ свое мѣсто на рисункѣ. Такимъ образомъ на ряду съ прострѣленными деревьями мы видимъ (№ 11) Шигэмүнія, стоящимъ посреди лежащихъ на землѣ и побѣжденныхъ имъ товарищей; еще далѣе (№ 12) виднѣтся изображеніе летящаго вверхъ слона, котораго, по толкованіямъ, Шигэмүни, играя, подбросилъ къ небу однимъ большимъ пальцемъ своей ноги. Рисунокъ (№ 13) изображаетъ снова дворецъ, въ которомъ можно видѣть, что Шигэмүни сидитъ рядомъ съ своею женою, а передъ ними въ почтительныхъ позахъ стоятъ ихъ домочадцы (иногда къ этому прибавляется еще столъ, наполненный плодами и яствами): по толкованію это означаетъ чисто райскую жизнь, которую проводилъ Шигэмүни въ своемъ царственномъ дворцѣ. За симъ Шигэмүни является изображеннымъ на крыльцѣ того же дворца и созерцающимъ четыре основныхъ мученія въ мірѣ, а именно: рожденіе, смерть, болѣзнь

и старость. Олицетвореніе этихъ мученій на рисункѣ представляется въ томъ, что передъ крыльцемъ дворца Шигэмунія изображенъ (№ 14) человекъ, несущій за спиною какой то тюкъ; по толкованію, это завернутый въ кожу трупъ ребенка (такъ будто бы хоронили въ древности). Рядомъ съ этимъ пѣшеходомъ (№ 15) лежитъ еще человекъ, у котораго лама щупаетъ пульсъ, — это конечно знаменованіе болѣзни. Еще далѣе (№ 16) представляется фигура согбеннаго старца. Рожденіе на рисункѣ не изображается, но въ замѣнъ сего представляется (№ 17) фигура ламы, отъ котораго, по толкованію, Шигэмуніи получилъ наставленіе о необходимости оставить этотъ міръ, полный страданій и искать успокоенія духа въ принятіи духовнаго званія. Шигэмуніи, рѣшившись послѣдовать совѣту ламы, ночью, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги, тайкомъ, убѣжалъ изъ дому и событіе это изображается на рисункѣ (№ 18) въ видѣ фигуры Шигэмунія, ѣдущаго на бѣлой лошади со своимъ слугою къ рѣкѣ Нараньчжана, гдѣ онъ остановился у бѣлаго субургана и, объявивъ слугѣ свое намѣреніе, поручилъ ему возвратиться домой. Вслѣдъ за сямъ онъ собственноручно обрѣзалъ свою косу и такимъ образомъ принялъ священныя обѣты. На рисункѣ (№ 19) видно изображеніе Шигэмунія сидѣвшаго у бѣлаго субургана; лѣвою рукою онъ держитъ свою косу, а правою намѣревается отрѣзать ее большою сѣкирой. Передъ нимъ на колѣнахъ стоитъ Хормустà-тенгри и подаетъ ему монашескія одежды. Слуга, видѣвшій совершившіяся обстоятельства, долженъ былъ возвратиться домой: на рисункѣ (№ 20) онъ изображается плачущимъ и правою рукою закрывшимъ свои глаза, а лѣвою держащимъ лошадь; лошадь въ свою очередь изображается обернувшеюся назадъ и смотрящею на святаго отшельника. По принятіи духовнаго званія, Шигэмуніи удалился на берега рѣки Нараньчжана и здѣсь въ теченіе шести лѣтъ просидѣлъ въ глубокомъ созерцаніи; на рисункѣ (№ 21) это состояніе образно выражается въ изображеніи сидящаго Шигэмунія, котораго два маленькіе ребенка толкаютъ пальцами. По толкованію, Шигэмуніи такъ глубоко погрузился въ діяну (= созерцаніе) и сидѣлъ такъ непо-

движно, что дѣти не могли даже узнать, живой ли это человекъ, или мертвый. Слава объ отшельникѣ однако скоро распространилась, почему нѣкоторые благочестивыя женщины захотѣли принести ему въ даръ пищу. На рисунокѣ (№ 22) по этому поводу изображаются женщины, изъ которыхъ одна гонитъ коровъ, а другая кипятитъ молоко на таганѣ. Далѣе слѣдуетъ картина искушеній Шигэмүнія: къ нему явились три прекрасныхъ дѣвицы съ цѣлю соблазнить духъ его нечистою похотью; но Шигэмүни превратилъ ихъ въ дряхлыхъ старухъ. Согласно этого сказанія на рисунокѣ (№ 23) изображается сидящій въ дянѣ Шигэмүни, при чемъ по одну сторону его стоятъ три дѣвицы, а по другую изображаются три согбенныя и плачущія старухи. Окончивъ дянѹ и перенесши всѣ искушенія, Шигэмүни достигъ состоянія будды. На рисунокѣ (№ 24) это отмѣчается только тѣмъ, что Шигэмүни, нарисованный въ своей обыкновенной формѣ, имѣетъ вокругъ своей головы кругъ — солонгò и гэрэлъ вокругъ всего тѣла. Далѣе на отдѣльныхъ рисункахъ изображается поднесеніе жертвъ Шигэмүнію. Такимъ образомъ рисунокъ (№ 25) изображаетъ поднесеніе четырьмя Махарачжами Шигэмүнію бадры, т. е. монашеской чашки; (№ 26) поднесеніе Эсруа-тэнгриемъ хүрдэ; (№ 27) поднесеніе Хормуста-тэнгриемъ мандала. Всѣ эти рисунки одинаково представляютъ Шигэмүнія сидящимъ въ позѣ бурхана, при чемъ ему колѣнопреклоненно подается извѣстнымъ лицомъ тотъ или другой предметъ. Дальнѣйшій рисунокъ (№ 28) изображаетъ проповѣдническую дѣятельность Шигэмүнія. Передъ сидящимъ Шигэмүніемъ стоитъ хүрдэ, по сторонамъ котораго двѣ колѣнопреклоненныя газели, вокругъ же самаго Шигэмүнія изображается народъ, слушающій его проповѣдь. Непосредственно за этимъ изображеніемъ дѣятельности Шигэмүнія слѣдуетъ картина (№ 29) его смерти. Здѣсь снова изображается храмъ въ его разрѣзѣ, посреди храма стоитъ кровать (иногда впрочемъ она изображается и стоящею подъ деревомъ, а иногда и просто въ какомъ то неопредѣленномъ, какъ будто степномъ пространствѣ), на которой лежитъ Шигэмүни на боку, правую руку подложивъ подъ щеку, а лѣвую протянувъ до колѣнъ. Во-

кругъ одра стоятъ колѣнопреклоненные ученики будды. Вслѣдъ за этимъ изображеніемъ слѣдуетъ рисунокъ (№ 30) бѣлой урны, изъ которой пылаетъ огонь. Это сожженіе тѣла будды, пепель отъ котораго былъ потомъ собранъ въ восемь чашъ, чтобы передать ихъ восьми царствамъ. Рисунокъ (№ 31) этихъ восьми чашъ, стоящихъ на тахилѣйнъ ширѣ, заканчиваетъ собою кругъ рисунка «Бурханъ-бакшійнъ арбанъ хояръ цэохълъ».

По этому же примѣру на хурӯкахъ нѣкоторыхъ, прославившихся своею дѣятельностію на благо одушевленныхъ существъ и знаменитыхъ въ исторіи ламъ, хутухтъ, хубилгановъ, бодисатвъ и буддъ не рѣдко изображаются событія изъ ихъ жизни. Въ этихъ случаяхъ изображеніе самаго бурхана обыкновенно полагается въ срединѣ, въ увеличенномъ размѣрѣ, рисунки же, изображающіе черты и событія изъ жизни бурхана, полагаются вокругъ его изображенія по краямъ самой картины въ рамкахъ въ родѣ отдѣльныхъ небольшихъ квадратовъ. Этотъ способъ рисованія бурхановъ совершенно подобенъ тому, какъ въ нашей православной церкви рисуются напр. иконы Святителя Николая и проч. Иногда вмѣсто этихъ рисунковъ, изображающихъ событія изъ единичной жизни какого либо единичнаго буддійскаго святителя, въ помянутыхъ квадратахъ по краямъ рисунка помѣщаются изображенія его хубилгановъ, т. е. различные виды, которые принималъ на себя тотъ или другой будда, или бодисатва въ различныхъ своихъ перерожденіяхъ. Въ этой формѣ чаще всего встрѣчаются изображенія богини Дарà-эхэ; (монг. $\text{ᠳᠠᠷᠠᠨ} \text{ᠡᠬᠡ}$ тиб. $\text{ཇམ་མཚོ་མཚོ་$) при чемъ всрединѣ, въ болѣе увеличенномъ размѣрѣ, рисуется изображеніе одного изъ особливо чествуемыхъ въ Монголіи хубилгановъ Дарà-эхэ, а именно или ногднъ (зеленой) Дарà-эхэ, или цагәнъ (бѣлой) Дарà-эхэ, по краямъ же рисунка въ отдѣльныхъ квадратикахъ изображаются остальные двадцать хубилгановъ этой небесной дѣвы ¹⁾. Въ хурӯкахъ

1) Дара-эхэ, иначе называемая Дол-ма, на своемъ первомъ перожденіи была извѣстна подъ именемъ Янгъ-чжанъ-ма, т. е. «благозвучной дѣвы» и въ то время, ради сохраненія вѣры отъ враговъ и бѣдствій, превратилась въ злую

Шигэмүнія и другихъ вѣроучителей буддизма, имѣвшихъ у себя особенно много послѣдователей (таковы напр. Наганчжүна, Брѣмъбакши, Цзонхавъ и др.), замѣчается та особенность, что по краямъ ихъ рисунковъ не рѣдко изображаются въ уменьшенномъ размѣрѣ послѣдователи того или другаго вѣроучителя, при чемъ изображеніе этихъ послѣдователей всегда располагаются систематически. Съ правой стороны рисунка располагаются изображенія ламъ, развивавшихъ теорію того или другаго вѣроученія (འཇམ་མགས་པོའི་བློ་བཟང་ལ་བཞུགས་པའི་མཁན་པོ་རྣམས་ཀྱི་ལྷན་སྐྱོད་ཀྱི་རིམ་འཇམ་མགས་པོའི་བློ་བཟང་ལ་བཞུགས་པའི་མཁན་པོ་རྣམས་ཀྱི་ལྷན་སྐྱོད་ཀྱི་རིམ་); а съ лѣвой — ламъ, проводившихъ извѣстную буддѣйскую теорію въ народную жизнь и собственнымъ примѣ-

женщину, истреблявшую всѣхъ, кто такъ или иначе хотѣлъ нанести вредъ буддизму. За такое содѣйствіе благу вѣры въ своемъ послѣдующемъ перерожденіи она явилась спасительною и любвеобильною Дара-эхэ. Она родилась тогда дочерью одного хана, благоговѣвшаго предъ ученіемъ явившагося въ ту пору будды — Кэнгэргэ-дүту и носила имя Ишгэ-давъ (=луна высочайшей премудрости). Дѣвушка въ теченіе ста тысячъ билліоновъ лѣтъ чествовала жертвами будду Кэнгэргэ-дүту вмѣстѣ съ его учениками и наконецъ у нее возродилось стремленіе къ святости. Тогда гэлуну всего царства собрались къ ней и въ бесѣдахъ сказали слѣдующее: «Ты утвердилась теперь въ добродѣтели, а потому перемѣни свое женское тѣло на мужское и исполний дѣла вѣры; если ты въ молитвахъ изложишь такое желаніе, то оно непременно исполнится». Нѣтъ, отвѣчала дѣвушка, въ мірѣ уже было много мужчинъ и желающихъ, и достигшихъ святости — боди; а такъ какъ до сего времени не было еще устроющихъ благо одушевленныхъ существъ женщинъ, то я останусь женщиной до тѣхъ поръ, пока не сокрушу орчила, и поклялась въ этомъ. Послѣ сего въ теченіе 100,000 билліоновъ лѣтъ она жила въ своемъ царскомъ дворцѣ и исполняла подвиги созерцанія и постигла діяну, называемую «спасительницею существъ». По силѣ этой діяны, она каждое утро спасала отъ мірскихъ пожеланій по милліону существъ и, не исполнивъ этого, не принимала и утренней пищи, тоже самое дѣлала она и передъ вечернимъ кушаньемъ. Съ этого времени имя ея измѣнилось и она сдѣлалась извѣстною подъ именемъ Дара-эхэ. Всѣ послѣдующіе ея хубилганы, въ отношеніи своей дѣятельности походятъ на свой первообразъ. Хубилгановъ (перерожденій) этихъ считается 21. Монголы и тибетцы особливо чествуютъ изъ нихъ два вида, — ногднъ дара-эхэ и цагянь дара-эхэ, потому что въ этихъ двухъ своихъ видоизмѣненіяхъ Дара-эхэ явилась женою Сронцзэнъ-гамбѣ хана тибетскаго и распространила буддизмъ въ Тибетѣ. Такъ какъ главнѣйшія сношенія Россіи съ Монголіей начались въ царствованіе Екатерины второй и слава о мудрости ея правленія зашла и въ Монголію, то ламы приурочили ее къ одному изъ хубилгановъ Дара-эхэ. Названіе русскаго царя «бѣлымъ» дало этому признанію еще большую пицу и опредѣленность; и со временъ Екатерины всѣ русскіе государи почитаются у Монголовъ за хубилгановъ цагянь дара-эхэ.

ромъ показавшихъ примѣненіе этой теоріи на практикѣ (ᠮᠠᠨᠯᠠᠢᠨᠭᠡᠬᠣᠲᠤ ᠠᠵᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ ᠲᠤᠨᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ ᠲᠤᠨᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ).

По мимо такого изображенія бурхановъ въ каждомъ буддійскомъ храмѣ можно встрѣтить еще особые рисунки, носящіе названіе «хотò мánдалъ» (монг. ᠬᠣᠲᠣ ᠮᠠᠨᠯᠠᠢᠨᠭᠡᠬᠣᠲᠣ, тиб. རྣམ་ཐོང་གྲུབ་ལྷ་སྐོར་ или རྣམ་ཐོང་ལྷ་སྐོར་གྲུབ་ལྷ་སྐོར་) и изображающіе собою планы обиталицъ того или другаго бурхана. Смотря по имени бурхана, жилище котораго изображается на планѣ, рисунки эти носятъ различныя наименованія: «Мánлайнь - хотò», «Ямандагайнь - хотò», «Аюшійнь - хотò» (т. е. обиталице Мánлы, Ямандагай, Аюши) и проч. Такъ какъ по своимъ формамъ всѣ эти рисунки жилищъ почти одинаковы, то мы опишемъ болѣе подробно только одинъ изъ нихъ, именно Мánлайнь-хотò и за сямъ укажемъ на существеннѣйшія различія, находящіяся въ другихъ рисункахъ этого рода.

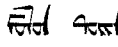
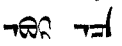
Въ самой срединѣ хүрүка «Мánлайнь-хотò» рисуется кружокъ, въ которомъ изображается небольшой столикъ (ширᠶ), съ лежащею на немъ открытою книгою. Она знаменуетъ собраніе ученія, которое проповѣдалъ будда Шигэмүни о Мánлѣ, а равно и вѣщанія самого Мánлы. Вокругъ этой книги въ особомъ кругѣ изображается восемь буддъ (ᠪᠦᠳᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ ᠲᠤᠨᠠᠨᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ), составляющихъ восемь особыхъ перерожденій, или хубилгановъ Мánлы, которые, являясь въ мірѣ, дѣйствовали на благо одушевленныхъ существъ. Этотъ кругъ восьми буддъ составляетъ первое и главнѣйшее отдѣленіе дворца Мánлы: онъ очерчивается первымъ квадратнымъ четырехугольникомъ, изображающимъ собою первый дворъ Мánлы. Здѣсь обитаютъ 16 бодисатвъ, которые достигли своего высокаго званія, шествуя по пути ученія Мánлы. За сямъ слѣдуетъ второй, еще бѣльшій квадратный четырехугольникъ, знаменующій собою второй дворъ Мánлы: здѣсь живутъ во 1-хъ двѣнадцать но-чжинъ, т. е. существъ, спасшихся слѣдуя по пути Манлы, а во 2-хъ десять чойчжинъ (монг. ᠴᠣᠢᠵᠢᠨ или ᠴᠣᠢᠵᠢᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ, тиб. ཇོ་སྐྱོད་), которые охраняютъ десять странъ свѣта и суть хубилганы Махага́лы (монг. ᠮᠠᠬᠠᠭᠠᠯᠠ, санск. Ма-

hākāla, тиб. མཁོན་པོ་), — генія хранителя ученія Мånлы. Въ четырехугольникѣ этого же двора помѣщаются и два сõi-бун'а (བོ་མོ་འཇུག་པོ་), т. е. прислужника Мånлы — Нимå-даръ и Давå-даръ. Въ слѣдующемъ за симъ, третьемъ дворѣ располагаются по два на каждой сторонѣ четырехугольника, а всего восемь озеръ, усѣянныхъ цвѣтами падма; по бокамъ же cadaго озера находится по одному дереву. Это восемь озеръ и 16 деревьевъ, которые чудотворною силою произвелъ Мånла. Въ этомъ третьемъ дворѣ обитаютъ четыре Махарацза (монг. ᠮᠠᠬᠢᠷᠠᠴᠢᠵᠠ, санск. mahārāja), почитаемые вообще геніями хранителями буддійскаго ученія. Въ четырехъ стѣнахъ этого двора рисуется четверо воротъ, которые ведутъ въ жилище Мånлы.

Хотò другихъ бурхановъ по своей формѣ вообще подобны хотò Мånлы, но отличаются отъ него во 1-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ среднемъ кругѣ полагается не книга, а какая нибудь другая принадлежность буддизма; во 2-хъ числомъ изображаемыхъ бурхановъ, что обуславливается количествомъ хубилгановъ того бурхана, жилище котораго изображается и въ 3-хъ тѣмъ, что не на каждомъ изъ рисунковъ хотò изображаются озера и деревья.

Къ числу изображеній бурхановъ монголы относятъ также и встрѣчающіяся съ недавняго времени въ халхаскихъ храмахъ картины съ изображеніемъ отдѣльныхъ частей будды; таково изображеніе стопы Шигэмүнія, которое лѣтъ пятнадцать тому назадъ начали распространять по Монголіи и у нашихъ бурятъ ламы Брайбунгскаго монастыря изъ Тибета.

Помимо изображеній бурхановъ въ монгольскихъ кумирняхъ встрѣчаются еще и картины религіозно-правственнаго содержания и изъ числа ихъ первое мѣсто занимаетъ рисунокъ такъ называемаго «сансарійнь хурдэ» (монг. ᠰᠠᠨᠰᠠᠷᠢᠨᠢ ᠬᠤᠷᠳᠡ, тибет. སྤོང་པའི་འཁོར་པ་ལོ་), что по буквальному переводу значитъ — колесо міра. Въ этомъ рисунокѣ вкратцѣ и образно изложено все нравственное ученіе буддизма съ показаніемъ ученія о возмездіи за дѣла. Происхожденію этого рисунка буддисты приписываютъ

глубокую древность и относятъ его ко временамъ самаго будды Шягэмүнія. Извѣстно, что одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ Шягэмүнія — Мутгальвани, (Môngalyana. монг. или) или, какъ обыкновенно называютъ его монголы, — Молонъ тѡйнъ, занятый дѣломъ спасенія своей матери, постепенно посѣщалъ всѣ царства міра, въ которыхъ возраздалась его мать. Такимъ образомъ онъ побывалъ во всѣхъ двадцати отдѣленіяхъ ада, былъ въ царствѣ биритовъ, наблюдалъ царство животныхъ и людей, посѣтилъ царства асүріевъ и тэнгриевъ; вмѣстѣ съ нимъ въ тѣ же царства міра отправлялся и Шарипутра (Śāriputtra), — первый изъ учениковъ будды. Когда дѣло спасенія матери Мутгальванія было окончено, оба ученика явились къ буддѣ и начали разказывать сперва четыремъ своимъ друзьямъ, а потомъ и всѣмъ слушателямъ будды о мученіяхъ, видѣнныхъ ими въ различныхъ царствахъ міра. Будда, желая сохранить этотъ разказъ въ наставленіе вѣрующихъ всѣхъ временъ и народовъ, приказалъ изобразить живописью состояніе всѣхъ царствъ, видѣнныхъ его учениками и рисунокъ этотъ начертать на пяти стороннемъ цилиндрѣ, который и поставить передъ дверями своего дома. Всякій входящій могъ разсматривать рисунокъ, для толкованій же его къ цилиндру былъ приставляемъ одинъ изъ учениковъ будды. Впослѣдствіи ученики будды также точно рисовали эту картину всегда на пяти-стороннемъ цилиндрѣ и ввели въ обычай ставить этотъ цилиндръ передъ дверями храмовъ. Каждое изъ шести царствъ занимало собою отдѣльную сторону цилиндра и только царства тэнгриевъ и асүріевъ рисовались вмѣстѣ, т. е. на одной сторонѣ цилиндра. Такъ какъ содержаніемъ рисунка было изображеніе только матеріальнаго міра — сансары, а рисовался онъ на пятистороннемъ цилиндрѣ — хұрдэ, то за нимъ и утвердилось названіе — сансарыйнъ хұрдэ. Сансарыйнъ хұрдэ также точно какъ и манійнъ хұрдэ дѣлалось вращающимся на оси, такъ что зритель, просмотрѣвъ одну сторону цилиндра, могъ, не сходя съ мѣста, повернуть его и разсматривать рисунокъ, изображенный на другой сторонѣ. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ Тибета, сансарыйнъ хұрдэ въ

этой формѣ и донынѣ ставится передъ дверями храмовъ, но въ Монголіи я всегда находилъ его въ видѣ картины, рисованной на полотнѣ и при томъ въ составъ этого рисунка помимо изображеній отдѣльныхъ царствъ міра привзошли еще и другія составныя части.

Такимъ образомъ видѣнные мною въ Монголіи рисунки сансарійнъ хурдэ представляли собою уже не одинъ кругъ съ изображеніемъ отдѣльныхъ царствъ, или областей сансары, а три круга послѣдовательно заключенныхъ одинъ въ другой. Въ центральномъ изъ этихъ круговъ полагается изображеніе свиньи, змѣи и курицы, какъ эмблематическое выраженіе трехъ золь (སྒྲོལ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་), присущихъ духовной природѣ человѣка и служащихъ основою для всякаго рода грѣховной дѣятельности. Извѣстно, что причиною всевозможныхъ пороковъ, по буддизму, почитаются невѣжество, гнѣвъ и сладострастіе; такимъ образомъ свинья является здѣсь эмблемою невѣжества, змѣя — эмблемою гнѣва, а курица — эмблемою сладострастія. Второй кругъ, заключающій въ себѣ собственно изображеніе шести царствъ матеріальнаго міра раздѣляется четырьмя радіусами на пять отдѣленій и въ каждомъ изъ этихъ отдѣленій является рисунокъ отдѣльнаго царства.

Въ самомъ низу полагается царство ада. (монг. འཇམ་མཚན་, санскр. тама, тиб. རྒྱུ་ལ་བ་). Отдѣльными чертами царство это раздѣляется на двадцать клѣточекъ, изъ которыхъ въ первой и самой верхней изображается жилище Эрлікъ-хана, (санскр. Yama, тиб. རྒྱུ་ལ་བའི་རྒྱུ་ལ་བ་) т. е. блюстителя ада. Самъ Эрлікъ-ханъ представляется здѣсь сидящимъ на престолѣ и производящимъ судъ надъ явившеюся къ нему душою человѣка. Онъ держитъ въ рукахъ своихъ зеркало (толі), въ которомъ всегда отражаются какъ добрыя, такъ и дурныя дѣянія каждаго человѣка. Такимъ образомъ, посмотрѣвъ въ это зеркало, Эрлікъ-ханъ всегда имѣетъ возможность знать истину о дѣятельности всякаго, явившагося на судъ его. Не смотря на то, онъ заставляетъ каждую, представшую предъ него душу человѣка разказывать о своей оконченной жизни и о своихъ

поступкахъ. Такъ какъ человѣкъ, явившись на судъ Эрлика, можетъ позабыть нѣкоторые изъ сдѣланныхъ имъ грѣховъ и добродѣтелей, то поэтому вмѣстѣ съ нимъ являются на судъ еще и родившіеся вмѣстѣ съ нимъ добрый и злой геніи. Эти геніи, сопутствуя человѣку на всѣхъ путяхъ его жизни, собираютъ, каждый по своей специальности, одинъ добродѣтельныя, а другой грѣховныя дѣла. На картинѣ изображается именно тотъ моментъ, когда представшая предъ Эрликъ-хана душа человѣка разказываетъ ему свою прошлую жизнь. Душа изображается въ видѣ маленькаго человѣчка, стоящаго передъ Эрликъ-ханомъ на колѣнахъ; по бокамъ ея стоятъ геніи, изъ которыхъ одинъ сыплетъ изъ мѣшка бѣлые кружки, а другой — черные, — это конечно олицетвореніе добрыхъ и злыхъ дѣяній. Царство это служитъ, повидимому, и первымъ отдѣленіемъ ада. Остальныя девятнадцать клѣтокъ заняты изображеніемъ девятнадцати различныхъ отдѣленій ада: девять изъ этихъ отдѣленій представляютъ такъ называемые горячіе ады (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ) и десять — холодные (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ). Высшее отдѣленіе изъ числа первыхъ, т. е. горячихъ адовъ, называется «адомъ постоянно исцѣляющихся» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ): мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти прокалываютъ ихъ пиками, а грѣшники не только не умираютъ отъ этого, но исцѣляются отъ нанесенной имъ раны тотчасъ же послѣ того, какъ вынута пика и исцѣляются опять таки для того, чтобы снова терпѣть тоже страданіе. Второе отдѣленіе есть такъ называемый «адъ черныхъ линий» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ). Мученіе грѣшниковъ состоитъ здѣсь въ томъ, что черти распиливаютъ ихъ тѣло, или же вколачиваютъ въ него гвозди по чернымъ линіямъ, начертаннымъ на тѣлѣ мучащихся. Въ третьемъ отдѣленіи ада — «адъ распадающихся» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), въ четвертомъ — «адъ тихо плачущихъ» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), въ пятомъ — «адъ громко плачущихъ» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), въ шестомъ — «горячій адъ» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), въ седьмомъ — «очень горячій адъ» (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), и въ восьмомъ — «адъ страш-

ный, въ которомъ не знаютъ успокоенія (𐎧𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣) — разобрать по рисунку страданій грѣшниковъ уже невозможно. Все, что наблюдается здѣсь это, — огненные языки, изображаемые въ видѣ отдѣльныхъ красныхъ полосъ, между которыми тамъ и сямъ видны различныя части человѣческаго тѣла, и въ которыхъ слѣдовательно жгутъ и жарятъ грѣшниковъ. Наконецъ девятый адъ, называемый (𐎧𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣) является болѣе определеннымъ: здѣсь видно, что мученіе грѣшниковъ состоитъ въ томъ, что они бѣгають по мечамъ, по жамъ, гвоздямъ и тому подобнымъ острымъ орудіямъ и такимъ образомъ естественно наносятъ себѣ раны этими орудіями; нѣкоторые изъ грѣшниковъ при этомъ падаютъ, отчего опять таки прокалываются мечами. Холодные ады, въ противоположность горячимъ, изображаются краскою блѣдно-голубаго цвѣта, что, по толкованію, должно означать холодную воду и ледь. Въ первыхъ девяти отдѣленіяхъ этихъ адовъ, называемыхъ: α) холодный адъ (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), β) адъ накомжныхъ прыщей, (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), γ) адъ лопающихся (прорывающихся) накомжныхъ прыщей (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), δ) адъ кричащихъ: татай! татай! (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), ε) адъ кричащихъ: ай, халай, хохой! (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), ζ) адъ скрежещущихъ зубами, (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), η) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ цвѣтокъ утбала (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), θ) адъ, въ которомъ грѣшники разсыпаются какъ лотусъ (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣) и ι) адъ, въ которомъ грѣшники сильно разсыпаются какъ лотусъ (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), — какъ и въ послѣднихъ пяти горячихъ адахъ опредѣлить мученія грѣшниковъ невозможно; что же касается послѣдняго холоднаго ада, называемаго ближайшимъ адомъ (𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣 𐎠𐎡𐎢𐎣), то въ немъ мученія грѣшниковъ выражаются въ сажаніи на колъ, вколачиваніи въ тѣло гвоздей, раздираніемъ тѣла на части и проч.

Къ верху отъ областей ада въ особомъ отдѣленіи круга, расположенномъ на правой сторонѣ рисунка помѣщается изобра-

женіе царства биритовъ. (འཇམ་མཁའ་, санскр. prêta, тиб. ཡི་རྩ་གཤམ་). Это также область страданія. На рисункѣ представлено нѣсколько обнаженныхъ человѣческихъ фигуръ. Формы ихъ показываютъ страшную худобу тѣла, голова непомѣрно развита, а шея наоборотъ представляется очень тонкою. У каждаго изъ нихъ открытъ ротъ, причемъ у нѣкоторыхъ изо рта пышетъ ярко-красное пламя. По толкованію, страданія биритовъ состоятъ въ томъ, что они постоянно ощущаютъ страшный голодъ и отсюда внѣшняя худоба ихъ тѣла. Стремясь утолить свой голодъ, бириты постоянно отыскиваютъ пищу, но къ принятію ея у нихъ являются какъ внутреннія, такъ и внѣшнія препятствія. Отсюда возникаетъ дѣленіе биритовъ на два отдѣла: бириты съ внутренними (субъективными, въ нихъ самихъ находящимися) препятствіями (འཇམ་མཁའ་ལྟོས་པའི་འཇམ་མཁའ་ལྟོས་པའི་འཇམ་མཁའ་) и бириты съ внѣшними препятствіями (འཇམ་མཁའ་ལྟོས་པའི་འཇམ་མཁའ་ལྟོས་པའི་འཇམ་མཁའ་). Къ первому отдѣлу принадлежатъ бириты, которые, нашедши пищу не могутъ принять ее: одни — потому что лишь только поднесутъ ее ко рту, какъ изо рта у нихъ тотчасъ же распространяется огонь, который не только сожигаетъ эту пищу, но и самое ихъ тѣло; другіе — потому что горло ихъ величиною не больше соломинки и слѣдовательно неспособно проглотить куска. Бириты съ внѣшними препятствіями также точно мучатся голодомъ: имъ постоянно кажется, что гдѣ нибудь въ отдаленіи отъ нихъ лежитъ вкусная пища; они бѣгутъ туда, но лишь только приближаются къ лакомому куску, какъ онъ превращается въ огонь, или разнаго рода нечистоты. На рисункахъ изображаются въ большинствѣ случаевъ только эти два рода биритовъ.

Въ отдѣленіи, противоположномъ царству биритовъ, т. е. на лѣвой сторонѣ рисунка, представляется царство животныхъ, (монг. འཇམ་མཁའ་, тибетск. རྩོལ་སྲིད་གྱི་གཤམ་). На первомъ планѣ здѣсь являются домашнія животныя, какъ: лошади, быки, овцы, верблюды; далѣе слѣдуютъ полевые, дикіе и хищные звѣри; наконецъ среди голубоватыхъ полосъ, долженствующихъ изображать морскія волны, рисуется цѣлая масса головъ, по толкованію, при-

надлежащихъ безчисленному множеству существъ, обитающихъ подъ водою.

Обращаясь отсюда снова на правую сторону рисунка, въ отдѣленіи, помѣщаемомъ надъ царствомъ биритовъ, находимъ царство людей (𑖀𑖃𑖄𑖅 𑖆𑖇𑖈). На рисункѣ изображаются два дома, въ каждомъ изъ которыхъ сидитъ по одному ламѣ; тутъ же видно зданіе кумирни, изъ котораго ламы выходятъ цѣлою толпою.

На ряду съ царствомъ людей, въ пятомъ и послѣднемъ кругѣ изображаются двѣ области тэнгриевъ и асүриевъ. Область тэнгриевъ (𑖉𑖀𑖁, тибетск. རྩུ་མཚོ།) расположена на верху. Здѣсь представленъ дворецъ, внутри котораго обитаетъ Хормустà, — владыка тэнгриевъ; ниже дворца въ облакахъ видны изображенія небесныхъ дѣвъ, а подъ ними тэнгрии, сражающіеся съ асүриями. Вся нижняя часть отдѣленія, долженствующая представить царство асүриевъ, (𑖂𑖃𑖄𑖅 санскр. asurā, тиб. རྩུ་མཚོ་འཕྲུ་མ།) наполнена изображеніемъ человѣческихъ фигуръ, одѣтыхъ въ панцыри и шлемы, — это и есть асүрии. Вся жизнь этихъ существъ проходитъ въ непрестанной борьбѣ съ тэнгріями. Рисунокъ представляетъ именно эту борьбу. Асүрии держатъ въ рукахъ мечи и пики, а тэнгрии стрѣляютъ въ нихъ очірами.

Таково изображеніе шести областей сансары.

Третій и послѣдній кругъ сансарыйнъ хүрдэ наполненъ символическими изображеніями двѣнадцати Ниданъ (тиб. རྩུ་མཚོ་འཕྲུ་མ་མཚོ། монг. шигтүнъ-барилдугà), долженствующими напоминать вѣрующимъ основное ученіе буддизма о причинахъ и слѣдствіяхъ, которымъ объясняется по буддизму какъ происхожденіе явленій міра матеріальнаго и духовнаго, такъ равно и происхожденіе перерожденій. Ламы, конечно, увѣряютъ, что ученіе это было проповѣдано самимъ буддою, въ толкованіяхъ же о ниданахъ обыкновенно слѣдуютъ не «Праджна-парамитѣ», принимающей за исходную точку отправления *невъжество*, а «Лалита-вйстарѣ», толкующей ниданы въ обратномъ порядкѣ. Чтобы дать читателямъ болѣе ясное представленіе объ этомъ ученіи, мы сопоста-

вимъ слышанныя нами объясненія ламъ съ изложеніемъ ученія о нїданахъ, находящимся у Бюрнуфа въ его «Introduction à l'histoire du Bouddhisme indien».

Извѣстно, что въ основу всего своего ученія Будда положилъ идею о мученіи, а цѣлью его поставилъ избавленіе отъ всякихъ страданій. Мученія слагаются главнымъ образомъ отъ болѣзни, старости и смерти; чтобы найти средства избавиться отъ нихъ нужно было отыскать ихъ основную причину. Старость и смерть представляютъ собою по буддизму вѣнецъ всякаго зла и страданія. Это первая нїдана, которая образно представляется на рисункѣ въ видѣ согбеннаго старика, едва могущаго стоять и принужденнаго балансировать своими руками, чтобы только не потерять равновѣсія и не упасть. Отыскивая исходную причину старости и смерти, будда въ глубокомъ созерцаніи задался такимъ вопросомъ: «что такое то, что, существуя, даетъ причину старости и смерти (санск. d̥jagāmaḡana, тиб. кэ-ши, монг. үтүлхүй, ухүхүй) и какая причина старости и смерти? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: старость и смерть существуютъ вслѣдствіе *рожденія* (санск. d̥jāti, тиб. к'жэ-ба, монг. түрүхүй) и имѣютъ своею причиною рожденіе. Это вторая нїдана, для изображенія которой подъ фигурою старика (первой нїданы) наглядно представленъ самый процессъ рожденія. Лежитъ обнаженная и покрытая одѣяломъ женщина, — между ногами ея видѣнъ ребенокъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто рожденію и какая причина рожденія? Въ отвѣтъ на это пришла ему на умъ такая мысль: рожденіе существуетъ вслѣдствіе присущихъ всѣмъ существамъ душевныхъ наклонностей, доводящихъ эти существа до инстинктивнаго влеченія къ всему суетному, и заключающемуся въ матеріальномъ мірѣ. Символически это олицетворяется въ фигурѣ курицы, насиживающей свои яйца. Эта третья причина, или нїдана по санскритски называется bhava, а по монг. сансарь ¹⁾).

1) Бюрнуфъ, въ Introduction p. 493—494, толкуетъ терминъ — «бава» не

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію душевной склонности и влеченія къ суетному и какая причина этого влеченія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: влеченіе образуется вслѣдствіе принятія и усвоенія (себѣ чего бы то ни было, — желаній, воззрѣній дѣятельности и проч.); влеченіе имѣетъ своею причиною принятіе (санск. *upādāna*, тиб. лэн-ба, монг. абхуй). Эта четвертая нидана изображается на рисункѣ подъ видомъ человѣка, собирающаго съ дерева плоды.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто бытію принятія, или усвоенія (существомъ чего либо — желанія, воззрѣнія, дѣятельности и пр.) и какая причина принятія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: принятіе существуетъ вслѣдствіе страстнаго желанія (не разставаться съ прежде испытаннымъ удовольствіемъ и вообще чѣмъ либо пріятнымъ); принятіе имѣетъ своею причиною страстное желаніе (санскр. *trichnā*, тиб. срэ-ба, монг. хурицахуй). Эта пятая нидана олицетворяется на рисункѣ въ видѣ человѣка, пьющаго вино, или, лучше сказать, держащаго стаканъ съ виномъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто страстному желанію и какая причина желанія? Тогда такая мысль пришла ему на умъ: желаніе существуетъ вслѣдствіе чувствованія (т. е. способности ощущать удовольствіе или неудовольствіе), — желаніе имѣетъ своею причиною чувствованіе (санскр. *vedanā*, тиб. чжор-ба, монг. мэ-дэрихуй). Это шестая нидана. На рисункѣ изображается человѣкъ, пораженный стрѣлою въ глазъ и такимъ образомъ дости-

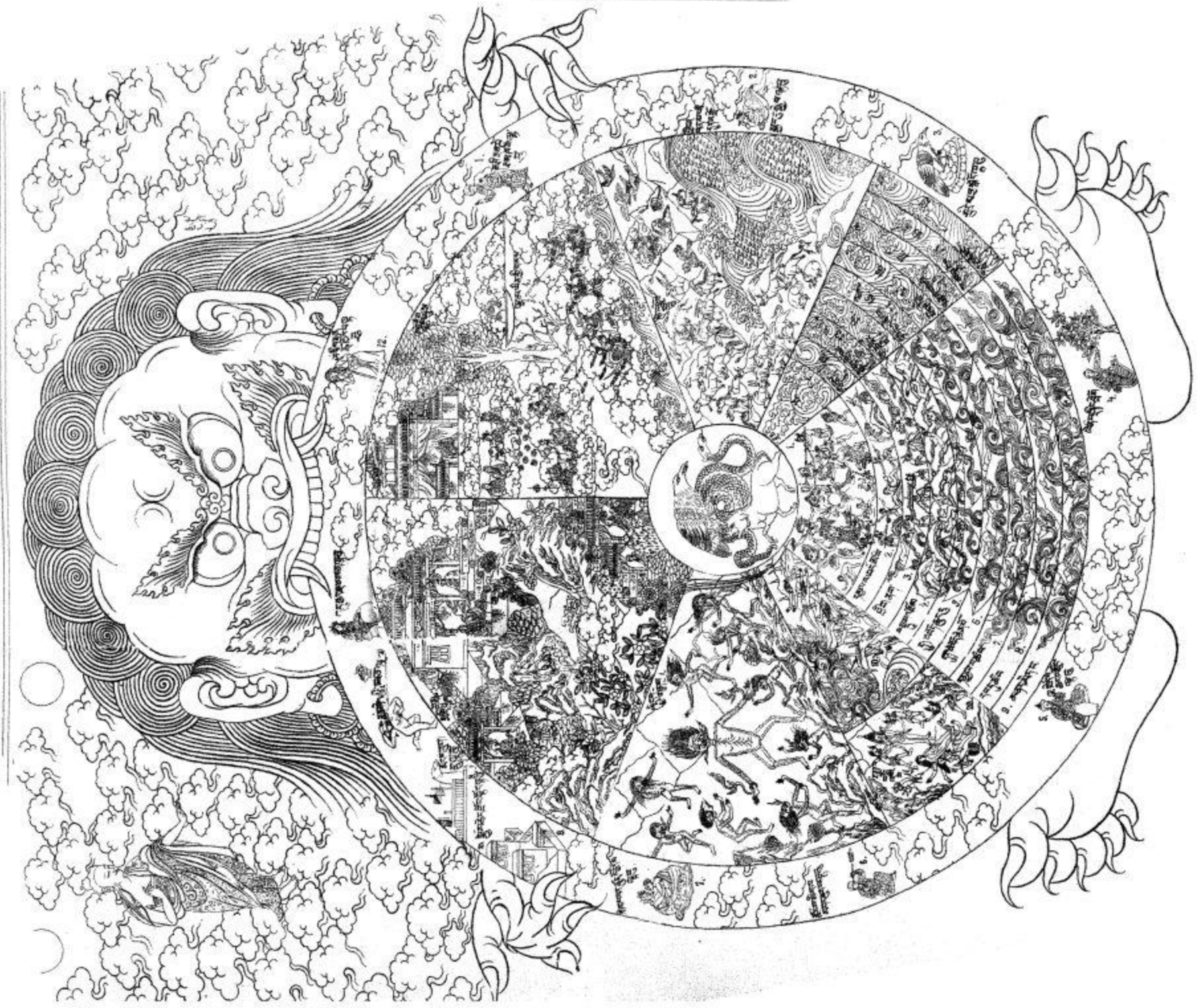

согласно съ нашимъ толкованіемъ, которое прослушали мы отъ ламъ и въ настоящемъ случаѣ представляемъ; но, кажется, что представляемое толкованіе ламъ распространено какъ въ Монголіи такъ и въ Тибетѣ. Георги, въ своемъ *Alphabetum tibetanum*, говоря о ниданахъ располагаетъ ихъ по Праджня-парамитѣ и при томъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Повидимому, термину «бава» у него дается толкованіе какъ «*Propensio ad malum, sive spiritus, vel genius improbus*». Въ общемъ это будетъ до нѣкоторой степени сходно съ понятіями ламъ. См. *Alph. tib.* 499.

гается цѣль изображенія способности чувствованія съ указаніемъ на высшій изъ органовъ чувствъ.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что существованіемъ своимъ даетъ мѣсто чувствованію и какая причина чувствованія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: чувствованіе происходитъ вслѣдствіе *соприкосновенія* (съ субъектомъ чувствующимъ внѣшнихъ предметовъ),—соприкосновенія, оставляющаго слѣдъ въ душѣ и служащаго залогомъ для возникновенія желанія повторить ощущеніе; чувствованіе имѣетъ своею причиною соприкосновеніе (санск. *spraṅṣa*, тиб. рэг-ба, монг. хүрүльцэхүй). Это седьмая нидана. На рисункѣ изображаются мужчина и женщина, обнаженные и заключившіе друга друга въ объятія; словомъ — избранъ фактъ, когда соприкосновеніе должно возбудить высшую степень напряженности чувствованія.

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ, что такое то, что своимъ существованіемъ даетъ мѣсто соприкосновенію (внѣшнихъ предметовъ) и какая причина соприкосновенія? Тогда пришла ему на умъ такая мысль: соприкосновеніе существуетъ вслѣдствіе шести чувствъ (порождающихъ и собирающихъ по мелочамъ (འཕྲུལ་འཕྲུལ་ཅན་) материалы для нашихъ познаній и нашего мышленія); соприкосновеніе имѣетъ причиною шесть чувствъ (санск. *chaḍāyatana*, тиб. с'гжэ-цэ-гругъ, монг. түрүнъ түгэхүй). Это восьмая нидана. Аллегорическое изображеніе ея заключается въ картинкѣ пустаго дома, съ которымъ въ буддизмѣ постоянно сравнивается существо человѣка. Человѣкъ, говорятъ буддисты, это пустой домъ, безъ главы, безъ хозяина, безъ распорядителя; но домъ, занятый ворами, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ въ немъ безпрекословно, по своему особому направленію. Эти воры суть наши чувства, развлекающія духъ и лишаящія его возможности сосредоточиться: такимъ образомъ зрѣніе постоянно наслаждается наружностью предметовъ, слухъ внимаешь звукамъ, обоняніе — запахамъ, вкусъ и осязаніе различнымъ, подлежащимъ имъ ощущеніямъ, между тѣмъ какъ внутреннее чувство (шестое) обращается ко всѣмъ этимъ ощу-

такая мысль пришла ему въ голову: сознание существуетъ вслѣдствіе дѣятельности (собственно духовной, по которой человѣкъ изучаетъ предметы внѣшняго міра и даетъ наименованія предметамъ своего міра внутренняго); сознание имѣетъ своею причиною дѣятельность (санск. samskāga, тиб. б'ду-б'чжэг, монг. хуранъ уйлэтхүй). Это одиннадцатая нидана. Аллегорическое изображеніе дѣятельности представляется на картинѣ въ видѣ горшечника, окончившаго выдѣлкою три сосуда. Собственно аллегорія здѣсь въ количествѣ сосудовъ, ибо всю дѣятельность человѣческую и всѣ дѣла человѣка буддисты раздѣляютъ на три категоріи: дѣла добродѣтельныя (འདྲུག་ ལས་), дѣла грѣховныя (སྤོང་ལས་) и дѣла непоколебимыя (འཇུག་ལས་ ལས་ ལས་).

Потомъ такая мысль пришла на умъ бодисатвѣ: что такое то, что, существуя, даетъ мѣсто дѣятельности и какая причина дѣятельности? Тогда пришла ему такая мысль: дѣятельность существуетъ вслѣдствіе невѣжества, (по которому человѣкъ не въ состояніи ясно понять и дать истинное направленіе своей жизни и дѣятельности; даетъ цѣну предметамъ міра матеріальнаго, тогда какъ въ сущности они — ничто); такимъ образомъ дѣятельность имѣетъ своею причиною невѣжество (санскр. avidyā, тиб. ма-ри-г-ба, монг. мунхакъ). Символическимъ изображеніемъ этой послѣдней двѣнадцатой ниданы — невѣжества служитъ фигура слѣпой старухи, которая совершенно не знаетъ, куда она идетъ.

Такъ толкуютъ ниданы и ихъ символическія и аллегорическія изображенія на сансарійнѣхъ хурдэ монгольскіе ламы. Ясно, что всѣ эти изображенія должны напоминать собою буддистамъ основное ученіе ихъ вѣроучителя о призрачности и не дѣйствительности всего этого міра, въ основѣ нашихъ отношеній къ которому лежитъ невѣжество и результатомъ которыхъ должна являться привязанность къ нему, а отсюда новый рядъ перерожденій и соединеннаго съ ними страданія.

Чтобы закончить описаніе сансарійнѣхъ хурдэ, мы должны еще сказать, что кругъ его на рисункѣ представляется держимымъ въ зубахъ краснаго мангуса, — слуги владыки смерти. Ман-

гусь этотъ имѣетъ образъ человѣка, но съ чудовищными формами тѣла, острыми когтями, клыками и пр. Надъ головою его, съ правой стороны изображается кругъ, знаменующій солнце, а нѣсколько далѣе — фигура ламы, которой придается значеніе изображенія ученика Будды, объясняющаго смыслъ сансарыйнъ хурдэ.

Наконецъ въ кумирняхъ можно встрѣчать и рисунки съ изображеніемъ буддійскихъ святынь, таковы изображенія У-тай-шан'я и Хлассы. У-тай-шань, какъ извѣстно, есть названіе горы, находящейся въ Китайской провинціи Шань-си и почитаемой буддистами за постоянное мѣстопробываніе Маньчжуріи. Хласса, тибетскій городъ — монастырь, служащій резиденціею Далай ламы — первосвященника желтаго ученія. Оба эти рисунка представляютъ собою самый примитивный способъ живописи. У-тай-шань является въ видѣ отдѣльно возвышающихся пяти горныхъ пиковъ, на которыхъ по мѣстамъ разбросаны группы деревьевъ, — это лѣса; въ другихъ мѣстахъ изображаются маленькія подобія пещеръ и въ каждой изъ нихъ непремѣнно сидитъ въ молитвенной позѣ по одному ламѣ, — это должно знаменовать ламъ-отшельниковъ и созерцателей; наконецъ по мѣстамъ разбросаны здѣсь изображенія буддійскихъ кумиренъ, — это обозначаетъ монастыри. Въ изображеніи Хлассы на первомъ планѣ является высокая монастырская или крѣпостная стѣна, изъ за которой выглядываютъ крыши и верхнія части зданій храмовъ. Дворецъ Далай-ламы, какъ высшая святыня, располагается въ срединѣ и непомѣрно превосходитъ своею величиною всѣ прочія зданія. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что всѣ эти рисунки не могутъ доставить никакихъ дѣйствительныхъ понятій объ изображаемыхъ ими предметахъ, лучшимъ же подобіемъ исполненія ихъ могутъ быть наши лубочныя картины Аѳонской горы, или святаго града Іерусалима.

Помимо вышеозначенныхъ, чисто буддійскихъ изображеній, у самыхъ дверей нѣкоторыхъ монгольскихъ кумиренъ попадаетъ еще изображеніе Цагѣнъ-эбүгэна, культъ котораго чрезвычайно распространенъ во всей сѣверо-восточной Азіи. Цагѣнъ-эбүгэна

чествуютъ монголы—буддисты, китайцы—конфуціанцы и даосы, наконецъ буряты—шаманисты; послѣдніе при томъ убѣждены, что и православная церковь чествуетъ Цагѣнъ-эбүгѣна, объединя личность послѣдняго со святителемъ Николаемъ. Цагѣнъ-эбүгѣнъ изображается въ видѣ маститаго и убѣленнаго сѣдинами старца, одѣтаго въ бѣлый халатъ и держащаго въ рукѣ посохъ съ изображеніемъ драконовой головы (а иногда и двухъ;—нашъ архіерейскій жезлъ въ значительной степени походитъ на посохъ Цагѣнъ-эбүгѣна и вѣроятно въ представленіи буряты служить не малую причину для объединенія святителя Николая съ Цагѣнъ-эбүгѣномъ). Буддисты даютъ въ своихъ кумирняхъ Цагѣнъ эбүгѣну самое послѣднее мѣсто и не почитаютъ его въ числѣ своихъ бурхановъ; а говорятъ, что это «харà шачжинай бурханъ», т. е. божество «черной вѣры», или шаманистовъ. За всѣмъ тѣмъ они признаютъ почитаніе его, ибо самъ Будда, въ періодъ своей жизни на землѣ, встрѣчался съ Цагѣнъ эбүгѣномъ и удостоилъ его своею бесѣдою. Этого конечно для буддистовъ было уже достаточно, чтобы допустить чествованіе Цагѣнъ-эбүгѣна ¹⁾.

---

1) Прослѣдить культъ Цагѣнъ эбүгѣна было бы въ высшей степени интересно. Мы съ своей стороны не имѣли для сего достаточно времени; но въ бесѣдахъ съ ламами намъ удалось однажды узнать, что въ буддизмѣ о личности Цагѣнъ эбүгѣна имѣется даже писанное ученіе, хотя книга, или сутра о Цагѣнъ эбүгѣнѣ, якобы очень рѣдкая. Въ библиотекѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты «Цагѣнъ-эбүгѣнъу судуръ» (ученіе о Цагѣнъ-эбүгѣнѣ) впервые попала въ наши руки. Это небольшое сочиненіе, всего на трехъ листкахъ, писанное вѣроятно въ довольно позднее время, но поддѣланное подъ форму сутры. Въ виду краткости этого сочиненія и интереса самаго предмета, мы представляемъ здѣсь точный переводъ этой брошюрки, дающей хоть какое нибудь опредѣленное понятіе о личности Цагѣнъ эбүгѣна.

«Я слышалъ, что говорили такъ: Въ одно время всесовершеннѣйшій Будда съ Анандою и пріемлющими жертву въ чашу, съ главнѣйшими изъ бодисатвъ и хуварѣками, проходилъ у горы, которая называлась Чжимисту-ой (плодовитый лѣсъ) и въ это время увидалъ одного старца, достигшаго уже до предѣловъ челоуѣческой жизни: волосы и борода его были совершенно бѣлые, онъ былъ одѣтъ въ бѣлую одежду и держалъ въ своей рукѣ посохъ съ кончникомъ, изображающимъ драконову голову. Такого старца увидѣлъ будда и спросилъ его: «Зачѣмъ въ одиночествѣ живешь ты у горы?» Всесовершеннѣйшій Будда, отвѣчалъ старикъ, я жилъ на этой горѣ, имѣющей имя Чжимсаланъ (плодовитая); я жилъ на горѣ, и выше меня было небо, а внизу мать утүгѣнъ

Такимъ образомъ, помимо помѣщаемаго у самыхъ дверей Цагѣнъ збугѣна, всѣ хурѣки, т. е. рисованныя изображенія бурхановъ, картины религіозно-нравственнаго содержанія и виды буддійскихъ святынь располагаются обыкновенно по восточной, западной и южной стѣнамъ кумирни, а иногда на длинныхъ тесьмахъ свѣшиваются еще и съ потолка ея. Буддисты не имѣютъ

(*ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ*; *ᠤᠲᠦᠭᠦᠨᠢ* — шаманское названіе земли). Я повелитель дикихъ звѣрей, ядовитыхъ змѣй, людей и животныхъ, гениевъ земли (*ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ*) и гениевъ воды, гениевъ хранителей правленія (= царствъ *ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ* *ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ*). Какъ ни свирѣпы гени 24 странъ, — я могу управлятьъ всѣми. На горахъ — я владыка горъ, я владыка земли, я владыка воды; въ храмахъ (*ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ*) — я владыка пространства, на которомъ помѣщаются священныя книги, я владыка воды; въ городахъ — я владыка мѣста, на которомъ стоитъ городъ, я владыка воды. Я въ точности знаю добродѣтели и грѣхи людей, населяющихъ вселенную; долготя и краткость человеческой жизни въ моемъ вѣдѣніи. Я даю счастье совершать добродѣтельныя дѣла; поступки добродѣтели и грѣха, основы благихъ дѣлъ, почтительность къ родителямъ, вѣру въ три драгоценности, все это разсѣиваю я, низпускаясь 1-го и 16-го числа каждаго мѣсяца; а въ день мыши низпускаются вмѣстѣ два докшина, черный горный демонъ (*ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ*), повелитель привратниковъ ада и владыка огня: они подробно и безъ пропусковъ описываютъ всѣ дурныя и добрыя дѣланія, которыя сдѣлали люди, я же принимаю эту записъ. Кто по жестокости убилъ кого, не былъ почтителемъ къ родителямъ, злоумышленно не оказалъ почтенія къ тремъ драгоценностямъ, всѣхъ тѣхъ и обо всемъ томъ небесныя гени записываютъ. Потомъ я, вмѣстѣ съ докшинами земли и воды, владыками несчастныхъ дней, девяти звѣздъ пяти свирѣпыхъ галабовъ, съ владыками земли и владыками водъ, съ владыками городовъ и мѣстностей схожу и таковыхъ грѣховныхъ существъ предаю чертямъ, принадлежащимъ къ 100 различнымъ родамъ (*ᠠᠮᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ ᠠᠨᠤ*), навожу на нихъ болѣзни, воровъ, раны, сыпи, и дурныя сновидѣнія въ такомъ обилии какъ дождь. Обманы, невыгоды, порчу въ вещахъ, убытки, смерть и мученіе, — все это даю я. На эту рѣчь повелителя неба всесовершеннѣйшій Будда сказалъ: «хорошо, хорошо!» и потомъ произнесъ, обращаясь къ ученикамъ: «Дѣти высокородныхъ, дайте клятву предъ моимъ лицемъ въ томъ, что вы будете охранять одушевленныя существа и помогать имъ!» Кто эту книгу перепишетъ, приобрететъ, покажетъ другимъ, или прочтетъ, заслуги того безгранично велики; а если кто прочтетъ ее семь разъ, тотъ избавится отъ болѣзней. Такъ сказалъ Будда и произнесъ слѣдующія тарни: «Омъ-на-мо-са-лу-то-ма-дока-то-ло-тонъ омъ-то-ло-то-ло дѣй-я-сва-ха-ха-ха-ха». Услыхавъ эти тарни, всѣ гени земли и воды возблаговѣли предъ Буддою и, сложивъ ладони, поклонились». (Цагѣнъ-збугѣн'у судуръ орошиба).

обыкновенія ни возжигать передъ ними свѣтильниковъ, ни совершать куренія, ни приносить жертвы; все это совершается исключительно передъ главными кумирами, т. е. литыми изображеніями бурхановъ, располагаемыми, какъ было сказано выше, у сѣверной стѣны храма. Здѣсь поэтому поставляется и тахильинъ ширѣ (ᠲᠠᠬᠢᠯᠢᠶᠢᠨ ᠰᠢᠷᠢ), или, что тоже, жертвенникъ.

Поставляемый всегда передъ главнымъ бурханомъ, жертвенникъ въ буддійской кумирнѣ является стоящимъ прямо противуположно ея входнымъ дверямъ. Онъ имѣетъ видъ обыкновеннаго, деревяннаго продолговатаго стола, шириною въ 1¼ или въ 1½ аршина, а длиною до 4 и даже 5 и болѣе аршинъ, смотря по величинѣ и богатству кумирни. Сверху столъ этотъ кругомъ обтягивается матеріею и за симъ покрывается еще пеленою, обыкновенно дѣлаемою изъ шелковой матеріи и оторочиваемою позументомъ, или шелковой бахромой. Въ видѣ жертвъ передъ бурханами на немъ располагаются прежде всего на сѣверной сторонѣ:

А) Даши дакчжатъ, или по монгольски «үлцэйтү найманъ тэмдэкъ», иначе называемыхъ еще «найманъ тахиль», т. е. восемь жертвъ; въ составъ которыхъ входятъ:

α) *Ринчинъ дукданъ* — благовознесенный на ручкѣ драгоценности стяжанія добродѣтелей, отстраняющій и уничтожающій жаръ грѣховныхъ пожеланій (ᠷᠢᠨᠴᠢᠨ ᠳᠤᠬᠠᠨ ᠲᠠᠬᠢᠯᠢᠶᠢᠨ ᠰᠢᠷᠢ) *бѣлый зонтикъ* (ᠰᠢᠷᠢ ᠬᠠᠰᠢᠰ).

β) *Сернья* — сдѣланные изъ чистаго золота и живущіе въ Цзамбу—рѣкѣ блаженства и пользы (ᠰᠡᠷᠨᠢᠶᠢ ᠵᠠᠮᠪᠤᠰᠤ ᠷᠡᠬᠡ) рыбы.

γ) *Дунъ-гаръ* — символъ счастья благолѣпнаго обращенія въ правую сторону и издающая на десять странъ свѣта пріятные звуки (ᠳᠤᠨᠭᠠᠷ ᠪᠠᠶᠢᠨ) бѣлая раковина (ᠰᠢᠷᠢ ᠷᠠᠬᠤᠮᠤ).

δ) *Бадма* — отрѣшенная отъ нечистоты и порчи, благолѣпно знаменующая собою залогъ спасительной нирваны — бѣлая падма (ᠪᠠᠳᠮᠠ ᠪᠠᠳᠮᠠ).

ε) *Бум-ба* — нескончаемое и полное сокровище всѣхъ пожеланій, совершенный изъ драгоценностей сосудъ — бумбѣ (ᠪᠤᠮᠪᠠ).

подносили пищу. Впоследствии эти жертвы, обращаемыя къ царямъ, перенесены были на чествованіе бурхановъ. Объясненіе это представляется мнѣ весьма правдоподобнымъ и хотя оно не встрѣчалось мнѣ въ толкованіяхъ церковныхъ утварей буддизма, однако въ различныхъ молитвенникахъ буддистовъ, я находилъ перечисленіе всѣхъ предметовъ, которые должны быть приносимы въ семи цугуцэ (чашечкахъ) и имена ихъ на языкахъ санскритскомъ, тибетскомъ и монгольскомъ, равно какъ и предписываемый порядокъ въ разстановкѣ жертвъ до нѣкоторой степени свидѣтельствуютъ истинность сказаннаго объясненія. Такъ въ сочиненіи «Бумба нигуху цзэнъ уйлэ» говорится, что жертва воды должна быть полагаема въ первой чашкѣ; она называется по санскритски *баддйимъ*, тибетское имя ея — «шаб-сэль», что переводится по монгольски «үлмэйнь сэригүцэлгэ» и означаетъ — прохладительное для ногъ. Вода, налитая во вторую чашку, носитъ санскритское названіе «анзаманамъ», тибетское — «шаль-сэль», монгольское — «нигүр’унъ сэригүцэлгэ», что значитъ прохладительное для лица. Наименованія этихъ двухъ первыхъ жертвъ прежде всего свидѣтельствуютъ объ ихъ первоначальномъ происхожденіи и значеніи, хотя теперь все это стало означать не болѣе какъ жертву, а потому начало терпѣть и видоизмѣненія. Такимъ образомъ жертва третьей чашки удержала свой порядокъ въ постановкѣ, она называется по санскритски «буйбй», по тибетски — «мэ-до-хъ», а монгольски цэцэкъ, т. е. цвѣтокъ. По настоящимъ правиламъ относительно принесенія жертвъ, этотъ цвѣтокъ долженъ быть не изъ рода ядовитыхъ, не изъ такихъ, на которыхъ живутъ червячки или бабочки и наконецъ не долженъ быть завядшимъ. Въ Монголіи при неимѣннн цвѣтовъ, особливо въ зимнее время, цвѣтки для жертвы замѣняются металлическими изображеніями цвѣтовъ и бываютъ золотые или серебрянные; въ бѣдныхъ же храмахъ вмѣсто цвѣтка въ третью чашечку кладутъ сѣмена ячменя или пшеницы. Очевидно отсюда, что прежнее чествованіе цвѣтами приняло теперь просто характеръ принесенія жертвы отъ произведеній земли. Жертва четвертой чашки называется по санскритски «Дүй-бэ», по тибетски

— «дуг-бой», по монгольски — «утуху́ кучжи», т. е. дымящееся курение. У Монголовъ съ этою цѣлью куренія употребляются особыя душистыя свѣчи (ᠠᠨᠠᠵᠢ, тиб. འཕྲུག་སྣོན་), приготовляемыя изъ алоеваго дерева. Пятая чашка называется по санскритски — алогй, — по тибетски зовется «мар-мэ», а по монгольски — цзула, т. е. лампада. Шестая — носить санскритское имя «ганьди», тибетское — «ди-габъ» и монгольское үнүртү усү, что значить благовонная вода: она приготавливается изъ обыкновенной воды, въ которой предварительно размачиваются лепестки индйскаго шафрана (ᠠᠨᠠᠵᠢ ᠠᠨᠠᠵᠢ); отъ настоя на этихъ лепесткахъ вода приобретаетъ особый запахъ и окрашивается въ ярко желтый цвѣтъ. Наконецъ седьмая чашка по санскритски называется «Ньйбди», по тибетски — «шалъ-цзай» и по монгольски — «гэгэнү цзбкъ», или, по переводу, — святительская пища. Здѣсь по правиламъ должна быть приносима въ жертву пища растительная, какъ то, хлѣбные плоды, фрукты, можно класть за симъ сахаръ, конфекты, всякаго рода кушанья, приготовляемыя изъ молока, но невозможно класть мяса, или какихъ либо наркотическихъ снадобьевъ.

Съ перенесеніемъ этихъ жертвъ на чествованіе бурхановъ произошло и нѣкоторое усложненіе въ нихъ; такъ, въ настоящее время передъ нѣкоторыми бурханами ставятъ по восьми чашекъ, а передъ нѣкоторыми, какъ напр. предъ Намсарѣмъ и Ламъ-чэт-бдоу даже по девяти. Прибавляется при этомъ двѣ чашки съ водою, изъ которыхъ первая называется по санскритски — «агамъ», по тибетски «чод-онъ», или онъ-чабъ, по монгольски — «табикъ-усү» (= жертвенная вода); а вторая по санскритски борокчанамъ, по тибетски — «санъ-даръ», а по монгольски — «аригүланъ сацухуйнъ усү» (= вода чистаго кропленія). Относительно времени происхожденія этихъ жертвъ ламы не говорятъ уже никакихъ преданій и всѣ рассказы ихъ касательно этихъ жертвъ ограничиваются лишь сообщеніемъ тѣхъ правилъ, по которымъ эти жертвы должны быть приносимы, а равно и указаніемъ значенія этихъ жертвъ въ отношеніи къ приносящимъ оныя. Такимъ образомъ относительно жертвы воды (табикъ-усү) правила ламай-

стовъ сообщаютъ, что жертвенная вода эта должна быть безъ насѣкомыхъ, чистая и прозрачная. Такъ какъ назначеніе воды вообще состоитъ въ томъ, чтобы очищать нечистоты и увеличивать влагу; то чрезъ принесеніе въ жертву чистой воды очистятся грѣхи и препятствія къ достиженію святости, а также и духовному корню дарована будетъ духовная влага, (способствующая) дающая ему силы къ произведенію благихъ отростковъ. Принесенную въ жертву чистую воду, чтобы вполне очистить ее отъ всякихъ нечистотъ, должно смахнуть сверху вѣникомъ, непременно мягкимъ, чтобы не нанести вреда насѣкомымъ, плавающимъ поверхъ воды. Впослѣдствіи должно омыть этотъ вѣникъ въ томъ колодцѣ, откуда взята вода для жертвы; такимъ образомъ тѣ животныя, которыя будутъ сняты съ жертвенной воды, будутъ снова пущены въ свой родной источникъ.

По самой срединѣ ряда этихъ семи жертвенныхъ чашекъ на тахильинъ ширѣ поставляется еще въ видѣ жертвы одна большая лампада, (йэхэ цзула, འཇམ་ཚལ་, тиб. མཇམ་ཚལ་) и одно ху́чжи, т. е. благовонное куреніе (འབྲུག་སྐྱེས་); — это жертва монастырской братіи, долженствующая быть неугасимою, тогда какъ цзула, стоящая въ ряду долонъ цугуцэ, зажигается только во время совершенія богослуженій. Относительно этой жертвы лампы существуетъ нѣсколько правилъ. Фитиль ея долженъ быть сдѣланъ изъ ростка отъ вѣтки дерева гуша (куса) и обернуть чистою ватою; онъ долженъ быть тонокъ и прямъ для того, чтобы могъ горѣть долго и главное ярко: совершенно воспрещается держать свѣтъ лампы мерцающимъ, поблекшимъ, такъ что лампада не то что горитъ, и не то что гаснетъ. Ху́чжи также точно предписывается имѣть благовонныя и воспрещается имѣть китайскія, овальныя и длинныя, такъ какъ они слишкомъ дымятъ и своею копотью чернятъ бурхановъ. Ху́чжи не должны еще имѣть запахъ мускуса, потому что этотъ запахъ не терпятъ пресмыкающіеся и змѣи и слѣдовательно онъ можетъ удалять ихъ отъ храма. Въ лѣтнее время, согласно церковнымъ правиламъ, какъ ху́чжи такъ и лампаду необходимо предписывается содержать въ фонарѣ; ибо въ

противномъ случаѣ налетающія на нихъ мошки легко могутъ погибнуть предъ ликомъ будды; что усугубляетъ грѣхъ, хотя бы то и не намѣреннаго со стороны человѣка, лишенія жизни одушевленныхъ существъ. Рядомъ съ хўчжи на тахильйинъ ширѣ поставляется еще особый небольшой и продолговатый ящичекъ: онъ носитъ названіе «хўчжинэй онгоцò» и служитъ для собиранія пепла отъ сожженія хўчжи.

Помимо сего при отправленіи богослуженій бурхану Мánла (монг. ᠮᠠᠨᠯᠠ ᠯᠠᠮᠠ), а равно и при освященіи храма на тахильйинъ ширѣ поставляется еще восемь жертвенныхъ чашекъ, носящихъ названіе «ўлцзйтў́ нэйманъ э́дъ», что значитъ восемь благословенныхъ веществъ. «Предметы, входящіе въ составъ жертвъ, полагаемыхъ въ этихъ чашечкахъ, почитаются благословенными, потому что всѣ они были поднесены въ даръ буддѣ Шигэмунію различными лицами. Такимъ образомъ первая изъ этихъ жертвъ, носящая на тибетскомъ языкѣ названіе «мэлонъ», ᠮᠡᠯᠣᠨ , а на монгольскомъ «томъ», т. е. зеркало, была принесена въ даръ Шигэмунію Охйнъ тэнгриемъ.

Вторую — *эхамъ* (ᠡᠬᠢᠮ), поднесъ Шигэмунію Норчжинъ, въ силу чего будда очистилъ весь міръ отъ трехъ препятствій къ спасенію.

Третью — тибет. «шо» (ᠰᠣ), монгол. «таракъ», т. е. кислое молоко было поднесено Шигэмунію дѣвицею Лэкчжэма и съ того времени пища эта почитается священнымъ подаяніемъ.

Четвертую — тибет. *Дур-бай* (ᠳᠤᠷᠪᠠᠢ), монгол. «оббосўнь», т. е. трава, которую поднесъ буддѣ сынъ продавца зелени Дашй.

Пятую — тибет. «бильба», (ᠪᠢᠯᠪᠠ монг. «модондой тэмэсўнь») т. е. древесные плоды поднесъ Шигэмунію Эсруа тэнгри.

Шестую — тибетск. «дўнь», (ᠳᠦᠨ) монг. «лабай», т. е. раковина, которую поднесъ буддѣ Хормуста тэнгри.

Седьмую — тиб. «литй», (ᠯᠢᠲᠢ) — (шўнда) — сурикъ, поднесенную Шигэмунію буддѣ бираманомъ Гарчжал'омъ (браминъ Гарчжалъ).

Восьмую — тибет. Юнь-гàрь, (ཡུན་མཁོ་ཀྭ་) монгол. «цагàнь хичжй», т. е. манная крупа, которую поднесъ Шигэмүнию Очир-вàни (Vadjraràni).

Къ числу принадлежностей тахильйиъ ширэ причисляются также:

а) Иногда поставляемый на немъ приборъ, именуемый «та-бунъ хусэь» или жертва пяти чувствамъ. Въ составъ его входятъ во 1-хъ небольшой, блестящй металлическй кружокъ, называемый *толй*, т. е. зеркало, — это жертва для зрèнiя; 2) жертвою для слуха служитъ раковина (дунгъ); 3) какъ жертву обонянiю приносятъ положенные въ особую чашечку мушкатные орëхи; 4) жертву для вкуса составляютъ также стоящiе въ отдëльной чашкë плоды, или сахаръ и наконецъ 5) жертвою для осязанiя является въ большинствë случаевъ кусочекъ желтаго, шелковаго флера (хйбъ-торгò).

б) *Бадйръ аягà* (ràtra), т. е. древне-буддйская чашка, которую будда Шигэмүни поставляль въ необходимость имëть при себë каждому своему послëдователю. Бадйръ аягà дëлается обыкновенно изъ глины, окрашивается въ черную краску и по формë имëетъ видъ нашего горшка.

в) *Харсйль* (མཁོ་ཀྭ་མཁོ་ཀྭ་) монгольск. *дулдуй*), т. е. жезль, который употребляли въ древнее время странствующiе ученики будды. Онъ состоитъ изъ двухъ желëзныхъ, полыхъ по концамъ своимъ прутьевъ, которые соединяются вмëстë при помощи деревянной палочки. Собственно нижнюю часть жезла составляетъ острiе, какъ бы предназначенное для того, чтобы жезль былъ удобнëе для опоры. Выше этого острiя дëлается круглое яблоко, на подобiе «яблокъ» въ нашихъ архiерейскихъ жезлахъ, которое знаменуетъ собою запоръ для закрытiя дверей, ведущихъ къ тремъ злополучнымъ перерожденiямъ. Выше этого яблока нижняя часть жезла представляетъ собою семигранный и, какъ было сказано выше, полый на верхнемъ концë своемъ пруть; эти семь граней знаменуютъ собою семь отдëловъ святости ¹⁾ (ཇུ་མཁོ་ཀྭ་)

1) Семь отдëлений святости, или семь частей совершенства составляютъ:

ॐ (ॐ), а находящееся на оконечности прута отверстие предназначается для соединенія нижней части прута съ верхнею посредством вставки въ нихъ деревянной палочки. Самое соединеніе двухъ частей дулдуя въ таинственномъ смыслѣ означаетъ соединеніе *средствъ* къ спасенію (ॐ १) и *мудрости* (ॐ २), необходимой для достиженія состоянія будды. Верхній пруть дулдуй дѣлается восьми-граннымъ, что долженствуетъ напоминать о восьми отдѣленіяхъ пути святыхъ (ॐ ३ ॐ ४ ॐ ५ ॐ ६ ॐ ७ ॐ ८). Набалдашникъ дулдуй состоитъ изъ четырехъ выгнутыхъ и соединенныхъ во едино роговъ, которые обозначаютъ собою совокупность четырехъ отдѣловъ ученія будды, излагающихъ четыре истины (ॐ ९ ॐ १०); на каждый изъ этихъ роговъ навѣшивается по три кольца, которыя вмѣстѣ, составляя число двѣнадцать, знаменуютъ собою двѣнадцать благовѣстительныхъ словесъ будды (ॐ ११ ॐ १२ ॐ १३ ॐ १४ ॐ १५ ॐ १६ ॐ १७ ॐ १८ ॐ १९ ॐ २० ॐ २१ ॐ २२ ॐ २३ ॐ २४ ॐ २५ ॐ २६ ॐ २७ ॐ २८ ॐ २९ ॐ ३० ॐ ३१ ॐ ३२ ॐ ३३ ॐ ३४ ॐ ३५ ॐ ३६ ॐ ३७ ॐ ३८ ॐ ३९ ॐ ४० ॐ ४१ ॐ ४२ ॐ ४३ ॐ ४४ ॐ ४५ ॐ ४६ ॐ ४७ ॐ ४८ ॐ ४९ ॐ ५० ॐ ५१ ॐ ५२ ॐ ५३ ॐ ५४ ॐ ५५ ॐ ५६ ॐ ५७ ॐ ५८ ॐ ५९ ॐ ६० ॐ ६१ ॐ ६२ ॐ ६३ ॐ ६४ ॐ ६५ ॐ ६६ ॐ ६७ ॐ ६८ ॐ ६९ ॐ ७० ॐ ७१ ॐ ७२ ॐ ७३ ॐ ७४ ॐ ७५ ॐ ७६ ॐ ७७ ॐ ७८ ॐ ७९ ॐ ८० ॐ ८१ ॐ ८२ ॐ ८३ ॐ ८४ ॐ ८५ ॐ ८६ ॐ ८७ ॐ ८८ ॐ ८९ ॐ ९० ॐ ९१ ॐ ९२ ॐ ९३ ॐ ९४ ॐ ९५ ॐ ९६ ॐ ९७ ॐ ९८ ॐ ९९ ॐ १००). Соединеніе этихъ двухъ роговъ обозначаетъ собою свойство духовности будды (ॐ १), а въ срединѣ ихъ утверждается фигура субургана, которая обозначаетъ собою свойство всеблаженства будды (ॐ २); на самой вершинѣ соединенія роговъ поставляется наконецъ второй субурганъ, обозначающій собою свойство хубилганства будды (ॐ ३). Такимъ образомъ дулдуй имѣетъ своимъ назначеніемъ напоминать носящему его гелѹну всѣ основныя части ученія будды.

Помимо жертвъ на тахильинъ ширѣ поставляются еще и

a) вѣрная память; b) способность распознавать истину; c) дѣятельность; d) удовольствие; e) очищеніе или упражненіе духа; f) погруженіе духа въ созерцаніе; g) совершенное равнодушіе.

1) ॐ १ ॐ २ ॐ ३ ॐ ४ ॐ ५ ॐ ६ ॐ ७ ॐ ८ ॐ ९ ॐ १० ॐ ११ ॐ १२ ॐ १३ ॐ १४ ॐ १५ ॐ १६ ॐ १७ ॐ १८ ॐ १९ ॐ २० ॐ २१ ॐ २२ ॐ २३ ॐ २४ ॐ २५ ॐ २६ ॐ २७ ॐ २८ ॐ २९ ॐ ३० ॐ ३१ ॐ ३२ ॐ ३३ ॐ ३४ ॐ ३५ ॐ ३६ ॐ ३७ ॐ ३८ ॐ ३९ ॐ ४० ॐ ४१ ॐ ४२ ॐ ४३ ॐ ४४ ॐ ४५ ॐ ४६ ॐ ४७ ॐ ४८ ॐ ४९ ॐ ५० ॐ ५१ ॐ ५२ ॐ ५३ ॐ ५४ ॐ ५५ ॐ ५६ ॐ ५७ ॐ ५८ ॐ ५९ ॐ ६० ॐ ६१ ॐ ६२ ॐ ६३ ॐ ६४ ॐ ६५ ॐ ६६ ॐ ६७ ॐ ६८ ॐ ६९ ॐ ७० ॐ ७१ ॐ ७२ ॐ ७३ ॐ ७४ ॐ ७५ ॐ ७६ ॐ ७७ ॐ ७८ ॐ ७९ ॐ ८० ॐ ८१ ॐ ८२ ॐ ८३ ॐ ८४ ॐ ८५ ॐ ८६ ॐ ८७ ॐ ८८ ॐ ८९ ॐ ९० ॐ ९१ ॐ ९२ ॐ ९३ ॐ ९४ ॐ ९५ ॐ ९६ ॐ ९७ ॐ ९८ ॐ ९९ ॐ १००

нѣкоторыя принадлежности буддійскихъ хураловъ (= богослуженій). Среди ихъ первое мѣсто занимаетъ:

а) *Мандаля* (санск. *mandala*, тиб. རྒྱལ་འཛོམས་). Это ничто иное какъ металлическое блюдо, кованное изъ золота, серебра, или изъ мѣди. Особенность его состоитъ въ томъ, что на немъ выковывается изображеніе всего міра въ томъ видѣ, въ какомъ существуетъ онъ по понятіямъ буддійской космологіи. Такимъ образомъ по самой срединѣ мандаля (въ подражаніе существованію посреди всего міра) выковывается возвышеніе, знаменующее гору Сумэру. Гора Сумэру, по космологіи буддизма, состоитъ изъ четырехъ драгоценностей, а именно, вся восточная сторона ея состоитъ изъ серебра, южная изъ лазурика, западная изъ яхонта, а сѣверная изъ золота. Согласно этому ламы по четыремъ сторонамъ возвышенія, дѣлаемаго на мандаля и долженствующаго изображать гору Сумэру, вставляютъ отдѣльные кусочки серебра, лаписъ лазури, яхонта и золота. Далѣе на четырехъ сторонахъ круга такимъ же точно образомъ дѣлаются изображенія четырехъ большихъ тибовъ¹⁾, восьми малыхъ и т. д. Назначеніе мандаля состоитъ въ томъ, чтобы приносить на немъ жертвы; поэтому въ кумирнѣ на мандаля можно всегда видѣть насыпанными зерна пшеницы, перемѣшанныя съ разноцвѣтными раковинками, кусочками серебра и мелкими монетами. Въ молитвѣ, читаемой при возношеніи мандаля, излагаются различныя мифологическія понятія буддистовъ и какъ таковыхъ понятій насчитывается 37, при чемъ каждому понятію должна соответствовать особая кучка зеренъ, то понятно, что число кучекъ на мандаля собственно должно равняться 37-ми; но число это не рѣдко сокращается на семь, ибо кучки зеренъ часто кладутся

---

1) По представленію буддистовъ міръ состоитъ изъ четырехъ большихъ частей, или острововъ — *тибъ* (санскр. *двипа*). Эти части свѣта расположены на одной плоскости, по четыремъ сторонамъ горы Сумэру, находящейся въ срединѣ всего міра. Четыре большіе двипа раздѣлены между собою морями и при каждомъ изъ нихъ состоитъ еще по два малыхъ двипа. Подробности о семь можно найти въ «Буддійской космологіи» сочиненной О. Ковалевскимъ въ Учен. Зап. Казан. Унив. 1835 г. т. III.

лѣйпъ ширѣ» въ особомъ сосудѣ, называемомъ «бѹмба» འུམ་བུ་. Сосудъ этотъ имѣетъ форму вазы, съ продолговатымъ горлышкомъ и въ вышину не превышаетъ 6,7 вершковъ. Дѣлается бѹмба всегда безъ ручки, а равно не имѣетъ у себя и пробки; вмѣсто этой послѣдней въ горлышко бѹмба вкладывается кропило, связываемое изъ большихъ павлиньихъ перьевъ (རྒྱུ་མཚོ་ལྷན་པོ་) со множествомъ глазовъ, что придаетъ ему довольно красивый видъ. Бѹмба вмѣстѣ съ своимъ кропиломъ обыкновенно занимаетъ мѣсто рядомъ съ толѣ.

d) На противоположной ему сторонѣ, на ряду съ мѣдаломъ полагается другой священный сосудъ, называемый «Габала» (ка-ра́ла тиб. རྩོད་པོ་): онъ вышлывается изъ человѣческаго черепа и обдѣлывается въ своей срединѣ и по краямъ серебромъ, или золотомъ. Габала употребляется при совершенн тарнистическихъ богослуженій, а еще чаще при служенн «докшйтовъ», когда она наполняется кровью животныхъ, приносимою въ жертву докшй-тамъ. Приготовление этого сосуда (габала) почитается у монгольскихъ ламъ дѣломъ чрезвычайной трудности. Суть въ томъ, что для габалы не можетъ быть употребленъ черепъ каждаго человѣка. Прежде всего человѣкъ, изъ черепа котораго можетъ быть приготовлена габала, долженъ быть полнѣйшимъ дѣвственникомъ, умереть естественною смертью и во весь свой вѣкъ не убить сознательно ни одного животнаго. Что касается самаго черепа, изъ котораго должно выдѣлывать габалу, то на наружной сторонѣ его, у темени должно быть естественное и ясное изображенн вачира, да помимо того еще и черты, находящяся во внутренней сторонѣ, должны соединяться между собою извѣстнымъ образомъ. Говорятъ, что эти внутрення черты, расположеня и значеня которыхъ мнѣ впрочемъ ламы не рассказали, поставляютъ особенное препятствн къ прнобрѣтенн габалы, такъ какъ фигура вачира встрѣчается на человѣческихъ черепахъ чаще, да при томъ, въ крайнемъ случаѣ, ее дозволяется изображать и рѣзцомъ. Знатоки прнмѣтъ могутъ опредѣлить еще и у живаго человѣка, годенъ ли его черепъ для габалы и если найдется чело-

вѣкъ съ такимъ черепомъ, то ламы отправляютъ къ нему по-
 сольство съ просьбою отдать свой черепъ послѣ смерти въ пользу
 монастыря. Если согласіе будетъ получено, то по смерти черепъ
 изслѣдуется снова и коль скоро будетъ признакъ удовлетвори-
 тельнымъ, то его отпиливаютъ кругомъ по параллели глазной
 орбиты, отдѣлываютъ серебромъ, освящаютъ и вводятъ въ упо-
 требленіе. Впрочемъ такъ какъ пріобрѣтеніе настоящей габалы
 почитается весьма труднымъ, то въ монгольскихъ монастыряхъ
 гораздо чаще можно встрѣтить габалы, т. е. фигуры череповъ,
 приготовленные изъ серебра.

Таковы вещи, хранящіяся на жертвенникѣ буддійскихъ куми-
 ренъ и таково расположеніе ихъ на тахильинъ ширѣ. Относительно
 расположенія необходимо однако замѣтить, что оно не всегда
 одинаково: однообразнымъ по всюду является только положеніе
 приборовъ «нѣйманъ тахиль» и «долбнъ эрдэнь», занимающихъ
 собою сѣверный край тахильинъ ширѣ и прибора «долбнъ цугүцэ»,
 поставляемаго на южной сторонѣ, прочія же вещи располагаются
 всегда посреди стола въ промежуткѣ этихъ приборовъ, но, по-
 видимому, не имѣютъ опредѣленнаго мѣста. Такимъ образомъ въ
 нѣкоторыхъ храмахъ мнѣ приходилось видѣть мандаля лежа-
 щимъ посрединѣ «тахильинъ ширѣ», а толи — на правой сторонѣ
 его. Справедливость требуетъ однако замѣтить, что болѣе обык-
 новенно мандаля съ габалою кладутся на правой сторонѣ стола,
 а толи съ бумба на лѣвой. Надъ тахильинъ ширѣ, равно какъ и
 надъ главными бурханами въ монгольскихъ кумирняхъ не рѣдко
 устраивается нѣчто въ родѣ сѣни, носящей у ламъ названіе *ла-
 бари* (иначе лабри и лари ᠯᠠᠪᠷᠢ монг. ᠯᠠᠪᠷᠢ). По своимъ фор-
 мамъ эта сѣнь совершенно подобна киворіямъ, устраиваемымъ
 въ нашихъ храмахъ и иногда утверждается на двухъ, или даже
 на четырехъ колоннахъ, а иногда является въ видѣ прикрѣплен-
 ной къ стѣнѣ, продолговатой четырехугольной рамы, обтянутой
 какою либо матеріею и окаймленной по краямъ низпускающимися
 предъ бурханомъ завѣсами; иногда такая рама прямо подвеши-
 вается къ потолку кумирни.

тканными цвѣтами, — они называются — «даши хадакъ»; бумажные хадаки безъ всякихъ украшеній называются — «самбай».

d) *Шукъуръ*, (ཁེའུ་, санскр. *tchhatra*, тиб. ཀླུ་ཀླུ་) т. е. большой круглый зонть, имѣющій приблизительно аршина два, или даже болѣе въ діаметрѣ. Шукъуръ по формѣ подобенъ нашимъ зонтамъ и дѣлается обыкновенно изъ желтой шелковой матеріи.

e) *Чимà-пурмà* — украшеніе, имѣющее видъ круглаго шара. Чимà-пурмà дѣлается изъ одиннадцати продолговатыхъ и разноцвѣтныхъ мѣшочковъ, сшиваемыхъ вмѣстѣ. При приготовленіи мѣшочки эти наполняются душистыми травами, а сшитыя представляютъ совершенно мячъ, употребляемый для игры у нашихъ дѣтей.

f) *Дэнъ-лу* (кит. 燈籠 дэнъ-лунь), т. е. фонари, которые въ буддійскихъ храмахъ встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, бываютъ круглые, четырехугольные, трехугольные, многогранные и проч.; приготовляются они также изъ самыхъ разнообразныхъ матеріаловъ, есть шелковые одноцвѣтные и разноцвѣтные, стеклянные, роговые, бумажные, сдѣланные изъ слюды и т. п.

Всѣ эти украшения развѣшиваются передъ бурханами, прикрѣпляясь или прямо къ потолку храма, или же къ нарочно протянутымъ для сего веревкамъ и жердямъ, которыя укрѣпляются на колоннахъ, ведущихъ отъ входа въ храмъ къ сѣверной стѣнѣ его. Вотъ почему при входѣ въ каждое монгольско-буддійское капище и особливо еще при господствующемъ здѣсь всегда полумракѣ, съ перваго раза нельзя, собственно говоря, ничего увидѣть, кромѣ множества разнообразныхъ и разноцвѣтныхъ лоскутковъ шелковой и бумажной матеріи, висящихъ отъ потолка и почти до самаго полу.

Такова главная, срединная часть буддійской кумпри; въ боковыхъ частяхъ ея уже не находится никакихъ святынь, — онѣ остаются совершенно пустыми, и только по стѣнамъ располагаются здѣсь иногда въ шкафахъ, а иногда въ особаго рода поставцахъ, имѣющихъ форму нашихъ этажерокъ, — священныя

книги, принадлежащія храму и инструменты, употребляемые при ламайскихъ богослуженіяхъ. Говорить здѣсь подробно о библіотекахъ ламайскихъ кумирень конечно невозможно по ихъ громадному различію. Чѣмъ богаче кумирня, тѣмъ естественно и обширнѣе ея библіотека; но вообще должно замѣтить, что монгольскія кумирни не богаты своими книгохранилищами. Въ большинствѣ случаевъ онѣ имѣютъ у себя только богослужебныя книги, требники и молитвенники; сборники Ганьчжүра и Даньчжүра (исключительно на тибетскомъ языкѣ) можно находить только въ монастыряхъ хутухтинскихъ и хошүнныхъ, прочіе же монастыри обыкновенно имѣютъ у себя развѣ сборникъ извѣстный подъ именемъ юма, да нѣсколько мелкихъ догматическихъ сочиненій. Изъ числа послѣднихъ болѣе часто можно встрѣчать:

Йэхэ боди мур'унъ цэргэ.

Алтанъ гэрэлъ.

Мани гамбумъ.

Хутухтү найманъ минганъ шүлүктү.

Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчи.

Хутухтү тарнис'унъ хурійнгуи сундуй.

Хутухтү сайнъ цагунъ нэрэтү.

Улигэрүнъ далай.

Улигэрүнъ номъ.

Хоринъ табунъ мингатү.

Цаганъ линъхоа.

Бадма гатанъ.

Сайнъ цагүд'унъ номлалга, гайхамшикъ баясхуланг'и эгүс-хэхчи судуръ.

За симъ изъ числа буддійско-историческихъ сочиненій болѣе часто встрѣчаются, біографіи: Шигэмүнія, Молонъ тойна, Чжуадиши, Цзонхавы, 5-го Далай ламы, Чжэбцзунъ-дамба-хутухты и Зая-павдйты.

Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то, по рассказамъ ламъ, они дѣлятся на четыре разряда: 1) Потрясаемая (ᠪᠠᠨᠢᠨᠠᠨᠠᠨ), 2) ударныя (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), духовыя (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), струнныя (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ),

при чемъ всѣхъ отдѣльныхъ инструментовъ считается 24. Въ настоящее время струнные инструменты при богослуженіяхъ монголовъ уже не употребляются и нынѣ каждый монгольскій сѹмѣ въ составѣ своихъ музыкальныхъ принадлежностей имѣеть только слѣдующіе:

а) По первому разряду:

1) *Хонхò* (санскр. *khantâ*—тибет. མན་ཏ་) или небольшой колокольчикъ съ рукояткою, имѣющею форму иногда половины вачіра, а иногда изображенія богини Дарà-эхò, также увѣнчанной вачіромъ. На наружной сторонѣ колокольчика начертывается шесть мистическихъ слоговъ — «Омъ-ма-ни-падъ-мэ-хумъ». При служеніяхъ хонхò, какъ музыкальный инструментъ составляетъ принадлежность первенствующаго въ хуралѣ, который въ установленное время (по большой части при произнесеніи тàрни) беретъ хонхò въ лѣвую руку и звонить.

Необходимую принадлежность хонхò составляетъ еще вачірь (*vadjra*, тиб. རྩ་མཚན་),—родъ небольшого скипетра. Назначеніе этого прибора — прогонять препятствія и демоновъ, которые всегда стараются смущать духъ служащихъ. Первенствующій, держа въ лѣвой рукѣ колокольчикъ, въ правой въ тоже время имѣеть у себя вачірь.

2) *Дамáру* (санскр. *gamaḡu*, тиб. ང་མ་རུ་)—родъ небольшого барабанчика, или колотушки. Дамáру представляетъ собою пустой деревянный цилиндръ, отверстія котораго обтягиваются кожей; посреди цилиндра, на особомъ ремешкѣ привязываются два шарика, которые, при быстромъ поворачиваніи цилиндра, ударяють по натянутой на немъ кожѣ и производяють звукъ въ родѣ барабанной дроби.

б) по второму разряду:

3) *Кэнлэргè*, (санскр. *bhêḡi*, тиб. རྩ་) — турецкій плоскій барабанъ, стѣнки котораго обыкновенно дѣлаются деревянные, берестовыя, въ вышину около пяти вершковъ, окрашиваются въ красную краску и украшаются изображеніемъ пяти, или семи взаимно

переплетающихся драконовъ. На эти стѣнки барабана безъ посредства обручей натягивается козья кожа, выдѣланная на подобіе пергамена, размѣромъ аршина въ $1\frac{1}{2}$ и болѣе въ поперечномъ діаметрѣ. Такой барабанъ укрѣпляется на подставкѣ, ударяють же въ него особою, выгнутою палочкой, называемою «докуръ» (རཏུར་ཀྲུ་). Докуръ состоитъ изъ рукоятки, оканчивающейся рѣзнымъ изображеніемъ головы Матара (санскр. *makara*); въ ротъ этого матара вкладывается выгнутая часть докура, которою и ударяють въ барабанъ.

4) *Цанъ* (ཅན་པོ་) — мѣдныя тарелки (дэльбэ) съ головками (царанъ) по срединѣ; головки эти служатъ вмѣсто рукоятки и, держась за нихъ, можно ударять тарелками одна о другую. Болѣе часто цанъ дѣлается изъ композиціи, состоящей изъ мѣди, чугуна и серебра¹⁾.

5) *Цэньинъ* — по формѣ своей совершенно подобенъ цану, только царанъ, или головки тарелокъ бываютъ въ цэньинѣ нѣсколько менѣе чѣмъ у цана, а дэльбэ, или самыя тарелки у него нѣсколько болѣе плоски. Во внутренней сторонѣ цэньинскаго царана полагается изображеніе двухъ, крестообразно выгравированныхъ вачировъ, на которыхъ санскритскими буквами начертывается извѣстная мистическая формула буддистовъ: «омъ-ма-ни-пад-мэ-хумъ».

6) *Харанга* — (монг. , тиб.) мѣдный тазъ, въ который ударяють на подобіе нашего бубна.

7) *Дэншикъ* — двѣ мѣдныя выгнутыя тарелочки, соединенныя ремешкомъ за свои рукоятки. При богослуженіяхъ, лама, держащій эти тарелочки, ударяетъ одною тарелочкой о другую, отчего получается звукъ, похожій на ударъ колокольчика, но гораздо болѣе мягкій и мелодичный.

---

1) Такъ передавали мнѣ о составѣ этой композиціи ламы, хотя замѣтно было, что они говорили или не вѣрно, по догадкамъ, или не полно. Китайскій цанъ имѣетъ особенно рѣзкій и сильный звукъ, а металлъ его не колется и не ломается; напротивъ при холодной ковкѣ принимаетъ почти пружинную упругость и крѣпость стали.

8) *Дуударма* — особаго рода музыкальный приборъ. Онъ состоитъ изъ четырехугольной деревянной рамки съ рукояткою на одной сторонѣ. Въ срединѣ эта рамка раздѣляется перегородками на девять, или двѣнадцать квадратиковъ, въ каждомъ изъ которыхъ помѣщается по одной мѣдной тарелочкѣ, различной величины. Удары палочкою, производимые съ различною силою и поразличнымъ частямъ различныхъ тарелочекъ, даютъ возможность извлекать изъ этого прибора множество различныхъ звуковъ.

е) Изъ числа духовыхъ музыкальныхъ инструментовъ въ буддійскихъ кумирняхъ первое мѣсто занимаетъ:

9) *Дунъ-буръ*, (𑖑𑖥' иначе называемый «*дунъ-гаръ*» санскрит. *sankha*, монг. лабай) — т. е. обыкновенная морская раковина, звукъ которой подобенъ рогу. Употребленіе раковины какъ инструмента при богослуженіяхъ буддисты относятъ къ временамъ Шигэмүни. Въ біографіи Цзонхавы разказывается, что однажды царь драконовъ поднесъ Шигэмүнию бѣлую раковину, которую потомъ ученики будды употребляли вмѣсто буръ (трубы) для призванія къ богослуженіямъ въ лѣтнее время. Потомъ будда приказалъ Мутгальвани отправиться въ страну краснолицыхъ тибетцевъ и спрятать эту раковину подъ горою Дуритху, причемъ якобы предсказалъ, что она будетъ найдена Цзонхавою, — что и дѣйствительно случилось при постройкѣ Галданъ-хита. Въ этомъ монастырѣ помянутая раковина хранится и до нынѣ какъ чудотворная святыня.

10) *Бишкүръ* — (монг. *ᠪᠢᠰᠬᠦᠷᠢ*, тиб. *མྱེད་ལྗོད་*) музыкальный инструментъ, звуки котораго походятъ на звукъ свирѣли. Бишкүръ состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: средняя дѣлается изъ крѣпкаго дерева, или рога, а обѣ конечныя изъ мѣди; длиною онъ бываетъ нѣсколько больше трехъ четвертей аршина. Время введенія бишкүра въ церковное употребленіе монгольскіе ламы относятъ къ періоду пребыванія Чжу-адиши въ Тибетѣ и разказываютъ, что когда этотъ проповѣдникъ буддизма прибылъ изъ Индіи въ Тибетъ, то, не находя здѣсь многого изъ того, что

почиталось священнымъ въ Индіи, онъ задумалъ удовлетворить этому какимъ бы то ни было образомъ. Такъ, здѣсь не оказалось священной птицы Галандага (kalandakâ) и дерева Галбаварасъ (kalravrikса), употребляемаго для куреній. Для подражанія голосу первой онъ, говорятъ, и изобрѣлъ бишкүрѣ; а взамѣнъ втораго приготовилъ красныя курительныя свѣчи (འཇམ་མཉམ་ལྷ་མོ་). Замѣчательно, что во время игры на бишкүрѣ предъ играющимъ всегда зажигаютъ красныя курительныя свѣчи.

11) *Ганглинъ*—(монг. ᠭᠠᠩᠭᠢᠯᠢᠨ ᠭᠡᠨᠢ, тиб. $\text{གཤམ་གྲིང་$) духовой инструментъ, состоящій также изъ трехъ частей, при чемъ средняя часть дѣлается изъ берцовой человѣческой кости, а двѣ конечныя изъ серебра. Передняя часть ганглина обыкновенно бываетъ нѣсколько сжатою и на одной изъ своихъ сторонъ имѣетъ два отверстія, носящихъ названіе «ачжинай моринъ хамаръинъ нүхэ, т. е. лошадиныя ноздри. Звуки ганглина должны ствуютъ напоминать собою ржаніе мифическаго коня «ачжинай моринъ», который переноситъ вѣрующихъ изъ этого міра въ блаженныя обители Сукавади.

12) *Бүрѣ*—(ཨོལ་རྩུང་) большая мѣдная труба приблизительно въ сажень длиною и 13) *Ухэргъ-бүрѣ* такая же мѣдная труба, длиною сажени въ двѣ съ половиною; рычаніе ея весьма густо и производитъ потрясающее дѣйствіе на нервы. О происхожденіи этихъ трехъ послѣднихъ духовыхъ инструментовъ разказывается, что когда Падма-Самбаву приглашали въ Урджанъ ¹⁾, то онъ отказался идти туда по той причинѣ, что въ Индіи онъ не могъ слышать во 1-хъ ржаніе ачжинай моринъ, а во 2-хъ рычаніе небесныхъ слоновъ. Индійскіе поклонники Падма Самбавы, непремѣнно желавшіе имѣть у себя этого святителя, изобрѣли тогда ганлинъ для подражанія ржанію лошади и бурѣ для подражанія реву слона.

Таковъ вообще внѣшній и внутренній видъ монголо-буддій-

1) Урджанъ, Уджайнъ, Уджджьяни въ Малавѣ, или Мальвѣ, бывшая столица царя Викрамадитьи и одинъ изъ семи священныхъ индійскихъ городовъ.

скихъ кумирень съ ихъ составными частями, украшеніями и принадлежностями богослуженій. Кумирни такого образца можно встрѣчать во всей Монголіи и только въ Ургѣ онѣ значительно разнятся по своему устройству. Особенность ихъ состоитъ именно въ томъ, что ургинскія кумирни, противъ всеобщаго обыкновенія, раздѣляются на двѣ отдѣльныя части, помѣщающіяся даже въ двухъ отдѣльныхъ, хотя и соединенныхъ между собою зданіяхъ. Первая изъ этихъ частей, специально назначаемая для совершенія въ ней ламскихъ молебствій, называется хурульїнъ сүмэ, (тиб. духанъ རྒྱལ་ཁང་). Она представляетъ собою обыкновенное зданіе кумирни, образующее въ срединѣ одну большую комнату, по обычаю, раздѣляемую на три части двумя рядами колоннъ, между которыми устроены ламскія сѣдалища (чжабдәнъ) при совершеніи богослуженій. У сѣверной стѣны ея также поставляется нѣсколько кумировъ будды и тахильїнъ ширэ; но все это здѣсь крайне бѣдно и миниатюрно; потому что всѣ важнѣйшіе бурханы хранятся здѣсь именно во второй части храма, которая непосредственно соприкасается съ сѣверною стѣною хурульїнъ сүмэ и называется шүтэнэй өргө. Шүтэнэй өргө буддійскихъ храмовъ въ Ургѣ, въ совершенную противоположность хурульїнъ сүмэ, сполна заставлены бурханами, передъ которыми навѣшено безчисленное множество хадаковъ, бадановъ и т. п. украшеній, а за симъ стоитъ громадный «тахильїнъ ширэ» со всевозможными на немъ жертвами. Ламскихъ сѣдалищъ здѣсь уже нѣтъ, да и негдѣ ихъ поставить, ибо тахильїнъ ширэ въ шүтэнэй өргө стоитъ не далѣе какъ въ двухъ шагахъ отъ входа въ эту часть храма. Такимъ образомъ въ шүтэнэй өргө никогда не совершается и богослуженій цѣлымъ соборомъ ламъ и только одинъ очередной лама входитъ сюда для прочтенія обычной дневной службы. Но такое устройство храмовъ, повторяю, является въ Монголіи какъ особенность, которую мнѣ пришлось повстрѣчать только въ ургинскихъ кумирняхъ, да въ двухъ гэгэновскихъ храмахъ монастыря Эрдэнэ-цзү. Въ прочихъ монастыряхъ Халхи нѣчто подобное можно встрѣчать но уже не въ кумирняхъ, назначаемыхъ для совершенія бого-

служеній, а, такъ сказать, въ часовняхъ, выстроенныхъ для храненія въ нихъ какихъ либо святынь. Такимъ образомъ нѣчто подобное находимъ мы въ тѣхъ монастыряхъ, гдѣ хранятся мощи (ᠬᠠᠷᠢᠭᠠ санск. chârîga) какихъ либо хутухтъ. Для мощей халхаскіе ламы обыкновенно устраиваютъ сүмэ, (монг. ᠬᠠᠷᠢᠭᠠ ᠰᠦᠮᠡ тиб. རྒྱལ་རྗེན་) наполняютъ его литыми изображеніями бурхановъ, а посреди этого сүмэ на высокомъ столѣ ставятъ субурганъ съ мощами, передъ которымъ располагается тахилъйнъ ширѣ. Въ этомъ видѣ сүмэ является очень похожимъ на шүтэнэй өргө ургинскихъ кумирень. Другимъ обстоятельствомъ, побуждающимъ монголовъ строить кумирни въ своихъ обыкновенныхъ монастыряхъ безъ предназначенія ихъ къ совершенію богослуженій, является постановка бурхана Майдари. Въ Монголіи за послѣднее время вошло въ особенное обыкновеніе ставить громадныя статуи Майдари, величиною въ нѣсколько саженой; понятно, что для такого кумира требуется особая хранилища, занятая почти исключительно одною этою статуею. Всѣ кумирни этого рода весьма походятъ на кумирню ургинскаго Майдари, подробности о которой читатели могутъ найти въ нашемъ сочиненіи «Города сѣверной Монголіи».

Что касается кочевыхъ монастырей, которые хотя и въ самомъ незначительномъ числѣ, но все же встрѣчаются еще въ западной Монголіи и которые наблюдалъ я у Дүрбетовъ на озерѣ Убса, то они отличаются отъ монастырей халхаскихъ только тѣмъ, что храмы ихъ помѣщаются не въ каменныхъ или деревянныхъ зданіяхъ, а въ войлочныхъ юртахъ, или кибиткахъ. Само собою разумѣется, что эти помѣщенія только въ незначительной степени измѣняютъ храмовую обстановку. Такимъ образомъ въ кочевыхъ монастыряхъ нельзя уже встрѣтить такихъ громадныхъ кумировъ, какіе попадаются въ монастыряхъ осѣдлыхъ; но всѣ принадлежности культа и богослуженій здѣсь остаются тѣже самыя. Нечего говорить конечно, что обыденная жизнь монаховъ, равно какъ и монастырскія правила ни чѣмъ не отличаются какъ въ монастыряхъ осѣдлыхъ, такъ и кочевыхъ.

Особенность послѣднихъ составляетъ единственно обычай перекочевывать съ лѣтовки на зимовку. Эти перекочевки совершаются хурѣнемъ всегда съ большою торжественностью и производятъ много шума въ степяхъ. Приготовленія къ перекочевкѣ начинаются недѣли за двѣ до ея совершенія. Прежде всего цзурухъйчи, или астрологи, опредѣляютъ время для перекочевки и назначаютъ счастливые дни какъ для того, чтобы хурѣню подняться съ мѣста, такъ и для того, чтобы построиться, или, по буквальному выраженію монголовъ, «спуститься» ему на новомъ мѣстѣ. Отъ этого назначенія счастливыхъ дней часто случается то, что пространство въ 40, или 50 верстъ, на которое перекочевываетъ хурѣнь, ламы проходятъ иногда въ 4 и 5, а иногда въ 8 и 10 дней. Поѣздъ хурѣня заключаетъ въ себѣ цѣлыя сотни подводъ на лошадахъ и верблюдахъ. Для перевозки большихъ бурхановъ, употребляются въ большинствѣ случаевъ лошади, непременно иноходцы и при томъ для каждаго амурлингъуй бурхана готовятся исключительно бѣлыя лошади, а для перевоза бурхановъ докшйтовъ употребляются лошади разныхъ мастей, но при этомъ принимается въ соображеніе какой бурханъ и на какой лошади ѣздить. Для постановки бурхана на лошадь, устраиваются особыя широкія сѣдла съ позолоченными луками и подушками, обтянутыми или краснымъ сукномъ, или какою либо матеріею краснаго цвѣта. По верхъ подушки сѣдла поставляется еще «сѹри», родъ ящика съ невысокими стѣнками, въ который ставится кіоть (ᠰᠠᠮᠤᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠭᠤ) съ находящимся въ немъ бурханомъ. Малые бурханы, книги и всѣ прочія храмовыя принадлежности перевозятся обыкновенно въ ящикахъ и сундукахъ, или абдър'ахъ, навьючиваемыхъ на верблюдовъ. Сбруя послѣднихъ при этомъ также точно бываетъ очень разукрашена: хомы обшиваются матеріями синяго и краснаго цвѣтовъ и по бокамъ расшиваются узорами, цвѣтами, или же наконецъ священными изрѣченіями. При каждой остановкѣ на ночлегъ, ламами совершается особенное молебствіе гацзаръйинъ эцэн'у, т. е. духу, хранителю той мѣстности, на которой совершается ночлегъ. Прибывъ на мѣсто перекочевки, ламы точно также, еще не развью-

чивая животныхъ, начинаютъ служить установленное молебствіе гацзарыйнъ эцзэн'у, а потомъ уже начинаютъ устанавливать хүрвнъ и все что въ немъ на свое мѣсто. Вслѣдъ за симъ начинается ихъ старая жизнь, общая каждому времени и мѣсту.

III.

Духовенство.

Если подъ духовенствомъ сѣверной Монголіи разумѣть всѣхъ лицъ, принявшихъ духовное званіе и священныя обѣты, то оно составитъ собою такой многочисленный классъ въ Халхѣ, что охватитъ болѣе $\frac{5}{8}$ всего халхаскаго народа. Явленіе это, кажущееся поразительнымъ на первый взглядъ, обусловливается однако до нѣкоторой степени самымъ ученіемъ буддизма. Дѣло въ томъ, что будда Шигэмүни всегда и совершенно признавалъ единственнымъ средствомъ для спасенія полное отрѣченіе человѣка отъ міра, презрѣніе ко всему мірскому и исключительную дѣятельность человѣка на пользу духа. Такимъ образомъ по основному и первоначальному ученію будды, всѣ его послѣдователи должны были бы быть отшельниками, — аскетами. Но позднѣйшіе толкователи буддизма хорошо понимали конечно, что не возможно все человечество обратить къ полному монашеству и аскетизму, оттого поклонниковъ будды и раздѣлили они на монаховъ, — «отрѣшившихся отъ міра» (монг. ᠮᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠠ ᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠠ) и на мирскихъ людей, собственно «женатыхъ» (монг. ᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠠ). Эти послѣдніе могутъ развивать свой духъ также точно до значительной степени совершенства; почему въ самыя раннія времена буддизма въ литературѣ его извѣстны женатые бодисатвы. Въ настоящее время буддизмъ, являющийся въ формѣ ламаизма, по основному ученію Цзонхавы, изложенному въ сочиненіи: «Боді мур'үнъ цэргэ», обяываетъ своихъ послѣдователей только заботиться о спасеніи ихъ духа и употреблять для этого всѣ средства, которыя только будутъ имъ по силамъ. (ᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠠ ᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠮᠤᠮᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠵᠡᠷᠭᠡ ᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠠ ᠲᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠵᠡᠷᠭᠡ)

ᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠤ »). Такимъ образомъ постъ и молитва, воздержаніе отъ всякой угоды плоти остались основными требованіями религіи и притомъ чѣмъ болѣе приметъ на себя человѣкъ обѣтовъ воздержанія, тѣмъ вѣроятнѣе его спасеніе, ибо ни одна изъ добродѣтелей не можетъ сравниться съ добродѣтелью обѣтовъ. «Добродѣтель отъ поднесетъ драгоцѣнностей побѣдителямъ враговъ (ᠠᠨᠠᠭᠤᠨᠠᠨᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠤ, санск. aḥṇan) не стоитъ и одной сотой, даже тысячной части противъ добродѣтели единого соблюденія поста». За единственное соблюденіе поста назначается въ будущей жизни возрожденіе въ «хүсэл'үнъ тэнгри». «Соблюдающій восьми-членный обѣтъ восьмаго, пятнадцатаго и тридцатаго числа каждаго мѣсяца и въ мѣсяць рити хубилгана, а равно заботящійся о постѣ, приходитъ въ мою вѣру», сказалъ будда. Понятно, что при такихъ основахъ вѣроученія, каждый монголъ естественно стремится самъ, хотя бы и въ періодъ возмужалости принять обѣты убаши, а своимъ дѣтямъ по возможности ранѣе даровать духовные обѣты съ тѣмъ, чтобы они потомъ могли легче восходить къ степенямъ высшихъ духовныхъ обѣтовъ. Это дѣлается у монголовъ не изъ какой либо выгоды, а просто по религіозности; ихъ восхожденіе къ высшимъ степенямъ духовнаго званія опять таки не обусловливается жаждою почестей, но является для нихъ завѣтною мечтою именно потому, что принятіе обѣтовъ даетъ важное преимущество человѣку въ дѣлѣ спасенія. Наконецъ, самое ученіе будды раздѣляется на три части: одно изъ нихъ высшее, другое — среднее, третье — низшее. Изучать то или другое ученіе и слѣдовательно усвоивать его себѣ человѣкъ можетъ только послѣ принятія соотвѣтствующихъ обѣтовъ; не принявъ же посвященія, читать священныя книги почитается грѣховнымъ. Это положеніе, всецѣло соблюдаемое у современныхъ монголо-буддистовъ, служитъ одною изъ главныхъ причинъ, по которымъ монголы принимаютъ на себя духовное званіе и посвящаютъ ему своихъ дѣтей еще во младенчествѣ. Ребенокъ, не будучи посвященъ, не имѣетъ права читать священныхъ книгъ, а слѣдовательно не только готовится къ высшимъ степенямъ священства, но и знать основательно правила своей рели-

гін¹⁾. Таковы основныя причины того, на первый разъ кажущагося страннымъ, явленія, по которому въ Халхѣ принимаютъ обѣты убаші дѣти четырехъ, и пяти лѣтняго возраста и многіе изъ нихъ окончателно поступаютъ въ монашество, принимая посвященіе въ бѣнды въ періодъ отъ 7 до 10 и уже ни какъ не позже 12 лѣтъ.

Возникающее отсюда чрезмѣрное увеличеніе монашества въ Халхѣ должно было бы, повидимому, естественно отразиться на благосостояніи этой страны и вызвать собою ограниченія со стороны китайскаго правительства тѣмъ болѣе, что послѣднее всегда держалось и еще до нынѣ держится правила объ освобожденіи духовенства отъ всякаго рода податей, повинностей и налоговъ; но китайцы въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, являются довольно своеобразны по своей политикѣ. Не стѣсняя убѣжденій подвластнаго народа, китайское правительство предоставляетъ ему жить и дѣйствовать какъ онъ хочетъ, лишь бы только были исполнены всѣ требованія самого правительства. Китайцы несомнѣнно знаютъ, что въ Халхѣ въ настоящее уже время цѣлыхъ $\frac{5}{8}$ населенія приняло ламскіе обѣты, но дѣйствительными ламами, т. е. свободными отъ всякаго рода гражданскихъ повинностей, они признаютъ только тѣхъ, которые имѣютъ у себя грамоты на духовное званіе. Чтобы получить такого рода грамоту, каждый монгольскій лама долженъ прежде всего испросить отъ своего сумуна, (т. е. отъ своей военной роты) свидѣтельство, которое удостовѣряло бы, что сумунное общество желаетъ имѣть его ламою и исполнить за него всѣ обязанности, налагаемыя на мон-

---

1) Эта ревнивая охрана изученія религіи является въ высшей степени своеобразнымъ способомъ охраненія религіознаго ученія въ чистотѣ. По правиламъ, практикующимся нынѣ въ Монголіи и у нашихъ Бурятъ, чтеніе буддйскихъ догматическихъ сочиненій, принадлежащихъ къ отдѣлу «й.эхэ хульгэнъ», не возможно нынѣ безъ особаго посвященія даже и для ламъ; для того же, чтобы изучать произведенія этого рода необходимо во 1-хъ принять особое посвященіе (тиб. лунъ-абишикъ), а во 2-хъ прослушать толкованіе ученія отъ человѣка, уже знакомаго съ нимъ. Ламы преподающіе ученіе такимъ образомъ называются «ундусунъ лама». Въ этомъ отношеніи иногда и простолюдинъ можетъ явиться руководителемъ ламы, если онъ уже прослушалъ извѣстное ученіе, а ламѣ почему либо не пришлось сдѣлать этого.

гольскія общины гражданскими постановленіями Китая. Это свидѣтельство лама долженъ представить своему хошунному цзасаку (правителю) и просить его ходатайствовать предъ Палатою Внѣшнихъ Сношеній въ Пекинѣ о дарованіи ему ламской грамоты. Хошунный цзасакъ представляетъ это прошеніе вмѣстѣ съ сумуннымъ свидѣтельствомъ и своимъ заключеніемъ на сеймъ монгольскихъ князей, послѣ чего сеймовой старшина (чигулгану дарга) входитъ по этому дѣлу въ сношеніе съ Пекиномъ. Пекинская Палата Внѣшнихъ Сношеній выдаетъ грамоты на духовное званіе уже своею властью, но о количествѣ выданныхъ грамотъ она ежегодно обязана составлять отдѣльную вѣдомость и представлять ее на усмотрѣніе богдохана. Такимъ образомъ полученіе грамоты на духовное званіе необходимо предполагаетъ собою длинную процедуру ходатайствъ, переписокъ и обсужденій, при извѣстномъ же взяточничествѣ китайскихъ чиновниковъ оно необходимо сопряжено еще и съ значительными матеріальными затратами. Это обстоятельство служитъ причиною того, что монгольскіе ламы почти никогда не имѣютъ у себя грамотъ на духовное званіе, выдаваемыхъ отъ Пекинскаго правительства и даже тѣ изъ нихъ, которые живутъ постоянно при монастыряхъ обыкновенно довольствуются однимъ лишь разрѣшеніемъ своего хошуннаго князя. Китайцы, повторяю снова, смотрятъ на это принятіе духовнаго званія сквозь пальцы, а монгольскіе князья, по своимъ убѣжденіямъ, едва ли даже не почитаютъ грѣхомъ воспретить тому или другому изъ своихъ данниковъ принятіе духовныхъ обѣтовъ. При такомъ положеніи дѣлъ возростаніе ламства въ Монголіи представляется весьма естественнымъ. Необходимость за симъ породила сама собою невозможность уклоненія ламъ отъ исполненія государственныхъ повинностей и въ настоящее время ламу, пожалуй, даже чаще можно встрѣтить отбывающимъ всякаго рода повинности, чѣмъ простолюдина. Правда, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ламъ, которые прямо бы отбывали военную повинность въ военномъ лагерѣ и служили бы въ строю какъ солдаты; но, проживая лѣтомъ 1877 г. въ Барунъ-хүрѣ, я не рѣдко видалъ какъ молодые хуваракі на ряду съ

солдатами занимались стрѣльбою въ цѣль изъ лука. Это конечно могло быть не больше какъ развлеченіемъ, но тѣмъ не менѣе должно свидѣтельствовать, что ламамъ не чуждо искусство стрѣлять. Впрочемъ, если принять въ расчетъ, что ламы, наравнѣ съ простолюдинами служатъ на пограничныхъ пикетахъ, то почему же не сказать, что они отбываютъ и военную повинность? Что касается отправленія почтовой повинности, то здѣсь ламы являются уже положительно безразличны отъ свѣтскихъ: на каждой станціи ихъ можно встрѣтить то содержателями почтового станка, то подводчиками, то пастухами почтовыхъ табуновъ и проч. ¹⁾ Очевидно стало быть, что ламы въ настоящее время исполняютъ въ Монголіи рѣшительно всѣ повинности, налагаемыя на монголовъ китайскимъ правительствомъ. Отъ отбыванія этихъ повинностей, по обычаю, освобождаются только тѣ, которые живутъ постоянно въ монастыряхъ. Число ихъ является сравнительно уже очень незначительнымъ, ибо на вѣчную жизнь

---

1) Все сказанное представляетъ собою дословныя выписки изъ моего дневника 1879 года, составленныя на основаніи моихъ личныхъ наблюденій надъ жизнью ламайскаго духовенства въ Монголіи. Въ минувшемъ 1885 г. въ жизни монгольскаго духовенства (собственно въ зап. Монголіи, или въ Чжунгаріи) совершилось чрезвычайно крупное новшество. Начальникъ чугучакскаго военного округа, амбанъ Ши, пріѣхавъ изъ Китая на мѣсто своей службы, обратилъ вниманіе на многочисленный и всю свою жизнь проводящій въ бездѣтельности классъ духовенства. Считаая нужнымъ положить конецъ праздному препровожденію времени особливо молодыми хуваръками, состоящими въ званіи гяцүлей, онъ еще въ 1884 году укорилъ въ письменномъ посланіи старѣйшинъ монгольскаго народа въ поощреніи ими молодежи къ разврату и праздности и, рѣшивъ, что молодежь обязана быть полезною государству, въ видѣ опыта собралъ до сотни гяцүлей подъ знамена; а вскорѣ за симъ и всѣ молодые гяцүди были переписаны въ кочевьяхъ, собраны въ Дүрбүлджинъ и взяты въ военную службу. Дѣло обошлось безъ особаго затрудненія, пришлось только наказать не многихъ крикуновъ, наиболѣе шумѣвшихъ противъ нарушенія ихъ будто бы священныхъ правъ. Такимъ образомъ изъ собранныхъ гяцүлей составилось почти цѣлое знамя. Генераль-майоръ Щетининъ въ 1885 г. видѣлъ этотъ полкъ солдатъ-монаховъ. По словамъ его они были одѣты въ куртки и панталоны изъ бязи, заправленные въ короткіе, конской кожи сапоги. Куртки и панталоны желтаго цвѣта, присвоеннаго духовенству желтой вѣры. Все знамя гяцүлей представляетъ собою конницу и часть, до ста человекъ, приучена къ дѣйствию при большихъ крѣпостныхъ ружьяхъ, или фальконегахъ, которые возятся на вьюкахъ.

въ монастыряхъ посвящаютъ себя весьма не многіе. Большинство монгольскихъ ламъ поступаетъ въ монастырь въ періодъ отъ 8 до 10 лѣтняго возраста, проживаетъ въ немъ лѣтъ до 17-ти, пока изучаетъ полный кругъ богослуженій и за симъ возвращается въ степи съ тѣмъ, чтобы проводить тамъ обыденную жизнь простолюдина; все отличіе этихъ ламъ состоитъ только въ томъ, что они приписываются къ своимъ суму́ннымъ хурѣ и обязаны являться сюда для совершенія богослуженій въ дни великихъ хураловъ. Обо всѣхъ ламахъ, живущихъ въ томъ, или другомъ монастырѣ, постоянно ведется списокъ у настоятеля монастыря и у гэкбу́й'я (благочиннаго); послѣдніе обязаны ежегодно представлять этотъ списокъ своему хошунному цзасаку́, который хранить его отдѣльно; не включая поименованныхъ въ немъ личностей въ общій списокъ жителей своего хошӯна. Ламы, которые живутъ въ степи внѣ монастыря, наоборотъ, записываются въ общемъ списокѣ данниковъ своего князя съ обозначеніемъ только противъ ихъ имени того званія, которое они имѣютъ: гэлунъ, гэдүль, или банди. Кромѣ того всѣ эти ламы выписываются хошуннымъ правителемъ въ особые списки по сумунамъ и каждый такой списокъ препровождается къ настоятелю суму́ннаго монастыря, чтобы послѣдній могъ знать о количествѣ принадлежащаго къ его монастырю духовенства. Это включеніе степныхъ ламъ въ общій списокъ данниковъ уже прямо показываетъ на то, что въ понятіяхъ самихъ монголовъ эти ламы должны отбывать повинности на ряду со всѣми прочими податными монголами. Что касается ламъ, проживающихъ въ монастырѣ, то они, какъ уже было сказано, въ списокъ данниковъ не включаются: о нихъ ведетъ особую вѣдомость монастырское начальство, оно ими управляетъ, оно ихъ судитъ, оно и принимаетъ на себя отвѣтственность за нихъ. Въ силу этихъ установившихся обычаевъ порядковъ, включеніе въ монастырскій списокъ того, или другаго лица совершается въ халхаскихъ обителяхъ съ довольно большою осмотрительностью. Всякій, пришедшій на жителство въ монастырь безъ позволенія своего хошуннаго князя, никогда не вносится въ монастырскіе списки до тѣхъ поръ, пока

не представить этого позволенія. Но и этого мало. Не только взрослый лама, но даже и каждый ребенокъ, поступившій въ монастырь, въ теченіе перваго года своего пребыванія въ немъ также точно не можетъ быть записанъ въ монастырскій списокъ; — этотъ годичный срокъ новопоступившій пробываетъ, такъ сказать, на испытаніи у членовъ монастырской общины. Тоже самое соблюдается и въ отношеніи прислужниковъ, лицъ, не могущихъ опредѣлить съ точностью своего происхожденія и проч. Вопросъ о включеніи новыхъ личностей въ число монастырской братіи, равно какъ и о выпискѣ выбывшихъ членовъ обсуждается всегда соборомъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ дни великихъ хураловъ.

Посвященіе въ убаші, равно какъ и постриженіе въ бѣнды, т. е. въ первую степень буддійскаго монашества, можетъ быть совершено во всякомъ простомъ домѣ; поэтому монголь простолюдинъ, желающій дать обѣты убаші своему сыну, обыкновенно приглашаетъ для этого таинства имѣющаго совершать его ламу къ себѣ на домъ. Преподать посвященіе можетъ каждый гэлѹнъ, тѣмъ не менѣе такъ какъ всякій заботится о томъ, чтобы принять обѣты отъ лица, стоящаго на высшей степени іерархіи, то для дарованія обѣтовъ обыкновенно приглашаютъ или цорчжй (намѣстника монастыря), или же въ крайнемъ случаѣ гѣбкѹй'я (т. е. монастырскаго благочиннаго). Для обряда посвященія назначается только два дня въ мѣсяцѣ и именно 8-е и 15-е числа. Сообразно совершенію высокаго таинства, въ юртѣ монгола къ назначенному дню все убирается и вычищается: обмываются столики, на которыхъ поставляются бурханы, чистятся мѣдныя жертвенныя чашечки, кіоты бурхановъ и проч.; за симъ вся юрта окуривается благовонною травою, которую монголы называютъ арца и которая похожа на душистую полынь. Будучи высушена и истолчена, трава эта получаетъ названіе сангѣйнъ идѣ (ᠰᠠᠩᠭᠡᠶᠢᠨ ᠶᠢᠳᠡ) и для куренія посыпается на уголья въ кадилницу (ᠴᠢᠳᠢᠯᠢᠨᠢ); помимо сего въ юртѣ возжигаютъ хѹчжи, или курительныя свѣчи; какъ необходимая принадлежность совершенія таинства, въ юрту вносится литое изображеніе Шигэмүни, которое

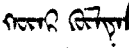

поставляется впереди всѣхъ, имѣющихся бурхановъ и книга обряда посвященія. «Хотя бы, говорятъ правила буддизма, посвящающій и зналъ наизусть всѣ обряды и молитвы, тѣмъ не менѣе книга обрядовъ посвященія должна быть здѣсь какъ доказательство, что посвященіе должно быть именно таковымъ, какимъ оно преподается». За симъ приготовляются жертвы для бурхановъ, главнѣйшею изъ которыхъ почитается «табунъ чихулà хусэхуй» и наконецъ необходимое угощеніе для приглашенныхъ къ посвященію ламъ.

Когда приходитъ лама, имѣющій преподавать обѣты посвящаемому, ему подносятъ чашку съ водою для возліянія (འཇུག་པོ་ལྟུང་པའི་ལྷན་པོ།) и цвѣтокъ. Принявъ чашку съ водою, онъ выливаетъ нѣсколько капель на руки и передаетъ ее подавшему, а потомъ, взявъ отъ него цвѣтокъ, садится на первое мѣсто, по лѣвую сторону отъ бурхановъ. Въ это время ему подставляютъ столикъ, на который кладетъ онъ свою шапку, четки и проч. Обрядъ посвященія начинается тѣмъ, что посвящающій заставляетъ посвящаемого сдѣлать сначала девять поклоновъ предъ изображеніемъ Шигамунія и три передъ собою, а потомъ сажаетъ его передъ собою такъ, какъ можно сидѣть, ставши предварительно на колѣна (འཇུག་པོ་ལྟུང་པའི་ལྷན་པོ།), приказываетъ посвящаемому сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращаетъ къ нему слѣдующую рѣчь: «Намѣреваясь принять посвященіе въ убаші, вы должны рассуждать такъ: существуютъ три царства матеріальнаго міра; но въ которомъ бы изъ нихъ ни родиться, необходимо будешь претерпѣвать страданія; поэтому необходимо совершенно избавиться отъ страданій орчила (матеріи) и, ради блага одушевленныхъ существъ, дѣлать только то, что способствуетъ пріобрѣтенію святости всесовершеннаго будды, которая всецѣло избавляетъ отъ страданій. Для сего то необходимо вамъ, предпославъ вѣру въ три драгоценности, принять обѣты убаші, содержащаго пять заповѣдей и сохранять ихъ съ этого времени до смерти. Положите начало твердому и непоколебимому стремленію (къ исполненію обѣтовъ) и храните его съ этихъ поръ до смерти».

На эту рѣчь посвящаемый отвѣчаетъ: «тѡйнъ, соизволь вѣ-
дать, я (такой то по имени) съ этого времени и пока буду живъ,
буду вѣровать въ будду высочайшаго изъ двуногихъ¹⁾), буду вѣ-
ровать въ ученіе — высочайшее изъ безстрастій, буду вѣровать
въ духовенство, — высочайшее изъ сонмовъ; соизволь же, тѡйнъ,
преподать мнѣ посвященіе въ убаші до самой моей смерти.
Тѡйнъ, соизволь принять (меня)!» Такъ какъ эти слова посвящае-
маго должны быть повторены три раза, то посвящающій застав-
ляетъ посвящаемаго повторить тоже самое во второй разъ. По
исполненіи этого требованія, посвящающій заставляетъ посвя-
щаемаго сказать тоже самое въ третій разъ и при этомъ объяс-
няетъ ему, что, когда будетъ говорить онъ слова «соизволь же,
тѡйнъ, преподать мнѣ посвященіе въ убаші», онъ, посвящающій,
сдѣлаетъ рукою щелчокъ въ воздухъ и въ то самое мгновеніе
онъ, посвящаемый, сдѣлается принявшимъ обѣты убаші, а онъ,
посвящающій, сдѣлается его учителемъ: поэтому то оканчивать
свою рѣчь онъ долженъ уже не словами: «тѡйнъ, соизволь при-
нять меня», а словами: «учитель, соизволь принять меня». Послѣ
произнесенія указаннымъ образомъ этихъ трехъ обѣтовъ и
просьбы въ третій разъ и по совершеніи таинства, посвящающій
снова обращается къ посвящаемому съ слѣдующею рѣчью: «И
такъ ты получилъ обѣты убаші; но если, получивши, ты не бу-
дешь сохранять ихъ, то не только не будетъ пользы, а будетъ
еще великій грѣхъ. Поэтому нужно соблюдать ихъ. Правила,
которыя нужно соблюдать, слѣдующія: Святые, удаляясь мыслями
отъ пяти грѣховныхъ дѣлъ, во главѣ которыхъ стоитъ убійство,
воздерживались отъ нихъ своимъ тѣломъ и языкомъ; поэтому и
ты обѣщайся подражать имъ». На эту рѣчь посвящаемый отвѣ-

---

1) Монгольское выраженіе «» буквально значитъ «двуногіе» и я всегда принималъ его за эпитетъ понятія «человѣкъ», подобно тому, какъ слово—четвероногій—можетъ служить эпитетомъ для животныхъ; но ламы слово принимаютъ здѣсь въ значеніи «средство для спасенія»; на этомъ осно-
ваніи, переводъ этихъ словъ, по толкованію ихъ, выходитъ не «вѣрую въ будду, высочайшаго изъ людей», а «вѣрую въ будду, высочайшаго изъ обла-
дающихъ двумя средствами спасенія».

чаетъ такъ: «Учитель, соизволь вѣдать, подобно тому какъ святые и побѣдители враговъ отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ), и воздерживались отъ убійства, точно также и я, (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Черезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ. Далѣе, подобно тому какъ святые и побѣдители враговъ на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы брать не дарованное (воровать), возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ и вообще все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, подобно тому, какъ они воздерживались отъ употребленія вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго, точно также и я (такой то по имени), съ этой минуты и на всю жизнь отрекшись отъ того, чтобы брать недарованное, возбуждаться грѣховными пожеланіями, говорить ложь, употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все опьяняющее и дающее поводъ къ нецѣломудрію, буду воздерживаться отъ вина изъ плодовъ, приготовленнаго вина и отъ всего опьяняющаго и дающаго поводъ къ нецѣломудрію. Черезъ эти пять заповѣдей я буду поучаться правиламъ святыхъ и побѣдителей враговъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ».

Выслушавъ эти обѣты отъ посвящаемаго, посвящающей говоритъ ему: «И таѣ ты вполнѣ получилъ обѣты убаші; поэтому я преподамъ тебѣ ученіе о томъ, чему предпосылалъ ты вѣру. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ будду, то ты не долженъ поклоняться и чествовать другихъ тѣнгріевъ и божествъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ священное ученіе, то ты долженъ отречься отъ того, чтобы вредить одушевленнымъ существамъ и мучить ихъ. Такъ какъ ты обѣщался вѣровать въ сонмъ хуваракковъ, то ты не долженъ входить въ общеніе съ еретиками, и вообще благоговѣть предъ высокими святыми, полагаться на нихъ, слушать ученіе святыхъ, разсуждать о томъ, какъ слѣдуетъ поступать согласно священному ученію и исполнять священное

ученіе; ты не долженъ чрезмѣрно возбуждать свои чувства, долженъ принимать, на сколько хватитъ у тебя силъ, обѣты, относиться съ любовію и состраданіемъ ко всѣмъ одушевленнымъ существамъ и поучаться въ прилежаніи къ чествованію трехъ драгоценностей. Если преступишь ты главные четыре обѣта, во главѣ которыхъ убіеніе человѣка, то твои обѣты уничтожатся и тогда ты принимай ихъ снова; если преступишь пять обѣтовъ, во главѣ которыхъ лишеніе жизни какого либо одушевленного существа помимо человѣка, то раскайся предъ кѣмъ либо, имѣющимъ полныя обѣты (какимъ либо гэлѹномъ).

Этимъ наставленіемъ оканчивается посвященіе въ убаші. Какъ видно изъ совершенія этого обряда, посвящаемый въ убаші не получаетъ при своемъ посвященіи ни какихъ отличій: онъ остается тѣмъ же миряниномъ, не имѣя права ни на какую либо особую одежду, ни на бритье головы, что составляетъ собственно особенность уже принявшихъ обѣты бѣнды. Въ Халхѣ почти всѣ простолюдины имѣютъ обѣты убаші; но по внѣшнему виду эти посвященные сохраняютъ все мирское. Впрочемъ у бурятъ и у калмыковъ, равно какъ и въ западной Монголіи убаші доставили таки себѣ отличіе, усвоивъ обычай носить по принятіи обѣтовъ красную ленту черезъ правое плечо. Въ самой Халхѣ обычай этотъ исполняютъ очень не многіе, развѣ ужъ престарѣлые старики, да пожалуй еще нищіе, въ доказательство своего особаго благочестія, почитаютъ эту ленту необходимою принадлежностью своего костюма.

Посвященіе въ убаші, совершаемое надъ малолѣтними, служитъ въ Халхѣ обыкновенно только приуготовленіемъ посвящаемыхъ къ принятію ими обѣтовъ монашества, т. е. собственно — первой монашеской степени — бѣнды; отъ этого оба эти посвященія не рѣдко производятся совершенно одновременно, хотя обряды преподаванія тѣхъ и другихъ обѣтовъ не смѣшиваются между собою. Все различіе состоитъ только въ томъ, что когда посвящаемому хотятъ одновременно преподавать обѣты убаші и бѣнды, то для совершенія обрядовъ приглашаютъ уже не одного гэлѹна, а нѣсколько, или точнѣе, никакъ не менѣе четырехъ лицъ;

обрядъ посвященія въ убаші совершаетъ при этомъ обыкновенно старшій изъ присутствующихъ. По окончаніи обряда посвященія въ убаші, посвящающій приступаетъ къ обряду постриженія въ званіе б́анди и начинаетъ этотъ обрядъ также точно, какъ началъ бы и совершая его отдѣльно отъ посвященія въ убаші.

Обрядъ постриженія въ б́анди начинается тѣмъ, что первенствующій лама приказываетъ постригаемому сѣсть противъ себя, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ и обращается къ нему съ слѣдующею рѣчью. «Если вы желаете быть монашествовавшимъ, то необходимо, чтобы у васъ не было ни какихъ препятствующихъ этому обстоятельствъ. Если люди, причастные таковыхъ, возбраняющихъ обстоятельствъ, примутъ монашество, то въ духовной природѣ ихъ не установятся обѣты, или если установятся, то не разовьются; на этомъ-то основаніи не только не будетъ пользы для вашего существа, но и мнѣ самому будетъ грѣхъ. И такъ внимательно отвѣчайте на мои вопросы.

1) Не принадлежите ли вы къ исповѣдующимъ еретическое ученіе?

2) Не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе 15-ти лѣтъ?

3) Если вы и достигли 15-ти лѣтняго возраста, не находитесь ли вы въ состояніи неспособности прогнать воронъ¹⁾?

4) Если вы способны прогнать воронъ, не находитесь ли вы въ возрастѣ менѣе семи лѣтъ?

5) Не рабъ ли вы?

6) Не должникъ ли вы?

7) Получили ли вы разрѣшеніе отъ своихъ отца и матери?

8) Не (находитесь ли вы) въ мѣстѣ, на пребываніе ваше въ которомъ не были согласны ваши отецъ и мать?

9) Не больны ли вы?

10) Не мучили ли вы и не злословили ли своихъ родителей, или духовныхъ лицъ?

---

1) Т. е. въ состояніи такого безсилія, чтобы не мочь прогнать птицъ, которыя могутъ прилетѣть и склевать пищу.

11) Не присвоили ли вы себѣ чужаго имущества тайно, или неправильными средствами?

12) Не существо ли вы вездѣсущее?

13) Не принадлежите ли вы къ существамъ призрачнымъ?
($\text{འཇགས་པ་འཇགས་པ་འཇགས་པ་}$).

14) Не двупольный ли вы?

15) Не хубилганъ (= оборотень) ли вы?

16) Не безсловесное ли вы животное?

17) Не находитесь ли вы въ сношеніяхъ съ еретиками?

18) Не убили ли вы свою мать?

19) Не убили ли вы своего отца?

20) Не убили ли вы архан'а?

21) Не клеветали ли вы на духовенство?

22) Не пролили ли вы злонамѣренно кровь изъ тѣла будды?

23) Не подвергались ли вы какому либо изъ четырехъ уни-
зительныхъ паденій ¹⁾)?

24) Не увѣчный ли вы?

25) Не принадлежите ли вы къ имѣющимъ одинъ ноготь?

($\text{འཇགས་པ་འཇགས་པ་འཇགས་པ་འཇགས་པ་}$).

26) Не выбраны ли вы къ исполненію какой либо обязанно-
сти хāномъ, или правительствомъ?

27) Не поросли ли вы волосами?

28) Имѣете ли вы дозволеніе на принятіе духовнаго званія
отъ хāна?

29) Не находитесь ли вы въ мѣстѣ, недозволенномъ хāномъ?

30) Не извѣстны ли вы въ обществѣ какъ воръ и разбой-
никъ?

31) Не посрамлены ли вы?

32) Не обманщикъ ли вы?

33) Не палачъ ли вы?

---

1) Подъ именемъ четырехъ унизительныхъ паденій ($\text{འཇགས་པ་འཇགས་པ་འཇགས་པ་འཇགས་པ་}$) разумѣются: а) убіеніе чело­вѣка, б) великая ложь, с) воров­ство, и d) прелюбодѣяніе.

34) Не принадлежите ли вы къ низкому происхожденію?

35) Не принадлежите ли вы къ существамъ, отдѣльнымъ отъ человѣка?

36) Не принадлежите ли вы къ сѣверному тибу зловѣщихъ?

37) Не имѣютъ ли ваши члены трехъ измѣненій?

38) Не женщина ли вы подобная мужчинѣ?

39) Не имѣете ли вы какихъ либо грѣховныхъ отличительныхъ примѣтъ?

40) Не рождены ли вы на какомъ либо другомъ тибѣ, или не имѣете ли вы какихъ либо другихъ виѣшнихъ формъ?

Когда посвящаемый дастъ на всѣ эти вопросы удовлетворительные отвѣты, то тотчасъ же, смотря по удобству помѣщенія, по правую или по лѣвую сторону первенствующаго въ совершеніи обряда гэлѹна кладутъ сложенные одежды и принадлежности духовныхъ лицъ, которыя должны быть преподаны посвящаемому при совершеніи надъ нимъ обряда. Это во 1-хъ *номтѹ дэбискэргъ*, или коверъ духовной особы; во 2-хъ *шантэбъ* и въ 3-хъ *номтѹ дэбэлъ*. Поверхъ ихъ ставятъ 4) *алай*, т. е. чашку, въ которую, чтобы не была она пустою, по уставу, кладутъ нѣсколько рису, или пшена, и 5) вѣничекъ для обмахиванія воды. Вслѣдъ за симъ первенствующій гэлѹнъ обращается къ старѣйшему изъ сослужащихъ съ нимъ и говоритъ: «Другъ добродѣтели (такой то по имени), доложи хуварѣкамъ о посвященіи въ духовное званіе такого-то (имя рекъ). На это предложеніе гэлѹнъ, къ которому обращена рѣчь, спрашиваетъ у первенствующаго: «совершенно ли свободенъ этотъ (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій»? Первенствующій отвѣчаетъ: «совершенно свободенъ». Тогда гэлѹнъ, которому предложено сдѣлать докладъ, беретъ посвящаемаго, заставляетъ его сдѣлать три поклона передъ сидящими ламами и потомъ снова сажаетъ его, поставивъ на колѣна и приказавъ сложить руки на груди андреевскимъ крестомъ. Посвящаемый долженъ быть одѣтъ при этомъ въ бѣлую рубаху, если же таковой не имѣется, то быть опоясаннымъ бѣлымъ поясомъ. По совершеніи поклоненія гелѹнъ-докладчикъ сообщаетъ призваннымъ къ обряду ламамъ, что такой-то (имя посвящаемаго)

желаетъ принять посвященіе отъ такого-то (имя посвящающаго) и что по свидѣтельству этого посвящающаго онъ, посвящаемый, совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. И такъ, заключаетъ онъ, сдѣлаете ли вы его тѣйномъ (монахомъ)? «Если онъ совершенно свободенъ отъ препятствій, то можно», отвѣчаютъ ламы. Тогда посвящаемаго снова заставляютъ сдѣлать передъ первенствующимъ гелѣномъ три поклона и сажаютъ его со сложенными на груди руками, а первенствующій говоритъ ему: «для того, чтобы сдѣлать тебя тѣйномъ (монахомъ), тебѣ необходимъ руководитель» (ᠲᠡᠪᠢᠳᠠᠨᠢ)¹⁾. Быть руководителемъ можетъ всякій хубилганъ и хутухта, хотя бы онъ былъ въ низшихъ степеняхъ посвященія, но изъ простыхъ ламъ не можетъ быть всякій: необходимъ гелѣнъ, прослужившій уже десять лѣтъ, мудрый и способный доставить пользу; такового только и можно сдѣлать руководителемъ. Такъ какъ каждый посвящаемый въ банди обыкновенно дѣлаетъ своимъ руководителемъ (ᠲᠡᠪᠢᠳᠠᠨᠢ) того ламу, который преподаль ему обѣты убаші, и слѣдовательно почитается его учителемъ, то на сказанную рѣчь посвящающій обыкновенно отвѣчаетъ первенствующему ламѣ такъ: Учитель, соизволь вѣдать, я (такой то по имени) прошу васъ, моего учителя, быть моимъ руководителемъ, учитель, соизволь быть моимъ руководителемъ; учитель, руководитель! меня должно сдѣлать монашесствующею духовной особой (собственно: «оставившимъ міръ тѣйномъ»). Слова эти посвящаемый долженъ произнести три раза; при произнесеніи въ третій разъ словъ «учитель соизволь быть

---

1) Слово «убадіни», санскр. upadhyāya, въ монгольскихъ лексиконахъ толкуется во 1-хъ какъ — ученый, свѣдущій; во 2-хъ учитель, преимущественно духовная особа, имѣющая высшую степень священства и приготовляющая другихъ въ духовное званіе, а равно и къ полученію высшихъ степеней въ этомъ званіи. Но въ практикѣ монголовъ такое значеніе не всегда соединяется съ этимъ словомъ. Убаші, принимая обѣты банди въ присутствіи какого либо хутухты, непременно уже имѣетъ въ немъ своего убадні, хотя въ дальнѣйшей жизни онъ находится подъ руководствомъ совершенно другаго ламы, который и приготовляетъ его къ полученію высшей степени гэцѣл'я. Такимъ образомъ слово «убадіни» нѣсколько утратило у монголовъ свое значеніе и стало выражать первенствующаго, или руководящаго обрядомъ посвященія; отсюда ему усвоится значеніе «одоригѣлеунъ».

моимъ руководителемъ», первенствующій дѣйствительно становится его руководителемъ; поэтому продолжая свою рѣчь, посвящаемый уже не говоритъ въ третій разъ «учитель, руководитель! меня должно...», а просто: «руководитель, меня должно... и т. д.». Послѣ сего первенствующій гелѹнъ сообщаетъ посвящаемому, что правила буддизма предписываютъ каждому духовному лицу полагаться на своего руководителя и почитать его какъ самого будду, изъявлять своему руководителю всегдашнюю признательность, приносить ему жертвы и воздавать почести, докладывать ему обо всѣхъ своихъ дѣлахъ и во всемъ поступать согласно его приказаніямъ, отступленіе же отъ этихъ правилъ составляетъ великій грѣхъ. Потомъ обращаясь къ гелѹну, который назначенъ обрѣзывать косу посвящаемому, первенствующій говоритъ: «Такой-то (имя рекъ), исполните обрѣзаніе косы и прочее сему принадлежащее надъ этимъ (имя рекъ)». Гелѹнъ, получивши это приказаніе, встаетъ и, взявъ въ лѣвую руку пучекъ волосъ на головѣ посвящаемаго, а въ правую ножницы, говоритъ: «О такой-то (имя рекъ), радуешься ли ты своему постриженію?» «Радуюсь» отвѣчаетъ постригаемый и тогда гелѹнъ, отрѣзавъ у него клочекъ волосъ сзади, подаетъ эти волосы первенствующему руководителю, а послѣдній, разсѣявъ ихъ предъ кумиромъ будды, произноситъ: «тэнгри, хранители бѣлой стороны, соизвольте возвеселиться!» Вслѣдъ за симъ посвящаемаго омываютъ, смотря по времени года, если зимою, то теплой водой, а если лѣтомъ, то холодной. Собственно, по уставамъ, слѣдуетъ омывать при этомъ все тѣло посвящаемаго, но обыкновенно обрядъ этотъ оканчивается только омовеніемъ рукъ, ногъ и головы, что дозволяется дѣлать, если посвящаемый будетъ боленъ, или окажется недостатокъ въ водѣ. За симъ посвящаемаго снова приводятъ къ ногамъ первенствующаго гелѹна и, заставивъ его сдѣлать три поклона, сажаютъ, поставивъ на колѣна. На лѣвое плечо его кладутъ *номтѹ дэбискэръзъ*, *шантабъ* и *номтѹ дэбэлъ* при томъ такъ, что *номтѹ дэбэлъ* приходится уже на оконечности лѣвой руки посвящаемаго. Первенствующій гелѹнъ, положивъ правую руку на *номтѹ дэбэлъ* произноситъ: «Эта *номтѹ дэбэлъ*

(священная одежда), носимая на раменахъ и на груди и называемая «высокимъ одѣяніемъ», составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ. Такъ какъ она даруется тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать духъ шрамани и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ одежда, долженствующая защищать тебя отъ мухъ, комаровъ, вѣтра, солнца, холода и зноя; то ты долженъ подумать и положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость навсегда принять это «высокое одѣяніе». Съ этими словами онъ полагаетъ номтѹ дэбѣль на правое плечо посвящаемаго. Точно такимъ же образомъ положивъ свою руку и на шантѣбъ, первенствующій гелѹнъ произноситъ: «это шантѣбъ, надѣваемый на поясну: онъ служитъ крышкой для наготы нижней части тѣла и скрытыхъ частей, а равно и долженствуетъ защищать отъ прикосновенія мошекъ и прочаго. Это одѣяніе составляетъ особенное отличіе отъ мірянъ и еретиковъ и дается тебѣ какъ одежда, долженствующая возвышать мысли шрамани; поэтому ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость носить постоянно такой наполникъ (хормѣкчи). Учитель будда, нося точно такіе нагрудникъ и наполникъ, приобрѣлъ званіе будды; ученикамъ своимъ онъ также точно пожаловалъ это платье; поэтому и ты, одѣвшись въ такой же нагрудникъ и наполникъ, долженъ смирять и успокоивать свой духъ». Съ этими словами онъ полагаетъ шантѣбъ, какъ и номтѹ дэбѣль, на правое плечо посвящаемаго. За тѣмъ, положивъ въ чашу нѣсколько рису и другихъ какихъ нибудь зеренъ, онъ поставяетъ чашу на лѣвую руку посвящаемаго, а правую заставляетъ придерживать ее сверху и говоритъ: «Это чаша, называемая бадиръ (patra), представляетъ собою особое отличіе отъ сосудовъ, употребляемыхъ для пищи мірянами, отъ чашъ, въ которыя собираютъ подаянія еретики, и отъ чашъ людей низшихъ, не принадлежащихъ къ духовному званію. Подобно тому какъ наполняешь ты ее яствами, наполняй премудростью свою духовную природу и подобно тому какъ наслаждаешься изъ нея пищею, наслаждайся священнымъ ученіемъ. Учитель будда, установилъ ее какъ сосудъ для собиранія подаяній (दानда); поэтому и ты долженъ положить въ своемъ сердцѣ рѣшимость при-

нять на всегда эту чашу. Преподавъ точно такимъ же образомъ и номтѹ дэбискэръ (подстилку), первенствующій гэлѹнь говоритъ: «Это номтѹ дэбискэръ. Въ то время когда будешь ты находиться въ какомъ либо другомъ мѣстѣ (помимо монастыря) и придется тебѣ пользоваться бѣлыми, или пестрыми подстилками мірянъ, наконецъ вообще подстилками, отличными отъ монашескихъ, рогожныхъ, долженъ ты этимъ номтѹ дэбискэръ'омъ покрывать свое сѣдалище». Наконецъ онъ подаетъ ему вѣничекъ для обмахиванія воды и говоритъ: «Это такъ называемый «водяной вѣничекъ» (усун'у шѹхѹръ). Такъ какъ вѣроученіе будды отличается милосердіемъ и основная заповѣдь его состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ вреда другимъ; то поэтому необходимо тебѣ отрѣшиться отъ нанесенія вреда всякому одушевленному существу. Въ особенности же при употребленіи воды легко можно сдѣлать большой грѣхъ. Такъ какъ воду необходимо употреблять утромъ и вечеромъ, то (предварительно употребленія ея), необходимо, держа этотъ вѣничекъ, обмахнуть ее, чтобы не нанести вредъ одушевленнымъ существамъ, живущимъ въ водѣ». Послѣ сего первенствующій гэлѹнь приказываетъ повязать посвящаемому шантэбъ, а поверхъ его одѣть номтѹ дэбэълъ (священную одежду), самъ же кладетъ на голову посвящаемаго цвѣтокъ, и, обращаясь къ сидящимъ и сослужащимъ ламамъ, говоритъ: «не соизволить ли сонмъ хувараконъ сказать свои молитвенныя благожеланія?» Ламы, посыпая цвѣты на голову посвящаемаго, произносятъ въ одинъ голосъ: «да утвердится основа его спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». При этихъ словахъ ламъ на посвящаемаго надѣвается «номтѹ дэбэълъ. Между тѣмъ одинъ изъ участвующихъ гэлѹновъ беретъ «номтѹ дэбискэръ» и, сложивъ его вдвое такъ, что изнанка приходится на верху, постилаетъ его передъ первенствующимъ гэлѹномъ. На этотъ дэбискэръ возводитъ онъ потомъ посвящаемаго и, заставивъ его сдѣлать три поклона предъ руководителемъ, сажаетъ его со сложенными на

груди руками. Тогда первенствующій гэлунъ снова обращается къ посвящаемому съ такою рѣчью: «Твое желаніе сдѣлаться монашествующимъ тайномъ благодѣтельно. Причины этого излагаются въ священныхъ сутрахъ, по ученію которыхъ, различіе между мірянами и монашествующими чрезвычайно велико. Всѣ будды трехъ временъ, живя по правиламъ монашества, достигли состоянія будды и нѣтъ ни одного изъ нихъ, который сдѣлался бы буддою, живя по правиламъ мірскихъ людей».

«И такъ, продолжаетъ онъ далѣе, ты долженъ теперь измѣниться: ты долженъ помышлять о грѣхахъ и опущеніяхъ мірянъ и о пользѣ и достоинствѣ монашества; ты долженъ стремиться, чтобы стяжать себѣ, ради блага одушевленныхъ существъ, достоинство будды; ты долженъ имѣть твердое намѣреніе, принявъ обѣты монашества, сохранить ихъ до самой своей смерти. Во всегдашній знакъ напоминанія объ этомъ, я переимѣняю тебѣ имя и называю тебя такъ-то (имя рекъ)». Новое имя посвящаемого обыкновенно соотвѣтствуетъ или названію монастыря, къ которому намѣренъ онъ причислиться, или же имени самого посвящающаго. Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый говоритъ: Руководитель, соизволь вѣдать, я, такой то по имени (при этомъ онъ называетъ себя уже своимъ новымъ монашескимъ именемъ) съ этого времени и на всю свою жизнь буду вѣровать въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; буду вѣровать въ ученіе высочайшее изъ безстрастій; буду вѣровать въ собраніе духовенства — высочайшее изъ сонмовъ. Послѣдую всесовершенному, неизмѣняемому и побѣдоносному буддѣ Шигэмүни, льву Шакья'сцевъ и шакья'скому владыкѣ, я сдѣлался тайномъ; я отказался отъ всего, свойственнаго мірянамъ и всецѣло принялъ все, свойственное монашествующимъ». Эти слова посвящаемый говоритъ три раза, послѣ чего старѣйшій гэлунъ произноситъ: «По этимъ правиламъ, необходимо тебѣ, оставивъ все мірское, положиться на своего руководителя, въ совершенствѣ исполненнаго свойствъ истинно монашествующаго». Послѣ сего посвящаемый снова дѣлаетъ три поклона передъ ламами, руководитель же и ламы, посылая цвѣты на его голову, произносятъ свои молитвенныя бла-

гожеланія: «Да утвердятся основы (его) спасенія; да достигнетъ онъ до конца жизни, шествуя по пути добродѣтели; да будетъ совершена имъ сполна чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ монашества во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденій». Этими благожеланіями оканчивается обрядъ посвященія въ бѣнды.

Получивъ посвященіе въ первую монашескую степень — бѣнды, дѣти халхасовъ впредь до поступленія въ монастырь обыкновенно остаются жить въ домѣ своихъ родителей и въ воспитаніи своемъ ровно ни чѣмъ не отличаются отъ своихъ сотоварищей. Ихъ жизнь проходитъ также точно въ ребяческихъ забавахъ и исполненіи кое какихъ домашнихъ дѣлъ. Обѣты поста ими конечно не соблюдаются, но ребенокъ — бѣнды все таки всегда имѣетъ бритую голову, бываетъ одѣтъ или въ бѣнцзаль, или въ монашескій халатъ и носятъ на головѣ особую монашескую шапочку — тѳрцокъ, похожую на ермолку, у которой туля сдѣлана изъ какой либо матеріи желтаго цвѣта, а по краямъ полагается опушка, въ родѣ краснаго околыша. Эти особенности всегда даютъ возможность отличить посвященнаго ребенка отъ непринимавшаго обѣтовъ; и такое отличіе почитается даже необходимымъ, такъ какъ къ бѣнды, хотя бы и ребенку, всѣ должны относиться съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ къ обыкновеннымъ дѣтямъ. Посторонніе никогда не рѣшатся ни ударить, ни наказать ребенка — бѣнды за какую нибудь шалость и даже родители рѣдко наказываютъ его, — это можетъ сдѣлать развѣ только какой нибудь лама. Благодаря этой относительной свободѣ, дѣти монголовъ, принявшіе обѣты монашества, бываютъ крайне шаловливы, своевольны, капризны и упрямы. Съ дѣтства привыкаютъ они къ отличіямъ, такъ какъ ребенку — бѣнды всегда и первое мѣсто и первый кусокъ; не рѣдко можно видѣть, что отецъ монголь сажаетъ своего шести или семилѣтняго сына — бѣнды выше себя и очевидно заботится о томъ, чтобы угодить ему. Въ монастырь приходятъ въ періодъ отъ 7 до 10 лѣтняго возраста и изъ этихъ дѣтей образуются впоследствии ламы. Взрослые поступаютъ въ монастыри очень рѣдко и при томъ,

поступивъ въ монастырь, они не изучаютъ нѣмовъ, а потому рѣзко отличаются отъ ламъ. Пришедшіе въ періодъ дѣтства называются впоследствии «зай лама» (т. е. сдѣлавшійся ламою по опредѣленію судьбы) и могутъ постепенно пріобрѣтать высшіе обѣты, взрослые же сохраняютъ за собою только посвященіе въ убаши. Приходящимъ въ монастырь малолѣтнимъ монахамъ, если они принадлежатъ къ богатому дому, родители строятъ юрты, гдѣ и живутъ эти бѣнды подъ попеченіемъ какого либо бѣдняка старшаго ламы, который пользуется при этомъ пищей и одеждой отъ своего воспитанника. Иногда бѣднякъ оплачиваетъ съ своей стороны богатому мальчику тѣмъ, что учитъ его нѣмамъ, а иногда просто трудится для него, т. е. собираетъ топливо, приноситъ воду, ухаживаетъ и проч. Бѣдные мальчики поступаютъ въ монастырь обыкновенно не моложе десяти лѣтняго возраста, т. е. когда они дѣлаются способными къ исполненію какой либо работы. Они живутъ у богатыхъ ламъ, пользуются отъ нихъ духовною пищею, а равно получаютъ и все необходимое для своего физическаго существованія.

Родители, желающіе опредѣлить своего ребенка въ монастырь, предварительно отправляются въ избранную ими обитель и здѣсь спрашиваютъ иногда непосредственно отъ самого цорчжй (намѣстника монастыря), а иногда черезъ посредство гѣбкѹя, позволеніе сдѣлать своего сына ламою въ этомъ монастырѣ. Гѣбкѹй спрашиваетъ о лѣтахъ мальчика, есть ли у него необходимое имущество, т. е. юрта, пища, одежда, книги для ученія и проч. и если все это оказывается, то даетъ позволеніе привести мальчика въ извѣстный день. Если для мальчика отецъ его даетъ особую юрту, гѣбкѹй спрашиваетъ, сколько человѣкъ будетъ въ ней жить, на что отецъ назначаетъ число одного или двухъ ламъ, которыхъ и проситъ гѣбкѹя назначить въ общество для своего сына. Если мальчикъ на столько бѣденъ, что не имѣетъ своей юрты, то отецъ проситъ гѣбкѹя помѣстить его сына къ какому либо ламѣ также по усмотрѣнію гѣбкѹя. Должно замѣтить, что въ монастыряхъ, гдѣ есть раздѣленіе на аймаки, ребенокъ при-

числяется обыкновенно въ составъ того аймака, къ которому принадлежит отецъ его какъ милостынедатель.

Въ день, назначенный для приведенія ребенка въ монастырь въ домѣ его родителей съ ранняго утра начинаются сборы: отецъ навьючиваетъ на верблюда имущество своего сына и всѣ домашніе помогаютъ ему при этомъ въ его работахъ. На проводы собираются сосѣди, которые высказываютъ ребенку свои благожеланія и наставленія. Сверстники приносятъ отъѣзжающему въ подарокъ исключительно деньги; если же есть въ хотѣнѣ (стойбищѣ) старшіе и уже учившіеся ламы, то они отдаютъ свои книги. При окончательномъ прощаніи плачутъ всѣ старики, какъ женщины, такъ и мужчины. Сосѣди провожаютъ поѣздъ на пол-дороги, а за тѣмъ возвращаются, въ послѣдній разъ сказавъ свои благожеланія; такимъ образомъ ребенка привозятъ въ монастырь только отецъ, да мать.

Прибывъ въ монастырь, они тотчасъ же начинаютъ строить юрту, раскладываютъ имущество и устанавливаютъ его по мѣстамъ, разстилаютъ войлоки и устанавливаютъ постель. Когда все въ юртѣ убрано, раскладываютъ огонь, варятъ чай и ставятъ передъ бурханами жертвы. Между тѣмъ, со времени прибытія поѣзда, къ отцу мальчика постоянно приходятъ знакомые ламы и приносятъ на новоселье его сына вареный чай, какія либо молочныя кушанья и проч. Ребенокъ въ свою очередь долженъ отдаривать всѣхъ ихъ хадаками и помимо того отдариваетъ тѣми же самыми предметами, которые принесены, отдавая за чай — чай, за сыръ — сыръ и т. п. Послѣ принесенія подарковъ, ламы возвращаются по своимъ домамъ, а отецъ мальчика идетъ къ цорчжй (намѣстнику) и проситъ его придти и освятить юрту. цорчжй является въ обществѣ двухъ или трехъ ламъ и, прочитавъ коротенькую молитву, окропляетъ стѣны аршаномъ. Послѣ этого обряда онъ пьетъ чай, ѣстъ мясо и возвращается домой, сопровождаемый отцомъ мальчика, который уже въ домѣ цорчжй подаетъ ему еще въ подарокъ хадакъ и въ награду за трудъ даритъ овцу или деньги. Вечеромъ того же дня мать возвращается домой, а отецъ остается почевать съ сыномъ.

На другой день отецъ съ сыномъ отправляются прямо къ настоятелю монастыря (ханбò-ламѣ). Ему отецъ подноситъ хадакъ и получаетъ здѣсь приказаніе, помолившись въ храмахъ, представить сына габкѹю. Согласно съ этимъ приказаніемъ мальчикъ обходить съ своимъ отцомъ всѣ монастырскія кумирни, гдѣ приносятъ бурханамъ хадаки, цзѹлы и хѹджи. Наконецъ они отправляются къ габкѹю, которому также приносятъ хадакъ; здѣсь отецъ заявляетъ съ кѣмъ именно будетъ жить въ монастырѣ его сынъ и кто будетъ его учителемъ. Этимъ выборомъ учителя полагаютъ въ большинствѣ случаевъ связи, родство и отношенія, если же монголь, опредѣляющій въ монастырь своего сына, не имѣетъ у себя заранѣе ни одного изъ ламъ, которому намѣренъ онъ поручить ребенка, то, прося габкѹя наставлять сына монастырскимъ правиламъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ и указать ему особаго ламу, которому будетъ ввѣренъ надсмотръ надъ ребенкомъ и который такимъ образомъ сдѣлается его наставникомъ. Отъ габкѹя отправляются къ этому указанному ламѣ воспитателю. Его бурханамъ приносятъ цзѹлу, хѹджи и хадакъ, а ему самому тарелку, наполненную мясомъ и домбò (кувшинъ) чаю. Отецъ проситъ ламу получше учить его сына и обѣщаетъ за это награду, которая въ первый разъ доставляется обыкновенно дня черезъ два. Само собою разумѣется, что эта награда, смотря по состоянію молодаго монаха, бываетъ весьма различна: одни приводятъ пару лошадей, другіе даютъ 10, 5, или даже 2 барана, третьи ограничиваются принесеніемъ халата изъ какой нибудь бумажной матеріи. Окончаніемъ визитовъ оканчивается и опредѣленіе ребенка въ монастырь: дня черезъ два отецъ его уѣзжаетъ и вслѣдъ за тѣмъ для молодаго монаха наступаютъ дни его обыденной жизни.

Эти дни обыденной монастырской жизни, по крайней мѣрѣ для молодыхъ послушниковъ, начинаются обыкновенно очень рано, — ламы встаютъ съ восходомъ солнца. Вставши съ постели, молодой послушникъ умывается, ставитъ лампаду передъ бурханомъ и отправляется въ хураль для совершенія утренняго богослуженія. Отсюда, зашедши домой и взявъ свою учебную книгу, онъ идетъ къ учителю, гдѣ сдаетъ заданный ему вчера вечеромъ

урокъ. Урокъ онъ отвѣчаетъ стоя на колѣняхъ, сложивши руки на груди андреевскимъ крестомъ и согнувши спину такъ, что кажется почти приклонившимся къ землѣ. Если урокъ выученъ, учитель задаетъ ему дальше, т. е. прочитываетъ дальнѣйшихъ четыре или пять строкъ, при чемъ ученикъ повторяетъ каждое прочитанное ему слово. Урокъ учитель прочитываетъ трижды и слѣдовательно трижды повторяетъ за нимъ ученикъ; этимъ все наставленіе и оканчивается. Повятно, что при этомъ методѣ обученіе идетъ чисто механически. Такъ какъ священное писаніе и богослужебныя книги написаны у монголовъ на тибетскомъ языкѣ, то очевидно, что ученикъ не приобрѣтаетъ чрезъ это обученіе ничего, кромѣ умѣнья разбирать и заучиванія наизусть совершенно непонятныхъ ему звуковъ тибетской рѣчи; переводовъ и толкованія смысла на первый разъ не допускается во все и только послѣ того какъ ученикъ прочтетъ и выучитъ уже весь кругъ необходимыхъ молитвъ, учитель начинаетъ упражняться съ нимъ снова въ переводахъ прочитаннаго и выученнаго, при чемъ подстрочно диктуетъ ему каждое слово и каждую агглюнативную частицу, что заучивается ученикомъ опять таки тѣмъ же способомъ. Если ученикъ не выучилъ своего урока, онъ доучиваетъ его въ юртѣ своего учителя и за тѣмъ сидитъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока самъ учитель не пошлетъ его пить чай. Налившись чаю, ученикъ снова приходитъ къ учителю и учится здѣсь пока не придетъ время служить новый хуралъ, что бываетъ около полудня. Во время этого хурала, если того требуетъ обрядъ, ученикъ пьетъ чай и обѣдаетъ, а если нѣтъ, то послѣ хурала идетъ домой и ѣстъ дома. Часовъ въ пять вечера снова отправляется онъ къ учителю, который, выслушавъ урокъ, заданный утромъ, тѣмъ же порядкомъ задаетъ ему урокъ на вечеръ. Вечеромъ урокъ слушается и задается новый часовъ въ девять. Такимъ образомъ учитель ежедневно трижды выслушиваетъ ученика и трижды въ день задаетъ ему уроки. За невыучиваніе урока учитель иногда бьетъ ученика палкою по согбенной во время отвѣта урока спинѣ, иногда привязываетъ къ столбу передъ дверями юрты, оставляетъ безъ чаю и безъ обѣда, зимою выставляетъ

голымъ на морозъ и проч. Высшимъ наказаніемъ считается повѣшеніе голымъ передъ дверями кумирни на все время богослуженія, т. е. приблизительно часа на 1½. Для этого передъ дверями кумирни съ крыши спускаются двѣ веревки, къ которымъ привязываютъ руки наказываемаго. Это ужасное наказаніе мнѣ пришлось видѣть только однажды, — оно было опредѣлено мальчику лѣтъ 12-ти за упорную лѣность и шалости. При хорошихъ успѣхахъ ученики изучиваютъ полный курсъ богослуженій лѣтъ въ пять, а иногда сидятъ за нимъ и лѣтъ десять 1). Участвовать въ большихъ хуралахъ ученики начинаютъ въ періодъ отъ 15-ти до 18-ти лѣтняго возраста, на что, по засвидѣтельствованіи учителя, получаютъ они разрѣшеніе отъ гѣбкѹя. Это приглашеніе участвовать въ большихъ хуралахъ обозначаетъ то, что послушникъ уже сполна ознакомился съ кругомъ богослужебныхъ книгъ и изучилъ его. Послѣ сего очень многіе изъ послушниковъ, особливо бѣдные, оставляютъ монастырь, возвращаются домой въ степи и

---

1) Курсъ обязательнаго ламскаго ученія состоитъ исключительно изъ молитвъ, читаемыхъ во время хураловъ. Эта рамка конечно черезъ чуръ обща и на практикѣ она разнообразится также точно, какъ разнообразны способности и желаніе учащихся. Есть ламы, которые изучиваютъ сполна весь богослужебный кругъ наизусть; но большинство обходится заучиваніемъ только болѣе употребительныхъ хураловъ. Для специалистовъ, могущихъ прослѣдить наши сообщенія по монгольскимъ и тибетскимъ сумбумамъ, мы выписываемъ здѣсь требованія, представляемые монгольскими ламами къ ученикамъ, окончивающимъ курсъ и выходящимъ изъ монастыря. Они должны знать наизусть: 1) Итэгѣль; 2) Цоктѹ цзанданъ; 3) Дарà эхэ; 4) Билікъ барамитъ; 5) Арсаланъ тэригѹту; 6) Базаръ бадаранà; 7) Дурма эргѹхѹ; 8) Ухіяль; 9) Мандадь үргѹхѹ; 10) Цансумъ; 11) Цагәнъ балинъ; 12) Цайнъ тахиль; 13) Микчжимъ; 14) Ламинъ тахиль; 15) Табунъ иругѣль; 16) Цагәнъ шикүртэй; 17) Дологәнъ культй; 18) Ургумаль цзалахѹ; 19) Шачжинъ бадарангуй; 20) Укѹхсэнъ, амидуйнъ ирүгѣль; 21) Тэгүсь цоктѹ хану айлатхѹ; 22) Чидакчй эркэтү; 23) Сайнъ оюту; 24) Гурбанъ учиртү; 25) Агдй шитугәнъ; 26) Сайнъ ябудал'унъ ирүгѣлүнъ хагәнъ. — Изъ отдѣла докшитовъ: 27) Ямандагà; 28) Нигүца хурійянгуй; 29) Айши; 30) Бирүзана; 31) Цагәнъ Махагала; 32) Махагала; 33) Эрликъ ханъ; 34) Ухиянъ тэнгрй; 35) Бисманъ тэнгрй; 36) Соръ; 37) Линка; 38) Галь-мандалъ; 39) Обога тахихѹ. Зная всѣ вышеуказанныя чтенія, лама можетъ покинуть монастырь, при этомъ только еще разъ его испытываютъ въ способности и умѣнны прочесть всякую тибетскую книгу (конечно безъ перевода прочитаннаго) и за симъ берутъ съ него обязательство, что, будучи приглашенъ кѣмъ либо изъ милостынедателей для какого нибудь случайнаго хурала, онъ напередъ приготовитъ всѣ потребныя молитвы.

ведутъ тамъ обычную жизнь монгольскаго простолюдина, являясь только въ свои хошѹнныя и сумѹнныя хѹрѣ для совершенія богослуженій въ дни великихъ хураловъ. Другіе, намѣревающіеся прожить въ монастырѣ, всю свою жизнь, со времени участія въ монастырскихъ хуралахъ пріобрѣтаютъ названіе «старшихъ» учениковъ и выжидаютъ своего посвященія во второй санъ—гэцѹля. Въ эту пору нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ изучать буддизмъ, другіе начинаютъ учиться своей родной, монгольской грамотѣ. Замѣчательно, что до времени окончанія изученія полного богослужебнаго круга на тибетскомъ языкѣ монгольскіе ламы никогда не начинаютъ учиться монгольской письменности; оттого въ средѣ монгольскихъ ламъ часто встрѣчаются личности, которые будутъ основательно знать тибетскій языкъ, хорошо переводить съ тибетскаго языка на монгольскій, и въ тоже время не будутъ умѣть написать ни одного слова по монгольски. При нуждѣ передать въ письменности свою монгольскую рѣчь, они изображаютъ ее тибетскимъ алфавитомъ. Переписку между собою ламы ведутъ въ большинствѣ случаевъ именно этимъ способомъ, а еще лучшіе примѣры сказаннаго мы можемъ находить въ архивныхъ дѣлахъ русскаго консульства въ Ургѣ и дипломатической миссіи въ Пекинѣ. Такъ какъ транспортъ по доставкѣ русскаго чая и пересылкѣ русскихъ товаровъ принимаютъ на себя по большей части ламы, то излагаемыя ими въ контрактахъ условія доставки часто пишутся на монгольскомъ языкѣ, но тибетскимъ алфавитомъ. Можно почти навѣрное сказать, что изъ числа ламъ, оставляющихъ монастырь по окончаніи въ немъ курса буддійскаго ученія, едва ли и одна десятая часть выучивается писать по монгольски, хотя всѣ они умѣютъ читать по тибетски и даже пишутъ тибетскіе тексты довольно красиво и правильно.

Принятіе бандіями обѣтовъ гэцѹля, второй степени монашества, совершается у монголовъ въ періодъ отъ 15 до 25 и даже 30 лѣтъ и не можетъ быть совершенно иначе какъ по за свидѣтельствovanіи учителя, подъ руководствомъ котораго занимался банди, объ успѣхахъ его ученика въ изученіи номовъ и его способности принять эти новыя и высшіе обѣты. По хода-

тайству учителя, цорчжи изъясняетъ свое согласіе на посвященіе и назначаетъ день для совершенія обряда.

Обрядъ совершается въ храмѣ. По окончаніи утренняго, или полуденнаго богослуженія ламы остаются на своихъ мѣстахъ, только гэлѹнъ, подѣ руководствомъ котораго состоялъ имѣющій быть посвященнымъ въ гяцѹли бѣнды, встаетъ и, обращаясь къ первенствующему въ хуралѣ, говоритъ: О, много слышавшій и содержащій винаю, великій гэлѹнъ такой-то (имя рекъ), я прошу васъ такому-то (имя рекъ) бѣнды пожаловать обѣты гяцѹля. Въ отвѣтъ на эту просьбу первенствующій спрашиваетъ: «А всецѣло ли свободенъ этотъ бѣнды (имя рекъ) отъ духовныхъ препятствій?» «Всецѣло свободенъ», отвѣчаетъ лама-наставникъ и вслѣдъ за симъ выводитъ своего ученика на средину сѹмэ, заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала передъ кумиромъ бурханъ-бакши (= Шигэмүни), а потомъ предъ первенствующимъ гэлѹномъ. Иногда бываетъ такъ, что наставникомъ бѣнды является тоже самое лицо, которое и первенствуетъ при посвященіи; въэтомъ случаѣ предыдущихъ опросовъ уже не бываетъ, но первенствующій, онъ же и наставникъ, прямо вызываетъ имѣющаго принимать обѣты бѣнды и заставляетъ его сдѣлать по три поклона сначала предъ бурханомъ, а потомъ передъ собою. Послѣ сего бѣнды становится на колѣна и садится предъ имѣющимъ посвящать его, первенствующимъ гэлѹномъ, сложивъ свои руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда первенствующій гэлѹнъ говоритъ ему такую рѣчь: «Чтобы сдѣлаться тебѣ гяцѹлемъ, тебѣ совершенно необходимо твердое намѣреніе всецѣло покинуть міръ. Припомни, что написано въ сутрахъ! Адскія существа терпятъ мученія отъ адскаго огня; бириты мучатся отъ голода и жажды; животныя страдаютъ въ силу того, что пожираютъ одинъ другаго; люди угнетены краткостью своей жизни; тэнгри претерпѣваютъ мученія въ силу своей неспособности возбудить самозваніе; во всемъ мірѣ никогда и ни въ чемъ нѣтъ спокойствія. И въ самомъ дѣлѣ, въ какой бы изъ четырехъ областей орчилана (= матеріальнаго міра) ты ни существовалъ, — то будетъ область страданій; съ кѣмъ бы ты ни сошелся, — то будетъ другъ стра-

даній; чѣмъ бы ты ни воспользовался, — то будетъ предметъ страданій. Вотъ почему необходимо ради блага одушевленныхъ существъ пріобрѣтать святость всесовершеннаго будды, который одинъ есть высшее спасеніе и существо отрѣшившееся отъ всѣхъ и всякихъ страданій. А для сего, положившись на священное ученіе, которое указываетъ намъ путь къ пріобрѣтенію святости будды и на сонмъ хувараконъ, необходимо принять обѣты гацүля и всецѣло сохранять десять заповѣдей по всюду и во всякое время». На эту рѣчь посвящаемый говоритъ: «Я (такой-то по имени) начиная съ этого времени и до самой своей смерти буду вѣровать въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ (*འགྲུབ་མཆོག་ལ་* *སྙིང་གི་བློ་བྱོལ་བ།*) буду вѣровать въ священное ученіе, высочайшее изъ безстрастій; буду вѣровать въ духовенство, высочайшее изъ сонмовъ. Сдѣлавъ меня гецүлемъ, тѣйнъ¹⁾, соизволь принять меня!» По произнесеніи этихъ словъ, посвящающій дѣлаетъ посвящаемому предложеніе повторить снова эти слова и когда они будутъ произнесены, то предлагаетъ сказать тоже самое въ третій разъ, при чемъ объясняетъ, что когда онъ, посвящаемый, будетъ говорить слова, «сдѣлавъ меня гецүлемъ», въ третій разъ, то въ тоже время посвящающій вскрикнетъ «ха!» и сдѣлаетъ шелчокъ въ воздухѣ; въ это мгновеніе онъ, посвящаемый, исполнится обѣтовъ гацүля, почему послѣднія слова должно будетъ произносить не «тѣйнъ, соизволь принять меня», а «бакші (учитель) соизволь принять меня». По совершеніи всего этого, всѣ ламы, доселѣ безмолвно присутствовавшіе въ кумирнѣ, произносятъ: «образъ посвященія въ гацүли вѣреть»!

Можно сказать, что этимъ и оканчивается обрядъ посвященія въ гацүли, ибо далѣе слѣдуютъ только рѣчи и наставленія, обращаемаыя первенствующимъ ламою къ посвящаемому. Но чтобы

1) Этимъ названіемъ «тѣйнъ» посвящаемый называетъ посвящающаго только въ томъ случаѣ, если до сего времени онъ не состоялъ съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ; но если посвящающій былъ учителемъ посвящаемаго, то послѣдній называетъ его «учитель» (бакші); если посвящающій въ гацүли посвящалъ и въ банди, его называютъ руководителемъ (*འགྲུབ་མཆོག་*).

понять значеніе этихъ рѣчей, намъ необходимо сказать, что въ то время, какъ происходитъ этотъ обрядъ посвященія въ кумирнѣ, внѣ оной въ свою очередь совершается особое дѣйствіе. Это — измѣреніе солнечной тѣни для опредѣленія времени, въ которое совершено посвященіе. Какимъ образомъ производится это измѣреніе, мнѣ не пришлось ни однажды видѣть; я знаю только, что инструментомъ для этого опредѣленія тѣни и времени служить палочка, раздѣленная на градусы. Измѣреній существуетъ два: дѣленіе, указуемое верхними градусами палочки, называется по монгольски «аратъ», а нижними — «хуль». Измѣреніе тѣни производитъ обыкновенно гэлѹнь-цзурухайчи (астрономъ), который, исполнивъ свое дѣло, входитъ въ храмъ въ то время, когда еще оканчивается обрядъ посвященія и сообщаетъ первенствующему результаты своихъ наблюдений. Вслѣдъ за симъ первенствующій обращаетъ къ новопосвященному гэцѹлю такую рѣчь. «Когда я намѣревался посвятить тебя въ гэцѹли, то, для того чтобы ты зналъ кого тебѣ нужно почитать и чествовать, я приказалъ изслѣдовать время. Время, когда въ природѣ твоей обосновались обѣты гэцѹля, если различать его по годамъ, то такой-то годъ (положимъ годъ мыши), по временамъ года — такое-то время (зима)¹⁾; изъ трехъ мѣсяцевъ этого времени — такой-то мѣсяць (средній зимній); изъ друкъ частей этого мѣсяца новой и старой, — такая-то часть (новая = новолуніе) изъ пятнадцати сутокъ этихъ частей, — такія-то сутки (пятнадцатая); изъ двухъ частей этихъ сутокъ, — такая-то часть (день); изъ четырнадцати частей этого дня, — такой-то часъ; мѣра тѣни — столько-то (градусовъ) аратъ и столько-то (градусовъ) хуль. Ты долженъ помнить, что въ это время, въ такомъ-то (имя рекъ) монастырѣ и отъ такого-то (имя рекъ) гэлѹна получилъ ты обѣты гэцѹля и согласно этому ты долженъ чествовать всѣхъ гэлѹновъ и гэцѹлей, которые старше тебя. Ихъ (т. е. гэцѹлей

---

1) Здѣсь я почитаю умѣстнымъ замѣтить, что въ буддійской церкви практикуется нѣсколько иное отъ обычнаго дѣленія времени года. Всѣхъ ихъ считается пять, и при томъ нѣтъ осени, а существуетъ: зима, весна, лѣто, короткое лѣто и длинное лѣто.

старшихъ) ты долженъ сажать выше себя, подносить имъ жертвы, кланяться имъ и вставать напередъ ихъ. Если ты будешь поступать такъ, то получишь награду за вѣру въ обѣты другихъ. Отъ старшихъ гэлѹновъ и гэцѹлей ты не долженъ принимать поклоновъ, но отъ гэцѹлей младшихъ, отъ принявшихъ обѣты убаши и убасанцы, безъ различія будутъ-ли они молодые или старые, ты долженъ принимать поклоненія и чествованія, ибо поступая такъ, ты получишь награду за вѣрованіе въ свои собственные обѣты. При встрѣчѣ съ гэцѹлемъ сверстникомъ (по посвященію), вамъ не должно кланяться одному предъ другимъ и мѣсто ваше будетъ, смотря по тому, кто пришелъ раньше и кто позже. Поступая такимъ образомъ, ты пріобрѣтешь награду за исполненіе повелѣній будды».

«Во вторыхъ, не возможно ограничиться только тѣмъ, что ты примешь обѣты, надо еще и исполнять ихъ. Правила, которыя ты долженъ соблюдать, суть слѣдующія. Всѣ «побѣдители враговъ», рѣшившись отрѣчься въ своихъ мысляхъ отъ десяти отверженій (𑀘𑀓𑀡𑀓𑀢𑀓), воздерживались и отъ совершенія этихъ, долженствующихъ быть отвергнутыми дѣяній своимъ тѣломъ и языкомъ. Тебѣ должно дать обѣтъ, что и ты съ этой минуты и до самой своей смерти рѣшился отречься въ своихъ мысляхъ отъ этихъ десяти отверженій и не совершать ихъ своимъ тѣломъ и языкомъ» По этому приглашенію дать обѣты, посвящаемый, обращаясь къ посвящающему, говоритъ: «Учитель, соизволь вѣдать: подобно тому, какъ архаты на всю свою жизнь отрекались отъ лишенія жизни (какихъ либо одушевленныхъ существъ) и воздерживались отъ убійства, точно также и я (такой-то по имени) съ этой минуты и до конца жизни отрекаюсь отъ убійства и буду воздерживаться отъ лишенія жизни. Черезъ эту основную заповѣдь я буду поучаться правиламъ святыхъ архатовъ, буду исполнять ихъ, буду поступать по нимъ. Сверхъ сего, подобно тому, какъ эти святые и архаты на всю свою жизнь отрекались отъ того, чтобы: а) брать не дарованное, б) поступать нецѣлому-дренно, с) говорить ложь, d) употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и все такое, опьяняющее; отрекались отъ: e) пѣ-

сенъ и плясокъ, f) музыки и зрѣлищъ, g) отъ кропленія благово-
нiями и отъ украшенiй h) отъ высокихъ сѣдалищъ и отъ про-
сторныхъ сѣдалищъ, i) отъ безвременнаго принятiя пищи и
j) отъ принятiя серебра; подобно тому какъ они воздерживались
отъ принятiя серебра, точно также и я (такой-то по имени) съ
этого времени и до конца своей жизни отрекаюсь отъ того, чтобы
брать не дарованное, поступать нецѣломудренно, говорить ложь,
употреблять вино изъ плодовъ, приготовленное вино и вообще
все опьяняющее, отрекаюсь отъ пѣсенъ и плясокъ, отъ музыки
и зрѣлищъ, отъ кропленія благовоиями и отъ украшенiй, отъ
высокихъ и просторныхъ сѣдалищъ, отъ безвременнаго принятiя
пищи и отъ принятiя серебра; а равно и буду воздерживаться
отъ принятiя серебра. Черезъ эти десять заповѣдей я буду поу-
чатся правиламъ святыхъ и архатовъ, буду выполнять ихъ,
буду поступать по нимъ». «Хорошо! восклицаетъ посвящающiй;
теперь я скажу тебѣ, что если изъ числа данныхъ тобою обѣ-
товъ, ты преступишь четыре основныхъ, то это будетъ грѣхъ,
который разрушитъ твое посвященiе; если нарушишь одну изъ
шести послѣдующихъ заповѣдей, то это будетъ грѣхъ, который
должно загладить покаянiемъ; наконецъ если ты преступишь ка-
кое либо изъ правилъ, специально принадлежащихъ къ обѣтамъ
гэцүля; то это будетъ грѣхъ, подлежащiй временному наказанiю.
Послѣ сего всѣ присутствующiе при посвященiи ламы произно-
сятъ свои молитвенныя благожеланiя въ той же формѣ, въ какой
произносятся они и при посвященiи въ баньди; т. е. «да утвер-
дится начало (его) спасенiя; да достигнетъ онъ до конца жизни,
шествуя по пути добродѣтели; да будетъ исполнена имъ всецѣло
чаша обѣтовъ; да будетъ онъ сполна причастенъ обѣтовъ гэцүля
во всѣхъ и въ каждомъ изъ своихъ перерожденiй». Этими благо-
желанiями посвященiе оканчивается.

Гэцүли почитаются уже сполна изучившими кругъ буддiй-
скихъ богослуженiй и потому они не называются учениками. По
желанiю, они конечно могутъ совершенствовать себя въ познанiи
буддизма, изучая какъ догматическое, такъ и обрядовое его уче-
нiе. Въ этомъ случаѣ каждый гэцүль долженъ избрать себѣ осо-

баго наставника, на обязанности котораго лежитъ преподавать изучающему лунъ, т. е. нѣчто въ родѣ посвященія, дающаго право на изученіе той или другой священной книги. Тотъ же учитель объясняетъ гэцүлю непонятное для него и вообще руководить въ уразумѣніи истиннаго смысла изучаемаго. Впрочемъ такое изученіе буддизма не входитъ собственно въ кругъ непремѣнныхъ обязанностей гэцүлей. Долгъ ихъ собственно состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы каждодневно являться въ кумирню, для совершенія хураловъ; помимо же сего на нихъ возлагаются и нѣкоторыя монастырскія послушанія. Богатые изъ гэцүлей, достигнувъ двадцати лѣтняго возраста, получаютъ высшую у буддистовъ степень гэлүна, такъ какъ они сами начинаютъ ходатайствовать объ этомъ предъ высшимъ монастырскимъ начальствомъ и духовенствомъ; болѣе бѣдные обыкновенно получаютъ это посвященіе позже, такъ какъ, не имѣя возможности ходатайствовать, они выжидаютъ, когда признаетъ нужнымъ возвысить ихъ до степени гэлүна само монастырское начальство.

Посвященіе въ гэлүны можетъ быть совершено надъ гэцүлемъ не ранѣе какъ по достиженіи имъ 20-ти лѣтняго возраста. Обрядъ совершается въ кумирнѣ. Ко дню обряда посвящаемый обязательно приготовляетъ себѣ новыя духовныя одежды, новую чашку и новый священный коврикъ. Къ посвященію онъ приглашаетъ всѣхъ монастырскихъ монаховъ и съ особыми подарками и приглашеніями обращается къ тремъ лицамъ, выбираемымъ изъ старѣйшихъ членовъ братіи: лицамъ этимъ предназначается одному быть посвящающимъ (འཇུག་པོ་ལ་མཚན་པོ་ལ་), другому блюстителемъ при совершеніи обряда (འཇུག་པོ་ལ་མཚན་པོ་ལ་), а третьему исповѣдникомъ посвящаемаго (འཇུག་པོ་ལ་མཚན་པོ་ལ་). Предъ совершеніемъ обряда посвященія въ гэлүны, всѣ, присутствующіе при обрядѣ гэлүны обязаны сами совершить обрядъ покаянія (т. е. отслужить сочжинъ), за тѣмъ передъ самымъ совершеніемъ обряда они поютъ общій покаянный канонъ (འཇུག་པོ་ལ་མཚན་པོ་ལ་) и особое молебствіе Цоктү-цзанданъ. Въ кумирнѣ на первомъ мѣстѣ поставляется литое изображеніе Шигэмүни. Передъ посвящающимъ на особомъ столикѣ кладутся священныя одежды

посвящаемаго и его коврикъ, свернутыя такимъ же точно образомъ какъ мы это видѣли при посвященіи въ баньди. Чашка посвящаемаго и его водяной вѣничекъ кладутся сбоку посвящающаго; на мѣстѣ, гдѣ долженъ сидѣть посвящаемый во время совершенія обряда, полагается нѣсколько камней, которые покрываются сверху сѣномъ. Предъ началомъ обряда, въ то время, когда гэлъны поютъ еще Цоктү-цзанданъ, посвящаемаго вводятъ въ кумирню и сажаютъ на самомъ нижнемъ концѣ сѣдалища гэлъновъ, но уже выше мѣста гяцүлей. По окончаніи пѣнія Цоктү-цзанданъ, посвящающій съ нѣсколькими ламами, которые должны принимать дѣятельное участіе въ совершеніи обряда, должны быть, такъ сказать, прислужниками, встаетъ съ своего мѣста, подаетъ посвящаемому цвѣтокъ и всѣ они, вмѣстѣ съ посвящаемымъ, дѣлаютъ три поклона предъ сидящими ламами. За симъ посвящающій, согнувшись въ поясной поклонъ, говоритъ: «Тѣны и хуваракі! Такой-то (по имени) гяцүль желаетъ получить отъ васъ посвященіе въ гэлъны; если вы скажете, чтобы сдѣлать его гэлъномъ, то я прошу васъ, чтобы вы согласились на бытіе (при этомъ посвященіи) содержащаго винаю и старѣйшаго гэлъна такого-то (имя рекъ) блюстителемъ при совершеніи обряда; прошу, чтобы вы согласились на бытіе содержащаго винаю и старѣйшаго гэлъна такого-то (имя рекъ) исповѣдникомъ посвящаемаго; прошу, чтобы вы разрѣшили быть такимъ-то (имя рекъ) гэлънамъ служителями при совершеніи обряда; прошу васъ дозволить мнѣ со всѣми поименованными лицами, преподать этому (имя рекъ) обѣты всечистѣйшаго званія гэлъна». Сказавъ эту рѣчь посвящающій и посвящаемый посыпаютъ цвѣты передъ кумиромъ будды и предъ всѣми сидящими ламами. За симъ посвящающій обращаетъ къ посвящаемому новую рѣчь, въ которой приказываетъ ему сдѣлать три поклона передъ кумиромъ будды, съ представленіемъ, что это есть дѣйствительный будда Шигэмүни и по три поклона предъ каждымъ изъ сидящихъ ламъ съ мысленною мольбою о достойномъ вхожденіи его, посвящаемаго, въ общество лицъ, принявшихъ высшіе обѣты. Поклоненіе передъ ламами можетъ быть двухъ родовъ: посвящаемый или

долженъ совершенно распростираться по полу, такъ чтобы ладони рукъ его, ноги и голова прямо лежали на землѣ; или же онъ долженъ просто кланяться въ ноги и при этомъ обнимать ступни ламъ. Все это посвящающій объясняетъ въ своей рѣчи и въ то время какъ посвящаемый дѣлаетъ свои поклоны передъ ламами, каждый гэлѹнъ произноситъ: «да обоснуются въ возможной скорости обѣты гэлѹна въ духовной природѣ сего монашествующаго!» и посыпаетъ цвѣты на его голову. По окончаніи поклоненія посвящаемый снова возвращается на свое убогое сѣдалище изъ камней, покрытыхъ травою, дѣлаетъ здѣсь три поклона передъ посвящающимъ и садится, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ. Тогда посвящающій говоритъ ему: «То, что ты почелъ для себя необходимымъ принять обѣты гэлѹна — очень хорошо. Въ сутрѣ «Машидà хайралакчй» говорится: гэлѹнъ — это глава священнаго ученія, гэлѹнъ — это стержень крѣпости и силы, гэлѹнъ — это существо, отрѣшившееся отъ страданій, гэлѹнъ — это сынъ побѣдоносныхъ, гэлѹнъ — это существо, пре-сѣкающее жизненныя силы матеріи и грѣха, гэлѹнъ — это существо, идущее по пути спасенія, гэлѹнъ — это тотъ, который усвоилъ себѣ всецѣло и всеконечно истинныя свойства духовности». Въ отвѣтъ на эту рѣчь посвящаемый проситъ посвящающаго преподавать ему эти обѣты гэлѹна приблизительно въ тѣхъ же словахъ, какъ мы это видѣли при принятіи обѣтовъ банди и гэцѹля. «Тойнъ, соизволь вѣдать, я (такой-то по имени), прошу тебя быть моимъ убадини (посвящающимъ). Тойнъ, соизволь быть моимъ убадини! Тойнъ убадини, соизволь преподавать мнѣ обѣты гэлѹна!» При этомъ иногда происходятъ въ рѣчи тѣже самыя измѣненія, о которыхъ мы говорили при разказѣ о принятіи обѣтовъ гэцѹля, т. е. что посвящаемый при извѣстныхъ условіяхъ называетъ посвящаемаго «бакшй, при другихъ называетъ его убадини и т. д. Послѣ этой просьбы посвящающій говоритъ: «сдѣлай предо мною три поклона и приблизься ко мнѣ». Въ это время прислуживающіе при обрядѣ гэлѹны начинаютъ подавать посвящающему духовныя одежды посвящаемаго и начинается облаченіе. Посвящаемый испрашиваетъ благословенія

на каждую изъ одеждъ, подаваемыхъ ему по порядку. Такимъ образомъ ему преподается намчжаръ, шамтабъ, лагѳи и т. д. Когда всѣ одежды будутъ одѣты, посвящающій беретъ чашку посвящаемаго и передаетъ одному изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлѳновъ, а послѣдній вмѣстѣ съ посвящаемымъ обходитъ каждого изъ присутствующихъ ламъ; посвящаемый дѣлаетъ при этомъ каждому ламѣ по поясному поклону, а прислужникъ показываетъ чашку посвящаемаго и говоритъ: «Тѳинъ (имя рекъ), соизволь посмотриѣть на чашку сего монашествующаго (имя рекъ): не велика-ли она, не мала-ли она, не бѣловата-ли она?» При этомъ каждый долженъ сказать, что чашка хороша и за симъ уже она преподается посвящаемому съ наставленіемъ не покидать ее, какъ принадлежность духовнаго званія, до конца жизни. Обрядъ передачи посвящаемому священнаго ковра и вѣничка для обмахиванія воды совершается такимъ же порядкомъ и съ тѣми же наставленіями, какія бываютъ при этомъ и во время посвященія въ низшія степени. Послѣ сего старѣйшій изъ прислуживающихъ при обрядѣ гэлѳновъ встаетъ со своего мѣста и спрашиваетъ: «Убадѳни (имя рекъ) докладываль, что кто-то будетъ исповѣдникомъ монашествующаго такого-то (имя рекъ); кто сей?» «Это я, гэлѳнъ (имя рекъ)», отвѣчаетъ лама, долженствующій быть исповѣдникомъ. Прислужникъ, обращаясь теперь уже прямо къ отозвавшемуся на вопросъ ламѣ, снова спрашиваетъ его: «гэлѳнъ такой-то (имя рекъ) желаете-ли вы быть исповѣдникомъ монашествующаго (имя посвящаемаго), которому будетъ преподавать обѣты гэлѳна убадѳни такой-то (имя рекъ)»? «Желаю» отвѣчаетъ исповѣдникъ. Прислужникъ, обращаясь ко всему сидящему духовенству, говоритъ: «Тѳины и хуварѳки, соизвольте вѣдать: Убадѳни такой то (имя рекъ) представилъ гэлѳна такого-то (имя рекъ) въ исповѣдники ищущему принятія обѣтовъ гэлѳна такому-то (имя рекъ); если вы желаете, то время уже наступило; если вы согласны, то выразите свое одобреніе». Всѣ ламы въ одинъ голосъ изъявляютъ свое согласіе. Тогда гэлѳнъ исповѣдникъ отводитъ посвящаемаго въ скрытое мѣсто, заставляетъ его сдѣлать предъ собою три поклона, сажаетъ его, приказавъ сложить

руки на груди андреевскимъ крестомъ и говорить: «для того, чтобы преподать тебѣ объѣты гэлѹна, необходимо, чтобы ты былъ исполненъ десяти достоинствъ; изъ среды ихъ первое это то, чтобы ты былъ совершенно чистъ, а второе, — чтобы ты былъ свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ. Чтобы знать есть ли у тебя препятствующія обстоятельства или нѣтъ, я буду предлагать тебѣ вопросы, а ты отвѣчай на каждый изъ нихъ. Слушай, духовный! Теперь наступило время, когда тебѣ должно открыть всю истину: я буду спрашивать тебя, а ты, безъ утайки, то что есть, говори есть, а нѣтъ — нѣтъ.

- 1) Мужчина ли ты?
- 2) Сполна ли ты имѣешь всѣ органы мужчины?
- 3) Исполнилось ли тебѣ 20 лѣтъ?
- 4) Всѣ ли у тебя въ надлежащей цѣлости духовныя одежды и цѣла ли твоя чашка?
- 5) Если есть у тебя отецъ и мать, то получилъ ли ты ихъ согласіе?
- 6) Не рабъ ли ты?
- 7) Не воръ ли ты?
- 8) Не искатель ли ты выгодъ?
- 9) Не состоишь ли ты посредникомъ въ какомъ нибудь мірскомъ спорѣ?
- 10) Не купленъ ли ты кѣмъ либо?
- 11) Не избранъ ли ты ханомъ къ исполненію какой либо должности?
- 12) Не доставилъ ли ты какой либо тревоги хану?
- 13) Не замыслилъ ли ты сдѣлать зло хану?
- 14) Не сдѣлалъ ли ты, или не побуждалъ ли кого сдѣлать зло хану?
- 15) Не извѣстенъ ли ты въ обществѣ какъ воръ и разбойникъ?
- 16) Не гермафродитъ ли ты?
- 17) Не досаждалъ ли ты женщинамъ гэлѹнамъ?
- 18) Не присвоивалъ ли ты себѣ чужаго неправедными средствами?

19) Не существо ли ты вездѣсущее?

20) Не существо ли ты призрачное?

21) Не принадлежишь ли ты къ еретическому ученію?

22) Не убилъ ли ты отца?

23) Не убилъ ли ты мать?

24) Не убилъ ли ты архата?

25) Не клеветалъ ли ты на духовенство?

26) Не пролилъ ли ты съ злымъ умысломъ кровь всесовершеннаго будды?

27) Не хубилганъ (оборотень) ли ты?

28) Не безсловесное ли ты животное?

29) Не увѣчный ли ты?

Когда посвящаемый на этотъ послѣдній вопросъ отвѣтитъ нѣтъ, то исповѣдникъ продолжаетъ:

30) Если у тебя есть долги, большіе-ли то или малые, то по принятіи обѣтовъ гэлѹна будешь ли ты въ состояніи уплатить ихъ?

31) Не принималъ ли ты прежде духовныхъ обѣтовъ?

32) Не совершилъ ли ты какого-либо изъ четырехъ грѣховъ, за которые монашествующій отлучается отъ общины?

33) Получилъ ли ты посвященіе въ банди и въ гэцѹла?

34) Живешь ли ты добродѣтельно и цѣломудренно?

На этотъ вопросъ посвящаемый категорически отвѣчаетъ «живу добродѣтельно и цѣломудренно».

35) Какъ тебя зовутъ?

36) Какъ зовутъ твоего убадѣни; при этой необходимости ты можешь назвать его имя.

37) Слушай монашествующій, въ человѣческомъ тѣлѣ случаются слѣдующія болѣзни: шейныя раны; чесотка, прыщи, веснушки, лишай, зудъ, парши на головѣ, раны на ногахъ, кашель, сухотка, падучая болѣзнь, ожорство, водяная болѣзнь, парши на ногахъ, возбужденіе дѣтородныхъ частей, сибирская язва, лихорадки однодневныя, двудневныя, трехдневныя, періодическія и постоянныя, насморкъ, отрыжка, одышка, ломота въ костяхъ, желчь, кровохарканіе, болѣзнь печени, геморой, тошнота, исто-

щеніе силъ, горячка и пр. нѣтъ-ли у тебя этихъ или какой либо другой болѣзни?

Когда посвящаемый дастъ удовлетворительные отвѣты на всѣ эти вопросы, исповѣдникъ продолжаетъ: «слушай монашествующій, то, что я теперь у тебя спрашивалъ, будетъ снова спрашивать у тебя весь сонмъ духовенства; ты долженъ сказать имъ безъ утайки и говорить одну только истину: то что есть, — говори есть, чего нѣтъ, — говори нѣтъ. Сиди здѣсь, пока я ни позову тебя! Я возвращусь, доложивши ламамъ, что ты свободенъ отъ препятствій». Вслѣдъ за симъ онъ, вошедши въ хураль, гдѣ совершается обрядъ, становится сбоку старѣйшихъ ламъ и, согнувшись въ полупоклонъ, говоритъ: «Тѣйны и хуварàки, соизвольте вѣдать, убадѣни такой-то (имя рекъ) поручилъ мнѣ произвести тайную исповѣдь монашествующему такому-то (имя рекъ); извѣщаю васъ, что онъ совершенно свободенъ отъ препятствующихъ обстоятельствъ; позволите-ли ввести его?» Всѣ говорятъ: «если онъ совершенно чистъ, то привести можно». Послѣ этого исповѣдникъ снова вводитъ посвящаемаго въ хураль и, заставивъ его въ дверяхъ кумирни сдѣлать три поклона ламамъ, направляетъ его на мѣсто, а самъ садится на свое мѣсто. Посвящаемый, вошедши на свое сѣдалище (изъ камней), дѣлаетъ три поклона предъ кумиромъ бурханъ бакши и три поклона ламамъ. Тогда старѣйшій изъ прислужниковъ при обрядѣ, говоритъ ему: «сдѣлай три поклона мнѣ и садись, сложивъ руки на груди андреевскимъ крестомъ». Посвящаемый исполняетъ приказаніе и тогда прислужникъ говоритъ ему: «Для того, чтобы тебя сдѣлали гэлѹномъ, ты долженъ троекратно высказать свою просьбу хуварàкамъ; поэтому говори за мною: «Тѣйны и хуварàки соизвольте вѣдать, я такой-то (имя рекъ) желаю принять отъ убадѣни такого-то (имя рекъ), имя котораго я произношу только въ силу необходимости, я отъ васъ обѣты гэлѹна. Тѣйны и хуварàки, соизвольте сдѣлать меня гэлѹномъ! Тѣйны и хуварàки соизвольте поруководить меня! Тѣйны и хуварàки, соизвольте принять меня! Тѣйны и хуварàки, соизвольте наставить меня! Милосердые тѣйны и хуварàки, ради проявленія вашего милосердія, умилосердитесь надо мною и со-

Тѣ одежды ламъ, въ которыя облачаются они при своихъ посвященіяхъ въ различныя степени, суть собственно одежды, надѣваемые теперь только при богослуженіяхъ; обыденную же одежду ламъ въ настоящее время составляютъ:

Банцаль, (санск. *panchali*, тиб. རྩུ་ལོ།) родъ короткой юбки, простирающейся отъ пояса до колѣнъ. Банцаль дѣлается обыкновенно изъ сянго полотна и замѣняетъ собою шальвары. Штановъ настоящіе, т. е. постоянно живущіе въ монастыряхъ ламы никогда не носятъ; банди, отправляясь зимою въ дальній путь, еще позволяютъ себѣ одѣвать поверхъ банцала мѣховые штаны, но гэлунъ почитаетъ для себя положительнымъ грѣхомъ одѣть это мірское платье.

Цамид — родъ кофты, замѣняющей собою рубашку, дѣлается изъ бѣлаго полотна и безъ застежекъ. Другіе ламы не надѣваютъ даже и этой кофты, а просто обвертываютъ кусочкомъ полотна свою шею и одѣваютъ прямо на голое тѣло

Дэбэл, (въ просторѣчій дэль) т. е. халатъ. Послѣдній бываетъ двухъ сортовъ. Лѣтній дѣлается или полотняный, или изъ какой-либо шелковой матеріи, а зимній всегда на мѣху (преимущественно бѣломъ) и покрытый также или полотняною, или шелковою матеріею. По цвѣту ламскіе халаты бываютъ трехъ сортовъ. Ламы низшихъ степеней, какъ старшіе и младшіе банди, носятъ халаты коричневаго цвѣта; гэцүли въ большинствѣ случаевъ носятъ халаты красные, а гэлүны почти исключительно желтые. Воротникъ у халатовъ первыхъ двухъ цвѣтовъ дѣлается всегда одноцвѣтный и простегивается въ семь или девять стежекъ, на гэлүнскихъ же халатахъ желтаго цвѣта воротникъ всегда дѣлается черный, плюсовый съ таковыми же лацканами. По покрою, воротникъ ламскаго халата всегда бываетъ косой, застегивающійся съ лѣваго плеча подъ правую мышку. Разказываютъ, что эта форма одежды у монгольскихъ ламъ была изобрѣтена въ Халхѣ Ундүрѣ-гэгэномъ, — первымъ халхаскимъ хубилганомъ Чжэбцүнь-дамба-хутухты.

Шапки, или малахай монгольскихъ ламъ по своимъ формамъ

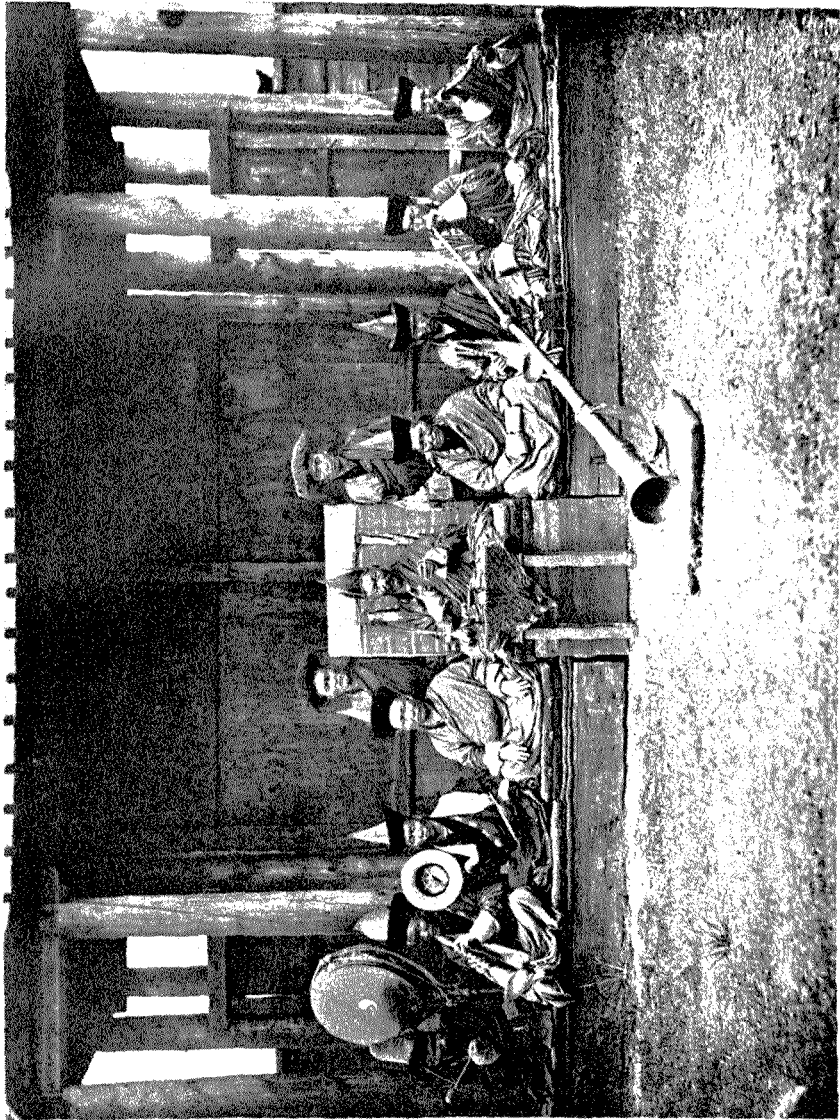
особенно многочисленны; но самыя употребительныя изъ нихъ, по преданію, изобрѣтены тѣмъ же Ундѣръ-гэгѣномъ. Шапка первой формы, общая для ламъ всѣхъ степеней и классовъ, состоитъ изъ конической тульи и загнутыхъ кверху полей; тулья дѣлается спереди круче, а сзади положе; верхушка шапки закруглена. Тулья шапки покрывается матеріею желтаго цвѣта и простегивается тридцатью двумя параллельными линиями отъ верхушки къ основанію. На верхушкѣ шапки прикрѣпляется плетеное изъ желтаго же снурка изображеніе вачѣра. Поля шапки спереди выше чѣмъ сзади и на задней сторонѣ имѣютъ разрѣзъ; оконечности полей у этого разрѣза впрочемъ соединяются между собою желтымъ же снуркомъ, къ которому прикрѣпляются двѣ ленты изъ краснаго штофа. По толкованію, Ундѣръ-гэгѣнъ, составляя эту форму для ламской шапки, имѣлъ намѣреніе дать ламамъ всегдашній знакъ того, что они должны стремиться и при этомъ стремленіи дѣйствительно достигнуть святости вачѣра дѣры (ཏཱ་མ་ཤེར་བུ་ལྷན་པའི་འཕགས་ཤེར་ལོ་ཤིང་།). Съ этою цѣлью верхушку шапки онъ украсилъ изображеніемъ вачѣра (вачѣра); постановилъ простегивать на тульѣ тридцать двѣ линии, что соотвѣтствуетъ числу Сандѣй бурхановъ; наконецъ велѣлъ прикрѣплять двѣ ленты въ знаменованіе двухъ путей — сѣтръ и тѣрни, шествуя по которымъ, ламы могутъ достигнуть совершенствъ будды (ཏཱ་མ་ལོ་ལྷན་པའི་ཤེར་བུ་ལྷན་པའི་འཕགས་ཤེར་ལོ་ཤིང་། "ཏཱ་མ་ཤེར་བུ་ལྷན་པའི་ཤེར་བུ་ལྷན་པའི་འཕགས་ཤེར་ལོ་ཤིང་། "ཏཱ་མ་ཤེར་བུ་ལྷན་པའི་འཕགས་ཤེར་ལོ་ཤིང་།). Вторая шапка, носящая у монголовъ названіе Шанамъ-малахѣй, была предназначена Ундѣръ-гэгѣномъ исключительно для ламъ, живущихъ и служащихъ въ монастырѣ, почему ламы, ушедшіе изъ монастыря и живущіе въ степи уже не носятъ ея. Она имѣетъ форму нашей солдатской безкозырной фуражки; дѣлается съ краснымъ околышемъ и тульею желтаго цвѣта. Поверхъ этой тульи пришивается одна большая кисть изъ желтыхъ шелковыхъ нитокъ, такъ что нитки эти спускаются съ шапки въ видѣ растрепанныхъ волосъ и закрываютъ собою верхнюю часть лица ламы, надѣвшаго шапку. По толкованію, Ундѣръ-гэгѣнъ, представивъ такую шапку

хуваракамъ, объяснилъ при этомъ, что подобно тому, какъ всѣ волосы на этой шапкѣ обращены къ низу, каждый лама долженъ быть смиреннымъ особливо въ воззрѣнiяхъ на самого себя; и, подобно тому какъ на шапкѣ каждый верхнiй волосокъ покрываетъ нижнiй, высшiе начальники должны призрѣвать низшихъ, сильные должны защищать слабыхъ, мужественные охранять нѣжныхъ. Эти два рода шапокъ монгольскiе ламы носятъ только на улицахъ и не входятъ въ нихъ въ хуралы; въ нижеслѣдующихъ же шапкахъ они не только ходятъ по городу или монастырю, но и совершаютъ свои богослуженiя:

1) *Шасэръ*. Носятъ ее духовные всѣхъ степеней и званiй, начиная съ самыхъ высокихъ хубилгановъ и оканчивая простымъ банди. Шасэръ бываетъ вышиною около полу-аршина и дѣлается остроконечною, съ наклоненiемъ въ переднюю сторону, а на задней сторонѣ ея прикрѣпляется шерстяной гребень. Лучшее подобiе шасэра представляютъ собою старыя прусскiя гренадерскiя шапки.

2) *Обѣтай* принято носить только духовнымъ высшихъ степеней и притомъ занимающимъ въ монастырѣ административныя должности. Шапка эта также высокая и по формѣ была бы совершенно овальною, если бы на самой вершинѣ ея не встрѣчался маленькiй выгибъ внутрь, вслѣдствiе чего она является уже остроконечною. Обѣтай бываетъ трехъ сортовъ, которые взаимно различаются между собою только полями. Есть обѣтай, у которыхъ поля обходятъ вокругъ всей шапки и являются загнутыми кверху; у другихъ — поля также загнуты кверху, но, огибая шапку сзади, они напередѣ доходятъ только до висковъ, наконецъ обѣтай третьяго рода имѣютъ поля, огибающiе шапку сзади и напередѣ доходящiе до висковъ, но опущенные книзу и простирающiеся, смотря по важности особы, до щекъ и даже до плечей.

Необходимую принадлежность костюма cadaго гелѹна составляетъ еще привѣшиваемый къ поясу съ лѣвой стороны *Цабари*. (ᠴᠠᠪᠠᠷᠢ, монг. ᠴᠠᠪᠠᠷᠢ, а въ просторѣчiи цабри, чаври и чаврунъ). Это четырехъ - угольный, квадратный мѣшечекъ въ одну четверть аршина величины, сшиваемый обыкновенно изъ

Ламы, служажіе хураль.

краснаго сукна. Въ мѣшечекъ вставляется небольшая фляжка съ мѣднымъ горлышкомъ. Назначается эта фляжка для храненія въ ней расаяны (освященной воды), которою гэлѹны должны полоскать ротъ послѣ принятія пищи. Далѣе къ числу принадлежностей гэлѹнскаго костюма слѣдуетъ отнести еще *Гусѹнъ-тѹкъ*. Это небольшая книжечка, которую гэлѹнъ всегда держитъ при себѣ за пазухой и которую, при необходимости благословить кого либо, возлагаетъ онъ на голову просящаго благословенія. Иногда это бываетъ просто связка разрозненныхъ листовъ, на которыхъ написаны разныя молитвы и завернуты въ кусокъ красной матеріи. На шеѣ нѣкоторыя изъ ламъ носятъ еще изображенія бурхановъ, заключенныя въ серебрянныя, четырехугольныя складни. Кромѣ того всѣ вообще ламы имѣютъ у себя за пазухой деревянную чашечку, такъ какъ ни одинъ изъ истинныхъ монастырскихъ ламъ никогда не станетъ пить или ѣсть изъ чужой чашки. Богатыя монгольскіе ламы отдѣлываютъ свои чашки въ срединѣ серебромъ. Тибетскіе гэлѹны, не рѣдко являющіеся въ Монголію за сборомъ подаваній, дѣлаютъ себѣ чашки изъ человѣческихъ череповъ; мода эта начала входить въ послѣднее время и въ Монголію.

Къ поясу ламы, подобно всѣмъ простолюдинамъ, пристегиваютъ разныя мѣшечки, употребленіе которыхъ заимствовали они отъ китайцевъ; таковы, мѣшечекъ для храненія табакерки съ нюхательнымъ табакомъ, кисеть для курительнаго табаку, футляръ для вкладыванія въ него ножа и китайскихъ палочекъ, замѣняющихъ вилки и пр. Были слухи въ годъ выѣзда моего изъ Монголіи, что Чжэбцзѹнъ дамбѣ намѣренъ воспретить ламамъ употребленіе всѣхъ этихъ мѣшечковъ, находя что китайскія удобства непристойны для ношенія ламамъ; но состоялось-ли это опредѣленіе, мнѣ неизвѣстно въ точности.

Выходя изъ дому куда-либо на прогулку, или въ гости, ламы надѣваютъ курму, (*ᠬᠤᠮᠤ* ᠷ) — тоже китайская одежда. Она представляетъ собою однобортную кофту, съ широкими рукавами и лѣтомъ дѣлается изъ какой нибудь легкой матеріи, а зимою бываетъ мѣховая и покрывается или сукномъ, или шелковою матеріей.

Высшіе ламы, отправляясь въ хураль, надѣваютъ мантию безъ рукавовъ, въ родѣ альмавивы, но гораздо длиннѣе и съ небольшимъ крагиномъ, обрѣзаннымъ фестонами. Обыкновенно эта мантия дѣлается изъ грубаго тибетскаго сукна и бываетъ или желтаго, или краснаго цвѣтовъ; на языкѣ Монголовъ она носитъ названіе *Занчи*, (тиб. (མྱ་བེམ་)).

Наконецъ каждый лама имѣетъ еще при себѣ четки (ཏཱ་ལྷ་མོ་ санскр. akṣamaḷā, тиб. རྗེད་བ་), состояція изъ 108 равныхъ шариковъ, раздѣляемыхъ на 9-ть отдѣленій шариками или другаго цвѣта, или бѣльшаго калибра. Самый большой изъ этихъ шариковъ, отъ котораго считаютъ начало четокъ, называется «тѵ». Ламы никогда не расстаются съ четками и въ свободное отъ занятій время всегда читаютъ по нимъ «мани», т. е. ведутъ по нимъ счетъ прочитанныхъ «мани». При богослуженіяхъ ламы кладутъ четки передъ собою, снимая ихъ съ руки; но всегда опять берутъ въ руки при произношеніи тѵрни въ то время, какъ первенствующій въ хураль держитъ вачыръ и звонитъ въ колокольчикъ.

Степенью гэлүна оканчиваются посвященія ламъ и дальнѣйшая ламская іерархія обосновывается уже на занятіи ламами тѵхъ или другихъ должностей и на исполненіи ими болѣе или меньше высшихъ обязанностей въ монастырѣ. Должностей въ буддйскихъ монастыряхъ вообще сравнительно очень много и, слѣдя за большею или меньшею степенью важности ихъ, онѣ могутъ быть расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Ханбѵ - лама*. (འཇག་པོ་, тиб. མཁན་པོ་, санскр. upādhyāya).

Эта должность, или лучше сказать званіе, соотвѣтствуетъ должности настоятелей нашихъ лавръ, въ которыхъ всегда помимо настоятелей полагаются еще намѣстники. Ханбѵ лама почитается первенствующимъ лицомъ въ монастырѣ, ему доносятъ обо всѣхъ главнѣйшихъ монастырскихъ событіяхъ и всѣ важнѣйшія предпріятія въ монастырѣ совершаются съ его вѣдома и разрѣшенія; но онъ не входитъ въ дѣла лично и выслушиваетъ всѣ доклады, равно какъ и дѣлаетъ всѣ свои распоряженія у себя на дому.

Въ Монголіи ханбò ламы полагаются только въ большихъ, по преимуществу въ хутухтинскихъ монастыряхъ. Они выбираются изъ лицъ старѣйшаго духовенства (преимущественно изъ цорчжй ламъ) и утверждаются въ степныхъ монастыряхъ хутухтами въ сообществѣ съ хошуннымъ княземъ. Въ Ургѣ ханбò лама по выборѣ его хутухтою и высшимъ духовенствомъ, утверждается въ своемъ званіи богдоханомъ и получаетъ при этомъ высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержания:

«Указъ велѣнїемъ неба повелѣвающаго временами Хуа̀нди.

«Я, соединившій во едино обитающихъ во вселенной, есмь великій владыка духовнаго и гражданскаго правленія. Если есть люди, способные доставлять пользу вѣрѣ и гражданскому правленію, то я непременно отличаю ихъ и дѣлаю видными изъ среды другихъ. Цорчжй (такой-то)! Ты, прилежа къ изученію священнаго писанія и сохраняя обѣты ламы, всегда съ истиннымъ усердіемъ поступалъ по правиламъ, руководствующимъ къ созиданію блага буддійской вѣры. Я взиралъ на это съ одобреніемъ и, имѣя въ виду устроить прочность и спокойствіе въ вѣрѣ и правленіи Чжэбцзунъ-дамба хутухты, доставляя особенную милость, возвожу тебя въ званіе ханбò-номунъ хана, начальствующаго въ ламскихъ дѣлахъ и первенствующаго при чтеніи нѳмовъ ламами монастыря просвѣтителя вѣры и благодѣтеля одушевленныхъ существъ Чжэбцзунъ дамба хутухты; при чемъ выдаю тебѣ настоящій указъ и жалую золотую печать. Такъ какъ ты удостоился этого очевиднаго благоволенія, то, присоединяясь къ моему конечному желанію расширить желтую вѣру и создать спокойствіе и довольство одушевленныхъ существъ, постарайся прилежать къ ученію вѣры и устроить благо вѣры и одушевленныхъ существъ. Поступай чистосердечно и съ истинною тщательностію при чтеніи священныхъ нѳмовъ и при совершеніи всякой добродѣтели въ монастырѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты. Управляя ламами и шабинарами, храни государственныя постановленія и тщательно избѣгай всякой оплошности.

Данъ въ такое-то лѣто правленія такого-то, такой-то луны, такого-то числа».

2) *Цорчжй ламà* (ཇོ་སྐྱིད་ལ་མ་) есть намѣстникъ монастыря. Вся монастырская жизнь совершается подъ его непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ: онъ раздаетъ свои приказанія и о совершеніи хураловъ и о приготовленіи всего потребнаго къ нимъ; назначаетъ ламъ къ совершенію тѣхъ или другихъ богослуженій внѣ монастыря; увольняетъ ламъ въ отпускъ на болѣе продолжительные сроки; наблюдаетъ за изученіемъ ими номовъ и т. д. Въ небольшихъ монастыряхъ, гдѣ не полагается особаго ханбò ламы, цорчжй лама является обыкновенно въ роли настоятеля и составляетъ главное начальствующее лицо въ монастырѣ.

3) *Ширѣтү ламà* (ཤིར་ཇུ་ལ་མ་), по буквальному переводу титулъ этотъ означаетъ каедральнаго ламу. Ширѣтү лама есть собственно предсѣдательствующій при богослуженіяхъ. Въ монастыряхъ, гдѣ имѣютъ свое мѣстопробываніе ханбò лама и цорчжй лама, ширѣтү не несетъ уже на себѣ никакихъ административныхъ обязанностей и вся дѣятельность его ограничивается надзоромъ за правильнымъ совершеніемъ богослуженій. Въ тѣхъ степныхъ сүмэ, въ которыхъ ламы не живутъ постоянно, и въ которыхъ богослуженія совершаются только въ дни великихъ хураловъ, ширѣтү бываетъ главнымъ лицомъ и можетъ быть почитаемъ настоятелемъ этихъ монастырей, хотя опять таки дѣятельность его ограничивается исключительно предсѣдательствомъ при богослуженіи и надзоромъ за совершеніемъ хурала, такъ какъ хозяйства и собственности эти монастыри у себя не имѣютъ и причисляющіеся къ нимъ ламы, живя разбросанно по степямъ, не могутъ быть непосредственно руководимы своимъ настоятелемъ. Эти три должности могутъ быть причислены къ высшимъ и первокласснымъ должностямъ въ монастырѣ. За ними будутъ слѣдовать:

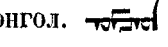

4) *Лацабъ* — иногда называемый дэдъ-ширѣтү-ламà — почетный помощникъ ширѣтүя, избираемый изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ ламъ. По правиламъ, лацабъ долженъ бы быть учителемъ, который объясняетъ религіозныя постановленія и руководитъ гэлүновъ въ ихъ изученіи буддизма; но такъ какъ гэлүны

(по мимо состоящихъ въ школахъ) никогда не занимаются таковымъ изученіемъ, то лацабъ не несетъ на себѣ собственно никакихъ обязанностей, а бываетъ только всегдашнимъ замѣстителемъ ширѣтүя, если послѣдній боленъ, или по какой либо причинѣ не можетъ явиться къ совершенію богослуженія. Лацабовъ въ каждомъ монастырѣ бываетъ по нѣскольку и по крайней мѣрѣ не менѣе того числа, сколько находится въ монастырѣ кумирень. Это дѣлается на тотъ случай, чтобы, когда въ монастырѣ совершается одновременно богослуженіе во всѣхъ кумирняхъ, въ каждой изъ нихъ предсѣдательствовалъ бы непремѣнно одинъ каедральный лама, т. е. имѣющій право сидѣть на ширѣ, или каедрѣ.

5) *Гэбкүй*, или гэбгуй и гэсгуй (тиб. རགེ་བསྐྱོན་ в переводѣ на монгольскій языкъ རགེ་བསྐྱོན་) можетъ соответствовать нашему благочинному. На обязанности его лежатъ въ кумирнѣ—наблюдать за порядкомъ и тишиною во время совершенія богослуженій; внѣ кумирни—слѣдить вообще за нравственностью духовенства. Отъ него непосредственно исходятъ по монастырю всѣ распоряженія относительно отправления богослуженій и образа жизни низшихъ ламъ; онъ назначаетъ одному дѣлать то, другому — другое; онъ же разслѣдуетъ и проступки ламъ. Отличительный знакъ званія гэбкүй составляетъ жезлъ называемый Чжукбò; (тиб. རྩུག་ཏོག་, монг. ᠳᠡᠵᠦᠴᠡᠨ) онъ дѣлается обыкновенно изъ какого-то благовоннаго дерева Агару (санск. akougo, монг. ᠠᠭᠠᠷᠠ) и бываетъ въ $\frac{3}{4}$ арш. длиною и въ вершокъ толщиною. На чжуктò у гэбкүй всегда бываетъ навѣшано нѣсколько хадаковъ, составляющихъ благодарственные подарки подчиненныхъ. Съ жезломъ этимъ гэбкүй никогда не долженъ разставаться ни въ кумирнѣ, ни внѣ оной. Если во время богослуженія въ кумирнѣ возбудится шумъ, или говоръ между хувараклами, гэбкүй встаетъ и ударяетъ своимъ жезломъ по одной изъ кумиренныхъ колоннъ, тогда шумъ смолкаетъ. Провинившихся гэбкүй подзываетъ къ себѣ, послѣ чего виноватый подходитъ къ гэбкүйю, становится на колѣна и подставляетъ свою спину. Гэбкүй, хотя бы это было

и въ кумирнѣ, тотчасъ же отсчитываетъ по согбенной передъ нимъ спиной известное число ударовъ, и затѣмъ посылаетъ вино-ватаго на мѣсто. Должность гѣбкѹя ламаисты почитаютъ одною изъ самыхъ старѣйшихъ въ буддизмѣ и въ доказательство ея высокаго достоинства разказываютъ, что во время Цзонхавы эту должность исполнялъ первый хубилганъ Далай-ламы; въ Индіи, въ монастырѣ Наліндара, въ теченіи 12-ти лѣтъ исполнялъ обязанности гѣбкѹя учитель Наганцзѹна; при буддѣ Ши-гэмүни слушателями его управлялъ въ должности гѣбкѹя одинъ изъ старѣйшихъ учениковъ его—Ана́нда. Гѣбкѹевъ въ каждомъ монастырѣ полагается при главной кумирнѣ два старшихъ и два младшихъ; это число почитается уже обязательнымъ для каждаго монастыря, а затѣмъ количество гѣбкѹевъ ограничивается обыкновенно числомъ монастырскихъ кумирень и слѣдовательно, смотря объ обширности монастыря оно бываетъ весьма различно.

6) *Умзатъ*, или *унзатъ* (тиб. རྩ་མཚན་, монгол. или)—уставщикъ и вмѣстѣ кононархъ. Умзатъ подобно гѣбкѹю есть лицо, необходимо присутствующее при каждомъ храмовомъ богослуженіи: онъ, согласно сдѣланному гѣбкѹемъ назначенію того или другаго богослуженія, ведетъ порядокъ всей службы, первый начинаетъ чтеніе каждой молитвы и только вслѣдъ за нимъ чтеніе или распѣвъ подхватываютъ всѣ прочіе, участвующіе въ хуралѣ ламы. Такъ какъ монастырскія правила предписываютъ ламамъ всегда произносить слова молитвы одновременно съ умзатомъ, то умзаты обыкновенно выбираются изъ ламъ, отличающихся силою своего голоса и обладающихъ густымъ и обширнымъ басомъ. Буддійскія правила впрочемъ предписываютъ выбирать на эту должность особенно отличающихся знаніемъ устава и не обращать вниманія на голосъ. Число умзатовъ въ монастыряхъ бываетъ не равномерно. Подобно гѣбкѹямъ ихъ полагается при главномъ монастырскомъ храмѣ два старшихъ, два младшихъ и два такъ называемыхъ сверхштатныхъ, или вольныхъ умзата ( ); за симъ въ дальнѣйшемъ количествѣ принимается въ расчетъ число монастырскихъ кумирень.

7) *Гэйкъ* долженъ быть почитаемъ за ближайшаго помощника гэбкүя, такъ какъ на обязанности его лежитъ слѣдить за точнымъ исполненіемъ всѣхъ приказаній перваго и руководить исполняющихъ. Онъ присматриваетъ напримѣръ за тѣмъ, чтобы въ кумирнѣ все было приготовлено къ хуралу и находилось въ должномъ порядкѣ, если при хуралѣ полагается чай, или мѣнцза для служащихъ, онъ разсчитываетъ потребное число продуктовъ и расходовъ; если въ монастырь поступаютъ какія нибудь пожертвованія и заказы, гэйкъ принимаетъ ихъ и, доложивъ гэбкүю, просить у него соотвѣтствующихъ распоряженій.

Низшія должности ламъ, собственно прислуживающихъ при богослуженіи, составляютъ:

8) *Тахильчи*, (тиб. མཚོན་པོ་, монг. ᠲᠠᠬᠢᠯᠢᠴᠢ) — это ламы, завѣдующіе принесеніемъ жертвъ бурханамъ. Они готовятъ и зажигаютъ лампы и хучжи, перемѣняютъ жертвенную воду и прочія жертвы, чистятъ жертвенныя чашки и чашечки, заботятся о приготовленіи всего, что необходимо при принесеніи жертвъ во время богослуженій и проч.

9) *Джамà*, — (тиб. ཇམ་མ་ на монгольскомъ языкѣ буквально означаетъ ᠵᠠᠮᠠ) т. е. лицо, на обязанности котораго лежитъ приготовленіе чая, но въ дѣйствительности въ монгольскихъ монастыряхъ джамà есть лама, котораго вообще можно назвать монастырскимъ поваромъ. Онъ готовится необходимыя къ богослуженію жертвы, какъ-то: балинъ (ᠪᠠᠯᠢᠨ), сѣръ (ᠰᠡᠷ) и др., а равно распоряжается о приготовленіи чая, или мѣнцзы для служащихъ ламъ. Должность «джамà», хотя и причисляется къ разряду низшихъ, однако же ее замѣщаютъ всегда старѣйшими, и, сравнительно, весьма учеными ламами. Въ испытаніи, производимомъ кандидатамъ на эту должность самымъ труднымъ почитается приготовленіе балин'овъ. Извѣстно, что каждому бурхану приносится особый балинъ и всѣхъ ихъ насчитываютъ до тысячи. Знать особенности каждаго балина, а за симъ еще и толкованіе относящееся до значенія, причинъ и смысла этихъ особенностей — дѣло дѣйствительно не легкое.

10) *Джинджүки*, собственно помощники унзата, которые руководят игрою на музыкальныхъ инструментахъ подобно тому, какъ унзатъ руководить чтеніемъ молитвъ. Обыкновенно впрочемъ джинджүками называютъ теперь всѣхъ ламъ музыкантовъ, играющихъ во время богослуженій на различныхъ инструментахъ. Принимая въ расчетъ самые малые монастыри, число ихъ выразится приблизительно такъ:

a) Бишкүрчи, (འཕགས་ལྷོ་པ་, тиб. སྒྲིང་བྱ་པ་), т. е. играющіе на бишкурѣ.....	2
b) Ганълинчи (монг. ᠭᠠᠨᠯᠢᠨᠴᠢ, тибет. ཀློང་སྒྲིང་པ་ или ཀློང་བྱ་པ་), т. е. играющіе на ганълинѣ.....	2
c) Дунчй, или лабайчи (འཕགས་ལྷོ་པ་, тиб. རྩུང་པ་ལམ་ལྷོ་པ་), т. е. играющіе на раковинѣ.....	2
d) Кэнгэргэчи (འཕགས་ལྷོ་པ་, тиб. རྩུང་པ་) т. е. бьющіе въ барабанъ.....	4
e) Бүрбчи (འཕགས་ལྷོ་པ་), т. е. играющіе на трубѣ.....	4
изъ нихъ двое играютъ на үхэръ бүрб, и двое на бүрб.	
f) Цанъчй (тиб. ཟངས་ལམ་ལྷོ་པ་), т. е. бьющіе въ цанъ.....	2
g) Цэлынчи (འཕགས་ལྷོ་པ་, тиб. སྒྲིང་བྱ་ལམ་ལྷོ་པ་), т. е. бьющіе въ цэлынъ.....	2
h) Харангачи (འཕགས་ལྷོ་པ་), т. е. бьющіе въ харанга.....	2
i) Дүдармачй (འཕགས་ལྷོ་པ་), т. е. ударяющіе въ дүдарма.....	1

И такъ всего 21 человекъ и это самое меньшее число, которое мнѣ приходилось когда либо видѣть; но число джинджүковъ въ большихъ монастыряхъ доходитъ до двухъ и трехъ сотенъ. Въ ургинскихъ храмахъ и въ монастырѣ Эрдэни-цзү, присутствуя на великихъ хуралахъ, я встрѣчалъ по 49 бүрб, по 49 барабановъ и по 9 дүдарма; число другихъ музыкантовъ у меня осталось незаписаннымъ, но общее число ихъ вмѣстѣ съ галүнами, ударяющими въ колокольчикъ, въ обоихъ случаяхъ доходило до трехсотъ.

11) *Дуганчи* (тиб. དུང་རྩ་པོ་ལྷ་), т. е. церковный сторожъ. Онъ наблюдаетъ за чистотою кумирни, приготовляетъ потребныя къ богослуженію инструменты, книги и проч.

12) *Цабрачй* (ཇའ་བླ་མ་) разноситъ чай и пищу ламамъ во время совершенія ими богослуженій, по окончаніи же трапезы подаетъ ламамъ воду для омовенія рукъ и полосканія рта.

13) *Мэдэчи* (མེད་ཅི་) суть ламы, на обязанности которыхъ лежитъ призывать къ богослуженіямъ или ударами въ ханрага, или трубя въ бургъ и раковину.

14) Всѣ упомянутыя ламы низшихъ должностей находятся подъ ближайшимъ управленіемъ одного старшаго ламы, имѣющаго титулъ «цажрахчй» (ཅའ་རྩ་བླ་མ་).

Ученое сословіе ламъ, не имѣющихъ ближайшаго значенія въ администраціи, но тѣмъ не менѣе необходимо находящихся въ каждомъ монастырѣ, составляютъ:

15) *Ном'унъ лама*, болѣе извѣстный у монголовъ подъ тибетскимъ названіемъ, — чойчжинъ. Его обязанность главнымъ образомъ ученая: онъ изучаетъ и толкуетъ догматы вѣры, указываетъ всѣ подробности богослуженій; кромѣ того онъ изучаетъ магическія тѣрни и такимъ образомъ приобретаетъ силу: а) произносить заклинанія на злыхъ духовъ, б) совершать молитвы и обряды, при посредствѣ которыхъ низводится на землю, или отгоняется идущій уже дождь, с) опредѣлять мѣсто возрожденія душъ умершихъ людей и проч. ¹⁾

---

1) Отъ этихъ чойчжиновъ — ном'унъ-лама, должно строго отличать еще другихъ чойчжиновъ, называемыхъ по монгольски «сангасакъ». Эти послѣдніе представляютъ собою нѣчто среднее между магиками буддійскими и шаманами. Они причисляются обыкновенно къ монастырямъ, но въ самыхъ монастыряхъ не живутъ никогда. Всѣ они принимаютъ ламскіе обѣты, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ живутъ съ женами и это не только не почитается предосудительнымъ, но даже законнымъ; разумѣется, что уже одно это обстоятельство должно убѣждать насъ, что чойчжины — сангасакъ, въ понятіяхъ монголовъ, представляютъ собою нѣчто отличное отъ обыкновенныхъ ламъ. Проѣзжая по хошуну Далай-гүна, Сайнъ-нояновскаго аймака въ 1879 г., я познакомился здѣсь съ тремя чойчжинами — сангасакъ: всѣ они принимали обѣты бѣвди, но жили своими семьями. Права свои чойчжины получаютъ въ Тибетѣ отъ

16) *Эмий* (འཇུག, тибет. ལྷན་པོ་) монастырскій лекарь, на обязанности котораго лежитъ также и преподаваніе медицины желающимъ ¹⁾).

Далай-ламы или Баньчэнъ-богдо, хотя сами въ Тибетъ не ѣздятъ и никакихъ специальныхъ посвященій не принимаютъ. Обыкновенно монастырь, желающій приобрести себѣ чойчжина, отправляетъ посольство въ Тибетъ и рекомендуетъ предъ Далай-ламой своихъ кандидатовъ, представляя ихъ имена и годъ рожденія. Далай-лама утверждаетъ, или отказываетъ уже по своей волѣ. Говорятъ, что въ старину чойчжины приходили въ Монголію изъ Тибета и что тамъ еще и до нынѣ есть монастыри, специально устроенные для образованія чойчжиновъ. Эти разказы монголовъ подтвердили мнѣ показанія Георги о томъ же предметѣ; но съ другой стороны слѣдуетъ замѣтить, что въ Монголіи чойчжины—сангасакъ не имѣютъ у себя ни книгъ, ни правильныхъ обрядовъ богослуженій. Все обученіе ихъ передается устно. Специальность чойчжиновъ состоитъ въ даваніи предсказаній и въ отвращеніи несчастій. То и другое совершаютъ они силою призыванія четырехъ Махаранзъ — геніевъ хранителей четырехъ странъ міра. Извѣстно, что эти геніи 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца выпускаются на землю и укрощаютъ злыхъ духовъ, наносящихъ бѣдствія людямъ. Чойчжины—сангасакъ силою своихъ призываній могутъ заставить ихъ низпуститься во всякое время. Эти призыванія чойчжиновъ во многихъ случаяхъ напоминаютъ собою камланье шамановъ и даже въ костюмѣ ихъ много шаманскаго, такимъ образомъ они употребляютъ напр. орогдй (шаманскую шапку) и кэцэ (шаманскій бубень). Жилища чойчжиновъ не отличаются рѣшительно ничѣмъ отъ обычныхъ юртъ монголовъ, только въ числѣ ихъ бурхановъ первое мѣсто всегда долженъ занимать кумирь Падма Самбавы, котораго почитаютъ они основателемъ своего ученія.

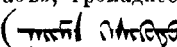

1) Монгольскіе ламы медики не мало интересовали меня во все время пребыванія моего въ Монголіи, хотя я долженъ сказать, что мои изслѣдованія о нихъ крайне ограниченны и это не могло быть иначе, такъ какъ для изученія ламской медицины не достаточно одного знанія языка, дающаго возможность провѣрять разказы ламъ по книжкамъ и наконецъ прочитать эти книжки, а необходимо имѣть еще специальную подготовку въ области медицины. Сообщу впрочемъ хотя общія понятія о монгольскихъ медикахъ и монгольской медицинѣ.

Основы медицинской науки для монгольскихъ ламъ составляетъ тибетская медицина, но помимо того они заимствовали еще весьма многое изъ медицины китайской и даже европейской. Извѣстно, что еще во времена Канси китайцами, подъ руководствомъ іезуитскихъ миссіонеровъ, было сдѣлано очень много переводовъ съ европейскихъ языковъ на китайскій сочиненій по части астрономіи, географіи, естественныхъ наукъ и медицины. Съ китайскаго эти сочиненія переводились на языкъ монгольскій и образцы такого рода литературы были приобретены мною и представлены въ Библіотеку С.-Петербургскаго Университета. Въ Европѣ чрезвычайно распространено мнѣніе о томъ, будто бы монгольская медицина не имѣетъ никакого понятія ни объ анатоміи, ни о кровообращеніи, не знаетъ химическихъ свойствъ лечебныхъ растений и

17) *Цзурухайчи*, (монгол. , санск. *gapaḥa*, тибет.) — астрологи. Они занимаются вычислениями, составляют ежегодно календари, определяют время, в которое должно быть совершаемо то или другое чествование духовъ; называют счастливые дни для совершения разнаго рода предприя-

пр. Мы можем смѣло утверждать, что это мѣние если нельзя назвать во все несправедливымъ, то во всякомъ случаѣ оно должно подлежать значительнымъ ограниченіямъ. Конечно, химическій составъ лекарственныхъ растений извѣстенъ ламамъ сравнительно мало, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы онъ былъ неизвѣстенъ имъ вовсе. При составленіи своихъ лекарствъ и аптекъ ламы руководствуются главнымъ образомъ наружнымъ описаніемъ лекарственныхъ растеній и описанія эти составлены въ ихъ книгахъ дѣйствительно мастерски, съ подробѣйшими указаніями наружнаго вида растенія, его мѣстонахожденія, его видоизмѣненій во время роста, времени его собиранія, каковымъ обусловливается цѣлебная сила лекарства и проч.

Такой составъ ламской фармакологіи самъ собою свидѣтельствуешь, что медицина ламъ по преимуществу основывается на опытѣ и съ этой стороны ихъ лечебники, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ очень много полезнаго. Я могу свидѣтельствовать только, какъ факты, то, что болѣзни, которыя казались неизлечимыми по европейской наукѣ, излечивались ламами и больные, отъ которыхъ совершенно отказывались европейскіе и русскіе врачи, оздоравливали, принимая лекарства ламъ. Въ этомъ нѣтъ конечно ничего удивительнаго и странно было бы отвергать, что восточные народы, существуя цѣлыя тысячелѣтія, не могли бы подмѣтить нѣкоторыхъ цѣлебныхъ травъ и растеній и не приспособить ихъ къ дѣлу; напротивъ, гдѣ собственно и можетъ быть открыто такое множество таинственныхъ силъ природы, какъ ни у тѣхъ народовъ, которые живутъ съ нею о-бокъ?

Медицинскихъ сочиненій у ламъ очень много и при этомъ они обыкновенно раздѣляются ламами на два рода: «основныя», т. е. излагающія медицину научнымъ образомъ и «прикладныя», — имѣющія видъ нашихъ лечебниковъ. Изъ числа основныхъ медицинскихъ сочиненій особенно извѣстностью пользуется «Хлантабъ», громадное сочиненіе, раздѣляющееся въ общемъ на восемь отдѣленій () , а въ частности на 156 главъ. Изъ числа главныхъ восьми отдѣловъ хлантаба 1-й трактуетъ какъ въ физиологическомъ такъ и въ патологическомъ отношеніи о взросломъ человѣкѣ; 2-й разсматриваетъ такимъ же образомъ дѣтскій возрастъ и дѣтскія болѣзни; 3-й говоритъ о женщинахъ и женскихъ болѣзняхъ; 4-й излагаетъ истерическія болѣзни, 5-й — хирургическія болѣзни; 6-й — болѣзни, происходящія отъ отравленія, а равно разсматриваетъ свойство ядовъ; 7-й — старческія болѣзни; 8-й трактуетъ объ укрѣпленіи старчества. Каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется еще на большее или меньшее число главъ, въ которыхъ въ одинаковомъ, последовательномъ порядкѣ разсматриваются вообще: а) болѣзни, происходящія вслѣдствіе нарушенія газозовозобновленія (); б) болѣзни, происходящія вслѣд-

ті, якъ предпринимаемыхъ монастыремъ, такъ и принадлежащими къ этому монастырю простолюдинами и милостынедателями.

18) *Цзуръчи* (монгол. ᠴᠢᠲᠢᠷᠠᠭᠠ , санск. *tchitrakara*, тибет. རི་མོ་མཁའ་ལྷ) — иконописцы.

19) *Биликтю* (ᠪᠢᠯᠢᠬᠲᠢᠢᠶᠦ ᠵᠢᠨᠢ) выбираются по испытаніи изъ

ствіе нарушенія возобновленія желчи (ᠠᠨᠠᠵᠢ) и с) болѣзни, происходяція вслѣдствіе нарушенія слизевозобновленія (ᠰᠢᠶᠠᠨᠠᠨᠢ). Въ частности по тремъ вышеупомянутымъ подраздѣленіямъ рассматриваются здѣсь какъ физиологическомъ, такъ и въ патологическомъ отношеніи: а) голова съ ея частями (глаза, носъ, ротъ, уши и проч.; б) грудь; с) туловище, которое подраздѣляется по числу входящихъ въ составъ его органовъ на одиннадцать частей,—это во 1-хъ пять плотныхъ органовъ: печень, почки, легкія, сердце и селезенка и во 2-хъ шесть полыхъ органовъ: желудокъ, тонкія кишки, толстыя кишки, мочевоы пузырь, сѣмянной пузырь, (а въ главѣ о женщинахъ—матка) и желчный пузырь; и наконецъ d) излагается физиологическое и патологическое состояніе оконечностей.

Изъ этихъ указаній содержанія одного только медицинскаго сочиненія читатели могутъ усмотрѣть, что медицинѣ ламъ являются извѣстными какъ фармакологическій такъ и хирургическій способы леченія болѣзней; но наблюдая дѣятельность монгольскихъ врачей по практикѣ ламъ, нельзя не отмѣтить, что главное леченіе состоитъ во внутреннемъ употребленіи лекарствъ; наружныя же средства практикуются ими очень рѣдко. Эти послѣднія состоятъ въ разнаго рода втираніяхъ, кровопусканіяхъ, рожкахъ, массажѣ, наконецъ въ припаркахъ, и такъ сказать горячихъ ваннахъ, вмѣсто которыхъ больного по большей части завертываютъ въ шкуру только что убитаго животного. Операций и отнятіи пораженныхъ членовъ у ламъ, кажется, не практикуется вовсе.

Каждый монгольскій эмчи, или лама-лекаръ, непременно имѣетъ у себя и аптеку. Лекарства, въ составъ которыхъ входятъ главнымъ образомъ травы, а потомъ уже минералы и металлы, лама всегда приготовляетъ самъ. Сначала онъ толчетъ нужныя ему сѣмена, или корни въ порошокъ, потомъ въ извѣстной, указанной книгою пропорціи, соединяетъ все это вмѣстѣ и такимъ образомъ получается у него лекарственный составъ, который всыпаетъ онъ въ особый кожаный мѣшечекъ. Такихъ мѣшечковъ у иныхъ врачей бываетъ до 300 и болѣе штукъ; чтобы не сбиться, къ завязкѣ каждаго мѣшечка прикрѣпляется надпись съ наименованіемъ состава лекарства. Все это вмѣстѣ складывается потомъ въ одинъ большой мѣшокъ, туда же закладывается потомъ и небольшая металлическая ложечка, которая замѣняетъ собою для ламы всѣ аптекарскіе вѣсы и мѣры.

При опредѣленіи болѣзни, ламы обращаютъ главное вниманіе на состояніе пульса, щупая который они прижимаютъ вмѣстѣ съ пульсовой жилой еще и двѣ другихъ и внимательно наблюдаютъ біеніе каждой. Иногда, изслѣдовавъ пульсъ одной руки, они щупаютъ въ обоихъ рукахъ сразу и производятъ ка-

ламъ, особенно хорошо усвоившихъ себѣ тибетскій языкъ. Обязанность ихъ состоитъ собственно въ переводахъ богослуженныхъ книгъ съ тибетскаго языка на монгольскій; помимо же того они занимаются составленіемъ новыхъ молитвъ, пишутъ житія замѣчательныхъ ламъ, описанія монастырей, кумировъ, цзурүковъ и другихъ святынь; наконецъ они же ведутъ и монастырскую лѣтопись, если таковая заведена въ ихнемъ монастырѣ.

21) *Тойны* (иначе $\text{ལྷོ་ཁྱེད་ལྟོ་མཚན་$ тиб. $\text{ལྷོ་ཁྱེད་ལྟོ་མཚན་$) типографщики.

На обязанности ихъ лежитъ вырѣзывать типографскія доски для печатанія книгъ, разныхъ бурхановъ, мистическихъ формулъ, имѣющихъ для буддистовъ значеніе талисмановъ и пр. Свою работу тойны обыкновенно производятъ на гладко выточенныхъ, осиновыхъ доскахъ. При вырѣзываніи, на такую доску наклеивается

кое-то взаимное сличеніе; другой разъ одновременно шупаютъ пульсъ руки и боевую жилу на вискахъ, на шеѣ и пр. При внутреннихъ болѣзняхъ выслушиваютъ дыханіе и всегда смотрятъ урину. Помимо распросовъ это главнѣйшіе способы для опредѣленія болѣзней, послѣ которыхъ лама уже прямо даетъ лекарство, почти всегда предписывая при этомъ діету. Лучшіе изъ врачей постоянно ведутъ у себя книги, записывая въ нихъ какъ исторію болѣзни, такъ и употребляемые средства. Записки эти, по смерти ламы-доктора, всегда поступаютъ къ одному изъ лучшихъ и возлюбленныхъ учениковъ его; къ сожалѣнію такого рода практическіе журналы издаются очень рѣдко, хотя обработанные ходятъ въ рукописяхъ между ламами. Во время пребыванія моего въ Ургѣ, при нашемъ консульствѣ проживалъ эмчѣ шестаго хубилгана Чжэбцзунъ-дамбай-хутухты, тибетецъ Чойндонъ. Записки его, составлявшія до двадцати громаднѣйшихъ томовъ, были переданы имъ излюбленнѣйшему ученику его Лубсанъ-галсану, проживавшему въ Оромбд-гэгэнэй-хитѣ. Когда я посѣтилъ этотъ послѣдній монастырь, то Лубсанъ-галсанъ занимался именно обработкою этихъ записокъ. Не знаю было ли этой работѣ суждено появиться въ печати, но уже въ мое время къ Лубсанъ-галсану пріѣзжали многіе эмчѣ, чтобы сдѣлать себѣ списки съ этого новаго труда.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ монголо-тибетскихъ врачей не мало шарлатановъ, которые, какъ и всякаго рода шарлатаны, унижаютъ только достоинство своего дѣла. Но я думаю, что практическому уму европейцевъ нельзя судить о тибетской медицинѣ, основываясь лишь на дѣйствіяхъ и показаніяхъ этихъ шарлатановъ. Вотъ почему было бы крайне желательно, чтобы кто либо изъ нашихъ медиковъ занялся изслѣдованіемъ тибетско-монгольской медицины, конечно не съ исключительною цѣлью критиковать ее и указывать ея недостатки, какъ это дѣлосъ доселѣ даже и поверхностно не бывшими знакомыми съ тибетской медициной врачами, а съ благою цѣлью выбратъ изъ нея все то, что можетъ быть съ пользою примѣнено къ дѣлу.

нужный рисунокъ, или экземпляръ рукописи и по нему-то вырѣзываются потребныя черты тонкимъ ножомъ, въ родѣ пинцена.

Хозяйственныя обязанности въ монастырѣ несутъ на себѣ:

22) *Нирба* (གཞིན་པ་), должность котораго соотвѣтствуетъ должности казначея. Онъ покупаетъ и принимаетъ все, поступающее въ монастырское казначейство; ведетъ отчетность по монастырскому имуществу; заключаетъ условія по подрядамъ, которые беретъ на себя монастырь и проч.

23) *Цзасагъ лама*, (རྒྱལ་ཁབ་ ལྷན་ རྒྱལ་) иногда называемый еще «дэмчѣ — (དེས་ཚེ) лама», есть ближайшій помощникъ нирбы.

Въ вѣденіи его находятся всѣ, состоящіе при монастырѣ работы, которыми распоряжается онъ, назначая ихъ на ту, или другую работу; помимо того онъ ревизуетъ монастырскія имущества, находящіяся внѣ монастыря, осматриваетъ стада монастырскаго скота, смотритъ за полевыми работами, если монастырь имѣетъ у себя пашни и проч.

Канцелярію монастыря составляетъ:

24) *Донйръ* — монастырскій секретарь, избираемый изъ молодыхъ и смысленыхъ ламъ. Подъ непосредственнымъ наблюдениемъ ханбѣ-ламы и цорчжѣ онъ ведетъ переписку со всеми правительственными мѣстами и разсылаетъ нужные указы и отвѣды. Внѣшнимъ отличіемъ донйра является стеклянный шарикъ коричневаго цвѣта, который прикрѣпляется у него на шапку, вмѣсто вачѣра.

Въ тѣхъ хутухтинскихъ монастыряхъ, которые имѣютъ у себя приписныхъ шабинъровъ, учиняется обыкновенно еще особое управленіе, завѣдующее именно этими шабинърами. Засѣдаютъ и рѣшаютъ дѣла въ этомъ управленіи:

25) *Шанцотба*, (тиб. ལྷན་པ་མཚན་པ་) онъ назначается изъ ламъ, не принимающихъ высшихъ обѣтовъ галѣна, но изъ старѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Шанцотба ургинскаго Чжэбцзѣнь-дамба-хутухты обыкновенно выбирается совмѣстно съ хутухтинскимъ правительствомъ еще монгольскимъ и маньчжурскимъ амбанами (губерна-

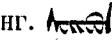
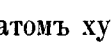
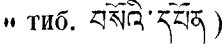
торами восточной Халхи, жительствовавшими въ Ургѣ) и утверждается въ своемъ званіи пекинскимъ правительствомъ послѣ личнаго представленія богдохану, при чемъ выдается ему золотая печать и грамота, по содержанію подобная выше представленной грамотѣ хаибѣ ламы. У другихъ, имѣющихъ шабинаровъ, хутухтъ (число которыхъ замѣтимъ кстати не особенно значительно) шанцотба выбирается и назначается самимъ хутухтою, но утверждаетъ съ согласія сейма аймачныхъ князей. Определеннаго жалованья шанцотба никогда не получаетъ, но онъ пользуется всѣмъ необходимымъ изъ сана (казначейства) своего хутухты и пользуется всегда съ большимъ достаткомъ, потому что должность шанцотбы, по ея значенію, справедливо можетъ быть относима къ числу первоклассныхъ должностей въ монастырѣ. По гражданскимъ узаконеніямъ Монголіи, шанцотба Чжэбцзунъ дамба хутухты совершенно приравнивается къ высшей должности въ Халхѣ — начальника сейма князей одного аймака; шанцотбы другихъ хутухтъ сравниваются въ правахъ съ хошунными князьями. Въ виду такого важнаго значенія этой должности, всякій шанцотба имѣетъ право носить на шапкѣ красный коралловый шарикъ 1-го класса. Для управленія и рѣшенія дѣлъ, состоящихъ въ его вѣденіи шабинаровъ, каждый шанцотба всегда имѣетъ еще у себя совѣтъ, въ составъ котораго входятъ:

26) *Дѣ-лама*. Должностныхъ лицъ этого званія при каждомъ шанцотбѣ полагается всегда два, изъ которыхъ одинъ считается старшимъ, а другой младшимъ. Дѣ ламы, подобно самому шанцотбѣ, не принимаютъ высшихъ монастырскихъ обѣтовъ. Они выбираются изъ числа ламъ шабинскаго вѣдомства и утверждаются въ Ургѣ амбаниями, а въ шабинскихъ вѣдомствахъ другихъ хутухтъ по выбору и представленію этихъ хутухтъ начальниками аймачныхъ сеймовъ.

27) *Зайсанъ-лама*, который присутствуетъ при разборѣ дѣлъ шанцотбою и дѣ-ламами и назначается для засѣданій въ шабинскомъ ямуниѣ отъ каждаго шабинскаго отдка по очереди на три года. Понятно, что число зайсановъ при каждомъ шанцотбѣ весьма неопредѣленно и обуславливается количествомъ ша-

бинаровъ подвѣдомственныхъ тому или другому хутухтѣ. Внѣшній знакъ отличія зайсановъ шанцзотбинскаго ямуна, какъ и доирировъ составляетъ стеклянный коричневый шарикъ.

При хутухтахъ, а слѣдовательно и въ каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ состоятъ еще:

28) *Сойбуны лама*, (монг. или " тиб.) завѣдующій личнымъ штатомъ хутухты. Собственно должность начальника хутухтинскаго штата исполняетъ *одинъ* лама и только у ургинскаго Чжэбцзунъ-дамба хутухты сойбуновъ полагается четыре; но въ послѣднее время должность сойбуна въ Халхѣ стала обозначать собою придворное званіе у хутухты, а потому сойбуновъ въ вѣдомствѣ каждаго хутухты и при каждомъ хутухтинскомъ монастырѣ можно встрѣтить нѣсколько.

29) *Хя-лама*, (тиб.) по буквальному значенію слова обозначаетъ адъютантовъ при хутухтахъ; но въ настоящее время эта должность опять таки получила характеръ титула, выдаваемого какъ отличіе нѣкоторымъ ламамъ.

30) *Хямаши*, , т. е. привратникъ, разумѣется—при дверяхъ хутухтинскаго ѳргѣ, или хутухтинской юрты; нынѣ эта должность опять таки обратилась въ званіе.

Не смотря на это, сравнительно большое число ступеней въ буддійской іерархіи и на обиліе разнаго рода высшихъ и низшихъ должностей, между ламами обыкновенныхъ монастырей халхаскихъ царствуетъ почти братское равенство. Настоятели монастырей и весь старшій клиръ держатъ себя въ отношеніи къ младшимъ чрезвычайно просто: гордость и заносчивость, по видимому, совершенно чужды монастырскимъ ламамъ и каждый изъ начальниковъ доступенъ для подчиненнаго почти также, какъ товарищъ. Происходитъ ли это отъ патриархальной простоты нравовъ, свойственной монголамъ вообще, или же это обуславливается самыми монастырскими постановленіями — сказать довольно трудно; но во всякомъ случаѣ за постановленіями халхаскихъ монастырскихъ общинъ и именно въ отдѣлѣ о начальствующихъ нельзя не признать довольно высокой степени обдуманности.

Въ этомъ случаѣ важно прежде всего то, что лица, назначаемыя на ту или другую должность въ монастырѣ, всегда опредѣляются по выбору и на извѣстный срокъ. Принимаемыя къ руководству во Халхѣ правила монастырской жизни, составленныя ламою Цаггѣнъ-дайнчи, по буквальному переводу ихъ гласятъ слѣдующее: «Такъ какъ старшіе ламы, если будутъ они долго на своихъ мѣстахъ, ссорятся и дѣлаются самовластны, а чрезъ это могутъ появиться опущенія въ дѣлахъ, то ихъ слѣдуетъ смѣнять; при этомъ если смѣнять ихъ часто, то въ свою очередь могутъ возникнуть опущенія отъ непривычки къ дѣятельности. На этотъ конецъ, срокъ службы полагается: для ханбѣ ламы, цорчжѣ ламы, ширѣту и лацаба—9 лѣтъ; для гѣбкѣ, умзѣта, гѣика и нирбѣ—7 лѣтъ, для демчѣя и донѣра—5 лѣтъ. Если они исправны въ своихъ должностяхъ, и, по прослуженіи срока службы, окажутъ только одну опытность, то могутъ быть назначаемы и еще на свои мѣста, хотя подобное оставленіе на должность не можетъ производиться болѣе трехъ разъ.» Въ дѣйствительности это правило, конечно, почти никогда не примѣняется къ дѣлу: избранный однажды ханбѣ лама, въ большинствѣ случаевъ, оканчиваетъ свою жизнь на этой должности, прочіе же члены обители необходимо повышаются въ своихъ рангахъ прежде чѣмъ окончить третій срокъ службы.

Назначеніе обязанностей почти каждому изъ старѣйшихъ ламъ и удовлетвореніе нуждамъ своихъ прихожанъ служитъ причиною того, что ламы, принявшіе обѣты гѣлѣна, уже рѣдко являются къ совершенію богослуженій. Выше я имѣлъ случай замѣтить, что ламъ, посвящающихъ себя на вседневную жизнь въ монастырѣ, въ Монголіи сравнительно очень не много. Въ хошѣнѣ Мѣргѣнъ вѣна въ 1878 г. считалось напр. всѣхъ ламъ различныхъ степеней 2384 человекъ, а въ хошѣнныхъ монастыряхъ проживало только 118 человекъ. Замѣчательно при этомъ, что лама, проживающій въ монастырѣ, почитается въ народѣ гораздо почтениѣе и достойнѣе чѣмъ лама, проживающій въ степи. Вотъ почему не смотря на обиліе духовенства; не смотря на то, что ламу можно всегда найти въ любомъ хотѣнѣ; каждый, мало-

мальски состоятельный халхасъ, при совершеиі какой либо требы, никогда не пригласитъ своихъ степныхъ, живущихъ о-бокъ съ нимъ ламъ, а непременно отправляется въ монастырь и привозитъ оттуда хотя бы то одного гэлѹна,—степные ламы приглашаются развѣ только какъ сослужащіе ему.

Благодаря такимъ воззрѣніямъ народа, у монгольскихъ монастырскихъ ламъ и особливо старшихъ, получившихъ посвященіе въ гэлѹна, всегда бываетъ масса работы по приходу и они постоянно бываютъ въ развѣздахъ. Ниже, въ главѣ о богослуженіяхъ, мною будутъ указаны всѣ тѣ требы, которыя исполняются ламами въ домахъ ихъ милостынедателей. Количество этихъ требъ, равно какъ и религіозная ревность халхасовъ будутъ ясною порукою за широкую дѣятельность ламъ; теперь же я укажу на ламскую жизнь и ламское служеніе собственно въ предѣлахъ монастыря.

День монастырскаго ламы начинается обыкновенно часовъ съ пяти утра. Проснувшись и еще лежа въ постели, гэлѹнъ начинаетъ будить живущихъ въ одной съ нимъ юртѣ гэцѹлей и бѣнды. Быстро вскакиваютъ на ноги ребяташки—бѣнды; болѣе медленно поднимаются уже пользующіеся нѣкоторою самостоятельностью гэцѹли. Одѣвшійся бѣнды подноситъ своему ламѣ гэлѹну его одежду, сапоги и другія принадлежности костюма, тогда этотъ послѣдній начинаетъ одѣваться. Одѣвшись, онъ выходитъ изъ юрты умываться, а послушникъ (бѣнды) въ это время прибираетъ его постель и приводитъ въ должный порядокъ не прихотливую и не многосложную обстановку юрты. Послѣ этого послушникъ начинаетъ готовить лампы и жертвы для бурхановъ, а возвратившійся лама садится на свое мѣсто и приступаетъ къ совершеию обряда, носящаго у монголовъ названіе «Усунъ-балынъ». Обрядъ этотъ совершается въ халхаскихъ монастыряхъ ежедневно всѣми ламами, принявшими обѣты гэлѹна. Основную цѣль его составляетъ, какъ объясняютъ ламы, дѣло благотворительности: а) одушевленнымъ существамъ, обитающимъ въ воздушномъ пространствѣ, б) душамъ умершихъ, но не принявшихъ еще новаго перерожденія, в) бирѣтамъ, обитающимъ въ

пить чай и одновременно съ этимъ начинается его общественная дѣятельность. Если онъ занимаетъ какую либо должность въ монастырѣ, служить напр. при монастырскомъ санѣ (казначействѣ), при монастырской канцеляріи, или несетъ на себѣ другія какія нибудь обязанности, его тотчасъ же приглашаютъ къ дѣламъ по части распорядительной, или исполнительной; если онъ не несетъ общественной службы, къ нему приходятъ ученики, съ которыми онъ занимается; раздѣлавшись съ ними часовъ въ 10 утра, гэлунъ отдыхаетъ въ бесѣдахъ съ приходящею къ нему монастырскою братіею и еще чаще съ какимъ либо милостынедателемъ, пріѣхавшимъ изъ степи иногда просто ради поклона и выслушиванія религіозныхъ наставленій, а иногда съ цѣлью пригласить ламу къ себѣ на домъ для духовной бесѣды, или же для совершенія молебствія. Приглашеніе ламъ для духовной бесѣды и преподаванія наставленій въ домѣ милостынедателей бываетъ не часто и совершается только богатыми монголами; но ни одинъ лама не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этой требы. Согласно завѣту будды, обязанность каждаго ламы состоитъ прежде всего въ проповѣди. «Непрестанно, говорилъ будда своимъ ученикамъ, вѣщайте мое ученіе міру, живите въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ, не бѣгите въ полное уединеніе и не забывайте главной задачи — проповѣди». Какъ видно по этому завѣщанію, для наставленія вѣрующихъ ламы должны были бы даже ходить по дорогамъ и жить подь открытымъ небомъ, чтобы имѣть возможность произносить свое ученіе каждому встрѣчному; но теперь буквальное выполненіе этого завѣщанія будды не находитъ для себя охотниковъ: ламы не отказываются лишь отъ проповѣди по приглашенію, добровольно же произносятъ свои наставленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имъ бывать въ юртѣ милостынедателя для совершенія какой либо требы, или молебствія. Что касается до выѣздовъ ламъ въ степь для совершенія молебствій у милостынедателей, то они бывають двухъ родовъ. Если молебствіе совершается по какому нибудь необычайному случаю, то милостынедатель отправляется всегда напередъ къ цзурухъайчи и отъ него получаетъ наставленіе

какъ о томъ, какое молебствіе должно быть совершено, такъ и о томъ, кто именно изъ ламъ долженъ совершить его. Получивъ эти указанія, милостынедатель отправляется къ монастырскому гѣбкѹю, и, объяснивъ обстоятельства своего дѣла, проситъ его отпустить къ себѣ на домъ для совершенія молебствія, согласно указаній цзурухѣйчи, одного или нѣсколькихъ ламъ. Выслушавъ просьбу, гѣбкѹй дѣлаетъ соответствующее распоряженіе и ламы отправляются въ степь. Если милостынедатель приглашаетъ къ себѣ ламу для совершенія молебствія безъ всякаго чрезвычайнаго къ тому повода, а просто по благочестію (འཇགས་ཀྱི་ལོ་རྒྱུས་ལྟར་འགྲུབ་པའི་ལཱ་ལྟེན་ལྟར་), то онъ отправляется прямо къ тому ламѣ, котораго желаетъ пригласить и послѣдній уѣзжаетъ изъ монастыря иногда испросивъ разрѣшеніе у гѣбкѹя, а иногда и безъ всякаго спроса, — извѣстивъ только объ отлучкѣ своихъ домочадцевъ. Подобныя отлучки практикуются прежде всего тогда, когда лама, будучи приглашенъ не подалеку, удаляется изъ монастыря только на нѣсколько часовъ; а во вторыхъ тогда, когда эти отлучки ламы въ общемъ уже извѣстны какъ монастырскому начальству, такъ и всей братіи. Есть напр. не мало милостынедателей, которые имѣютъ у себя на дому «годовыя» молебствія, совершаемыя въ опредѣленные числа каждый мѣсяць. Къ совершенію такихъ молебствій монастырское начальство съ нагупленіемъ каждаго года назначаетъ опредѣленное число очередныхъ ламъ. Само собою разумѣется, что эти ламы въ назначенные дни уѣзжаютъ для отправленія своихъ обязанностей въ домахъ милостынедателей уже безъ всякихъ переговоровъ съ гѣбкѹемъ. Вообще же относительно ламскихъ отлучекъ въ халхаскихъ монастыряхъ, принадлежащихъ собственно вѣденію Чжэбцзѹнъ-дамба хутухты, практикуются слѣдующія правила. Если ламѣ представится нужда уйти изъ монастыря, то на срокъ до трехъ дней онъ беретъ разрѣшеніе отъ гѣбкѹя; на срокъ до семи дней — отъ ширѣту, или цорчжй; на срокъ до пятнадцати дней отъ ханбо ламы. Если по дѣламъ общественнымъ, или же собственнымъ лама долженъ будетъ отлучиться отъ монастыря на срокъ свыше пятнадцати дней, то онъ приноситъ въ хуралъ угощеніе чаемъ и доклады-

ваетъ о своей отлучкѣ всему собранію хуваракъ, которое и соглашается на его отпускъ, отмѣчая эту отлучку изъ монастыря въ монастырскихъ спискахъ передъ именемъ отлучившагося. По возвращеніи своемъ въ монастырь, лама тѣмъ-же порядкомъ приносить чай духовенству и возвѣщаетъ ему о своемъ прибытіи, что также отмѣчается въ спискахъ. Ламы, которые, по требованію своихъ должностей, постоянно бываютъ въ отлучкахъ, также точно отмѣчаются въ спискахъ. О томъ, какъ ведется это дѣло въ хушунныхъ монастыряхъ мнѣ не пришлось разспрашивать, но, вѣроятно, порядокъ этотъ соблюдается одинаково повсюду. Выѣхавъ въ степь для совершенія молебствія не подалеку отъ монастыря, лама возвращается часа черезъ три, четыре. Приѣхавъ, онъ или снова начинаетъ возиться съ своими учениками, или долженъ бываетъ отправиться на сходку для обсужденія монастырскихъ дѣлъ, такъ какъ такого рода сходки всегда устраиваются передъ вечеромъ, часовъ въ 5 по полудни, или наконецъ занимается собственными хозяйственными дѣлами. Часовъ въ семь вечера гэлунъ ѣстъ мясо и потомъ, снова позанявшись съ учениками, ложится спать около 10 часовъ вечера. Вообще день каждаго ламы гэлүна полонъ дѣятельности; по совѣмъ не то должно сказать о гэцүляхъ и старшихъ банди. Это самый вольный народъ. Прошедши курсъ наукъ, т. е. изучивъ кругъ богослуженій, каждый гэцүль, равно какъ и старшій банди, если только не имѣютъ они собственной склонности къ занятіямъ, остаются свободными и безъ присмотра на цѣлый день. Въ урочное время они три раза въ день присутствуютъ при монастырскихъ богослуженіяхъ въ кумирнѣ, весь же остальной свой досугъ посвящаютъ ничего недѣлающу, бродя изъ юрты въ юрту, или шатаясь гдѣ либо за стѣнами монастыря. Такъкакъ живущіе въ степи милостынедатели монастыря по большей части приглашаютъ только старшихъ ламъ съ званіемъ гэлүна, то гэцүли и банди уходятъ для исполненія требъ сравнительно рѣдко. Обусловливается это конечно тѣмъ, что приглашеніе монастырскихъ ламъ для совершенія молебствій обходится милостынедателямъ довольно дорого: нужно внести приношеніе въ монастырь, нужно затѣмъ дать

еще и каждому отдѣльно. Не удивительно отсюда, что милостынедатели обыкновенно берутъ изъ монастыря одного старшаго ламу, а въ сослужители ему приглашаютъ своихъ ламъ — хотѣнныхъ, т. е. вышедшихъ изъ монастыря и живущихъ въ степи своими домами. Не имѣя такимъ образомъ опредѣленныхъ занятій и наскучивъ однообразіемъ ежедневныхъ службъ, эти гяцүли и банди не рѣдко предпринимаютъ путешествія по монастырямъ. Уходятъ они, конечно, съ разрѣшенія общины и въ дорогу не берутъ съ собою ровно ничего, помимо лишь маленькаго ручнаго хурдэ, которое вертятъ все время, идучи по дорогѣ. Все необходимое содержаніе въ пути они получаютъ отъ доброхотныхъ дателей и отказать такому страннику монголь почитаетъ для себя страшнымъ грѣхомъ. Въ монастыряхъ эти странники никогда не заживаются долго, — самое большое недѣлю, или дней десять и за симъ предпринимаютъ новый переходъ въ другой монастырь. Общее названіе, подъ которымъ извѣстны такіе путешественники въ Монголіи, — сүцзүктү, что значитъ «благоговѣйные». По окончаніи странствованія возвратившись въ свой монастырь, они выставляютъ у своей кибитки голубой флагъ, исписанный тибетскими молитвами. Это отличіе, которое получаютъ они за свое благочестивое паломничество. Помимо сего они ничего не выгадываютъ и для нихъ начинается таже обычная жизнь съ очередными хуралами. Въ дни поста (འཇམ་མཁའ་, санскр. upavasta, тиб. འཇམ་མཁའ་), т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца, а равно и въ дни великихъ хураловъ, всѣ монастырскіе ламы уже положительно цѣлый день проводятъ въ богослуженіяхъ.

Здѣсь, при этихъ краткихъ замѣткахъ о жизни буддійскаго духовенства въ Монголіи, я почитаю умѣстнымъ сказать, что вообще въ нашей литературѣ часто приходится встрѣчать мнѣніе, будто монгольскіе ламы представляютъ собою классъ лѣнивыхъ тунеядцевъ, вѣчно ничего не дѣлающихъ, привольно живущихъ, пожалуй, даже вносящихъ развратъ въ среду монгольскаго народа. Мнѣніе это едва ли можетъ быть признано безусловно вѣрнымъ. Безспорно, среди монгольскихъ ламъ, какъ и во всякомъ

другомъ кругу, какъ и у всякаго другаго народа, встрѣчаются и лѣнивцы, и тунеядцы, и развратники; но за всѣмъ тѣмъ клеймить изъ за нихъ позоромъ цѣлое сословіе будетъ въ высшей степени не логично. И думается мнѣ, что если бы авторы упомянутыхъ мнѣній, прослѣдили бы жизнь ламъ болѣе основательно, и, не увлекаясь ни завзятыми взглядами, ни кое-какими, заимствованными главнымъ образомъ изъ Пекина да Урги примѣрами, посмотрѣли на дѣло какъ оно есть, они никогда не написали бы своихъ жестокихъ приговоровъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что ламы тунеядцы, обирающіе народъ и живущіе на народный счетъ. Но вѣдь уже по официальнымъ даннымъ число принявшихъ монашескіе обѣты въ Монголіи превышаетъ $\frac{5}{8}$ -хъ всего населенія. Спрашивается, кого же будутъ обирать эти ламы, если число ихъ является даже больше, чѣмъ людей свѣтскихъ и нужно ли послѣ этого говорить, что самую жизнь ламы поставлены въ необходимость работать на ряду съ миряниномъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Жизнь кочевника монгола не богата трудомъ вообще, на этомъ основаніи и у каждаго ламы довольно празднаго досуга, въ который онъ или лежитъ, или, на нашъ взглядъ, ничего не дѣлаетъ; но надо же помнить, что это обуславливается не какою либо сословною гарантіею, а составляетъ общій типъ жизни кочевника; тамъ же, гдѣ есть дѣло, трудятся совершенно одинаково и ламы, и простолюдины. Откройте книгу любого путешественника и вы увидите, что ламы попадаютъ ему работниками въ каждомъ встрѣчномъ караванѣ, отправляютъ обязанности возницъ на почтовыхъ станціяхъ, ѣздить смотрѣть на табуны своихъ лошадей; чего же больше, какую еще желать дѣятельность отъ монгола, если въ жизни его и нѣтъ другой дѣятельности? Мы рѣшаемся положительно утверждать, что ламы, живущіе въ степи, рѣшительно ничѣмъ не разнятся отъ людей свѣтскихъ. Они существуютъ точно такими же честными трудами, живутъ точно такими же добрыми семьянинами, какъ и всякій монголъ. Правда, сходясь съ женщиной, лама не платитъ колыма (кэс), не совершаетъ ни какихъ религиозныхъ церемоній, а просто перевозитъ въ свою юрту возлюбленную и дѣ-

лаетъ ее хозяйкой; правда, онъ не передаетъ своего имени дѣтямъ и въ официальныхъ спискахъ хошүна его дѣти значатся при имени ихъ матери; но все это вѣдь внѣшнія формы, которыя, при ихъ обычности, мало имѣютъ значенія для нравственнаго чувства,—въ сущности лама точно также любитъ свою жену и своихъ дѣтей, какъ и монголь, сочетавшійся бракомъ при исполненіи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и всѣхъ старинныхъ преданій. Могутъ сказать, что такихъ ламъ нечего и считать ламами. Съ этимъ конечно можно согласиться отчасти, ибо, погружившись въ житейскую суету, они въ самомъ дѣлѣ забываютъ и свои обѣты и свою монастырскую жизнь. Замѣчательно при этомъ, что на равнѣ съ простолюдинами они приносятъ свои пожертвованія въ монастырь и даютъ подаванія своимъ монастырскимъ товарищамъ. Мало того, степной лама, даже будь онъ гэлүнь, никогда не отслужитъ у себя на дому самаго простаго молебна и при каждой требѣ приглашаетъ ламу изъ монастыря. Короче сказать, — эти степные ламы дѣлаются ламами только въ дни великихъ хураловъ, когда отправляются они въ свой сумүнный хурѣ и совершаютъ, по чину, всѣ свои богослуженія. Обвинять въ тунеядствѣ, въ лѣности и развратѣ ламъ, живущихъ по монастырямъ, тоже не представляется возможнымъ. Мы описали день монастырскаго ламы и, надѣмся, изъ этого описанія видно, что у монгольскихъ ламъ, живущихъ по монастырямъ, не мало заботы на каждый день; хотя все сказанное доселѣ относилось лишь до общественной дѣятельности ламъ, а сколько у нихъ еще частной, домашней работы? Возьмемъ хоть переписку книгъ, почитаемую, по буддизму, за самое святое и необходимое дѣло, вследствие чего каждый домохозяинъ непременно уже имѣетъ у себя нѣсколько номовъ. Эта переписка номовъ совершается иногда съ удивительнымъ искусствомъ и рукописи ламъ являются по истинѣ великолѣпными произведеніями. При томъ не мало вѣдь фоліантовъ въ 300, 400 листовъ. Получить одинъ такой заказъ — и вотъ уже почти на годъ самой усидчивой работы, ибо писать тибетско-монгольскія рукописи ламскимъ үцзүкомъ—дѣло очень кропотливое и медленное. Прибавимъ еще, что религіозная ревность мон-

головъ побуждасть ихъ и заказывать, и исполнять копіи съ возможно большимъ совершенствомъ, а это послѣднее никогда не достигается безъ усилій вообще; въ частности же, въ дѣлѣ переписки монгольскихъ священныхъ книгъ, трудность достиженія совершенства обусловливается еще и самымъ матеріаломъ для переписки, такъ какъ достоинство копіи увеличивается чернилами, которыя употребляются при перепискѣ. Копія, начертанная киноварью, въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ написанная черными чернилами; копія серебрянными чернилами въ 108 разъ благодѣтельнѣе чѣмъ киноварью, копія, написанная золотыми чернилами, въ 108 разъ выше, чѣмъ написанная серебрянными; наконецъ, — написанная соединеніемъ семи цвѣтовъ радуги, въ 108 разъ выше написанной золотомъ. Помимо переписки книгъ, ламы занимаются еще выдѣлкой бурхановъ: они лѣпятъ ихъ изъ папьемаше и изъ глины; выдѣлываютъ кіоты для бурхановъ и нѣмовъ, отливаютъ жертвенныя чашечки и лампы, рисуютъ бурхановъ, вытачиваютъ четки, шиваютъ амулеты, въ родѣ нашихъ ладанокъ, дѣлаютъ жертвенные столы съ точеными ножками и украшеніями и проч. Конечно все это бездѣлье на наши глаза, выдѣлку бурхановъ и амулетовъ мы также назовемъ шарлатанствомъ, но все это почитаютъ великимъ дѣломъ тѣ, которые вѣруютъ въ святость и значеніе всего этого для духовной жизни. Впрочемъ производительность монастырскихъ ламъ не направлена къ удовлетворенію лишь потребностей духовныхъ: въ средѣ ихъ всегда находятся и лучшіе портные, ткачи, красильщики и т. д. Наконецъ самый необходимый предметъ для жизни монголовъ, юрты — выдѣлываются также въ монастыряхъ и такъ образ. монгольскіе монастырскіе ламы являются строителями всѣхъ домовъ во всей Монголіи вообще и для каждаго монгола въ частности. Читателямъ ясно отсюда, что монгольскіе монастырскіе ламы трудятся въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ монгольской простолюдинъ и обвинять ихъ въ бездѣтельности будетъ вполне несправедливо. Еще менѣе справедливо будетъ почитать ихъ пьяницами и развратниками. Безъ дѣла монгольскіе ламы никогда почти не выходятъ изъ монастыря, а въ стѣнахъ его развѣ по

вечерамъ посѣщаютъ они другъ друга, поговорятъ о новостяхъ, вспомнятъ бывшее и разойдутся. Угощеній при этомъ почти никогда не бываетъ, развѣ кто, получивъ изъ степей какую либо подачку, предложитъ ее своему гостю: случится при этомъ «архи» (водка), выпьютъ по чаркѣ архи; но покупать водку и пьянствовать въ монгольскихъ монастыряхъ не въ обычаѣ, да при томъ ламы не обладаютъ для сего и достаточными средствами.

Относительно дѣлежа доходовъ у ламъ различныхъ монастырей мнѣ приходилось наблюдать различныя правила. Въ монастыряхъ тѣхъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабинаровъ, содержаніе монастырскихъ зданій, равно какъ и самого хутухты, относится на счетъ податей, собираемыхъ съ шабинаровъ; доходы же, получаемые отъ богослуженій, всѣ сполна идутъ въ раздѣлъ ламамъ, поэтому-то ламы хутухтинскихъ монастырей получаютъ сравнительно больше, чѣмъ ламы другихъ обителей. Общимъ постановленіемъ относительно дѣлежа доходовъ можно считать только то, что, при раздѣлѣ доходовъ, имѣютъ право на часть только лица, вошедшіе въ монастырскіе списки и окончившіе полный курсъ ученія. За симъ въ посѣщенныхъ мною монастыряхъ ургинскаго Чжэбцзѹнъ-дамбѣ-хутухты, равно какъ и въ другихъ хутухтинскихъ монастыряхъ можно замѣтить слѣдующее: Дѣлежъ доходовъ совершается *иногда* непосредственно послѣ богослуженія и *непрерывно* въ дни мацаковъ, т. е. 8, 15 и 30 числа мѣсяца. Дѣлежъ непосредственно послѣ богослуженія бываетъ главнымъ образомъ тогда, когда отъ богослуженія много доходовъ, или когда оно совершается по частной просьбѣ какого нибудь милостынедателя; въ послѣднемъ случаѣ необходимымъ условіемъ является, чтобы приношеніе милостынедателя было настолько значительно, что могло бы удовлетворить всѣхъ участниковъ богослуженія полученіемъ одной, равной для всѣхъ доли. (Единицею мѣры служитъ при этомъ во всей Монголіи — шаръ-цай¹⁾), и если приношеніе таково, что на каждого изъ участвую-

---

1) О значеніи слова «шаръ-цай». См. наше сочиненіе «Ургинскіе хутухты», стр. 83.

щихъ въ богослуженіи членовъ общины не хватитъ и по одному шарà-цàю, то доходъ уже не дѣлится). Если доходъ отъ молебствія, совершаемаго по заказу, большой, то старшимъ ламамъ, гѣбкѹю и унзàту даютъ прибавочныя части; если же доходъ только удовлетворяетъ всѣхъ членовъ, то дѣлятъ безъ прибавки лишнихъ частей. Если доходъ отъ обычнаго дневнаго служенія, или же отъ заказнаго молебствія, такъ незначителенъ, что не достаеъ и по одной части (по одному шарà-цàю) на cadaго служащаго, то всю сумму дохода кладутъ въ сàнь (казнохранилище) и записываютъ, доводя объ этомъ до всеобщаго свѣденія хуварàковъ; доходы нѣсколькихъ дней, собранные такимъ образомъ и дѣлятся 8, 15 и 30 числа. Если доходъ совершенно ничтоженъ и выражается въ одномъ какомъ нибудь грошевомъ хадакѣ, то его отдаютъ унзàту. Дѣлежъ доходовъ 8, 15 и 30 чиселъ есть собственно дѣлежъ оффиціальнй и совершаемый по всѣмъ правиламъ монастырскихъ уставовъ. Сумма, подлежащая раздѣлу въ это время, составляетъ не изъ однихъ только оставшихся не раздѣленными доходовъ отъ храмовыхъ богослуженій, но еще, и притомъ главнымъ образомъ, изъ приношеній милостынедателей, которыя дѣлаютъ эти послѣдніе въ монастырскій сàнь, приглашая ламъ для отправленія требъ у себя въ домѣ. По своему количеству сумма эта всегда бываетъ на столько значительна, что даетъ возможность отличить бѣльшими частями дохода старѣйшихъ ламъ и наградить прибавками отличившихся. Кромѣ ламъ, начальствующихъ въ хурàлѣ и завѣдующихъ въ монастырѣ отдѣльными частями управленія и хозяйства, всѣ остальные хуварàки безъ различія своихъ степеней и безъ различія тѣхъ обязанностей, которыя исполняли они въ хурàлахъ, получаютъ равныя части. На этомъ основаніи обыкновенный гэлѹнь не отличается отъ обыкновеннаго гэцѹля; бàньди, читавшій молитвы, не отличается отъ бàньди, прислуживавшаго при богослуженіи, равно и музыкантамъ лишнихъ частей не полагается, хотя обязанности ихъ несравненно труднѣе. Если всѣ они отлично отправляютъ свою должность, или же особливо отличится своимъ стараніемъ и ловкостью одинъ какой либо изъ нихъ; то въ этомъ случаѣ

даютъ имъ лишнія части, но не иначе какъ въ видѣ частной награды. Такимъ же образомъ удостоиваютъ награды лишнею частью дохода и тѣхъ, которые отличаются своимъ чтеніемъ молитвъ. Низшимъ прислужникамъ, которые варятъ и поносятъ чай при богослуженіи духовенству, даютъ, если доходъ очень большой, по полной части, а если средній — по половинѣ части, если доходъ незначительный, то не даютъ вовсе. Тѣмъ хуварàкамъ, которые остаются въ домахъ для охраны ламскихъ жилищъ во время совершенія богослуженія, также даютъ по полной, или по половинной части. Ламѣ, который находится въ отлучкѣ по дѣламъ хурàла, тому кто не могъ участвовать въ богослуженіи по болѣзни, а равно и тому, кто, съ вѣдома гѣбкѹя, находился дома, присматривая за больнымъ, выдается полная, положенная часть; но если кто отправился въ степи къ милостынедателямъ по собственному желанію, или же поѣхалъ по личному приглашенію милостынедателя, но безъ спроса у гѣбкѹя, тѣмъ условленная часть дохода не выдается. Хуварàкамъ, которые состоятъ при ханбò-ламѣ и старшихъ ламахъ или въ качествѣ ихъ прислужниковъ, или же завѣдуя въ домахъ ихъ какими нибудь дѣлами, сколько бы этихъ хуварàковъ ни было, выдается полная часть. Если какого нибудь ламу пригласятъ для совершенія какого либо богослуженія въ степи и онъ будетъ по этой причинѣ отсутствовать въ монастырскомъ хурàлѣ, то ему части не полагается; если же онъ отправится, доложивши объ этомъ гѣбкѹю, а тѣмъ паче по назначенію сего послѣдняго, то ему выдается слѣдующая часть. Лишнія части однако не выдаются при этомъ ни въ какомъ случаѣ. Что касается этихъ лишнихъ частей, то они выражаются слѣдующимъ образомъ: ханбò-ламѣ полагается 5 частей (слѣдовательно лишнихъ 4); цорчжй и ширѣтѹ — 4 части; лацабу, гѣбкѹю, унзàту и вирбòт — 3 части; другія прибавочныя и наградныя части не опредѣленны: могутъ дать въ награду пол-части, одну часть, но никогда не свыше двухъ; во всякомъ случаѣ это зависитъ отъ опредѣленія главныхъ ламъ совмѣстно съ гѣбкѹемъ и, безъ ихъ согласія и опредѣленія, хуварàки сами по себѣ выдать лишнихъ частей никому не могутъ.

Въ посѣщенныхъ мною хошѹннхъ монастыряхъ, содержащихъ исключительно на средства, получаемыя отъ богослуженій и приношеній милостынедателей, доходы дѣлятся такъ: 7 частей откладываются въ монастырскій санъ и идутъ на мелкія нужды кумирни и принадлежности богослуженій. За симъ цорчжѣ-лама получаетъ 6 частей; ширѣту — 5 частей; лацабъ, старшіе гѣбкѹи, старшіе унзаты и старшіе дэмчѣ по 4 части; младшіе гѣбкѹи, младшіе унзаты, и нирба по 3 части; сверхштатные унзаты, гѣйкъ и цабрачѣ по 2 части; дэмчѣ и младшіе дэмчѣ по 1½ части; остальные получаютъ по одной части. Бурѣчи, бшкѹрчи и прочіе музыканты лишнхъ частей не получаютъ, хотя имъ можетъ быть прибавлено по цѣлой части, или по половинѣ. Отсутствующимъ въ хуралѣ даютъ по полной части только въ томъ случаѣ, если доходъ значителенъ, при незначительности же суммы дѣлежа имъ даютъ по половинной части.

Управленіе монастыремъ равно какъ и всѣмъ причисленнымъ къ нему духовенствомъ ведется старѣйшими ламами, по видимому, главнымъ образомъ на основаніи ихъ личныхъ соображеній; но нельзя не сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя и весьма рѣдко, они руководствуются еще постановленіями пекинскаго правительства, а равно и указаніями собственно буддійскихъ канонѣ относительно образа жизни и поведенія духовенства. На основаніи этихъ послѣднихъ, и еще болѣе на основаніи выработавшихся жизнью и переходящихъ по преданію обычаевъ, въ нѣкоторыхъ монастыряхъ составились свои особыя правила, обязательныя къ исполненію для всѣхъ начальствующихъ въ монастырѣ, такъ что по этимъ правиламъ они уже неотступно и судятъ нарушителей монастырскихъ постановленій. Въ мои руки попадало только двѣ различныхъ редакціи этихъ правилъ и я въ обоихъ случаяхъ сдѣлалъ точные переводы ихъ, которые и представляю теперь читателямъ. Первый экземпляръ правилъ былъ полученъ мною отъ гѣбкѹя Эрдэни-цзү'скаго монастыря. По преданію, эти правила были якобы редактированы окончательно четвертымъ монгольскимъ хубилганомъ Чжэбцзѹнъ - дамба - хутухты и съ тѣхъ поръ введены къ руководству въ большей ча-

сти монастырей этого гэгэна. Вотъ подлинный текстъ ихъ въ переводѣ:

«Если гэлунъ, гэцүль, или банди сдѣлаютъ преступленіе, относящееся до четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, или если будутъ уличены въ пьянствѣ, то такъ какъ они почитаются потерявшими обѣты, съ нихъ снимаютъ всѣ ламскія одежды и принадлежности и даютъ 80 ударовъ; за симъ, если есть у нихъ нѣмѣреніе исправиться, то имъ возстановляютъ обѣты и даютъ имъ новое, низшее мѣсто при богослуженіи; если же они упорно будутъ закоснѣвать въ порокѣ, то выгоняютъ изъ монастыря. Если при этомъ произведутъ они какой либо безпорядокъ, или совершатъ какое нибудь преступленіе внѣ монастыря, то безусловно изгоняются изъ обители и судятся по свѣтскимъ законамъ, а имущество ихъ поступаетъ въ монастырское казначейство.

Если лама только не много отступить отъ четырехъ основныхъ обѣтовъ монашества, если выпьетъ водку въ видѣ лекарства, или если пригубить, будучи упрасиваемъ и принуждаемъ другими, то онъ назначается на три дня мести монастырскій дворъ и очищать монастырскія нечистоты; за симъ ему назначаютъ сдѣлать 1000 поклоновъ и внести въ монастырское казначейство одну лошадь, или же такое количество денегъ, какое стоитъ лошадь. Если нѣтъ у него денегъ и имущества, то онъ обязанъ отработать потребное число дней и только послѣ того имѣетъ право присутствовать при богослуженіяхъ.

Если лама будетъ упорно повторять одни и тѣже проступки, уходить отъ своего учителя, ссориться съ другими, то ему даютъ 50 ударовъ и поручаютъ обратно учителю; какое затѣмъ назначить ему наказаніе дома — усматриваетъ учитель; въ противномъ случаѣ провинившагося посылаютъ на черныя работы при монастырскомъ казначействѣ;—копать землю, выносить нечистоты и проч.; если не исправится онъ и послѣ этого, то выгоняютъ его изъ монастыря.

Если какой лама будетъ совершать требы не по правиламъ, или станетъ лечить неправильно и нерадиво, то слѣдуетъ поставить его на колѣна въ кумирнѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного

дня. Данный ему гонораръ обратить въ монастырское казнохранилище и наконецъ назначить ему 1000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ не по правиламъ, а по своимъ личнымъ соображеніямъ переводить священныя книги, или будетъ неправильно гадать (ᠮᠣᠩᠭᠡᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ), то такового слѣдуетъ поставить на колѣна въ кумирнѣ во всѣхъ богослуженіяхъ одного дня, оштрафовать принесеніемъ чая въ пользу совершающихъ богослуженіе хувараконъ, назначить ему 1000 поклоновъ и взять клятву, что онъ не будетъ такъ поступать впослѣдствіи.

Если какой лама будетъ переносить сплетни и клеветать, а чрезъ это поссоритъ хувараконъ, то разслѣдуютъ это дѣло, виновнаго же клеветника или сплетника не принимаютъ за симъ въ свидѣтели по какому бы то ни было дѣлу на будущее время.

Если сплетня или клевета будетъ такого рода, что значеніе ея можетъ оказаться и за стѣнами монастыря, то виновному слѣдуетъ дать 30 ударовъ и взять съ него клятву, что онъ не будетъ поступать такъ впослѣдствіи.

Если какой лама, безъ всякой нужды, оставитъ у себя ночевать мірянина, то слѣдуетъ его поставить на колѣна въ кумирнѣ на время одного богослуженія; если же чрезъ это возбудится дѣло внѣ монастыря, то лама тотъ наказывается какъ и за сплетню.

Если какой лама произведетъ что-либо безчестящее другихъ, то слѣдуетъ поставить его на колѣна на время одного хурала и обязать внести чай, потребный для хувараконъ въ одномъ хуралѣ.

Если какой лама начнетъ какую нибудь срамную игру, то онъ наказывается 5-ю ударами.

Если два ламы поссорятся между собою изъ за какого нибудь не важнаго дѣла, то обоимъ дать по десяти ударовъ; если произведутъ ссору, ненавидствуя другъ на друга, то обоимъ дать по 25 ударовъ и за тѣмъ взять съ нихъ клятву, что они не будутъ помнить зла; если ссора перейдетъ въ драку, которая будетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ раны, то виновнаго судятъ, соображая величину и количество побоевъ.

Если какой лама произведетъ ссору со старшимъ себя, то слѣдуетъ ему предъ лицомъ того старшаго дать десять ударовъ;

если же старшій несправедливо прибѣтъ младшаго, то поставить его на одинъ часъ на колѣна въ кумирнѣ предъ полнымъ собраніемъ духовенства.

Въ особенности же если какой лама во время совершенія богослуженія начнетъ ссориться съ гѣбкѹемъ, не слушая его приказаній и упрямствуя встанеть съ своего мѣста, таковаго наказать 40 ударами и больше.

Если ламы произведутъ ссору во время хурала, то виновнымъ даютъ по 25-ти ударовъ, если же ссора будетъ имѣть какія либо послѣдствія, то разбираютъ дѣло.

Если какой лама самовольно уйдетъ изъ хурала, или же самовольно будетъ сидѣть дома, то дать ему столько десятковъ ударовъ, сколько часовъ онъ пропустилъ; если же будетъ уклоняться отъ богослуженія, то на сколько часовъ опоздаетъ, на столько часовъ поставить его на колѣна въ кумирнѣ предъ всѣмъ собраніемъ духовенства.

Если кто оставитъ дома свое оркимчжі, чашу и другія принадлежности, или, забывши ихъ, пойдетъ снова домой и возьметъ, то таковаго поставить на колѣна въ кумирнѣ на одинъ часъ.

Если при чтеніи молитвъ, читающіе будутъ произносить слова молитвы не внятно, какъ бы шепотомъ, бормоча и забѣгая впередъ, то должно испытать ихъ знаніе; если они окажутся незнающими на изусть, или плохо усвоившими себѣ молитву, то и учителей и учениковъ должно поставить на колѣна. Если во время богослуженія не будетъ кто читать молитвъ по лѣности, то поставить его на колѣна на одинъ часъ; если же не будетъ читать и послѣ этого, то наказать его по правиламъ объ упрствѣ.

Если кто либо умышленно испортитъ музыкальный инструментъ, какую-либо принадлежность богослуженія, или разорветъ листъ изъ книги, то таковаго надлежитъ наказать 20-ю ударами и заставить исправить попорченное.

Если какой бѣнди, хотя бы и не во время хурала, безъ позволенія учителя и гѣбкѹя пойдетъ въ гости, то наказать его 25-ю ударами. Если кто отправится съ разрѣшенія, но пропуститъ

срокъ, то на сколько дней опоздаетъ, столько пятковъ ударовъ слѣдуетъ дать ему въ наказаніе.

Въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, если бы кто либо сдѣлалъ то, чего не должно дѣлать, виновные наказываются сообразно съ мѣрою своего проступка.

Если какой либо изъ первенствующихъ ламъ (ханбò, цорчжй, ширѣгү) будетъ немилосердно жестокъ, не будетъ заботиться о хуварàкахъ, будетъ небрежно относиться къ преподаванію священнаго ученія, нарушать постановленія и распорядиться самовольно, то слѣдуетъ низвести его въ разрядъ простыхъ ламъ, а на мѣсто его поставить человѣка съ хорошими достоинствами, прямодушнаго, умнаго и внимательнаго къ хуварàкамъ.

Также точно и гэбкүй, если будетъ онъ неспособенъ къ управленію, не будетъ заботиться о правилахъ вѣры, будетъ двоедушень, будетъ льстить и снисходить къ знатымъ и нападать на низшихъ, если будетъ невнимателенъ къ хуварàкамъ и допускать различныя опущенія, низводится въ разрядъ простыхъ ламъ и замѣщается достойнымъ человѣкомъ.

Если первенствующіе ламы и гэбкүй сдѣлаются (по преклонности лѣтъ своихъ, или болѣзни) слабы и малоспособны къ прохожденію порученныхъ имъ частей управленія, то въ помощь имъ нужно придать способнаго человѣка.

Если они сдѣлаютъ опущенія по небрежности къ хуралу, и если опущеніе будетъ большое, то оштрафовать ихъ принесеніемъ чая духовенству; если опущеніе будетъ среднее, — лишить ихъ одной части дохода; если они совершатъ одно изъ основныхъ преступленій монашества, будутъ пить вино, то низводится въ разрядъ простыхъ ламъ и потомъ судятся; но при этомъ имъ слѣдуетъ назначать столько сотенъ поклоновъ, сколько ударовъ слѣдуетъ давать въ наказаніе обыкновенному ламѣ, столько сотенъ круговращеній во кругъ кумирни, сколько часовъ слѣдуетъ простоять на колѣнахъ обыкновенному ламѣ. Колѣностояніе одного дня замѣняется 700-ми круговращеній.

Если гэлүнъ затѣетъ игры или какое нибудь увеселеніе, ему назначается 500 поклоновъ, но при этомъ соразмѣряется еще и

величина самой затѣи; подобнымъ образомъ рѣшаются дѣла и относительно другихъ духовныхъ — гэцүлей и банди.

Если нирбà будетъ нерадѣть о казнѣ и стадахъ хуварàковъ, не будетъ знать цѣну имуществамъ, будетъ самовольно производить расходы, не будетъ готовить необходимаго и вообще обнаружить опущенія по должности, то отчислить его отъ управленія сàн'омъ (казначействомъ) и на его мѣсто поставить чело-вѣка способнаго и достойнаго; если онъ окажется растратившимъ имущество и скотъ, то заставить его пополнить растрату, при недостаточности же средствъ къ пополненію, отдать въ работы.

Если унзàгъ не будетъ заниматься изученіемъ чтеній, музыкальной игры и налбвовъ, но, живя въ лѣности и проводя время праздно, оставить всѣ дѣла и произведетъ своими распоряженіями беспорядокъ въ храмовомъ богослуженіи, то у него отнимаютъ присвоенную ему часть доходовъ и наказываютъ, поставивъ на колѣна во время богослуженія; если онъ сдѣлается вовсе не способнымъ, то низводится въ разрядъ простыхъ хуварàковъ; если онъ не будетъ исполнять приказаній, то подлежитъ наказанію по правиламъ объ упрямствѣ.

Если гэйкъ произведетъ опущеніе въ какомъ либо дѣлѣ, будетъ нерадивъ въ исполненіи порученій, если вмѣсто того, чтобы обойти и осмотрѣть тѣ мѣста, которыя приказано ему посѣтить, онъ самовольно пойдетъ куда либо еще, если вообще онъ выкажетъ лѣность, то наказывается пятью, десятью, пятнадцатью и болѣе ударами, смотря по величинѣ проступка. Если помимо сего онъ еще растратитъ, или попортитъ порученныя ему монастырскія вещи, то наказавъ его 25-ю ударами, заставить возмѣстить причиненный имъ монастырю убытокъ. Если онъ не будетъ въ состояніи возмѣстить убытковъ, то надлежащую сумму слѣдуетъ взыскать съ цорчжй, гэбкүя и унзàга».

Вторая редакція монастырскихъ правилъ была приобрѣтена мною въ южной Монголіи и именно отъ цорчжй-ламы-монастыря чахарскаго Дабанъ цзалана, кочевья котораго располагаются верстахъ въ 25 отъ Калгана и верстахъ въ 12 отъ пиншаньскаго перевала Цагәнъ-тологдй. Правила эти, какъ говорятъ, были

первоначально составлены хутухтою Донкоръ маньчжүшри, а изъ монастыря его разошлись по всѣмъ монастырямъ чахарскимъ; въ послѣдствіи они якобы подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, хотя измѣненія эти весьма не существенны. Вотъ дословный переводъ ихъ по редакціи, бывшей въ моихъ рукахъ:

«Вообще если кѣмъ либо изъ ламъ будетъ совершенъ незначительный проступокъ, то провинившемуся слѣдуетъ назначить положить нѣсколько поклоновъ въ кумирнѣ во время совершенія великаго хурала и послать его исполнять черныя работы въ монастырѣ; если проступокъ будетъ средній, то провинившемуся должно назначить сварить чай для хуваракъ, представить цзѣдъ къ богослуженію и, раскаяваясь въ своемъ грѣхѣ, класть поклоны; если проступокъ будетъ большой, то гѣбкүйъ наказываетъ провинившагося нѣсколькими ударами палкою (чжукбò), или же наконецъ виноватаго изгоняютъ вовсе изъ монастыря и снимаютъ съ него обѣты. Но если, при разборѣ проступка низшаго ламы, окажется, что виною проступка являются начальствующіе монастыря, если цорчжй-лама и гѣбкүйъ будутъ недостаточно строго управлять хуваракъами, не будутъ ихъ учить, если нерадивость ихъ сдѣлается извѣстною, или же будетъ засвидѣтельствована какимъ либо побочнымъ человѣкомъ, то слѣдуетъ обвинить этихъ начальствующихъ.

Если какой либо лама или банди завѣдомо совершитъ чрезвычайный проступокъ и произведетъ какое либо постыдное дѣло, его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и судятъ по гражданскимъ законамъ. Если при этомъ выяснится, что начальствующіе монастыря поступаютъ не строго, то должно лишить званія начальствующихъ монастыря, а потомъ заставить ихъ принести духовенству мѣнцзу и сдѣлать извѣстное число поклоновъ въ кумирнѣ. Если важный проступокъ будетъ совершенъ обыкновеннымъ ламой по нечаянности, то виноватому по окончаніи наказанія, которымъ долженъ онъ загладить этотъ проступокъ, назначаютъ принести мѣнцзу въ кумирню, сдѣлать въ хуралѣ 10,000 поклоновъ и даютъ ему снова обѣты.

Если какой лама выпьетъ водки и напьется пьянымъ, или совершитъ завѣдомо другое какое-либо, важное и постыдное дѣяніе, то проступокъ его заглаживается внесеніемъ въ монастырское казначейство одного девятка скота, помимо того ему назначаютъ 5,000 поклоновъ и заставляютъ его поновить обѣты. Если у провинившагося не будетъ скота, тогда ему даютъ 100 ударовъ плетью. Если при этомъ цорчжі и гѣбкүй будутъ относиться снисходительно къ виноватому, назначать ему меньшее наказаніе, то ихъ должно оштрафовать въ пользу монастыря одною лошадыю. Если лама будетъ уличенъ въ такого рода проступкахъ три раза, то его навсегда изгоняютъ изъ монастыря и обращаютъ въ простолюдина съ передачею въ вѣдомство хошѹннаго князя.

Если какой лама совершитъ важный проступокъ безъ умысла, если онъ будетъ ссориться съ своимъ учителемъ, если будетъ пресгунать монастырскія правила о благочиніи, будетъ разказывать о монастырскихъ дѣлахъ людямъ постороннимъ, въ средѣ самихъ хуварѣковъ посѣетъ смуту и раздоры, то онъ наказывается внесеніемъ въ монастырскій санъ одного девятка скота и кромѣ того ему назначается положить въ храмъ 3,000 поклоновъ. Если у него нѣтъ скота, то ему даютъ 80 плетей. Если цорчжі будетъ судить за эти проступки слабо, то ему должно назначить 1,000 поклоновъ.

Если какой лама будетъ отступать отъ правилъ, принятыхъ въ монастырѣ, не будетъ являться въ хошѹнный хуралъ, будетъ возбуждать несправедливые споры и противодействовать начальникамъ монастыря, будетъ заниматься куплей и продажей и производить другія неприличія такого рода, то его должно оштрафовать одною лошадыю въ пользу монастыря и назначить 1,000 поклоновъ; если нѣтъ у него скота, то дать ему 50 плетей. Если начальникъ монастыря будетъ въ этихъ случаяхъ давать послабленіе, то ему назначается простоять на колѣнахъ во все время совершенія одного хурала.

Если кто либо изъ ламъ своими смутами возбудитъ ссору между хуварѣками, будетъ скрывать проступки другаго, безъ

позволенія цорчжй и гѣбкѹя будетъ держать у себя водку, оставить почевать женщину; если гѣлѹнъ или гѣцѹль будетъ ѣсть вечеромъ пищу, то оштрафовать ихъ одною ланюю серебра (по большей части одною овцою) въ пользу монастыря и назначить положить 300 поклоновъ; если же у провинившагося не будетъ скота, то дать ему 25 плетей. Если цорчжй будетъ давать въ этихъ случаяхъ послабленіе, то наказать его поклонами въ кумирнѣ.

При ссорахъ, перешедшихъ въ драку и имѣвшихъ своими послѣдствіями раны и увѣчья, виновные хуварѣки подлежатъ суду гражданскихъ и духовныхъ властей совмѣстно, и наказываются по гражданскимъ законамъ.

Штрафъ, взятый съ ламъ за преступленія касательно пищи и водки, а равно и за произведеніе междоусобной смуты въ средѣ хуварѣковъ, поступаетъ въ монастырское казначейство (санъ); по другимъ же преступленіямъ, каковы: воровство, разбой и проч. мѣстоназначеніе этого штрафа опредѣляется по гражданскимъ законамъ.

Нѣкоторые, не пріобрѣтши въ дѣйствительности никакихъ знаній, дѣлаютъ изъ себя видъ ученыхъ, или, основываясь на протекціи, на богатствѣ и происхожденіи, нарушаютъ установленные монастырскіе обычаи; таковыхъ, смотря по величинѣ проступка и происшедшихъ отъ него результатовъ, должно ставить на колѣна на одинъ часъ во время совершенія хурала, или же наказывать 30, и 40 ударами плети.

Нѣкоторые, шатаясь безъ дѣла, не посѣщаютъ богослуженій; выставляютъ разныя причины, чтобы уйти отъ богослуженія; безъ дѣла бродятъ по юртамъ окружающихъ монастырь милостынедателей; во время совершенія богослуженія различными голосами безобразятъ общій и должный строй пѣнія, или же сидятъ, не читая молитвъ; если дадутъ имъ барабанъ, или какойнибудь музыкальный инструментъ, они не берутъ его; таковыхъ самовольниковъ слѣдуетъ ставить на колѣна въ хуралѣ и давать имъ, смотря по проступку, 20, или 30 ударовъ. Если кто сдѣлаетъ незначительный обманъ, не будетъ учиться въ то время, когда

можетъ учиться, будетъ постоянно думать объ играхъ и забавахъ, будетъ небреженъ и не исполнительенъ въ совершении того, что ему извѣстно, такового, смотря по величинѣ проступка, слѣдуетъ наказывать 10 или 20-ю ударами и кромѣ того дать ему еще правило».

Всякое большое или малое слѣдствіе о проступкахъ ламъ, а равно и соответствующее наказаніе за преступленіе производится во время хурала. Въ это время виновный выводится передъ собравшихся хуваракъовъ и тогда обстоятельства его преступленія излагаются подробно и во всеуслышаніе. Назначенные въ наказаніе поклоны и круговращенія считается гѣйкъ; если опредѣляется наказаніе ударами палкою (чжукбд), то эти удары отсчитываетъ тутъ же, въ кумирнѣ, гѣбкѣй; удары плетью производятся на крыльцѣ кумирни и подъ надзоромъ гѣйка. Если опредѣляютъ выгнать ламу изъ монастыря, то для производства этого дѣйствія ударяютъ въ кэнгэргэ (барабанъ) и собираютъ всѣхъ монастырскихъ ламъ въ кумирню. Здѣсь они усаживаются на своихъ мѣстахъ, а осужденный становится посреди кумирни, лицомъ къ бурханамъ. Вслѣдъ за симъ ламы начинаютъ читать молитву, называемую «билигѣнъ чжирѣхэнъ (сердце премудрости) и когда оканчиваютъ ее, то начинаютъ хлопать въ ладоши и трубить въ бѣрѣ. Въ это время къ осужденному подходитъ гѣйкъ, держа въ одной рукѣ бѣйпѣрѣ (кадильницу) съ наложнымъ въ него куреніемъ изъ можжевельника, а въ другой — палку, величиною въ аршинъ. Толкнувъ этою палкой въ правое плечо осужденнаго, онъ поворачиваетъ его въ сторону, противоположную солнцехожденію (ᠪᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) лицомъ къ дверямъ, затѣмъ медленно гонитъ его палкой изъ кумирни, окуривая каждый, пройденный имъ шагъ. У воротъ монастыря изгнаннаго ламу передаютъ хошѣнному, или сумѣнному гражданскому чиновнику, который на этотъ случай всегда командированъ мѣстнымъ правителемъ хушѣна.

Если изгнанный изъ монастыря лама снова пожелаетъ исправиться и вступить въ число членовъ монастырской братіи, онъ заявляетъ объ этомъ прежде всего своему хошѣнному князю. Получивъ согласіе князя, онъ обращается съ просьбою къ первен-

ствующимъ ламамъ монастыря, за симъ къ гѣбкѹю и унзѣту; если и эти послѣдніе согласятся на его принятіе, то объявляютъ о просьбѣ всей монастырской братіи, когда соберется она для совершенія богослуженія. По выслушаніи согласія ламъ, гѣбкѹй назначаетъ изгнанному возобновленіе обѣтовъ; черезъ нѣсколько дней выводитъ его въ хуралѣ передъ сидящихъ ламъ, заставляетъ его сдѣлать девять поклоновъ передъ бурханами и девять поклоновъ передъ ламами и затѣмъ указываетъ ему новое мѣсто, которое онъ долженъ занимать во время богослуженій.

Довольно часто бываетъ, что ламы и сами добровольно снимаютъ съ себя обѣты и уходятъ изъ монастыря. Это бываетъ во первыхъ, въ случаѣ смерти братьевъ, когда на ламѣ лежитъ обязанность жениться, чтобы продолжить свой родъ и, по выраженію монголовъ, «не погасить своего очага»; во вторыхъ, — въ военное время, когда многіе ламы, по своему желанію, поступаютъ въ военную службу и въ третьихъ, наконецъ, при недостаточности родителей, когда они состарѣваются и ихъ не кому пропитывать. Добровольно снятіе обѣтовъ совершается уже безъ всякихъ церемоній и даже не въ хуралѣ, а въ юртѣ настоятеля монастыря. Снимающій обѣты является къ настоятелю, принося ему лампаду, хѹчжи, дombо чаю и тарелку мяса. За симъ настоятель монастыря читаетъ молитву, а уходящій дѣлаетъ въ это время 500 поклоновъ; окончивъ поклоны, онъ подползаетъ на колѣнахъ къ настоятелю, который даетъ ему благословеніе (☩) возложеніемъ на голову его священной книги. Этимъ церемонія оканчивается и снявшій ламскіе обѣты, одѣвшись въ платье простолюдина, уходитъ изъ монастыря, забравъ все свое имущество.

Помимо вышеописанныхъ ламъ-монаховъ, живущихъ по монастырямъ, имѣющихъ различныя посвященія, совершающихъ хуралы, несущихъ разныя монастырскія должности и состоящихъ въ ближайшемъ отношеніи къ міру, вслѣдствіе необходимости удовлетворять духовнымъ потребностямъ своихъ милостынедателей — прихожанъ, въ буддійскихъ монастыряхъ являются еще ламы, не имѣющіе отношеній къ міру, но всецѣло посвятив-

шіе себя изученію буддизма и его научныхъ трактатовъ по части богословія, философіи, логики, риторики, поэзіи, просодіи, этики, медицины, астрологіи, алхиміи и пр. Общины такихъ ламъ мы встрѣчаемъ исключительно въ большихъ хутухтинскихъ обителяхъ, какъ напр. въ Ургѣ, Эрдэни-цзү, долонь-нүрскомъ Шарасумэ и др. Это, такъ называемые, «цанитскіе аймаки ламъ». Съ внѣшней стороны эти аймаки, или монастырскія отдѣленія, рѣшительно ничѣмъ не отличаются и отъ другихъ монастырскихъ аймаковъ: они имѣютъ у себя обыкновенныя кумирни, съ тѣми же начальствующими и должностными лицами, управляющими какъ дѣлами ламъ, такъ и дѣлами хураловъ; но внутренняя жизнь цанитскихъ общинъ уже совершенно разнствуетъ отъ жизни прочихъ монастырскихъ ламъ. Ламы «цанита» занимаются исключительно наукой. Составъ цанитскихъ аймаковъ пополняется изъ обыкновенныхъ монастырскихъ монаховъ, но никто не приходитъ сюда иначе какъ по сознательной и доброй волѣ, влекущей его къ наукѣ. Понятно, что при этомъ условіи, число цанитскихъ ламъ никогда не бываетъ велико: въ Ургѣ изъ общаго числа ламъ, доходящаго до 13,000, къ цанитскому аймаку едва принадлежитъ 150 человекъ. По моимъ наблюденіямъ въ Ургѣ, въ цанитскій аймакъ обыкновенно перечисляются молодые ламы въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ; это тѣ любознательные юноши, въ которыхъ ихъ наставники успѣли развить благородное стремленіе къ основательности и полнотѣ знаній. Не будучи удовлетворяемы обыкновенными учителями, они заявляютъ о своемъ желаніи слушать цанитъ настоятелю монастыря и послѣдній всегда немедленно же исполняетъ ихъ просьбу, сообщая только непосредственнымъ начальникамъ аймаковъ о перечисленіи такого то желающаго ламы изъ такого то аймака въ аймакъ цанитскій. Послѣ сего желающій прослушать цанитъ лама уже свободно переходитъ въ новую для него общину ламъ, гдѣ открывается ему и новая жизнь и новая наука.

Слово «цанитъ» (མཚན་ལོན་) съ тибетскаго въ переводѣ на русскій языкъ состоитъ изъ двухъ словъ: *цана* (མཚན་མ་),

монг. $\Theta\kappa\lambda\eta$) — мудрость и *нитъ* (ᠨᠢᠲᠦ , монг. ᠨᠢᠲᠦ) — основное свойство, сущность; то есть «ученіе, излагающее сущность мудрости»; въ буддійской терминологіи такъ называется ученіе высшей догматики буддизма. Собственно цанігъ есть упорядоченное толкованіе на отдѣльныя части Ганьчжүра. Такъ какъ послѣдній, по предметамъ, входящимъ въ составъ его изслѣдованій, раздѣляется на 4 части: 1) илэрхэй аймакъ саба, 2) судурунъ аймакъ саба, 3) винайнъ аймакъ саба и 4) ундүсү, то и цанігъ раздѣляется на тѣ же части. Самый краткій учебникъ цаніта, который по преимуществу и преподается въ Монголіи, заключается въ пяти томахъ. Онъ содержитъ въ себѣ краткую выборку мыслей, и толкованіе ихъ изъ первыхъ трехъ частей Ганьчжүра, а именно, илэрхэй аймакъ саба и судурунъ аймакъ саба излагаются въ первыхъ четырехъ томахъ, а винайнъ аймакъ саба въ одномъ томѣ, — пятомъ. Изученіе первыхъ двухъ отдѣловъ (т. е. илэрхэй аймакъ саба и судурунъ аймакъ саба) дозволяется буддизмомъ всякому; изученіе же винай, по правиламъ ламъ, предоставляется только принявшимъ духовныя обѣты; при этомъ еще винай раздѣляется на части: одна принадлежитъ принявшимъ обѣты убашй, другая — принявшимъ обѣты гэцүля, все же сполна доступно только изученію гэлүна. Чжүдъ, или ундүсү изучается отдѣльно отъ помянутыхъ частей и обыкновенно уже послѣ всѣхъ ихъ, ибо смыслъ его, по свидѣтельству ламъ, не можетъ быть даже и понятенъ незнакомымъ по крайней мѣрѣ съ двумя первыми частями.

Изученіе трактатовъ цаніта начинаютъ въ Ургѣ по большей части изслѣдованіемъ внѣшней природы вещей; таковъ трактатъ о внѣшней формѣ предметовъ, ихъ цвѣтѣ и пр.; за сямъ переходятъ къ трактату о бытіи (существованіи) предметовъ и небытіи (ши-дубъ, монг. шитүгэнъ-бүтүгэхсэнъ); здѣсь изслѣдуются вопросы о происхожденіи предметовъ: вѣчны ли они, или не вѣчны, подвержены ли разрушенію, или нѣтъ, существуетъ ли что либо вѣчно, могутъ ли быть названы вѣчными или нѣтъ стихія воздуха, духъ, божественная премудрость и пр. и почему? За сямъ

излагается о причинахъ и слѣдствіяхъ (чжу-брай, རྒྱ་འབྲས་, монг. шилтагāнъ үрэ); сюда принадлежатъ вопросы о томъ, есть ли въ природѣ вещи безпричинныя, или не имѣющія послѣдствій, какія именно, почему они могутъ быть названы, или не могутъ быть причисленными къ отдѣлу безпричинныхъ, или не имѣющихъ послѣдствій и пр. Новый, слѣдующій за симъ отдѣлъ, разсматриваетъ свойства человѣческаго духа (мысли, знаній и другихъ проявленій его), этотъ отдѣлъ называется «оюну цзуйль».

Отдѣлъ «судурунъ аймакъ саба» начинаютъ изученіемъ парчина, въ которомъ излагается путь къ достиженію святости будды, дѣянія бодисатвъ, исторія будды Шигэмунія и пр. Должно замѣтить, что все ученіе цанита излагается въ вопросахъ, по данному же отдѣлу вопросы предлагаются въ родѣ слѣдующихъ: гдѣ находился будда послѣ того, какъ рѣшился онъ дѣйствовать на благо существъ; гдѣ онъ перерождался, у кого и отъ кого? Или: что должно лежать въ основѣ стремленія къ достиженію состоянія будды? (желаніе быть буддою). Зачѣмъ и почему такое желаніе? и пр. Толкованій парчина весьма много, едва ли не болѣе всѣхъ другихъ отдѣловъ цанита. Такимъ образомъ изъ біографіи Цзонхавы мы узнаемъ, что еще во времена Цзонхавы было издано пространное толкованіе парчина Чжамцанъ ламою, но, несмотря на его величину, Цзонхавъ призвалъ его менѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ найденное имъ въ монастырѣ Нартанъ и составленное гэбши ламою Нья-бо-Гун-га-балъ. Всего же по біографіи Цзонхавы мы видимъ болѣе 20 различныхъ сочиненій по предмету толкованія парчина. Вторая часть отдѣла «судурунъ аймакъ саба» — Ума говоритъ прежде всего о скептицизмѣ въ знаніяхъ, а основу дальнѣйшихъ трактатовъ имѣетъ въ трехъ отдѣленіяхъ Юма: объясняетъ истинныя свойства пустоты и указываетъ путь избавленій отъ орчилана.

Отдѣлъ «винанинъ аймакъ саба» разсматриваетъ ученіе о постахъ и обѣтахъ, при чемъ излагаются въ подробномъ перечнѣ всѣ обѣты, случаи ихъ нарушенія и пр. Таковы вопросы о томъ, можетъ ли считаться нарушеннымъ постъ, если человѣкъ про-

глотивъ застрявшее въ зубахъ его со вчерашняго дня мясо? Кроме того, въ винѣ же изложенъ уставъ богослуженій: какимъ образомъ и когда какія должны быть совершаемы, какія богослуженія содѣйствуютъ отпущенію какого рода грѣховъ, болѣзней и пр.

Время происхожденія цанитскаго ученія въ точности неизвѣстно, но въ біографіи Цзонхавы, между прочимъ, сообщается, что Цзонхавъ на 19-мъ году отъ роду, въ годъ зайца (1375) отправился въ монастыри Сан-пу и Даванчинъ и установилъ здѣсь «богослужебный обмѣнъ» (хуралунъ - хэсүлгэ). Въ объясненіе этого термина приводится самый порядокъ установленнаго обряда, именно: по оповѣщеніи монастырскаго духовенства, все множество его, имѣя во главѣ верховныхъ ламъ, совершало богослуженіе. Послѣ сего всѣ ученые монастыря и прежде всего первенствующие вставали и излагали ученіе; при этомъ, подробное разъясненіе смысла ученія, которое могло быть представляемо въ отвѣтъ на всякій вопросъ каждымъ знающимъ ламой, и называлось «богослужебнымъ обмѣномъ»¹⁾). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ описаніи біографіи разумѣется именно школа цанита, но установилъ ли Цзонхавъ цанитъ въ это время, или онъ только ввелъ его уже существовавшей въ помянутые монастыри, этого нельзя рѣшить по не опредѣленности текста. Припомнимъ однако, что самъ Цзонхавъ имѣлъ своимъ воспитателемъ цорчжй Дунрүбъ-ринчина, который носилъ званіе гэбши, даваемое только изучающимъ цанитъ. Монгольскіе ламы введеніе цанита приписываютъ Цзонхавѣ но, кажется, съ большею достовѣрностію можно положить, что Цзонхавъ былъ только учредителемъ и изобрѣтателемъ обрядовой стороны цанита, изученіе котораго существовало и прежде вмѣстѣ съ его званіями и, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, учеными степенями. Послѣднее мнѣніе кажется намъ тѣмъ болѣе справедливымъ, что изъ той же біографіи видно, какъ Цзонхавъ постепенно переходилъ къ составляемой имъ

---

1) Хамугй айладухчи йэхэ богдэ Цзонхаваннъ гэгэну намтаръ. Гл. 3-я, л. 7—10-й.

формѣ цанита. Уже послѣ основанія въ помянутыхъ монастыряхъ «хуралунъ-хэсүлгэ», онъ самъ, слушая чжудь (ᠬᠤᠰᠤᠯᠦᠭᠡ) у ламы Римдамбѣ, прослушалъ часть *наставительно*, получая урокъ и наставленіе на каждый отдѣльный трактатъ; а часть *состязательно*, или, какъ говоритъ сама біографія, «прослушалъ, вводя разговорный способъ объясненій, свойственный тому, который практикуется и нынѣ у изучающихъ цанитъ». (ᠬᠤᠰᠤᠯᠦᠭᠡ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠨᠠᠭᠤᠨ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠵᠢᠭᠤᠰᠣᠨᠢᠨᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠤᠨ «).

Эти же самые способы наставительнаго и состязательнаго изученія цанита практикуются и въ настоящее время. Лама, перечислившійся въ цанитскій аймакъ, прежде всего слушаетъ цанитъ наставительно, изучая цанитское ученіе и слушая толкованіе его отъ своего наставника. Когда онъ изучитъ такимъ образомъ первые четыре тома цанита, заключающіе въ себѣ «илэрхэй аймакъ сабѣ» и «судурунъ аймакъ сабѣ», а равно и соотвѣтствующую своимъ посвященіямъ часть винаи, онъ получаетъ званіе «гэбши», (ᠭᠡᠪᠰᠢ, монг. ᠭᠡᠪᠰᠢ ᠦ) и можетъ принимать участіе въ изученіи цанита состязательномъ. Впрочемъ къ состязательному изученію цанита именно въ эту пору приступаютъ очень не многіе. Въ цанитскіе аймаки приходятъ по большей части ламы, имѣющіе посвященіе гэцүля; поэтому, окончивъ соотвѣтствующее степени своего посвященія изученіе отдѣла «винайнъ аймакъ сабѣ», они принимаютъ посвященіе въ гэлүна и продолжаютъ дальнѣйшее изученіе винаи. Еще дальше они принимаютъ бодисадуйнъ санваръ и тарнийнъ санваръ, послѣ чего приступаютъ къ изученію послѣдней части цанита ундүсү (ᠤᠨᠳᠦᠰᠦ). Только изучивъ цанитъ сполна и запасшись всѣми благодатными силами, даруемыми посвященіемъ, монгольскіе ламы и приступаютъ къ цанитскимъ состязаніямъ, или диспутамъ.

Порядокъ этихъ диспутовъ въ настоящее время слѣдующій. По окончаніи утренняго богослуженія, ламы, намѣревающіеся давать объясненія встаютъ съ своихъ обычныхъ мѣстъ и са-

дятся на приготовленныхъ для нихъ сѣдалищахъ у горнаго мѣста кумирни. Имѣющій давать вопросы встаетъ, снимаетъ шапку и мантію, оставляя ихъ на своемъ мѣстѣ въ общемъ ламскомъ кругѣ, и подходитъ къ своимъ диспутантамъ. Ставъ передъ ними и держа четки въ правой рукѣ, онъ прежде всего ударяетъ правою ладонью лѣвую, послѣ чего разводитъ руками, опуская лѣвую ладонь къ низу, а правую поднимая вверхъ, причемъ произноситъ «дисъ»! Опушеніе лѣвой ладони къ низу въ таинственномъ смыслѣ знаменуетъ прикрытіе дверей адовъ, дабы не возрождались въ нихъ существа; поднятіе правой руки означаетъ возведеніе изъ мѣстъ злополучныхъ перерожденій существъ, которыя наслѣдовали эти перерожденія прежде, за свои грѣховныя дѣянія; возгласъ «дисъ» составляетъ слогъ, изображающій сердечную сущность (чжирүкхэнү тәрни) Маньцзушри, почитаемаго источникомъ мудрости, и назначается какъ бы для свидѣтельства о призываніи божественной помощи къ разъясненію истины. Послѣ сего лама-совопросникъ предлагаетъ свой вопросъ первому изъ сидящихъ и если тотъ не отвѣчаетъ, снова ударяетъ въ ладоши, и снова предлагаетъ тотъ же вопросъ; ударъ въ ладоши долженствуетъ свидѣтельствовать собою горячность, съ которою спрашивающій относится къ диспуту. Если разрѣшающій вопросъ не отвѣтитъ послѣ повторенія ему вопроса въ третій разъ, спрашивающій касается рукою до праваго плеча его, что означаетъ побѣду, и переходитъ ко второму сидящему для отвѣтовъ ламѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Когда вопросъ разрѣшенъ удовлетворительно, предлагается къ обсужденію другой и т. д.

Каждый лама, сполна изучившій цанитъ (гэбши) и удовлетворительно выдержавшій по каждой изъ частей его состязательное испытаніе, получаетъ званіе габчжу (ᠭᠠᠪᠴᠢᠵᠤ, монг. ᠭᠠᠪᠴᠢᠵᠤ ᠭᠡᠪᠴᠢᠵᠤ "). Говорятъ, что съ этого времени цанитскіе ламы получаютъ право носить особую шапку, (ᠭᠠᠪᠴᠢᠵᠤ ᠭᠡᠪᠴᠢᠵᠤ ") которая дѣлается изъ гладкой бересты, по формѣ своей тулья представляетъ котелокъ и снабжена громадными, прямыми полями. Съ наружной стороны эта шапка вся вызоло-

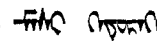
чева, туля ея украшена изображеніемъ «улцээй-утасу»), а на вершинѣ утверждается превосходящее обычное по своимъ размѣрамъ, вызолоченное изображеніе вачіра. Получивъ званіе габчжү, нѣкоторые изъ цанітскихъ ламъ иногда уходятъ добровольно, а иногда назначаются въ другіе монастыри, въ которыхъ цанітъ не преподается: въ этихъ монастыряхъ они обыкновенно занимають должность «ном'унъ ламъ». Должно сказать однако, что такое назначеніе дѣлается не иначе, какъ по желанію самаго ламы, а желаніе это не обнаруживаютъ многіе. Большая часть цанітскихъ ламъ, по полученіи званія «габчжү», остается по старому въ своемъ цанітскомъ аймакѣ и приступаетъ къ спеціальному изученію какой либо одной части буддійской науки. Эти ламы причисляются такъ сказать къ одному, избранному факультету и изучаютъ или а) илэрхэй аймакъ саба, или б) судурунъ аймакъ саба, или в) винаинъ аймакъ саба, или д) медицину, или е) астрологию, или наконецъ ф) тарнистическія системы, т. е. отдѣлъ магіи и заклинаній. Замѣтимъ при этомъ, что предметы, входящіе въ составъ этого послѣдняго факультета, почитаются самыми трудными, почему изученію ихъ предшествуетъ весьма многое изъ отдѣла «илэрхэй аймакъ саба». При такомъ составѣ факультета ламы его, естественно, являются и болѣе учеными и болѣе почтенными: они не только знаютъ точный смыслъ писаній, но еще держатъ въ своихъ рукахъ таинственныя силы управленія природой.

Жизнь цанітскихъ ламъ, съ тѣхъ поръ какъ причисляются они къ избранному факультету, дѣлается похожею на жизнь ученыхъ вообще. Все свое время они проводятъ въ чтеніи и составленіи выписокъ изъ различныхъ сочиненій по своей спеціальности, изучаютъ различныя толкованія по отдѣльнымъ, занимающимъ ихъ вопросамъ, производятъ сличенія текстовъ и пр. и пр. Весьма часто, неудовлетворяясь запасомъ ученыхъ пособій и изысканій въ своемъ монастырѣ, они предпринимають путешествія въ другіе монастыри, славные своей постановкой цаніта. Эти путешествія, какъ и блужданія ламъ «сүцзүктү»), совершаются рѣшительно безъ всякихъ средствъ и весь багажъ путешествую-

шаго цанитскаго ламы ограничивается небольшою котомкой, въ которой лежатъ его духовныя одежды, да нѣсколько необходимыхъ книгъ и выписокъ. Все содержаніе въ дорогѣ цанитскій лама получаетъ отъ милостынедателей. Достигнувъ цѣли своего путешествія, т. е. извѣстнаго цанитскаго монастыря, лама прямо съ своей котомкой, надѣвъ только духовныя одежды, входитъ въ хуралъ, садится на свое мѣсто ¹⁾ и вмѣстѣ съ совершенно незнакомыми ему хуваракѣми начинаетъ чтеніе отправляемаго богослуженія. По окончаніи хурала, когда начинаются религіозныя диспуты, онъ выходитъ первымъ и прямо предлагаетъ интересующіе его вопросы. На представляемые ему отвѣты онъ высказываетъ возраженія и возбуждаетъ обыкновенно самыя оживленные споры. По окончаніи хурала его обступаютъ всѣ съ вопросами, откуда онъ, куда идетъ, чего ищетъ, что имѣетъ въ литературѣ замѣчательнаго его монастырь и такъ дальше: дѣло бесѣдъ сводится за симъ на отдѣльныя выраженія въ какомъ либо сочиненіи, которыя нужно провѣрить, сличить и проч. Послѣ этихъ первыхъ бесѣдъ, лама путешественникъ остается въ юртѣ какого либо монаха, живетъ на общій монастырскій счетъ, штудируетъ неизвѣстныя ему сочиненія, прослушивая толкованія ихъ отъ знакомыхъ уже съ этими сочиненіями ламъ и т. д. Такъ проживаетъ онъ въ чужомъ монастырѣ, смотря по нуждѣ, два, три мѣсяца, полгода, а иногда годъ и больше. Окончивъ занятія, лама-путешественникъ или возвращается домой, или же направляется за разъясненіемъ другихъ, интересующихъ его вопросовъ въ новый цанитскій монастырь. Такъ ведутъ дѣло монгольскіе

---

1) Выше, при описаніи чжабдѣновъ, или ламскихъ сѣдалищъ въ кумирнѣ я забылъ упомянуть одну частность относительно ихъ постановки. Чжабдѣны, какъ было сказано, поставляются рядами и, смотря по количеству ламъ, числящихся въ спискахъ монастыря, такихъ рядовъ бываетъ два, три, пять, десять и больше; проходы между этими рядами устраиваются никакъ не шире $\frac{3}{4}$ аршина. За симъ въ нѣкоторомъ отдаленіи поставляется еще рядъ чжабдѣновъ, на которыхъ сидятъ ламы, еще не вошедшіе въ монастырскіе списки; а отдѣльно отъ нихъ устраивается еще одинъ рядъ, назначаемый для ламъ чужихъ монастырей. Такимъ то образомъ каждый лама всюду можетъ найти свое мѣсто.

цанитскіе ламы въ своей родной Монголіи; но завѣтную мечту для каждаго изъ такихъ ученыхъ представляютъ тангутскіе монастыри, какъ напр. Гумбумъ, а еще больше Тибетъ, — эта сокровищница буддѣйской мудрости и всякаго рода пособій къ приобрѣтенію ея. Путешествіе въ Тибетъ представляетъ однако собою для монгольскихъ ламъ уже значительныя трудности, ибо оно не можетъ быть совершенно подобно тому, какъ путешествуютъ ламы по Монголіи, — безъ всякихъ средствъ; хотя нужно сказать, что монгольскіе ламы умѣютъ обходиться подѣ часъ весьма не многимъ. Мнѣ случилось видѣть въ Ургѣ цанитскихъ ламъ, которые, имѣя 200 и даже 170 ланъ серебра (около 400 и 340 рублей), умѣли не только съѣздить въ Тибетъ, но даже прожить тамъ по два года. Положеніе цанитскихъ ламъ въ Тибетѣ является опять таки отличнымъ отъ положенія ихъ въ цанитскихъ монастыряхъ монгольскихъ и если мы видѣли, что на родинѣ у себя каждый цанитскій лама является въ чужой монастырь какъ въ свой, входитъ прямо въ хуралъ, вступаетъ прямо въ диспуты, то далеко не такъ бываетъ въ Тибетѣ. Самый ученый монгольскій габчжү, пришедши въ Тибетъ, дѣлается простымъ ученикомъ: избираетъ себѣ учителя, слушаетъ его толкованія и только по его рекомендаціи можетъ получить право на участіе въ состязаніяхъ. Конечно, хорошо подготовившіеся дома монгольскіе ламы получаютъ это право сравнительно очень скоро, — самое долгое, говорятъ, мѣсяца черезъ три; съ этого же времени они приступаютъ и къ спеціальнымъ занятіямъ по избранному ими факультету, такъ какъ выдерживать полный искусь состязаній для полученія степени габчжү, имъ, какъ уже получившимъ таковую, признается не нужнымъ. Взамѣнъ они должны являться къ каждому состязательному хуралу, относящемуся до спеціальности ихъ знаній, слушать происходящіе диспуты и наконецъ принимать участіе въ нихъ. Прошедшіе полный курсъ по избранной спеціальности и успѣшно выдержавшіе диспуты получаютъ для себя новыя, высшія, ученыя степени, полученіе которыхъ уже невозможно въ Монголіи. Первая изъ такихъ степеней есть — Рабч-жамба (རྩ་བླ་མ་པ་ монг.) Монгольскихъ ламъ,

имѣющихъ эту степень, можно встрѣчать довольно часто и едва ли не будетъ вѣрно сказать, что каждый порядочный цанитскій лама, прослушавшій курсъ цанита въ Тибетѣ, получаетъ степень Рабч-жамба. Болѣе рѣдко попадаютъ въ Монголію ламы, имѣющіе степень—«Дбрамба», которую получаютъ они главнымъ образомъ въ тибетскомъ монастырѣ Лабранъ. По разказамъ монголовъ, изученіе цанита въ этомъ монастырѣ самое обширное: ламы ведутъ здѣсь свои состязанія не только въ хуралахъ, но и дома, на улицахъ, въ степи, — словомъ гдѣ бы только они ни сошлись. Официальные диспуты производятся предъ дверями главной кумирни, на особомъ каменномъ портикѣ, называемомъ «дабчжа».—Ламы, прослушавшіе въ Тибетѣ курсъ тарнистическаго ученія, получаютъ степень Нгарамба (ལྷན་པ་རྩམས་པ་). Наконецъ выдержавшіе цанитское состязаніе передъ кумиромъ Хласскаго Цзү удостоиваются еще, по слухамъ, степени Хла-рамба (ལྷ་རྩམས་པ་); но таковыхъ въ Монголіи, кажется, во все не имѣется, по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ни одного хла-рамбы, да и собесѣдники мои монголы не могли припомнить мнѣ кто-бы изъ монголовъ получалъ эту степень.

Совершенно особый классъ духовенства составляютъ въ Монголіи такъ называемые «дайнчи», (རྣམ་པུ་ཅུ, тиб. བསམ་གཏན་པ་) или ламы созерцатели. Въ народѣ они прямо пользуются названіемъ святыхъ и это весьма естественно, не только потому что отличная отъ всѣхъ прочихъ жизнь дайнчи поражаетъ собою простоту, но и потому что само ученіе буддизма жизнь созерцательную предпочитаетъ жизни дѣятельной, или практической. Въ сочиненіи «Рашиянъ нѣмъ» напр. прямо говорится, что «человѣкъ, стяжавшій своею дѣятельностью собраніе добродѣтельныхъ поступковъ, пріобрѣтетъ въ будущемъ только высокій родъ (перерожденіе); такъ какъ добродѣтель и плоды ея осуждены все таки на то, чтобы вращаться въ орчилянѣ (мірѣ матеріальномъ); но тотъ, кто будетъ совершать созерцанія, стараясь уразумѣть смыслъ основныхъ свойствъ пустоты, несомнѣнно отрѣшится отъ всего матеріальнаго и пріобрѣтетъ святость

иногда 30 дней, а иногда 49. Въ теченіе этого времени лама-созерцатель не видитъ никого изъ людей, принимаетъ пищу иногда разъ въ день, а иногда разъ въ два и три дня. Пищу эту готовить и приносить прислужникъ и ставить въ зауроченное мѣсто, послѣ чего беретъ ее созерцатель но такъ, чтобы опять таки не видать и своего прислужника. Окончивъ созерцаніе, лама возвращается въ монастырь и начинаетъ вести свою обычную жизнь съ тою только разницею, что за нимъ закрѣпляется слава созерцателя и слѣдовательно онъ начинаетъ пользоваться бѣльшимъ почетомъ. Мнѣ много разъ приходилось встрѣчаться, жить и говорить съ такими дайнчи, но добиться отъ нихъ чего либо дѣльнаго по отношенію къ вопросамъ, какъ провелъ каждый изъ нихъ время въ созерцаніи, какъ и что созерцалъ, что испыталъ и прочувствовалъ, — я рѣшительно не могъ: одни изъ этихъ созерцателей, отъ которыхъ можно было бы узнать что либо, отвѣчали мнѣ, что это нигуца (тайна); другіе были такъ неразвиты и невѣжественны, что трудно и представить, что могли они думать, сидя въ созерцаніи? Мнѣ кажется, что подъ своей дѣйной они ничего не могли разумѣть помимо подвига одиночества и поста. Но совершенно другаго сорта дайнчи, посвятившіе на подвиги созерцанія всю свою жизнь; для таковыхъ въ Монголіи имѣются и особые монастыри, носящіе названіе «хит'овъ», или «хит'овъ». Мнѣ, въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, удалось посѣтить два такихъ монастыря: одинъ—неподалеку отъ Урги, въ мѣстности «Уланъ бахча», другой—неподалеку отъ Цаганъ улайнъ сүмэ, въ кочевьяхъ Чахаровъ. Монастыри эти живутъ на совершенно особыхъ началахъ. Они содержатся прямо на счетъ шабинаровъ и собственныхъ доходовъ не имѣютъ почти никакихъ. Богослуженій въ нихъ также почти не совершается, ибо ламы обитатели монастыря, большею частью просиживаютъ, заключившись въ одиночество и исполняя трудные подвиги дѣйны. При монастырѣ имѣются должностныя лица въ званіи цорчжй, гѣбкүя, унзата и нирбы, остальныхъ же не полагается за исключеніемъ низшихъ прислужниковъ каковы, тахильчи, джамà и дуганчи. Въ чахарскомъ дайнчинъ хит'ѣ я прожилъ шесть дней,

но говорить съ кѣмъ либо изъ ламъ созерцателей мнѣ не пришлось. Остановившись на квартирѣ у нирбѣ, я только въ бесѣдахъ съ нимъ могъ удовлетворять свое любопытство, хотя добродушный старикъ могъ разказать мнѣ очень не многое. По словамъ его, всѣ ламы, поступающіе въ хитъ (въ 1878 году ихъ со всѣхъ чахарскихъ кочевьевъ было только 23 человекъ), являются сюда, изучивъ предварительно высшую догматику буддизма въ школахъ цанитскихъ. Приходятъ по преимуществу въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ, въ 30 лѣтъ дайнци являются очень рѣдко, а ранѣе 30-ти ихъ не бываетъ вовсе. Дозволеніе остаться въ монастырѣ они испрашиваютъ у цорчжй, который, оставивъ новоприбывшаго, на первое время поселяетъ его въ своей юртѣ, испытываетъ его въ знаніи молитвъ и богослуженій и наконецъ, убѣдившись лично въ его неліцемерномъ стремленіи къ созерцаніямъ, поручаетъ его руководству одного изъ старѣйшихъ ламъ созерцателей. Выборъ наставника опредѣляется чисто случаемъ. Новоприбывшій отшельникъ ввѣряется руководству того изъ старѣйшихъ дайнци, который прежде другихъ по времени очнется отъ своихъ созерцаній и, вышедши изъ своего заключенія, явится въ кумирню для совершенія хурала. Здѣсь цорчжй рекомендуетъ ученика его «судьбою предназначенному» руководителю (འགྲུབ་པ་གྲུབ་པ་) и съ этого дня новоприбывшій включается въ списокъ монастырскихъ ламъ-дайнци. Въ тотъ же день ему ставится юрта на ряду съ юртою его учителя, хотя первые десять, пятнадцать дней ученикъ и не живетъ въ этой юртѣ, а пробываетъ въ юртѣ и обществѣ своего руководителя, выслушивая его наставленія. Утвердившись въ правилахъ новой жизни, молодой дайнци переходитъ уже въ свою келью и начинаетъ предаваться созерцаніямъ. Съ своимъ наставникомъ на первое время онъ видится черезъ два, три дня; потомъ въ дни мацаковъ, т. е. 8, 15 и 30 чиселъ; при совершенствѣ въ созерцаніяхъ является къ нему только въ случаѣ нужды. Объ этихъ свиданіяхъ ученика съ учителемъ нирбѣ передавалъ мнѣ множество интересныхъ разказовъ. Ученикъ, являясь къ учителю долженъ непременно распростереться предъ нимъ ницъ по землѣ и крѣпко обнять его

колѣна; подняться же и сдѣлать нужный докладъ учителю онъ можетъ только тогда, когда учитель благословитъ его, положивъ руку на его голову; но при этомъ дайнчи обязаны взаимно охранять спокойствіе другъ друга. Бывали случаи, что ученикъ, явившись къ учителю и распростершись предъ нимъ ницъ, заставлялъ его погруженнымъ въ созерцаніе и вотъ, чтобы не прервать мысль учителя, онъ оставался безъ движенія въ своемъ распростертомъ положеніи три дня. Съ другой стороны бывало и то, что учитель, очнувшись отъ дѣянія, видѣлъ предъ собою своего распростершагося ученика; но въ тоже время онъ замѣчалъ, что руки этого ученика сжимаютъ его колѣна не съ должною силою, что они ослабѣли, а это вѣрный признакъ того, что ученикъ самъ погрузился въ дѣяніе. Учитель долженъ въ этомъ случаѣ охранять покой ученика еще съ большею ревностью, ибо созерцаніе предъ ликомъ учителя самое счастливѣйшее и нерѣдко приводитъ къ полному просвѣтленію. Въ знакомствѣ съ кѣмъ либо изъ ламъ-созерцателей цорчжі дайнчійнъ хита, равно какъ и мой гостепріимный хозяинъ—нирбѣ мнѣ рѣшительно отказали; такимъ образомъ поговорить о душевномъ настроеніи, которое испытывается въ періодъ созерцанія съ самими созерцателями мнѣ не пришлось. «Что же дѣлаютъ эти дайнчи и какъ производятъ они свои созерцанія»? спрашивалъ я у нирбѣ. «Ничего, былъ отвѣтъ, просто сидятъ и въ это время, даже не перебирая четокъ, созерцаютъ». (Цзүгѣръ сүгатад, эрихэ чи татад уга, бисылгѣд бисылгачжі байна). Я попросилъ нирбѣ показать мнѣ созерцателей хотя бы украдкою, и онъ согласился на это, обѣщая взять меня съ собою въ то время, когда пойдетъ разносить пищу ¹⁾). Мы отправились. Я полагалъ, что нирбѣ имѣлъ намѣреніе поразить меня видомъ созерцателей и потому повелъ меня къ юртѣ самага строгаго подвижника. Приподнявъ дѣбуръ, я посмотрѣлъ въ

---

1) Дайнчійнъ хитъ можно скорѣе всего назвать общежитіемъ. Для всѣхъ ламъ пища готовится здѣсь въ одномъ котлѣ и часовъ въ 5 пополудни она разносится по юртамъ созерцателей въ небольшихъ деревянныхъ ведеркахъ, вмѣщающихъ въ себѣ стакановъ по пяти воды. Въ одну изъ такихъ ведерокъ наливаютъ бульону съ небольшимъ кускомъ мяса, въ другую кир-

юрту. Это было обыкновенное ламское жилище съ божницею у сѣверной стѣны юрты, съ кроватью на лѣвой сторонѣ, а на правой были просто разостланы войлоки, да къ стѣнѣ была прикрѣплена полка, на которую обыкновенно ставится пища отшельника. У кровати, на обычномъ мѣстѣ хозяина, было постлано два олбока, на которыхъ сидѣлъ созерцатель. Но, Боже мой, что это была за фигура! Видъ его былъ изможденный до крайности, лице такое блѣдное и исхудалое, что ламу этого можно было принять скорѣе за восковую статую, чѣмъ за человѣка. Онъ сидѣлъ неподвижно въ молитвенной позѣ (བུ་མཚན་ལོ་ལོ་ལོ་), руки были опущены на колѣна, въ правой рукѣ онъ держалъ четки, но дѣйствительно даже не перебиралъ ихъ, какъ говорилъ мнѣ нирбѣ; глаза его были совершенно закрыты, лице, повидимому, покойное, но совершенно безчувственное. Пока нирбѣ ставилъ ведерочки съ пищею отшельника и ходилъ въ монастырскую кухню, чтобы взять новыя для другаго такого же созерцателя, я все оставался у первой юрты и смотрѣлъ на невиданнаго мною человѣка. Я простоялъ минутъ пять, но ни одинъ мускулъ его не дрогнулъ въ это время. Эта мертвая неподвижность произвела на меня какое-то ужасное, гнетущее впечатлѣніе, когда, отошедши отъ этой юрты, я послѣдовалъ за нирбѣю къ другой; еще сильнѣе заговорило это чувство, когда переходилъ я къ третьей и т. д. Мое предположеніе о томъ, что нирбѣ хотѣлъ поразить меня, рѣшительно не оправдалось; ибо и въ другихъ юртахъ увидалъ я тоже самое. Изъ 18 посѣщенныхъ нами келій, въ двухъ нашли мы созерцателей спящими, въ одной даянчи зажигалъ лампы передъ своими бурханами, въ остальныхъ же наблюдалось однообразное зрѣлище: тѣже казенныя юрты съ божницею, кроватью и полкою для постановки пищи; тѣ же изможденные, исхудалыя и восковыя фигуры добровольныхъ стра-

---

пичнаго чаю. Это дневной провѣянтъ созерцателя. Подавая обѣдъ тѣмъ ламамъ, которые сидятъ въ дѣнѣ, нирбѣ уже не входитъ въ юрту, но приподнимаетъ дѣбуръ (войлокъ, образующій крышу юрты) и чрезъ это отверстіе опускаетъ ведерки на прикрѣпленныя внутри юрты полки. При мнѣ бывали случаи, что и эта скудная пища оставалась нетронутою.

дальцевъ съ неподвижнымъ и безчувственнымъ лицомъ, таже мертвая тишина, не прерываемая даже вздохомъ и доказывающая глубокое самопогруженіе созерцателя.

Цѣлый вечеръ просидѣлъ я съ нирбоду и, взволнованный необычайными наблюденіями, распрашивалъ его о созерцателяхъ. Потому ли что лама замѣтилъ мое волненіе и принялъ его за благоговѣйное чувство, потому ли что мои неотступные вопросы о предметѣ созерцанія ламъ подѣйствовали на доброе сердце этого старика, или наконецъ просто потому, что я случайно предложилъ вопросъ о томъ, нѣтъ ли какихъ либо правилъ, по которымъ должно производить созерцанія, онъ, какъ бы напавъ на мысль какъ удовлетворить меня, обѣщалъ мнѣ дать сочиненіе, въ которомъ излагаются всѣ основныя понятія и порядокъ созерцаній. На другой день сочиненіе было у меня и нирбоду не отказался даже прочитать его со мною, доставляя при этомъ нужныя поясненія. Это была небольшая рукопись на 24 листкахъ подъ заглавіемъ: «Діян'у гол-утхà хигэтъ, бисылгаху-йнъ цзанъ уйлэйги унэхэръ ўцзэгүлүхчи хэмэхдэху орошибай». Кѣмъ и когда было составлено это сочиненіе, для меня осталось неизвѣстнымъ; но, по словамъ нирбоду, оно служитъ для всѣхъ обитателей дайнчійнъ хита какъ-бы программой для дѣятельности отъ начала и до конца созерцательной жизни. Чтобы познакомить своихъ читателей съ буддійскими дайнчи, я представляю по этому свѣденію объ ихъ жизни, заимствованныя изъ этого сочиненія вмѣстѣ съ поясненіями, которыя сообщилъ мнѣ мой престарѣлый и добродушный руководитель.

Созерцаніе вообще имѣетъ громадное приложеніе въ буддійской аскетикѣ и отсюда чрезвычайное разнообразіе его видовъ. Для буддиста созерцаніе служитъ всеобщимъ средствомъ для того, чтобы а) возвысить его разумъ отъ матеріальнаго міра въ сокровенную таинственность міра духовнаго; в) освободить человѣческій духъ отъ страстей и условій матеріальнаго міра вообще и навсегда; и наконецъ для того, чтобы с) человѣкъ могъ получить и усвоить себѣ какіе либо сверхъестественные дары. Созерцаніе, предпринятое для того только, чтобы временно от-

далить разумъ отъ предметовъ міра вещественнаго, есть созерцаніе низшее; отличительную особенность его составляетъ то, что оно сопровождается видѣніями; цѣль его — освобожденіе человѣка отъ нравственныхъ недостатковъ. Созерцаніе, взятое какъ средство для двухъ послѣднихъ цѣлей, т. е. для полного освобожденія духа отъ матеріи и для приобрѣтенія чудотворныхъ силъ, есть созерцаніе высшее и характеристичную особенность его составляетъ то, что, не сопровождаясь ни какими видѣніями, оно состоитъ изъ однихъ отвлеченныхъ умопредставленій. По формѣ созерцаніе состоитъ изъ самадй, или глубокихъ внутреннихъ самопогруженій. Яснѣе сказать, подъ именемъ самадй буддисты разумѣютъ или непоколебимое утвержденіе мысли на одномъ какомъ нибудь предметѣ; или же опять таки сосредоточенное въ самомъ себѣ состояніе духа, восторженнаго какими либо представленіями. Понятно отсюда, что, смотря по качеству созерцанія, и самадй бываютъ различны. Въ низшемъ созерцаніи, въ силу того что оно преслѣдуетъ только частныя цѣли, самадй являются отрывочными и отдѣльными; въ созерцаніи высшемъ, имѣющемъ цѣлью вознести духъ человѣка до безконечнаго совершенства, самадй образуютъ собою какъ бы постепенную лѣстницу. Въ сложности всѣ эти самадй составляютъ рядъ отрѣшеній отъ условій трехъ міровъ, на которые буддисты раздѣляютъ вселенную, т. е. отъ міра вожделѣній, міра прославленныхъ формъ и міра невестественнаго.

Всякій, имѣющій посвятить свою жизнь на подвиги созерцанія, долженъ прежде всего найти для себя опытнаго учителя — друга (Аска-Гурӯ), который руководилъ бы его на избранномъ имъ поприщѣ, предостерегалъ бы его отъ самообольщеній и навѣтовъ злокозненныхъ шимнұсовъ¹⁾ и разрѣшалъ бы воз-

---

1) Шимнұсы (разгов. шилмұ тиб. ཤཤྱ་མོང་ монг. Аска-Гурӯ отъ санскр. śama — спокойствіе и паśa — уничтожить), по представленію буддизма, суть духи, которые опутываютъ всѣ существа сѣтями страстей и стараются вовлечь ихъ въ грѣхи, чтобы тѣмъ самымъ поколебать ихъ въ вѣрѣ. Шимнұсы почитаются виновниками чувственныхъ наслажденій, владыками сансары, т. е. міра

рождающіяся въ немъ сомнѣнія при самомъ ихъ началѣ. Рѣшившись однажды навсегда посвятить себя созерцаніямъ, должно прекратить уже всѣ другія занятія, знакомства и посѣщенія товарищей: ученикъ-созерцатель долженъ знать только своего наставника и тѣхъ изъ своихъ сотрудниковъ и собратій, которые собственнымъ примѣромъ, поощреніями и совѣтами могутъ содѣйствовать успѣшному ходу его созерцанія. Во вниманіе къ трудности подвиговъ, избранныхъ ученикомъ, ему дозволяется воспользоваться нѣкоторыми внѣшними удобствами, какъ то достаточнымъ количествомъ одежды и лучшею пищею. Эти удобства въ дѣлѣ созерцанія необходимы для ровнаго и спокойнаго состоянія духа и тѣла. Но въ замѣнъ сего предъ началомъ созерцанія ученикъ не долженъ увлекаться предметами и зрѣлищами, которыя могутъ пріятно поражать его чувства; обязанъ равнодушно принимать всѣ непріятныя впечатлѣнія; сокращать время сна и даже во все не спать, не разсѣиваться мыслями и наконецъ удалять отъ себя колебаніе и сомнѣніе въ дѣйствительности созерцанія, а въ особенности сомнѣніе въ чистотѣ и истинности ученія Будды. Со стороны наставника требуется помимо общихъ обязанностей особенная внимательность къ ученику, который поручилъ себя его руководительству. Наставникъ долженъ тщательно слѣдить за привычками своего ученика, за его наклонностями и за преобладающими въ немъ страстями съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность предложить соотвѣтствующія средства къ искорененію его нравственныхъ недостатковъ. Главнѣйшіе пороки человѣческой природы суть: вожделѣніе, гнѣвъ и помраченіе (अज्ञानं, क्रोधः, मोक्षः). Согласно тому наставникъ долженъ предписывать ученику противъ каждаго изъ этихъ пороковъ особую самадѣ. Такимъ образомъ если онъ замѣтитъ, что ввѣренный его руководительству ученикъ обуревается стра-

---

вещественнаго и противниками нирвѣны—міра духовнаго. Шимнұсы бываютъ четырехъ родовъ: *шимнұсы царства тѣнривѣ* суть виновники сладострастія; *шимнұсы тѣла* суть виновники грѣха помраченія; *шимнұсы духа* суть виновники грѣха гнѣва; и *шимнұсы царя смерти* почитаются виновниками грѣха скупости.

стными пожеланіями, то заставляетъ его погружаться въ «самаді нечистоты и созерцанія скелетовъ»; если онъ замѣтитъ въ немъ омраченіе ума и уныніе духа, то предлагаетъ ему созерцать будду; если замѣтитъ наконецъ, что ученикъ волнуется гнѣвомъ, или питаетъ въ своемъ сердцѣ ненависть, то совѣтуетъ ему возбуждать въ себѣ, посредствомъ извѣстныхъ приемовъ, чувство любви.

Прежде чѣмъ подвижникъ, согласно указаній своего наставника, приступить къ совершенію самыхъ самаді, онъ долженъ соблюсти нѣкоторыя внѣшнія приемы, безъ которыхъ самаді для него не возможны. Эти приемы состоятъ въ слѣдующемъ: Созерцатель удаляется въ уединенное мѣсто и усаживается въ священной позѣ, т. е. загнувъ сперва правую ногу и положивъ ее на колѣно лѣвой, а лѣвую на колѣно правой, — или, если такое положеніе для него трудно, положивъ лѣвую ногу на колѣно правой, а правую загнувъ просто подъ лѣвую. Опустивъ поясъ, онъ складываетъ руки у своего нѣдра и покачивается во все стороны до тѣхъ поръ, пока станъ его не выпрямится, такъ что спинная кость сдѣлается вровень съ затылкомъ (?), а кончикъ носа вровень съ пупкомъ. Потомъ вдохнувъ въ себя свѣжаго воздуха столько, чтобы наполнить имъ всю внутренность своего тѣла, онъ выпускаетъ его изъ себя однимъ вздохомъ, и вслѣдъ за тѣмъ сжимаетъ ротъ и вполовину закрываетъ глаза для устраненія слишкомъ сильнаго дѣйствія свѣта, если это будетъ днемъ. Приведя свое тѣло, по точному буддійскому выраженію, въ «нормальное состояніе», созерцающій приступаетъ къ умѣренію своего дыханія и успокоенію мыслей. Онъ устремляетъ вниманіе на дыханіе носомъ и начинаетъ считать обороты отъ одного до десяти, считая вдыханіе и выдыханіе за одно, и, когда дойдетъ до десяти, начинаетъ счетъ дыханій снова; этимъ средствомъ онъ доводитъ дыханіе свое до такой степени тонкости, что во время вдыханія и выдыханія не слышитъ ни какого звука и не чувствуетъ его движенія. Если при этомъ мысли его разсѣиваются, то онъ устремляетъ взоръ свой на пупокъ; а если почувствуетъ въ душѣ своей сонливость (недостатокъ, противоположный раз-

сбѣянности), то сосредоточиваетъ свой взоръ на кончикъ носа, или между бровями. Продолжительное упражненіе въ этихъ занятіяхъ, несомнѣнно, доведетъ подвижника до желаемаго результата, т. е. расположить духъ его къ сосредоточенному и неуклонному вниманію.

Когда подвижникъ освоится съ этими приѣмами, то, по указанію своего наставника, приступаетъ къ самадї. Для искорененія въ немъ страстныхъ пожеланій и вожделѣнія къ предметамъ орчила на наставникъ предлагаетъ ему созерцаніе нечистоты и скелетовъ. Самадї эта состоитъ въ слѣдующемъ. Подвижникъ устремляетъ взоры и все свое вниманіе на большой палецъ лѣвой ноги и на самой половинѣ его представляетъ небольшой бѣлый нарывъ, но не воображаемо только, а на самомъ дѣлѣ. Нарывъ этотъ мало по малу лопается и вся половина пальца облекается въ бѣлый цвѣтъ; за тѣмъ оконечности всѣхъ другихъ пальцевъ ноги приводятся въ такое же положеніе. При этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ самадї, подвижникъ отнюдь не долженъ развлекаться сторонними впечатлѣніями, и, если впадетъ въ подобную погрѣшность, долженъ начать созерцаніе снова, т. е. съ половины большаго пальца. Съ приведеніемъ оконечностей пальцевъ въ вышеописанное состояніе, по всему тѣлу созерцателя распространяется теплота и особенно подъ сердцемъ онъ чувствуетъ жаръ. Послѣ этого перваго дѣйствія созерцатель тѣмъ-же представленіемъ нарыва постепенно обходитъ все тѣло, начиная съ подошвъ ногъ, до самой верхушки головы, пока все тѣло его не будетъ представлять собою одну гнойную, бѣлую рану,—послѣ чего самъ онъ дѣлается скелетомъ. Обративъ себя въ скелетъ, онъ такимъ же способомъ превращаетъ въ скелеты всѣ существа, населяющія вселенную. Подвижникъ ясно видитъ, какъ всѣ они, по дѣйствию его воли, отрѣшаются своей верхней оболочки тѣла, мяса, крови, нервовъ, жилъ, — словомъ всего матеріальнаго и образуютъ предъ нимъ массу безобразныхъ костей. Скелеты эти трещатъ, ломаются и разлетаются, какъ обломки глинянаго сосуда; потомъ вдругъ поднимается сильное пламя и въ одно мгновеніе пожираетъ ихъ. Случается, что

во время этих видѣній, созерцатель, объятый ужасомъ, дрожитъ и не можетъ очнуться отъ видѣнія, пока не пробудитъ его самъ наставникъ. Если же созерцатель, въ силу разсѣянности своихъ мыслей, долго не удостоивается видѣнія скелетовъ, въ такомъ случаѣ онъ погружается въ созерцаніе собственнаго скелета до тѣхъ поръ, пока въ немъ не отразятся скелеты другихъ существъ также ясно, какъ въ прозрачной водѣ отражаются звѣзды неба. Сильныя душевныя потрясенія, испытываемыя созерцателемъ при вышеописанныхъ видѣніяхъ, равно какъ попеременные чувства отвращенія и страха служатъ для него спасительнымъ врачеваніемъ противъ чувственныхъ и мірскихъ привязанностей. Если подвижникъ предшествующимъ созерцаніемъ не вполне освободитъ себя отъ страстныхъ пожеланій и привязанности къ міру, то наставникъ предписываетъ ему новый рядъ видѣній, столько же отвратительныхъ и страшныхъ. Все, что только напряженное воображеніе можетъ создать чудовищнаго, снова является предъ нимъ по указанію наставника. Иногда его взорамъ представляется зрѣлище разнообразныхъ нечистотъ, иногда онъ поражается явленіемъ ужасныхъ картинъ, какъ на примѣръ, пожара вселенной, демоновъ, какихъ то гигантскихъ и чудовищныхъ формъ; борьбы драконовъ, змѣй и дикихъ звѣрей, такъ что подъ конецъ силы совершенно оставляютъ его и онъ лежитъ больнымъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Признаками совершеннаго освобожденія созерцателя отъ страстныхъ пожеланій бываетъ слѣдующее: онъ усматриваетъ выходящую изъ его собственнаго скелета яркую звѣзду, украшенную золотистыми шариками; и если шариковъ будетъ отъ 25 до 40, то это значитъ, что созерцаніе идетъ успѣшно. Потомъ изъ лба его выходитъ свѣтлая жемчужина. Сначала она держится на одномъ мѣстѣ, но потомъ опускается внизъ и проходитъ землю, а равно три другіе слоя мірозданія: воду, огонь и вѣтеръ. Слѣдя за нею, когда она проходитъ сферу земли, созерцатель наблюдаетъ какъ его собственное тѣло и всѣ окружающіе его предметы цѣпенбуютъ и твердбуютъ; когда жемчужина проходитъ сферу огня, то тѣло созерцателя дблается легкимъ; когда она проходитъ сферу воды,

то на тѣлѣ и на всемъ окружающемъ является вода; наконецъ, когда она проходитъ сферу вѣтра, то тѣло его дѣлается воздушнымъ. Достигнувъ до пустоты и края вселенной, жемчужина возвращается и, вмѣстѣ съ сопутствующимъ ей свѣтомъ, входитъ въ пупокъ созерцающаго.

Для освобожденія отъ умственного омраченія наставникъ предлагаетъ созерцающему самадї видѣнія будды. Самадї эта состоитъ въ слѣдующемъ. Созерцатель, предварительно своего подвига, въ продолженіе семи дней представляетъ себѣ живо и раздѣльно образъ будды во всемъ его величїи и красотѣ. Запечатлѣвши въ своемъ воображенїи этотъ образъ, онъ уединяется въ своей кельѣ, и, закрывъ глаза, сосредоточиваетъ на немъ свои мысли. Потомъ онъ утверждаетъ свою мысль исключительно на своемъ лбу, — и вскорѣ изъ лба его начинаютъ выходить будды, одинъ за другимъ, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представлялъ будду прежде. Если созерцатель увидитъ безчисленное множество буддъ, выходящихъ изъ лба на недалекое пространство и снова возвращающихся, то это значитъ, что онъ стоитъ еще на низшей степени святаго подвижничества; если же они отойдутъ отъ него на гораздо большее пространство и снова возвратятся въ голову, — то это признакъ средней степени успѣха въ подвижничествѣ; но если вышедшіе будды удалятся отъ созерцателя на весьма далекое разстояніе, такъ что послѣдній въ ряду ихъ будетъ казаться ему не больше точки, и затѣмъ всѣ они снова возвратятся, то это значитъ, что созерцатель стоитъ уже на высшей степени подвижничества. Во время приближенія буддъ къ созерцателю земля принимаетъ золотистый цвѣтъ и дѣлается ровною какъ ладонь, чистою и прозрачною какъ зеркало. Самое тѣло созерцающаго также становится свѣтымъ и прозрачнымъ какъ земля. Послѣ этого подвижникъ устремляетъ мысль свою на сердце и изъ этого мѣста вскорѣ также начинаютъ выходить будды, держа въ рукахъ по сапфировому вачїру (вачжра); изъ обоихъ концовъ ихъ жезловъ выходятъ святыя трехъ степеней, окруженные большимъ, или меньшимъ свѣтомъ, смотря по степени ихъ святости. Когда всѣ

будды до одного выйдутъ изъ сердца, то послѣдній изъ нихъ останавливается, опершись жезломъ на сердце; спустя же не много времени всѣ они въ послѣдовательномъ порядкѣ снова возвращаются въ сердце созерцателя. Если подвижникъ стоитъ на высокой степени нравственнаго совершенства, то сряду послѣ того изъ всѣхъ поръ его начинаетъ выходить безчисленное множество буддъ, которые наполняютъ все видимое пространство во всѣ четыре стороны свѣта, но потомъ снова погружаются въ его тѣло. Послѣ этого явленія подвижникъ утверждаетъ свои мысли и взоры на своемъ пупкѣ, — и вскорѣ замѣчаетъ на немъ какое то движеніе. Удвоивъ вниманіе, онъ усматриваетъ на пупкѣ своемъ какое то возвышеніе, на подобіе гусиного яйца, чрезвычайной бѣлизны. Вдругъ это возвышеніе превращается въ великолѣпную пѣдму, стебель которой изъ чистѣйшаго сапфира, а коронка цвѣтка изъ золота. На этомъ цвѣткѣ возсѣдаетъ будда, изъ пупка котораго также вырастаетъ пѣдма, а на ней возсѣдаетъ новый будда и т. далѣе. Когда такимъ образомъ пѣдмы съ буддами наполнятъ собою всю даль, представляющуюся въ воображеніи созерцателя, то самый дальнѣйшій будда входитъ въ пупокъ втораго, слѣдующаго за нимъ, и за симъ, постепенно, всѣ они возвращаются одинъ въ другаго, пока наконецъ и послѣдній изъ нихъ не войдетъ въ пупокъ созерцателя. При дальнѣйшемъ созерцаніи изъ всѣхъ поръ тѣла подвижника выходятъ пѣдмы съ буддами и наполняютъ собой все воздушное пространство въ видѣ безконечной гирлянды изъ ожерелья и потомъ всѣ они возвращаются въ созерцателя чрезъ его пупокъ. При этомъ подвижникъ чувствуетъ въ себѣ необыкновенную легкость и удовольствіе: тѣло его дѣлается чистымъ и свѣтлымъ, какъ будто бы оно состоитъ изъ однихъ драгоценныхъ камней. Но этимъ не ограничивается еще созерцаніе будды. Подвижникъ, по руководству своего наставника, продолжаетъ созерцаніе своего пупка, — и вскорѣ изъ верхушки его головы выходитъ пяти-цвѣтное пламя, совмѣщающее въ себѣ пять дивныхъ вещей. Въ этомъ пламени возсѣдаетъ будда, окруженный свѣтлымъ облакомъ. Изъ устъ будды выпадаетъ безконечное множество пѣдмъ,

которыя наполняютъ собою всю вселенную. Потомъ изъ пупка будды выходятъ пять львовъ, которые пожираютъ всё выпавшіе изъ устъ будды падмы и снова возвращаются въ пупокъ его. Въ мѣстѣ съ возвращеніемъ львовъ въ будду и пяти-цвѣтное пламя скрывается въ тѣло будды, а самъ будда погружается въ созерцающаго черезъ верхушку его головы. Эта самадїи называется прыжкомъ львовъ. При этомъ тѣло созерцателя принимаетъ золотистый цвѣтъ и на пупкѣ его образуется круглое возвышеніе, — бѣлое и чистое, на подобіе небснаго свѣтила. Около пупка и кругомъ поясицы своей созерцатель видитъ четырехъ буддъ, при чемъ отъ каждаго изъ нихъ исходитъ яркій солнечный свѣтъ, съ помощію котораго созерцатель видитъ всё предметы во вселенной. Когда будды исчезнутъ, на мѣстѣ ихъ остается бѣлое пламя, которое пересѣкаетъ созерцателя въ разныя стороны: то выйдетъ сзади, то покажется напередѣ, то проникнувши въ правый бокъ, выходитъ изъ лѣваго, то наоборотъ, скрывшись чрезъ лѣвый бокъ покажется въ правомъ. Послѣ всѣхъ этихъ явленій тѣло созерцателя дѣлается прозрачнымъ и чистымъ, и яркая бѣлизна, въ видѣ массы воды, совершенно потопляетъ его.

Есть еще другое созерцаніе будды, при посредствѣ котораго подвижникъ достигаетъ духовнаго безстрастія; оно называется созерцаніемъ будды въ смертномъ и духовномъ его тѣлѣ и состоитъ въ слѣдующемъ. Представивъ себѣ образъ будды такъ живо, какъ бы онъ находился предъ нимъ, созерцатель наставляетъ себя слѣдующими размышленіями. «Законъ старости, болѣзни, смерти и страданія въ перерожденіяхъ тяготѣетъ надъ человѣкомъ. Даже перерождаясь въ странѣ небожителей, человѣкъ и тамъ пристращается къ удовольствіямъ и не находитъ ничего такого, что управило бы его душу; когда же онъ низпадаетъ въ низшіе разряды перерожденій, — тамъ, среди мученій и страха, онъ даже и не въ состояніи помыслить ни о чемъ добромъ. Куда я ни обращу свой взоръ, повсюду встрѣчаю скоротечность, разрушеніе и смерть, которые, какъ лютые враги, постоянно нападаютъ на одушевленныхъ существъ и грозятъ имъ

страданіями перерожденій въ теченіе безчисленныхъ галабовъ. Позабочусь же я о спасеніи души своей и сохраню ее какъ кормилица мать хранить свое дитя». Послѣ этихъ размышленій созерцатель представляетъ себѣ будду облеченнаго смертнымъ тѣломъ и именно въ тѣ минуты земной его жизни, когда онъ являлъ людямъ свое величіе и свою мудрость, когда онъ, окруженный яркимъ свѣтомъ и украшенный 32-мя тѣлесными отличіями¹⁾, преподавалъ вѣрнымъ послѣдователямъ своимъ ученіе о средствахъ спасенія и объ истинахъ премудрости. Въ это время созерцатель чувствуетъ въ себѣ наслажденіе, глубоко проникающее въ его душу и нѣсколько похожее на то, когда въ жаркое время опустишься въ прохладную воду, или зимою погрузишься въ теплую.

Созерцаніе духовнаго тѣла будды есть размысленіе о нравственныхъ и разумныхъ совершенствахъ его. Созерцатель размышляетъ о безграничной любви и милосердіи будды, силою которыхъ онъ спасаетъ одушевленныхъ существъ отъ страданій, сопряженныхъ съ перерожденіями и доводитъ эти существа до блаженства Нирвѣны. Потомъ подвижникъ размышляетъ и о другихъ совершенствахъ будды. Если подвижникъ, по случаю внезапной

---

1) По ученію буддистовъ, будда имѣетъ у себя 32 тѣлесныхъ отличія, которыя состоятъ въ томъ, что: 1) *ладони и подошвы его обладаютъ изображеніемъ *хурда** (колеса). Это отличіе будды является въ силу того, что будды вообще оказываютъ глубочайшее почтеніе при встрѣчѣ и провожаніи высшихъ лицъ, при сидѣніи во время слушанія священнаго писанія, при построеніи храмовъ, монастырей и субургановъ. Это (𑖀𑖃𑖆𑖅𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊) служитъ отличительнымъ знакомъ того, (𑖀𑖃𑖆𑖇) что будда будетъ имѣть весьма много приверженцевъ; 2) *ноги его совершенно прямы* для того, чтобы ступать на землю ровно; это есть выраженіе чрезвычайнаго прямодушія (𑖀𑖃𑖆𑖇𑖈𑖉𑖊𑖋𑖌𑖍𑖎𑖏𑖐) и служитъ признакомъ неизмѣняемости, постоянства; 3) *пальцы у ногъ и рукъ сплошныя*, соединенныя перепонкой, какъ у гусей, — это служитъ признакомъ скорого образованія; 4) *ладони и подошвы нѣжны*, это является слѣдствіемъ ихъ обладанія вкусною пищей и питьемъ; 5) *ростъ очень высокій*, такъ какъ руки, ноги и шея очень длинны, — это также является слѣдствіемъ обладанія вкусною пищей; 6) *пальцы длинныя* у буддъ потому, что они разрѣшили узы сансары, спасали жизнь, и отверглись отъ грѣха смертоубійства; 7) *пятки широки*; 8) *тѣло большое и прямое* какъ признакъ долговѣчности; 9) *колынная чашка*

кончины, не достигаетъ цѣли этихъ размышленій, то во всякомъ случаѣ онъ перерождается или въ человѣка, принадлежащаго къ благородному происхожденію, или же въ тѣхъ мірахъ, гдѣ преподають свое ученіе воплощенные будды.

Противъ гнѣва и ненависти, послѣдняго изъ недостатковъ человѣческой природы, предлагается самадѣ любви. Для этого подвижникъ представляетъ себѣ одушевленные существа въ тяжкихъ мученіяхъ. У ногъ его является огненная пропасть, окруженная стѣною и наполненная грѣшниками. Всѣ они съ обезображенными тѣлами и изъ каждой поры ихъ тѣла вытекаетъ кровь: претерпѣвая неописанныя страданія, они издають страшныя вопли и стenanія. Еще далѣе подвижникъ представляетъ себѣ грѣшниковъ, бросающихся въ озеро, наполненное гноемъ и кровью, которое превращается въ потоки пламени и пожираетъ всѣ свои жертвы. При таковыхъ явленіяхъ созерцающій возбуждаетъ въ себѣ безстрашіе и, произнесши обѣтъ спасти страдальцевъ, извлекаетъ ихъ изъ этой бездны, — прикасается рукою къ стѣнамъ и они разрушаются. Въ слѣдующемъ приѣмѣ созерцанія, при видѣ мучащихся людей, подвижникомъ до такой

не замѣтна (ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ " ᠠᠨᠠᠭᠤ "), это признакъ того, что они будутъ имѣть неразрушимое ученіе; 10) волосы на тѣлѣ подобны льну (ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ). Въ Хай-би чжунаѣ иначе — «волосы на тѣлѣ по одиночкѣ подняты вверхъ» ($\text{ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ}$); 11) бедра какъ у звѣря Эная; 12) руки, находясь по сторонамъ, достаютъ до коленъ. (Въ Хайби-чжунаѣ: «руки (ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ) длинны и прекрасны); 13) дѣтородный удъ скрытъ внутри; 14) кожа цвѣта золота; 15) кожа нѣжна и тонка; 16) волосы на головѣ поодиночкѣ завиты на правую сторону; 17) междубровіе украшено волосами (въ Хайби-чжунаѣ $\text{ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ}$); 18) грудь подобна львиной; 19) мышка круглая; 20) плеча широкія; 21) съ прекраснымъ обоняніемъ (въ Хайби-чжунаѣ $\text{ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ ᠰᠤᠨᠤ}$); 22) пропорціоналенъ въ объемъ, какъ индійская смоковница; 23) чело съ волосами, убранными въ видѣ повязки; 24) языкъ широкій и тонкій (въ Хайби-чжунаѣ ᠲᠦᠨᠦᠨᠦ длинный); 25) голосъ подобенъ звукамъ Эсру; 26) щеки подобны слоновымъ; 27) зубы чрезвычайно бѣлы; 28) зубы ровные (ᠠᠨᠠᠭᠤ ᠠᠨᠠᠭᠤ); 29) зубы чрезвычайно частые; 30) зубовъ по числу сорокъ; 31) глаза подобны лазурику; 32) рѣсницы подобны слоновымъ.

степени овладѣваетъ чувство состраданія къ нимъ, что вдругъ изъ глазъ его дождемъ текутъ слезы; онъ отираетъ ихъ и потушаетъ ими свирѣпый пламень. Пламя исчезаетъ и въ озерѣ остается только скопленіе гноя и крови. Силою того же милосердія, подвижникъ испускаетъ изъ себя потоки воды, которые изгоняютъ изъ озера всю нечистоту и образуютъ озеро чистой и прозрачной воды. Тогда на этомъ озерѣ вырастаетъ цвѣтокъ въ видѣ дерева. Увидавъ это дерево, спасенныя существа идутъ къ нему; но подвижникъ заставляетъ ихъ предварительно выпить воды изъ озера и омыться ею, а потомъ, взойдя на цвѣтокъ, возводитъ туда же и существа. Видя, что они томятся голодомъ, онъ накармливаетъ ихъ внезапно явившимися яствами и прекращаетъ ихъ томленіе голодомъ. Мало по малу цвѣтокъ принимаетъ бѣльшіе размѣры и поднимается вверхъ на нѣсколько ярусовъ. Подвижникъ вмѣстѣ съ существами всходитъ на второй ярусъ, гдѣ предлагаетъ имъ трапезу и поученіе о необходимости покаянія, — какъ главнаго условія въ дѣлѣ спасенія. Потомъ, также вмѣстѣ съ существами онъ восходитъ еще выше и здѣсь преподаетъ имъ ученіе о возмездіи за дѣла въ мірѣ существъ. За тѣмъ подвижникъ всходитъ на 4-й ярусъ цвѣтка и приглашаетъ туда всѣхъ, оставшихся внизу существъ. Здѣсь сердце подвижника исполняется радостью: онъ находитъ здѣсь дорогіе металлы и драгоценныя камни, одежды и всевозможныя яства, и все это предлагаетъ существамъ. На этомъ пиру небожители поютъ священные гимны и играютъ на инструментахъ. Насладившись этими удовольствіями, подвижникъ преподаетъ существамъ высшее ученіе. Наконецъ подвижникъ и опять таки вмѣстѣ съ существами всходитъ на самый высшій ярусъ цвѣтка и находитъ здѣсь великое множество самыхъ различныхъ сладкихъ и ароматичныхъ плодовъ, которые и предлагаетъ людямъ. Въ это время на цвѣткѣ внезапно является цвѣтистый жертвенникъ, на которомъ лежитъ свитокъ священной книги, называемой «книгою Премудрости» (בְּרֵךְ אֱלֹהִים). Подвижникъ приказываетъ существамъ принести въ жертву этой священной книгѣ цвѣты и куренія, а чтобы достойно приготовить ихъ къ воспріятію вы-

сокаго ученія будды, предлагаетъ имъ очистить душу и тѣло посредствомъ созерцанія. Потомъ онъ излагаетъ имъ заключающееся въ книгѣ ученіе будды и продолжаетъ свои поученія до тѣхъ поръ, пока яркій и обильный свѣтъ не озаритъ цвѣтка и всѣхъ людей. Отъ вліянія этого свѣта существа приходятъ въ восторгъ и разлетаются въ разныя стороны, по направленію лучей свѣта. Изъ тѣла самого подвижника также выходитъ свѣтъ, который онъ расширяетъ и простираетъ во всѣ стороны. Въ слѣдъ за тѣмъ все исчезаетъ и кругомъ воцаряется одна пустота. Этимъ оканчивается самадѣ милосердія и здѣсь же заключается граница низшихъ созерцаній, соотвѣтствующихъ міру вожделѣній. Далѣе начинается лѣстница созерцаній, возводящая, по ученію буддизма, на высоту полнаго духовнаго совершенства. Созерцанія эти, какъ я сказалъ уже выше, имѣютъ особый характеръ: они состоятъ изъ однихъ умопредставленій и постепенно очищаютъ душу отъ всѣхъ формъ и условій существованія.

Равнымъ образомъ было сказано и то, что эти высшія созерцанія соотвѣтствуютъ двумъ высшимъ мірамъ буддійской космологіи, состоящимъ вмѣстѣ изъ восьми небесъ. Въ этомъ отношеніи самыя самадѣ, входящая въ составъ высшихъ созерцаній, представляютъ собою неразрывную систему, называемую «восьмью отрѣшеніями» (ཉམས་པའི་ཉམས་པ་), «восьмью переходами» или наконецъ восьмью самопогруженіями. Названіе «переходовъ» характеризуетъ ихъ значеніе, потому что онѣ служатъ только ступенями въ лѣстницѣ общаго самоусовершенствованія, такъ что остановка на одной какой нибудь изъ ступеней этой лѣстницы доказываетъ ничто иное, какъ или ограниченную воспріимлемость, или недостойнство подвижника. Первые четыре «отрѣшенія», или «перехода» соотвѣтствуютъ міру прославленныхъ формъ, въ которомъ, по экзотерическому ученію буддизма, перерождаются люди за обыкновенныя добродѣтели, — въ буддійской же мистикѣ онѣ имѣетъ совсѣмъ другое значеніе. Последнія четыре ступени, соотвѣтствуютъ міру невещественному, о которомъ точное понятіе можно составить только по созерца-

тельной системѣ буддистовъ, — космографическія свѣденія о немъ очень темны.

Приступающій къ высшему созерцанію долженъ быть уже коротко знакомъ съ трудностями самопогруженія и опытенъ въ дѣлѣ созерцаній. Прежде всего онъ долженъ привести свой духъ, въ единичное состояніе и вкоренить въ себѣ убѣжденіе о нечистотѣ и непрочности чувственныхъ удовольствій, которыми наслаждаются люди. Съ этимъ убѣжденіемъ онъ погружается сначала въ самадѣ видѣнія нечистоты и бѣлыхъ человѣческихъ скелетовъ, для того чтобы съ одной стороны подкрѣпить свое презрѣніе къ чувственнымъ пожеланіямъ, а съ другой — приготовить себя къ принятію впечатлѣній отъ инаго міра. Онъ остается въ этой самадѣ до тѣхъ поръ, пока изъ костей собственнаго его скелета не брызнутъ лучи свѣта такого яркаго, что при пособіи его подвижникъ видитъ свое сердце — вмѣстилище мыслей, и пріобрѣтаетъ возможность созерцать измѣненія его такъ ясно, какъ ясно видна струйка воды въ стеклянной трубчкѣ. За тѣмъ онъ погружается въ блаженное бездѣйствіе всѣмъ своимъ существомъ и чувствуетъ невыразимое удовольствіе. Это составляетъ высшую созерцательную степень въ мірѣ чувственномъ. Люди съ высокою воспріимлемостью достигаютъ этого состоянія въ теченіе одной недѣли усиленныхъ занятій, другіе — недѣли въ три, а иные и цѣлую жизнь не могутъ достигнуть этой цѣли. Основнымъ препятствіемъ къ этому служатъ: нравственные недостатки, нераскаяніе въ грѣхахъ, превратныя убѣжденія ума и смертныя грѣхи, хотя бы они были совершены и въ прежнихъ перерожденіяхъ. Но созерцатель долженъ всегда помнить, что достигнутая имъ степень высоты по отношенію къ дальнѣйшему совершенствованію есть только переходная ступень, а потому не долженъ въ безопасности засыпать на ней. Здѣсь особенно нужны размышленія о ничтожествѣ чувственныхъ наслажденій. Если въ подвижникѣ начнутъ обнаруживаться какія либо страсти, онъ долженъ заглушить ихъ въ самомъ ихъ началѣ приличными размышленіями. Дремота въ этомъ состояніи бываетъ особенно губельна для подвижника. Чтобы удалить ее отъ себя онъ представляетъ

страшную силу царя смерти, готоваго поразить его роковымъ мечемъ; — или, если это бываетъ ночью, омываетъ лицо свое холодною водою, смотритъ на всѣ четыре стороны и возвращаетъ чистоту мыслей или созерцаемъ звѣздъ, или размышленіемъ о буддѣ и его высококомъ ученіи. При подобныхъ пріемахъ и предосторожностяхъ, онъ совершенно отрѣшается наконецъ отъ условій чувственнаго міра и совершаетъ переходъ изъ него въ міръ лучезарныхъ формъ.

Вступленіе подвижника въ первое небо міра лучезарныхъ формъ обнаруживается тѣмъ, что тѣло его внезапно просвѣщается. Чистѣйшія стихіи міра лучезарныхъ формъ такъ проникаютъ все его существо, какъ обильная вода напаяетъ сухую землю, — оттого оно дѣлается легкимъ и гармоничнымъ. Этотъ внезапный переходъ производитъ въ душѣ созерцателя сильное потрясеніе. Онъ какъ будто пробуждается отъ глубокаго сна и чувствуетъ въ себѣ небывалое удовольствіе, похожее на то, какое чувствуетъ погружающійся во время знойнаго жара въ прохладную воду. Сначала это чувство смутно и неопредѣленно, потому что заглушается сильнымъ ощущеніемъ; но когда ощущеніе мало по малу утихнетъ, умъ созерцателя начинаетъ свое дѣйствіе. Онъ разсматриваетъ новую для него сферу, чуждую малѣйшей склонности къ вождельніямъ и прославленную форму своего тѣла. Такъ сильный ударъ въ колоколъ производитъ сначала быстрый, но неровный звукъ, который потомъ мало по малу принимаетъ ровный и спокойный тонъ. Вслѣдствіе этого разсматриванія созерцающій чувствуетъ неописанное удовольствіе, которое еще болѣе возрастаетъ отъ сравненія настоящаго состоянія съ прежнимъ, отъ размышленій о буддѣ и отъ милосердія къ существамъ, связаннымъ еще узами чувственности. На этой степени созерцающій можетъ дѣлать опыты могущества самадїи и силою ея превращать все безпредѣльное пространство въ разные цвѣта, — синій, желтый, красный, бѣлый, или же въ землю — воду, огонь и вѣтеръ. Но главное, что происходитъ въ душѣ подвижника на этой степени, есть постоянное ощущеніе или воспрїятіе впечатлѣній новаго міра и воззрѣніе или дѣйствіе ума, возбуж-

денное ощущеніемъ. Но эти душевныя движенія могутъ быть оковами для него, хотя бы предметъ ихъ былъ нравственно добрый, или безразличный. Когда душа приковывается къ ощущаемому ею удовольствію и отвѣчаетъ впечатлѣніямъ, то она остается на одномъ мѣстѣ и не въ состояніи перейти на высшую степень созерцанія. Въ этомъ отношеніи ощущеніе и воззрѣніе будутъ имѣть на созерцателя такое же дѣйствіе, какъ смѣшанные звуки на человѣка, которому хочется спать. Впослѣдствіи можетъ быть даже и то, что ощущеніе и воззрѣніе снова низведутъ его подъ условія міра вожделѣній, подобно тому какъ вѣтеръ сначала волнуетъ воду, а потомъ поднимаетъ со дна грязь и мутитъ ее. На основаніи этихъ-то размышленій подвижникъ прекращаетъ дѣятельность своего ума и ощущеніе и посредствомъ самопогруженія вступаетъ во второе небо міра лучезарныхъ формъ.

Первый признакъ вступленія на эту степень созерцанія есть глубокое спокойствіе души, какъ слѣдствіе отрѣшенія отъ ощущенія и воззрѣнія. Душа подвижника дѣлается здѣсь столь же чистою и какъ бы прозрачною, какъ вода въ спокойномъ и не подвижномъ состояніи, когда въ ней вполне ясно отражаются небесныя свѣтила и горы. Это чистое спокойствіе души называется священнымъ безмолвіемъ, или внутреннею чистотою. Но по мѣрѣ того какъ подвижникъ подчиняется вліянію этой новой сферы, онъ начинаетъ чувствовать восхищеніе, далеко превосходящее удовольствіе первой степени. Это восхищеніе составляетъ отличительную черту второй степени созерцанія; но подобно ощущенію и воззрѣнію первой степени оно есть не больше и не меньше какъ переходное состояніе для созерцателя. Хотя оно есть чувство непримѣсное и чистое, но созерцатель не долженъ прилѣпляться къ нему, потому что всякая привязанность есть уже недостатокъ и обыкновенно оканчивается скорбью, или страданіемъ. Восхищеніе на высшихъ степеняхъ созерцанія есть чувство грубое, поэтому подвижникъ спѣшитъ освободиться отъ этого чувства восхищенія и перейти на третье небо.

Сущность третьей степени созерцанія есть наслажденіе, но

не то наслажденіе, которое служитъ удѣломъ для первой и второй степени, а наслажденіе, если можно сказать, безъ удовольствія и безъ восхищенія. Отличительную особенность его составляетъ во 1-хъ то, что оно проникаетъ все существо подвижниковъ, а во 2-хъ его полнота, тогда какъ въ двухъ низшихъ степеняхъ оно не можетъ быть столь обильнымъ вслѣдствіе смутнаго чувства, проистекающаго въ первомъ случаѣ отъ ощущенія и воззрѣнія, а во второмъ — отъ порывистаго свойства восхищенія. Между тѣмъ и другимъ наслажденіемъ существуетъ такое же различіе, какъ между тѣмъ удовольствіемъ, какое ощущаетъ разгоряченный человѣкъ, омывая свое лицо холодною водою и тѣмъ какое чувствуетъ онъ, погружаясь въ жаркое время въ прохладную воду всѣмъ тѣломъ. Однакоже душа созерцателя въ этомъ состояніи наслажденія можетъ испытывать три неудобства, именно, можетъ или потерять свою энергію, или придти въ сильное движеніе, или наконецъ погрузиться въ мракъ и скорбь. Въ первомъ случаѣ подвижникъ усиленно оживляетъ свой умъ, во второмъ — укрощаетъ или останавливаетъ его, а въ послѣднемъ случаѣ возвращаетъ ему прежнее состояніе посредствомъ размышленія о глубокомъ и превосходномъ ученіи будды. Очевидно, что такъ какъ наслажденіе третьей степени слишкомъ высоко, то подвижникъ по необходимости напрягаетъ всѣ свои душевныя силы къ тому, чтобы сохранить его; но это-то самое и ввергаетъ его въ волненіе, — отчего наслажденіе дѣлается страданіемъ. Поэтому созерцатель отвергаетъ его какъ вещь временную, которую притомъ трудно сохранить и ищетъ успокоенія въ четвертомъ небѣ.

При вступленіи въ четвертую степень созерцанія, созерцающій искореняетъ въ себѣ чувство радости и печали, наслажденія и страданія и сохраняетъ душу свою въ совершенной простотѣ. Отсюда отличительный признакъ этой степени есть безстрастное состояніе души, которая не сожалеетъ и даже не вспоминаетъ о наслажденіяхъ низшихъ степеней. Низшія степени созерцанія не только не могли сообщить душѣ этой простоты, но были для нея тѣмъ же, чѣмъ вѣтеръ для лампы, поставленной на открытомъ

мѣстѣ. Въ этомъ отношеніи четвертая степень есть истинное состояніе, а три первыя служатъ только ступенями къ ней, подобно тому какъ отлогости горы ведутъ на ея вершину. Буддисты называютъ эту степень мѣстомъ неподвижности, мѣстомъ невозмущаемаго самопогруженія, мѣстомъ успокоенія. На высотѣ этой таинственной области, на этой границѣ міра прославленныхъ формъ созерцатель уже господствуетъ надъ всѣми силами природы: онъ видитъ все, что происходитъ въ мірѣ; слышитъ всѣ рѣчи; знаетъ помышленія существъ; вспоминаетъ прежнія перерожденія и можетъ безпрепятственно обтекать вселенную; чувства его принимаютъ безпредѣльную полноту, такъ: когда онъ предается чувству любви, то обнимаетъ ею весь міръ, друзей и враговъ, ближнихъ и дальнихъ, простираетъ ее даже на всѣ движущіяся и летающія существа во вселенной до самыхъ, едва замѣтныхъ насѣкомыхъ; когда онъ предается чувству милосердія, то сострадаетъ всему міру и даже въ самыхъ наслажденіяхъ существъ видитъ однѣ только страданія; когда онъ, при размышленіи о превосходствѣ ученія будды, которое освобождаетъ людей отъ страданія и вводитъ ихъ въ мѣсто успокоенія, приходитъ въ восторгъ, то заставляетъ раздѣлять свою радость всѣ существа, обитающія во вселенной; наконецъ когда онъ, отрѣшившись отъ всякихъ чувствованій, погружается въ безстрастіе, то доводитъ его до отрицанія дѣйствительности явленій и признанія во всемъ одной пустоты. На этой же степени подвижникъ можетъ погружаться въ частныя самадї, имѣющія цѣлью большую или меньшую благотворительность существамъ. Таковы: самадї крѣпости, самадї величія, самадї заклинаній, уничтожающая дѣйствіе яда и устраняющая физическія бѣдствія, какъ то, градъ, болѣзни и проч., самадї, прогоняющая демоновъ, самадї дождевыхъ облаковъ во время засухи, самадї спасенія и храненія людей въ водныхъ путяхъ, самадї снабженія людей пищею и питьемъ въ пустынныхъ мѣстахъ, самадї доставленія людямъ богатства, самадї оживленія людей, лежащихъ въ обморокъ, самадї воскрешенія, самадї возвращенія глухимъ слуха, слѣпымъ зрѣнія, нѣмымъ дара слова и др.

Но какъ ни высоко совершенство, достигаемое созерцателемъ на четвертой степени созерцанія, оно не составляетъ собою еще послѣдней грани, ибо за нимъ слѣдуетъ еще цѣлая область міра невещественнаго. Міръ этотъ, подобно міру лучезарныхъ формъ, состоитъ изъ четырехъ небесъ, а въ созерцаніи изъ четырехъ самадй. Первое небо называется областью безпредѣльной пустоты, второе—областью безпредѣльнаго вѣденія, третье—областью небытія, и наконецъ четвертое—областью отрицанія мышленія и не мышленія.

Первая степень въ созерцаніи міра невещественнаго есть самадй пустоты. Чтобы достигнуть ея, подвижникъ освобождается отъ формъ видимаго міра слѣдующими размышленіями. «Все, что имѣетъ форму,—временно, не самобытно, ничтожно и причиняетъ только страданія. Если подвергнуть анализу формы, то, раздѣливъ ихъ на составныя и тоже дѣлимыя части, мы не увидимъ въ результатъ ровно ничего; поэтому и тѣло наше, какъ составленное изъ частей, не имѣетъ самостоятельнаго бытія. Возьмемъ для примѣра одну часть человѣческаго тѣла, — именно органъ зрѣнія. Глазь состоитъ изъ десяти элементовъ: четырехъ грубыхъ стихій—земли, воды, огня и вѣтра; четырехъ тонкихъ стихій—цвѣта, запаха, вкуса и осязанія тѣла и наконецъ изъ черныхъ и бѣлыхъ кружковъ. Если же раздѣлить глазь на эти составныя части, то глаза, очевидно, не будетъ существовать. Чистый и непримѣтный свѣтъ, на которомъ основано отправленіе зрѣнія, есть также произведеніе четырехъ стихій и хотя онъ непримѣтенъ, но при столкновеніи съ предметами обнаруживается и раздѣляется. Притомъ мы называемъ глазомъ то, что можетъ видѣть предметы, но если нѣтъ предметовъ, то значить, нѣтъ и зрѣнія». Такимъ же образомъ уничтожаются и всѣ прочія части тѣла, потомъ всѣ матеріальныя формы и наконецъ всѣ существа,—все подвергается дѣленію и оказывается пустотою. Положивши такимъ образомъ на формы печать отверженія, созерцатель устремляетъ вниманіе на пустоту своего собственнаго тѣла, какъ то, ротъ, носъ, горло, глаза, уши, грудь и желудокъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что формы суть волненіе, а пу-

стота — спокойствіе. Когда душа его будетъ находить спокойствіе въ мысли о пустотѣ, то пустоты его собственнаго тѣла мало по малу начинаютъ расширяться до тѣхъ поръ, пока тѣло его вовсе не исчезнетъ. Затѣмъ подвижникъ приводитъ въ такое же состояніе и всѣ другія формы, такъ что все для него входитъ въ одну общую пустоту; все дѣйствіе его души направляется въ это время единственно къ пустотѣ; въ результатѣ душа его совершенно отторгается отъ представленія формъ и свободно рѣбеть по неизмѣримому и безпредѣльному пространству подобно птичкѣ, вырвавшейся изъ клѣтки, въ которую она заключена была до тѣхъ поръ. Это и есть самадї пустоты, заключающая въ себѣ отвлеченную идею пространства.

Но созерцатель не останавливается на этой степени созерцанія, постигая, что пустота есть одно представленіе его, что она тоже подвержена условіямъ существованія, т. е. сначала была, а потомъ не будетъ, прежде не была, а потомъ является: слѣдовательно она не есть нѣчто вѣчное и неизмѣняемое. И такъ подвижникъ прекращаетъ свое отношеніе къ пустотѣ и стремится къ высшему самопогруженію. Онъ познаетъ, что пустота есть произведеніе его личной силы вѣденія и, полагая, что эта сила одна только и истинна, на ней одной и сосредоточиваетъ свои мысли. Въ это время его сила вѣденія мало по малу яснѣетъ и расширяется, подобно пламени лампы, или разливающейся водѣ и обнимаетъ собою прошедшее, настоящее и будущее — въ безпредѣльность и необъятность. Въ этомъ состоитъ самадї безпредѣльнаго вѣденія; — въ ней заключается отвлеченная идея времени.

Но созерцающій познаетъ, что сила вѣденія, собственно говоря, есть призракъ, не имѣющій дѣйствительности; потому что, завися отъ постороннихъ предметовъ, она вмѣстѣ съ ними является и вмѣстѣ съ ними исчезаетъ, — такъ точно, какъ исчезаетъ обоняніе, когда нѣтъ запаха. И такъ, вожделѣнія суть обманъ, форма — обманъ, пустота — обманъ и сила вѣденія — обманъ. Все обманъ, слѣдовательно — не бытіе; въ не бытіи поэтому должно скрываться успокоеніе. Съ этою мыслью созерцатель погружаетъ

ся въ самадї не бытія, т. е. состояніе внѣ условій пространства и времени. Однако же въ созерцателѣ все еще есть дѣйствіе души. Что-же такое это дѣйствіе? Убѣжденіе въ небытіи, противоположное убѣжденію въ бытіи, господствующему во всѣхъ низшихъ областяхъ. Убѣжденіе въ небытіи есть исключительный и слѣдовательно превратный взглядъ, за которымъ слѣдуетъ пристрастіе къ этому убѣжденію; за пристрастіемъ слѣдуетъ омраченіе ума, а далѣе перерожденія. По этому подвижникъ отвергаетъ область не бытія и возносится въ самую высшую во всѣхъ трехъ мірахъ — область, въ которой, по выраженію буддистовъ, нѣтъ ни мышленія, ни немышленія, — состояніе чисто отрицательное и заключающее въ себѣ идею разумнаго покоя. Но эта идея покоя такъ не опредѣлена по своему отрицательному свойству, что скорѣе можетъ быть переходною областью, или связью предшествующей области съ конечнымъ отрѣшеніемъ отъ міра. Очевидно, что буддисты, возведши созерцаніе въ высшій мечтательный міръ, дѣйствуютъ только путемъ абсолютнаго отрицанія, опасаясь употребить какое нибудь положительное выраженіе; такъ какъ всякое исключительное понятіе, — какъ положительное, такъ и отрицательное, — въ существѣ своемъ ложно. Эта высшая самадї есть восьмая и послѣдняя степень высшаго созерцанія. Она стоитъ на границѣ уничтоженія или вѣчнаго покоя, называемаго нирваной.

Таковы различныя отдѣлы созерцаній въ послѣдовательномъ ходѣ развитія созерцательной жизни отъ ея начала и до самаго конца. Я спрашивалъ у своего руководителя, уже ли же въ самомъ дѣлѣ есть у нихъ такіе даянчи, которые, окончивъ жизнь свою, прямо сдѣлаются нирваной? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что знать душевное состояніе того или другаго созерцателя трудно, а потому и нельзя отвѣчать положительно на этотъ вопросъ; за всѣмъ тѣмъ едва ли возможно предположить, чтобы таковыя созерцатели дѣйствительно были въ настоящее время. Чтобы путемъ созерцанія достигнуть нирваны, нужно пройти всѣ его отдѣлы, а это рѣшительно не возможно не только въ теченіе одной жизни, но даже и нѣсколькихъ галабовъ, ибо каждый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цѣлыя десятки различныхъ самадї. Объяснить

мнѣ всѣ эти самаді онъ не могъ, но даль списокъ ихъ названій, который я здѣсь и представляю:

- 1 *וּמְדַבְּרֵי עֵשֶׂת וְיִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 2 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 3 *וְיִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵל וְיִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 4 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 5 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 6 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 7 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 8 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 9 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 10 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 11 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 12 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "

- 13 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 14 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 15 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 16 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 17 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 18 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 19 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 20 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 21 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 22 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 23 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "
- 24 *יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל יִשְׂרָאֵל* "

38 נשפח ה נחפצוהי ישיבן " "
 39 כלתהו מחתו ישיבן " "
 40 רבנן מדין נחל עה ישיבן "
 41 וחיפסו ישיבן " "
 42 ערשור עה ישיבן "
 43 וחברן מדין ישיבן "
 44 משהו עחפסו ישיבן "
 45 עופסלו עה ישיבן "
 46 וחפסו על סורכפסו ישיבן "
 47 משהו רחפשו ישיבן "
 48 עופשו מדין ישיבן "
 49 נחפ ו עה ישיבן "
 50 רבנן מדין יחפ ישיבן "

25 חפסוהי ערשור עה ישיבן "
 26 משהו ערשור ישיבן " "
 27 משהו ה ערשור משהו ישיבן "
 28 משהו עה משהוהי ישיבן "
 29 רחפסוהי ישיבן " "
 30 נחפשו ה עופשו ישיבן " "
 31 עהו רבנן ישיבן " "
 32 משהו ערשור ישיבן " "
 33 משהו עה משהוהי ישיבן "
 34 משהו מדין ישיבן " "
 35 רבנן מדין עה ישיבן " "
 36 נחפשו מדין נחפ ישיבן " "
 37 נחפשוהי ישיבן " "

51 " אֵיךְ תִּשְׁמַר אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר
52 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
53 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
54 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
55 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
56 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
57 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
58 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
59 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
60 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
61 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
62 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
63 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ

64 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
65 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
66 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
67 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
68 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
69 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
70 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
71 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
72 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
73 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
74 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
75 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ
76 אֶת-לִבְךָ וְתִשְׁמַר אֶת-לִבְךָ

дизма. Извѣстно, что еще до времени воплощенія въ Халхѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты сюда явился изъ южной Монголіи Донкѳръ-манцзушрйнъ гэгэнъ и дѣятельно заботился какъ о построеніи здѣсь храмовъ и монастырей, такъ и объ увеличеніи числа ламъ, проповѣдниковъ буддизма. По смерти его новый хубилганъ его снова привезенъ былъ въ Халху уже изъ Тибета и съ тѣхъ поръ перерожденцы Донкѳръ-хутухты постоянно живутъ въ Монголіи до настоящаго времени. Точно такимъ же образомъ дѣлу распространенія буддизма въ Халхѣ содѣйствовали и цѣлыя десятки другихъ, выходившихъ изъ Тибета и изъ южной Монголіи ламъ, а признательные монголы, по смерти такихъ ревнителей вѣры и проповѣдниковъ, всегда заботились о томъ, чтобы отыскать въ кого переродилась душа ихъ, призывали къ себѣ такихъ перерожденцевъ и оказывали имъ отличныя почести. Такова была первая и основная причина для образованія въ Халхѣ многочисленнаго класса ламъ-хубилгановъ. Впослѣдствіи этому увеличенію до нѣкоторой степени содѣйствовали и маньчжурскіе императоры, которые иногда отличали нѣкоторыхъ настоятелей монастырей и вообще духовныхъ лицъ, оказывавшихъ ту или другую услугу маньчжурскому дому. Отличіе, оказанное маньчжурскимъ императоромъ также точно производило свое обаяніе на монголовъ: отличенный становился въ глазахъ ихъ на высшую ступень іерархіи и, по смерти его, также точно отыскивались его перерожденцы. Примѣръ сказаннаго мы видимъ на хубилганахъ Чинъ-сүзүктү ламы, живущихъ въ аймакѣ Сайнъ-нойна. Время перваго появленія Чинъ-сүзүктү ламы въ Халхѣ относится къ 1756-му году и обстоятельства этого появленія были слѣдующія. Извѣстно, что 1756-й годъ былъ ознаменованъ для сѣверной и западной Монголіи возстаніемъ, произведеннымъ чжунгарскимъ княземъ Амурсандю. Чтобы успокоить умы возбужденныхъ Чжунгарь, императоръ Цянь лунъ въ 9-й лунѣ 20-го года своего правленія издалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣвалъ, чтобы халхаскій лама Ноянъ-дорчжй отправился въ кочевья Амурсань для увѣщаній народа въ духѣ буддійской религіи и для чтенія священныхъ буддійскихъ

номовъ. Когда посланный прибылъ въ Чжунгарію, то Чулѹмъ баньжѹръ, главный лама Амурсаны, не только не воспротивился этой проповѣди, но даже увѣщавалъ весь аймакъ Амурсаны слушать наставленія халхаскаго цорчжї. За такую услугу императоръ пожаловалъ Чулѹмъ-баньжѹру почетный халатъ, особою грамотою одобрилъ его усердіе и далъ ему титулъ «Чинъ-сѹ-зѹктѹ-ном'унъ хāна», т. е. «истинно благоговѣйнаго царя священнаго ученія», вмѣстѣ съ отлитою на такое прозваніе золотою печатью. Отличенный такимъ образомъ лама съ тѣхъ поръ началъ перерождаться и въ настоящее время въ Халхѣ живетъ уже его пятое перерожденіе. Но еще болѣе увеличенію хубилгāновъ въ Халхѣ способствовали сами халхаскіе ламы, для которыхъ прїобрѣтеніе въ свой монастырь хубилгāна равносильно изысканію средствъ къ удвоенію и даже утроенію доходности монастыря, а слѣдовательно и къ обезпеченію его всегдашняго и безбѣднаго состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, монастырь, имѣющій въ своихъ стѣнахъ хубилгāна, привлекаетъ къ себѣ поклонниковъ и милостынедателей уже не однѣми своими хурульными святынями и службами, но и еще болѣе живущимъ въ немъ святителемъ: одни идутъ принять къ нему благословеніе, другіе просятъ его гаданій и предвѣщаній, третьи надѣются получить отъ него исцѣленіе и т. д. ¹⁾). Стремясь поэтому имѣть побольше хубилгā-

---

1) Постепенное увеличеніе хубилгāновъ и непосредственное содѣйствіе этому ламъ всего яснѣе выступаетъ въ разсмотрѣнїи исторїи буддизма у одного изъ чжунгарскихъ поколѣній,—именно Дурбѣтовъ. Извѣстно, что ойраты до тѣхъ поръ, пока всѣ поколѣнія ихъ нераздѣльно кочевали въ Чжунгарїи, никогда не имѣли у себя перерождающихся святителей, какъ не имѣютъ ихъ до настоящаго времени. Но вотъ въ періодъ маньчжуро-китайскихъ войнъ въ Чжунгарїи, поколѣніе Дурбѣтовъ должно было отдѣлиться отъ союза и перекочевало въ Улāнъ комъ, явившись такимъ образомъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Халхю. Нѣтъ сомнѣнїя, что именно это сосѣдство Халхи и связь съ Халхасами роковымъ образомъ повліяли на развитіе буддизма среди Дурбѣтовъ. Съ наступленіемъ нынѣшняго столѣтія у нихъ начало быстро возрастать ламство, построились новыя кумирни, наконецъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ они начали поговаривать и о хубилгāнахъ. снаряжено было специальное посольство къ Нарѹ-баньчѣнъ хутухтѣ съ просьбою указать перерождающагося святителя, который покровительствовалъ бы вѣрѣ будды въ кочевьяхъ Дурбѣтовъ. Разказываютъ, что Нарѹ-баньчѣнъ хутухта, привявъ это посольство,

новъ, ламы подѣлали таковыхъ уже не изъ проповѣдниковъ буддизма и не изъ отличившихся на дѣятельности церковно-государственной, а изъ простыхъ и скромныхъ монастырскихъ ламъ. Являлся какой нибудь цорчжй, ширѣтү, шанцзотба, или наконецъ гѣкѣй — умный, ученый, а иногда и просто добрый старичекъ, пользовался онъ всеобщею любовью и уваженіемъ и, по смерти его, ламы начинали отыскивать его хубилгана. Въ первомъ своемъ перерожденіи такой хубилганъ, конечно, пользуется сравнительно еще не большимъ уваженіемъ; но проходитъ два три поколѣнія хубилгановъ, имя ихъ предка украшается различными легендарными разказами, досужіе ламы возведутъ его исторію ко временамъ

отвѣчалъ ему, что для страны Дүрбэтовъ въ настоящее время еще нѣтъ ни гэгэна, ни хутухты, но что кумирни ихъ покровительствуются хубилганами Бѣлой и Зеленой Дара эхэ (Цагәнъ-Дарә эхэ и Ногөнъ-Дарә эхэ) и что хубилганы этихъ небесныхъ дѣвъ давно уже возродились и проживаютъ-де въ такихъ то домахъ. Возвратившееся посольство отыскало двухъ, указанныхъ дѣвушекъ въ хошүнѣ дүрбэтскаго вана и съ тѣхъ поръ у Дүрбэтовъ впервые появились хубилганы Дара эхэ. Впрочемъ хубилганъ Ногөнъ-Дарә-эхэ прожилъ едва только нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего объявленія и скончался. Тогда ламы отправили новое посольство къ Нарү-баньчэню и просили его указать новаго хубилгана, представляя при томъ особое ходатайство, чтобы этотъ новый хубилганъ былъ бы мужескаго пола, такъ какъ женскій хубилганъ не можетъ-де проживать въ монастырѣ, а потому и покровительствовать вѣрѣ, наставляя народъ и принося жертвы Буддѣ. Нарү-баньчэнь якобы объявилъ тогда: 1) что Дарә эхэ можетъ возродиться мужчиной только хубилганомъ духа, (ᠬᠤᠪᠢᠯᠠᠭᠠᠨ ᠠ ᠳᠤᠬᠤ) хубилганъ же тѣла ея (ᠲᠡᠯᠠ ᠲᠡᠭᠦ ᠬᠤᠪᠢᠯᠠᠭᠠᠨ) непременно долженъ быть женщиной; 2) что этотъ послѣдній хубилганъ тѣла уже появился въ дѣвушкѣ, родившейся у одного изъ прислужниковъ дүрбэтскаго вана, по имени «Нѳстү» и наконецъ 3) что искомый хубилганъ духа (ᠬᠤᠪᠢᠯᠠᠭᠠᠨ ᠠ ᠳᠤᠬᠤ) Ногөнъ-Дарә эхэ, могущій возродиться въ мужчину, еще не проявился. Съ этимъ посольство и возвратилось. Въ 1877 г., уже въ періодъ моего пребыванія въ Монголіи, дүрбэтскіе ламы отправляли еще третье посольство къ Нарү-баньчэню хутухтѣ, прося его снова указать хубилгана духа Ногөнъ-Дарә-эхэ и на этотъ разъ ихъ искательство увѣчалось успѣхомъ. Когда въ 1879 году я посѣтилъ кочевья Дүрбэтскаго вана, то въ хурѣ его уже проживалъ шестилѣтній хубилганъ духа Ногөнъ-дарә эхэ, возродившійся мужчиной. Видѣть этого ребенка мнѣ не пришлось.

Что касается женскихъ хубилгановъ Дарә-эхэ, то я видѣлъ только одного изъ нихъ, именно Цагәнъ-дарә-эхэ. Первая моя встрѣча съ этой живой богиней была въ Улясутаѣ. Однажды, проходя по улицѣ, я былъ пораженъ громаднымъ стеченіемъ народа у одной китайской лавки. Освѣдомившись въ чемъ

болѣе отдаленнымъ, найдуть, что въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ онъ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ учениковъ Цзонхавы, а нѣтъ, — такъ заведутъ его еще дальше, — въ Индію и — репутація хубилгана готова. А на народъ даже одно слово хубилганъ производитъ достаточное обаяніе: хубилганъ, — слѣдовательно существо, отличное отъ обыкновенныхъ, — существо высшей природы и возможно ли не благоговѣть предъ такимъ святителемъ?

Такъ образовался въ Монголіи многочисленный классъ перерождающихся святителей. Въ обычныхъ разговорахъ съ ламами мнѣ пришлось узнать, что число ихъ въ настоящее время

дѣло, я узналъ, что въ эту лавку пожаловала Дара эхэ и что китаецъ пригласилъ ее въ гости. Такъ какъ китаецъ этотъ былъ моимъ хорошимъ знакомымъ, то я свободно прошелъ къ нему въ комнату. Дара эхэ сидѣла у него на почетномъ мѣстѣ кана, пила чай и закусывала кое-какими сладостями. Это была женщина на видъ лѣтъ за 40, не высокаго роста и довольно полного тѣлосложенія; одѣта она была въ обыкновенный, дѣвичій халатъ, сдѣланный изъ снѣжно штофа, на головѣ имѣла обычную женскую шапку, только на тульѣ этой шапки было прикрѣплено металлическое изображеніе вачіра. Усѣвшись на кану, я спросилъ ее за чѣмъ она пріѣхала, гдѣ живетъ и т. д. Она отвѣчала, что кочевье ея собственно не подалеку отъ Цзабхана, но что тамъ она давно уже не была, такъ какъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто по приглашеніямъ, а сюда пріѣхала для покупки платья. Изъ разнаго рода другихъ вопросовъ для меня вполнѣ выяснилось, что Дара-эхэ была обыкновенная монголка, не получившая даже монгольскаго образованія: читать и писать она не умѣла и вообще въ своихъ знаніяхъ далеко уступала, напримѣръ, женамъ и дочерямъ халхаскихъ князей. Впрочемъ, въ разговорахъ ни одинъ изъ моихъ вопросовъ, обращенныхъ къ ней, не оставался безъ отвѣта и это благодаря тому, что особѣ Цаганъ-Дара-эхэ всегда сопутствуетъ одинъ лама гэлунъ, который и выводитъ ее изъ затруднительныхъ обстоятельствъ своимъ вмѣшательствомъ въ рѣчь. Въ частности меня интересовалъ, напр., вопросъ, какимъ образомъ примиряють Дурбѣты существованіе своей Цаганъ Дара-эхэ съ тѣмъ, что, по повѣрью ихъ, Цаганъ-Дара-эхэ воплощается въ русскихъ императоровъ. Я обратился къ ней съ вопросомъ: бывала ли она въ Россіи? Но вмѣсто отвѣта она въ недоумѣніи посмотрѣла на своего ламу, который тотчасъ же объяснилъ мнѣ, что настоящая Цаганъ-Дара-эхэ есть тѣлесный хубилганъ (བླ་མ་གྲུབ་པའི་མཉམ་པ་ལྷ་མོ་) Дара эхэ, что она воплощалась въ Россіи въ своихъ прежнихъ перерожденіяхъ и оттого въ ту пору и царями на Руси были женщины; нынѣ же тѣлесный хубилганъ Цаганъ-Дара-эхэ воплощается въ кочевьяхъ Дурбѣтовъ, а въ Россіи воплощается хубилганъ духа (ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་) Цаганъ Дара-эхэ, оттого русскіе императоры стали мужчинами и по той же причинѣ

восходить въ Халхѣ до 118, а въ южной Монголіи ихъ насчитываютъ еще болѣе, хотя точныхъ и опредѣленныхъ свѣденій о томъ, какіе это хубилганы, какъ ихъ зовутъ и въ какихъ именно монастыряхъ живутъ они, пріобрѣсти мнѣ не удалось, какъ не удалось это и моимъ предшественникамъ. Проф. Васильевъ, во время своего десятилѣтняго пребыванія въ Пекинѣ, первый пріобрѣлъ для себя списокъ монгольскихъ хутухтъ и хубилгановъ; но этотъ списокъ, не смотря на довольно значительный объемъ его, является все таки далеко не полнымъ и при томъ относится главнымъ образомъ до хубилгановъ южной Монголіи, а для Халхи онъ едва указываетъ 31-го хубилгана, опуская даже такихъ замѣчательныхъ хутухтъ, какъ Чжэбцзунъ-дамба-ургинскій.

Нару-баньчэнь-хутухту, указавшій Дурбѣтамъ хубилгана духа (ᠨᠠᠷᠤᠪᠠᠨᠢᠴᠡᠨᠢ ᠬᠤᠲᠤᠬᠤ ᠳᠦᠷᠪᠡᠲᠠᠮᠤ ᠬᠤᠪᠢᠯᠭᠠᠨᠠ ᠳᠤᠬᠤ ᠴᠠᠭᠠᠨᠢ ᠳᠠᠷᠠᠭᠡᠬᠡ) Ногонъ-Дарà-эхэ, не могъ указать имъ такового же хубилгана Цагганъ-Дарà-эхэ.

Вторая моя встрѣча съ Цагганъ-Дарà-эхэ была уже при возвращеніи моемъ въ Россію. Подѣзжая къ перевалу Уланъ-даба въ горахъ Цаганъ-шубуту, я увидалъ по дорогѣ совершенно необычайный аиль. Онъ состоялъ изъ шести юртъ и на двухъ изъ нихъ красовалось изображеніе ганчжира, оркѣ этихъ юртъ имѣло оторочку краснаго цвѣта, — словомъ было ясно, что это или кумирни, или жилище хубилгана. Освѣдомившись у проводника, я узналъ, что это кочевье Цагганъ-Дарà эхэ и завернулъ къ своей знакомой. Вошедши въ юрту, я нашелъ въ ней Цагганъ-Дарà-эхэ сидящею на своемъ оронѣ (кровать), а у дверей сидѣло человѣкъ шесть простолюдиновъ-дурбѣтовъ, пріѣхавшихъ къ ней на поклоненіе. Разговоры ихъ были самые обычные: Цагганъ-Дарà-эхэ спрашивала каждого о кочевьяхъ, о травѣ, о скотѣ, о знакомыхъ ей Дурбѣтахъ, о кое какихъ совершившихся новостяхъ и т. п. Каждый новоприбывшій дурбѣтъ, входя въ юрту, сначала молился на Цагганъ-Дарà-эхэ, потомъ, согнувшись, подходилъ къ ней, при чемъ она возлагала на его голову «адисъ», т. е. благословеніе, подобно тому какъ это дѣлаютъ всѣ ламы. Въ то же время поклонникъ подавалъ свой подарокъ богинѣ: одинъ несъ барана, другой кусокъ коровьяго масла, третій, наконецъ, пол-кирпича чаю. Поднесши подарокъ, онъ отходилъ къ сторонкѣ и садился: ему подавали чашку чаю и начинался обычный разговоръ. Такова, повидимому, ежедневная жизнь Цагганъ-Дарà-эхэ въ степяхъ. Аиль ея, какъ я уже сказалъ, состоялъ изъ шести юртъ. Въ одной помѣщалась кумирня, въ другой жила сама Цагганъ-Дарà-эхэ, въ третьей — сопутствующій ей гэлунъ, въ четвертой — три хуварака, состоящіе при кумирнѣ, пятая и шестая были заняты прислугой. Въ кумирнѣ Цагганъ-Дарà-эхэ богослуженія отправляются только по просьбѣ. Сама Цагганъ-Дарà-эхэ нѣмовъ не читаетъ, но присутствуетъ при отправленіи хурала, сидя на особомъ сѣдалищѣ, состоящемъ изъ пяти олдыковъ и установленномъ на ряду съ бурханами, по лѣвую сторону ихъ.

Этотъ недостатокъ думалъ было пополнить я и сдѣлалъ для себя соотвѣтствующую выписку изъ ямуна ургинскаго Шанцзотбы; но списокъ шанцзотбѣнскаго ямуна, во многомъ дополняющій списокъ проф. Васильева и замѣчательный еще тѣмъ, что въ немъ помѣщаются цѣликомъ всѣ титулы, которые носятъ тотъ или другой хубилганъ, тѣмъ не менѣе является опять таки недостаточнымъ въ количественномъ отношеніи: точнѣе сказать, въ шанцзотбѣнскомъ ямунѣ находится списокъ только тѣхъ халхаскихъ хутухтъ, которые имѣютъ у себя шабинаровъ, о другихъ же мы не находимъ въ немъ никакихъ извѣстій. Въ видахъ однако того обстоятельства, что не только въ Россіи, но и въ Европѣ до нынѣ не имѣется ровно ни какихъ свѣдѣній о количествѣ хутухтинскихъ каедръ въ Монголіи, я почитаю не бесполезнымъ представить здѣсь эти два списка.

- 1) Чахарскій Йогацзари тѣйнъ хутухтү Цзамьянъ-дорчжійнъ хубилганъ Норбѣ ринчинъ. — 16-ти лѣтъ ¹⁾).
- 2) Чахарскій . . . . . цорчжѣ Дава-цзайсани хубилганъ Улцзэй-токтогѣль. — 10 лѣтъ.
- 3) Чахарскій Эрдэни-мэргэнъ-цорчжійнъ хубилганъ Цзамбаль-цэрэнъ-нойрѣбъ. — Умеръ.
- 4) Чахарскій Рачжамба Лубсанъ-дамбайнъ хубилганъ Нима. —
- 5) Халхаскій Эрдэни Илагүхсанъ хутухтү Лубсанъ-балданъ-чжигмэтъ. — 30 лѣтъ.
- 6) Халхаскій Йогацзари - ачитү - эрдэни - мэргэнъ - ханбѣ - лама Лубсанъ-даньцзйинъ-намчжйль. — 49 лѣтъ.

---

1) Последнее имя обозначаетъ имя хубилгана, жившаго въ періодъ составленія списка. Къ этому, какъ видно, прибавлены еще нѣкоторыя замѣчания о хутухтахъ и, между прочимъ, показаны лѣта ихъ отъ рожденія. Последнее обстоятельство является очень важнымъ. За последнее время намъ часто не только въ разговорахъ, но и въ печати приходилось встрѣчаться съ мнѣніемъ, что ламы сами убиваютъ своихъ хутухтъ; что, по вѣрованіямъ монголовъ, хутухты должны быть вѣчно юными, а потому и непременно должны умирать по достиженіи 20 лѣтъ. Въ своемъ сочиненіи «Ургинскіе хутухты» мы уже опровергли разъ это мнѣніе; теперь настоящій списокъ хутухтъ еще яснѣе показываетъ его несостоятельность. Очевидно, что хутухты живутъ обычною жизнью и многіе изъ нихъ доживаютъ до лѣтъ весьма преклонныхъ.

- 7) Халхаскiй Ачиту-йогaцзари-дарханъ-хутухтуйнъ хубилганъ Наванъ-даньцзинъ. — 10-е перерождение. — 15 лѣтъ.
- 8) Халхаскiй Эрдэни-бандида хутухту Лубсанъ-цэванъ-чжэб-цукъ. — Умеръ.
- 9) Халхаскiй Цзая-бандида хутухту Лубсанъ-чжигмэгъ-нам-чжилъ. — 46 лѣтъ.
- 10) Халхаскiй Нару-баньчэнь-хутухту Тукчжи чжабъ. — 32 лѣтъ.
- 11) Халхаскiй Эрдэни-мэргэнъ-ноянъ хутухту Цэрэнъ-ван-цукъ. — 40 лѣтъ.
- 12) Халхаскiй Номунъ-ханъ-Бадма-дорчжи. — 20 лѣтъ.
- 13) Халхаскiй . . . . . хутухтуйнъ хубилганъ Банданъ-чойм-пуль. — 18 лѣтъ.
- 14) Халхаскiй Эркэ-цорчжйнъ хубилганъ Дамцуй-яримпилъ. — 65 лѣтъ.
- 15) Халхаскiй Дариа-бандидаинъ хубилганъ Лубсанъ тубданъ-ванцукъ. — 41 года.
- 16) Халхаскiй Шабрунъ ламайнъ хубилганъ Шакчжи-балъ. — 50 лѣтъ.
- 17) Халхаскiй Эрдэни-номчи-цорчжйнъ хубилганъ Лубсанъ-дунга-оцээръ. — 25 лѣтъ.
- 18) Халхаскiй Цзая-бандида хутухтуйнъ шанцотба-цзасакъ лама Дарма. — 59 лѣтъ.
- 19) Халхаскiй Эрдэни-бандидаинъ хубилганъ Лубсанъ-балданъ-чоймпуль. — 10 лѣтъ.
- 20) Халхаскiй Мэргэнъ бандидаинъ хубилганъ Цэбэлъ-ванцукъ-дорчжи. — 14 лѣтъ.
- 21) Халхаскiй Цзалаханцэ хутухту Лубсанъ-бальцзуръ-лундубъ. — Умеръ.
- 22) Халхаскiй Илагухсанъ хутухту Лубсанъ-самдубъ. — 30 лѣтъ.
- 23) Халхаскiй Номунъ-ханъ Иши-даньцзинъ. — 45 лѣтъ.
- 24) Халхаскiй Илагухсанъ хутухту Лубсанъ-самдубийнъ шанцотба-цзасакъ лама Лубсанъ дондобъ. — 56 лѣтъ.
- 25) Халхаскiй Цзалаханцэ хутухту Лубсанъ-бальцзуръ-лундубийнъ шанцотба Лубсанъ-цзамьянъ. — 64-хъ лѣтъ.

- 26) Халхаскiй Мэргэнъ - пандiда - хутухтү Наванъ - лубсанъ - цзамьянъ. — 11 лѣтъ.
- 27) Халхаскiй Дà-ламà Цэрэнъ дорчжi. — 47 лѣтъ.
- 28) Халхаскiй Дà ламà Наванъ-чжалцанъ. — Умеръ.
- 29) Ургинскiй Ачитү-номунъ-ханъ, Донкòрь-хутухтү Лубсанъ-чжигмэтъ-цулдàmъ. — 14-е перерождение. — 23-хъ лѣтъ.
- 30) Ургинскiй Илагүхсанъ-хутухтү хамбò-номунъ-ханъ Цзамбаль-дорчжiйнъ-хубилганъ Ринчiйнъ-чжабъ. — 56 лѣтъ. — 8-е перерождение.
- 31) Ургинскiй Эрдэнi-мэргэнъ пандiда, номунъ-ханъ Сандубъ-дорчжi. — Умеръ.
- 32) Ургинскiй Мэргэнъ - хамбò - номунъ-ханъ Чжанцубъ-дорчжiйнъ хубилганъ Лубсанъ-цул-цулдàmъ-чжигмэтъ. — 11-е перерождение. — 39-ти лѣтъ.
- 33) Ургинскiй Эрдэнi-мэргэнъ-пандiда-номунъ-ханъ Лубсанъ-пиранлай - дандарыйнъ хубилганъ Дорчжi. — 27 лѣтъ. — 9-е перерождение.
- 34) Ургинскiй Ламà Бамбарыйнъ хубилганъ Лубсанъ-дондòбъ. — 5-е перерождение. — 32-хъ лѣтъ.
- 35) Ургинскiй Ламà Лубсанъ-гэлэгыйнъ хубилганъ Чжигмэтъ дорчжi. — 60- лѣтъ.
- 36) Алашанъ'скiй Добцанъ-хутухтү Ишi-даньцзiйнъ. — Боленъ.
- 37) Алашанъскiй Дакбò - хутухтү Ишi - цуйлдàmъ - дармà - чжамсò. — 26 лѣтъ. — Прибыль въ Пекинъ.
- 38) Сунiгскiй Ганчжурпà-эрдэнi-ханбò ламà Номунъ сангыйнъ хубилганъ Садабадари. — 12 лѣтъ.
- 39) Сунiтскiй Эрдэнi-гуюшири мэргэнъ-хамбò Наванъ-чжамцани хубилганъ Дондòбъ. — 31-го года.
- 40) Учжумуциньскiй Мэргэнъ - гуюшири Лубсанъ - ширабъ - нимайнъ-хубилганъ Санцзай-дорчжi. — Умеръ на 21-мъ году отъ рождениа.
- 41) Учжумуциньскiй Дà-ламà, гуюшири-порчжi Наванъ-дамба-дорчжiйнъ хубилганъ Ишi - дампиль. — Умеръ на 28-мъ году отъ рождениа.
- 42) Учжумуциньскiй Дà ламà - эрдэнi - бандiда - мэргэнъ - ханбò

- Навѣнъ-дамбѣ-пиранлѣй-рабчжѣйнъ хубилгѣнъ Урчжйнъ-чжѣбъ. — 26 лѣтъ; уѣхалъ въ Тибетъ и не возвращался.
- 43) Учжумуцѣйнскій Ламѣ Молѣмъ-рѣчжамба Галсѣнъ-тубдѣни хубилгѣнъ Дамарѣнъ. — 18 лѣтъ.
- 44) Абагѣскій Байнъ - шабрѣнъ Навѣнъ - даньцѣйнъ - чжамсѣйнъ хубилгѣнъ Ринчѣнъ-дашѣ. — 14 лѣтъ отправился въ Тибетъ и не возвращался.
- 45) Абагѣскій Гуѣшири Лубсѣнъ-Гилцагѣйнъ хубилгѣнъ Навѣнъ-тубдѣнъ. — 21-го года.
- 46) Абагѣскій Навѣнъ-лубсѣнъ-пиранлѣйнъ-хубилгѣнъ Намгѣнорбѣ. — 27-ми лѣтъ.
- 47) Абагѣскій Дѣ-ламѣ Лубсѣнъ-дамбѣ-рабцѣй. — 40 лѣтъ.
- 48) Абагѣскій Дѣ-ламѣ Навѣнъ-отсѣрѣ. — 60 лѣтъ.
- 49) Абагѣскій Цзанлѣнъ - бандѣда - ламѣ Навѣнъ - даньцѣйнъ - чжамцѣ.
- 50) Абаганѣр'скій Эрдѣнѣ-мѣргѣнѣ хубилгѣнъ Лубсѣнъ. — 12-ти лѣтъ.
- 51) Абаганѣрскій Ламѣ Лубсѣнъ-даньцѣйнъ-чжамсѣйнъ хубилгѣнъ Марѣйсѣнъ. — 14-ти лѣтъ.
- 52) Абаганѣрскій Дѣ-ламѣ Ишѣ-чжѣмбѣ-балсанбѣ. — 75 лѣтъ.
- 53) Абаганѣрскій Да ламѣ Ишѣ-чжамцѣнъ. — 75 лѣтъ.
- 54) Хѣчитскій Биликтѣ - ном'ѣнъ хѣни хубилгѣнъ Лубсѣнъ. — 31-го года.
- 55) Цѣу-удѣскій Ламѣ-эрдѣнѣ-мѣргѣнъ-хамбѣйнъ хубилгѣнъ Навѣнъ-нирѣкѣ-даньцѣйнъ-чжамсѣ. — 26-ти лѣтъ.
- 56) Хѣхѣ-хотѣскій Ширѣтѣ-хутухтѣ.
- 57) Хѣхѣ-хотѣскій хубилгѣнъ Санцѣй-нимѣ. — Еще не принялъ перерожденя.
- 58) Хѣхѣ-хотѣскій Нѣйчжѣ-тѣйнъ хутухтѣ. — Въ 27 г. правленя отправился въ Тибетъ и еще не возвращался.
- 59) Хѣхѣ-хотѣскій Цзасѣкѣ ламѣ Галсѣнъ-ишѣ-донрѣбѣ.
- 60) Хѣхѣ-хотѣскій Дѣ-ламѣ Янчирчѣйнъ хубилгѣнъ Махѣ-бирдѣ-шѣри.
- 61) Хѣхѣ-хотѣскій Цзѣй-пандѣда-хутухтѣйнъ-хубилгѣнъ.

- 62) Хүхэ-хотòскій Чойгэгэбь-даянчи-хутухтуйнь хубилгань. —
Еще не достигъ совершеннolбтiя.
- 63) Хүхэ-хотòскій Омбò-чжамсани хубилгань. — Еще не воз-
родился.
- 64) Хүхэ-хотòскій Цзасакь ламà Донрòбь-балдань. — Умерь.
- 65) Хүхэ-хотòскій Цзасакь-дà-ламà Цагань-даянчи хутухтү.
- 66) Хүхэ-хотòскій Рачжамба-дархань-цорчжй хутухтү.
- 67) Хүхэ-хотòскій Ньпнь-ньнь хутухтуйнь хубилгань.
- 68) Хүхэ-хотòскій Эрдэни даянчи хутухтү. — Умерь.
- 69) Хүхэ-хотòскій Чахарь-даянчи хутухтуйнь хубилгань.
- 70) Хүхэ-хотòскій Цзасакь-ламà Соднамь-даньцэинь.
- 71) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Лубсань-дамбарань.
- 72) Хүрè-хотòскій Дà-ламà Гунгà-давà.
- 73) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Иши сонòмь.
- 74) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Лубсань-гилцакь.
- 75) Хүхэ-хотòскій Дà-лама Ракбà-балдань.
- 76) Хүхэ-хотòскій Цзасакь-ламà Йондòнь.
- 77) Хүхэ-хотòскій Дà-лама Шарàбь-дорчжй.
- 78) Хүхэ-хотòскій Цзасакь-ламà Дэмчүй-бальчжүрь.
- 79) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Чжамсань-нимà.
- 80) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Иши-дамбà.
- 81) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Гунцүкь-чжамсò.
- 82) Хүхэ-хотòскій Да-ламà Рабчжай.
- 83) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Лубсань-дондòкь.
- 84) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Гунгà-дэлэкь.
- 85) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Сагичжабь.
- 86) Хүхэ-хотòскій Цзасакь ламà Лубсань-самдань.
- 87) Хүхэ-хотòскій Да-ламà Лубсань-балдань.
- 88) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Ринчинь-чжамсò.
- 89) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Чжигмэгь-самдань.
- 90) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Намгай-балдань.
- 91) Хүхэ-хотòскій Дà-ламà Улцзэй.
- 92) Чжэримскій Ноянь-хутухтү Иши-чжалцань. — Въ 24 г.
правленiя Цзя-цина (1820 г.) заболѣль и умерь.
- 93) Чжэримскій Бакши ламà Мичжить-дорчжй. — 38 лѣтъ.

- 94) Чжэрѣмскій Цзасакъ-дà-ламà Наванъ-ракба.—67 лѣтъ.
- 95) Чжэрѣмскій Дà-ламà Гампиль.—65 лѣтъ.
- 96) Чжэрѣмскій Дà-ламà Санцзай.
- 97) Чжэрѣмскій Дà-ламà Дамба-чжалсанъ.—42-хъ лѣтъ.
- 98) Чжэрѣмскій Дà-ламà Чой-чжамсò.—70-ти лѣтъ.
- 99) Хорлòсскій Шабруни хубилганъ Мани-чжабъ.—47 лѣтъ.
- 100) Хорлòсскій Да-лама Амьндава.—41 годъ.
- 101) Хорлòсскій Дà-ламà, тòйнъ Улцзэй-даму-рарга-бабай.—60 лѣтъ.
- 102) Хорлòсскій Дà-ламà, тòйнъ Санчжи-чжабъ.—61-го года.
- 103) Хорлòсскій Дà-лама Иши-ракба —40 лѣтъ.
- 104) Хорлòсскій Дà-ламà Лубсанъ-дамцукъ.—80 лѣтъ.
- 105) Хорлòсскій Дà-ламà Санрэнъ-дорчжи.—85 лѣтъ.
- 106) Хорлòсскій Дà-ламà Отсэръ.—95 лѣтъ.
- 107) Хорлòсскій Да-ламà Лоцой.—88 лѣтъ.
- 108) Хорлòсскій Дà-ламà Чойракъ.—80 лѣтъ.
- 109) Хорлòсскій Да-ламà Бацзай.—78 лѣтъ.
- 110) Хорлòсскій Дà-ламà Чойракъ.—74 лѣтъ.
- 111) Хорлòсскій Дà-ламà Дэлэкъ.—67 лѣтъ.
- 112) Хорлòсскій Да-ламà Лубсанъ-молòмъ.—57 лѣтъ.
- 113) Хорлòсскій Дà-ламà Яши-цукданъ.—52 лѣтъ.
- 114) Хорлòсскій Дà-ламà Бунь-яранцзанъ.—46 лѣтъ.
- 115) Хорлòсскій Да-ламà Чой-отсэръ.—25 лѣтъ.
- 116) Хорлòсскій Дà-ламà Наванъ-линданъ.—40 лѣтъ.
- 117) Хорлòсскій Дà-ламà Дансай нима.—48 лѣтъ.
- 118) Хорлòсскій Дà-ламà Сулчжимъ.—61-го года.
- 119) Хорлòсскій Да-ламà Чакдаръ-урчинъ.—50 лѣтъ.
- 120) Хорлòсскій Дà-ламà Ламгү.—64-хъ лѣтъ.
- 121) Хорлòсскій Дà-ламà Гомбò-ринчинъ.—48 лѣтъ.
- 122) Хорлòсскій Дà-ламà Лубсанъ-раши.—50 лѣтъ.
- 123) Хорлòсскій Дà-ламà Тулцзанъ-балданъ-самбò.—42-хъ лѣтъ.
- 124) Хорлòсскій Дà-ламà Пирлай.—27 лѣтъ.
- 125) Хорлòсскій Да-ламà Наванъ Галсанъ.—35 лѣтъ.
- 126) Хорлòсскій Дà-ламà Улцзэй-бадаръ.—31-го года.
- 127) Хорлòсскій Дà-ламà Галсанъ-ширабъ.—63 лѣтъ.

- 128) Хорлòсскій Дà-ламà Навàнъ-даньцзинь. — 62-хъ лѣтъ. — Боленъ.
- 129) Хорлòсскій Дà-ламà Ашұка.
- 130) Чжалàйтскій Дà-ламà Лэкчйтъ. — 65 лѣтъ.
- 131) Чжалàйтскій Дà-ламà Баньчжабъ. — 72-хъ лѣтъ.
- 132) Чжалàйтскій Дà-ламà Товàци. — 59 лѣтъ.
- 133) Чжалàйтскій Дà-ламà Бàньди. — 62-хъ лѣтъ.
- 134) Чжалàйтскій Дà-ламà Сампиль. — 82-го года.
- 135) Чжалàйтскій Дà-ламà Чжабъ. — 43-хъ лѣтъ.
- 136) Чжалàйтскій Дà-ламà Чдй-ринчйнъ. — 70 лѣтъ.
- 137) Чжалàйтскій Дà-ламà Санцзай-ринчйнъ. — 65 лѣтъ.
- 138) Чжалàйтскій Дà-ламà Чуанъ. — 62-хъ лѣтъ.
- 139) Чжалàйтскій Дà-ламà Хуваргунъ. — 41-го года.
- 140) Чжалàйтскій Дà-ламà Энкэ. — Умеръ.
- 141) Дүрбэтскій Дà-ламà Байнъ-дурангъ. — 46 лѣтъ.
- 142) Дүрбэтскій Дà-ламà Рашй. — 61 года.
- 143) Дүрбэтскій Дà-ламà Номунъ-дэлгэръ. — 46 лѣтъ.
- 144) Дүрбэтскій Дà-ламà Байнъ-кэшйкъ. — 72-хъ лѣтъ.

По списку шанцзотбйнскаго ямуна въ числѣ халхаскихъ хутухтъ значатся:

- 1) Шашйни мандагүлху, амитани чжиргагүлхчи Чжэбцзүнъ-дамба-хутухтүйнъ хубилганъ.
- 2) Ачиту, номунъ-ханъ Донкòръ-хутухтүйнъ хубилганъ.
- 3) Илагүхсанъ хутухту, хамбò, номунъ-ханъ Цзамбалъ-дорчжйнъ хубилганъ.
- 4) Эрдэни-мэргэнъ-хутухту Лубсанъ-гэлэг'унъ хубилганъ.
- 5) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, номунъ-ханъ Цэвànъ-дорчжинъ хубилганъ.
- 6) Мэргэнъ - ханбò, номунъ - ханъ Чжанцзубъ-дорчжйнъ хубилганъ.
- 7) Эрдэни-мэргэнъ-пандида, цорчжй-хамбò-номунъ-ханъ Лубсанъ пиранглай-дандар'унъ хубилганъ.
- 8) Бамбарунъ хубилганъ.
- 9) Шачжйни тодорагүлхчи эрдэни Цзай-пандида хутухтүйнъ

хубилганъ. (Въ просторѣчи онъ называется просто Цзай пандида, или Цзайинъ гэгэнъ. Кочевья и монастырь его располагаются въ Сайнъ-нойновскомъ аймакѣ и хубилганъ его долженъ быть отличаеъ отъ хүхэхотдскаго хубилгана, помѣченнаго въ первомъ спискѣ подь № 61-мъ.

10) Эрдэни-пандида-хутухтү, хамбò, номунъ-хәнъ. (Въ просторѣчи извѣстный подь именемъ Ламà ном'унъ ханъ. Кочевья его располагаются въ Сэцэнъ хановскомъ аймакѣ.

11) Чинъ-сүзүктү номунъ-хәнъ, эрдэни-хамбò хутухтү. (Въ просторѣчи называется Чинъ-сүцзүктү ламà).

12) Эрдэни-мэргэнъ-пандида-цэцэнъ-ном'унъ-хәнъ. (Въ просторѣчи Эрдэни хамбò хутухтү).

13) Номчй-мэргэнъ-ханбò-эрдэни-пандида Цзалаханца хутухтү.

14) Союл'и бадарагүлүхчи сүмэйнъ Ханбò Нарү-банчэнъ хутухтү. (Въ просторѣчи извѣстный подь именемъ Нару-банчэнъ гэгэна.

15) Эрдэни илагүхсанъ хутухтүйнъ хубилганъ. (Въ просторѣчи называется Хла-бэйсэйнъ илагүхсанъ).

16) Йогацзари-ачитү-эрдэни-мэргэнъ-сэцэнъ-хамбòйнъ хубилганъ.

17) Цзарликъ-йэръ йэхэ ухагату цолò шанънахсанъ цорчжй-хутухтү-эрдэни-хамбò-эрхэ-сэцэнъ тòйнъ (въ просторѣчи извѣстный подь именемъ «мэргэнъ вангбйинъ тòйнъ-хамбò»). Монастырь и кочевья его располагаются въ кошүнѣ Мэргэнъ вана Түшэртү хановскаго аймака.

18) Хамбò-илагүхсанъ, сайнъ прүгэлтү-ширѣтү-номчй-номунъ-хәнъ (въ просторѣчи извѣстенъ подь именемъ Хабчйкъ хубилганъ).

19) Хубилганъ-цорчжй-номчй-эрдэни-биширэлтү. (Въ просторѣчи называется Нойнъ ламà и жительствоеть въ монастырѣ Пунсүкъ-дорчжй-линъ неподалеку отъ Барүнъ-хүрѣ).

20) Эрдэни-илагүхсанъ-ширѣтү-бликтү-габчжү-хубилганъ. (Въ просторѣчи называется «Шабйинъ галцэнъ-ширѣтү»).

21) Шачжйни тодорагүлүхчи, сайнъ ирүгэлтү, номчй, мэргэнъ хамбò-сэцэнъ-ширѣтү Дарва-пандида хутухтүйнъ хубилганъ.

- 22) Хубилганъ галцзанъ-ширѣтү. (Въ просторѣчи — Хатагйн'и галцзанъ ширѣтү).
- 23) Шачжйни тедорагүлукчи, эрдэни-мэргэнъ-нойнъ-хутухтү. (Въ просторѣчи называется «Сайнъ-нойнъ дүгьйинъ хубилганъ», т. е. хубилганъ младшаго брата Сайнъ-нойна. Кочевья его располагаются въ Сайнъ-нойновскомъ аймакѣ.
- 24) Тойнъ-хамбò хубилганъ улэмчжй сайнъ-номчй-мэргэнъ.
- 25) Тойнъ-хамбò хубилганъ үлэмчжй сайнъ-номчй-мэргэнъ. (Для отличія отъ перваго называется еще Хла-бэйсэйнъ тойнъ, подъ каковымъ именемъ и извѣстенъ онъ въ просторѣчи. Къ канцелярїяхъ эти хутухты различаются между собою только по хошүнамъ.
- 26) Цорчжй-хубилганъ Дамба-юнъ-най.
- 27) Шачжйни тедорагүлукчи эрдэни-мэргэнъ-нойнъ-хутухтү. (Для отличія отъ соименнаго ему хубилгана младшаго брата Сайнъ-нойна онъ называется Гобйинъ-нойнъ-хутухтү. Монастырь и кочевья его располагаются въ Мэргэнъ-вановскомъ хошүнѣ.
- 28) Эрдэни-мэргэнъ-ширѣтү (въ просторѣчи — Хла бэйсэйнъ ширѣтү).
- 29) Хубилганъ-дарханъ-цорчжй Лубсанъ-дамба-чжалцангьйинъ хубилганъ.
- 30) Илагүхсанъ-хутухтү, нойнъ-номунъ-ханъ.
- 31) Аймакъ сабайги барихчй, ачитү-номунъ-ханъ, эрдэни-Манцүшри Донкòрь хутухтү. (Нынѣ живетъ постоянно въ Чахарскомъ аймакѣ близъ Долбнъ-нүра, хотя имѣетъ свои монастыри и въ Халхѣ. Его должно отличать отъ Донкòрь Маньчжүшри, жительствующаго не подалеку отъ Ургй и состоящаго въ вѣдѣнїи Чжэбцзүнъ-дамба-хутухты.
- 32) Мэргэнъ-хамбò-номунъ-хәни хубилганъ.
- 33) Эрдэни-мэргэнъ-пандита-ном'унъ-хәни хубилганъ.
- 34) Мэргэнъ хутухтү.
- 35) Эрдэни хубилганъ.
- 36) Эрдэни-ацоктү-хутухтү (въ просторѣчи Арүйнъ хубилганъ, жительствуетъ въ Цзасактү-хәновскомъ аймакѣ).

37) Хубилгàнь, гб-ши-дондòбъ-номчй-биликтÿ.

38) Тòйнъ-цорчжйнь хубилгàнь.

39) Номчй-номÿнь хань.

40) Гÿнь-бандйдайнъ хубилгàнь.

41) Цзасàкъ, дà-ламà Оронбò-хутухтÿйнъ хубилгàнь.

42) Эрдэнь-пандйта-ламайнъ-хутухтÿ (въ просторьчйи Ламайнь гэгэнь жительствоуетъ въ Сайнь-нойновскомъ аймакѣ).

43) Мэргэнь-хамбò-хÿхэнь-хутухтÿйнъ хубилгàнь (въ просторьчйи Хÿхэнь хутухтÿ; кочевья и монастырь его располагаются въ сэцэнь-хановскомъ аймакѣ).

44) Илагÿхсань - хамбò Ганчжорвà гэгэнь (жительствуетъ сэцэнь хановскомъ аймакѣ).

Всѣ эти хубилгàны извѣстны въ народѣ подь именемъ хутухтÿ и гэгэновъ, но въ оффиціальномъ языкѣ сказанные титулы строго различаются. Собственно говоря, всѣ эти святители имѣють право на одно общее названіе — «хубилгàнь», что значить — перерожденецъ, или воплощеніе какого либо знаменитаго ламы; титуль «хутухтÿ» жалуется хубилгàнамъ уже богдоханомъ при особомъ рескриптѣ и непременно съ выдачею золотой печати; тоже самое относится и до титула «гэгэнь», что значить собственно—свѣтлый, блестящій и святой. Различія между этими двумя титулами почти не полагается, хотя китайское правительство и приняло въ обычай давать хубилгàнамъ титуль «хутухты» за отличную дѣятельность собственно на пользу церкви и религіи, а титуль «гэгэна» за гражданскія доблести. Титулы эти даются всегда отдѣльно: такъ извѣстный проповѣдникъ буддизма въ Монголіи Донкòрь-хутухтÿ имѣеть титуль хутухты, но не имѣеть титула гэгэнь; съ другой стороны проживающій теперь въ Тултѣ лама Цаганъ гэгэнь за усмиреніе мятежныхъ шаекъ въ періодъ дунганскаго возстанія, получилъ отъ богдохана титуль гэгэна, хотя не имѣеть званія хутухты. Есть впрочемъ хубилгàны, соединяющіе на своей личности и оба эти титула: въ большинствѣ случаевъ это уже старинные перерожденцы, считающіе за собою пятнадцать и двадцать перерожденій, въ теченіе которыхъ они успѣли отличиться какъ по дѣламъ церковныхъ, такъ и по дѣ-

ламъ гражданскимъ. Что касается молодыхъ хубилгановъ, то они въ первомъ, второмъ и даже третьемъ перерожденіи, почти никогда не имѣютъ у себя титуловъ; мало того ихъ рѣдко зовутъ даже и хубилганами, а чаще называютъ ихъ именемъ «шабрѣнъ», что значитъ собственно «молодой хубилганъ».

Получить истинное понятіе о жизни хубилгановъ на основаніи разказовъ самыхъ монголовъ не представляется почти ни какой возможности. Исполненные благоговѣнія предъ своими святытелями, они украшаютъ всю жизнь ихъ, начиная съ момента зачатія и до самой смерти, небывалыми чудесами. Попробуйте спросить монгола о жизни какого бы то ни было гэгэна и вы непременно услышите, что родители его были образцомъ чистоты и благочестія, что зачатіе хубилгана совершилось какимъ либо необычайнымъ образомъ, что его пребываніе во чревѣ матери сопровождалось для сей послѣдней многочисленными, знаменательными сновидѣніями, что самое рожденіе не прошло безъ какого нибудь чуда, что ребенокъ съ первыхъ же дней, недѣль, или мѣсяцевъ обнаружилъ необычныя способности: первыми словами его были непременно слова какой нибудь молитвы и т. д. и т. д. Въ дѣйствительности, современныхъ монгольскихъ хутухтъ можно раздѣлить теперь на два рода. Одни изъ нихъ по происхожденію всегда бываютъ тибетцами; это, въ большинствѣ случаевъ, знатные хутухты, обладающіе громадными монастырями, имѣющіе у себя приписныхъ шабинаровъ и пользующіеся высшимъ почетомъ у народа. Другіе, низшіе хубилганы, духовные родоначальники которыхъ не составили себѣ такого громкаго реноме, возрождаются теперь почти всѣ въ Монголіи. О происхожденіи первыхъ хутухтъ мы не можемъ сказать многого, такъ какъ не могли собрать по этому вопросу вполне достовѣрныхъ свѣдѣній; намъ извѣстно только, что хубилганы всѣхъ этихъ хутухтъ первоначально указываются въ Тибетѣ или Баньчэнь эрдэни, или Далай ламою и что за симъ избраніе ихъ происходитъ по одному общему порядку, о которомъ мы уже имѣли случай говорить при описаніи избранія Чжэбцзунъ-дамба-хутухты (см. Ургинскіе хутухты, стр. 20). Что касается хутухтъ, возрождающихся въ Монголіи,

то въ прежнее время относительно избранія ихъ всегда свято исполнялось постановленіе пекинскаго двора, по которому власти, имѣющіе право объявлять мѣсторожденіе хубилгановъ, не смѣли указывать на дѣтей мужескаго пола, родившихся въ семействахъ владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; но въ настоящее время это значительно видоизмѣнилось и хутухты въ большинствѣ случаевъ бываютъ именно одними изъ младшихъ сыновей владѣтельныхъ князей и тайчжіевъ; только старшіе сыновья, какъ наследующіе, по закону, всѣ княжескія права и преимущества своего родителя, хутухтами никогда не оказываются. Въ рѣдкихъ случаяхъ хубилганы являются и въ домахъ не владѣтельныхъ тайчжіевъ и даже простолюдиновъ, но это, повторю, является уже какъ исключеніе. Такъ напр. собирая свѣдѣнія о жизни Ромба гэгэна я узналъ, что онъ родился въ хошунѣ О-вана и былъ сыномъ незамужней дочери одного бѣднаго монгольскаго тайчжи, состоявшей въ связи съ какимъ-то ламою. Въ этой связи она состояла еще до рожденія Ромба-гэгэна лѣтъ двадцать пять и тогда послѣдствіемъ ея было также рожденіе святителя, живущаго теперь въ ургинскомъ ганданѣ и извѣстнаго подъ именемъ Дацанъ, хубилгана. Выборъ хубилгановъ, рождающихся въ Монголіи, совершается, въ большинствѣ случаевъ, при посредствѣ Чжэбцзунъ дамбъ хутухты ургинскаго. Обыкновенно, по смерти каждаго хубилгана, монастырскіе ламы отправляются въ Ургу и здѣсь получаютъ отъ Чжэбцзунъ-дамбъ хутухты указаніе, что ихъ почившій святитель возродился въ такомъ то хошунѣ и въ такомъ то домѣ. Послѣ этого ламы возвращаются въ монастырь, забираютъ съ собою нѣкоторые изъ вещей умершаго хубилгана и ѣдутъ съ ними въ указанное имъ жилище для испытанія ребенка. Прибывъ въ домъ, они проживаютъ тамъ иногда день, а иногда два, три и болѣе; время отъ времени они вынимаютъ захваченныя съ собою вещи, при чемъ ребенокъ всякій разъ долженъ или потянуться къ показываемому ему предмету, или сказать «это мое», если, конечно, онъ находится уже въ такомъ возрастѣ, что можетъ говорить. Этимъ признаніемъ вещей обнаруживается, что въ ребенкѣ дѣйствительно находится душа покойнаго и ламы, убѣдившись въ томъ,

что они нашли искомаго хубилгана, возвращаются въ монастырь. Такое первоначальное открытіе или избраніе новаго хубилгана всегда совершается въ теченіе перваго и уже ни какъ не дальше втораго года по смерти того ламы, хубилганъ котораго отыскивается. Если дѣло затягивается на болѣе долгій срокъ, то эту затяжку можно почитать за вѣрный признакъ того, что или монастырь, по имѣющимся у него средствамъ, не въ силахъ отыскать и призвать гэгэна, или же въ дѣлѣ самаго избранія его произошла борьба партій, при чемъ одна партія совѣтуетъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухтѣ объявить хубилганомъ одно лицо, а другая рекомендуетъ другое. Случается, что будучи не въ силахъ разобраться, Чжэбцзунъ-дамба-хутухту объявляетъ прибывшимъ къ нему съ просьбою указать мѣсто перерожденія хубилгана депутатамъ, будто лама ихъ переродился гдѣ нибудь въ царствѣ тэнгриевъ, или драконовъ, чтобы проповѣдывать и тамъ вѣру будды. Лѣтъ черезъ пять, шесть, когда волненіе умовъ поутихнетъ, ламы искатели хутухты ѣдутъ въ Ургу снова и тогда, смотря по обстоятельствамъ, получаютъ новое указаніе относительно перерожденія ихъ святителя. Но такъ или иначе, по отношенію къ хубилганамъ, перерождающимся въ Монголіи, можно отмѣтить только одно, что всѣ они отыскиваются малютками не выше полутора, или двухъ лѣтъ. Послѣ того какъ впервые побываетъ у нихъ депутація монастырскихъ ламъ и убѣдится, что указанный малютка есть дѣйствительно искомый хубилганъ, ребенокъ этотъ еще года на два, на три остается жить въ домѣ своихъ родителей. Во все это время при немъ неотлучно живетъ одинъ изъ почтенныхъ монастырскихъ ламъ; раза два, три въ годъ къ ребенку являются монастырскія депутаціи для того, чтобы осведомиться объ его здоровьи и совершить въ его домѣ уставныя молебствія; что же касается народа, то онъ приходитъ на поклоненіе новообъявленному хубилгану почти непрерывно. Поклонникамъ выносить хубилгана его мать, но не иначе какъ подъ присмотромъ живущаго при немъ ламы: всѣ приношенія, доставляемыя при этомъ хубилгану, составляютъ уже монастырскую собственность. Лѣтъ четырехъ, или пяти ребенку предпо-

даютъ обѣты убаші, послѣ чего совершается торжественный пе-реѣздъ его въ монастырь. Обрядъ этотъ на языкѣ монголовъ называется *ᠬᠤᠪᠢᠯᠭᠠᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ*, т. е. «приглашеніе хубилгана».

Счастливыи день для приглашенія хубилгана назначается ла-мами - цзурухайчїями и еще за долго объявляется всѣмъ окре-стнымъ жителямъ, чтобы дать имъ возможность присутствовать при церемонїи. Въ назначенный день къ юртѣ родителей хубил-гана прибываютъ всѣ монастырскїе ламы и собирается масса на-рода. Съ ранняго утра ламы передъ жилищемъ хубилгана начи-наютъ служить молебствїе, извѣстное подъ именемъ «ухїяль ўр-гүхү» и совершаемое съ специальною цѣлью приготовить «аршанъ», или освященную воду. Этою водою они окропляютъ и людей и вещи, отправляющїяся въ поѣздъ; за симъ входятъ въ юрту, выносятъ изъ нея малютку хубилгана, сажаютъ его въ носилки и поѣздъ движется въ слѣдующемъ порядкѣ:

- 1) Впереди ѣдутъ верхомъ на лошадахъ *хя*, или тѣлохрани-тели князя того хошүна, въ который приглашается ху-билганъ. Число ихъ соразмѣряется со степенью знатности князя и бываетъ отъ 24 до 9-ти. Они везутъ военное знамя хошүна и военные значки по числу сумүновъ въ хошүнѣ.
  - 2) Сумүнные зангїны, или ротные командиры хошүна.
  - 3) Хошүнный князь.
  - 4) Его адъютанты и прислужники (*ᠬᠤᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ*).
- За симъ слѣдуетъ собственно поѣздъ духовныхъ лицъ.
- 5) Два ламы съ свернутыми въ трубку барсовыми шкурами; назначенїе этихъ шкуръ — служить бичами для того, чтобы отгонять забѣгающую впередъ толпу зрителей.
  - 6) Два ламы съ раковинами (дүнъ-бүрѣ).
  - 7) Два ламы съ бшкүрами.
  - 8) Два ламы съ кэнгэрэ.
  - 9) Два ламы съ цанами.
  - 10) Высшее монастырское духовенство, по два въ рядъ, млад-шіе впереди. Одни изъ нихъ держатъ въ рукахъ благовон-ныя и медленно горящїя, курительныя свѣчи, другїе во все время движенія читаютъ молитвы.

- 11) Цорчжй, или намѣстникъ монастыря, идетъ одинъ въ концѣ линіи должностныхъ монастырскихъ ламъ.
- 12) Монастырскіе хя, составляющіе свиту цорчжй.
- 13) Хусхѳ хубилгана, или лошади и верблюды, на которыхъ во выюкахъ везется имущество хубилгана.
- 14) Моринъ эрдэни (тиб. 𑄆) — драгоценная лошадь, на сѣдлѣ которой утверждается изображеніе чиндамани.
- 15) Старшій сѳйбунъ хубилгана, держащій въ рукахъ ящикъ съ священными книгами и нѣкоторыми главнѣйшими бурханами. принадлежащими хубилгану.
- 16) Шүкүръ, или зонгъ, предносимый хубилгану. Онъ бываетъ или священный (𑄆𑄇𑄈𑄉𑄊), составляющій принадлежность каждаго хубилгана и шиваемый изъ матерій пяти цвѣтовъ; или же богдоханскій, т. е. пожалованный хубилгану за заслуги его богдоханомъ. Если хубилганъ имѣетъ у себя такой, жалованный богдоханомъ шүкүръ, то священный шүкүръ ему уже не предносится. По внѣшнему виду богдоханскій шүкүръ разнится отъ священнаго тѣмъ, что онъ шивается изъ одноцвѣтной желтой матеріи.
- 17) Носилки, въ которыхъ возсѣдаетъ хубилганъ, несомыя 8-ю ламами.
- 18) По бокамъ носилокъ идутъ толпою монастырскіе ламы.
- 19) Родители и родственники хубилгана.
- 20) Народъ.

Весь этотъ поѣздъ движется чрезвычайно медленно, такъ какъ большинство народа идетъ пѣшкомъ, да и самаго то хубилгана несутъ въ носилкахъ на своихъ плечахъ пѣшіе ламы. Свыше пятнадцати верстъ въ день процессія никогда не проходитъ. Если по дорогѣ приходится ночевать, то, предварительно остановки поѣзда, ламы служатъ на мѣстѣ условленнаго ночлега молебствіе въ честь генія покровителя этой мѣстности (𑄆𑄇𑄈𑄉𑄊) съ приношеніемъ ему жертвъ и балыновъ и только по окончаніи этого молебствія начинаютъ развьючивать лошадей, ставятъ палатки и проч. Приблизившись къ монастырю, поѣздъ останавливается, чтобы оправиться; а высшее монастырское духовенство

вмѣстѣ съ частью ламъ музыкантовъ тѣмъ временемъ отправляется впередъ въ монастырь, чтобы встрѣтить тамъ хубилгана. Эта встрѣча бываетъ у «тахилбинъ модо», которыя, какъ извѣстно, служатъ знаками для границы земель, принадлежащихъ собственно монастырю. Здѣсь цорчжй снимаетъ хубилгана съ носилокъ и далѣе уже пѣшкомъ проводятъ его подъ руки монастырскіе цорчжй и ширѣтү черезъ «богдѣйнъ халга», по «высокому пути» прямо въ главную монастырскую кумирню. Вслѣдъ за хубилганомъ въ кумирню вступаютъ ламы и разсаживаются по своимъ мѣстамъ въ то время, какъ цорчжй и ширѣтү поднимаютъ хубилгана и сажаютъ его на «арсалантү тѣбцэнъ». Когда хубилганъ будетъ посаженъ на свое сѣдалище, а ламы размѣтятъ я на чжабданахъ, начинается церемонія поднесенія гэгэну даньшика (ᠠᠨᠳᠠᠰᠢᠬᠠ). Первымъ подносится мандаля отъ лица всѣхъ монастырскихъ ламъ. Внѣшній видъ и значеніе этого священнаго прибора мы уже объясняли выше (см. стр. 96), здѣсь же скажемъ только, что, при поднесеніи даньшика живымъ хубилганамъ, читается особая краткая молитва, называемая по монгольски «батү орошилъ». Самый обрядъ совершается слѣдующимъ образомъ. На средину кумирни, прямо предъ лице хутухты, выходятъ цорчжй и ширѣтү, держа мандаля, а ламы въ это время начинаютъ пѣть:

«Поклоняемся, величественный лама, тебѣ, содержащему въ себѣ основы вѣры, въ совершенствѣ обладающему вѣденіемъ, — великому морю, производящему всякія драгоценности».

«Поклоняемся тебѣ; величественный лама, знаніе котораго ясно какъ свѣтъ, милосердіе котораго глубоко какъ середина моря, спасающія силы котораго равны Вачжрапани».

«Всѣ будды четырехъ собраній тѣнтръ воплотились въ тебѣ, спасительный лама; поклоняемся тебѣ, величественный лама, который спокойно и легко можетъ преподать намъ сидди двухъ родовъ ¹⁾».

---

1) Сидди — таинственныя, магическія силы приобретаемыя посредствомъ созерцаній и произнесенія тарнистическихъ словъ. Обыкновенно, по буддизму,

цѣнностей, чрезъ дѣятельное покровительство могущественныхъ геніевъ хранителей да утвердятся стопы нашего ламы и да распространятся на всякое мѣсто и время благія дѣла его».

«Мы же и всѣ прочіе отселѣ впредь до того времени, когда получимъ святость бѣди, да будемъ твоими учениками въ каждомъ перерожденіи, да животворимся рашійномъ твоего слова и да чествуемъ тебя жертвами исполненія твоего ученія».

«Вообще да укрьпится вѣкъ жизни нашего хубилгана ламы, да распространятся благія дѣла его на всякое мѣсто и время, да не разстанемся мы, ученики его, съ нимъ никогда и въ концѣ концевъ да сдѣлаемся буддами!»

По прочтеніи этой молитвы цорчжи и ширѣтү съ преклоненными головами подносятъ мандаля хубилгану; послѣдній беретъ съ него нѣсколько зеренъ и подбрасываетъ ихъ вверхъ, за симъ возлагаетъ свои руки на головы поднесшихъ и они отходятъ. Послѣ поднесенія мандала отъ монастыря слѣдуютъ частныя подношенія ламъ: хамбѣ ламы, цорчжи, ширѣтү'я и прочихъ въ порядкѣ ихъ старшинства. Каждый изъ желающихъ ламъ можетъ подносить свой мандаля отдѣльно и при каждомъ подношеніи непременно читается молитва «батү орошилъ». Приношенія ламъ почти всегда ограничиваются поднесеніемъ одного только мандала.

Вслѣдъ за ламами начинаютъ подносить даншикъ свѣтскіе люди и, конечно, прежде всѣхъ хошунный князь. Вишній порядокъ принесенія тотъ же самый, но приношенія свѣтскихъ людей уже не ограничиваются однимъ мандаломъ. Просматривая прихода-расходныя книги монастыря Оромбѣ гэгэна, я узналъ, что при возведеніи сего послѣдняго на кафедру, мѣстный князь его хошүна поднесъ ему въ дансүкъ слѣдующія вещи:

1 серебрянный, позлащенный мандаля вѣсомъ въ 10 гинѣвъ (около 15 фунтовъ);

3 кумира бронзовыхъ, вызолоченныхъ, литыхъ, вышиною около 1½ аршинъ и 1 кумиръ Шигэмүнія серебрянный, позолоченный, величиною въ четверть.

Олбѣкъ и түшилгэ, три перемѣны, шелковыя.

Номунъ хубцасу—шелковыя.

Оркимчжи.

Серебряный колокольчикъ.

Дамару.

Серебряную бумба.

Диншэ.

Хадаковъ шелковыхъ съ вытканымъ изображеніемъ бур-
хана Аюши—девять.

Красныхъ тибетскихъ хучжи девять свертковъ.

Шелковой матеріи вишневаго цвѣта — одинъ кусокъ.

Шелковой матеріи желтаго цвѣта—на одну курму.

Сукна русскаго—одинъ кусокъ.

Соболей—девять шкуръ.

Серебра 100 лапъ.

Лошадей съ сѣдлами и уздами — верховыхъ, двѣ.

Лошадей для домашняго употребленія — пятьдесятъ.

Быковъ—двадцать.

Овецъ—двѣсти.

Четыре перемѣны платья по четыремъ временамъ года (пол-
ные костюмы).

Юрту, со всѣми ея принадлежностями сполна.

Въ кумирѣ всѣ эти предметы подавались хубилгану вслѣдъ за мандамомъ на особыхъ блюдахъ, а лошади, коровы и юрта были разставлены на монастырскомъ дворѣ. Послѣ князя точно такіе же подарки вещей, относящихся до домашняго обихода ламъ, были поднесены хубилгану и другими свѣтскими лицами хошүна, конечно въ меньшемъ количествѣ отъ каждаго частнаго лица въ отдѣльности, но въ общемъ далеко перевысившія единичное приношеніе князя. Такимъ образомъ хубилганъ Оромбѣ гэгэна получилъ напр. всего 1,540 лошадей, 800 быковъ и до 1000 овецъ. По окончаніи даншійка народу было предложено отъ монастыря угощеніе, за которымъ слѣдовали народныя игры, состоящія въ скачкахъ, борьбѣ, стрѣляннн въ цѣль изъ лука и проч.

По окончаніи церемоній, для хубилгана начинается обыденная монастырская жизнь. Онъ живетъ въ своей ѳргѣ вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ, на каковую должность выбираютъ обык-

новенно пожилые ламы, лѣтъ шестидесяти. Лѣтъ до семи ребенокъ проводитъ время почти исключительно въ обществѣ этихъ ламъ. Послѣдніе разказываютъ ему легенды изъ исторіи буддизма, или изъ исторіи Монголіи, Тибета и Китая, или наконецъ знакомятъ съ жизнью другихъ народовъ. Игры ребенка состоятъ главнымъ образомъ въ рисованіи, не менѣе часто учатъ хубилгановъ лѣпить изъ глины изображенія бурхановъ, людей, домашнихъ животныхъ и пр. Сверстниковъ къ хубилганамъ почти никогда не допускаютъ, такъ что хубилганы едва ли не исключительно видятъ передъ собою однихъ лишь взрослыхъ людей. Благодаря такому воспитанію ребенокъ-хубилганъ рѣзвится вообще очень мало. Проживая въ кочевьяхъ Чахаровъ, я имѣлъ возможность почти въ теченіе полугода наблюдать за воспитаніемъ хубилгана Борд-дѣчжійнъ сүмэ. Бывало, придешь къ нему днемъ, онъ сосредоточенно лѣпитъ какую нибудь птичку, другой разъ—учится играть на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ; попробуетъ издать какой нибудь дикій звукъ на своемъ маленькомъ бишкүрѣ, или отбить какую нибудь, небывалую дробь на барабанѣ,—воспитатель тотчасъ же кротко замѣтитъ ему, что это грѣхъ, что нужно бить вотъ какъ, или играть такъ. Случалось приходитъ мнѣ и вечерами, въ сумерки, и всегда заставлялъ я одну и ту же картину: хубилганъ сидитъ на колѣнахъ у своего ламы воспитателя, а тотъ разказываетъ ему о его прежнихъ перерожденіяхъ,—какъ тогда то былъ онъ ламою въ Тибетѣ, какъ проповѣдывалъ ученіе тому то, сотворилъ такое то чудо; какъ въ слѣдующемъ перерожденіи былъ онъ въ странѣ тэнгриевъ, видѣлъ тамъ то-то, сдѣлалъ то-то и проч. и проч. Всѣ эти разказы конечно имѣютъ громадное вліяніе на ребенка. Впослѣдствіи, коротко познакомившись съ Оромбò гэгэнномъ, которому въ ту пору было уже лѣтъ 19-ть, я имѣлъ случай наблюдать и результаты такого воспитанія. Оромбò-гэгэнъ самъ дѣйствительно былъ убѣжденъ, что онъ хубилганъ; онъ могъ разказать свои перерожденія; съ необычайною живостью и восторгомъ разказывалъ мнѣ о дѣятельности своей у тэнгриевъ, картинно описывалъ обитателей этого царства, ихъ яхонтовые дворцы, плоды, которыми они питаются и

т. д. И это не было съ его стороны какимъ либо притворствомъ, или обманомъ; нѣтъ, онъ самъ глубоко былъ убѣжденъ въ справедливости всего разказываемаго имъ, какъ будто онъ дѣйствительно пережилъ все это. Въ зимнее время дѣти-хубилганы уѣзжаютъ иногда къ своимъ родителямъ, но и здѣсь народа они почти не видятъ, проводя время исключительно въ своемъ семейномъ кругу. Лѣтъ съ семи хубилгановъ начинаютъ учить грамотѣ и учителямъ ихъ обыкновенно бываютъ ханбѣ-ламы, или цорчжѣ ламы тѣхъ монастырей, въ которыхъ проживаетъ хубилганъ. Съ этого времени жизнь хубилгана нѣсколько измѣняется, ибо онъ занимается науками непремѣнно два раза въ день, приблизительно отъ 9-ти часовъ утра до 12-ти и отъ 4-хъ до 6-ти вечера. Лѣтъ съ 11-ти къ хубилгану начинаютъ допускать всѣхъ монастырскихъ ламъ; съ этого же времени онъ прислушивается къ разказамъ о дѣйствительной жизни и получаетъ возможность наблюдать ее, хотя бы то и въ стѣнахъ своего ѳргѣ, слушая разказы и доклады приходящихъ ламъ. Свободное отъ занятій время, вмѣсто рисованія, хубилганы съ этой поры посвящаютъ игрѣ въ шахматы и въ большинствѣ случаевъ положительно пристращаются къ ней. Лѣтъ въ 16-ть хубилганъ принимаетъ обѣты гяцүля; по этому случаю ему снова приносятъ даншйкъ и съ этого времени къ хубилгану начинаютъ допускать народъ для ежедневныхъ поклоненій. Хубилганъ такимъ образомъ вступаетъ вполне въ жизнь общественную.

Постороннія лица при посѣщеніяхъ хутухты, гэгэновъ и хубилгановъ обязаны соблюдать извѣстные этикеты. Важнѣйшіе китайскіе и монгольскіе князья и сановники, намѣреваясь побывать у хутухты, всегда напередъ посылаютъ своихъ посланцевъ съ вопросомъ, можетъ ли принять хутухта въ такой-то день и часъ. При удовлетворительномъ разрѣшеніи вопроса, у хубилгана все бываетъ приготовлено къ урочному времени и самъ онъ ожидаетъ своего гостя. Въ этихъ условіяхъ, какой бы ни былъ посѣтитель у хубилгана, онъ никогда прямо не входитъ въ его покой. Случается, что какому нибудь важному князю придется невзначай посѣтить хубилгана. Подѣхавъ къ монастырю, онъ

обыкновенно бывает встречень ламами, его ведутъ въ общую монастырскую пріемную комнату и просятъ обождать, одновременно съ симъ давая знать хутухтѣ о пріѣздѣ гостя. Пока ходитъ посланный, гостя занимаютъ монастырскіе ламы, степень которыхъ соразмѣряется, конечно, съ званіемъ самого гостя: для одного явится монастырскій намѣстникъ, для другаго гэбкүй, болѣе простаго занимаютъ прислужники гэгэна. Въ это время они непременно уже предложатъ посѣтителю чаю, иногда какихъ нибудь сушеныхъ плодовъ и, между разговоровъ объ обыденныхъ вещахъ, пораспросятъ, зачѣмъ именно явился нежданный гость. Въ случаѣ нужды, или какихъ нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ они, конечно, не преминутъ обо всемъ увѣдомить своего хубилгана. Минутъ черезъ 10, или 15 у хубилгана по большей части уже все бываетъ готово къ пріему, гость получаетъ приглашеніе и отправляется къ хубилгану въ сопровожденіи двухъ, или трехъ ламъ. Важныхъ князей хубилганы встрѣчаютъ всегда на крыльцѣ, у входа во внутренніе покои: этимъ знатнымъ гостямъ они не преподаютъ даже своего благословенія, но, какъ говорятъ монголы, только дѣлаютъ взаимный «амугуланъ», т. е. преклоняютъ другъ передъ другомъ одно колѣно и за симъ начинаютъ торговаться о томъ, кому войти первому. Китайскіе чиновники, обыкновенно, поторговавшись, ссылаются на законы чествованія гостя и входятъ первыми; изъ числа же монгольскихъ князей никто и никогда не рѣшится идти впереди хубилгана и только въ крайнемъ случаѣ развѣ одни ханы, да начальники сеймовъ проходятъ въ дверь вмѣстѣ. Вступивъ въ комнату, гость и хутухту размѣщаются у стола, стоящаго на канѣ опять таки сообразно своему положенію: при менѣе знатныхъ князьяхъ хубилганъ садится посреди стола, а гость помѣщается у него съ боку; при болѣе знатныхъ—оба, т. е. и гость и хубилганъ, помѣщаются другъ противъ друга по сторонамъ стола, при чемъ хубилганъ занимаетъ лѣвую сторону, а гость правую; самыхъ знатныхъ хубилганы сажаютъ на оборотъ на лѣвую сторону, сами же занимаютъ мѣсто на правой. Знатные гости никогда не уходятъ отъ хубилгановъ безъ подарка. Лишь только

разговоръ, первоначально, какъ и всегда, ведущійся съ оживленіемъ, начинается истощаться, ламы прислужники тотчасъ же подаютъ гэгэну вещь, предназначаемую въ подарокъ гостю, вмѣстѣ съ хадакѣмъ и зангя. Послѣднее есть не что иное, какъ небольшая связка шелковыхъ нитокъ желтаго цвѣта, длиною нѣсколько меньше трехъ четвертей аршина. Зангя предполагаются освященными чрезъ окропленіе ихъ аршаномъ и раздаются гэгэнами и хубилганами въ видѣ священнаго подарка для ношенія ихъ на шеѣ. Передача гостю хубилганомъ зангя обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его благословеніе, поэтому при уходѣ гостя, хубилганъ разстается съ нимъ, опять таки дѣлая другъ передъ другомъ «амугуланъ».

Простой народъ допускается къ хубилганамъ во всякое время, безъ доклада, требуется только для сего, чтобы хубилганъ былъ свободенъ, а недостатка въ этомъ досугѣ, особливо послѣ того какъ хубилганъ окончить свое обученіе, рѣшительно не бываетъ. Поклонникъ осторожно входитъ въ комнату хубилгана и, остановившись у порога, дѣлаетъ здѣсь три земныхъ поклона, молясь на хубилгана; послѣ третьяго поклона, онъ на колѣнахъ ползетъ къ сѣдалищу хубилгана и когда приблизится, то хубилганъ благословляетъ его или возложеніемъ на голову своей руки, или же вмѣсто руки прикасается къ его головѣ какою либо священной книгой. Послѣ этого поклонникъ тѣмъ же способомъ, на колѣнахъ пятится назадъ, не оборачиваясь къ хубилгану задомъ. Доползши до дверей, онъ или выходитъ, или же становится на колѣна и снова начинаетъ молиться на хубилгана. Можно, по истинѣ, удивляться этому непоколебимому и глубоко благоговѣйному вѣрованію народа въ сверхъестественность бытія ихъ святителей и, кажется, ни какія обстоятельства не въ силахъ вложить въ душу монгола какое либо сомнѣніе въ томъ, что хубилганъ такой же человѣкъ какъ и самъ онъ. Когда проживалъ я у Оромбѣ-гэгэна, бывало, сидишь, играя съ нимъ въ шахматы, а въ это время одинъ за другимъ приходятъ благочестивые его почитатели и молятся на него. Молодой человѣкъ, какъ я говорилъ уже выше, былъ и самъ глубоко убѣжденъ въ своемъ божественномъ про-

исхожденіи, но его юношескій возрастъ бралъ свое: бывало, на-доѣдятъ ему эти поклонники страшно и вотъ вмѣсто того, чтобы возложить священную книгу на голову молящагося, онъ стукнетъ его по головѣ шашкой, а нѣтъ толкнетъ его ногой, или ударить щелчкомъ по башкѣ. И все это ни мало не оскорбляетъ религіознаго чувства монгола; напротивъ, чѣмъ эксцентричнѣе выходка, тѣмъ больше заставляеть она задумываться сына степей. Получившій благословеніе шашкой, уходя, пресерьезно разсуждалъ и спрашивалъ ламъ о томъ, что можетъ обозначать такое благословеніе святителя? Случись послѣ сего въ жизни этого монгола какое нибудь важное событіе, невинной выходкѣ хубилгана будетъ конечно приданъ ламами соотвѣтствующій смыслъ, и все это еще больше возвыситъ хубилгана въ глазахъ народа.

Обѣты гэлѹна хубилганы принимаютъ приблизительно въ двадцати-лѣтнемъ возрастѣ и, по большей части, внѣ своего монастыря: съ этою цѣлью они всегда почти уѣзжаютъ къ одному изъ старѣйшихъ монгольскихъ хутухтъ. Кромѣ того каждый изъ монгольскихъ хубилгановъ считаетъ своимъ долгомъ хоть разъ въ жизни побывать въ Ургѣ и представиться Чжэбцзѹнь-дамбѣ-гэгѣну, какъ главѣ всего буддійскаго духовенства въ Монголіи. Поѣздки эти совершаются, конечно, на счетъ монастыря и стобятъ весьма не дешево; но за то и хубилганъ никогда уже не уѣзжаетъ изъ Урги, не получивъ какого либо отличія. Однимъ Чжэбцзѹнь-дамбѣ даетъ званіе ханбѣ, или цорчжй; другимъ увеличиваетъ число олбѣковъ, на которыхъ могутъ сидѣть они при богослуженіяхъ: при соборныхъ службахъ съ другими хутухтами все это имѣетъ значеніе, такъ какъ имѣющій большее число олбѣковъ садится выше того, у кого ихъ меньше, также точно какъ и имѣющій званіе ханбѣ ламы, считается старше состоящаго въ званіи цорчжй. Въ Пекинѣ ѣздятъ хутухты только самыхъ богатыхъ монастырей, такъ какъ поѣздка въ столицу сына неба, по словамъ монголовъ, уже никакъ не можетъ обойтись хубилганамъ дешевле сорока, пятидесяти тысячъ рублей на наши деньги. Въ виду того что съ поѣздкою въ Пекинъ непременно соединяется для хубилгановъ и представленіе богдохану, каждый хубилганъ, намѣревающийся ѣхать

въ Пекинъ, долженъ предварительно испросить на это разрѣшеніе чрезъ посредство Ли-фань-юаня отъ самаго богдохана. Прощеніе обыкновенно посылается за годъ до поѣздки и, при благопріятномъ исходѣ дѣла, хубилганъ еще въ Монголіи получаетъ всѣ подробныя указанія о томъ, когда онъ долженъ выѣхать изъ своего монастыря, по какой дорогѣ ѣхать, сколько можетъ имѣть онъ при себѣ свиты, кто именно изъ князей долженъ сопровождать его, можетъ ли онъ пользоваться лошадьми казенныхъ станцій, или долженъ ѣхать на своихъ подводахъ, когда и гдѣ долженъ онъ останавливаться, когда въѣхать въ Пекинъ, гдѣ раскинуть свои палатки и проч. и проч. На князя, которому поручается сопровождать хубилгана до Пекина, возлагается обязанность доставлять хубилгану равно какъ и его свитѣ всѣ путевыя удобства. Ёздить хубилганы по большей части на своихъ лошадяхъ, или, лучше сказать, на подводахъ монгольскихъ князей, которыя доставляются имъ частнымъ образомъ, бесплатно, по благоговѣнію предъ особою святителя. Передъ самымъ выѣздомъ хубилганы вторично извѣщаютъ Ли-фань-юаня о днѣ, въ который намѣрены они отправиться въ путь, въ это же время сообщаютъ и подробныя свѣдѣнія о количествѣ и качествѣ подарковъ, которые намѣрены они поднести Хуанди. Въ Ургѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ престарѣлымъ ламой, который еще съ пятымъ хубилганомъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты, приблизительно въ 1840-мъ или въ 1841-мъ году ѣздилъ въ Пекинъ и вотъ что разказывалъ онъ объ этой поѣздкѣ.

Ѣхали мы, говорилъ онъ, въ сопровожденіи тогдашняго ургинскаго амбана Дэлэкъ дорчжй, черезъ аймакъ Сэцэнъ-хана, на Долонъ-нуръ и Чахарскія кочевья. Въ Долонъ-нурѣ хутухта останавливался и принималъ здѣсь поклоненія отъ монгольскихъ цзасакѡвъ внутреннихъ хошунѡвъ, которые съѣхались сюда для встрѣчи хутухты. Отсюда двинулись чахарскими кочевьями по направленію къ Калгану и на второй станціи отъ Калгана хутухту встрѣтили высланные богдоханомъ монгольскій князь Чжигмэтъ, да чиновникъ (лань-чжунъ) Ли-фань-юаня. Они поднесли хутухтѣ первые подарки отъ богдохана; то были: четки,

наперстокъ, употребляемый при стрѣльбѣ изъ лука, и табакерка изъ зеленой яшмы; въ свою очередь и хутухта передалъ свои первые дары богдохану, которые состояли изъ тибетскаго сукна, курительныхъ свѣчъ и русскихъ произведеній, прибрѣтенныхъ въ Кяхтѣ. Въѣхали мы въ Пекинъ 9-го числа 12-й луны. Палатки для насъ были разбиты за сѣверными воротами, около ламайскаго монастыря Хуанъ-сы. Пекинскіе ламы изъ всѣхъ монастырей, собравшись вмѣстѣ, встрѣтили хутухту съ зажженными факелами, музыкою и курительными свѣчами. Для хутухты была приготовлена большая монгольская юрта, внутри увѣшанная шелковыми тканями и устланная коврами, а снаружи обнесенная желтой оградой изъ холста. Позади этой юрты было расположено до 175 юртъ, для насъ, свитскихъ гэгэна, общее число которыхъ равнялось четыремъ-стамъ. На содержаніе всѣхъ насъ съ лошадьми и верблюдами отпускалось ежедневно по 500 ланъ. Черезъ два дня послѣ своего приѣзда хутухта представлялся богдохану въ тронной залѣ. Хутухту ввели въ залу два предсѣдателя Ли-фанъ-юаня Галданъ-ширѣтү и Чжанцзй-хутухтү: предсѣдатели шли впереди, а двое хутухтъ вели Чжэбцзүнъ-дамба-хутухту подъ руки. Войдя въ тронную и ставъ на колѣни, Чжэбцзүнъ-дамба произнесъ на монгольскомъ языкѣ привѣтственную рѣчь: «я, рабъ, Чжэбцзүнъ-дамба-хутухту, съ благоговѣніемъ кланяюсь, освѣдомляюсь о здоровьи святаго государя». Эту рѣчь на маньчжурскомъ языкѣ передалъ богдохану Чжанцзй-хутухтү. Хуанди отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ. Потомъ хутухта такъ же точно стоя на колѣнахъ поднесъ богдохану хадакъ и изображеніе бурхана Аюши. Хуанди, принявъ отъ хутухты изъ рукъ въ руки хадакъ и бурхана, повѣсилъ хутухтѣ на шею свой хадакъ. Хутухта сдѣлалъ въ знакъ благодарности три земныхъ поклона и отступилъ отъ трона назадъ; въ это время богдоханъ пригласилъ Чжэбцзүнъ-дамбү сѣсть на заранѣе приготовленный для него диванъ. Объ этомъ диванѣ шла якобы рѣчь еще прежде и будто бы еще до приѣзда Чжэбцзүнъ-дамба-хутухты предсѣдатель Ли-фанъ-юаня обращался къ богдохану съ вопросомъ, въ какомъ разстояніи отъ трона поставить диванъ для хутухты;

Хуа̀нди будто бы отвѣчалъ на это, что онъ самъ увидитъ гдѣ поставитъ диванъ, — диванъ оказался стоящимъ на разстояніи ни какъ не дальше двухъ маховыхъ саженой отъ трона. Получивъ приглашеніе сѣсть, Чжэбцзунъ-дамба почтительно сѣлъ, поджавъ подъ себя одну ногу, а два старшихъ пекинскихъ хутухты Галданъ-ширѣтү и Чжанцзя́ стояли позади дивана, на колѣнахъ и обращаясь лицомъ къ богдохану. Послѣ краткихъ вопросовъ о пути, богдоханъ изъ своихъ рукъ подалъ хутухтѣ чашку чая и за симъ приказалъ его угостить домашнимъ обѣденнымъ столомъ. При концѣ аудіенціи хутухта поднесъ хуа̀нди даншыкъ, состоящій изъ золотаго и серебрянаго субургановъ, и нѣкоторыхъ другихъ религіозныхъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ драгоценныхъ металловъ; кромѣ того онъ поднесъ еще девять чернубурыхъ лисицъ, девять соболей и девять девятковъ лошадей. Богдоханъ въ свою очередь отвѣчалъ хутухтѣ подарками: кромѣ шелковыхъ тканей онъ подарилъ хутухтѣ яшмоваго бурхана, шапку, кафтанъ съ драконами и ожерелье. 170 прислужниковъ гэгэна, отправлявшіеся вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ, а въ томъ числѣ и мой разказчикъ, представили хуа̀нди 223 лошади: старѣйшіе изъ свитскихъ лично поднесли еще богдохану по одному хадакү и по одному серебрянному бурхану. Хадакү ихъ богдоханъ принималъ въ свои руки, но потомъ, въ знакъ благоволенія, обратно вѣшалъ на шею. Послѣ обѣда во дворцѣ, Чжэбцзунъ-дамба-хутухту въ сопровожденіи тѣхъ же сановниковъ и хутухты ходилъ кланяться во всѣ домашнія капища богдохана, не исключая и конфуціанскихъ; отсюда же онъ прямо возвратился въ станъ, приготовленный ему подъ квартиру.

Чжэбцзунъ-дамба-хутухту прожилъ въ Пекинѣ около двухъ мѣсяцевъ. Въ день новаго года богдоханъ издалъ указъ, которымъ подтвердилъ права хутухты ѣздить въ желтыхъ носилкахъ, при чемъ ему предносятся желтый зонть и два значка изъ желтой же шелковой матеріи. Должно сказать, что эти желтыя носилки, зонть и значки были пожалованы гэгэну еще въ третьемъ его перерожденіи по словесному ходатайству предъ богдоханомъ одного монгольскаго князя Сэнгэ-ринци́на. Но какъ, по закону,

каждый новый хубилганъ, всегда долженъ испрашивать особаго разрѣшенія на право пользоваться тѣми отличіями и преимуществами, которыя имѣлъ его предшественникъ, то и пятый хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты своевременно ходатайствовалъ о предоставленіи ему правъ употреблять и желтыя носилки, и зонть, и значки. Члены Ли-фань-юаня, вѣроятно, въ надеждѣ получить отъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты лишнюю взятку, въ ту пору сдѣлали однако представленіе богдохану о разрѣшеніи хутухтѣ ѣздить только въ желтыхъ носилкахъ, а зонть и значки опустили; въ этомъ видѣ конечно состоялся и указъ богдохана. Прибывъ въ Пекинъ, хутухта, вѣроятно, похлопоталъ о возвращеніи ему утаенныхъ чиновниками правъ, хотя мой разказчикъ и увѣрялъ меня, что все это было замѣчено самимъ богдоханомъ. Въ указѣ, изданномъ въ день новаго года, Хуанди, подтвердивъ права хутухты на желтыя носилки, зонть и значки, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ палатѣ государственныхъ чиновъ строго оштрафовать членовъ Ли-фань-юаня и экспедиторовъ за то, что они остановили хутухту употреблять зонть и значки, дарованные императоромъ Цянь-луномъ его предмѣстнику и медлили докладомъ испросить у Хуанди указа подтвердить его права на это.

Дней черезъ десять послѣ этого хуанди узналъ стороною, что главный шубанъ Ли-фань-юаня — Чэнь-ба вынудилъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухту подарить ему и другимъ чиновникамъ 10,000 ланъ серебра и повелѣлъ произвести надъ шубаномъ строгій судъ. Результатомъ этого суда было то, что сумму, подаренную хутухтою шубану и другимъ чиновникамъ императоръ приказалъ Ли-фань-юаню возвратитъ хутухтѣ сполна. На судѣ предсѣдатель Ли-фань-юаня сознался, что кромѣ бобровъ, соболей и сукна, онъ получилъ еще тысячу ланъ серебра; остальные девять тысячъ шубанъ принялъ на себя, сказавъ, что хотѣлъ дать экспедиторамъ по двѣ тысячи, но не успѣлъ этого выполнить.

Передъ самымъ отъѣздомъ хутухты изъ Пекина богдоханъ дозволилъ хутухтѣ прочитатъ похоронныя тѣрни надъ гробомъ скончавшейся въ ту пору Хуанъ-хбу.

Эти разказы о поѣздкѣ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты въ Пе-

кинъ могутъ дать до нѣкоторой степени понятіе и о поѣздкахъ другихъ монгольскихъ хутухтъ. Пріемы ихъ, конечно, совершаются съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ, сообразно степени самого хутухты, но способъ путешествія, цѣль его, наконецъ самое времяпровожденіе хутухтъ въ Пекинѣ, совершенно одни и тѣже. Помимо этихъ поѣздокъ, устраиваемыхъ по личному желанію хутухтъ, тѣ изъ нихъ, которые достигли совершеннолѣтія, были въ оспѣ и приобрѣли отличныя познанія въ ученіи буддизма, по закону, вызываются еще, по очередямъ, въ Пекинъ, для чтенія при дворцѣ Дунъ-ли-ном'а (монг. ᠳᠤᠨᠤᠯᠢᠨᠠᠨ иногда ᠳᠤᠨᠤᠯᠢᠨᠠᠨ по тибетски это служеніе называется $\text{སྐྱུ་རིམ་འཕྲིལ་འོག$).

Очередей этихъ полагается всего шесть. Хубилганы каждой очереди обязаны пріѣзжать въ Пекинъ попеременно въ 1-й трети одинадцатой луны. Вызванные ѣдутъ по почтовымъ станціямъ съ самымъ ограниченнымъ количествомъ свиты и по прибытіи въ Пекинъ распредѣляются на жительство по ламайскимъ монастырямъ, находящимся въ Пекинѣ. Предъ вступленіемъ въ очередное служеніе они представляются богдохану. Службу свою начинаютъ съ перваго дня новолѣтія и за симъ въ теченіе цѣлаго года совершаютъ свои богослуженія въ Чжунъ-чжэнъ-дэнѣ, распорядокъ же въ дѣлѣ ихъ богослуженій возлагается на пекинскаго Чжанцзэй хутухту. Въ Монголію очередные хутухты возвращаются по истеченіи срочнаго для нихъ года послѣ 15-го числа первой луны, по совершеніи обычныхъ въ эту пору при дворѣ праздниковъ и пиршествъ, къ которымъ они приглашаются. При окончаніи очереди хутухты обыкновенно представляются богдохану и въ это время получаютъ отъ него награду. Самою обычною первою наградой служитъ предоставленіе права ѣздить въ желтой телѣгѣ, попавшіе на очередь во второй разъ обыкновенно получаютъ золотой очиръ для ношенія его на шапкѣ. Впрочемъ спеціальныя постановленія объ очередныхъ ламахъ свидѣтельствуютъ, что при отъѣздѣ ихъ представленіе къ богдохану не составляетъ для нихъ безусловной необходимости; Ли-фанъ-юаню вмѣняется только въ обязанность довести до свѣденія

его величества искреннія и непреложныя ихъ желанія и молитвы о многолѣтнемъ его здравіи. По прибытіи хутухтъ на мѣсто ихъ жительства въ Монголіи, хошунныя цзасаки обязаны извѣстить Ли-фань-юань обо всемъ касательно ихъ возвращенія.

Помимо этихъ поѣздокъ жизнь гэгэновъ и хубилгановъ проходитъ весьма однообразно. Жизнь хубилгановъ бѣдныхъ монастырей еще нѣсколько обильнѣе дѣятельностью. Вынуждаемые необходимостью добывать средства для своего монастыря они не рѣдко выѣзжаютъ не только въ свои, но даже и въ чужіе хошунны и никогда не отказываются отъ приглашеній освятить гдѣ либо кумирню, участвовать при богослуженіи на какомъ либо народномъ празднествѣ и пр. Путешествіе хубилгановъ въ этихъ случаяхъ, хотя и не сопровождается такою массою народа, какъ это бываетъ при первоначальномъ ихъ приглашеніи на монастырскую кафедру, тѣмъ не менѣе хубилганы всегда ѣздятъ съ большою свитою, часть которой отдѣляется и ѣдетъ впереди хубилгана, возвѣщая приближеніе его звукомъ раковинъ, бишкѹровъ, цановъ и барабановъ. Мнѣ разказывали, что лѣтъ за пять до моего пріѣзда въ Чахарскія кочевья, страшно обѣднѣвшій послѣ дунганскаго погрома гобинъ Нойнъ хутухту изобрѣлъ и еще средства для своей наживы. Выбравъ изъ своихъ ламъ болѣе способныхъ, онъ научилъ ихъ театральному искусству, устроилъ кое какія декорачіи и началъ развѣзжать по хошунамъ, разыгрывая мистерію, сюжетъ которой заимствовалъ онъ изъ извѣстнаго буддійскаго сочиненія «Саранъ-хүхүгэн'у намтаръ». Впослѣдствіи впрочемъ я узналъ, что это не было выдумкою Нойнъ хутухты; но что точно такимъ же образомъ еще раньше его разыгрывалъ какъ мистерію намтаръ Миларайбы Алашаньскій хутуха. Что касается хубилгановъ богатыхъ монастырей, то они лишены даже и этихъ невинныхъ развлеченій и занятій. Богослуженія вообще они совершаютъ очень рѣдко, развѣ въ дни великихъ, годовыхъ хураловъ и все остальное время съ ранняго утра и до глубокой ночи просиживаютъ въ своемъ лабранѣ, принимая ламъ и поклонниковъ, слушая ихъ разказы, или играя въ шахматы. Поклонники не рѣдко являются къ хутухтамъ для

гаданія и хутухты не отказываются исполнять и обязанности ворожей; замѣчательно только, что они никогда не гадаютъ по книгамъ, какъ это дѣлають цзурухайчи, а исполняютъ это дѣло, бросая особливо приготовленные для гаданій кости. При такой бездѣятельности и однообразіи жизни хутухты всегда почитаютъ за особенное счастье, если заглянетъ къ нимъ въ монастырь какой-нибудь китаецъ, а еще больше русскій или европеецъ: тутъ разговорамъ нѣтъ и конца. Всякая новая вещь останавливаетъ на себѣ вниманіе хубилгана и, если возможно, непременно пріобрѣтается имъ. Благодаря этому въ жилищахъ хутухтъ всегда можно встрѣтить много европейскихъ вещей: часы стѣнные и карманные, небольшіе органчики, стереоскопы, микроскопы, электрическія машинки, глобусы, статуетки, изображающія человѣческія расы, альбомы разнаго рода фотографическихъ европейскихъ видовъ и литографированные съ содержаніемъ, относящимся главнымъ образомъ до этнографіи и медицины. Все это хутухты никогда не преминутъ показать европею и если возможно прослушать отъ него объясненія о каждомъ предметѣ. При такомъ образѣ обученія, весьма неувидительно, что хубилганы на первый разъ могутъ показаться просто замѣчательными людьми; въ сравненіи съ массой они впрочемъ и дѣйствительно стоятъ неизмѣримо выше. Но европейцы вообще посѣщаютъ степи Монголіи крайне рѣдко, вотъ почему, при общей монотонности жизни монголовъ, хубилганамъ приходится не мало скучать и съ возрастомъ очень многіе изъ нихъ не рѣдко впадаютъ въ какую нибудь слабость: одни, болѣе флегматичные пристращаются къ вину, другіе къ женщинамъ, что, по буддизму, составляетъ уже не простительный грѣхъ. По этому поводу нужно замѣтить еще, что монголы смотрятъ болѣе снисходительно на такого рода связи, если хутухта мѣняетъ женщинъ; если же живетъ онъ съ одною, т. е. прямо заводитъ себѣ наложницу, то теряетъ въ народѣ всякое уваженіе. Дабанъ цзаланъ чахарскій разказывалъ мнѣ, что въ ихъ кочевьяхъ лѣтъ десять или двѣнадцать тому назадъ произошелъ скандалъ, въ свое время надѣлавшій шуму по всей степи. Въ простомъ желтомъ знамени проживалъ нѣкій ху-

тухта по имени Рàю, страстно предававшійся любодѣянiю. Но вотъ наступила для него очередь на цѣлый годъ ѣхать въ Пекинъ; что было дѣлать ему въ этомъ случаѣ? Онъ и надумаль, выпросить себѣ, подъ видомъ прислужницы, жену своего племянника, обѣщая ему дать за это 600 ланъ серебра денегъ и сестру свою въ наложницы. Сторговались, хутухта уѣхаль въ Пекинъ, но серебра не отдалъ, да и сестры своей племяннику не прислалъ. Миноваль годъ. Рàю возвратился изъ Пекина въ свои кочевья уже самъ-третьей, такъ какъ племянница его родила ему сына. Понравилась ли ему эта женщина, или тяжело было ему разставаться съ матерью своего ребенка, но хутухта не отпустилъ своей племянницы и, ссылаясь на прижитаго сына, положительно отказаль племяннику въ правѣ на его жену, въ то же время не отдавая ему и обѣщанныхъ денегъ. Раздраженный племянникъ подалъ свою жалобу на хутухту. Дѣло разсматривалось въ Сiнь-бу, которое, еще до окончательнаго рѣшенiя дѣла, подъ благовиднымъ предлогомъ перемѣстило Рàю въ одинъ изъ хūхэ-нūрскихъ монастырей. Рàю сильно заплатился китайскимъ чиновникамъ, но уѣхаль все таки съ племянницей и дальнѣйшая судьба его осталась неизвѣстна разказчикамъ.

Въ молодыхъ лѣтахъ хубилганы не рѣдко пристращаются еще къ охотѣ. Подобравъ себѣ компанiю изъ молодыхъ гæцūлей и гæлūновъ, они уѣзжаютъ изъ монастыря иногда недѣли на двѣ и болѣе, проводя все это время подъ открытымъ небомъ и преслѣдуя козъ, антилопъ, волковъ и лисицъ. Страсть эта иногда переходитъ и въ болѣе худшее. Отрядъ мирныхъ охотниковъ нерѣдко превращается въ шайку грабителей. Выше я упоминаль уже о хубилганѣ гобiйнъ Нойнъ хутухтi. О третьемъ видѣ этого хутухты разказываютъ, какъ постепенно изъ охотника перешель онъ въ такого грабителя, что по дорогамъ буквально не было проѣзда отъ его шайки: онъ грабилъ не только отдѣльныхъ кочевниковъ, но и цѣлые купеческiе караваны, забирая все награбленное въ свой монастырь и, путемъ подачекъ, избѣгая всякой отвѣтственности. Мѣра китайскаго терпѣнiя и чиновничьяго попустительства исполнилась только тогда, когда хутухта ограбилъ

казенный транспортъ съ серебромъ, шедшій въ кочевья Сэцэнъ-хана. Хутухту поймали и судили въ Пекинѣ, послѣ чего высочайшимъ приказомъ богдохана ему навсегда запрещено было перерождаться. Съ тѣхъ поръ оффициально гобійнъ Нойнъ хутухты въ Монголіи уже не существуетъ; хотя это не препятствуетъ существовать ему въ дѣйствительности и монголы относятся къ его, непризнаваемымъ правительствомъ хубилганамъ съ своимъ обычнымъ почтеніемъ; о разбойникѣ же хутухтѣ они говорятъ, что это былъ «дошхінъ дүрй», т. е. жестокій, или свирѣпый видъ хутухты.

Лѣтъ съ сорока, или сорока пяти хубилганы дѣлаются уже степенными и, сколько мнѣ приходилось замѣчать, въ это время они дѣлаются крайне честолюбивыми. Вся жизнь ихъ сосредоточивается на помыслахъ о полученіи наградъ и отличій. Къ сожалѣнію, средствъ для выслуги осталось у нихъ теперь очень немного. Въ былыя времена хубилганамъ было выслуживаться очень легко, стоило только уговорить какую нибудь, возмутившуюся противъ китайской власти шайку монголовъ и—награда заслужена; теперь монголы стали кротки какъ овцы и единственнымъ средствомъ для хубилгановъ приобрѣсти себѣ какое нибудь повышеніе осталось представленіе пожертвованій въ пользу богдоханской арміи. Просьбы представить такія жертвованія то отъ одного, то отъ другаго хубилгана богдоханъ получаетъ по нѣскольку разъ въ годъ, хотя и очень рѣдко удовлетворяетъ ихъ. Награды для хутухтъ въ порядкѣ постепенности бываютъ слѣдующія: награда платьемъ; дозволеніе имѣть желтыя поводья у верховой лошади; пожалованіе желтой телѣги для ѣзды; дозволеніе носить вачыръ на шапкѣ; пожалованіе какого нибудь титула къ имени; дозволеніе ѣздить въ желтыхъ носилкахъ; пожалованіе желтаго пояса на юрту, въ которой обыкновенно живетъ хубилганъ; наконецъ пожалованіе желтой ограды вокругъ всего двора хубилгана.

Извѣстіе о болѣзни хубилгановъ, особенно серіозной, всегда производитъ въ околныхъ степяхъ значительное движеніе. Къ хубилганамъ съѣзжаются всѣ лучшіе окрестные врачи; въ монастырѣ

хубилгана ламы съ ранняго утра и до глубокой ночи непрестанно совершаются гурумы, т. е. молебствія объ исцѣленіи болящаго; наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, хубилгану подносятъ даньшикъ, съ обычною при этомъ молитвою «батү орошилъ», въ которой просятъ хубилгана не покидать свое настоящее брненное тѣло, не измѣнять свою матеріальную оболочку, но жить для блага его почитателей и руководить ихъ въ дѣлѣ спасенія. Само собою разумѣется, что молитвы эти не всегда бывають услышаны и хубилганы умирають, какъ и всѣ прочіе люди.

Тѣла умершихъ хубилгановъ предаются погребенію двумя способами: ихъ или сжигаютъ, или же бальзамируютъ и какъ мумій поставляють въ субурганахъ. Болѣе обычнымъ способомъ погребенія слѣдуетъ однако признать сожженіе. Немедленно послѣ смерти хубилгана, тѣло его сажаютъ въ молитвенное положеніе, т. е. со скрещенными ногами (цзабилать) и правую руку поднимають, согнувъ въ локтѣ и вложивъ между пальцами какуюнибудь хурульную принадлежность: колокольчикъ, вачыръ и пр. На второй день начинается уже бальзамированіе трупа, при чемъ его не анатомируютъ, а только натирають разнаго рода благовоніями и спиртуозными жидкостями, потомъ обмазываютъ составомъ соли, можжевельника и другихъ веществъ. Такъ поступаютъ въ томъ случаѣ, если тѣло готовится къ сожженію. Самое сожженіе бываетъ недѣли черезъ три, или даже черезъ мѣсяць послѣ кончины. День для исполненія этого обряда, а равно и мѣсто совершенія его опредѣляется цзурухайчіями. Сутокъ за трое до этого дня, тѣло гэгэна, освобожденное отъ всякихъ соляныхъ притирокъ, выносятъ въ дворець для поклоненія народа, а на канунѣ сожженія ламы уже окончательно готовятъ его къ погребенію. Трупъ съ головы до ногъ обвертывается полотномъ, смоченнымъ въ растопленную смолу и масло, затѣмъ его увязываютъ андреевскихъ крестомъ, на подобіе того, какъ у насъ пеленають дѣтей; поверхъ этого его обматываютъ еще ватою, также точно смоченною смолой, а на макушкѣ дѣлають одинъ рожокъ, долженствующій служить какъ бы фитилемъ. Въ этомъ видѣ трупъ усаживаютъ на носилки, покрываемыя какоюнибудь

бѣлою матеріею. Перенесеніе тѣла къ мѣсту погребенія начинается обыкновенно раннимъ утромъ и всегда при многочисленномъ стеченіи народа. Шествіе открываетъ старѣйшій лама, котораго при этомъ случаѣ всегда носятъ въ бѣлыхъ носилкахъ. За нимъ слѣдуютъ носилки съ трупомъ покойнаго, а еще далѣе духовенство и народъ. На самомъ мѣстѣ, гдѣ должно сожигать покойника, въ это время уже бываетъ приготовлена яма, значительно болѣе широкая, чѣмъ нужно для помѣщенія трупа. На дно этой ямы кладется большая желѣзная сковорода, а на ней утверждается большой таганъ. Вокругъ сковороды укладываются цѣлыя поленицы дровъ, высотой до устья ямы. Въ нѣкоторомъ разстояніи по сѣверной сторонѣ ямы устраивается возвышеніе, предназначенное для постановки на немъ бурхановъ, а равно и для сѣдалищъ, имѣющихъ совершать молебствіе хуварѣковъ.

По прибытіи на мѣсто, ламы усаживаются на свои сѣдалища и начинаютъ чтеніе нѳмовъ; трупъ почившаго поставляется въ это время на носилкахъ въ пространствѣ между ямою и сѣдалищами ламъ. Лишь только оканчивается чтеніе молитвословій, первенствующій лама издаетъ продолжительный звонъ въ колокольчикъ. Въ это время старѣйшіе и почтениѣйшіе изъ гэлѳнговъ снимаютъ тѣло хубилгана съ носилокъ и утверждаютъ его на таганѣ, въ видѣ сидящаго человѣка. Послѣ сего предсѣдательствующій въ молебствіи встаетъ съ своего мѣста, въ сопровожденіи главнѣйшаго духовенства подходитъ къ ямѣ и зажигаетъ фитиль, оставленный на макушкѣ завязаннаго трупа; старѣйшіе изъ ламъ вслѣдъ за симъ поджигаютъ горючія вещества, заложенные между дровами костра: пламя вспыхиваетъ и огонь мгновенно охватываетъ полотно, въ которое бываетъ обернуто тѣло покойнаго. Вслѣдъ за старшими ламами и каждый изъ присутствующихъ хуварѣковъ точно также считаетъ своею обязанностью увеличить силу огня; поэтому каждый изъ нихъ кидаетъ на костеръ смолу, бересту, шерсть, сухую траву и пр.; другіе льютъ растопленное масло, водку, подбрасываютъ кусочки бараньяго сала и тому подобныя горючія вещества. Когда наброшенный костеръ дровъ бываетъ уже сполна объятъ пламенемъ,

тогда послѣ краткихъ молитвъ и непродолжительнаго тихаго пѣнія, ламы сходятъ съ помоста и въ прежнемъ порядкѣ возвращаются во свояси. При горящемъ трупѣ остается только нѣсколько ламъ, особливо къ тому назначенныхъ. Сожиганіе продолжается иногда до полуночи, а иногда и до утра другаго дня. Изъ пепла, собираемаго потомъ со сковороды, съ примѣсью къ нему лучшей и нарочно приготовляемой для этого глины съ клейкими веществами, дѣлаются небольшія статуетки бурхановъ, которыя ставятся или въ кумирняхъ, или же въ нарочно устраиваемыхъ для сего часовняхъ, на мѣстѣ погребенія хубилгана. Такъ поступаютъ, если останки хубилгана погребаются въ Монголіи; но есть хубилганы, которые въ Монголіи не погребаются, а отвозятся или въ Тибетъ, или въ У-тай-шань. Пепель таковыхъ покойниковъ по окончаніи сожженія собираютъ въ особый ящикъ, который потомъ ставятъ въ субурганъ и въ этомъ видѣ, на бѣломъ верблюдѣ отправляютъ къ мѣсту назначенія. Говорятъ, что въ Тибетѣ такіе субурганы ставятъ въ кумирняхъ, а въ У-тай-шан-и на особыхъ кладбищахъ, для которыхъ монголы якобы имѣютъ опредѣленную, испрошенную у богдохана землю. Замѣчательно при этомъ, что погребеніе въ У-тай-шан'и считается у монголовъ за болѣе священное, чѣмъ даже въ Тибетѣ. Очень можетъ быть, конечно, что это повѣрье возникло именно по той трудности, съ которою соединяется погребеніе въ У-тай-шан'и. Хубилганъ, желающій быть погребеннымъ на этихъ горахъ, долженъ, еще при жизни своей, испрашивать у богдохана позволеніе на такое погребеніе и внѣ этой официальнойности и богдоханскаго соизволенія похороны въ У-тай-шан'и, по законамъ, рѣшительно невозможны. Это правило относится не къ однимъ хутухтамъ, но равнымъ образомъ распространяется на князей и вообще на всѣхъ монголовъ.

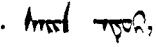
Въ тѣхъ случаяхъ, когда трупъ хубилгана хотятъ сохранить въ видѣ муміи, его подвергаютъ точно такому же бальзамированію, хотя употребляютъ для этого болѣе сильныя средства и самое бальзамированіе производится гораздо дольше. Было бы весьма интересно, если бы специалисты дѣла изслѣдовали весь тотъ со-

ставъ, который употребляютъ монгольскіе медики при бальзамированіи сохраняемыхъ труповъ; для людей же, непосвященныхъ во всѣ тайны медицины, въ этомъ случаѣ разница представляется во 1-хъ въ томъ, что трупъ не только натирается составомъ изъ соли, но при этомъ еще и накаливается очень тоненькимъ шильцемъ, на подобіе иголки; во 2-хъ въ томъ, что поверхъ этой мастики трупъ весь засыпается солью, такъ что, пришедши въ юрту, гдѣ помѣщается бальзамируемый трупъ, можно видѣть только одну груду соли. Въ этомъ положеніи трупъ пробываетъ мѣсяца два и когда его освобождаютъ отъ состава, то онъ является уже совершенно высохшимъ. Послѣ этого части тѣла, свободныя отъ одеждъ и прежде всего лице, покрываютъ позолотою; поверхъ позолоты на лицѣ трупа разрисовываютъ брови, усы и губы, хотя оставляютъ закрытыми глаза. Такой трупъ хубилгана называется «шариль»; (отъ санскр. śhāgīga, — тиб. རྩོད་བསྐྱེད།) его садятъ въ серебряный субурганъ и съ торжественнымъ богослуженіемъ ставятъ въ кумирнѣ, послѣ чего ему воздаютъ божескія почести. Для европейцевъ видѣть мощи хубилгановъ, похороненныхъ въ Ургѣ, кажется, положительно не возможно, потому что ургинскіе ламы придають уже черезъ чуръ много важности этой святынѣ; но въ другихъ монастыряхъ, гдѣ имѣются погребенные такимъ образомъ хутухты, познакомившись съ ламами, всегда можно попросить ихъ показать шариль и монастырскіе слуги охотно исполняютъ это даже за самую незначительную плату.

∇.

Богослуженія или хуралы.

Выше, при описаніи духовенства и его жизни, я упоминалъ уже, что монгольскіе ламы послѣ того, какъ принимаютъ они высшіе обѣты, начиная съ обѣтовъ гэлүна, почти не участвуютъ въ богослуженіяхъ. Не говоря уже о тѣхъ небольшихъ кумирняхъ, которыя одиноко разбросаны на пространствѣ монгольскихъ

степеней и при которыхъ вовсе не совершается богослуженій, потому что причисленные къ нимъ ламы не живутъ при нихъ постоянно, даже въ такихъ большихъ монастыряхъ, каковы Урга, Эрдэни цзү и Бару́нь-хүрѣ, богослуженіе въ обыкновенные дни совершается одними только младшими хуварàками, — учениками, состоящими въ возрастѣ отъ 8 до 18 лѣтъ. Хурàломъ обыкновенно заправляетъ одинъ старый лама гэлүнь (лацабъ); необходимо участвуетъ при каждомъ, совершаемомъ въ кумирнѣ хурàлѣ — унзàтъ; за порядкомъ смотритъ гэбкүй, или гэйкъ. Вотъ три старшіе члена, всегда присутствующіе въ большихъ монастыряхъ при богослуженіяхъ *малыхъ*, всеневныхъ; болѣе же полное собраніе старшихъ ламъ бываетъ только въ дни *великихъ* хурàловъ, полагаемыхъ по праздникамъ, (монг. , тиб. སྐྱེད་འཚོའ་) и въ дни постовъ и покаянія (бацакъ). Такое дѣленіе хурàловъ на великіе и малые принято мною не на основаніи только личнаго наблюденія; нѣтъ, они различаются точно такимъ же образомъ и въ каноникѣ буддизма и, согласно правиламъ послѣдней, монголы отличаются «йэхэ хурàлъ», т. е. *большое* служеніе, совершаемое только въ особыя, для сего назначенные дни, отъ «бага хурàла», или служеній *малыхъ*, всеневныхъ. Послѣднія у ламъ какъ халхаскихъ, такъ и чахарскихъ, а равно и бурятскихъ болѣе часто называются «чжисà», что значитъ въ переводѣ служеніе «очередное», обычное.

Согласно правиламъ, которыя были прочитываемы мною въ различныхъ монастыряхъ и исполненіе которыхъ было лично наблюдаемо мною, великіе хурàлы совершаются по монастырямъ Монголіи въ слѣдующіе дни:

Весною съ 1-го по 16-е число включительно 1-й луны, называемой у монголовъ «Цагāнь-сарà», (тиб. ཟླ་བ་འཕྲུལ་པོ་), т. е. бѣлый мѣсяць, или что тоже въ теченіе первыхъ шестнадцати сутокъ, начиная со дня новаго года. Цагāнь сарà считается новолѣтіемъ и главнѣйшимъ изъ годовыхъ праздниковъ въ общественной жизни монголовъ; назначеніе же совершенія великаго хурàла именно въ теченіе шестнадцати сутокъ обусловливается

въ ламской каноникѣ необходимою принесенія молитвъ во 1-хъ, по случаю новолѣтія; во 2-хъ, по случаю воспоминанія о совершеніи въ эти дни буддою Шигэмүніемъ различныхъ чудесъ въ доказательство истинности проповѣдуемой имъ вѣры и божественности ея происхожденія; и въ 3-хъ, наконецъ, по случаю воспоминаній о побѣдахъ, одержанныхъ буддою надъ шестью лжеучителями (འཇམ་མགོན་པོ་འཕགས་པའི་བླ་མ་ཆེན་པོ་ཅུ་པ་), которые въ Энэткэк'ѣ (Индіи) начали вооружать народъ противъ новой вѣры и желали торжественно опровергнуть шигэмүніево ученіе. Въ біографіяхъ Шигэмүніа разказываются подробно обстоятельства этихъ пятнадцати дней, неоспоримо, богатѣйшихъ изъ всей жизни Шигэмүніа по прославившимъ его событіямъ. Я укажу эти обстоятельства хотя кратко.

Шигэмүни, послѣ того, какъ пріобрѣлъ онъ достоинство будды и вступилъ на проповѣдь, на первыхъ же порахъ пріобрѣлъ себѣ противниковъ въ лицѣ поборниковъ старыхъ вѣръ, причемъ протесты противъ новаго ученія особенно сильно раздавались со стороны шести богослововъ, свѣденія объ именахъ и дѣятельности которыхъ можно получить въ каждой біографіи Бурханъбакші. Возмущая народъ противъ новой вѣры, еретики хотѣли еще и торжественно опровергнуть ученіе Шигэмүніа; но будда избѣгалъ состязаній и уходилъ отъ своихъ враговъ въ разные царства. Наконецъ ко дню новаго года «мужчины, огня и дракона», онъ прибылъ въ Шравасту и здѣсь рядомъ чудесъ возвеличилъ свое имя и свое ученіе. Такъ:

1-го числа первой луны, когда Гэгэнъ-илагүхсанъ¹⁾ ханъ приготовилъ духовный пиръ для будды, послѣдній, въ виду всего множества собравшагося народа, воткнулъ свою деревянную зубочистку въ землю, и вдругъ изъ нея выросло дерево, которое по своимъ свойствамъ равнялось семи драгоценностямъ, раскинуло свои вѣтви на 500 миль (бэрэ) и имѣло плоды, величиною съ

---

1) Гэгэнъ илагүхсанъ = санскр. Прасанджита, — названіе царя управлявшаго Шравастой; по монгольски онъ называется еще иногда «Тодорхдй-илагүхсанъ».

сосудъ, вмѣщающій въ себѣ пять ведеръ воды. Видъ и блескъ этого дерева подавляли своимъ величіемъ солнце и луну, а когда колыхалъ его вѣтеръ, то отъ него на все царство распространилось благовоніе; въ шелестѣ листьевъ его слышались слова молитвы.

2-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Удіяны ¹⁾ будда по обоимъ сторонамъ своимъ произвелъ высокія горы съ растущими на нихъ великолѣпными лѣсами фруктовыхъ деревьевъ. Такимъ образомъ въ горахъ, находившихся по правую сторону его, вкушали плоды люди; а по горамъ лѣвой стороны паслись животныя, наслаждаясь сочною травою.

3-го числа, во время принесенія жертвъ царемъ Шончжинталà ²⁾, будда выплюнулъ на землю воду, которою полоскалъ свой ротъ и эта вода превратилась въ громадное озеро, величиною въ 200 миль (бэрэ), полное воды. Посреди озера выросло множество разноцвѣтныхъ пѣдмъ, блескъ которыхъ освѣтилъ всѣ страны міра.

4-го числа приносилъ жертвы царь Индра-вармѣ и въ это время будда изъ прежде сотвореннаго имъ озера произвелъ чудесный голосъ, который проповѣдывалъ семь отдѣловъ священнаго ученія.

5-го числа приносилъ жертвы царь Эсрѹнъ-ѹкгухчѣ ³⁾ и въ это время изъ улыбки будды разсѣялся свѣтъ въ трехъ тысячахъ міровъ; тѣ существа, на которыя упалъ онъ, сдѣлались блаженными.

6-го числа приносили жертву Личжай'цы; въ это время друзья будды, а равно и всѣ собравшіеся къ нему познали мысли одинъ другаго, каждый вполне уразумѣлъ свои добродѣтельные и грѣховныя поступки, а равно и послѣдующее за ними возмездіе; вслѣдствіе же вѣрованія въ возмездіе за дѣла, всѣ восхваляли

---

1) Удіяна, иначе Уджянъ, по мнѣнію Оомы Чоросскаго, тоже, что Уджэйнъ (Ougien) въ Мальвѣ, въ Индіи.

2) У другихъ называется Шучжадала.

3) Въ калмыцкихъ рукописяхъ называется «Цанджійнъ ханъ».

достоинство будды и стяжали собраніе высочайшихъ добродѣтелей.

7-го числа, во время жертвоприношеній Шакъясцевъ, будда возбудилъ у всѣхъ высочайшее благоговѣніе и стремленіе къ священному ученію тѣмъ, что показалъ себя во всемъ своемъ небесномъ величіи, окруженнымъ ханами чакравартинами, множествомъ мелкихъ царей и толпою чиновниковъ и благородныхъ. Что касается жеучителей, то они въ это время были совершенно безсильны для того, чтобы произвести какое нибудь чудо: мысли ихъ путались, языкъ онѣмѣлъ, всѣ чувства находились подъ вліяніемъ какого-то внѣшняго давленія, препятствовавшего имъ обнаружить свои силы и свое искусство въ магическихъ превращеніяхъ.

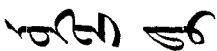

8-го числа буддѣ съ подобающими почестями приносили жертвы тѣнгри Хормуста; въ это время будда прикоснулся перстомъ правой руки своей къ трону, на которомъ сидѣлъ и внезапно появилось пять мангусовъ. Они разрушили сѣдалища шести еретическихъ учителей, а Вацжра-пани прогналъ ихъ своимъ вачіромъ. 91,000 почитателей ихъ перешли на сторону будды и приняли духовное званіе.

9-го числа приносили жертвы Эсруа-тѣнгри и въ это время будда, сидѣвшій на львиномъ престолѣ въ городѣ Шравастѣ, вдругъ представился выросшимъ до небесъ и въ этомъ видѣ проповѣдывалъ священное ученіе всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

10-го числа, во время принесенія жертвъ четырьмя Махаранцзами, обитающими въ четырехъ различныхъ сторонахъ горы Сумэру, будда сдѣлался видимымъ одновременно по всѣмъ царствамъ матеріальнаго міра и во всеуслышаніе проповѣдалъ свое ученіе.

11-го числа приносили жертвы одинъ изъ жителей Шравасты, именуемый по монгольски Итэгэль үгэй идэгэнъ үглигэтү (санск. Anātha pin'd'ada, тиб. མཚོན་མེད་ལྷན་སྐྱེས་པ།¹⁾). Будда, сидя на

1) У Калмыковъ имя этаго буддиста называется:

 (или)

золотомъ престолѣ, превратилъ свое тѣло въ неизрѣченный свѣтъ, который наполнилъ своимъ сіяніемъ три тысячи міровъ.

12-го числа, во время принесенія жертвы однимъ благочестивымъ поклонникомъ будды, по имени Чандà, будда, по силѣ созерцанія, испустилъ изъ своего тѣла златовидный лучъ и освѣтилъ имъ всѣ царства трехъ тысячъ міровъ. Всѣ тѣ существа, на которыхъ упало сіяніе этого луча, исполнились душевнаго спокойствія, сдѣлались любящими другъ друга истинно родственною, братскою любовью и въ этомъ состояніи прослушали ученіе, которое преподавалъ имъ будда.

13-го числа приносилъ жертвы царь Шончжиталà и въ это время будда испустилъ кверху изъ своего пупка два луча, которые поднялись на высоту семи саженей; на оконечности ихъ выросло по одной падмѣ, при чемъ изъ середины каждаго цвѣтка вышло по два хубилгàна будды, въ свою очередь выпускавшіе по два луча, оканчивающихся падмами и служащими сдѣлаищемъ для новыхъ хубилгàновъ. Такимъ образомъ отъ одного хубилгàнскаго тѣла будды происходило два, отъ двухъ четыре, отъ четырехъ восемь, отъ восьми шестнадцать и т. д. до тѣхъ поръ, пока этими цвѣтками падмы и хубилгàнами не наполнилась вся вселенная и будда не проявилъ повсюду своего величія, сдѣлавшись видимымъ по всѣмъ странамъ.

14-го числа приносилъ жертвы царь Удрайяна. Когда Удрайяна посыпалъ цвѣты на будду, то послѣдній магическою силою произвелъ колесницу на столько высокую, что она достигала до царства Ишвары. вмѣстѣ съ нею образовалось и еще 1250 другихъ колесницъ, въ каждой изъ которыхъ возсѣдало по одному хубилгàну будды. Лучезарное сіяніе, исходившее отъ лица этихъ буддъ, наполнило своимъ блескомъ всѣ три тысячи міровъ.

15-го числа приносилъ жертвы царь Рòба гàрби ¹⁾. Въ это время будда наполнилъ всѣ сосуды пищею, которая имѣла сто

---

1) Монг. «Цокцас'унъ чжирухэнъ», а калм. «Дүрсүтү чжирукэнъ». Биографія Шигэмүнія называетъ этого царя сверстникомъ Шигэмүнія и правителемъ города Варанàси.

различныхъ вкусовъ и если отвѣдать ее, то разливала довольство и по душѣ, и по тѣлу. Въ тоже время онъ коснулся земли своею правою рукою и въ это мгновеніе для всѣхъ окружающихъ сдѣлались очевидными тѣ многоразличныя страданія, которыя испытываютъ существа, обитающія въ восемнадцати областяхъ ада. Всѣ смутились, у всѣхъ въ высшей степени зародилось чувство опасенія и страха. Тогда будда началъ свою проповѣдь, результатомъ которой было то, что одни изъ существъ послѣ своей смерти возродились тѣнгриями, другіе положили начало стремленію къ святости, третьи приобрѣли степень побѣдителей враговъ (= архан'овъ) и т. д.

Таковы событія, воспоминаемыя буддистами въ первые пятнадцать дней мѣсяца Цагѣнъ сарѣ. Что касается богослуженій, то порядокъ ихъ въ Ургѣ и другихъ главнѣйшихъ монастыряхъ Халхи въ эти дни слѣдующій:

Утромъ, 1-го числа 1-й луны, въ трехъ отдѣльныхъ хуралахъ, совершаются молебствія въ честь трехъ геніевъ повелителей сансары (འགྲུབ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་). Потребности для этого хурала, необходимыя какъ для храмовыхъ жертвъ бурханамъ, такъ и для всего собранія ламъ, доставляются въ большихъ монастыряхъ совмѣстно всѣми монастырскими аймаками, а въ малыхъ сумунныхъ сүмэ — ламами, причисленными къ этому сүмэ и совершающими въ немъ служеніе.

2-го числа, утромъ, въ двухъ отдѣльныхъ хуралахъ, совершаютъ молебствія и приносятъ жертвы Эрликъ хану (འཕགས་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་) и Сюльдэ-тэнгри. Потребности для этихъ хураловъ также точно доставляются въ большихъ монастыряхъ въ главное монастырское казначейство изо всѣхъ монастырскихъ аймаковъ.

3-го числа каждый монастырскій аймакъ, въ отдѣльности, чествуетъ своего сакүсуна རྒྱལ་བཟུང་, т. е. генія покровителя своего храма.

4-го числа ламы внѣ монастырской ограды служатъ санъ и за симъ развѣшиваютъ по угламъ монастырскихъ зданій, а равно

За симъ великій хуралъ въ 1-й лунѣ полагается 29-го числа. Въ составъ его входитъ служеніе хангалъ, — докшитское и чтеніе особыхъ молитвословій объ исполненіи желаній. Такого рода великій хуралъ совершается каждый мѣсяць, въ послѣдній день его, почитаемый бацакомъ, т. е. днемъ покаянія и поста. По числамъ дни эти чередуются послѣдовательно, приходясь сначала въ 29-й день мѣсяца, а потомъ въ 30-й.

Во 2-й весенней лунѣ великій хуралъ полагается 15-го числа, когда читаютъ «Оточи бурхану цзанъ үйлэ».

Хангалъ совершается 30-го числа.

Въ третьей весенней лунѣ великій хуралъ полагается 15-го числа. Помимо бацака богослуженіе совершается въ этотъ день съ особеннымъ торжествомъ, потому что онъ почитается днемъ, въ который будда впервые проповѣдывалъ тарнистическое ученіе. Въ составъ богослуженія входятъ молебствіе въ честь Бирүзаны (отъ санск. *Váirôtchana*, монг. ᠪᠢᠷᠦᠵᠠᠨᠠ тиб. $\text{ཕུ་རུ་འཇུག་པའི་མཚན་ལོ་$), послѣ чего возносятся тахилы (жертвоприношенія) отдѣльно генію хранителю (ᠲᠠᠬᠢᠯᠢ тиб. ཐོས་ལྷོད) каждого монастырскаго аймака.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Въ лѣтніе мѣсяцы великіе хуралы совершаются: въ 1-й лунѣ 7-го числа, когда воспоминается событіе рожденія будды изъ подъ правой мышки царицы Махамай въ саду Ломби. 8-го числа, почитаемаго днемъ, въ который будда у священнаго субургана обрилъ свои волосы и принялъ духовное званіе. Съ 8-го по 15-е число включительно великій хуралъ совершается ежедневно и назначается въ воспоминаніе двухъ чрезвычайныхъ событій, именно: 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца Шигэмүни приобрѣлъ достоинство будды и 15-го же числа этого мѣсяца онъ переселился въ нирвану, т. е. скончался. Въ этотъ же день скончались: Балданъ-Хлама, будда Амогасидди и многіе другіе. По этой-то причинѣ на великомъ хуралѣ этихъ дней бываетъ чтеніе гимновъ докшиту Хлама, при чемъ возносится особый балинь, тибетское имя котораго Данъ-ракъ-дурма, а по монгольски онъ

называется «ачилаху балінъ». Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ въ теченіе трехъ послѣднихъ дней, 13, 14 и 15-го чиселъ, служатъ ганьжурьинъ хуралъ, при чемъ прочитывается отъ доски и до доски весь ганьжуръ, а 15-го числа повсюду совершается Ямандагайнъ (Яманъ-такà) тахиль. Въ тотъ же день приносятся жертвы геніямъ покровителямъ монастырскаго сàн'а (казначейства).

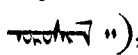
Хангалъ совершается 30-го числа.

Во второй лунѣ великій хуралъ совершается 15-го числа, при чемъ отправляются молебствія въ честь бурхана Аюши (ཨ་ཡུ་ཤི་). Каждое подаяніе, поступившее въ этотъ день въ доходъ монастыря и превышающее цѣну одного цина (около 20 коп. сер.) отдается монастырскими ламами въ главный монастырскій сàнъ.

Хангалъ совершается 29-го числа.

Въ третьей лунѣ съ 1-го по 8-е число включительно совершается торжество, извѣстное подъ тибетскимъ именемъ Чойнкоръ-дуйцанъ; монгольскіе же ламы зовутъ его на своемъ языкѣ «номунъ хурдэ эргигулхуй сайнъ удуръ, что значитъ — праздникъ проповѣди. Онъ установленъ въ память того событія, что Шигэмуні въ эти дни, по просьбѣ тэнгриевъ Ишвары, Хормусты и другихъ, впервые проповѣдалъ основанное имъ ученіе, заключавшееся въ толкованіи о четырехъ истинахъ. Съ 8-го по 15-е число исполняется такъ называемый мánинъ-хуралъ, служеніе котораго совершается какъ въ монастырскихъ кумирняхъ, такъ и за стѣнами монастыря. Въ кумирняхъ ламы читаютъ, смѣняясь по очереди, два, или четыре раза, равнымъ образомъ и для служеній внѣ монастырской ограды образуется также двѣ, или четыре очереди. При восхожденіи солнца служеніе начинается на западной сторонѣ монастыря и продолжается приблизительно часовъ до 2-хъ дня. Въ полдень служеніе начинается на восточной сторонѣ монастыря другою очередью ламъ и, въ то время какъ эта послѣдняя очередь приступаетъ къ чтенію призываній, ламы западной стороны приносятъ въ жертву балінъ и оканчиваютъ

свое чтеніе. При захожденіи солнца снова собирается и начинаетъ свое служеніе третья очередь ламъ на западной сторонѣ монастыря и, въ то время какъ приступитъ она къ чтенію призываній, приносятъ балінъ и оканчиваютъ свое чтеніе ламы восточной стороны. Въ полночь начинаетъ служеніе четвертая очередь ламъ опять на восточной сторонѣ кумирни и, въ то время какъ приступитъ она къ чтенію призываній, ламы западной стороны оканчиваютъ свое чтеніе. На другой день при восхожденіи солнца снова собираются ламы на западной сторонѣ и тѣмъ же порядкомъ отправляютъ свое служеніе. Такимъ образомъ мѣсяцъ хуралъ совершается съ 8-го по 15-е число включительно. Но помимо сего 15-е число празднуется съ особеннымъ торжествомъ, основаніемъ для котораго служитъ воспоминаніе о зачатіи Шигэмүни. До зачатія своего въ этомъ мірѣ бурханъ бакшіи находился въ царствѣ тэнгриевъ (Тушита) и былъ бодисатвою съ именемъ Дамбадогарь. (རམ་པ་ཉིག་རྟེན་ монг. ¹⁾). Въ этотъ день онъ окончилъ перерожденіе у тэнгриевъ и, спустившись съ неба подъ видомъ бѣлаго слона, для блага одушевленныхъ существъ Цзамбутйба, вошелъ въ утробу царицы Махамай.

Къ этому мѣсяцу у монголовъ относится еще служеніе *Яра* (отъ тибет. རྩུར་གནས་, что значитъ по монг. "), которое принадлежитъ также къ числу великихъ хураловъ. Служеніе это совершается въ Монголіи только по большимъ, хутухтинскимъ монастырямъ, да и при томъ въ немъ принимаютъ участіе далеко не всѣ ламы. Последнее обстоятельство обуславливается прежде всего тѣмъ, что, по правиламъ, служеніе Яра должно быть совершаемо только гэлүнами и гэцүлами; но и изъ числа этихъ послѣднихъ опять таки не всѣ участвуютъ въ этомъ богослуженіи, по причинѣ суровости требованій церковныхъ правилъ, при которыхъ оно должно быть совершаемо. Яръ собственно значитъ лѣто; въ монгольскомъ просторѣчій служеніе это называется «зун'у тахиль», что значитъ лѣтнее жертвоприношеніе и содержа-

1) Сличи стр. 63—64.

ніе его сполна составляютъ покаянныя молитвы о сдѣланныхъ грѣхахъ. Устанавливая богослуженіе это въ лѣтнее время, когда всѣ существа болѣе обезпечены со стороны матеріальной, церковныя правила налагаютъ большія требованія на служащихъ. Такимъ образомъ служащіе Яра не имѣютъ права выходить за ограду монастыря во все время своего служенія, для совершенія котораго назначается 45 дней, начиная съ 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца. Учрежденіе служенія Яра буддисты, по обычаю, относятъ ко временамъ будды Шигемунія и въ предисловіи къ изложенію его чтеній находится между прочимъ слѣдующій рассказъ, поясняющій происхожденіе этого служенія. Въ одно время всесовершенный будда, находясь въ городѣ Шравастѣ, далъ обѣщаніе провести лѣто въ саду царевича гэгэнъ илагухсанъ. Въ это время ученики будды отправились за сборомъ подаяній и, когда такимъ образомъ они переходили съ одного мѣста на другое, противники ученія будды (тиртика) злобно осмѣивали ихъ, распуская такія рѣчи: «слушатели сына сакьяскаго преступаютъ свое основное правило— не лишать жизни животныхъ. Теперь, когда ходятъ они въ лѣтнее время за сборомъ подаяній, множество маленькихъ животныхъ и мельчайшихъ насѣкомыхъ попадаетъ имъ на пути и они, попирая ихъ ногами, лишаютъ ихъ жизни». Ученики будды пришли къ нему и сказали ему объ этомъ, почему всесовершенный и издалъ свое постановленіе о совершеніи лѣтняго служенія¹⁾. Онъ заповѣдалъ оставить хожденіе въ

1) Дословный текстъ этого объясненія таковъ:

།བཅོམ་ལྷན་འདས་མཉམ་ཡོད་ན། རྒྱལ་བུ་རྒྱལ་བྱེད་ཀྱི་ཚེལ་མགོན་མེད་ཟས་སྲིན་
 གྱི་ཀུན་དགའ་ར་བར་དབྱར་བལྟགས་བར་ལལ་གྱིས་བཞིས་སོ། །དེའི་ཚེ་དགོ་སློང་
 དག་དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་སློངས་རྒྱ་ཞིང་དོང་དོ། །དེ་དག་དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་
 སུ་སློངས་རྒྱ་ཞིང་དོང་བ་དག་མི་སྤོང་ཅིང་མ་སྲུངས་ལ་མ་སྲས་བར་གྱུར་བ་དག་ལ།
 སུ་སྲིགས་ཅན་རྣམས་ཤེས་ལྷན་དག། སུ་ཡའི་བྱའི་དགོ་སློང་འདི་དག་ནི་སྲིག་གཅོད་བ་

лѣтнее время, но, помѣстившись на одномъ сѣдалищѣ, пребывать въ божественной дѣянь (созерцаніи). Въ настоящее время ламы, принявшіе на себя обѣтъ совершить служеніе Яра, не сидятъ въ созерцаніи, но всѣ 45-ть дней проводятъ въ кумирнѣ, выходя только на ночь въ свои кельи. По окончаніи 45-ти дневнаго служенія, ламы въ 46-й день, совершаютъ еще особый хуралъ, называемый Гагъ-и (отъ тиб. དགག་དགེ), или по монгольски «Халга нэгэху», что значитъ, — отверсти двери (подразумѣвается обѣтовъ, принятыхъ ламами при началѣ служенія). По мысли своей этотъ послѣдній хуралъ заключаетъ въ себѣ молитвенное благодареніе къ буддѣ за благое окончаніе служенія Яра и прошеніе, чтобы онъ сподобилъ совершать его во вѣки вѣковъ.

Хангалъ совершается 30-го числа.

Осенью великій хуралъ полагается 15-го числа 1-й луны съ

ཡིན་གྱི། གྲོག་གཅོད་པ་ལས་མ་ལོག་རྣམ་པར་མ་ལོག་བྱིང་མ་ལོག་པ་འདི་དག་
 དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་སྒྲོངས་རྒྱ་ཞིང་འདོད་སྟེ། དབྱར་གྱི་ནང་ལོགས་སུ་སྒྲོངས་རྒྱ་
 ཞིང་འདོད་པ་ན། གྲོག་ཆགས་སྤ་མོ་དང། རྟེན་ཏུ་སྤ་མོ་མང་པོའི་ཚོགས་རྣམས་བརྗེས་
 ཅས་གྲོག་དང་གལ་བར་བྱས་སོ། ། རེ་ཞིག་བྱེད་ཁྲག་ཏུ་ཡང་དབྱར་ལྷོ་བ་བཞི་རང་
 གི་ཚིང་ན་ལུམ་ལུམ་པོར་བྱས། ཀུན་ཏུ་ལུམ་པོར་བྱས་ནས་བསྐྱམ་ཞིང་བསྐྱམས་ནས་
 འབྲུག་ན། དགེ་སློང་མགོ་རེག་འདི་དག་ནི་དབྱར་ཁས་ལེན་པ་ཅིམ་ཡང་མི་ཤེས་ན
 དགེ་སློང་མགོ་རེག་འདི་དག་ལ་བསོད་སྟོམས་སྤྱིན་པ་དང། ལྷག་ལྷ་དང་སེམས་པ་ལྷ་
 སུ་ཞིག་ཡོད་ཅེས་སྟོན་བར་བྱེད་འབྲུ་བར་བྱེད་ཁ་ཟེར་བར་བྱེད་པའི་སྐབས་དེ་བཅོམ་
 ལྡན་འདས་ལ་དགེ་སློང་རྣམས་ཀྱིས་གསོལ་བ་དང་། བཅོམ་ལྡན་འདས་ཀྱིས་བཀའ་
 ལྷུང་བ། དེ་ལྷ་བས་ན་རྗེས་སུ་གནང་སྟེ། དགེ་སློང་གིས་དབྱར་གནས་པར་དམ་བཅའ་
 བར་བྱའོ། ། ཞེས་དབྱར་གནས་བྱ་དགོས་པའི་བཅའ་བ་མཛད་དོ།

чтеніемъ молитвословій, извѣстныхъ подъ именемъ «Нигүца хурійигуй». Въ этотъ день въ большой сѣнь (казначейство) монастыря приносятъ въ жертву масло.

Хангаль совершается 29-го числа.

Во второй лунѣ великій хураль полагается 15-го числа и на немъ совершается служеніе, извѣстное подъ именемъ «Минганъ тахиль». Кромѣ того во второмъ осеннемъ мѣсяцѣ отправляется въ нѣкоторыхъ монгольскихъ монастыряхъ чтеніе ганьчжүра. Обычай относить чтеніе ганьчжүра къ этому времени я находилъ въ монастыряхъ: Эрдэни цзү, Барүнъ-хүрѣ, хитѣ Оромбѣ гэгэна, чахарскомъ Дундү-ламайнъ сүмѣ и друг., около этой же поры оно совершается и въ монастыряхъ нашихъ Бурятъ. Въ Ургѣ чтеніе ганьчжүра совершается съ 9-го по 12-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца, слѣдуя непосредственно за праздникомъ Чойнкоръ-дүйцзанъ. Такое опредѣленіе времени въ самомъ дѣлѣ весьма логично вытекаетъ изъ мысли предшествовавшаго праздника; почему же въ другихъ мѣстахъ оно не относится къ этому времени, отвѣчать трудно. Впрочемъ на подобные вопросы, обращенные къ ламамъ, я получалъ отвѣтъ, что опредѣленныхъ чиселъ, въ которыя должно быть совершено чтеніе ганьчжүра, буддійская каноника не указываетъ и такимъ образомъ назначеніе этихъ чиселъ зависитъ или отъ воли настоятеля монастыря, или же еще чаще отъ принятыхъ въ монастырѣ обычаевъ; равнымъ образомъ не обозначается и числа дней, въ которые долженъ быть прочитанъ ганьчжүръ. Подобное назначеніе было бы дѣйствительно не сообразно на столько же, на сколько количество ламъ, находящихся въ различныхъ монастыряхъ, разнится одно отъ другаго.

Хангаль совершается 30-го числа.

Въ третьей осенней лунѣ великій хураль опредѣленъ 15-го числа, при чемъ совершается молебствіе въ честь Оточй-бурхана (Манъла). Въ этотъ день въ большой монастырскій сѣнь (казначейство) приносятъ жертву хлѣбомъ и зерномъ. 22-го числа совершается еще молебствіе по случаю торжества Хлабунъ дүйцзанъ. Праздникъ этотъ установленъ въ память того, что въ этотъ день Шигэмүни, принявъ на себя видъ слона, сошелъ съ неба на

землю, или собственно спустился изъ царства Тушита, послѣ чего онъ 15-го числа 3-й лѣтней луны, въ видѣ блестящаго луча, вошелъ въ утробу царицы Махамай и такимъ образомъ совершилось его плотское зачатіе въ видѣ человѣка.

Хангаль совершается 29-го числа.

Зимою великій хураль полагается 15-го числа первой зимней луны, при чемъ совершается молебствіе въ честь бурхана Аюши. 23-го и 24-го чиселъ того же мѣсяца совершается по одному, а 25-го два великихъ хурала. За всѣ эти три дня совершается такъ называемый Цзүлайнь хураль, что по буквальному переводу будетъ обозначать — «молебствіе лампадъ». Такое названіе дано хуралу, безъ сомнѣнія, потому, что при служеніи его въ кумирнѣ должна быть зажжена тысяча лампадъ, которыя и поставляются на столахъ, начиная отъ тахильйнь ширѣ вплоть до входныхъ дверей кумирни. Гимны, воспѣваемые въ этомъ хуралѣ, восхваляютъ Цзонхаву и самый этотъ хураль совершается въ воспоминаніе кончины Цзонхавы, великаго основателя желтаго толка ученія будды, къ которому принадлежатъ всѣ монголы.

Хангаль совершается 30-го числа.

15-го числа второй зимней луны совершается обычный великій хураль, состоящій изъ чтенія гимновъ въ честь 8-ти докшитовъ и особаго чтенія въ честь Бирүзаны.

Хангаль совершается 29-го числа.

Въ третьей зимней, или въ послѣдней годовой лунѣ къ служенію назначается три великихъ хурала. Первый — 15-го числа съ чтеніемъ молитвословія «Нигүца хурійянгуй»; второй совершается 27-го и 28-го чиселъ: въ это послѣднее число совершается великій докшитскій хураль и сожженіе сѣра; третій великій хураль полагается 29-го числа, или въ послѣдній день года — балингйнь хураль. Въ ночь подъ новый годъ богослуженіе совершается непрерывно отъ захожденія солнца до появленія зари слѣдующаго дня новолѣтія.

Вотъ дни, въ которые назначаются великіе хуралы; во всѣ остальные дни, по уставу, бываетъ служеніе малое — бага хураль, или чжиса. Необходимо однако замѣтить, что помянутые великіе

хуралы обыкновенно совершаются въ монгольскихъ монастыряхъ не всѣ и не сполна. Въ тѣхъ одинокихъ кумирняхъ, которыя разбросаны въ разныхъ частяхъ Монголіи, ламы не совершаютъ всѣхъ великихъ хураловъ, представляя въ извиненіе этого обстоятельства съ одной стороны отдаленность своего мѣстожителства отъ кумирень и разсѣянность своихъ жилищъ, которая естественно, обуславливаетъ собою трудность общаго собранія; а съ другой—недостаточность средствъ у этихъ сѹмѣ. Такія извиненія нельзя не признать основательными. Мнѣ не разъ приходилось быть свидѣтелемъ собранія ламъ для совершенія великихъ хураловъ къ бѣднымъ сумѹннымъ монастырямъ и сколько тревогъ и волненій переживается монастырскою общиною въ это время! Не явится какой нибудь узнатъ, и—хуралъ на половину разстроивается, такъ какъ некому вести служенія, — нѣтъ главнаго запѣвалы; есть за тѣмъ такіе хуралы, которые необходимо требуютъ присутствія извѣстнаго числа гэлѹновъ: нужно ихъ, положимъ, девять, а собралось восемь; посылаютъ къ одному—боленъ; къ другому—дома нѣтъ; къ третьему—ему оказывается трудно проѣхать по какимъ либо другимъ причинамъ. Бѣдность сумѹнныхъ монастырей такъ же точно не мало стѣсняетъ отправленіе въ нихъ хураловъ. Правда, обычай установилъ въ Монголіи тотъ порядокъ, что каждый, мало мальски состоятельный лама ѣдетъ въ сѹмѣ къ великому хуралу не иначе, какъ гоня за собою приличное число барашковъ, а иногда и двухъ, или трехгодовалыхъ бычковъ, таща за собою юрту и весь необходимый скарбъ. Въ этомъ убѣжищѣ онъ укроетъ двухъ, или трехъ изъ своихъ собратій, пожалуй даже нѣсколько разъ накормитъ и напоитъ ихъ; но все это оказывается еще недостаточнымъ, и при всякомъ годовомъ хуралѣ все же приходится производить отдѣльный сборъ отъ всего общества прихожанъ и требовать отъ нихъ не только принадлежности богослуженія, но и содержаніе служащаго духовенства. Такимъ образомъ въ тѣхъ монгольскихъ сѹмѣ, при которыхъ ламы не живутъ постоянно, богослуженіе совершается по большей части два раза въ годъ, именно, въ Цагѹнъ сарѹ и въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ съ 1-го по 8-е число. Въ болѣе

бѣдныхъ кумирняхъ сокращается даже и это служеніе: въ Цагѣнъ сарѣ, напримѣръ, вмѣсто совершенія его въ теченіе 16-ти дней, служатъ только 8 или 9-ть; лѣтній хуралъ исполняютъ, по большой части, сполна, чему конечно способствуетъ самое время года, когда монголы живутъ и тепло и привольно. Въ приходѣхъ болѣе богатыхъ ламы собираются въ степныхъ кумирняхъ три, и даже четыре раза въ годъ и пробываютъ при нихъ болѣе долгое время. Такъ, къ празднику новолѣтія они сходятся въ монастырь къ 24-му числу послѣдней зимней луны, чтобы вмѣстѣ отправить и великій балингѣйнъ хуралъ, а расходятся послѣ 16-го числа, окончивъ полное служеніе новолѣтія; въ третьей лѣтней лунѣ также остаются при сумѣ на болѣе долгое время и наконецъ собираются лишніе разы—осенью, къ празднику Хлабунъ-дуйцзанъ и зимою къ служенію Цзүлаинъ хуралъ, оставаясь въ это время при кумирняхъ отъ восьми до пятнадцати дней. Въ императорскихъ кумирняхъ великіе хуралы совершаются также болѣе полно, т. е. отъ трехъ до шести разъ въ годъ; кромѣ того въ нѣкоторыхъ императорскихъ кумирняхъ (какъ напр. въ Улясутаѣ) введено въ обычай отправлять ежемѣсячно служеніе въ то число, въ которое совершено освященіе кумирни.

Что касается тѣхъ монастырей, при которыхъ ламы живутъ постоянно, то въ нихъ великіе хуралы совершаются всѣ и отличаются отъ малыхъ большею торжественностью, какъ потому что на нихъ присутствуютъ всѣ ламы, такъ и по самой обстановкѣ богослуженій, ихъ продолжительности и т. д.

Монголы простолюдины въ обычные дни являются къ богослуженіямъ очень рѣдко, развѣ у кого явится на дому какая нибудь треба, обязывающая его ѣхать въ монастырь за ламою, или же, проѣзжая мимо стѣнъ монастыря, будетъ привлеченъ въ него кто громовыми завываніями ламскихъ трубъ. Въ дни великихъ хураловъ, наоборотъ, народу въ монастыри собирается много и, кажется, къ этимъ днямъ монголы приберегаютъ исполненіе всѣхъ своихъ религіозныхъ обѣтовъ, къ которымъ, замѣтитъ кстати, монгольскіе простолюдины особенно склонны. Самое пустое обстоятельство, пропажа какой нибудь овцы, уже вынуждаетъ мон-

голку на обѣтъ сдѣлать столько-то поклоновъ, или «окружить сѹмѣ» столько-то разъ если пропажа найдется; я не говорю уже о другихъ, болѣе важныхъ случаяхъ въ жизни, какъ напр. болѣзнь кого либо изъ семейныхъ, вымираніе дѣтей, падежь скота и пр. Впрочемъ, являясь въ монастыри къ днямъ совершенія великихъ хураловъ, монголы простолюдины въ самыхъ хуралахъ совсѣмъ не участвуютъ; они даже не входятъ въ кумирню въ то время, когда происходитъ тамъ ламское служеніе и все ихъ участіе ограничивается одними только поклоненіями, да «круженіемъ» вокругъ кумирни, или даже монастыря. Совершая поклоненіе, монголъ становится предъ дверями сѹмѣ, складываетъ впереди себя одну съ другою ладони своихъ рукъ, потомъ поднимаетъ ихъ надъ головою и отсюда опускаетъ, послѣдовательно прикладывая сначала ко лбу между бровями, потомъ противъ горла, захватывая при этомъ и часть лица до рта, и наконецъ къ груди; послѣ сего онъ падаетъ на колѣна и распростирается ницъ на землѣ такъ, чтобы всѣ его члены лежали на землѣ. Поднимается онъ тѣмъ же порядкомъ, сначала становясь на колѣна, а потомъ на ноги. Замѣчательны самыя первыя слова, которыя произноситъ монголъ, становясь на такую молитву: *འོ་འོ་ ལུངས་འོ་ ཁར་ཕྱོག་འོ་ ལུངས་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་* или иногда замѣняя это окончаніе такимъ образомъ: *འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་ འོ་འོ་*; это значитъ: «вслѣдствіе того что я дѣлаю это поклоненіе, да очистятся грѣхи и препятствія (къ спасенію) мои собственныя, а равно и всѣхъ одушевленныхъ существъ и да сдѣлаемся всѣ мы, (т. е. и я и всѣ одушевленные существа) буддами» ¹⁾. Человѣкъ проситъ ни много, ни мало, какъ только лишь того, что бы и самъ онъ и даже грызу-

1) Всѣ монголы произносятъ эту фразу неизмѣнно въ той формѣ, въ какой мы передаемъ ее, т. е. согласно правописанію литературнаго языка монголовъ; болѣе же набожные заучиваютъ ее даже на тибетскомъ языкѣ въ слѣдующихъ словахъ: བདག་གིས་མཚོན་གསུམ་དམ་བར་ (?) ལྷག་འཚོལ་ནས།

། བདག་དང་འགྲོ་གུལ་སྤྲིན་སྤྲིན་པ་དག་པར་གྱོང་།

щее его насѣкомое сдѣлались богами! Состояніе, конечно, хорошее и просить его не только для себя, а еще и для другихъ, безспорно, самая высшая степень человѣколюбія; но по истинѣ становится и больно и тяжело, когда подумаешь, что какой нибудь грязный, подвыпившій и, конечно, не имѣющій даже и понятія о духовномъ монголь тоже мѣтитъ въ будды, да еще съ спеціальною цѣлью спасти потомъ другихъ. Между тѣмъ каждое его тѣлодвиженіе рассчитано на этотъ конецъ и такъ или иначе знаменуетъ собою стремленіе къ достиженію степени будды. Такимъ образомъ монголь складываетъ впереди себя ладони своихъ *обоихъ* рукъ въ ознаменованіе того, что въ своей жизни онъ будетъ руководствоваться *средствами* (аргà) и *мудростью* (биликъ) для полученія степени будды; сложенные руки онъ поднимаетъ надъ головою, чтобы показать свое намѣреніе воспарить въ ганданъ,—область всесовершеннѣйшихъ буддъ; прикладывая руки ко лбу, молится, чтобы очистились его грѣхи, происходящіе отъ тѣла; полагая руки противъ горла, проситъ, чтобы очистились грѣхи его языка; выпускаетъ ихъ къ груди, чтобы очистились грѣхи его, происходящіе отъ сердца; преклоняя къ землѣ свои колѣна, онъ выражаетъ желаніе шествовать по стезямъ пяти путей, возводящихъ къ высшему совершенству; соприкасается къ землѣ лбомъ, чтобы получить всѣ одиннадцать лучезарныхъ областей свѣта; распространяетъ по землѣ свои четыре оконечности (двѣ руки и двѣ ноги), чтобы исполнились въ его существѣ всѣ четыре рода благихъ дѣяній; вытягивается всѣмъ тѣломъ и выпрямляетъ всѣ изгибы своего тѣла въ ознаменованіе намѣренія побороть и исправить всякую кривизну въ мірѣ матеріальномъ; поднимается съ земли на ноги въ ознаменованіе того, что онъ не будетъ всегда соприкасаться съ этою матеріальною землею, съ этимъ орчиланомъ, но направится по пути нирвãны; въ молитвѣ онъ дѣлаетъ за симъ цѣлую массу поклоновъ, такъ какъ каждое поклоненіе знаменуетъ намѣреніе извлечь одушевленныхъ существъ, обитающихъ въ царствахъ низшихъ перерожденій, изъ населяемыхъ ими странъ и возвысить ихъ въ блаженное царство Сукавãди. Таково, по однимъ, значеніе поклоненія монголовъ. Другое толкованіе локло-

нений, которое пришлось мнѣ прослушать отъ ламъ, состоитъ въ слѣдующемъ: «Поклоняющійся долженствуетъ изображать своими руками бутонъ цвѣтка пѣды, т. е. сложить ихъ такъ, чтобы соприкасались взаимно нижнія части ладоней и оконечности пальцевъ, образуя въ средину пустоту. Сложенныя такимъ образомъ руки должно класть сначала на темя, что знаменуетъ молитвенное прошеніе о нахожденіи «вачирунъ бэѣ», или драгоценнаго тѣла будды, исполненнаго 32-хъ признаковъ и 80-ти примѣтъ ¹⁾; за симъ

1) Выше, на стр. 217, мы уже говорили, что каждое существо, достигшее состоянія будды, приобретаетъ себѣ 32 особыхъ тѣлесныхъ отличія; но помимо сего каждому буддѣ усваивается еще 80 признаковъ красоты, болѣе часто называемыхъ «восьмьюдесятью примѣтами» (ཉམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་). Эти примѣты суть слѣдующія:

- 1) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ Ногти мѣдянаго цвѣта;
- 2) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) цвѣтъ ногтей лоснящійся;
- 3) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) Ногти возвышенные;
- 4) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) пальцы круглые;
- 5) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) пальцы широкіе, т. е. полные, жирные;
- 6) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) пальцы постепенно дѣлающіеся тонкими, къ концу тонкіе, заостренные;
- 7) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) подкожныя жилы не явственны, не видны;
- 8) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) жилы — безъ связи и узловъ, — т. е. не имѣютъ желѣзъ;
- 9) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) лодыжки скрытыя;
- 10) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) ноги ровныя;
- 11) འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་ (или འཇམ་མཚན་གྲུབ་པའི་སྒྲིབ་པ་) ходящій львиною поступью;

ихъ полагають передъ горломъ въ ознаменованіе приобрѣтенія «вачиртѹ царликъ» (драгоцѣннаго слова) и наконецъ на грудь, что знаменуетъ прошеніе о томъ, чтобы исполниться «вачиртѹ

-
- 12) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ (или ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій гусиною поступью;
  - 13) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій слоновою поступью;
  - 14) $\text{ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠠᠳᠤ ᠠᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ}$ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій поступью предводителя стадъ;
  - 15) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ (или ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій поворачивая на право. (По толкованію значитъ: ходящій вокругъ и останавливающийся съ правой стороны, — въ этомъ, будто бы, выражается почтеніе;
  - 16) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ красиво или величественно ходящій;
  - 17) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ (иначе: ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ " или еще иначе ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ") ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠲᠤᠮᠤᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій прямо;
  - 18) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ " имѣющій полное и красивое тѣло (по другимъ это соотвѣтствуетъ ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ т. е. имѣющій прямое тѣло;
  - 19) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ " (у другихъ просто ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ тѣло какъ бы вытертое или отполированное;
  - 20) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ тѣло пропорціональное во всѣхъ членахъ;
  - 21) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ (или ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ тѣло чистое;
  - 22) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ тѣло нѣжное;
  - 23) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ (иначе: ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ тѣло чрезвычайно чистое, — святое;
  - 24) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ отличительныя примѣты — въ совершенствѣ;
  - 25) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ имѣющій большое и прекрасное тѣло;
  - 26) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ходящій ровно, — ровными шагами, т. е. плавно;
  - 27) ᠬᠣᠳᠢᠶᠢᠨ ᠭᠤᠰᠢᠨᠤ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ ᠠᠨᠢ ᠲᠤᠰᠤᠨᠠᠮᠤᠰᠤᠨ имѣющій свѣтлыя, ясныя глаза;

сэтхиль», или драгоценными мыслями. Въ сочиненіи *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ* говорится: руки должны быть сложены непременно выгнутыми и образовать въ срединѣ пустоту; потому

28) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* (у другихъ *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ*) имѣющій молодое тѣло;

29) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* имѣющій не худощавое тѣло;

30) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* тѣло полное;

31) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* тѣлосложеніе чрезвычайно крѣпкое;

32) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* всё члены тѣла и дѣтородныя части въ высшей степени отдѣлены другъ отъ друга. (По другимъ эта примѣта выражается словами: *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* т. е. всё члены тѣла расположены весьма отчетливо и ясно.

33) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* " Знаніе его не омраченное и чрезвычайно чистое и свѣтлое (по другимъ: *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* т. е. буквально зрѣніе его не помраченное; хотя слово *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* зрѣніе довольно часто замѣняетъ собою понятіе *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* знаніе;

34) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* имѣющій круглый станъ или талию;

35) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* станъ ровный;

36) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* станъ не продолговатый;

37) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* имѣющій ровное т. е. плоское брюхо;

38) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* пупъ глубоко вдавленный внутрь;

39) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* пупъ закрученный вправо;

40) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ;

41) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* руки, при стояніи въ прямомъ положеніи (не наклоняясь), доходятъ до колѣнъ;

42) *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* имѣющій изящное обращеніе (Это по Хайби-чжунай'ю, — по другимъ *ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ ᠠᠨᠠᠭᠤᠨ ᠮᠠᠮᠤᠯᠠᠭᠤᠨ* т. е. поведеніе чистое, святое);

что, если сложить ихъ плоско, то это будетъ поклоненіе по обычаю еретиковъ (𐎧𐎡𐎴) и виновные въ этомъ возродятся въ пограничныхъ странахъ (𐎠𐎡 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴). При поклоненіи

43) 𐎠𐎡 𐎧 𐎡𐎴𐎡 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 на тѣлѣ его нѣтъ ни родимыхъ пятенъ, ни веснушекъ;

44) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 руки мягки и нѣжны какъ древесный пухъ;

45) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 черты на рукахъ явственны;

46) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 руки съ глубокими чертами (линіями);

47) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 руки съ продолговатыми чертами;

48) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 лице не очень продолговатое;

49) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 губы красны какъ растеніе бимба;

50) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 языкъ мягкій или гибкій;

51) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 языкъ тонкій;

52) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 языкъ красный;

53) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 имѣющій голосъ дракона (по другимъ: 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 исполненъ звуковъ слона и дракона);

54) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 рѣчи его ласковы (въ Хайб. чжун. прибавлено 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 «и нѣжны»; въ Бод. гат. нэр. далай: 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 " рѣчи его нѣжны и пріятны для слуха);

55) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 коренные зубы его кругловатые;

56) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 коренные зубы его острые;

57) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 коренные зубы его бѣлые;

58) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 коренные зубы его ровные;

59) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎧 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 коренные зубы его постепенно утончаются;

60) 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 𐎠𐎡𐎴𐎡𐎴 носъ возвышенный;

должно держать тѣло прямо и, приложивъ согбенныя ладони къ темени, къ горлу и къ груди, поклониться, совершенно опустивъ на землю пять членовъ тѣла. Когда опустишь тѣло на землю, оно

61) $\text{נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים}$ носъ чистый, т. е. правильный;

62) $\text{עֵינַיִם} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ עֵינַיִם} \text{ נֶחֱדָרִים}$ глаза чрезвычайно чистые;

63) $\text{עֵינַיִם} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ עֵינַיִם}$ глаза большіе;

64) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ частыя густыя рѣсницы (въ Хайб. Чжун. עֵינַיִם עֵינַיִם т. е. прекрасныя рѣсницы);

65) $\text{עֵינַיִם} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים}$ глаза подобны листу нююфара и въ нихъ рѣзко отдѣляется зрачекъ отъ бѣлка (по другимъ: $\text{עֵינַיִם} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ נֶחֱדָרִים} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ глаза въ которыхъ бѣлое и черное ровно какъ у раскрывшагося листка нююфара.

66) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ продолговатыя брови;

67) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ мягкія брови;

68) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ волосы на бровяхъ ровные ($\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$).

69) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ мочки ушей толсты и длинны;

70) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ уши ровныя;

71) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ уши съ неослабѣвающимъ чувствомъ (слуха; по Хайб. чж. $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$; по Нэр. дал $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$).

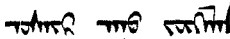
72) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ (въ Хайб. чж. $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ עֵינַיִם или עֵינַיִם) лобъ его весьма широкій;

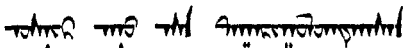
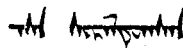
73) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ голова весьма большая;

74) $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ волосы на головѣ черны какъ лазурикъ (по другимъ $\text{עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם} \text{ עֵינַיִם}$ черноваты какъ пчела);

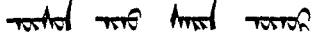
должно быть какъ бы упавшее на землю подсѣченное дерево; а если будешь растягивать и сгибать ноги, то возродишься верблюдомъ. Если не прикладывать къ землѣ голову, то возродишься въ томъ аду, гдѣ мучаются свѣщенные головою въ огонь. «Круженіе» монастыря совершается особымъ порядкомъ поклоненій. Монголь становится посреди тахилъйнъ модо предъ монастырскими воротами, дѣлаетъ здѣсь три поклона, затѣмъ поворачивается лицомъ на западъ и дѣлаетъ первый поклонъ. Распростершись по землѣ, онъ вытягиваетъ впереди себя руки и пальцами проводитъ черту по землѣ, отмѣчая такимъ образомъ то мѣсто, до котораго достигало его тѣло. Поднявшись, онъ дѣлаетъ три шага такъ, чтобы третьимъ шагомъ наступить на проведенную черту и здѣсь снова дѣлаетъ поклонъ, снова распростираясь по землѣ и проводя черту, добравшись до которой въ три шага, кланяется опять. Такими поклонами обходить онъ вокругъ всей монастырской ограды и это называется «Сүмэ эргихү», т. е. «окружить монастырь». Особенно набожные продѣлываютъ такое круговое поклоненіе вокругъ монастыря нѣсколько десятковъ и даже сотенъ разъ. Есть наконецъ и такіе ревностные, которые приходятъ таковымъ поклоненіемъ отъ дверей своей юрты до стѣнъ монастыря и все это только за тѣмъ, чтобы сдѣлать нѣсколько поклоновъ передъ дверями сүмэ, приложиться лбомъ къ дверной притолкѣ, или наконецъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, войти въ кумирню и

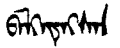
75) волосы густые;

76) волосы мягкіе;

77) (по другимъ
волосы не всклокоченные;

78) волосы не жесткіе;

79) волосы благовонные;

80)
 руки и ноги означены или запечатлѣны чертами величія и печатью счастья.

приложиться лбомъ къ подножію бурхановъ. Это уже самое высшее, что можетъ получить монголь въ своей кумирнѣ. Что же касается поклоненій, то въ средѣ Чахаръ у меня былъ знакомецъ лама, который способомъ поклоненій одинъ разъ прошелъ отъ Долбнъ-нѹра до У-тай-шаня, а въ другой, направившись въ Тибетъ, такимъ же образомъ промѣрялъ отъ границъ Тибета до Хлассы.

Обращаясь теперь къ самому совершенію богослуженій ламами и именно къ тому внѣшнему порядку, при которомъ совершаются богослуженія, я считаю за лучшее прежде всего передать тѣ правила внѣшности, которыя предписываетъ буддизмъ своему духовенству и которыя въ извлеченіи можно встрѣтить на стѣнахъ почти каждой кумирни въ Монголіи. Вотъ переводъ этихъ правилъ съ рукописи, находящейся въ цокчѣнскомъ дуганѣ въ Ургѣ, а равно, по примѣру ургинскихъ ламъ, и въ Гусиноозерскомъ дацанѣ нашихъ забайкальскихъ, селенгинскихъ Бурятъ.

«Всѣ ламы и банди, твердо храня святѣйшія постановленія, когда наступитъ время служенія молебновъ, при первомъ звукѣ раковины, приготовивъ напередъ сего цзанчи (мантіи) и прочія свои принадлежности, должны собратся, не опаздывая, и сидѣть на сѣдалищахъ рядомъ, не кривою, а правильною линією; свои платье руки и ноги держать въ порядкѣ и служить въ чистотѣ. Въ хуралѣ не должно играть, смѣяться, разговаривать, ссориться и спорить, кашлять и харкать, плевать, сморкаться и бросать на полъ сопли; при подаваніи трапезы не должно глотать громко, чавкать и производить шумъ; не должно сидѣть согнувшись, опершись на колѣна,—выливать остатки изъ чашки, выливать чашку языкомъ, курить табакъ, сидѣть въ шапкѣ, или сидѣть не порядочно, покачиваясь туда и сюда; не должно разсѣянно перебѣгать глазами съ одного предмета на другой, а смотрѣть прямо впередъ себя въ воздушное пространство. Гэбкѹй, гэйкъ и прочіе не должны дозволить выходить безъ нужды. Въ чтеніи молитвъ должно употреблять мягкій и нѣжный голосъ и читать протяжно и покойно. Въ движеніяхъ голоса, произноше-

ни звуковъ и прочемъ должно слѣдовать за унзѣтомъ и, помимо сего, не должно читать того, что пришло въ голову, по собственному желанію. При собраніи и во время выхода, должно идти тихо, держа четки и читая микчжѣмъ; не должно громко разговаривать, или выбѣгать быстро; если случится нужда выйти вонъ, можно выйти, взявъ дозволеніе отъ старшаго ламы, или покчѣйскаго гѣбкѣя и не запаздывать возвращеніемъ. Слѣдуя всѣмъ этимъ постановленіямъ и указаннымъ правиламъ, помимо сего не должно измышлять другія, по собственному желанію и въ противоборство начальникамъ. Должностные ламы и хуварѣки, нарушающіе эти постановленія, — глупы и въ то же время, воображая себя умными (вслѣдствіе измышленія своихъ правилъ), гордятся нарушеніемъ постановленныхъ обычаевъ. Непотребно ведущіе себя не должны жить въ хурѣлѣ, напротивъ того это должно быть причиною для изгнанія ихъ изъ хурѣла. Безъ нужды шататься по домамъ; разными голосами безобразить нѣніе; сидѣть въ хурѣлѣ и не читать нѣмъ (молитвенное чтеніе), хотя бы и зналъ его; не бить въ барабанъ; не трубить въ трубу, или раковину; не выполнять какой бы то ни было порученной обязанности; говорить и дѣйствовать по обману, хотя бы это было въ самомъ малѣйшемъ; не изучать богослужебныхъ книгъ, если есть способности и возможность; гоняться за различными играми, не разбирая ни времени, ни мѣста, — все это проступки, за которые гѣбкѣ на обыкновеннаго ламу налагаетъ эпитимію, отступившіе же отъ другихъ установленныхъ правилъ должны быть судимы согласно постановленій о различныхъ грѣхахъ и преступленіяхъ.

Такимъ образомъ если мы, чувствуя правила вѣры, не будемъ осквернять ее никакими, даже малѣйшими пороками, то это будетъ залогомъ для достиженія блага и величайшаго счастья».

Таковы правила виѣшности для ламъ во время совершенія ими богослуженій. Глядя на эти правила, такъ какъ они выражены, т. е. со стороны отрицательной, можно судить отчасти о тѣхъ проступкахъ, которые болѣе свойственны ламамъ при богослуженіяхъ, можно вывести за симъ нѣчто и относительно обрядовъ при богослуженіи, хотя и нельзя не согласиться, что эта краткая замѣтка

далеко не въ состоянїи дать даже самаго узкаго понятїя о внѣшней обстановкѣ богослуженїй. Такимъ образомъ мы находимъ здѣсь упоминанїе о способѣ призванїя къ богослуженїямъ, объ одеждахъ ламъ, о трапезахъ во время богослуженїя, о порядкѣ чтенїй и проч., но это только упоминанїя, не дающїя намъ никакого образнаго представленїя о дѣйствительности. Призванїе къ богослуженїямъ въ буддїйскихъ монастыряхъ Халхи совершается главнымъ образомъ четырьмя способами. Самый употребительный изъ нихъ это звукъ раковины (лабай), въ которую трубитъ лама съ такъ называемой «бурѣйнъ шатā». Устройство этой послѣдней уже было представлено нами выше, теперь же можно сказать, что призванїе къ богослуженїю совершается обыкновенно очень не долго; точнѣе о количествѣ этого благовѣста можно судить по самому поставленїю о немъ. Звукъ раковины долженъ раздаваться три раза: начавшись съ самаго сильнаго и пронзительнаго, онъ потомъ долженъ постепенно понижаться и ослабѣвать въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не замретъ окончательно вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ истощится запасъ воздуха въ груди трубача; затѣмъ, передохнувъ, лама долженъ, начавъ съ того самаго тихаго звука, возвести его опять до степени maximum'a. Полный благовѣстъ заключаетъ въ себѣ три такихъ отдѣленїя. Второй способъ призванїя къ богослуженїямъ есть ударенїе въ музыкальный инструментъ, извѣстный подъ именемъ «хāранъга» и имѣющій форму нашего мѣднаго таза. Третїй — звуками особой трубы — «бишкūра». Четвертый — звуками «ўхэръ бурѣ», или громадныхъ мѣдныхъ трубъ, величиною отъ 1½ до 2-хъ саженой. Въ тѣхъ большихъ монастыряхъ, гдѣ жилища ламъ раскинуты на обширныхъ пространствахъ, какъ на примѣръ въ Ургѣ, Эрдэнїцзū, Барūнъ-хūrѣ и проч. время собранїя къ богослуженїю возвѣщается по большей части двумя ламами и непременно съ бурѣйнъ шатā, при чемъ, мѣняясь, они трубятъ по три раза во всѣ четыре стороны; такимъ образомъ благовѣстъ производится здѣсь вчетверо дольше. Что касается степныхъ дугановъ, то здѣсь рѣдко даже можно встрѣтить и бурѣйнъ шатā. Въ періодъ совершенїя здѣсь хураловъ ламы призываются къ онимъ звуками

раковины одного трубача, стоящаго просто передъ дверями кумирни. Для непривычнаго человѣка при этомъ особенно поразительною является быстрота собранія ламъ къ кумирнѣ. Если говорить о великихъ хуралахъ и объ отправленіи богослуженій собственно старѣйшими ламами, то положительно можно сказать, что опаздывающихъ здѣсь никогда не бываетъ. Такъ какъ время богослуженія извѣстно за ранѣе, то всѣ намѣревающіеся отправиться въ хуралъ, приготавливаются къ выходу еще до того времени, какъ раздается звукъ раковины. При первомъ звукѣ ея вы видите ламъ, стремящихся къ кумирнѣ со всѣхъ концовъ монастырскаго круга; при второмъ звукѣ они стоятъ уже предъ дверями кумирни, тихо перебирая свои четки и читая микчжымъ. Это коротенькая молитва, которую ламы всегда бормочатъ, направляясь къ хуралу. Вотъ ея текстъ въ переводѣ: «Молюсь у ногъ Хоншимъ бодисатвы—великаго сокровища неизрѣченнаго милосердія;—Маньчжурія, обладающаго силою благозвучнаго вѣщанія;—Очирвани, подавляющаго всѣ полчища смутныхъ шимнусовъ;—святаго Цзонхавы—украшенія мудрецовъ снѣжной страны и—несравненнаго Сумди-кирти-шир гэгэна. Ликъ побѣдоноснаго Цзонхавы во всѣхъ моихъ перерожденіяхъ да будетъ моимъ ламою руководителемъ къ высокимъ добродѣтелямъ и да не отвращаюсь я, ниже на одно мгновеніе, отъ благаго пути, одобреннаго побѣдоносными; да войду я достойно въ собраніе ламъ—драгоценности,—вѣрныхъ наставниковъ и руководителей по пути къ нирванѣ». При третьемъ звукѣ раковины ламы входятъ въ кумирню и разсаживаются по своимъ мѣстамъ. Порядокъ, въ которомъ они садятся, идетъ сообразно старшинству, подобно тому какъ записываются ламы и въ монастырскихъ спискахъ. Въ большихъ монастыряхъ, гдѣ существуетъ дѣленіе ламъ на аймаки и гдѣ устраиваются цокчины, т. е. соборныя кумирни, въ этихъ цокчинахъ кромѣ двухъ переднихъ сѣдалищъ для ханбѣ ламы и цокчинскаго ширѣтү, остальные сѣдалища занимаются ламами различныхъ аймаковъ прежде всего по старшинству самыхъ аймаковъ, а за симъ уже по старшинству проходимыхъ ламами должностей. По отношенію къ низшимъ ламамъ, не несущимъ никакихъ должностей, дол-

жно замѣтить, что въ обыкновенныхъ монастыряхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ аймакахъ большихъ монастырей, случаются не рѣдко различія между старѣйшинствомъ ламъ по монастырскому списку и церковному сѣдалищу. Обусловливается это различіе тѣмъ, что гѣбкүй и унзатъ всегда имѣютъ право дать высшее мѣсто лучшему изъ чтецовъ, а худшихъ посадить въ задніе ряды. Какъ общее и всегдашнее постановленіе можно отмѣтить еще то, что ламы въ хуралахъ не имѣютъ права смѣнять указанные имъ мѣста и занимать чужія, по этому мѣста ламъ, не явившихся въ хуралъ, остаются свободными. Лицъ, которыя живутъ при монастырѣ, но не вошли еще въ монастырскіе списки, сажаютъ по большей части отдѣльно, для чего въ кумирнѣ всегда имѣются еще стоящія позади и въ нѣкоторомъ отдаленіи чжабданы. Если въ монастырь пріѣдетъ какой либо знатный лама, которому не прилично сидѣть позади, то мѣсто его устанавливается на краю переднихъ сѣдалищъ, но опять таки непременно отдѣльно отъ сѣдалищъ мѣстныхъ, монастырскихъ ламъ.

Свои всеневныя богослуженія ламы совершаютъ въ обыкновенныхъ костюмахъ, т. е. они надѣваютъ халатъ, подпоясываются, пристегиваютъ къ поясу цабри и накидываютъ на лѣвое плечо оркимджи. Эта послѣдняя одежда составляетъ необходимую принадлежность для каждаго ламы при богослуженіи. Цзанчи или мантия, о которой упоминается въ правилахъ, носится не всѣми ламами и употребляется при особаго рода богослуженіяхъ, какъ-то, тарнистическія, цанить и проч., а въ обыкновенныхъ хуралахъ цзанчи необходимо одѣваетъ только гѣбкүй. Великіе хуралы также не исключаются изъ сказаннаго правила и ламы, совершающіе ихъ, являются въ кумирни для служенія въ своихъ обыденныхъ костюмахъ. Принадлежностей службы ламы съ собою никакихъ не носятъ: чтеніе молитвъ совершается ими всегда наизусть, — лама является въ сүмѣ, только держа четки. Что касается порядка при богослуженіяхъ, то при великихъ хуралахъ онъ дѣйствительно соблюдается въ самомъ строгомъ видѣ, такъ какъ здѣсь участвуютъ главнымъ образомъ возрастныя ламы; то же можно сказать и о богослуженіяхъ въ тѣхъ дуганахъ, гдѣ

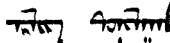
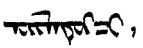
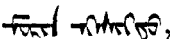
мало ламъ малолѣтковъ; но трудно себѣ представить порядокъ при богослуженіи въ ургинскомъ цокчйнѣ въ обыкновенные дни, т. е. при служеніи чжиса. Какъ уже было сказано, оно совершается исключительно молодыми хуваракъами, принадлежащими къ возрасту отъ 8 до 18 лѣтъ. Такихъ ребятъ собирается здѣсь отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ. Говоръ, смѣхъ, плачь, все это сливается съ общимъ шумомъ читаемой молитвы, которую каждый изъ служащихъ хочетъ прокричать на столько, на сколько хватаетъ силы въ его дѣтской груди. Правило о выходѣ, испросивъ разрѣшеніе у гѣбкѹя, должно исполняться слѣдующимъ образомъ: выходящій подходитъ къ гѣбкѹю, становится передъ нимъ на правое колѣно и наклоняетъ голову; дозволеніе свое гѣбкѹй выражаетъ тихимъ прикосновеніемъ посоха къ плечу просящагося. Но постановленіе это, въ большинствѣ случаевъ не примѣняется къ дѣлу,—оно въ обычаѣ развѣ у болѣе возрастныхъ; что же касается второй половины этого правила, предписывающаго не замедлять возвращеніемъ, то, вѣроятно, научные долгимъ опытомъ о преступленіи его каждымъ, гѣбкѹи цокчйнской кумирни въ Ургѣ постановили, что каждый, возвращающійся въ кумирню, долженъ подходить для полученія наказанія. Это послѣднее совершается такъ: виновный подходитъ къ гѣбкѹю, становится передъ нимъ на оба колѣна и наклоняетъ свою спину; послѣдній отпускаетъ по ней три удара своимъ жезломъ и затѣмъ виновный отходитъ и садится на свое мѣсто. Относительно другихъ, болѣе серьезныхъ проступковъ, я имѣю замѣтить, что къ нимъ относятся, неумѣренныя драки, воровство и проч. Во время одного изъ моихъ посѣщеній цокчйна одинъ мальчикъ лѣтъ тринадцати былъ уличенъ другимъ въ кражѣ у него чашки; ворюшка тутъ же въ кумирнѣ былъ раздѣтъ до нога и высѣченъ. Сцены такого рода повторяются почти ежедневно и по нимъ самымъ картиннымъ образомъ можно представить, что такое цокчйнъ во время совершенія въ немъ чжиса; но это только то, что видно глазомъ, впечатлѣнія же слуха едвали и могутъ быть переданы перомъ, или словами.

Кругъ богослужебный, разсматриваемый со стороны читае-

мыхъ въ хуралѣ молитвъ, въ монгольскихъ дуганахъ сравнительно очень ограниченный. Заинтересованный обрядовою стороною буддизма, я рѣдко пропускалъ случай прослушать богослуженіе и пашель, что богослуженія всedневныя совершаются въ монгольскихъ дуганахъ положительно безъ всякихъ измѣненій въ содержаніи и порядкѣ, — безъ измѣненій даже такихъ незначительныхъ, каковы тропари и кондаки православной церкви. Вначалѣ я думалъ обусловить это однообразіе незначительностью подготовки малолѣтковъ, — служащихъ; но, познакомившись ближе съ дѣломъ, увидалъ, что порядокъ богослуженій именно таковъ и по правиламъ буддійской каноники. Буддисты хотя и признаютъ сонмъ буддъ и бодисатвъ, по количеству не только не меньшій сонмъ святыхъ православной церкви, но даже и гораздо большій признаемаго этою послѣднею, однако чествованіе этихъ буддъ и бодисатвъ собственно въ церкви не распредѣляется у нихъ по извѣстнымъ днямъ, за исключеніемъ не многихъ вышеуказанныхъ празднествъ. При такомъ порядкѣ вещей разнообразіе молитвъ должно подать естественно. Молитвы буддистовъ, ежедневно читаемыя въ ихъ кумирнѣ, по большей части имѣютъ своимъ предметомъ поклоненіе и хвалу тремъ драгоценностямъ: буддѣ, ученію и духовенству, прошенія же ихъ сливаются въ одномъ желаніи — достигнуть состоянія будды.

Буддійскіе молитвенники монголовъ извѣстны у нихъ подъ тибетскимъ именемъ «Сумбум'овъ» и, въ большинствѣ случаевъ, встрѣчаются въ рукописяхъ и читаются въ кумирняхъ на тибетскомъ языкѣ. Впрочемъ въ Сэцэнъ-хановскомъ аймакѣ, въ хошунѣ Токтохд тѹрѹ богослуженіе совершается на монгольскомъ языкѣ и для отправленія его ламы этого хошѹна пользуются сумбум'омъ Чжанцзѣ хутухты, переведеннымъ съ тибетскаго на монгольскій языкъ и изданнымъ въ Пекинѣ. Тибетскихъ сумбум'овъ (собственно — сборникъ сочиненій, а въ томъ числѣ и молитвъ, одного и того же круга богослуженій, принадлежащій по составленію одному автору) — нѣсколько; они различаются по именамъ своихъ составителей, таковы: сумбумъ Баньчэнъ богдѹ, сумбумъ Богдѹ, ламы, или цзонхавйнскій, сумбумъ Чжанцзѣ хутухты, сумбумъ

Мэргэнъ-дайнчи и др. Ниже мы увидимъ, что у монголовъ есть также и отреченные сумбумы, хотя это отреченіе не можетъ быть признано полнымъ, потому что монгольскіе ламы пользуются ими въ извѣстныхъ случаяхъ также точно, какъ и признаваемыми ихъ церковью; но о нихъ мы будемъ говорить ниже. Молитвенники, по которымъ совершаютъ монголы свои богослуженія, обыкновенно раздѣляются на три части. Первую часть составляютъ такъ называемые по тибетски рапсалы (རབ་གསལ་ отъ རབ་ раб=монгол. ་ལོ་ " маший—преимущественно, весьма; གསལ་ салз = монгол. ་ལོ་ эгэнз — ясный, свѣтлый). Въ частномъ смыслѣ, это отдѣленіе сумбумовъ заключаетъ въ себѣ собраніе священныхъ гимновъ въ честь будды (ཇི་ལོ་ཅི་ ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་). Въ нихъ среди пышныхъ похвалъ находится исчисленіе подвиговъ буддъ на пользу одушевленныхъ существъ. Въ составъ рапсаловъ входятъ: α) хірангу (монгол. ་ལོ་ ལྷོ་ ཅི་ ཇི་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་) уберунъ аману бисыгаль)—исповѣданіе вѣры молящагося; β) ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་, хвалебные гимны; γ) ་ལོ་ལྷོ་ — молитвы въ полномъ смыслѣ этого слова, т. е. съ изложеніемъ прошеній и δ) ་ལོ་ལྷོ་ (йөрөль), т. е. благожеланія и благословенія. Вторая часть сумбумовъ заключаетъ въ себѣ богослужебныя книги, называемыя какъ и буржаны, въ честь которыхъ онѣ составлены,—докшйтъ, или «хилинътэнъ», или «номъ тэтхүхчй», или «сахихчй»—«сахигүлсунъ». Докшйтъ, какъ уже было говорено выше, есть собственно названіе буддъ и бодисатвъ, хранителей внѣшняго міра и ужасныхъ по внѣшнему виду. Такихъ божествъ и хубилгановъ ихъ буддисты насчитываютъ множество, но главнѣйшими изъ нихъ считаются слѣдующіе девять: а) Махагала (монг. ་ལོ་ ལྷོ་ ལྷོ་, тиб. ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་); б) Цаганъ Махагала (монг. ་ལོ་ ་ལོ་ལྷོ་, тиб. ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་); в) Эрликъ-ханъ (монг. ་ལོ་ ལྷོ་ ལྷོ་, тиб. ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་); d) Ухпнъ-тэнгри (монг. ་ལོ་ ་ལོ་ལྷོ་, тиб. ་ལོ་ལྷོ་); e); f) Бисманъ тэнгри (монг. ་ལོ་ ་ལོ་ལྷོ་ ་ལོ་ ་ལོ་ལྷོ་, тиб. ་ལོ་ལྷོ་ལྷོ་); g) Бикцзэ (монг. ་ལོ་ ་ལོ་); h) Эсруа (тиб. ་ལོ་ལྷོ་);

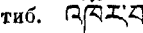
i) Ямандага (отъ санск. Yamantaka, монг. , тиб. , тиб. འཇིགས་བྱེད་པ་). Молитвенныя пѣсни и гимны въ честь этихъ восьми божествъ съ приложеніемъ пѣсней болѣе чтимому идамъ (ཡི་རམ་) бурхану Хайнкирвѣ (монг. , тиб. ཧྲ་མའི་ནྟེན་) и составляютъ второе отдѣленіе сумбѹмовъ. Третья часть буддійскихъ молитвенниковъ носитъ названіе *юндѹсѹнз* (тиб. чжудъ); она дѣлится на четыре отдѣла: а) *уйлэйнъ юндѹсѹнъ* (санскр. крия - тантра); б) *ябудалунъ юндѹсѹнъ* (санскр. ачара-тантра); в) *йогайнъ юндѹсѹнъ* (санскр. йога тантра) и д) *тэнгсэлъ үгэй юндѹсѹнъ* (санскр. анутара йога тантра). По этимъ четыремъ тантрамъ буддисты размѣстили свои молитвы, равно какъ и всѣхъ, такъ называемыхъ идамъ-бурхановъ и даже издають особыя книги съ изображеніемъ этихъ божествъ.

Выше я упоминалъ уже о существованіи въ *нѣкоторыхъ* халхаскихъ монастыряхъ отдѣльныхъ кумиренъ, называемыхъ Чжудѹинъ сѹмэ; это тѣ кумирни, въ которыхъ исключительно читаются молитвы, причисляющіяся къ послѣдней части буддійскихъ молитвенниковъ — Чжудъ и отсюда заимствовавшіе свое спеціальное имя. Такимъ образомъ третья часть буддійскихъ молитвенниковъ не только не читается во всѣхъ монастыряхъ, но даже и не во всѣхъ большихъ обителяхъ Монголіи совершаютъ служеніе Чжудъ; яснѣе сказать, оно обязательно находится только тамъ, гдѣ изучается высшее богословіе, гдѣ основаны школы цанйта. И такъ на долю обыкновенныхъ дугановъ и монастырей монгольскихъ приходится совершать богослуженія только по двумъ частямъ сумбѹм'овъ, именно, — имъ остаются рапсѹлы и докшйты и эти то двѣ части дѣйствительно и входятъ въ составъ всѣхъ, какъ малыхъ, всеневныхъ, такъ и великихъ хураловъ. Вообще малый и великій хуралы, можно сказать, вполне тождественны между собою по содержанію и различаются только количествомъ прочитываемыхъ молитвъ какъ изъ отдѣла рапсѹловъ, такъ и назначаемыхъ въ честь буддъ хранителей, — докшйтовъ. При ежедневномъ очередномъ служеніи (чжиса) въ Ургѣ и въ другихъ видѣнныхъ мною монастыряхъ читается

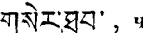
не болѣе четырехъ, пяти рапсаловъ; что же касается служенія докшйтовъ, что въ ежедневныхъ чтеніяхъ чествуется обыкновенно только одинъ докшйтъ, избранный въ геніи хранители монастыря. На великихъ хуралахъ прочитываются всѣ рапсалы, причемъ иногда ихъ раздѣляютъ попаламъ, — иначе сказать, полное число рапсаловъ прочитывается въ два дня; изъ отдѣла докшйтъ на великихъ хуралахъ исполняются служенія въ честь пяти, шести и даже всѣхъ восьми докшйтовъ, смотря по количеству ламъ и ихъ усердію.

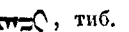
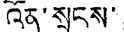
Чтобы познакомить читателей съ общепринятыми богослуженіями буддистовъ, считаю необходимымъ представить въ переводѣ образцы молитвъ, входящихъ въ составъ буддійскихъ хураловъ, т. е. какъ образцы рапсаловъ, такъ и докшйтовъ. Замѣчу еще, что богослуженія свои ламы совершаютъ сидя, читаютъ и поютъ по большей части всѣ вмѣстѣ и только начало каждой молитвы затягиваетъ узатъ. Впрочемъ есть нѣсколько йорблей, чтеніе которыхъ предоставляется одному только ламѣ, первенствующему въ хуралѣ. Йорбли эти возносятся главнымъ образомъ къ буддамъ, уже являвшимся въ мірѣ, каковы, Гаргасунди ¹⁾, Ганагамуни ²⁾, Кашибъ ³⁾ и Шигэмүни. Въ содержаніи этихъ йорблей отъ лица самыхъ этихъ буддъ объясняются разнаго рода мученія и подвиги, понесенные ими за вѣру и для блага одушевленныхъ существъ и, въ силу такихъ заслугъ ихъ; выражается желаніе распространенія и благоденствія вѣры. Такимъ образомъ рѣчь, произ-

---

1) Гаргасунди (отъ санскр. Krakutchchanda, монг. , тиб. , что значитъ «разрушитель сансары» и побѣдитель ма-

терин). Имя будды перваго изъ тысячи буддъ нынѣшняго періода; онъ явился въ 9-й малой калпѣ, когда люди жили 40,000 лѣтъ.

2) Ганагамуни (отъ санскр. Kanakamuni, монг. , тиб. , что значитъ могучій надъ золотомъ). Имя втораго будды въ нынѣшнемъ періодѣ; онъ явился когда люди жили 30,000 лѣтъ.

3) Кашибъ (отъ санскр. Kasyapa, монг. , тиб. , что значитъ «хранитель свѣта»). Имя третьяго будды настоящаго періода; онъ явился, когда люди жили 20,000 лѣтъ.

носимая отъ имени самыхъ буддъ, говорится настоятелемъ, а желаніе произносится въ одинъ голосъ всѣми служащими. Напримѣръ:

Первенствующій: «За благо одушевленныхъ существъ я въ древнее время испыталъ всѣ тягостныя невзгоды и пожертвовалъ своимъ спокойствіемъ и блаженствомъ, ради сего...

Всѣ ламы: «Чистая вѣра да свѣтится во вѣки!»

Первенствующій: «Ради больныхъ и увѣчныхъ я въ древнее время указалъ лекарства и средства питанія (діету), спасалъ и оказывалъ милости страдальцамъ, а посему...

Всѣ ламы: «драгоценная вѣра да свѣтится во вѣки!»

Первенствующій: «Я пожертвовалъ женою, сыновьями и дочерьми, скотомъ, слонами и телѣгами ради приобрѣтенія святости, а потому...

Всѣ ламы: «верховная вѣра да свѣтится во вѣки!»

Такіе припѣвы ламы называются «тунъ-чжиръ».

Внѣшнихъ тѣлодвиженій при чтеніи рапсаловъ никакихъ не бываетъ и, кажется, единственное исключеніе въ этомъ случаѣ составляетъ рапсаль «Цоктү цзанданъ'у цзалбариль». Содержаніе его составляетъ покаянная молитва о сдѣланныхъ грѣхахъ, обращенная ко всѣмъ главнѣйшимъ буддамъ и бодисатвамъ. Ламы читаютъ большую часть этой молитвы стоя и при каждомъ отдѣлѣ ея, оканчивающемся словами «поклоняюсь тому-то», распростираются по землѣ. Но, говорю, это, кажется, единственный рапсаль, изъ всего отдѣла рапсаловъ, помѣщаемыхъ обыкновенно въ сумбум'ахъ.

Свой переводъ молитвъ я начну съ того, чѣмъ обыкновенно начинается у буддистовъ всякое богослуженіе, именно рапсаломъ, составляющимъ первую главу cadaго сумбума. Рапсаль этотъ представляетъ собою нѣчто въ родѣ нашего символа вѣры, потому что онъ заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ основныхъ догматовъ, на которыхъ зиждется религіозная система буддизма. Такая молитва естественно должна находить для себя большое употребленіе и, дѣйствительно, ее можно слышать не только при каждомъ богослуженіи, списокъ ея можно находить не только у cadaго ламы, но и почти въ домѣ cadaго просто-

людина. На монгольскомъ языкѣ она озаглавляется «Итэгэль ябугулхуйнь йосонъ», т. е. образъ исповѣданія вѣры и читается такъ:

«Вѣрую въ величественнѣйшихъ и святѣйшихъ ламъ, которые послужили основою для всякихъ добродѣтелей (происходящихъ отъ) тѣла, языка и мысли моихъ собственныхъ, предковъ моихъ, всѣхъ одушевленныхъ существъ, населяющихъ небо и всѣхъ буддъ десяти странъ и трехъ временъ; — въ ламъ, бывшихъ споспѣшниками въ распространеніи восьмидесяти четырехъ тысячъ отдѣловъ священнаго ученія и послужившихъ главнымъ первообразомъ, корнемъ и основою для всѣхъ хутухтъ и хуваракъ».

Вѣрую въ будду.

Вѣрую въ священное ученіе.

Вѣрую въ духовенство.

Вѣрую во всѣ сонмы и собранія религіозно-буддійскія.

Вѣрую въ одаренныхъ очами премудрости, сохраняющей высоко-знаменитую вѣру.

Вѣрую въ будду и въ представителей соборовъ какъ въ святыхъ.

О если бы мнѣ, для пользы одушевленныхъ существъ, сдѣлаться буддою въ награду за свою милостыню и тому подобныя (добрыя) дѣла! (*читается трижды*).

Вѣрую въ три сокровища.

Раскаяваюсь во всѣхъ грѣхахъ вообще и въ каждомъ отдѣльно.

Служа и сорадуясь благу одушевленныхъ существъ, содержу въ сердцѣ своемъ будду и бодисатвъ.

Для лучшаго устроенія блага собственного и чужаго полагаю въ основу святыя мысли.

О если бы мнѣ, послѣ того какъ рѣшусь я положить въ своей душѣ начало святымъ мыслямъ, оказывать привѣтъ и сочувствіе всѣмъ живымъ существамъ, а когда въ сердцѣ моемъ всецѣло водворится святость, сдѣлаться буддою для блага одушевленныхъ существъ! (*читается трижды*).

Да обладаютъ всё одушевленные существа благоденствіемъ и причинами благоденствія!

Да освободятся всё одушевленные существа отъ сильныхъ и не сильныхъ страстей и вспышекъ и да пребываютъ равнодушными!

Да исполнятся всё одушевленные существа того благоденствія, въ которомъ нѣтъ страданій! (*читается трижды*).

Поклоняюсь тому, который отрѣшился отъ вещественныхъ связей, не имѣетъ вида и перерожденій, ни брeнeнъ, ни вѣченъ, ни прибываетъ и ни отбываетъ, не отличается свойствами ни различными, ни исключительными, единственными, который довелъ себя до наслажденія миромъ глубокимъ, блаженствомъ безопаснымъ, который есть будда совершеннѣйшій и большій того, что о немъ сказано.

Поклоняюсь тому, который руководитъ къ миру нуждающихся въ мирѣ шравâковъ, который всезнаніемъ помогаетъ какъ одушевленнымъ существамъ, такъ и всему прочему; который вѣденіемъ путей созидаетъ благо міровъ; который составляетъ основу не только сонма всесовершенныхъ, могущественныхъ и разнообразно просвѣщенныхъ шравâковъ и бодисâtвъ, но и буддъ.

Поклоняюсь тому, который разрѣшаетъ сѣти сомнѣній и, обладая многообъятнымъ тѣломъ, посредствомъ лучей самадн (созерцанія) исходитъ изъ всего.

Ты, который составляешь всегдaшнее упованіе всѣхъ живыхъ существъ, будда, побѣждающій несмѣтныя полчища шемнûсовъ, истинно знающій всё предметы, гряди въ царство, гдѣ соединяются друзья совершенства!

Какъ я омываю статуи (духовъ) по мѣрѣ принятія ими на себя другаго (неблагообразнаго) вида, такъ посредствомъ омовенія божественною, святою водою чту лики святѣйшаго будды.

О, если бы мнѣ за то, что я благоговѣнно одѣлъ въ божественную хламиду алмазный ликъ бурхана Абиды, приобрѣсти неразрушимое тѣло!

О, если бы за приношеніе лику будды куренія, земнаго благовонія, разсыпанія цвѣтовъ, украшеній (въ видѣ) четырехъ

двѣповъ, горы Сѹмэрѹ, солнца и луны, всѣ одушевленные существа водворились въ святѣйшемъ царствѣ!»

Если мы станемъ по частямъ разбирать эту молитву, то уже въ ней самой найдемъ всѣ указанныя выше части рапсаловъ: здѣсь есть исповѣданіе вѣры, есть хвала, есть прошеніе, есть благожеланіе, или то, что называется по монгольски «йѳрѳль». Но, раздѣляя рапсалы на эти четыре отдѣла, я имѣлъ въ виду не частное содержаніе каждой молитвы, а то, что часть молитвенниковъ, извѣстная подъ именемъ рапсаловъ, заключаетъ въ себѣ молитвы, спеціально принадлежащія этимъ четыремъ отдѣламъ. Таково понятіе о рапсалахъ у самихъ ламъ и оно основывается, хотя и не во всей своей полнотѣ, на дѣйствительномъ содержаніи молитвъ. Считая приведенное чтеніе за исповѣданіе вѣры (хотя, какъ мы уже видѣли, въ немъ есть и хвала, и прошеніе, и йѳрѳль) ламы читаютъ далѣе мактāлы, или похвальныя молитвы; за тѣмъ цзальбарил'ы, или молитвы просительныя; наконецъ заканчиваютъ чтеніе рапсаловъ произношеніемъ іѳрѳлей, т. е. молитвенныхъ благожеланій. Представляемъ теперь читателямъ образецъ каждой изъ этого рода молитвъ и прежде всего образецъ мактāл'а.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который вращаетъ колесо священнаго ученія въ верховномъ царствѣ Тушита, у тэнгриевъ, обладающихъ высокою судьбою и пользующихся благими предопредѣленіями!

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который возбудилъ въ своей душѣ высокія намѣренія, прекрасно упражняется въ дѣлахъ милосердія и даетъ возможность одушевленнымъ существамъ находить путь истины.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который, исполнивъ свои многоразличныя святыя желанія, намѣренъ теперь явиться пятымъ буддою міроправителемъ на этомъ цзамбу-тибѣ.

«Поклоняюсь стопамъ милосердаго, который обладаетъ лучезарнымъ сіяніемъ какъ солнце, чистъ какъ луна, имѣетъ тѣло, разливающее спокойствіе въ душѣ, лишь только на него посмотришь.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который имѣетъ голосъ Гандарис'овъ¹⁾, который въ совершенствѣ проникъ въ сокровенный смыслъ высочайшаго и глубокаго священнаго ученія и обладаетъ вѣщаніями, приносящими пользу всѣмъ слушающимъ.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который знаетъ все, что только можетъ подлежать познанію, который призираетъ всѣхъ одушевленныхъ существъ и во всякое время думаетъ объ ихъ пользѣ.

«Покланяюсь стопамъ милосердаго, который прогоняетъ всякіе страхи, если вспомнить о немъ,—устраиваетъ спокойствіе одушевленныхъ существъ, если они вѣруютъ въ него,—даетъ сверхъестественныя сидди, если просятъ его.

«Силою добродѣтели такого поклоненія одушевленныхъ существъ, да получаютъ они благословеніе бурхана Майдари, милующаго всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Когда сдѣлается онъ всесовершеннымъ буддою, да сдѣлаемся мы его приближеннѣйшими друзьями, и, вкусивъ рашіана его священнаго ученія, достигнемъ до предѣловъ пути къ несравненной святости — боди.

Лишь только окончимъ мы свой настоящій вѣкъ, да возродимся мы въ области тэнгриевъ Тушита, и, радуя милосердаго хана, да получимъ святыя предопредѣленія.

Силою истины трехъ драгоценностей, а въ особенности по силѣ истиннаго благословенія бурхана Майдари, всѣ тѣ благожеланія, которыя теперь были произнесены мною, да исполнятся!

«Да водворится въ средѣ всѣхъ одушевленныхъ существъ

1) Гандари — существа, обитающія на восточной сторонѣ горы Сумэру и извѣстныя въ буддизмѣ подъ именемъ небесныхъ музыкантовъ. Ковалевскій почитаетъ правителемъ Гандарис'овъ Махарачжу Дрита-раштра (Монг. Хрест., т. II, стр. 268). Гандари раздѣляются на нѣсколько отдѣловъ, и въ различныхъ буддйскихъ сочиненіяхъ мы находимъ слѣдующія названія Гандарисовъ:

1. *ḥḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ* "; 2. *ḥḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥḥḥḥ*
ḥḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ "; 3. *ḥḥḥḥḥ ḥḥḥ ḥḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ* "; 4. *ḥḥḥ*
ḥḥḥḥḥ ḥḥ ḥḥḥḥḥ ".

счастіе и святость милосердаго ламы, идѣмъ-бурхановъ, бодисѣтвъ и геніевъ хранителей священнаго ученія.

Самымъ распространеннымъ изъ йорбелей у монгольскихъ ламъ является йорбѣль, извѣстный подъ именемъ «Санчжйтъ молѣмъ», монгольское же полное заглавіе его «Хутухтѣ сайнъ ябу-дал'унъ ирүгэл'унъ хагѣнъ», т. е. царь йорбелей святыхъ и добрыхъ дѣяній. Вотъ и его переводъ:

«Поклоняюсь юному (урі болоксѣнъ) Маньчжүшри.

«Какіе бы они ни были, и сколько ихъ ни есть, всѣмъ безчисленнымъ благоотшедшимъ буддамъ, лвамъ челоуѣчества трехъ временъ, обитающаго во всѣхъ десяти странахъ міра, — всѣмъ имъ исповѣдаю я свою вѣру тѣломъ, языкомъ и мыслию и поклоняюсь.

«Силою благихъ дѣяній и йорбелей ясно представляя себѣ всѣхъ побѣдоносныхъ и сгибая свое тѣло, низко кланяюсь всѣмъ побѣдителямъ.

«Желаю сидѣть среди безчисленныхъ какъ пыль буддъ и бодисѣтвъ и чрезъ всѣхъ безчисленныхъ побѣдоносныхъ стяжать всѣ ихъ духовныя свойства.

«Витійствуя о достоинствахъ побѣдоносныхъ, восхваляю ихъ голосомъ, подобнымъ морскимъ волнамъ.

«Чествую всѣхъ этихъ побѣдоносныхъ прекрасными цвѣтами, мастями, превосходнымъ зонтомъ, прекрасною лампадою и благовонными куреніями.

«Превосходными платьями, и высокими благовоніями, привѣсками, равными съ горою Сүмэръ и всѣмъ, что есть лучшаго изъ изобрѣтеній, чествую я этихъ побѣдоносныхъ.

«Все, что ни есть лучшаго, самыя вышія жертвы приношу всѣмъ побѣдоноснымъ и вѣрую.

«Все грѣховное, сдѣланное мною въ силу присущихъ мнѣ страстей, гнѣва и несовершенствъ моей физической природы, — все грѣховное, сдѣланное тѣломъ, языкомъ и мыслью, умоляю я очистить и всѣ тѣ грѣхи вмѣстѣ, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности.

«Сорадуюсь и послѣдую всякаго рода добродѣтелямъ всѣхъ

побѣдоносныхъ десяти странъ, бодисатвъ, пратіекабұддъ, шравакъ и всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣхъ, имѣющихъ сдѣлаться нирвану, я, благоговѣйно сложивъ ладони рукъ своихъ, умоляю, да благоволятъ они жить въ теченіе безчисленныхъ, какъ земная пыль, галабовъ ради блага и счастья всѣхъ одушевленныхъ существъ.

«Всѣ, стяжанныя мною, малыя добродѣтели поклоненія, принесенія жертвъ, покаянія въ грѣхахъ, послѣдованія, сорадованія и сочувствія добродѣтелямъ, молитвъ и проч. всегда производилъ я исключительно по стремленію къ святости боді.

«Да возносятся почести всѣмъ буддамъ минувшихъ временъ, жившимъ во всѣхъ царствахъ безчисленныхъ міровъ, находящихся въ десяти странахъ.

«И всѣ будды грядущихъ временъ, да исполняютъ они скорѣе свои намѣренія и, сдѣлавшись бурханами, да явятся на землѣ.

«Да очистятъ они до конца отъ всего грѣховнаго всѣ царства міровъ, существующихъ въ десяти странахъ.

«Да исполнится міръ имѣющими направиться къ священному дереву побѣдоносными и сыновьями побѣдоносныхъ.

«Всѣ, сколько ни есть одушевленныхъ существъ во всѣхъ десяти странахъ, всѣ они да будутъ вѣчно безболѣзненны и счастливы.

«Да будутъ удачны всѣ духовныя и добрыя дѣянія у всѣхъ одушевленныхъ существъ и все, искомое ими, да совершится во благое.

«Шествуя по пути святыхъ, да буду я помнить въ каждомъ своемъ рожденіи всѣ бывшія перерожденія.

«Во всѣхъ своихъ перерожденіяхъ, умирая и рождаясь, да буду я всегда оставившимъ свой домъ (т. е. духовною особою).

«Да буду я всегда жить, послѣдуя дѣяніямъ побѣдоносныхъ, всесовершенно исполняя добродѣтели, нескверно и въ чистотѣ сохраняя свои обѣты.

«Да буду я проповѣдывать священное ученіе на всѣхъ языкахъ, сколько ни есть ихъ: и на языкѣ тенгріевъ, и на языкѣ дра-

коновъ ¹⁾, и на языкѣ якшасовъ ²⁾, и на языкѣ кумбандис'овъ ³⁾

1) Лу (тиб. ལུ, монг. , кит. 籠, санск. pada — драконъ). По вѣрова-
ванію буддистовъ, эти чудовища «имѣютъ на головѣ своей оленьи рога, коровьи
уши и круглыя глаза; самая голова ихъ имѣетъ форму верблюжьей; шея въ
родѣ змѣиной; кожа на брюхѣ похожа на рыбу чешую; вершина спиннаго
хребта у затылка и по формѣ и по внѣшнему покрову подобна тигровой; когти
во семь, за исключеніемъ своей величины, похожи на ласточкины; передняя
часть тѣла драконовъ выше, а задняя ниже и къ хвосту дѣлается тоньше.
Драконы могутъ дѣлаться невидимыми и произвольно мѣнять величину своего
тѣла: могутъ представиться и большими и маленькими, и длинными, и корот-
кими; вообще въ своихъ измѣненіяхъ и превращеніяхъ они очень не посто-
янны; жизнь ихъ продолжается 80,000 лѣтъ». По вѣрованіямъ буддистовъ, дра-
коны обитаютъ, главнымъ образомъ, въ семи великихъ моряхъ, окружающихъ
вселенную и находятся подъ управленіемъ своихъ хановъ. Въ толкованіи на
сочиненіе «Чихулай хэрэлгэхчи» находимъ слѣдующія имена этихъ хановъ:

- 1)   " 2)   " 3)   " 4)   " 5)   " 6)   " 7)   " 8)   " — Въ сочиненіи «Ча-
ганъ-лияхоа» помѣщены еще имена восьми хановъ драконовъ и здѣсь они на-
званы такъ: 1)   " 2)   " 3)   " 4)   " 5)   " 6)   " 7)   " 8)   "

2) Якшасъ (отъ санск. yaksha, монг. , тиб.

также чудовища, враждебныя людямъ. Они раздѣляются на три отдѣла: зем-
ныхъ, воздушныхъ и небесныхъ, но всѣ одинаково имѣютъ способность при-
нимать на себя, смотря по надобности, какъ ужасныя, такъ и прекрасныя
формы; питаются человѣческимъ мясомъ и живутъ безчисленное число лѣтъ.

Главнѣйшіе роды якшасовъ носятъ слѣдующіе названія: 1)   " 2)   " 3)   " 4)   " 5)   " 6)   " 7)   " 8)   "

3) Кумбанди (монг. , тиб.) также названіе мифи-
ческихъ чудовищъ.

«Да буду я спокойнымъ и тихимъ, заботливо старающимся объ исполненіи парамитовъ и никогда не забывающимъ о святыхъ мысляхъ.

«Какіе же есть грѣхи, преступленія и препятствія (къ совершенію добродѣтелей), всѣ они всеконечно да очистятся.

«Избавившись отъ дѣяній мірскихъ и отъ навожденій шимнүсовъ, да хожу я безпрепятственно въ средѣ одушевленныхъ существъ міра, какъ солнце и луна на небѣ.

«Да живу я, умиротворяя всесовершенно мученія злой судьбы во всѣхъ странахъ и царствахъ, устроая блаженство всѣхъ существъ и помогая всему существующему.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галабахъ, исполняя въ совершенствѣ святія дѣянія, согласуясь съ поступками всѣхъ одушевленныхъ существъ и проявляя только однѣ добродѣтели.

И кто будетъ поступать также какъ я, да буду я съ тѣмъ всегда въ неразлучномъ дружествѣ.

«Со всѣми, кто желалъ бы мнѣ оказать какую либо помощь, или направить меня на добрые поступки, со всѣми тѣми да буду я всегда встрѣчаться.

«Да не опечалю я никогда ихъ духа.

«Да вижу я всегда въ ясности побѣдоносныхъ, окруженныхъ бодисатвами и во всѣхъ грядущихъ галабахъ да буду приносить имъ жертвы безъ усталости и утомленія.

«Да живу я во всѣхъ грядущихъ галабахъ, утверждая высочайшее ученіе побѣдоносныхъ, проявляя по всюду свѣтъ добродѣтельныхъ дѣяній и ходя благочестно и въ святости.

«Вращаясь во всѣхъ сансарахъ (матеріальныхъ мірахъ), да найду я безконечную добродѣтель и мудрость, средства (къ спасенію) и мудрость созерцанія; да приобрѣту я безконечное сокровище всесовершенно избавляющихъ (отъ матеріи) достоинствъ.

«А когда буду я возсѣдать въ средѣ бодисатвъ и невообразимыхъ буддъ въ безчисленныхъ какъ земная пыль царствахъ міровъ, да буду я поступать свято.

«Да проникну я силою своего разума въ голосъ безконечныхъ

повелѣній всѣхъ побѣдоносныхъ, явившихся въ трехъ временахъ и благопроповѣдавшихъ правила священнаго ученія.

«И когда буду я постигать это ученіе во всѣхъ имѣющихъ придти галабахъ, да проникну я (его) въ одно мгновеніе.

«Да увижу я всѣхъ львовъ человечества, появляющихся во всѣхъ трехъ временахъ.

«Да войду я въ царства всѣхъ побѣдоносныхъ, находящихся во всѣхъ безчисленныхъ странахъ.

«Да приду я ко всѣмъ тѣмъ побѣдоноснымъ, которые явятъ собою свѣтильникъ мировъ будущихъ временъ, сдѣлаются буддами, проповѣдующими священное ученіе и указующими страну нирваны, — вѣчнаго успокоенія.

«Да совершу я въ полнотѣ всѣ святыя дѣянія силою вездѣ сущаго и скорого риті хубилгана, силою средствъ (хўлгэ), сдѣлавшихся вратами ко всякой добродѣтели, силою мудрыхъ дѣній Самантабдры, силою вездѣ сущаго милосердія, силою самадї и мудрости.

«Очистивъ всесовершенно дѣянія, подавивъ повсемѣстно силу нисваниса, обезсиливъ значеніе шимнусовъ, да исполнюсь я всѣхъ добродѣтелей.

«Очистивъ всеконечно царства, безчисленные какъ море, да спасу я всесовершенно одушевленныхъ существъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да живу я безпечально въ галабахъ, безчисленныхъ какъ море, благоговѣйно изучая священное ученіе, пространное какъ море, вполне проникая въ его мудрость, глубокую какъ море и благоговѣйно чувствуя буддъ, безчисленныхъ какъ море.

«Да удостоюсь я святости будды и святыхъ дѣній всѣхъ благоотшедшихъ и побѣдоносныхъ трехъ временъ и да исполнюсь я всѣмъ этимъ до безконечности.

«Очистивъ свое тѣло, языкъ и мысли, да произведу я всесовершенное очищеніе въ чистѣйшихъ поступкахъ; благія намѣренія мои на сколько они согласуются съ мудростью на столько пусть и исполнятся.

«Ради наслажденія во всемъ благою добродѣтелью, да исполняю я святыя пожеланія Маньчжүшри.

«Да исполняю я безъ утомленія всё его дѣянія во всѣхъ грядущихъ галабахъ.

«Да будутъ эти дѣянія мои безконечны.

«Достоинства ихъ да будутъ безграницны.

«Для исполненія всѣхъ его (Маньчжүшри) дѣяній да приобрету я и всё его перерожденія (хубилганства).

«Каковы границы неба, такими же да будутъ и предѣлы одушевленныхъ существъ; каковы предѣлы нисваниса, такими же да будутъ и границы моихъ благихъ предирятій».

Служеніе «докшит'овъ» несравненно торжественнѣе и сложнѣе простаго чтенія пѣснопѣній изъ отдѣла рапсаловъ, оттого и докшитскіе хуралы введены въ Монголіи гораздо позднѣе эпохи распространенія въ средѣ монголовъ буддизма, построенія первыхъ храмовъ и начала служеній по отдѣлу рапсаловъ. Что касается отиравленія докшитскихъ хураловъ въ той блестящей формѣ, въ которой совершается оно въ настоящее время, то оно началось въ Монголіи собственно не ранѣе 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія и этотъ знаменательный въ исторіи монгольскаго буддизма фактъ тѣсно связывается въ преданіяхъ ламъ съ личностью седьмаго намѣстника Эрдэни-цзу'скаго монастыря, гэлүна Дакба-дорчжй. По сказаніямъ монгольскихъ лѣтописей, вся дѣятельность Дакба-дорчжй гэлүна съ самыхъ молодыхъ его лѣтъ не представляла собою ничего кромѣ стараній о благѣ вѣры и челоуѣчества; отъ этого, всё, начиная съ Тушѣту хана, въ хошунѣ котораго проживаль Дакба-дорчжй, питали къ нему благоговѣйное расположеніе и, когда открылось мѣсто намѣстника Эрдэни-цзу'скаго монастыря, поручили ему эту должность съ титуломъ «Номчй-дорчжи». При немъ основанъ былъ въ Эрдэни-цзу'скомъ монастырѣ докчинскій дуганъ, въ которомъ постановлено было совершать ежедневное богослуженіе; по инициативѣ Дакба-дорчжй были установлены также постоянныя правила относительно служеній въ послѣдніе дни года и празднованія новолѣтія; наконецъ Дакба-дорчж'ею же былъ основанъ въ Эрдэни-

цзу храмъ Манлы и въ 1776 г. поновлены всѣ зданія монастыря. Заботы Дакба-дорджи относительно докшитскихъ хураловъ начались въ томъ же году докладомъ Тушѣтү хану, въ которомъ Д.-д. разъяснял, что хотя въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ и съ давняго времени чествуется докшитъ Гонбо-гуру, однако же богослужебныхъ книгъ для отправленія всѣхъ молебствій въ честь этого докшита не имѣется, равно какъ нѣтъ и толковаго изложенія обрядовой стороны таковыхъ молебствій, а между тѣмъ пріобрѣтеніе всего этого было бы весьма полезно для вѣры. Тушѣтү ханъ, по обычаю, представилъ этотъ докладъ Чжэбцзунь-дамба хутухтѣ и послѣдній разъяснилъ, что въ Халхѣ и вообще то не имѣется книгъ для полнаго служенія докшитовъ и что поэтому халхасамъ необходимо или составить самимъ всѣ причисляющіеся обряды и молитвы, или же, еще лучше, командировать нѣсколькихъ ламъ въ тибетскіе, сакьяскіе монастыри, чтобы они прослушали тамъ ученіе о докшитахъ и пріобрѣли какъ нужныя книги, такъ и все необходимое въ обрядовомъ отношеніи. Номчѣ-дорджи предпочелъ послѣднее предложеніе и, по его ходатайству, въ 1776 году было отправлено изъ Эрдэни-цзу въ Тибетъ посольство, во главѣ котораго стоялъ тогдашній гэккүй цокчинскаго хурала Лубсанъ-чойдубъ. Послѣдній, прибывъ въ Тибетъ, представился 35-му хубилгану Сакьяскаго гэгэна, по имени Наванъ-гунгà-лодонъ-санчжй-дамба-чжанцан'у и прослушалъ отъ него наставленія о служеніяхъ Гонбо-гуру и другимъ докшитами. Возвратившись, онъ передалъ преподанныя ему правила и кромѣ того принесъ съ собою: изображенія пяти Сакья, рисунки Чойчжиновъ и Мйла-лѣчжавы, а также книги, по которымъ отправляется имъ служеніе, колокольчикъ, вачыръ и дамару сакьяскаго гэгэна и наконецъ раковину, подаренную будто бы Сакьяскому Пакба ламѣ Хубилай-сэцэнъ-ханомъ¹⁾. Такимъ образомъ Номчѣ-дорджи первый ввелъ въ Эрдэни-цзу правильное и полное служеніе докшитами и бывшаго у Сакьясцевъ ламу

1) Всѣ эти вещи и донинѣ хранятся въ Эрдэни-цзускомъ монастырѣ частью въ кумирнѣ большаго Цзу, а частью въ кумирнѣ Гонбо-гуру.

Лубсангъ - чойдуба поставилъ первымъ лацабомъ, или лобуномъ при служеніяхъ Гѳнбо-гѳуру. Изъ Эрдэни-цзу'скаго монастыря порядокъ служенія докшитовъ разошелся по всей Халхѣ, равно какъ проникъ и къ нашимъ Бурятамъ ¹⁾.

Съ тѣхъ поръ докшитское служеніе совершается въ Халхѣ всегда въ первой половинѣ дня, хотя можетъ продолжаться иногда и до глубокой ночи. По своей внѣшности, какъ уже сказано, оно отличается бѳльшею торжественностью сравнительно съ служеніемъ рапсаловъ, ибо чтеніе и пѣніе молитвъ его соединяется съ игрою на музыкальныхъ инструментахъ, при томъ же служеніе докшитама и болѣе сложно: въ составъ его входятъ не одно чтеніе молитвъ, но еще и принесеніе жертвъ, или балиновъ (тиб. дѳрма འཕོལ་མེད་, санск. bali), а самое чтеніе сопровождается различными внѣшними знаками, которые, за однимъ только вышеуказаннымъ исключеніемъ, совершенно чужды чтенію рапсаловъ. Впрочемъ внѣшнихъ тѣлодвиженій не особенно много и въ докшитскихъ хуралахъ и при томъ не во всякомъ докшитскомъ хуралѣ тѣлодвиженій одинаковое количество: въ одномъ ихъ больше, а въ другомъ меньше. Самыя тѣлодвиженія, въ большинствѣ случаевъ, должны быть исполняемы не всѣми служащими ламами, а только главнымъ лицомъ въ хуралѣ, передъ которымъ однимъ только поставляется и столикъ съ необходимыми принадлежностями служенія докшитама. Всѣ прочіе ламы участвуютъ въ служеніи докшитовъ почти на столько же, на сколько и въ рапсалахъ, т. е. они поютъ, читаютъ, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ и, по временамъ, исполняютъ потребныя тѣлодвиженія.

Разбирая особенности докшитскаго служенія, мы укажемъ

---

1) Впослѣдствіи Номчи-цорджи ознаменовалъ свое управленіе еще новыми командировками посольствъ въ Тибетъ къ Далай ламѣ и въ Китай къ Чжанцзя хутухтѣ за рѣшеніемъ вопроса, изученіе какой именно книги можетъ доставить пользу эрдэни-цзу'скимъ хуваракамъ. Тотъ и другой изъ гэгѳновъ одинаково сказали, что въ Эрдэни, цзу слѣдуетъ изучить «Боді-мѳръ». На этомъ основаніи Номчи-цорджи, въ 1783 году, основалъ въ Эрдэни-цзу училище на 50 ламъ, которые обязаны изучать «Боді-мѳръ», — это продолжается и до настоящаго времени.

Лама въ костюмѣ докшительскаго хурала.

прежде всего на одежды, въ которыхъ совершается ламами это служеніе. Выше уже было упомянуто, что служеніе чжиса, — очередное и состоящее изъ чтенія рапсѣловъ, ламы совершаютъ въ своихъ обыкновенныхъ костюмахъ; при служеніи докшитовъ они одѣваются еще поверхъ этихъ обычныхъ костюмовъ: чжодбонъ, додь-икъ и банцзаль. Чжодбонъ (тиб. རྩོད་པན་, монг.) — родъ вѣнца, надѣваемаго на голову. Онъ состоитъ изъ овальной шапки (торджикъ), покрытой тонкими, шелковыми шнурками чернаго цвѣта, имѣющими значеніе волосъ. На верху шапки эти волосы собираются въ одинъ пучекъ, и увѣнчиваются фигурою вачйра, по бокамъ же шапки они должны свѣшиваться въ видѣ косъ на длину одного локтя (хонгорцакъ үсүнъ). На ряду съ этими косами, на длину 1½ локтя свѣшиваются еще двѣ привѣшенные ленты (дарчжйнъ), сшиваемыя изъ пяти отдѣльныхъ кусковъ матеріи цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. Вся шапка вмѣсто околыша имѣетъ у себя пять отдѣльныхъ карточекъ съ изображеніемъ на каждой изъ нихъ отдѣльнаго бурхана и этотъ-то околышъ и называется собственно «чжодбонъ» т. е. тѣмъ именемъ, которое усваивается и общему прозванію шапки. Что касается пяти бурхановъ, изображаемыхъ на чжодбонѣ, то они суть: 1) бурханъ Вирузана (отъ санск. Vâirôtchana, монг. , тиб. རྩམ་པར་སྤྱད་མཛད་) — съ тѣломъ синяго цвѣта; 2) бурхана Акшобъ'я (санск. Akshobhya, монг. , тиб. བསྐྱེད་ཅུ་མི་རྩུང་བ་) — съ тѣломъ бѣлаго цвѣта; 3) бурхана Ратна самбава (отъ санск. Ratna sambhava, монг. , тиб. རིན་ཆེན་འབྱུང་ལྷན་) — съ тѣломъ желтаго цвѣта; 4) бурхана Абида (отъ санск. Amitâbhâ, монг. , тиб. འདོ་དབག་མཛད་) — съ тѣломъ краснаго цвѣта и 5) бурхана Амогасидди (отъ санск. Amoghasiddha, тиб. ཡོད་གྲུབ་མ་) — съ тѣломъ зеленаго цвѣта. Вторую одежду докшитскаго служенія — додь-икъ (отъ тиб. རྩོད་གཤམ་, монг.) монгольскіе ламы надѣваютъ всегда поверхъ сво-

его обычнаго ламскаго халата. Она имѣетъ форму перелины, накидываемой на плечи и свѣшивающейся до оконечности груди. Перелина эта по формѣ круглая, но на нижнемъ концѣ своемъ имѣетъ пять фистоновъ, которые, подобно изображенію бурхановъ, должны быть тѣхъ же пяти цвѣтовъ: синяго, бѣлаго, краснаго, желтаго и зеленаго. О третьей одеждѣ — банцзаль, называемой въ этомъ случаѣ иногда мад-икъ (отъ тиб. མྱེད་གཞིགས་, монг. или) мы уже имѣемъ понятіе и замѣтимъ только, что при докшитскомъ служеніи ламы надѣваютъ ее обыкновенно поперехъ халата.

Что касается происхожденія этихъ одеждъ, то буддисты, какъ всегда и во всемъ, приписываютъ имъ глубокую древность. Они говорятъ, что одежды эти были введены еще при буддѣ, что самъ Шигэмүни въ первый разъ надѣлъ ихъ, находясь въ гостяхъ у хана Довà-цзанбò, при чемъ онъ подробно объяснилъ своимъ ученикамъ, какъ основы своего ученія, такъ и значеніе пяти цвѣтныхъ бурхановъ, изображаемыхъ на тигимѣ. Каждое одушевленное существо, говорилъ Шигэмүни, можетъ достигнуть нирваны и сдѣлаться буддою, но для сего оно должно очистить себя отъ 84,000 грѣховъ (нисванисъ), основу которыхъ составляетъ пять, прирожденныхъ каждому одушевленному существу пороковъ (хоорà). Эти пороки суть: неразуміе (мунъхàкъ), гнѣвъ (хилінъ), гордость (омòкъ), любострастіе (тачійянгуй) и зависть (найданъгуй). Существа высшей природы, т. е. будды и бодисатвы, стремясь создать благо людей, отъ безначальнаго времени неуклонно заботились о томъ, чтобы уничтожить силу этихъ пяти пороковъ и въ дѣятельности этой особливо прославились Вайрòчана, какъ уничтожившій неразуміе, Акшòбъ'я, какъ уничтожившій гнѣвъ, Рàтна самбавà, какъ уничтожившій гордость, Амогасиддй, какъ уничтожившій зависть и Амитаба, какъ уничтожившій сладострастіе. Такъ какъ служеніе докшитовъ имѣетъ своею основною цѣлью молитву о спасеніи одушевленныхъ существъ отъ всякаго рода грѣховныхъ навожденій, то буддисты и постановили правиломъ носить на головѣ при докшитскомъ

служеніи изображенія этихъ пяти бурхановъ, какъ верховныхъ искоренителей основныхъ причинъ грѣха, таящихся въ природѣ человѣка.

Относительно храмовыхъ принадлежностей мы замѣчали уже выше, что при докшитскомъ служеніи въ честь Намсарай'я число жертвенныхъ чашекъ передъ бурханами вмѣсто обыкновенно поставляемыхъ семи, должно быть увеличено до девяти. Помимо сего при совершеніи всѣхъ докшитскихъ хураловъ предъ настоятелемъ ставится столикъ, на которомъ располагаются: а) колокольчикъ — музыкальная принадлежность настоятеля и вачиръ, употребленіе котораго неразрывно связывается съ колокольчикомъ; б) габала, поставляемая на невысокой треножной подставкѣ и наполненная, смотря по тому какому докшиту совершается служеніе, чернымъ чаемъ, виномъ, или же кровью. Жидкостями этими настоятель, въ извѣстное время чтенія молитвы докшитами, дѣлаетъ кропленіе, имѣющее значеніе жертвы; в) бумба, со вложеннымъ въ него кропиломъ изъ павлиновыхъ перьевъ и заключающая въ себѣ аршанъ, или священную воду: вода эта употребляется для окропленія баліна при его освященіи; и наконецъ д) блюдечко съ хлѣбными зернами, которыя, какъ и жидкость изъ габалы, также бросаютъ вверхъ въ жертву докшиту.

Жертва, приносимая Чдйчжинамъ во время служенія докшитскаго хурала состоитъ изъ такъ называемыхъ баліновъ, постановленія и указанія о приготовленіи которыхъ излагаются въ особой главѣ докшитскаго отдѣла сумбумовъ, называемой «гар'унъ абулга». Не входя здѣсь въ подробности всѣхъ предписываемыхъ правилъ, мы скажемъ только, что большинство баліновъ готовится изъ пшеничной муки, которую замѣшиваютъ на винѣ, смѣшанномъ съ водою, (нѣкоторые баліны готовятся изъ ячменной муки, какъ напримѣръ баліны Махагалы; въ Чжамсарановомъ балінѣ къ пшеничной мукѣ должно примѣшивать овсяную и пр. Баліны приносятся и амурлингуй бурханамъ, но эти послѣдніе баліны замѣшиваются исключительно на водѣ). Тѣсто это ставятъ на огонь и, въ то время какъ оно упрѣ-

васть, въ него подкладываютъ сахаръ, изюмъ и другія приности. Приготовленному такимъ образомъ тѣсту даютъ форму баліновъ. Этихъ формъ нѣсколько и у различныхъ докшитовъ баліны различны по внѣшнему виду. Обыкновенно въ каждомъ докшитскомъ хуралѣ приносится три баліна различныхъ формъ. Первый изъ нихъ назначается въ жертву гацзарьйинъ эцзэн'у, т. е. генію, покровителю той мѣстности, въ которой совершается жертвоприношеніе; второй и третій составляютъ жертву докшину. Первый, который монголы называютъ «цзамбутибьйинъ шалсай», дѣлается обыкновенно овальный, вторые имѣютъ трехугольную пирамидальную форму. На вершинѣ перваго, сплошь обмазаннаго масломъ и потому имѣющаго бѣлый цвѣтъ, водружаются изображенія солнца, луны и драгоценности Чиндамани, приготовляемыя изъ масла и окрашиваемыя сообразно своему цвѣту (солнце въ красную краску; луна — въ желтую; чиндамани дѣлается пятицвѣтною), а по бокамъ онъ украшается цвѣтками, приготовляемыми также изъ масла и окрашиваемыми въ разныя краски. Второй балінь, назначаемый въ жертву докшину, по правиламъ «гар'унъ абулга», долженъ быть окрашенъ въ тотъ цвѣтъ, какой имѣетъ лице докшина, которому онъ приносится. Онъ оканчивается на вершинѣ своей фигурами солнца, луны и на́да, по угламъ имѣетъ изображеніе пламеньющаго огня, на сторонахъ же украшается цвѣтками, а въ срединѣ долженствуетъ имѣть букву, почитаемую за букву такъ называемыхъ «сердечныхъ тårни» докшина. Такъ какъ нѣкоторые изъ докшитскихъ баліновъ одинаковы по своему внѣшнему виду, то по этой именно буквѣ и можно узнать какому изъ докшитовъ назначенъ балінь, потому что буква «сердечныхъ тårни» у каждаго изъ докшитовъ различна. Впрочемъ опредѣленіе докшитскаго баліна можетъ быть совершено еще и по количеству окружающихъ его малыхъ баліновъ, которые назначаются въ жертву сотрудникамъ (нүхурь), сопутствующимъ докшину и число которыхъ у каждаго докшина различно (такъ, у Гёмбо ихъ 75, у Махагалы 62 и т. д.). Третій балінь, назначаемый также въ жертву докшину, не имѣетъ у себя никакихъ украшеній и всегда бываетъ коричне-

ваго цвѣта. По тибетски онъ называется «шатакъ марчжй», что значитъ, какъ мнѣ передавали, — балйнъ плоти и крови. Таинственное значеніе его — преданіе карѣ докшіна всѣхъ враговъ и препятствій вѣры и добродѣтели, а потому у основанія этого балйна кладутся изображенія человѣческихъ ногъ (отъ лядвій до пяты), рукъ (отъ плечевой кости до оконечности кисти), языка, сердца и мозга, какъ главнѣйшихъ факторовъ всякой дѣятельности человѣка. Балйнъ этотъ, по окончаніи служенія докшітамъ сжигается на кострѣ за стѣнами монастыря и никогда не можетъ быть ни раздѣленъ между вѣрующими, какъ два другихъ балйна, ни оставленъ при кумирнѣ, какъ это часто дѣлается съ балйномъ «цзамбутибѣйнъ шалсѣй». Правила «гар'унъ абулгъ» предписываютъ какъ готовить балйны, такъ и содержать ихъ въ особой чистотѣ и на этомъ основаніи на нихъ не позволено даже дышать человѣку: приготовляющіе балйны, приносящіе ихъ въ хуралъ и ставящіе ихъ на особый столкъ посреди кумирни надѣваютъ поэтому на ротъ особую волосяную сѣтку, называемую у Монголовъ «халхабчй», а у Бурятъ «хѣбуръ». По окончаніи служенія, два первыхъ балйна раздѣляются между молящимися и служащими ламами.

Внѣшнія тѣлодвиженія, входящія въ составъ служенія докшітамъ, относятся, какъ было уже сказано, или къ одному только первостоятелю, или исполняются всѣми служащими. Къ числу первыхъ принадлежатъ: кропленіе жидкости изъ габалы въ жертву Чойчжину; кропленіе аршаномъ освящаемаго балйна и наконецъ болѣе сложныя тѣлодвиженія, съ которыми должны быть перечисляемы приносимыя въ жертву докшітамъ семь предметовъ, помѣщаемыхъ въ цугуцѣ. Такъ указаніе на первый изъ нихъ *арѣмъ* соединяется съ троекратнымъ движеніемъ въ воздухѣ распростертыми ладонями рукъ, какъ бы подгребающихъ къ себѣ воду; второй — *бадѣймъ* — движеніемъ въ воздухѣ распростертой, правой ладони съ правой стороны къ лѣвой, похожимъ на то, которое употребляетъ человѣкъ, когда плещетъ водою; третья жертва «*буйбй*», подъ которою разумѣется цвѣтокъ или растеніе, внѣшнимъ образомъ выражается бросаніемъ вверхъ нѣ-

сколькихъ зеренъ съ блюда, поставляемаго для этой цѣли передъ настоятелемъ; четвертая — *дүйбэ*, т. е. благовонное курение, выражается поднятиемъ вверхъ указательныхъ пальцевъ обоихъ рукъ, тогда какъ всѣ остальные четыре пальца должны быть пригнуты къ ладони; пятая — *алой*, т. е. лампада выражается такимъ же поднятиемъ вверхъ двухъ большихъ пальцевъ съ пригнутіемъ къ ладони всѣхъ остальныхъ; шестая — *ганди*, или благовонная вода выражается приложеніемъ распростертой правой ладони къ правому уху, а лѣвой къ груди; седьмая — *нйбди* выражается какъ бы указательнымъ движеніемъ рукъ, при чемъ обѣ онѣ должны имѣть согнутыми большой и указательный палецъ такъ, чтобы образовать собою кругъ и распростертыми, или выпрямленными три остальные; наконецъ при указаніи на восьмую жертву — *шаддà*, т. е. музыка, ламы берутся за музыкальные инструменты и играютъ на нихъ. Должно замѣтить, что такъ какъ исчисленіе этихъ восьми жертвъ не входитъ въ составъ молитвъ къ нѣкоторымъ изъ чдйчжиновъ, то естественно, что при совершеніи нѣкоторыхъ докшитскихъ хураловъ и самыя тѣлодвиженія эти совершенно опускаются. Тѣлодвиженія, общія для всѣхъ служащихъ суть во 1-хъ хлопанье въ ладоши; во 2-хъ хлопанье въ щелчокъ. Первое употребляется тогда, когда въ молитвѣ къ Чдйчжину, просятъ его объ искорененіи зла; напр. въ докшитскомъ хуралѣ въ честь Махагàлы:

«Все непотребное во всѣхъ странахъ сокруши!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

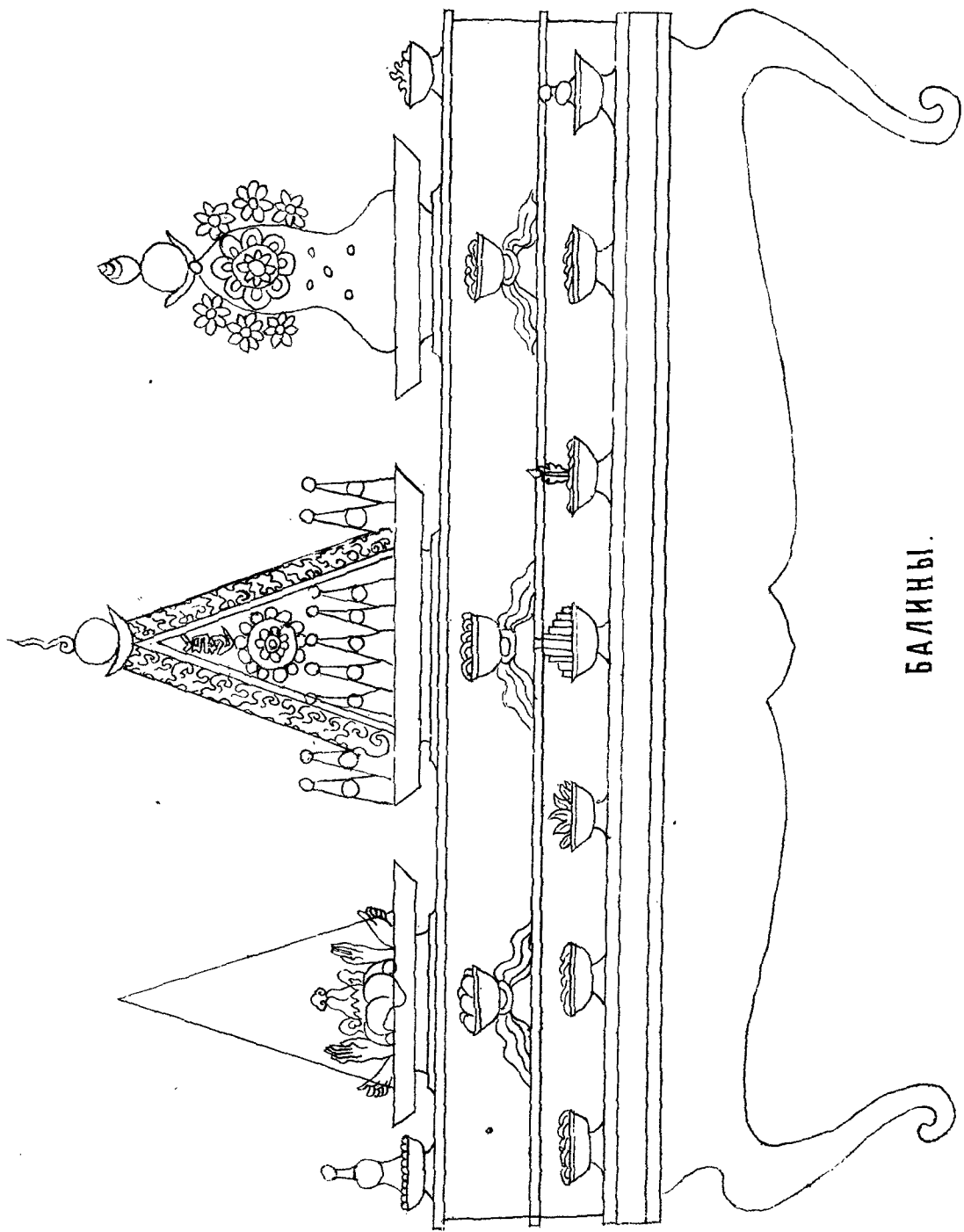
«Уничтожь!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Укроти!» (ударъ правою ладонью лѣвой).

«Совершенно укроти!» (ударъ лѣвою ладонью правой).

При ударѣ въ щелчокъ произносятся тàрни докшитовъ. Наконецъ возношеніе баліна, поднятіе его кверху и круженіе въ воздухъ совершается особою личностью (ᠬᠡᠰᠢ), которая приготовляетъ балінъ, вноситъ его въ кумирню и стоитъ при немъ неотлучно во все время его освященія и принесенія въ жертву.

Служеніе докшитама начинается обыкновенно чтеніемъ ко-

БАЛИНЫ.

роткаго мактала какому либо изъ идамъ бурхановъ, по большей части Ямандагъ, или Хайнкирвѣ. Такъ какъ образецъ мактала уже былъ представленъ въ отдѣлѣ рапсаловъ, то я предлагаю здѣсь только образецъ служенія докшити Чжамсарану того самага, которое ежедневно совершается въ Ургѣ. Вотъ переводъ этого чтенія со всѣми правилами, по которымъ оно должно исполняться:

«Приносящіе балінъ хуваракки передъ началомъ служенія должны прежде всего созерцать Чжамсарана, т. е. мысленно прочесть тарни: «омъ-ма-хумъ-сваха» и представить себѣ все пространство міра пустымъ. Въ пространствѣ этой пустоты они должны представить себѣ безграничное море изъ человѣческой и лошадиной крови, въ которомъ трехугольникомъ волнуются волны; въ самой срединѣ этихъ волнъ — четырехугольную мѣдную гору и на вершинѣ ея, какъ бы въ нѣсколько рядовъ настланный коверъ, падму, солнце, человѣческій и лошадиный трунъ, а на нихъ Чжамсарана. Онъ имѣетъ одно, красное лицо и двѣ руки. Въ правой рукѣ, испускающей пламя, онъ держитъ мѣдный мечъ, упираясь имъ въ небо, — этимъ мечемъ онъ посякаетъ жизнь нарушающихъ обѣты. На лѣвой локтевой кости у него повѣшены лукъ и стрѣлы, а въ самой рукѣ онъ держитъ сердце и почки враговъ вѣры; подъ лѣвой мышкой онъ прижалъ кожанное, красное знамя. Ротъ страшно открытъ, четыре острые клыка обнажены, онъ быстро движетъ языкомъ, имѣетъ три глаза и страшно гнѣвный видъ. Брови и усы его пламенѣютъ какъ огонь при концѣ міра; желто-красновато-темные волосы заплетены въ косу. Онъ коронованъ пятью человѣческими черепами. На немъ надѣты подъ низомъ мѣдный панцырь, а сверху красная, шелковая одежда, на ногахъ красные сапоги съ желтыми голенищами. Правая нога у него согнута, а лѣвая выпрямлена въ позу пляски. Стоитъ онъ среди пламенѣющаго огня премудрости. По правую сторону этого бурхана должно представить стоящею Ухинъ-тэнгри. Она имѣетъ три лица: красное лицо, синеватое лицо и лицо цвѣта кожи, только что снятой съ животнаго (блѣдно-розовое). Всѣ три лица съ зубами бѣлыми,

какъ раковина, съ изумрудными бровями и огненными волосами, украшенными яшмою и лазурикомъ; на ухахъ привѣшаны золотыя серьги. Она должна быть нагая, а въ лицѣ и глазахъ ея изображается страстное пожеланіе. Въ правой рукѣ ея находится поднятый на враговъ вѣры мѣднѣй мечъ, а въ лѣвой—желѣзный гвоздь, приколачивающій къ одному мѣсту препятствія (къ спасенію). На лѣвой сторонѣ Чжамсарана долженъ быть представленъ бурханъ—Амійнъ эцзэнъ (владыка жизни) съ однимъ лицомъ и двумя руками. Правую рукою онъ поднималъ красное копье; лѣвою — держитъ дьявольскую сѣть (ᠮᠡᠳᠦᠨᠢ ᠮᠡᠳᠦᠨᠢ), которую бросаетъ на враговъ вѣры. Онъ одѣтъ въ шлемъ и панцирь и сидитъ на бѣшеномъ волкѣ. Ночью онъ разъѣзжаетъ на этомъ волкѣ и призываетъ къ добродѣтели враговъ вѣры и препятствія. По десяти странамъ отъ этихъ бурхановъ должно расположить восемь небесныхъ меченосцевъ (ильдучи) и двадцать одного божественнаго палача (яргачи); всѣ они краснаго цвѣта и каждый имѣетъ въ правой рукѣ поднятый мѣднѣй мечъ, а въ лѣвой—одни изъ нихъ держатъ гвозди; другіе придерживаютъ закушенные зубами легкое, печень и сердце; нѣкоторые лижутъ мозгъ и кровь сердца; нѣкоторые въ лѣвой горсти зажали мясо и кровь; иные грызутъ кости и высасываютъ мозговья кости; нѣкоторые сдираютъ кожу до краснаго мяса. Всѣ эти смертоносцы (ᠮᠡᠳᠦᠨᠢ ᠮᠡᠳᠦᠨᠢ) враговъ вѣры одѣты въ человѣческія трупы и сырыя коровьи кожи. Кромѣ сего должно представить тысячу красныхъ альбиновъ, тысячу шимнұсовъ, тысячу ракшасовъ, тысячу якшасовъ и проч. Они окружаютъ Чжамсарана какъ войско, по безчисленности подобное каплямъ воды великаго моря. У всѣхъ бурхановъ, восьми меченосцевъ, и двадцати одного божественнаго палача должно представить на головѣ букву *омъ*, на горлѣ *ма* и на сердцѣ — *хумъ*.

Когда всѣ присутствующіе въ хуралѣ ламы утверждаютъ въ своихъ мысляхъ это созерцаніе, можно начинать молитву. Вотъ ея текстъ:

«Призываю на одно мгновеніе испускающихъ свѣтозарные лучи изъ *хумъ* своего сердца Чжамсарана и его сподвижниковъ

«Возношу эти жертвы явныя и тайныя Чжамсарану съ товарищами; примите и исполните мои потребности. Омъ-раг-ма-бар-на-са-ва-ри-ва-ра-ар-гамъ-бра-ди-ца-сва-ха».

«Такимъ образомъ стоящія на жертвенномъ столѣ: воду омовенія ногъ, воду омовенія лица, цвѣты, куреніе, лампаду, благовоніе, яства (*при этомъ перечисленіи поименованіе каждой жертвы сопровождается вышеуказанными тѣлодвиженіями*), музыку (*игра на музыкальныхъ инструментахъ*), а равно предметы, служащіе къ удовлетворенію пожеланій лица, голоса, обонянія и вкуса возношу я въ жертву Вачіръ-бакшѣ и тѣнгріамъ хранителямъ, а особенно якшѣ Чжамсарану и его сподвижникамъ.

«Мясо и кровь, пятисортный рашійнъ и балинъ, сдѣланный изъ муки и масла — губительные красные палачи съ своими сообщниками кушайте! Омъ-раг-ма-я-ра-манъ-ха-я-ба-линъ-та-гарангъ-ха-хи-ха-хи.

«Чтобы порадовать Чжамсарана и его сподвижниковъ чествуя ихъ великимъ моремъ разной крови. Омъ-ма-хумъ (*настоятель приподнимаетъ наполненную кровью габалу и троекратно вращаетъ ее въ воздухъ*).

«Поклоняюсь якшѣ Чжамсарану съ его сподвижниками, благоговѣю предъ ними тѣломъ, языкомъ и мыслію.

«Возношу различныя жертвы явныя — внѣшнія и сокровенныя — внутреннія.

«Раскаяваюсь въ порокахъ, которые противны душѣ моей.

«Послѣдую радостно по пути бѣлыхъ добродѣтелей.

«Соизвольте наставить меня на дѣла четырехъ родовъ (འཇགས་པ་ བསྟོན་པ་ ལྷན་པ་).

«Ради блага одушевленныхъ существъ направьте на путь истины ноги мои.

«Бурханъ, стремлюсь порадовать тебя своими добродѣтелями.

«Хранитель, якшѣ Чжамсаранъ, вмѣстѣ съ сподвижниками, порадовавшись моей вѣрѣ, не гиѣвайтесь на все грѣховное, что я сдѣлалъ и на все несогласное съ священнымъ ученіемъ, совершенное мною по невѣденію, но, почитая все это за дѣянія младенческія, потерпите!

(Съ душою, проникнувшюся стремленіемъ къ очищенію, прочитавъ подрядъ 120 разъ мани должно раскаяваться такъ):

«Вачіръ дарà ламà, святой хранитель, тэнгри и сонмъ поборниковъ и хранителей священнаго ученія, въ особенности же якшà Чжамсарàнъ съ сподвижниками, будьте милосерды ко мнѣ, йогàцзари. Я, вступивъ въ священное ученіе тàрни, поклялся передъ хранителемъ Вачіръ бакші въ непремѣнномъ сохраненіи своихъ обѣтовъ; каюсь въ своемъ нарушеніи ихъ, произведенномъ по гнѣву, неразумію, сладострастію и непостоянству своей физической природы.

«Раскаяваюсь въ своемъ нарушеніи обѣтовъ, которое выразилось въ томъ, что я прерывалъ чтеніе молитвъ и исполненіе подвиговъ тарнистическихъ, не совершалъ въ должное время благодарственныхъ жертвъ и вообще не исполнялъ того, въ чемъ жестоко поклялся.

«Раскаяваюсь въ своемъ нарушеніи обѣтовъ, которое выразилось въ томъ, что я дѣлалъ упущенія въ совершенствованіи своихъ взглядовъ, созерцаній и дѣяній, давалъ поводъ къ разединенію собраній и присоединялся къ отрѣшившимся отъ истины сонмамъ. Раскаяваюсь въ томъ, что я оскорблялъ Вачіръ-бакші-ламу и Вачіръ-эхэ, съ которыми связанъ я по силѣ обѣтовъ.

(Затѣмъ при звукахъ музыки):

«Передъ очами хранителей вѣры и священнаго ученія, передъ очами побѣдоносныхъ трехъ временъ и ихъ сподвижниковъ, исполненныхъ всякой сверхъестественной силы, возношу до неба разныя вещи; да удовлетворится ихъ желаніе!

«Амарита, красный балинъ, пища и питье, драгоценное золото и кропленіе лекарственныхъ благовоній, всѣ эти жертвы, вмѣстѣ съ жертвою высочайшаго спокойствія (འཇམ་མགས་པུ་ལོ་འཇམ་མགས་པུ་ལོ་) да удовлетворяютъ желаніе высокороднаго и величественнаго Чжамсарàна.

«Да удовлетворяютъ желаніе его сообщниковъ.

«Удовлетворивъ свое желаніе, да исполняютъ они нужды моего йогàцзарства! *(трижды).*

«Имѣющему тѣло, величественнѣйшее изъ всѣхъ существъ,

несравненному богатырю, обладающему видомъ страшнымъ до того, что на него нельзя смотрѣть, сему возношу я хвалы и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего существа, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которые устремляются на мое йогацзари'ское существо!

«Имѣющему слово величественнѣйшее и возвышеннѣйшее, жестокое и до безконечности страшное, сему возношу я хвалу и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, силою могущества твоего слова, порѣши злобныхъ враговъ и вредоносныя препятствія, которыя устремляются на мое йогацзари'ское слово!

«Обладающему мыслью милосерднѣйшею, необычайно быстрою, поспѣшною и дающею твердое успокоеніе, сему возношу я хвалу и покланяюсь.

«Величественный Чжамсаранъ, порѣши силою могущества твоей мысли злобныхъ враговъ и препятствія, устремляющіеся на мою мысль.

(За тѣмъ слѣдуетъ произнесеніе чжамсарановыхъ тѣрни при звукахъ колокольчика у настоятеля и щелчковъ у прочихъ служащихъ): «Омъ-вар-на-ад-ма-чира-пу-ра-хлу-ки-да-сар-ва-мадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(Тѣрни супруги Чжамсарана при тѣхъ же внѣшнихъ тѣлодвиженіяхъ): «Омъ-раг-ма-я-ма-цзи-да-цза-ла-рамъ-бра-ди-дп-ва-хонъ-са-раг-ла-я-ма-цзи-да-сар-ва-шадъ-рунъ-марья-хомъ-падъ.

(Прочитавъ эти тѣрни возможно большее число разъ, продолжаютъ):

«Языки хранителя священнаго ученія и его сподвижниковъ, сдѣлавшись обладающими трубкою красно-алмазнаго цвѣта, выходящаго изъ хумъ, вытянули и скушали всю эссенцію балйна. «Омъ-раг-ма-а-вар-на-ад-ма-са-вар-гри-ва-ра-сар-ва-бан-цза-шадъ-рунъ-и-дамъ-ба-линъ-ха-ха-ха-хи-ха-хи.

(Прочитавъ эти тѣрни семь разъ, приподнимаютъ кверху балйнъ и въ это время читаютъ):

Пребывающій въ индійской странѣ Сюльдэ тэнгри, пребывающій въ царствѣ Ли хранитель священнаго ученія, слушающій словеса Махадэвы, Якшà, одѣтая въ красный панцырь Ухинь-тэнгри, краснолицыя, прекращающіе жизнь, небесные палачи и весь сонмъ геніевъ хранителей, всѣ вы, вкусивъ этого баліна, краснаго мяса и крови, сохраняйте вѣру будды, возвышайте ликъ драгоценностей, и продлите во вѣки вѣковъ свѣтъ ламства. Меня, йогадзари, до тѣхъ поръ пока не сдѣлаюсь я буддою, избавляйте отъ препятствій и всего, что служитъ поводомъ къ препятствіямъ и содѣйствуйте къ исполненію мною всѣхъ, согласующихся съ истиною дѣяній. Всѣ враждебныя силы и препятствія, согласно своихъ строгихъ и жестокихъ законовъ, сдѣлайте прахомъ, подобнымъ тончайшимъ пылинкамъ пепла.

«Стоящій на престолѣ, составленномъ изъ круговъ пàдмы, солнца и труповъ человѣческаго и лошадиного, высокій повелитель якшàсовъ, имѣющій цвѣтъ бадма-раги, держащій два меча въ обоихъ рукахъ, держащій лукъ, стрѣлы, легкія и сердце, прижавшій подъ мышкою красно-знаменное копье, подогнувшій правую ногу и вытянувшій лѣвую, открывшій ротъ и обнажившій клыки, имѣющій три глаза на своемъ страшномъ лицѣ, завязавшій въ косу свои желто-темные волосы, возложившій на себя корону изъ череповъ и четки, надѣвшій красно-желтые сапоги, величественный богатырь, одаренный лицомъ, на которое невозможно смотрѣть, тебя восхваляю я!

Стоящую по правой сторонѣ отъ тебя Ухинь-тэнгри, которая держитъ въ своихъ рукахъ мечъ и гвоздь, имѣетъ синеватое тѣло и красноватое лицо, — восхваляю я!

«Стоящаго по лѣвую сторону отъ великаго якшà владыку жизни, надѣвшаго красный кожаный панцырь и шлемъ, держащаго копье и сѣть, сѣвшаго на бѣшенаго волка и посѣкающаго препятствія и враговъ вѣры восхваляю я!

«Наконецъ, исполняющихъ повелѣнія твои (Чжамсаранъ) восемь докшйтовъ-меченосцевъ и двадцать одного палача, альбйновъ, шимнұсовъ, якшàсовъ, ракшàсовъ и тайринговъ, все сонмище твоихъ сподвижниковъ восхваляю я!

«Вы же всё высокородные, сохраняя святую вѣру, сдѣлайте блаженными одушевленныхъ существъ и, утверждая стопы ламства, увеличивайте стремленіе къ добродѣтели.

«Побуждайте всѣхъ живыхъ существъ возвеличивать вѣру, возвышать и чествовать ламъ; будьте моею опорою; увеличьте лѣта моей жизни и мои душевныя добрыя качества; истребите все препятствующее къ доброй жизни и расширьте все, способствующее ей; уничтожьте ненавистныхъ враговъ, а въ особенности тѣхъ, которые ограничиваютъ распространеніе вѣры и святости буддійской.

Настало время обѣтовъ.

Величественнымъ Ямандагъ и Чжамсарану съ товарищами ихъ заказываю я: поступайте согласно вашимъ клятвамъ! Царь хранителей-якшасовъ, мать краснолицая, владыка жизни, восемь свирѣпыхъ меченосцевъ, страшные палачи, вы, соймъ, связанный обѣтами, увеличьте свою энергію! Грѣховные враги, поставляя препятствія ламству, держатся еретическаго ученія; поставляя препятствія священному ученію, не признаютъ трехъ драгоценностей; приводя въ смятеніе хувараконъ, мѣшаютъ исполнять великую яну; поставляя препятствія изучающимъ тѣрни, побуждаютъ ихъ преступать обѣты; поставляя препятствія къ исполненію высокихъ буддійскихъ заповѣдей, приносятъ зло одушевленнымъ существамъ.

«Покажите имъ свою силу и спасите спасительные! Ниспославъ свыше шимнусовъ, дѣйствующихъ ножами (ཤུགས་ལྔ་པོ་) и наводя на нихъ (т. е. на враговъ) ужасъ, покажите многія знаменія, схватите ихъ сѣтью, пригвоздите своими гвоздями, перерубите своими мечами, прострѣлите своими стрѣлами, пронзите своими копьями, высосите ихъ сердце; но, заставивъ ихъ покончить свое настоящее, злое существованіе, спасите ихъ души! Давшіе обѣты небесные палачи, прекратите жизнь этихъ злобныхъ враговъ, плоть, кровь и кости ихъ кушайте своимъ ртомъ. Въ древности вы, предъ могущественнымъ Вачйръ-дарà дали твердое обѣщаніе порѣшить враговъ вѣры и препятствія къ до-

Окончаніемъ этой молитвы оканчивается и докшитскій хуралъ. Ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни и, обошедши ее поодоль три раза, расходятся по домамъ. Въ кумирнѣ остается одинъ только джамà, да два гэцүля, предварительно назначаемые гэбкүемъ въ пособники джамѣ. По уходѣ ламъ, джамà беретъ балинъ шатакъ-марчжй и выноситъ его за монастырскую ограду, на западную сторону монастыря, при чемъ его сопровождаютъ, а иногда и поддерживаютъ подъ руки, два его пособника. Послѣдніе, тотчасъ же по прибытіи на урочное мѣсто, раскладываютъ небольшой костеръ, въ который джамà бросаетъ балинъ. Жертва, на половину состоящая изъ масла, сгараетъ очень скоро и ламы возвращаются домой, уже сполна закончивъ этимъ сожженіемъ служеніе докшитскаго хурала.

Таковъ въ общихъ чертахъ составъ малыхъ и великихъ хураловъ, т. е. богослуженій, которыя можно видѣть каждый день въ общежительныхъ монастыряхъ буддійскихъ. Кромѣ рапсаловъ и служенія докшитовъ является еще болѣе частымъ въ буддійскихъ обителяхъ служеніе, извѣстное подъ именемъ «Түй үргүхү», (отъ тиб. རྩན) или сполна по монгольски «Ухйяль үргүхү», — что значитъ «возношеніе омовенія». Специальная цѣль этого хурала есть приготовленіе расаяны, или, какъ говорятъ монголы, аршана, имѣющаго значеніе нашей святой воды и постоянно употребляемаго буддистами въ жизни. Хуралъ этотъ въ большихъ монастыряхъ, гдѣ аршана расходится много, совершается ежедневно, а въ малыхъ — смотря по нуждѣ въ аршанѣ. Дульба не назначаетъ для совершенія этого хурала ни мѣста, ни дня, ни времени, ограничивая только то, что послѣдованіе «Түй үргүхү» не можетъ соединяться въ одно съ служеніемъ докшитовъ; на этомъ то основаніи разсматриваемый хуралъ совершается всегда или непосредственно слѣдуя за чтеніемъ рапсаловъ, или же отдѣльно отъ всякихъ другихъ служеній; во всякомъ случаѣ однако служенію «Түй» предшествуетъ чтеніе рапсала «Ламайнъ тахиль». Хуралъ «Түй үргүхү» отличается также своею торжественностью: какъ и служеніе докшитама онъ исполняется при звукахъ музыкальныхъ орудій; что же касается молитвы, входящей въ со-

для ламъ, извлеченномъ изъ Дүльбы, говорится, что «Сочжинъ (ལོ་མོ་ལྷོ་མོ་ монг. *lölöl. solölöl* «) должно начинать съ 16-го числа 1-го лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца; затѣмъ начинать снова 16-го числа послѣдняго лѣтняго мѣсяца и оканчивать 15-го числа средней осенней луны; снова начинать 16-го числа средней осенней луны и оканчивать 15-го числа 1-й зимней луны; снова начинать 16-го числа первой зимней луны и оканчивать 15-го числа послѣдней зимней луны; снова начинать 16-го числа послѣдней зимней луны и оканчивать 15-го числа средней весенней луны; снова начинать 15-го числа средней весенней луны и оканчивать 15-го числа перваго лѣтняго мѣсяца». (Аягъ такимлиг'унъ сурталь. Л. 42). По этому правилу, которое, замѣтимъ кстати, составляетъ дословную выписку изъ Дүльбы, казалось бы, что служеніе Сочжина должно было совершаться ежедневно въ теченіе всего года; очень можетъ быть, что оно и совершалось такъ въ древнее время; но, какъ было уже сказано выше, во всѣхъ монастыряхъ Монголіи оно совершается теперь только 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и настоящіе ламы говорятъ, что оно именно такъ и должно совершаться на основаніи того предпочтенія, которое высказываютъ буддійскіе вѣроучители къ указаннымъ числамъ. Сочжинъ буквально значить «очищаться» и подъ этимъ именемъ разумѣется то богослуженіе, въ которомъ ламы приносятъ покаяніе въ грѣхахъ, сдѣланныхъ ими въ предыдущіе пятнадцать дней. Въ служеніи Сочжина участвуютъ только гэлүны и гэцүли, банди же не принимаютъ въ немъ участія, какъ имѣющіе еще не совершенные обѣты. Служеніе это не ограничивается временемъ: оно можетъ быть отправляемо и по утру, и въ полдень, и вечеромъ, и глубокую полночь (подъ день новаго года оно именно въ полночь и совершается ламами). Истинный характеръ его дышетъ тяжелымъ смиреніемъ и удручающею ницетою духа и тѣла, хотя теперь многое уже измѣнилось при исполненіи.

Въ Ургѣ, въ обыкновенное годовое время Сочжинъ совершается около полудня, спустя часъ или полтора послѣ окончанія докшитскаго хурала, однимъ словомъ, спустя такое время, въ ко-

торое ламы могут нѣсколько отдохнуть и надѣть на себя «духовныя одежды», исключительно усвоенныя служенію Сочжйна. Одежды эти суть:

1) *Иранга* — (одежда, названіе которой монголы заимствовали отъ тиб. རྩོད་འགྲུག་, а сами зовутъ རྩོད་འགྲུག་) родъ кофты безъ рукавовъ, низпускающейся до поясницы и надѣваемой прямо на голое тѣло. Иранга не имѣетъ застежекъ и запахивается правою полою поверхъ лѣвой. Она должна быть сшита изъ трехъ матерій разныхъ цвѣтовъ: коричневый воротникъ ея и такого же цвѣта наплечники должны имѣть по три вершка ширины каждый. Передняя сторона кофты въ бокахъ сшивается изъ двухъ кусковъ матеріи желтаго цвѣта съ продольною вставкою между ними куска матеріи краснаго цвѣта; спинка кофты дѣлается опять таки изъ трехъ отдѣльныхъ полосъ: двухъ желтыхъ по краямъ и одной, проходящей въ срединѣ ихъ, продольной, красной. Оконечности полъ, прикрывающія грудь, должны состоять изъ трехъ трехугольниковъ, а подъ мышками вшиваются еще ластовицы. По объясненію монгольскихъ ученыхъ ламъ, иранга вошла въ употребленіе у ламъ со временъ Цзонхавы; почему она и не входитъ собственно въ счетъ «духовныхъ одеждъ» (འཇམ་མཁའ་ལྷན་པའི་འཕྲོ་ལྷན་), а причисляется только къ числу вещей, употребляемыхъ ламами (འཇམ་མཁའ་ལྷན་པའི་འཕྲོ་ལྷན་). Что касается собственно «духовныхъ одеждъ» то происхожденіе ихъ буддисты относятъ ко временамъ Шигэмунія. — Онѣ слѣдующія:

2) *Тангдй* (མཚན་ལོ་མོ་) и 3) *Шамтабъ* (མཚན་མཚན་), по монгольски называемыя «номту хормокчй». Обѣ эти одежды одинаковы по своему покрою. Онѣ имѣютъ видъ плата, долженствующаго быть продолговатымъ на столько, чтобы имъ свободно можно было обернуться два раза, а по длинѣ имѣющаго доходить отъ сосковъ груди до пятъ. Какъ тангдй, такъ и шамтабъ сшиваются изъ одиннадцати кусковъ матеріи краснаго цвѣта: десять отдѣльныхъ кусковъ должны быть сначала сшиты по два и образовать собою пять отдѣльныхъ полосъ, а потомъ въ свою очередь сшиваются эти пять полосъ и такимъ образомъ представляютъ собою

продолговатый платъ; вся эта одежда наконецъ окаймляется по краямъ послѣднею, одиннадцатою полосою, которая имѣетъ ширины одну четверть, а длиною должна быть такова, чтобы окаймить ею весь платъ. При одѣваніи этихъ одеждъ, ламы обвертываютъ ими нижнюю часть тѣла, начиная съ груди и притомъ танггѣмъ обвертываются, начиная съ передней стороны, а шамтѣбомъ — съ задней. Такъ какъ ни танггѣй, ни шамтѣбъ не имѣютъ на себѣ ни какихъ застежекъ, то они сдерживаются на тѣлѣ узкою лентою, — гаракъ (отъ тибет. ལྷན་པ་ལྷན་པ་), которою лама опоясывается у нижней части груди и которая сдерживается такимъ образомъ какъ ирангу, такъ равно и танггѣй съ шамтѣбомъ. Величина гарака въ ширину не опредѣляется правилами, въ длину же онъ долженъ быть такимъ, чтобы одѣвающимся могъ обернуться имъ три раза.

Одеждами, покрывающими верхнюю часть тѣла при служеніи Сочжйна, являются:

4) *Оркимчжй*, (འཁོར་མཚོན་ отъ тиб. ལྷན་པ་ལྷན་པ་, что соответствуетъ монгольскому *ᠠᠷᠻᠢᠮᠴᠢᠵᠢ* "), это — покрывало, дѣлаемое изъ одного куска матеріи желтаго, или краснаго цвѣта. Оно должно имѣть пять локтей въ длину и три локтя въ ширину. Оркимчжй, какъ мы уже знаемъ, надѣвается на лѣвое плечо и долженствуетъ проходить подъ правую мышкою. По тибетски оно называется «Зул-занъ», отъ словъ «зуль» — потъ и «занъ» предохранять; этими словами характеризуется и назначеніе этой одежды, т. е. служить для предохраненія лагѣя отъ пота.

По верхъ окримчжй надѣвается 5) *Лагѣй* (ལྷན་པ་ལྷན་པ་, называемый по монгольски *ᠯᠠᠭᠳᠡᠢ*). По ширинѣ и длинѣ своей лагѣй совершенно равняется оркимчжй и, подобно этой послѣдней одеждѣ, набрасывается на лѣвое плечо. Лагѣй состоитъ изъ двадцати одного квадратныхъ клона, сшитыхъ по три въ рядъ. Семь образовавшихся такимъ образомъ полосъ сшиваются вмѣстѣ и вставляются въ четырехугольную рамку изъ той же матеріи.

Пять выше названныхъ одеждъ принадлежатъ одинаково.

всѣмъ служащимъ сочжйнъ, шестая же *Намчжаръ* (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་),
 носящая у монголовъ санскритское имя *Каршд* (कश्मि) *дэбэль*,
 усвоена исключительно принявшимъ обѣты гэлүна. Намчжаръ
 служить прикрытіемъ на все тѣло и представляетъ собою платъ,
 величина котораго подобно лагдо и оркимчжй равняется въ длину
 пяти локтямъ, а въ ширину—тремъ локтямъ. Сшиваемый изъ цѣль-
 наго куска матеріи, намчжаръ почти весь состоитъ изъ попе-
 речныхъ складокъ (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་), которыя скрѣпляются одна съ дру-
 гою посредствомъ продольно положенныхъ клочковъ (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་)
 той же матеріи. Смотря по количеству этихъ поперечныхъ скла-
 докъ и схватывающихъ ихъ, продольно нашиваемыхъ клочковъ,
 намчжаръ раздѣляется на три вида: большой, средній и малый,
 а каждый изъ этихъ видовъ въ свою очередь разбивается на три
 отдѣла. Большіе намчжары имѣютъ у себя по первому отдѣлу
 двадцать пять поперечныхъ складокъ, по второму — двадцать
 три, по третьему — двадцать одну складку (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་). Эти большіе
 намчжары должны имѣть у себя по четыре продольныхъ клочка,
 налагаемыхъ на каждыя двѣ складки для взаимнаго соединенія
 ихъ между собою. Средніе намчжары имѣютъ у себя 19, 17 и
 15 поперечныхъ складокъ (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་), долженствующихъ быть
 сдерживаемыми попарно тремя продольными клочками (ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་).
 Наконецъ малые намчжары имѣютъ у себя 13, 11 и 9-ть складокъ,
 сдерживаемыхъ двумя поперечными клочками. Должно замѣтить
 однако, что количество складокъ не должно измѣнять собою ве-
 личины Намчжара и онъ во всякомъ случаѣ долженъ равняться
 по длинѣ пяти локтямъ, а по ширинѣ — тремъ.

Послѣднюю принадлежность всѣхъ ламъ, служащихъ соч-
 жйнъ, составляетъ *Дйнва* (тиб. ལྷོ་མཚོ་ལྷོ་རྩེ་) — коврикъ, называемый
 по монгольски «*дэбискэръ*». Онъ дѣлается изъ краснаго полотна
 и долженъ имѣть въ длину три локтя, а въ ширину два локтя.
 Посреди Дйнва должна проходить нашивка мѣрою трехъ паль-
 цевъ ширины и полуаршина длины, кромѣ того дйнва имѣетъ
 еще у себя оторочку, величина которой не опредѣляется прави-
 лами. На коврикѣ этомъ ламы должны стоять и сидѣть

правую руку *Гань-йикъ*. Это — небольшая круглая палочка, дѣлаемая изъ того же краснаго цзандана, выточенная также ровно, какъ и ганьди и имѣющая на своихъ оконечностяхъ изображенія мышинныхъ головъ. Гань-йик'омъ лама дѣлаетъ по ганьди сначала три *шаньза*, т. е. три раза проводить по ганьди и какъ бы гладить ее, а потомъ ударяетъ отдѣльно три раза и наконецъ дѣлаетъ трижды по тридцать пять ударовъ. Во время этого призыва къ хуралу всѣ ламы должны собратся передъ дверями кумирни, по обычаю, читая микчжымъ, а по окончаніи его всѣ входятъ въ кумирню.

Служеніе Сочжина начинается обычнымъ чтеніемъ йорблей и цзальбарйловъ, по окончаніи которыхъ ламы приступаютъ къ исполненію самаго обряда покаянія. Каждый изъ нихъ раскладываетъ свой *динва* и, ставъ на этотъ коврикъ, прежде всего дѣлаетъ три поклона предъ всею братіею; потомъ всѣ вмѣстѣ, образовавъ кругъ, ламы наклоняются, складываютъ руки на груди и читаютъ краткую молитву къ бодисатвамъ десяти странъ, въ которой просятъ ихъ принять покаяніе; наконецъ всѣ садятся на корточки, оставляя голову въ томъ же наклоненномъ положеніи. Первенствующій лама читаетъ громко всѣ обѣты и отрѣченія, даваемые ламами при посвященіи ихъ свачала въ степень гэдүля, а потомъ гэлүна, всѣ же прочіе повторяютъ его слова наизусть и такимъ образомъ каждый въ отдѣльности и всѣ вдругъ исповѣдуютъ предъ всѣмъ сонмомъ грѣхи свои. Глядя на такое исполненіе обряда, трудно даже назвать его покаяніемъ: ламы, какъ бы считая себя преступившими *всѣ* обѣты, прочитываютъ ихъ всѣ сполна и такимъ образомъ признаютъ за собою дѣйствительными грѣхи, сдѣланные и несдѣланные; вотъ почему мнѣ и кажется, что хуралу этому гораздо ближе подходитъ названіе не «нигүл'и наманчилахү» т. е. раскаянія въ грѣхахъ, а утвердившееся, по видимому, въ послѣднее время «санвари сальбинъ засахү» (གཤམ་སྒྲུབ་), т. е. обрядъ возобновленія (= вторичнаго произнесенія) обѣтовъ; хотя съ другой стороны окончаніе этого чтенія обѣтовъ и походитъ на дѣйствіе покаянія, именно:

по окончаніи чтенія ламами обѣтовъ, первослужащій, обращаясь ко всѣмъ сразу, спрашиваетъ: «признаете ли вы свои грѣхи за дѣянія противузаконныя и вредныя»? — «Признаемъ», — отвѣчаютъ ламы. «Обѣщаетесь ли не дѣлать ихъ впослѣдствіи»? «Обѣщаемся», отвѣчаютъ ламы. Эти вопросы предлагаются отдѣльно по прочтеніи обѣтовъ каждаго класса хувараконъ въ виду того, что каждый классъ можетъ участвовать въ этомъ хуралѣ лишь на столько, на сколько онъ къ нему относится. Я уже говорилъ, что служеніе Сочжина начинается обыкновенно всѣми присутствующими въ монастырѣ гэлүнами и гэцүлями; но за симъ гэцүли по прочтеніи своихъ обѣтовъ и по выслушаніи двухъ вышесказанныхъ вопросовъ выходятъ изъ хурала и не имѣютъ права присутствовать при чтеніи обѣтовъ, принадлежащихъ собственно сану гэлүна. Въ свою очередь и гэлүны, прочитавъ свои 253 обѣта, также точно оставляютъ хуралъ и тогда въ немъ остаются только «бодисадуйинъ санвартанъ», т. е. гэлүны, принявшіе на себя обѣты бодисатвъ. Эти послѣдніе, по словамъ ламъ, сверхъ обыкновенныхъ обѣтовъ гэлүна, прочитываютъ еще свои 18-ть основныхъ (коренныхъ) проступковъ (ᠨᠠᠯᠠᠩᠭᠡᠨᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠯᠠᠩᠭᠡᠨᠶ᠋ᠢᠨ) и 46 грѣховныхъ дѣяній (ᠨᠠᠯᠠᠩᠭᠡᠨᠶ᠋ᠢᠨᠨᠠᠯᠠᠩᠭᠡᠨᠶ᠋ᠢᠨ); по окончаніи же этого чтенія выходятъ и они, такъ что въ хуралѣ остаются для своего очищенія и поновленія обѣтовъ послѣдніе и высшіе представители буддійской святости на землѣ — «тарнйинъ санвартанъ» Исповѣдью ихъ 14-ти основныхъ проступковъ и 8-ми грѣховныхъ дѣяній оканчивается собственно обрядъ покаянія. Въ чемъ состоятъ эти основные проступки и грѣховныя дѣянія ламъ, принявшихъ обѣты бодисатвъ, равно какъ и ламъ тарнйинъ санвартанъ, мнѣ узнать не пришлось, такъ какъ мои учителя отказывались мнѣ не только объяснять это, но даже и указать изъ какого именно сочиненія могу я получить объ этомъ свѣдѣнія. Окончивъ обрядъ покаянія, ламы, во всемъ своемъ составѣ, снова собираются въ кумирню для продолженія сочжин'скаго хурала, т. е. для чтенія, извѣстнаго у монголовъ подъ именемъ «тэбчиль». Для ознакомленія съ этимъ чтеніемъ, ламы рекомендовали мнѣ сочиненіе «Аягà тахимлиг'унъ сургаль», знакомство

съ которымъ съ первыхъ же страницъ убѣдило меня, что это есть ничто иное какъ чтеніе извѣстной сутры «Пратимокша», изданной у насъ, въ Россіи, проф. Минаевымъ въ переводѣ съ санскритскаго, а въ Европѣ издававшейся уже нѣсколько разъ. Впрочемъ въ изданіи и употребленіи монгольскихъ ламъ эта сѹтра очевидно является значительно видоизмѣненною противъ всѣхъ европейскихъ изданій не только въ порядкѣ расположенія своихъ частей, но по мѣстамъ и въ самомъ содержаніи; вотъ почему мнѣ кажется не бесполезнымъ привести хотя бы въ извлеченіи переводъ ея съ монгольскаго. При чтеніи заключающихся въ ней, такъ называемыхъ, *тэбчылз*, т. е. отрѣченій, ламы раздѣляютъ эти отрѣченія на шесть категорій, изъ которыхъ къ первой относятся они проступки, называемые ими «илакдаль», т. е. *побъждающіе*, или такіе, которые положительно лишаютъ обѣтовъ. Это четыре проступка, которыхъ нельзя уже ни искупить, ни исправить, — они слѣдующіе:

- 1) Не цѣломудріе.
- 2) Воровство.
- 3) Убійство.
- 4) Ложь и обманъ.

Вторая категорія отрѣченій и грѣховъ называется «үлэкдэль». Эти грѣхи *отпускаемые*, могущіе быть разрѣшенными чрезъ покаяніе. Такихъ грѣховъ считается тринадцать и они слѣдующіе:

5) Грѣхъ испущенія сѣмени, — подъ которымъ разумѣется у монголовъ не только онанизмъ, но и мужеложство во всѣхъ его многообразныхъ видахъ ¹⁾.

6) Грѣхъ прикосновенія, т. е. — къ обнаженному тѣлу женщины съ сладострастнымъ пожеланіемъ въ душѣ.

7) Грѣхъ произнесенія прелюбодѣйственныхъ рѣчей; — когда

---

1) Эта вторая часть толкованія показываетъ, что монголы запрещеніе *ལྷ་བ་འབྲུན་པ* понимаютъ значительно шире, чѣмъ истолковывается оно у буддистовъ въ Индіи и на Цейлонѣ, (сравни. Минаева Пратим. Сутр., стр. 31-я).

духовное лицо съ сладострастнымъ пожеланіемъ будетъ говорить женщинѣ непристойныя и нецѣломудренныя рѣчи.

8) Грѣхъ—одобрять почитаніе, (ᠠᠵᠢᠨ ᠪᠢᠰᠢᠨᠠᠵᠢᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ) — когда духовное лицо, съ своекорыстными видами, будетъ восхвалять почтеніе къ ламству вообще и къ себѣ въ частности, увѣряя слушателей, что они будутъ поступать хорошо, если будутъ чествовать его, ламу, и прислуживать ему ¹⁾).

9) Грѣхъ сватовства и сводничества, подъ которымъ разумѣется не только обдуманное и активное участіе ламъ въ сватовствѣ, но даже произнесеніе ими рѣчей, которыя могутъ возбудить въ молодыхъ людяхъ желаніе соединиться брачными узами. Этимъ же правиломъ воспрещается ламамъ и подсылать сватами другихъ людей ²⁾).

10) Грѣхъ постройки своего жилища — на мѣстѣ нечистомъ и въ объемѣ, превышающемъ мѣру, установленную для ламскихъ жилищъ.

11) Грѣхъ большаго жилища (ᠠᠵᠢᠨ ᠪᠢᠰᠢᠨᠠᠵᠢᠨ ᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨ). По этому правилу воспрещается ламамъ имѣть помѣщенія, подобныя жилищамъ мірскихъ людей. Келья ламы предполагается въ вышину такую, чтобы въ ней, стоя, можно было поднять руки и не зацѣпиться за потолокъ; въ длину и ширину она должна быть такою, чтобы въ ней можно было лечь и вытянуть руки и ноги; чтобы за симъ можно было бы свободно сжимать руки и ноги такъ, чтобы при всѣхъ этихъ движеніяхъ онѣ не задѣвали бы за

---

1) По «Пратимокшѣ Сутрѣ», изданной Минаевымъ, этотъ проступокъ является также истолкованнымъ уже, а именно, подъ нимъ разумѣется исключительно то обстоятельство, когда духовный станеть восхвалять передъ женщиной служеніе плотскимъ страстямъ съ цѣлью воспользоваться ея довѣрчивостью и простотою. Такимъ образомъ помянутое сочиненіе въ «похвалѣ почтенію» видитъ опять таки одно любодѣяніе; между тѣмъ монгольское изданіе своимъ толкованіемъ грѣха «похвалы почтенію» преслѣдуетъ всякое своекорыстное стремленіе ламы безъ различія, будетъ ли оно направлено противъ мужчины, или женщины и будетъ ли его цѣлью любодѣяніе, или какой либо другой изъ пороковъ.

2) Послѣдній видъ сватовства черезъ посредство другихъ не предусматривается въ Пратимокшѣ изд. Минаева.

стѣну; наконецъ, чтобы въ ней свободно можно было сдѣлать три шага и сидѣть въ молитвенной позѣ, поджавши ноги (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢᠯᠠᠳᠤ) ¹⁾.

12) Грѣхъ клеветы (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢᠯᠠᠳᠤ ᠲᠤᠮᠤᠨᠠᠵᠢ ᠶ᠋ᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠢ),—когда одно духовное лицо будетъ обвинять другое въ совершеніи «побѣждающаго грѣха», между тѣмъ какъ дѣйствительнаго совершенія этого грѣха оно не только не видало, но не слыхало о немъ и не имѣло поводовъ къ догадкѣ ²⁾.

13) Грѣхъ малаго подозрѣнія, — когда кто изъ духовныхъ особъ оклеветаетъ другаго, основывая свои утвержденія только на самыхъ незначительныхъ примѣтахъ; напр. если бы кто нибудь совершилъ воровство и вдругъ, на основаніи только сходства имени, лама сталъ бы приписывать совершеніе этого воровства другому.

14) Грѣхъ произведенія раздора между духовенствомъ ³⁾.

15) Грѣхъ содѣйствія произошедшему раздору, подъ которымъ подразумѣвается не только пособничество и принятіе стороны зачинщиковъ раздора, но и всякое сочувствіе имъ.

16) Грѣхъ возбужденія унынія въ (душахъ) людей семейныхъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠢᠯᠠᠳᠤ ᠲᠤᠮᠤᠨᠠᠵᠢ ᠶ᠋ᠢ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠢ); когда духовное лицо своими дурными поступками будетъ возбуждать въ душахъ мірянъ-милостынедатель недобѣріе къ чистотѣ всего сонма духовенства и такимъ образомъ удручать религіозное чувство мірянъ.

---

1) Интересно, что въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева вычисленіе размѣровъ жилища ведется по счету пядей, и такимъ образомъ является болѣе определеннымъ чѣмъ вычисленіе монгольскаго памятника, въ которомъ размѣры указываются только образно. Не свидѣтельствуетъ ли это, что монгольскія изданія составились на основанія болѣе древнихъ индійскихъ редакцій Пратимокши?

2) Пратимокша изд. Минаева въ пониманіи этого преступленія является опять таки уже: она ограничиваетъ проявленіе клеветы причинами ея, точно опредѣляя, что s-ā-s⁰ является только тогда, когда «духовный, гиѣваясь и будучи недоволенъ другимъ, взведетъ на него, безъ основанія, смертный грѣхъ и, наконецъ, когда цѣлью клеветы будетъ именно отвратить другаго отъ подвижничества.

3) Оставленное безъ толкованій преступленіе это является общѣе, чѣмъ въ «Пратимокшѣ» изд. Минаева, гдѣ выясняется, что производство раздора составляетъ s-ā-s⁰ только послѣ того, какъ виновный не оставляетъ своей преступной дѣятельности послѣ троекратныхъ увѣщаній санги.

17) Грѣхъ злоязычія и упрямства, — когда братія будетъ увѣщавать ламу, а онъ не только не будетъ слушать, но еще будетъ поносить своихъ наставниковъ.

Третью категорію отрѣченій, или грѣховъ составляютъ тридцать проступковъ (འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་), во избѣжаніе которыхъ духовныя особы не должны:

18) Хранить у себя платье не законной мѣры свыше десяти дней.

19) Разлучаться съ тремя духовными одеждами въ продолженіе сутокъ; другими словами, — лама, когда бы и гдѣ бы онъ ни былъ, всегда долженъ имѣть при себѣ духовныя одежды.

20) Откладывать въ продолженіе цѣлаго мѣсяца (འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་) лоскутки, изъ которыхъ сшивается ламская одежда. По этому правилу лама, если бы износилась у него духовная одежда, можетъ собирать лоскутки чтобы сшить себѣ новую, но не долженъ хранить ихъ у себя свыше мѣсячнаго срока.

21) Отдавать въ мытье платье, т. е. собственно духовныя одежды, монахинямъ неродственницамъ.

22) Принимать платье (འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་). По этому правилу ламамъ запрещается во 1-хъ вообще принимать платье въ то время, когда ихъ духовныя одежды еще не износились (འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་); а во 2-хъ принимать платье отъ монахинь не родственницъ. Если бы послѣднія предлагали духовному лицу одежду, то, хотя бы эта одежда и была законною во всѣхъ отношеніяхъ (т. е. по мѣрѣ, по матеріалу འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་), ее можно только купить, а не принять въ подарок ¹⁾.

23) Выпрашивать (духовныя одежды) у не родственниковъ мірянъ (འཇོག་པའི་མཚན་གྱི་འཇོག་པའི་མཚན་). Просить у нихъ можно только въ томъ случаѣ, если бы пришлось какимъ либо образомъ утратить свои одежды и остаться нагимъ.

---

1) По «Пратимокшѣ» изд. Минаева первая половина этого толкованія опущена и духовнымъ вообще воспрещается только принимать платье изъ рукъ монахинь-неродственницъ.

24) Справедливо выпрашивать (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ по Хайб. чж. འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་). Когда у ламы дѣйствительно не будетъ трехъ духовныхъ одеждъ, то онъ можетъ, по справедливости, просить ихъ для себя и у мирянъ не родственниковъ; но съ его стороны будетъ грѣхомъ, если возьметъ онъ хормокчи, или цэгѣчибчи свыше пары, — онъ долженъ просить столько, сколько нужно.

25) Просить дорогаго (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་) платья, т. е. вообще болѣе лучшаго чѣмъ то, которое приносится въ подарокъ.

26) Просить лучшаго у различныхъ лицъ (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་); когда духовное лицо узнаетъ, что два или нѣсколько различныхъ домохозяевъ собираются сдѣлать ему платье, а онъ придетъ къ каждому изъ нихъ порознь и станетъ уговаривать ихъ сложиться вмѣстѣ и купить одно лучшее платье.

27) Посылать подаренное (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་). Когда какой либо домохозяинъ закажетъ для ламы платье и задержать уплату денегъ за него портному, то лама можетъ только три раза принести платье и напомнить домохозяину (т. е. о томъ, что онъ началъ дѣло, да не окончилъ его) въ разговорѣ; за симъ долженъ три раза посидѣть съ этимъ платьемъ на мѣстѣ, съ котораго домохозяинъ видѣлъ бы его (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་). Свыше шести разъ носылать такой подарокъ на глаза подарившему воспрещается ¹⁾.

28) Употреблять подстилку изъ чистой шелковой ваты (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་), равно какъ устраивать изъ шелковой матеріи тюфяки, подушки и пр. Запрещается это въ видахъ того, чтобы духовные не были хотя бы косвенною причиною убіенія шелковичныхъ червей ²⁾.

29) Употреблять подстилку изъ одной только черной шерсти, хотя бы эта подстилка и была и вполне законна по размѣрамъ.

30) Превышать двѣ части (འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་ འཇམ་ལོང་གི་སྒྲོག་པོ་), т. е. чер-

---

1) По толкованіямъ «Пратимокши» изд. Минаева этотъ проступокъ является совершенно въ другомъ видѣ. См. стр. 38—39.

2) По «Пратимокшѣ» изд. Минаева этимъ правиломъ во 1-хъ воспрещается дѣлать подстилку *на половину* изъ шелку и во 2-хъ не объясняется на чемъ основывается это запрещеніе.

ной шерсти при приготовленіи ковра. По этому правилу, при приготовленіи ковра, должно брать шерсть трехъ родовъ: черную, бѣлую и шерсть, снимаемую съ головы и ногъ животныхъ. Въ общемъ составѣ этого матеріала черная и бѣлая шерсть не должны превышать собою половину, тогда какъ другая половина должна быть дѣлаема именно изъ коротенькихъ оческовъ съ головы и ногъ ¹⁾).

31) Преступать шести лѣтній срокъ при пошитыи себѣ ковра; т. е. лама не долженъ мѣнять своей подстилки ранѣе шести лѣтъ, и дѣлать себѣ новую подстилку ранѣе истечения шести-лѣтняго срока для старой.

32) Преступать правило о пяди ($\text{ᠲᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠢ ᠠᠨᠠᠨᠠᠭᠢ}$); когда лама дѣлаетъ себѣ новый коверъ или подстилку, то онъ долженъ вырѣзать кусокъ, величиною въ пядь, изъ стараго ковра и нашить его на новый (пять считается по правиламъ о пяди Будды).

33) Нести шерсть по большой дорогѣ ($\text{ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ}$); когда лама, руководствуясь чисто мірскими, низшими пожеланіями ($\text{ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ}$), будетъ нести на своихъ плечахъ шерсть; или что другое на пространствѣ свыше 500 сажень.

34) Отдавать мыть шерсть; собственно — монахинямъ неродственницамъ; этимъ же правиломъ предусматривается возможность красить шерсть, сучить изъ нея нитки и проч. чрезъ помянутыхъ личностей ²⁾).

35) Принимать драгоценности; — ламѣ запрещается даже прикасаться руками къ золоту, серебру и проч. съ корыстолюбивымъ и грѣховнымъ пожеланіемъ.

36) Мѣнять и покупать драгоценности и металлы у мірянъ

---

1) Пратимокша изд. Минаева предписываетъ вмѣсто оческовъ брать шерсть коричневою, т. е. рыжую.

2) По переводу г. Минаева въ палійской «Пратимокшѣ» этотъ проступокъ выражается такъ: «если духовный съ (?) не родственницею духовною моею, красить или сбиваетъ овечью шерсть». Это значительно разнится отъ пониманія монголовъ.

къ корыстолюбивыми намѣреніями и съ цѣлью увеличить ростъ своихъ имуществъ.

37) Производить торговлю, т. е. и всякими другими товарами помимо драгоценностей (ཀའདྲུང་པའི་མཉམ་པུ་ལུང་ལྟར་འབྲེལ་བྱེད་པའོ།).

38) Хранить у себя (лишнюю) чашу свыше десяти дней. Это положеніе одинакое съ положеніемъ относительно храненія трехъ духовныхъ одеждъ.

39) Просить для себя лишнюю чашу, т. е. у мірянъ не родственниковъ и въ то время, когда своя чаша цѣла и годна къ употребленію.

40) Отдавать ткань — одежду мірянину не родственнику и при томъ бесплатно.

41) Ускорять тканье (Хаиб. чж. འཕྲོལ་བའི་ལྷོ་ལྷོ།); — если кто либо закажетъ для ламы платье, а этотъ послѣдній придетъ къ ткачу и будетъ давать ему деньги, или упрашивать ласковыми словами чтобы соткать поскорѣе.

42) Отнимать отданное, т. е. отнимать то, что дано другому духовному лицу.

43) Принимать случайно доставшееся платье въ незаконное время. — Этимъ незаконнымъ временемъ считается собственно лѣтнее время (яра — соотвѣтствующе періоду дождей въ Индіи). Только за десять дней до окончанія его лама можетъ принять такое платье да и то въ томъ случаѣ, если время поднесенія подарка не можетъ быть отложено со стороны подавателя; напр. если милостынедатель даритъ платье для излеченія себя отъ болѣзни, отгнанія нечистыхъ духовъ и проч.

44) Удаляться въ уединенное мѣсто, не взявъ съ собою своихъ духовныхъ одеждъ на срокъ свыше семи дней.

45) Просить и употреблять дождевую хламиду, — раньше чѣмъ за мѣсяць до наступленія лѣтнихъ дождей.

46) Видоизмѣнять назначенное для другихъ; т. е. лама не долженъ переводить лично на себя то, что милостынедатели захотѣли бы представить въ подарокъ для всего сонма духовныхъ.

47) Откладывать (འཇུག་པའོ།) и запастись лекарства на срокъ свыше семи дней; — больной лама могъ просить себѣ масла,

57) Пренебреженіе къ высшему; — когда духовное лицо будетъ разсуждать и говорить: «къ чему это глубокомысленное ученіе?! Это бесполезная и утомительная вещь!»

58) Уничтоженіе сѣмянъ и растительности; по этому правилу воспрещается напр. рубить деревья, сжигать ихъ огнемъ, растирать мельничнымъ колесомъ или руками зерна и проч.

59) Насмѣшки; — на примѣръ, надъ хуварѣками, которымъ поручено чистить и поправлять ковры, или исполнять другія низшія обязанности.

60) Отверженіе и нарушеніе наставленій; — когда духовные увѣщаваютъ своего собрата отстать отъ какихъ либо пороковъ, а онъ, презирая эти увѣщанія, посмѣется надъ ними, или же какими либо способами будетъ продолжать свою порочную жизнь, не внимая наставленіямъ ¹⁾).

61) Постель; — когда духовное лицо будетъ невнимательно относиться къ своему ковру, или къ своей кровати, допуститъ ихъ быть замоченными дождемъ, или покрытыми пылью и т. д.

62) Постилка или священный коврикъ; — преступленія, соединяющіяся съ этою принадлежностью духовныхъ лицъ, состоятъ также въ нарушеніи правила хранить эти вещи въ чистотѣ: въ извѣстное время коврикъ должно перевертывать, не допускать до порчи; ради чистоты коврика подкладывать подъ него траву (תַּרְפֻּנֶה אֲשֶׁר־עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־עַל־הַמַּדְבָּרָה אֲשֶׁר־עַל־הַיַּבֵּשׁוֹת אֲשֶׁר־עַל־הַיָּם אֲשֶׁר־עַל־הַנְּחָלִים אֲשֶׁר־עַל־הַבְּרִיחַיִם אֲשֶׁר־עַל־הַיַּבֵּשׁוֹת אֲשֶׁר־עַל־הַיָּם אֲשֶׁר־עַל־הַנְּחָלִים) и листья, которыя въ свою очередь нужно собирать и перемѣнять.

63) Вытѣсненіе; — когда одинъ изъ духовныхъ будетъ нажимать на другаго своимъ тѣломъ и вытолкнетъ его изъ храма.

64) Изгнаніе (תַּרְפֻּנֶה אֲשֶׁר־עַל־הָאָרֶץ); — когда одинъ изъ духовныхъ по злобѣ выгоняетъ другаго вонъ изъ его дома.

65) Сидѣніе на высокомъ диванѣ; — когда кто изъ ламъ, съ злобнымъ намѣреніемъ на другаго ламу (אֲשֶׁר־עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־עַל־הָאָרֶץ אֲשֶׁר־עַל־הָאָרֶץ)

---

1) У г. Минаева: «Тотъ, который ропщетъ или кричитъ, впаль въ расі⁰. (Пратим. стр. 43).

འཇགས་ལྷན་པོ་ལྟར་བཤམ་པའི་ལུང་།), сѣвши на высокій диванъ, упадетъ и зашибетъ его.

66) Употребленіе воды наполненной животными.

67) Употребленіе лишнихъ настилокъ; — по этому правилу, если у духовнаго, въ періодъ лѣтнихъ дождей, не будетъ на кровлѣ дома покрывки, защищающей отъ дождя, то въ теченіе дня нельзя класть болѣе трехъ покрывекъ¹⁾).

68) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ; т. е. не будучи особливо призваннымъ къ тому учителемъ монахинь.

69) Преподаваніе священнаго ученія монахинямъ по захожденіи солнца; — хотя бы оно было совершаемо законнымъ учителемъ и въ безопасномъ мѣстѣ.

70) Упреки—въ томъ, будто учитель лама преподавалъ священное ученіе монахинямъ только съ цѣлью получить отъ нихъ награду пищею и питьемъ.

71) Подарокъ платья; — собственно монахинѣ, не родственницѣ.

72) Пошитые платья; — опять таки собственно для монахини, не родственницы.

73) Прохожденіе вмѣстѣ съ монахиней по дорогѣ на пространствѣ свыше 500 сажень.

74) Плаваніе съ монахиней въ одной лодкѣ вверхъ и внизъ по рѣкѣ (ради прогулки?) на протяженіи свыше 500 сажень.

75) Сидѣніе въ уединенномъ, укромномъ мѣстечкѣ съ женщиною, не родственницею.

76) Стояніе въ такой же обстановкѣ запрещается какъ и сидѣніе.

77) Убѣжденіе приправитъ кушанье (འཇགས་ལྷན་པོ་ལྟར་བཤམ་པའི་ལུང་།); — когда духовный, чрезъ посредство монахини, не родственницы,

---

1) У проф. Минаева этотъ проступокъ, употребленія лишнихъ настилокъ толкуется такъ: «Если духовный строитъ большую вихару передъ воротами для укрѣпленія петель и для удобнаго дѣйствія ставень, онъ можетъ сдѣлать настилку изъ кирпичей въ два или три ряда, если хижина стоитъ не на зелени; если же сдѣлаетъ выше, хотя бы хижина и не стояла на зелени, это рāсі⁰. (См. Пратим. Сут., стр. 44.)

прикажетъ мирянину-домохозяину приготовить для него (духовнаго) кушанье, повкуснѣе приправленное ¹⁾).

78) Неоднократное принятіе пищи;— по этому правилу духовному лицу воспрещается просить себѣ у семейныхъ пищу въ одинъ день два и три раза.

79) Проживаніе въ одномъ домѣ свыше сутокъ во время сбора подаяній.

80) Принятіе лишняго; т. е. принятіе отъ не родственниковъ подаянія единовременно свыше трехъ чашъ.

81) Доѣданіе брошенныхъ остатковъ (འཇུག་ལྗོངས་ལ་ལུག་ལོང་); когда духовный, уже насытившись и окончивъ ѣсть, начнетъ потомъ снова доѣдать оставшееся ²⁾).

82) Поднесеніе (ལྷན་པོ་ལ་ལྷན་པོ་); — когда одинъ лама уже насытится и оставитъ пищу недоѣденною, а другой станетъ подносить ему и станетъ просить доѣсть все сполна.

83) Принятіе пищи въ собраніи; — по этому правилу воспрещается удаляться отъ общей трапезы и, по причинѣ несогласія съ братією, отказываться отъ общаго стола.

84) Несвоевременное принятіе пищи; — если лама будетъ ѣсть послѣ полудня, или до разсвѣта.

85) Оставленіе въ запасъ (ལྷན་པོ་ལ་ལྷན་པོ་), т. е. пищи; — ламамъ запрещается ѣсть пищу, оставленную со вчерашняго дня.

86) Вкушеніе не поданной пищи, — т. е. взятой самимъ, украденной и вообще добытой не путемъ подаянія.

87) Выпрашиваніе хорошей пищи (ལྷན་པོ་ལ་ལྷན་པོ་ལ་ལྷན་པོ་); когда лама, выпросивъ у неродственниковъ-мирянъ хорошую пищу, вслѣдъ за симъ, въ тотъ же день, станетъ просить хорошей пищи у другаго домохозяина.

88) Употребленіе воды съ животными;— безъ различія будетъ

---

1) У проф. Минаева: «Если духовный, завѣдомо, станетъ ѣсть подаяніе, выпрошенное духовною сестрою для него, не будучи сперва приглашенъ къ тому домохозяиномъ, это рāсі⁰.

2) У проф. Минаева: «Если духовный, будучи приглашенъ, окончить ѣсть и за симъ станетъ снова вкушать пищу, не предложенную, это рāсі⁰.

ли то на питье, на умыванье, на омовеніе платья, посуды, зубочистки, поливку травъ и пр. ^о).

89) Пребываніе въ спальнѣ; — когда лама будетъ сидѣть на кровати двухъ супруговъ и помѣшаетъ ихъ соитію.

90) Стояніе и сидѣніе въ опочивальнѣ двухъ супруговъ за-
прещается по той же причинѣ.

91) Подаяніе пищи еретикамъ.

92) Смотрѣніе на войска;—особливо во время ихъ военныхъ
упражнений.

93) Проживаніе въ средѣ солдатъ; — особливо безъ нужды
и при томъ свыше сутокъ.

94) Подзадориваніе къ сраженію (ཅུ་ཁྱེད་ལ་འཕྲོད་ལྟོགས་ལྟོགས་ལྟོགས་); а
особливо если лама безъ нужды схватитъ военное оружіе и бу-
детъ имъ помахивать.

95) Истязаніе; — когда одинъ лама станетъ бить другого
или допустить, чтобы этого послѣдняго побилъ кто другой.

96) Поднятіе рукъ на когонибудь съ цѣлью ударить.

97) Завѣдомое утаиваніе тяжкаго преступленія, сдѣланнаго
другимъ ламою.

98) Утаиваніе пищи отъ другого ламы въ то время, когда
уже наступила пора ѣсть.

99) Зажиганіе огня; — съ цѣлью дать возможность другимъ
посмѣяться и пошутить.

100) Возмущеніе пришедшихъ въ согласію (འཕྲོད་ལྟོགས་ལྟོགས་ལྟོགས་
ལྟོགས་ལྟོགས་ལྟོགས་).

101) Измѣна намѣренію, желанію, а тѣмъ паче обѣщанію
сдѣлать что-либо для кого (изъ духовныхъ).

102) Спанье съ непосвященнымъ въ духовное званіе свыше
двухъ ночей.

103) Не желаніе оставить грѣховныя воззрѣнія; напр. на
истинность словъ будды и пр.

104) Принятіе отрѣшеннаго; — когда лама входитъ въ связь

---

1) У г. Минаева: «Если духовный возьметъ въ ротъ немного яствва (?) и
на воду — или зубочистку, это рāсі^о (Прат. Сут. стр. 46).

116) Употребленіе недозволенаго; — какъ напр. ношеніе платья, взятаго у другаго духовнаго безъ спроса.

117) Клевета на кого, или приписываніе какому либо духовному унизительнаго паденія, не основанное ни на собственномъ наблюденіи, ни на слухахъ, ни на догадкахъ.

118) Прохожденіе съ женщиной по дорогѣ такого разстоянія, на протяженіи котораго можетъ быть слышимъ человѣческой голосъ.

119) Прохожденіе съ ворами по дорогѣ такого пространства, на разстояніи котораго слышенъ человѣческой голосъ.

120) Посвященіе въ степень галѹна человѣка, не достигшаго 20-ти лѣтняго возраста.

121) Копаніе (ⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲛⲓ ⲧⲟⲩⲟⲩⲉ); собственно—земли ножемъ, скребкомъ, лопатою или сохою въ количествѣ свыше одной горсти.

122) Долгое пребываніе въ гостяхъ (ⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲧⲁⲓ ⲧⲉⲛⲉ ⲛⲓⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲛⲓ ⲧⲟⲩⲟⲩⲉ);—по этому правилу ламѣ воспрещается проживать въ домѣ одного домохозяина болѣе четырехъ мѣсяцевъ, хотя бы онъ былъ приглашенъ даже по дѣлу, — для проповѣди, совершенія требъ и т. п.

123) Отказъ отъ занятій науками, а особливо соединенный съ упорствомъ и порицаніемъ самыхъ наукъ.

124) Подслушиваніе секретовъ;—съ цѣлью препятствовать въ разныхъ дѣлахъ (ⲧⲁⲓⲛⲉ ⲛⲓⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲛⲓⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲛⲓ ⲧⲟⲩⲟⲩⲉ ⲛⲓⲧⲟⲩⲟⲩⲉ).

125) Уходъ молча, не сказавшись; — когда духовный, находясь при исполненіи обязанности, уйдетъ, не взирая на порученное ему дѣло, въ другое мѣсто ¹⁾.

126) Не почтительность (ⲧⲁⲓⲛⲉ ⲛⲓⲧⲟⲩⲟⲩⲉ)—къ духовнымъ правиламъ, установленнымъ тою или другою общиною монаховъ, и преступленіе этихъ правилъ на основаніи этой непочтительности.

127) Питье вина.

---

1) У проф. Минаева этотъ «уходъ молча» толкуется иначе, а именно: «если духовный въ то время, когда собраніе занимается рѣшеніемъ вопроса, не изъяснивъ согласія, встанетъ и уйдетъ»; это рѣсіо.

128) Хожденіе вечеромъ (འཇམ་མཐོང་ལོ་ལྷན་གྱི་འཇམ་མཐོང་།); по этому правилу запрещается вообще пребываніе у не родственниковъ во время отъ полудня до утра слѣдующаго дня.

129) Хожденіе по городу, — послѣ того какъ миновало уже время общей братской трапезы.

130) Входъ въ ханскій дворецъ въ ночное время и сидѣніе ночью во дворцѣ съ ханьшею.

131) Чрезвычайная хула (འཇམ་མཐོང་གི་རྒྱུ་ལྷན་གྱི་འཇམ་མཐོང་།), подъ которою разумѣется собственно порицаніе священнаго ученія, особливо во время совершенія обряда покаянія.

132) Отдѣлка игольника изъ дуба, рога, или кости.

133) Устройство ножекъ у сѣдалища; собственно—высотой болѣе локтя.

134) Приготовленіе покрывки на сѣдалище изъ древесной шерсти (འཇམ་མཐོང་གི་འཇམ་མཐོང་ལྷན་གྱི་འཇམ་མཐོང་།).

135) Приготовленіе ковра; собственно — выше указанной мѣры.

136) Приготовленіе лѣтняго платья, — выше указанной мѣры.

137) Приготовленіе дождевика, — выше указанной мѣры.

138) Приготовленіе духовныхъ одеждъ, — выше указанной мѣры.

Пятую категорію проступковъ, или грѣховъ, искупаемыхъ отдѣльнымъ покаяніемъ, составляютъ:

139) Выпрашиваніе у монахини пищи, которую она собрала для собственнаго пропитанія.

140) Допущеніе раздавать пищу (ламамъ), не соблюдая того порядка, въ которомъ они сидятъ (འཇམ་མཐོང་གི་འཇམ་མཐོང་གི་འཇམ་མཐོང་།).

141) Принятіе пищи ламою отъ тѣхъ учениковъ его, которымъ онъ преподавалъ обѣты и наставленія ¹⁾.

---

1) Это правило ламы толкуютъ прежде всего какъ буквальное запрещеніе принимать пищу изъ чаши ученика, посвятившаго себя духовному званію; а во-вторыхъ и какъ воспрещеніе принятія подаяній отъ тѣхъ прихожанъ, ко-

142) Принятіе пищи въ мѣстности опасной отъ воровъ.

Шестую категорію проступковъ составляютъ 112 непристойныхъ дѣяній (ᠰᠠᠨᠠ ᠰᠠᠨᠢᠰᠢᠨᠠᠨᠠ), въ соотвѣтствіе которымъ существуетъ 112 правилъ приличія. Указывая эти правила, буддизмъ выставляетъ прежде всего девять предписаній относитель-

торые пришли въ бѣдность по той или другой причинѣ. Объ отношеніяхъ ламъ къ таковымъ милостынедателямъ у монголовъ есть множество специальныхъ сочиненій, которыя въ различныхъ изданіяхъ и подъ разными заглавіями можно находить рѣшительно во всѣхъ монастыряхъ и почти у каждого порядочнаго ламы. Въ сочиненіяхъ этихъ обыкновенно предписывается ламамъ никогда не оставлять своихъ милостынедателей и особливо тѣхъ, которые прежде отличались своею благотворительностью, а потомъ обѣднѣли; напротивъ, дома таковыхъ должны быть посѣщаемы по возможности чаще. Лама не долженъ входить въ такой домъ иначе, какъ имѣя свою чашу наполненную яствами. Пришедши, онъ обязанъ сѣсть на почетное мѣсто, поставить передъ собою свою полную чашу (какъ бы это было угощеніе домохозяевъ) и тогда уже говорить слова проповѣди, наставленія и увѣщаній. Если въ такихъ бесѣдахъ для ламы сдѣлается яснымъ, что его бывший милостынедатель смущается своимъ тяжелымъ положеніемъ, что онъ ропщетъ и, подъ влияніемъ своей бѣдности, даже близокъ ко вступленію на ложный путь грѣха; то лама обязанъ донести объ этомъ монастырской общинѣ и просить ее принять участіе въ безвыходномъ положеніи своего стараго милостынедателя. Все это дѣйствительно сполна выполняется въ Монголіи: ламы зорко слѣдятъ за матеріальнымъ и нравственнымъ состояніемъ своихъ духовныхъ сыновъ и, въ случаяхъ несчастныхъ обстоятельствъ, всегда доводятъ о томъ до свѣдѣнія монастырской общины, прося помощь обѣднѣвшему. Община, удостоверившись въ справедливости ходатайства, разрѣшаетъ, а иногда и предлагаетъ обѣднѣвшей семьѣ перекочевать къ монастырю. Здѣсь бывшему милостынедателю иной разъ назначаютъ жить при стадахъ монастырскаго скота, другой разъ просто поселяютъ его близъ монастырской ограды, отдѣливъ ему временно трехъ, четырехъ коровъ, десятокъ овецъ, да одну или двухъ кобылъ. Милостынедатель за оказанную ему помощь платитъ монастырю своими, кое какими услугами и живетъ такимъ образомъ три, четыре и пять лѣтъ. Онъ питается и одѣвается отъ даннаго ему скота, а равно получаетъ въ свою пользу приплодъ его. Года черезъ три, четыре у него оказываются уже свои коровы, овцы и лошади и тогда онъ перестаетъ пользоваться монастырской услугою, откочевываетъ въ степь и снова является домохозяиномъ и милостынедателемъ. Такова круговая порука у монгольскихъ монастырей и ихъ милостынедателей, объясняемая ламами именно разсматриваемымъ правиломъ относительно принятія пищи ламами отъ учениковъ. Примѣняется она къ дѣлу такъ часто, что можно положительно сказать, — въ какое бы время и какой бы изъ общежительныхъ буддійскихъ монастырей мы ни посѣтили, около него всегда найдется десятка два, три семей такихъ бѣдняковъ, живущихъ съ своими женами и семьями на монастырскій счетъ. Нечего и говорить о томъ, что ламы всегда призрѣваютъ сиротъ своихъ милостынедателей.

но нижней одежды (шантабъ) и, согласно этихъ предписаній, должно:

143) Одѣвать шантабъ кругло, т. е. одинаково ровно какъ спереди, такъ и сзади.

144) Не приподнимать шантабъ слишкомъ высоко, — т. е. выше колѣнъ ().

145) Не спускать ниже щиколки ¹⁾).

146) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы выдавался верхній конецъ его.

147) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его приходился наверху и на оборотъ.

148) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы верхній конецъ его приходился слишкомъ высоко, или низко.

149) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы нижній конецъ его свѣшивался не ровно.

150) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы онъ выдавался изъ скважинъ пояса.

151) Не надѣвать шантабъ такъ, чтобы подъ пушкомъ онъ образовалъ складки на подобіе змѣиной головы.

Далѣе существуетъ три предписанія относительно одѣванія верхней одежды (иранга, или цэгѣжибчи).

152) Ирангу должно одѣвать такъ, чтобы нижніе концы ея свѣшивались кругло,

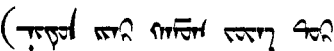
153) Не слишкомъ спускались, (собственно не ниже колѣнъ).

154) Не были слишкомъ вздернуты.

Нарушившимъ предписанія о томъ, какъ должно входить въ томъ частнаго человѣка, почитается:

155) Отправившійся къ незнакомымъ безъ приглашенія.

156) Не одѣвший какъ слѣдуетъ своего платья.

157) Озирающійся по сторонамъ ().

158) Говорящій много и болтающій пустыя слова.

---

1) По Хайби-чжунайю: «шантабъ не долженъ быть слишкомъ опущенъ, волочиться по землѣ, когда подвяжешь его ниже пупа».

185) Не должно принимать въ такомъ видѣ, чтобы пища была выше чашки (ἄφρα τῆς ἰσθμῆς ἢ τῆς ἰσθμῆς τῆς ἰσθμῆς τῆς ἰσθμῆς τῆς ἰσθμῆς).

186) Должно съѣдать похлебку вмѣстѣ съ рисомъ и овощами.

187) Должно ѣсть по порядку (т. е. какъ оно положено, а не то чтобы выбирать лучшіе куски).

188) Должно принимать пищу, смотря на чашу.

189) Не должно открывать отверстіе чаши, прежде чѣмъ подана будетъ пища.

190) Не должно закрывать одного куска другимъ, желая, чтобы дали побольше.

191) Не должно класть чашку на пищу и овощи.

192) Должно ѣсть пищу прилично.

193) Не должно много откусывать.

194) Не должно слишкомъ мало откусывать (=щипать зубами).

195) Не должно ѣсть не соразмѣрно (?).

196) Не должно открывать рта, прежде чѣмъ поднесешь къ нему пищу.

197) Не должно разговаривать, наполнивши ротъ пищею.

198) Не должно чвакать, когда ѣшь вкусное.

199) Не должно морщиться, когда ѣшь кислое.

200) Не должно дышать на холодное (чтобы согрѣть).

201) Не должно дуть на горячее (чтобы охладить).

202) Не должно ѣсть, высовывая языкъ.

203) Не должно ѣсть зерновой хлѣбъ по одному зернышку.

204) Не должно охуждать кушанье.

205) Не должно забивать пищу за скулы (ἄφρα τῆς ἰσθμῆς τῆς ἰσθμῆς).

206) Не должно ѣсть чвакая языкомъ.

207) Не должно ѣсть не раскусывая зубами.

208) Не должно облизывать пищу, прилипшую къ рукамъ.

209) Не должно вылизывать чашку языкомъ, или выскребать указательнымъ пальцемъ.

210) Не должно стряхивать съ руки приставшую пищу.

211) Не должно отстранять отъ себя чаши.

212) Не должно дѣлать изъ кушанья форму субургана (אֶרְבֵּי אֲרָבִים אֲרָבִים אֲרָבִים אֲרָבִים אֲרָבִים).

213) Не должно смѣяться надъ чужею чашею.

214) Не должно брать сосуда съ водою руками, къ которымъ пристала пища.

215) Не должно брызгать на другаго ламу грязною водою (אֶרְבֵּי אֲרָבִים אֲרָבִים אֲרָבִים).

216) Не должно выливать помой безъ спроса въ чужомъ домѣ (אֶרְבֵּי אֲרָבִים אֲרָבִים).

Что касается чаши, то:

217) Не должно бросать въ чашу остатки и объѣдки.

218) Не должно класть чашу на землю.

219) Не должно класть чашу на высокой скалѣ (אֶרְבֵּי אֲרָבִים אֲרָבִים).

220) Не должно класть чашу на обрывистомъ берегу.

221) Не должно класть чашу на неровномъ мѣстѣ.

222) На этихъ четырехъ мѣстахъ.

223) Объ омовеніи.

224) Не должно мыть чашу стоя

225) Не должно черпать воду въ быстротекущемъ источникѣ противъ теченія (אֶרְבֵּי אֲרָבִים אֲרָבִים).

226) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, когда онъ сидитъ, а ты стоишь.

227) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, когда онъ лежитъ, а ты сидишь.

228) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему на высокомъ мѣстѣ.

229) Не должно проповѣдывать священное ученіе идущему впереди.

230) Не должно проповѣдывать священное ученіе, идучи по краю дороги (а не посреди; т. е. на главномъ мѣстѣ).

231) Не должно проповѣдывать священное ученіе здоровому, покрывшему голову.

232) Не должно проповѣдывать священное ученіе поднявшему платье.

233) Не должно проповѣдывать священное ученіе поднявшему платѣ на плечи.

234) Не должно проповѣдывать священное ученіе закинувшему руки за шею.

235) Не должно проповѣдывать священное ученіе заложившему руки за спину.

236) Не должно проповѣдывать священное ученіе всклокочившему свои волосы.

237) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему тѣлу.

238) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему шапку.

239) Не должно проповѣдывать священное ученіе обвязавшему голову.

240) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему четки изъ цвѣтовъ.

241) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на слонѣ.

242) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на лошади.

243) Не должно проповѣдывать священное ученіе ѣдущему на телѣгѣ.

244) Не должно проповѣдывать священное ученіе сидящему въ носилкахъ.

245) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему сапоги.

246) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ палку.

247) Не должно проповѣдывать священное ученіе держащему въ рукахъ алебарду.

248) Не должно проповѣдывать священное ученіе надѣвшему мечъ и панцырь.

249) Относительно испражненія.

250) Не должно испражняться стоя.

251) Не должно испражняться, сморкать, плевать и харкать въ воду.

252) Не должно испражняться на зеленую траву.

253) Не должно взлѣзать на дерево выше сажени.

Этимъ я покончу свои замѣтки о служеніи сочжйна, прибавивъ только, что присутствовать при самомъ этомъ служеніи мнѣ не пришлось ни разу, ибо ламы зорко охраняють его тайну, которую я, при всемъ желаніи видѣть этотъ хуралъ, не пытался впрочемъ и нарушить. Мнѣ хорошо было извѣстно, что со стороны ламъ это не есть какая либо напущенная скрытность, но что, по самымъ правиламъ буддійской каноники, служеніе это дѣйствительно должно совершаться въ тайнѣ. Мы видѣли уже, что, согласно этой каноники, въ сочжинѣ участвуютъ только гэлъны и гэцъли; такимъ образомъ не только буддисты-простолюдины, но даже и духовныя лица низшей степени — банди, подобно простолюдинамъ, лишены права участвовать въ этомъ хуралѣ. Еще большая таинственность сочжинскаго хурала явствуется изъ того, что даже изъ числа совершающихъ хуралъ ламъ каждый остается въ немъ на столько, на сколько дозволяетъ ему принятая на себя степень посвященія. Составить точное описаніе служенія сочжйна по отрывочнымъ разказамъ ламъ также не представляется возможнымъ, ибо ламы чрезвычайно неохотно даже и говорятъ о сочжинѣ. На вопросъ, изъ какихъ частей состоитъ этотъ хуралъ и какимъ образомъ онъ совершается, они обыкновенно отвѣтятъ, что служеніе это очень сложно, что составныхъ частей его очень много, что ламы, совершая его, должны то стоять, то сидѣть въ различныхъ позахъ, то наконецъ распростираться ницъ передъ начальствующимъ въ хуралѣ.

Всѣ вышеуказанные хуралы совершаются обязательно въ каждомъ буддійскомъ монастырѣ; хуралы, о которыхъ я буду говорить ниже, напротивъ, исполняются только въ большихъ монастыряхъ и при томъ только въ извѣстные, особливо назначенные къ тому дни въ году.

Изъ числа такихъ торжественныхъ годовыхъ хураловъ Мон-

голы съ особенною любовью относятся къ служенію „цзўлайнь-хураль“, совершаемому, какъ уже было сказано выше, 25-го числа 1-й зимней луны, въ память кончины Цзонхавы.

Къ сожалѣнію миѣ ни разу не пришлось видѣть этотъ хураль въ Ургѣ, гдѣ, говорятъ, исполненіе его отличается особою торжественностью; но и то, что приходилось миѣ наблюдать въ сравнительно небольшихъ, кошўнныхъ, степныхъ монастыряхъ, производитъ громадное впечатлѣніе на человѣка, привыкшаго къ мрачной и монотонной стени. Цзўлайнь хураль, это — праздникъ лампадъ. Приготовленія къ нему начинаются въ монастыряхъ дней за десять и всѣ они состоятъ въ дѣланіи лампадъ. Въ самыхъ незначительныхъ монастыряхъ готовится ихъ отъ 1½ до 2-хъ тысячъ, а въ Ургѣ лампы цзўлайнь хурала считаютъ сотнями тысячъ. Наступленіе праздника полагается въ вечернее время, при восхожденіи созвѣздія Бэчй (пояды). Молодые бапди, обыкновенно, лишь начинаетъ смеркаться, уже наблюдаютъ за появленіемъ этого созвѣздія, и, какъ только появится оно, тотчасъ же зажигаютъ лампы и внутри своихъ юртъ, и снаружи ихъ, такъ что весь монастырь въ эту пору кажется залитымъ огнемъ отъ блеска горящихъ плашекъ. Въ то-же время предъ, дверями соборной кумирни (цокчинъ) раздается звукъ хэнгэргэ, призывающій ламъ къ самому совершенію хурала. Внутренность сўмэ на этотъ разъ представляетъ также необычайный видъ. Посреди кумирни тремя уступами поднимается возвышеніе въ видѣ стола. На верху его поставляется всегда 108 лампадъ, на двухъ нижнихъ уступахъ количество поставляемыхъ лампадъ предоставляется усердію ламъ и послѣднее проявляется здѣсь во всей своей силѣ. Лампады покрываютъ собою не только всѣ эти уступы, но еще разставляются въ два порядка отъ южныхъ дверей кумирни до тахильйинъ ширѣ, равно по стѣнамъ кумирни, ея карнизамъ, у колоннъ, словомъ по всюду гдѣ только можно поставить лампаду, она бываетъ поставлена. Снаружи лампы разставляются по кровлѣ кумирни, по землѣ вокругъ кумиренныхъ стѣнъ, въ притворѣ кумирни, на крыльцѣ и т. д. По мимо сего въ кумирнѣ на этотъ разъ готовятся

въ особенно большомъ видѣ и количествѣ обычно приносимыя бурханамъ жертвы, а тахильинъ ширѣ бываетъ просто засыпанъ цвѣтами.

Служеніе ламъ начинается благословеніемъ всѣхъ этихъ жертвъ и произнесеніемъ тарни:

«Омъ-бацзаръ ами-рунъ-гунъ-дэли-ха-ха-хумъ-падъ.

Омъ-соб-да-ра-шарва-со-хо-ва-хумъ-ха.

Вслѣдъ за симъ наступаетъ молчаніе минуты на двѣ, въ продолженіе которыхъ каждый изъ служащихъ, по правилу хурала, долженъ представить себѣ пустоту и въ этой пустотѣ выходящіе изъ омъ драгоценныя сосуды, а въ нихъ лампы, растопившіеся лучами, исходящими изъ омъ; равнымъ образомъ онъ долженъ представить и всѣ другія жертвы наполняющими всю вселенную и всѣ царства свѣтлыхъ пространствъ (འོད་ལྗངས་ཀྱི་ཡུལ་གྲངས་ཅུ་ལྔ་རྩ་བའོ།). Потомъ, по заповѣву унзата, всѣ лампы начинаютъ слѣдующую молитву.

«Омъ-бацзаръ-алоги-а-хумъ-омъ-а-хумъ (трижды).

Омъ-сар-ва-бэть-му-ра-му-ра-сура-су-ра-а-вар-та-я-а-вар-та-я-хомъ-бацзаръ-спа-ра-на-ха (трижды).

Омъ-аргамъ-а-хумъ-а-хумъ.

Призываю на небо, вверхъ (себя), ламъ, идѣмъ бурхановъ, бодисѣтъвъ, шравѣковъ, пратіекабѣддъ, богатырей, дакини, хранителей священнаго ученія (ལྷ་ལྔ་ཀྱི་ཡུལ་གྲངས་ཅུ་ལྔ་རྩ་བའོ།), тэнгріевъ, драконовъ, владыкъ земли—всѣхъ ихъ, разсѣявающихъ свѣтъ изъ хумъ, находящагося въ сердцѣ ихъ.

Призываю въ это мѣсто въ настоящій день великаго жертвоприношенія всѣхъ основныхъ ламъ (འོད་ལྗངས་ཀྱི་ཡུལ་གྲངས་ཅུ་ལྔ་རྩ་བའོ།), во главѣ которыхъ Чжи, великій вѣщра-дѣра; сонмъ идѣмъ бурхановъ, во главѣ которыхъ Сѣнди, Загаръ-самбарѣ и Ямѣндага; всѣхъ буддъ десяти странъ, во главѣ которыхъ побѣдоносный Шигѣмѣни; всѣхъ бодисѣтъвъ, во главѣ которыхъ принадлежащія къ восьми отдѣламъ — великіе юноши; сонмъ шравѣковъ, пратіекабѣддъ и всѣхъ святыхъ, во главѣ которыхъ восемь великихъ и верховныхъ шравѣковъ; всѣхъ геніевъ, хранителей священнаго ученія, во главѣ которыхъ мудрый Махагѣла. Соизвольте придти!

Призываю въ это мѣсто въ настоящій день великаго жертвоприношенія сонмъ всѣхъ, обитающихъ вверху тэнгриевъ, во главѣ которыхъ Хормустъ и Мэхэшвара; всѣхъ, населяющихъ преисподнюю великихъ драконовъ, во главѣ которыхъ Нанти и Убананти; всѣхъ владыкъ земли, во главѣ которыхъ земная Ухинътэнгри и Басудари. Соизвольте придти!

Собирайтесь поскорѣе какъ къ радости и соизвольте каждый сѣсть на своемъ коврѣ! *(Каждое изъ этихъ трехъ призываній произносятся стоя и сопровождается поклонами).*

Га-ма-ла-и-сто.

Хумъ! Въ странѣ, принадлежащей къ тремъ тысячеміріямъ, я, съ вѣрою, приношу жертвенную воду (ᠠᠨᠠᠨᠠ ᠲᠤᠯᠤᠰᠤ), воду прохладенія ногъ, цвѣты, курящіяся хучжи, лампаду, благовонную воду, яства и веселые звуки музыки; пять жертвъ, удовлетворяющихъ пять чувствъ, семь драгоценностей ханскаго правленія, восемь знаковъ счастья и святости, четыре тибя, гору Сумэру, солнце, луну, лекарства, лѣса и сады — всесовершенное услуженіе своего тѣла (ᠲᠤᠰᠤᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠨᠠ ᠠᠨᠠ ᠲᠤᠯᠤᠰᠤ) и собраніе добродѣтелей. Примите милостиво и соблаговолите дать верховныя и знаменательныя сидди!

Въ особенности же, съ вѣрою, приношу я просвѣщающую всѣ царства міра и исполненную свѣта солнца и луны лампаду, въ которой посреди драгоценнаго сосуда, пространнаго какъ три тысячи міровъ, и въ морѣ колеблющагося масла, воткнуть питанный масломъ фитиль, крѣпкій какъ гора Сумэру. Приношу я сто восемь лампадъ основнымъ ламамъ всѣхъ родовъ (ᠲᠤᠰᠤᠨᠠ) ученія, во главѣ которыхъ великій Вачжра-дара. Принявъ ихъ, соблаговолите даровать верховное и общее благо!

Возношу я эти лампы, съ вѣрою, всѣмъ буддамъ десяти странъ, во главѣ которыхъ побѣдоносный Шягэмүни. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ бодисатвамъ, во главѣ которыхъ находятся принадлежащіе къ восьми отдѣламъ великіе юноши. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ съ вѣрою шравâкамъ, пратіекабұддамъ и всѣмъ святымъ, во главѣ которыхъ восемь верховныхъ великихъ шравâковъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Возношу ихъ, съ вѣрою, всѣмъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ скорый строитель, мудрый Махагала. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Кромѣ того я благоговѣнно возношу эти лампы тѣнгріямъ, драконамъ, владыкамъ земли и всѣмъ благочестивымъ гостямъ. Принявъ ихъ, соблаговолите дать верховное и общее благо!

Всѣ вы соблаговолите дать долголѣтіе!

Соблаговолите дать богатство въ золотѣ и серебрѣ!

Соблаговолите дать богатство въ разнаго рода плодахъ!

Соблаговолите дать богатство въ четвероногихъ животныхъ!

Соблаговолите дать богатство въ быстрыхъ лошадяхъ!

Соблаговолите дать богатство въ лучшихъ сто - вкусныхъ яствахъ!

Соблаговолите дать богатство въ мягкихъ и тонкихъ одеждахъ!

Соблаговолите дать богатство въ молокѣ, маслѣ и творогѣ!

Соблаговолите дать богатство въ доброй славѣ и полномъ довольствѣ!

Соблаговолите дать богатство въ безболѣзненности и спокойствіи!

Соблаговолите дать богатство въ сокѣ разныхъ плодовъ и молокѣ!

Соблаговолите дать всякія блага!

(Предыдущее должно прочитывать не меньше трехъ разъ, большее же противъ этого число предоставляется усердію служащихъ).

Да будетъ сосудъ этой лампы величиною съ царства великаго тысячемірія трехъ тысячъ міровъ; стержень ея да будетъ величиною съ гору Сумэрү, — царя горъ; блескъ ея да будетъ свѣтлымъ и ясно виднымъ, — начиная съ низу отъ оконечности сансары, къ верху, — у существъ страшныхъ адовъ, еще даль-

ше—въ мѣстопребываніи существъ, живущихъ за вѣшняею желѣзною оградю, у тѣхъ существъ, которыя, будучи препираемы препятствіями своихъ дѣяній, среди непроглядной тьмы не видятъ ни на разстояніи своихъ вытянутыхъ рукъ и ногъ, ни на разстояніи своихъ согнутыхъ рукъ и ногъ.

Да будетъ свѣтла эта лампада на пути спасенія всѣхъ безчисленныхъ буддъ, обитающихъ въ безграничныхъ царствахъ міровъ десяти странъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ безформенномъ (𑖀𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆) и въ то время какъ будетъ она тамъ свѣтитъ, лишь только возгорятъ желаніемъ къ свѣту этой лампы безформенные тѣнгрій, да исполнятся они признаковъ, составныхъ частей и формъ; потомъ, избавившись отъ своихъ четырехъ перерожденій, да исполнятся созерцаній, во главѣ которыхъ стоитъ созерцаніе всесовершеннаго (𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆 𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆).

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ тѣнгріевъ, ходящихъ въ формахъ и, вкусивъ діяны мирной радости (𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆 𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆), да приобрѣтутъ эти тѣнгрій царство не приходящихъ обратно.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ тѣнгріевъ, увлекающихся чувственными удовольствіями и эти тѣнгрій, увлекающіеся чувственными удовольствіями, отрѣшившись отъ своего страстнаго стремленія къ удовлетворенію чувственныхъ пожеланій и углубляясь въ самихъ себя, да сдѣлаются причастными созерцанію четвертой діяны.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ асүріевъ; да умиротворятся гнѣвъ, злоба и ожесточенность духа этихъ асүріевъ и, исполнившись четырехъ безконечныхъ (𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆 𑖆𑖃𑖆𑖇𑖉𑖆𑖃𑖆𑖃𑖆), да сдѣлаются они блаженными.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ людей четырехъ тибовъ и человѣчество четырехъ тибовъ, избавившись отъ восьми страданій, да исполнится парамитою терпѣнія.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ животныхъ и всѣ животныя, избавившись отъ мученія взаимнаго

истребленія другъ друга, отъ побоевъ, пинковъ, отъ убіенія и употребленія ихъ на работы, освободившись отъ глупости и безумія, да исполнятся трехъ мудростей (ཏཱ་ཤཱི་བཀོད་པའི་བློ་བྱོལ་མཁའ་ལྷོ་མ་ལྷོ་མ་།).

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ Эрлікъ-хана и всѣ эрліки, освободившись отъ дѣяній убійства, истязаній и побоевъ, да исполняютъ парамиты всѣхъ всесовершенныхъ и да исполнятся мысли о доставленіи помощи всѣмъ одушевленнымъ существамъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ биритовъ и бириты эти, избавившись отъ мученій голода и жажды, благословеніемъ великаго милосердія обладающихъ великими сокровищами бодисатвъ да получаютъ полное и безконечное удовлетвореніе въ пищѣ и питіи, но притомъ да будутъ они непременно совершенны и въ парамитѣ подаянія милостыни.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ ада. Адскія существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, терпятъ нестерпимыя страданія голода и жажды. Благословеніемъ милосердія святаго и могущественнаго Хоншимъ бодисатвы ¹⁾, да освободятся они отъ безконечныхъ страданій и да получаютъ совершенство въ парамитѣ терпѣнія.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ блуждающихъ за предѣлами цамбутиба среди непроницаемой тьмы, у тѣхъ одушевленныхъ существъ, которые не видятъ ни на разстояніи вытянутыхъ рукъ и ногъ, ни на разстояніи согнутыхъ рукъ и ногъ. Эти существа, вслѣдствіе того что они изстари закоснѣли въ злодѣяніяхъ, когда захотятъ они ѣсть и пить, скребутся своими желѣзными когтями въ небо и, не находя пищи и питья, вырываютъ мясо своего тѣла и ѣдятъ. Благословеніемъ милосердія великаго будды Абиды да избавятся они отъ непроницаемаго мрака, въ которомъ блуждаютъ и да возродятся въ царствахъ плодоносныхъ полей Сукавади.

1) Хоншимъ бодисатва, называемый по монгольски ཏཱ་ཤཱི་བཀོད་པའི་བློ་བྱོལ་མཁའ་ལྷོ་མ་ལྷོ་མ་།, тиб. ལྷོ་མ་ལྷོ་མ་ལྷོ་མ་གྱི་ལྷོ་མ་ལྷོ་མ་། санск. Avalokitēṣvara.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствѣ драконовъ и чрезъ нее драконы, освободившись отъ связующихъ ихъ глупости и зависти, да исполнятся добродѣтели подаянія, да избавятся отъ восьми великихъ страховъ, изъ которыхъ главнѣйшей: страхъ летающей по поднебесью гари́ди ¹⁾, человѣческой клеветы и обмана; да увѣруютъ они въ будду, священное ученіе и сонмъ ламства; да умиротворятъ воскресающую жизнь и да исполнятся всякой добродѣтели въ своихъ пожеланіяхъ.

Да будетъ свѣтла и блестяща эта лампада въ царствахъ великихъ Махаранца; у владыкъ земли, обитающихъ въ четырехъ тѣбахъ; у тэнгриевъ, драконовъ, геніевъ земли и великихъ земныхъ хановъ; у геніевъ, обитающихъ въ великихъ моряхъ и малыхъ озерахъ, въ лужахъ и колодцахъ; у геніевъ, живущихъ въ большихъ рѣкахъ и маленькихъ рѣчкахъ, въ ключахъ, въ источникахъ, въ мѣстахъ, находящихся на высокихъ, снѣжныхъ, бѣлыхъ горахъ, на низкихъ, черныхъ горахъ, въ стланцахъ, на большихъ дорогахъ и на горахъ, поросшихъ травой, въ дремучихъ лѣсахъ и одинокихъ деревьяхъ, въ монастыряхъ, въ субурганахъ, въ большихъ городахъ и всѣхъ обитаемыхъ мѣстахъ. Всѣ они, отрѣшившись отъ привязанности къ матеріальному и свойственныхъ каждому заблужденій, да получаютъ нерушимое благоговѣніе къ тремъ высочайшимъ драгоценностямъ.

По силѣ принесенія мною этой лампады, самъ я и всѣ без-

1) Гариди или гаруди (отъ санскр. garuda въ тиб. གཤུན་པོ་; иначе

མཁའ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་, еще иначе ལྷ་ལྷོ་; или болѣе полно ལྷ་ལྷོ་མོ་) мифологическое животное, представляемое въ видѣ одаренной рогами птицы и почитаемое врагомъ всякаго рода змѣй, почему гаруда и изображается всегда держащею своимъ клювомъ змѣю. Существа «гаруда» раздѣляются буддистами на нѣсколько отдѣловъ (ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་), каждымъ изъ которыхъ управляетъ особый владыка. Намъ извѣстны четыре отдѣльныхъ имени этихъ владыкъ:

a) ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ b) ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ c) ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ d) ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་ལྷ་ལྷོ་པ་པོ་འོ་

численныя существа, возродившись у ногъ всесовершеннаго Аюши, да сдѣлаемся чрезъ благоотшедшаго будду величественными предметами вѣры для всѣхъ одушевленныхъ существъ.

Послѣ принесенія этой лампы я и всѣ одушевленные существа

да избавимся отъ мукъ трехъ злополучныхъ судебъ;
да избавимся отъ мукъ рожденія, старости, болѣзни и смерти;
да избавимся отъ мукъ жара, холода, голода и жажды;
да избавимся отъ мукъ неизмѣнія и всякаго рода бѣдности;
да избавимся отъ мукъ распрей и ссоры;
да избавимся отъ мукъ физическаго разстройства, болѣзней и всякаго зла;

да избавимся отъ мукъ всякихъ болѣзней, существующихъ въ этомъ мѣрѣ и всякаго зла.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды тѣлу, жизни и существованію.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды добродѣтели и полному довольству.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды всеильнымъ родамъ и корнямъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды доброй славы, друзьямъ и рабамъ.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды приросту животныхъ, скота и домашняго скарба.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды увеличенію молока, масла и творога.

Да укротится всякое зло, поставляющее преграды накопленію сока плодовъ и полевымъ растеніямъ.

Да укротятся всякія бѣдствія и несчастія, во главѣ которыхъ болѣзни людей этого міра, болѣзни скота, споры, распри и смуты раздоровъ.

(Послѣ сего ламы поднимаются и становятся на своихъ мѣстахъ. Первенствующему въ хуралѣ опредѣленный для сего прислужникъ подаетъ на тарелкѣ жертву, состоящую изъ риса, или другихъ какихъ либо зеренъ. Когда первенствующий

приметь эту тарелку, унять а осладь за нимъ и всь служащіе начинаютъ):

Благословеніе трехъ высочайшихъ драгоценностей приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель тэнгриевъ, во главѣ которыхъ Эсруа, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель драконовъ, во главѣ которыхъ Нанти, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель планетъ, во главѣ которыхъ солнце, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель звѣздъ, во главѣ которыхъ созвѣздіе плеяды, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель тэнгриевъ богатства, во главѣ которыхъ Чжамбалà, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель людей, во главѣ которыхъ проповѣдующіе свящ. ученіе, приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель семи драгоценностей ханскаго правленія приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Величіе, счастье и добродѣтель удовлетворяющей духъ драгоценности Чиндамàни приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель благаго жертвеннаго сосуда приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Обширныя счастье и добродѣтель великаго дерева Галбава-расъ ¹⁾ приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель великаго и глубокаго моря приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель высокой Сумэръ-ўлы приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

Счастье и добродѣтель свѣтоносныхъ солнца и луны приди на счастье этого мѣста въ настоящій день.

---

1) Иначе འཇམ་མཐོན་པོ་, отъ санск. kalparāṅkṣa, тиб. འཇམ་མཐོན་པོ་.

Счастіе и добродѣтель обширнаго, великаго неба приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

Счастіе и добродѣтель обширныхъ и великихъ земныхъ царствъ приди на счастіе этого мѣста въ настоящій день.

(При каждомъ этомъ призываніи счастія первенствующій въ хуралѣ трижды медленно поднимаетъ надъ головою тарелку съ жертвенными зернами, которую имѣетъ онъ въ рукахъ, всѣ же іэлюны въ это время издаютъ продолжительный звонъ въ колокольчики. По окончаніи призываній счастія первенствующій ставитъ тарелку на тахилдѣйнъ ширѣ, а всѣ іэлюны кладутъ свои колокольчики на стоящіе передъ ихъ мѣстами столики. Вслѣдъ за тѣмъ они, оставаясь въ стоящемъ положеніи, по званью узата продолжаютъ.)

«Да соберутся здѣсь всѣ добродѣтели и счастіе какъ сущихъ въ мірѣ, такъ и прешедшихъ отъ міра. Да увеличатся величіе, жизнь и добродѣтель всѣхъ милостынедателей и друзей! Да увеличится добрая слава друзей и рабовъ! Да исполнятся всѣ ихъ завѣтныя желанія!»

Да получаютъ счастіе и святость тэнгриі!

Да получаютъ счастіе и святость драконы!

Да получаютъ счастіе и святость асүріі!

Да получаютъ счастіе и святость люди!

Да получаютъ счастіе и святость всѣ и во всемъ!

Да распространятся счастіе и святость на вѣки!

Этимъ хуралъ оканчивается.

Другимъ торжественнымъ и годовымъ хураломъ, отправляемымъ уже положительно въ каждомъ монгольскомъ сүмѣ, является хуралъ Цаганъ-сарà и особливо принесеніе жертвы «Сдръ», совершаемое за день до новаго года. Служеніе это начинается докшитскимъ хураломъ и принесеніемъ въ жертву докшитамъ баліновъ. Читателямъ извѣстно уже, что основную мысль докшитскаго хурала составляетъ прошеніе, обращенное къ геніямъ, хранителямъ священнаго ученія объ искорененіи враговъ вѣры и препятствій къ добродѣтели. Предъ наступленіемъ дня новолѣтія такія моленія, согласно наставленіямъ ламъ, должны

быть приносимы усиленно; вотъ почему 28-го числа послѣдней зимней луны докшитскій хураль всегда отправляется не менѣе какъ въ честь пяти докшитовъ. Непосредственно вслѣдъ за симъ отправляется хураль *Линкà*, чтеніе котораго представляетъ собою молитву, обращенную уже ко всѣмъ докшигамъ вмѣстѣ, съ тою же просьбою сокрушить препоны для совершенія всего, что входитъ въ область буддизма и его ученія. Собственно *Линкà* называется фигурка, которая готовится изъ тѣста специально для этого хурала. Она представляетъ собою изображеніе обнаженнаго человѣка, который въ данномъ случаѣ долженъ знаменовать врага вѣры и есть воплощеніе всѣхъ важнѣйшихъ грѣховъ, признаваемыхъ буддизмомъ. Предъ началомъ служенія хурала, монастырскій джамà вноситъ линкà въ кумирню на особомъ подносѣ и, поставивъ его посреди кумирни на приготовленномъ здѣсь столѣ, не отходитъ отъ него во все время чтенія молитвъ. По окончаніи обращенія къ докшигамъ, ламы, во второй части молитвы, произносятъ йөрöли, число которыхъ подраздѣляется на 18 отдѣленій, хотя всѣ они могутъ быть выражены въ одномъ желаніи, чтобы «враги и препятствія превратились въ прахъ» (འགྲུབ་འདོམས་འགྲུབ་ཅེ་འཛིན་ཅེ།). При началѣ третьей части молитвы, джамà окуриваетъ линкà особыми, зловонными хұчжи (ཁྲུ་ཅི་འཕུར་ཀྱི།) и беретъ въ руки ножъ, ламы между тѣмъ произносятъ: «этого врага, принесшаго зло тремъ драгоценностямъ, поругавшаго своего ламу, ненавидствовавшего къ вѣрѣ, доставлявшаго страданія одушевленнымъ существамъ, нарушившаго свои обѣты, ударь, убей! Разлучи его съ тэнгриемъ, который вмѣстѣ съ нимъ родился; сведи его съ шимнұсомъ, который пришелъ съ нимъ одновременно; разлучи его съ тэнгриемъ — отцемъ его; разлучи его съ тэнгриемъ — матерью его; разлучи его съ тэнгріями—родственниками его; разлучи его съ тэнгріями—свойственниками его; разлучи его съ тэнгріями—друзьями его; разлучи его съ тэнгриемъ счастья его; развей его, низпустивъ на него дождь болѣзней, ядовитыхъ ранъ и мечей!» При этихъ словахъ джамà рубитъ линкà на двѣнадцать частей, по числу читаемыхъ ламами отдѣльныхъ приказаній, куски же

береть также два баліна, также кружить ихъ и переносить на лѣвую сторону. Каждое перенесеніе совершается при звукѣ ламскихъ инструментовъ, которые умолкають, когда джамâ перенесетъ баліны и ударить въ ладоши. Вслѣдъ за симъ ламы снова начинаютъ чтеніе 40 похвальныхъ стиховъ, по окончаніи которыхъ джамâ подь звуки музыки снова переносить по два баліна съ одной стороны на другую. Когда баліны будутъ всѣ перемѣщены, то богослуженіе, совершаемое собственно въ кумирнѣ, оканчивается и тогда приступаютъ къ сожженію сѡра. Всѣ ламы встають съ своихъ мѣстъ, выходятъ изъ кумирни за ворота монастыря и направляются въ степь къ мѣсту, гдѣ предназначено быть сожженію сѡра и гдѣ въ эту пору уже бываетъ разведенъ большой костеръ. Шествіе открываютъ два маленькихъ банди, идущихъ съ кадилницами, за ними слѣдуютъ ламы музыканты, во все время дороги ни на минуту не прерывающіе своей игры, далѣе джамâ, поддерживаемый подь руки двумя гѣцүлями, несетъ сѡръ, за нимъ наконецъ слѣдуютъ всѣ ламы, совершавшіе хураль. По прибытіи на мѣсто сожженія, первенствующій въ хуральѣ прежде всего бросаетъ баліны просто по степи, на землю (они дѣлаются добычею собакъ), а потомъ принимаетъ отъ джамы сѡръ. Въ это время ламы начинаютъ чтеніе третьей и послѣдней части молитвы, говорящей о сожженіи сѡра. «Я, йогâцзари, бросаю сѡръ. Этотъ ужасный сѡръ острѣе, чѣмъ оконечность вâчжр'оваго копья, крѣпче чѣмъ подножіе вâчжр'овой скалы, его ужающая сила превосходитъ молнію». По прочтеніи этого стиха первенствующій поднимаетъ сѡръ надъ головою и кружить его въ воздухѣ, ламы между тѣмъ читаютъ новый стихъ «Я, йогâцзари, бросаю сѡръ. Это бросаніе — не для обитающихъ на верху тѣнгриевъ, не для живущихъ внизу повелителей драконовъ, не для альбиновъ, обитающихъ въ промежуточномъ пространствѣ между небомъ и землею, не для владыкъ земли и воды». — Первенствующій снова поднимаетъ сѡръ надъ головою и кружить его въ воздухѣ, а ламы начинаютъ третій стихъ: «Я, йогâцзари, бросаю ужасный сѡръ. Это бросаніе ужаснаго сѡра совершается

(буквально—бросается) для тѣхъ ненавидящихъ враговъ, совершается для тѣхъ злыхъ препятствій, совершается для тѣхъ смущающихъ духъ нашъ бѹк'овъ». Въ это время первенствующій въ третій разъ поднимаетъ сѳръ и кружитъ его надъ головою, потомъ онъ медленно, тремя прыжками приближается къ костру и сразмаху бросаетъ сѳръ въ огонь. Ламы между тѣмъ поютъ: «Я, йогàцзари бросаю ужасный сѳръ! Я, йогàцзари бросилъ ужасный сѳръ! Привратники, отворите свои двери! Привратники отворили свои двери, заключили подъ запоръ всѣхъ обложенныхъ формами враговъ. Прислужники закройте всѣ тончайшіе скважины! Прислужники закрыли тончайшія скважины и заключили подъ запоръ всѣ безформенныя (ᠠᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ, т. е. неизмѣющія матеріальныхъ формъ, духовныя) препятствія». За симъ слѣдуетъ произнесеніе многочисленныхъ тàрни, которымъ и оканчивается чтеніе. Ламы возвращаются въ кумирню и, сложивъ здѣсь всѣ принадлежности хурàла, расходятся по домамъ. На мѣстѣ сожженія остается только одинъ джамà, который стоитъ у костра до тѣхъ поръ, пока сѳръ не сгоритъ совершенно.

Изъ числа торжественныхъ, годовыхъ хурàловъ отличающихся особою церемоніальностью, у Монголовъ извѣстны главнымъ образомъ два: а) церемонія круговращенія Майдари, и б) церемонія, носящая названіе «цамъ». Обѣ эти церемонія одинаково совершаются только въ главнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и многолюдныхъ монастыряхъ, но при томъ церемонія круговращенія Майдари является гораздо болѣе распространенною у Монголовъ, чѣмъ церемонія цамà.

По разказамъ ламъ, церемонія круговращенія Майдари введена въ кругъ буддійскихъ обрядовъ со временъ Цзонхавы, но основы для ея существованія можно находить еще въ Винàѣ. Основы эти, какъ оказалось по моему разбору, являются однако довольно двусмысленными. Въ пространномъ толкованіи на Винàю (ᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ ᠠᠠᠠᠠ) мои наставники показывали мнѣ слѣдующее выраженіе: «Изображенія будды, по своимъ свойствамъ, несомнѣнно, вполне согласуются съ нòмами (книгами священнаго буддійскаго ученія), ихъ должно переноси-

говращенія Майдари. Все это дѣлается для того, чтобы вѣрующіе въ возможно большемъ количествѣ могли собраться для оказанія почестей и для поклоненія будущему правителю міра.

Въ самомъ монастырѣ приготовленія къ церемоніи начинаются по крайней мѣрѣ недѣли за двѣ и состоятъ они главнымъ образомъ въ приведеніи въ должный порядокъ всѣхъ атрибутовъ церемоніи. Прежде всего заботятся о телѣгѣ, на которой совершается круговращеніе: ее каждый годъ отдѣлываютъ почти заново и уже непременно каждый годъ если ни красятъ, то полируютъ. Телѣга эта дѣлается двухколесная и имѣетъ форму большой арбы, причемъ высота настилки, на которой собственно поставляется кумиръ Майдари, полагается не менѣе какъ на 6-ть локтей отъ земли. Съ трехъ сторонъ настилка телѣги ограживается рѣшеткой, которая на задней сторонѣ телѣги дѣлается на высоту двухъ локтей, боковыя же рѣшетки, будучи одинаковой высоты между собою, имѣютъ высоты не больше полу-аршина. Вся телѣга окрашивается въ четыре краски: колеса дѣлаются непременно всею сполна красныя, а въ рѣшеткѣ и настилкѣ чередуются цвѣта желтый, синій, красный и зеленый. Сверхъ сего на кольскахъ рѣшетки рисуются изображенія семи драгоценностей (долбнѣ эрдэи), восьми жертвъ (найманъ тахиль), дѣцзы, бадан'овъ и проч. Сверху все это покрывается китайскимъ лакомъ и пестрая телѣга эта имѣетъ въ самомъ дѣлѣ довольно красивый видъ. Ко дню круговращенія между кольсками рѣшетки пропускаютъ еще куски разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, которыя съ одной стороны дѣлаютъ телѣгу еще пѣвнѣе и богаче, а съ другой служатъ и поддержкою для разнаго рода мелкихъ предметовъ, которые поставляются на телѣгу вмѣстѣ съ бурханомъ. По угламъ телѣги ставятъ четыре шелковыхъ, пятицвѣтныхъ чжалцана, а посреди телѣги на высокомъ шестѣ водружаютъ шелковый, атласный шүхүр на столько большой, что онъ закрываетъ собою большую часть телѣги. Таково обыкновенное устройство телѣги, на которой совершается церемонія круговращенія Майдари въ Халхѣ. Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ южной Монголіи, по разказамъ ламъ, принято въ обы-

чай при круговращеніи Майдари ставить бурханъ его на носилки. Устройство этихъ носилокъ впрочемъ весьма походить на устройство телѣги: тѣже рѣшетки, тѣже чкалцаны по четыремъ угламъ и тотъ же шѹхуръ, водружаемый посреди носилокъ. Главнѣйшее отличіе того и другаго способа круговращенія состоитъ въ томъ, что во время круговращенія носилки несутъ обыкновенно на своихъ плечахъ ламы, а въ телѣгу непременно впрягаютъ лошадь или слона, сдѣланные опять таки или изъ дерева, или изъ картона и окрашенные въ зеленую краску. Фигуры эти прикрѣпляются къ доскѣ, снабженной колесами совершенно подобно тому, какъ это дѣлается въ нашихъ дѣтскихъ игрушкахъ. Пристегиваются эти лошадь, или слонъ къ телѣгѣ особыми ремнями на подобіе нашихъ шоръ; на спинахъ же какъ у того, такъ и у другаго животнаго вмѣсто сѣделки устанавливается изображеніе драгоценности чиндамани. Весь этотъ приборъ поставляется передъ дверями храма еще съ вечера подъ тотъ день, когда назначено быть церемоніи.

Въ день совершенія круговращенія Майдари ламы начинаютъ свое обычное чтеніе раисловъ въ храмѣ часовъ въ пять утра и оканчиваютъ этотъ хуралъ часовъ въ шесть. Къ этому времени всѣ низшіе члены духовенства уже собираются предъ дверями кумирни и становятся въ указанномъ имъ порядкѣ, держа каждый ту принадлежность церемоніи, которую обязанъ онъ нести при торжественномъ шествіи. По окончаніи хурала, приступаютъ къ совершенію церемоніи: ханбò ламà вмѣстѣ съ двумя или тремя монастырскими ширѣтүями открываютъ шествіе изъ кумирни, неся позлащенный кумирь Майдари и, дошедши до телѣги, ставятъ его на приготовленное здѣсь мѣсто. Вслѣдъ за ними, въ порядкѣ старшинства, слѣдующіе ламы несутъ пять томовъ священныхъ книгъ ученія о Майдари (ᠮᠠᠶᠳᠠᠷᠢ ᠠᠮᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠨᠠᠭᠤᠯᠠᠭᠤ) и складываютъ ихъ передъ бурханомъ, обративъ ихъ къ кумиру; слѣдующіе ламы, по порядку, несутъ зажженные, благовонныя хучжи, дымящуюся кадильницу (ᠶᠡᠬᠡᠰᠢᠨᠠᠭᠤ), цвѣтокъ, долбнь эрдэши, улзэйтү найманъ тэмдэкъ и табунъ хусаль. Все эти предметы ламы берутъ съ тахильицъ ширѣ и ставятъ на

колесницу предъ изображеніемъ Майдари. Когда все это будетъ установлено, начинается движеніе. Впереди процессіи идутъ два ламы, несущіе свернутыя барсовыя шкуры, предназначенныя для того, чтобы ими, какъ бичами, разгонять народъ. Впрочемъ эти церемоніальные блюстители порядка идутъ только для вида, на дѣйствительную же полицейскую службу отрягается, обыкновенно, человекъ пятьдесятъ ламъ съ настоящими нагайками, которые идутъ въ разныхъ мѣстахъ процессіи и появляются тамъ, гдѣ самыя обстоятельства требуютъ ихъ присутствія: надавить толпа на поющихъ ламъ, стѣснить дорогу, по которой движется церемоніальное шествіе, полицейскіе, не разбирая, дерутъ своими нагайками кого по чемъ попало, а то такъ и прямо разложатъ, да и вышорюгъ какого-нибудь уже черезъ чуръ нахальнаго нарушителя благочинія. За официальными блюстителями порядка церемоніи идутъ по парно два ламы, трубя въ раковины; далѣе два ламы съ цанами; два ламы съ цэлыйнами; два ламы съ диншэ, два ламы съ кэнгэрэ; два ламы съ бишкүрами; два ламы съ ганлынами; два ламы, играющіе на бурѣ и два ламы, трубящіе въ үхэр-бурѣ; такъ какъ два послѣдніе инструмента очень велики, то переднюю часть ихъ кладутъ на особый поставецъ, который несутъ на плечахъ два ламы; за үхэр бурчин'ами слѣдуетъ одинъ лама съ колокольчикомъ; за нимъ два лама съ чим-пурма, а позади еще лама, несущій желтый, шелковый зонть Майдари. Далѣе слѣдуетъ колесница Майдари со впряженною въ нее зеленою лошадью. Человекъ двадцать ламъ тянутъ сначала эту лошадь за ремни, привязанные къ ея колесянкѣ, за тѣмъ такіе же ремни прикрѣплены и къ телѣгѣ, которую также тащатъ ламы, закинувъ ремни на плечи на подобіе того, какъ наши бурлаки тянутъ лямку. Непосредственно за колесницей слѣдуютъ два ламы съ үхэр бурѣ, а за ними сопровождаетъ колесницу высшее монастырское духовенство. Такова самая срединная линія процессіи, въ которой движется колесница Майдари. Что касается средняго и низшаго духовенства, то оно располагается рядами на всю длину процессіи и по обѣимъ сторонамъ ея въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первомъ ряду по правую и по лѣвую стороны идутъ

гуськомъ ламы, служащіе хуралъ; они несутъ всѣ принадлежно-сти хураловъ, т. е. всѣ тѣ предметы, которые стоятъ въ кумирнѣ на тахильинъ шырѣ; второй рядъ составляется изъ гэлунновъ, идущихъ также гуськомъ: каждый изъ нихъ держитъ въ рукѣ колокольчикъ и звонитъ въ него во все время движенія процессіи; въ третьемъ ряду идутъ ламы съ цѣльниками; въ четвертомъ—ламы съ дударма; въ пятомъ—съ цанами и ханранга; въ шестомъ—съ бишкѹрами, гаплинами и бурѣ; въ седьмомъ—съ ухэръ бурѣ; въ восьмомъ—съ барабанами (хэнгэргэ), причѣмъ для меньшихъ барабановъ назначается по одному ламѣ, а для большихъ по три ламы. Эти большіе барабаны, будучи вставлены въ четырехугольную деревянную рамку, возятся на телѣжкахъ: два ламы тащатъ телѣжку, а третій докѹр'омъ ударяетъ въ барабанъ. Послѣдній, девятый рядъ составляется изъ несущихъ такъ называемые «чимэкъ». Здѣсь по обѣимъ сторонамъ процессіи располагается въ послѣдовательномъ порядкѣ сначала долбнѣ эрдэни, потомъ улцэйтѹ найманъ тэмэкъ, табушъ хусэль и др.; изображенія всѣхъ этихъ предметовъ для церемоніи Майдари дѣлаются деревянные, на высокихъ шестахъ и носятъ ихъ на подобіе металлическихъ хоругвей нашихъ церквей. За этими изображеніями въ томъ же девятомъ ряду слѣдуетъ длиннѣйшая линія бадан'овъ и шѹхѹр'овъ, которые то несутъ на рукахъ, то везутъ на колеснякахъ. Все это блестятъ позолотой, нестритъ разными цвѣтами шелковыхъ матерій и издали представляетъ собою необычайное зрѣлище. О громадности процессіи можно судить потому, что на видѣнной мною въ Ургѣ церемоніи Майдари въ 1877 году, однихъ только ламъ участвовало до 30,000 человекъ, не считая благочестивыхъ поклонниковъ, число которыхъ было ни какъ не меньше числа ламъ. Въ монастырѣ Эрдэни цзѹ въ томъ же 1877 году на церемоніи Майдари участвовало ламъ до 10,000, а число поклонниковъ превосходило даже Ургу. Я забылъ еще сказать, что если въ церемоніи Майдари участвуютъ хутухты и хубилганы, то они никогда не идутъ на ряду съ духовенствомъ, но cadaго изъ нихъ ламы несутъ въ носилкахъ, сбоку колесницы Майдари. Носилкамъ хутухтѣ

предшествуютъ въ этомъ случаѣ по парно два ламы съ бишкѹрами, два ламы съ бѹрѣ, и одинъ лама съ дымящеюся кадильницею; позади носилокъ идутъ также два бѹрѣчи и за ними штатъ хутухты.

Процессія, двинувшаяся въ сказанномъ порядкѣ отъ дверей монастырскаго гѡль сѹмѣ, проходитъ черезъ весь монастырскій дворъ и, вышедши за главныя монастырскія ворота, тотчасъ же останавливается. Колесницу Майдари поворачиваютъ обратно лицомъ на сѣверъ, т. е. къ монастырскимъ воротамъ и здѣсь дѣлается первое поклоненіе бурхану, совершается первый хуралъ¹⁾. Онъ состоитъ въ поднесеніи бурхану мандала, главнѣйшее же содержаніе молитвы, читаемой при этомъ, составляетъ просьба, что бы Майдари, какъ владыка всѣхъ побѣдоносныхъ буддъ, сподобилъ своихъ поклонниковъ насладиться величіемъ его проповѣди въ то время, когда будетъ онъ вращать колесо священнаго ученія; чтобы всѣ они сподобились счастливой доли быть его учениками и во вѣки вѣковъ воздавать ему почести. По окончаніи этого хурала, колесницу поворачиваютъ лицомъ на за-

---

1) Въ монастырѣ Эрдэни цзѹ какъ вмѣсто этого, такъ и вмѣсто другихъ хураловъ, о которыхъ я буду говорить ниже, на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря совершалась церемонія «цамъ». Въ чахарскомъ Цаганъ ѹлайнъ сѹмѣ, по разказамъ мѣстныхъ ламъ, вмѣсто хураловъ, или церемоніи «цамъ», совершаются будто бы въ то же время цанитскія состязанія по вопросамъ, относящимся до ученія о бурханѣ Майдари. Вишнимъ отличіемъ этого цанита служить то, что состязующіеся ламы производятъ свои состязанія въ шасѣрахъ, тогда какъ обыкновенно цанитскіе диспуты совершаются ими съ непокрытою головою. Въ объясненіе этой особенности ламы приводятъ преданіе, что въ глубокой древности, еще въ Индіи и до времени распространенія буддизма въ Тибетѣ, ученикамъ будды приходилось выдерживать споры съ тиртиками относительно почитанія Майдари. Въ первое время состязанія шли очень не успѣшно для послѣдователей будды и тиртики готовы были уже побѣдить ихъ. Но истина восторжествовала! Одному изъ послѣдователей будды явилась въ сонномъ видѣніи Хла-ма и сказала, будто бы неуспѣхъ буддистовъ обуславливается тѣмъ, что они производятъ свои состязанія не вѣрно и что для побѣды надъ тиртиками имъ должно надѣть «шапки, подобныя щетинѣ дикаго кабана». Въ ту пору былъ изобрѣтенъ «шасѣръ», шерстяной гребень котораго, въ самомъ дѣлѣ, напоминаетъ собою поднявшуюся на спинѣ щетину. Въ Халхѣ нѣтъ обычая состязаться въ цанитѣ при круговращеніи Майдари, но, замѣчательно, что всѣ цанитскіе ламы и въ Халхѣ имѣютъ свою обычную шапку «шасѣръ».

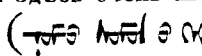
чемъ каждому ламѣ дается по два, или по три листочка книги. Отсюда церемонія снова направляется къ южнымъ монастырскимъ воротамъ и, прошедши чрезъ нихъ, останавливается предъ дверями голь сүмэ. Здѣсь совершается послѣдній хураль, состоящій изъ чтенія йөрѳля Майдари (ᠮᠠᠶᠳᠠᠷᠢ ᠮᠠᠶᠳᠠᠷᠢ), по окончаніи котораго бурхана снимаютъ съ колесницы и вносятъ въ сүмэ, равно какъ и всѣ тѣ помы и принадлежности церемоніи, которыя при началѣ ея были вынесены изъ храма. Этимъ церемонія круговращенія Майдари и оканчивается.

Другимъ, не менѣе торжественнымъ годовымъ богослуженіемъ является Цамъ (тиб. རྩམས་པོ་, монг. ᠴᠠᠮᠤ), хураль котораго состоитъ собственно изъ представленій пантомимическихъ плясокъ божествъ, причисляемыхъ къ разряду докшйтовъ. По разказамъ ламъ, божества представляются здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ являлись они въ сновидѣніяхъ буддійскимъ ламамъ и въ созерцаніяхъ дѣянчи; далѣе мои наставники говорили мнѣ, что нынѣ торжество это устраивается въ знакъ того, чтобы, явивъ врагамъ вѣры и добродѣтели ясное присутствіе на землѣ божества, отвратить всѣхъ этихъ злонамѣренныхъ существъ отъ послѣдователей вѣры будды. Въ сумбумѣ Цаганъ-дѣянчи о назначеніи цама говорится болѣе полно: «Существа, вступившія на путь таинственныхъ тѣрши и спасающія свой духъ отъ узъ нисваниса, кромѣ изученія начинаній (ᠨᠠᠴᠢᠨᠠᠨᠢᠯᠢ) и окончаній (ᠶ᠋᠋ᠨᠠᠵᠢᠨᠠᠨᠢᠯᠢ), должны очистить свои порочныя дѣянія; а для сего должны изучить поклоненія (ᠶ᠋᠋ᠨᠠᠵᠢᠨᠠᠨᠢᠯᠢ), круговращенія (ᠶ᠋᠋ᠨᠠᠵᠢᠨᠠᠨᠢᠯᠢ) и цамъ, такъ какъ все это весьма способствуетъ къ очищенію нечистоты и порочности. Учрежденіе цама внѣшнюю пляскою уничтожаетъ шимнусовъ, а внутреннюю жертвою радуетъ буддъ десяти странъ». Изъ этого же сочиненія видно, что есть много различныхъ положеній о цамѣ, хотя всѣ они одинаковы по сущности и различіе ихъ заключается главнымъ образомъ въ порядкѣ выхода и пляски того или другаго божества, времени принесенія той или другой жертвы и проч. Изъ сказаннаго явствуетъ, что празднованіе цама не имѣетъ за собою ни какой исторической подкладки и въ основѣ его не лежитъ ни какого исто-

рическаго событія; отсюда весьма естественно вытекаетъ, что цамъ не можетъ быть приуроченъ къ какому нибудь одному опредѣленному дню, но совершается въ различныхъ мѣстахъ въ различное время. Изъ всѣхъ наблюденій и разспросовъ, которые удалось мнѣ произвести, я могъ вывести только одно заключеніе, что какъ въ Монголіи, такъ и у нашихъ Бурятъ цамъ ежегодно совершается въ тотъ день, въ который впервые въ монастырѣ введено его служеніе. Во время пребыванія моего въ Эрдэи цзү, тамъ устраивалось служеніе цама при празднованіи круговращенія Майдари, а именно цамъ былъ совершаемъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ монастыря вмѣсто тѣхъ четырехъ хураловъ, которые совершаются при этомъ обстоятельстве въ другихъ монастыряхъ и въ Ургѣ. Нельзя не сказать однако, что, являясь какъ нѣчто то прикладное къ процессіи Майдари, цамъ не имѣлъ въ это время ни того убранства, ни того объема, ни тѣхъ жертвъ, которыя бывають при совершеніи его, какъ исключительнаго торжества.

Въ тѣ дни, когда цамъ составляетъ собою спеціальнѣйшій хуралъ, сборы къ его совершенію, какъ и при отправленіи церемоніи Майдари, начинаются недѣли за двѣ. Они состоятъ главнымъ образомъ въ приготовленіи новыхъ и исправленіи старыхъ масокъ, а равно въ поправкѣ одежды и украшеній, которыя должны одѣвать на себя ламы, маскирующіеся божествами. Такъ какъ церемонія цама всегда совершается на монастырскомъ дворѣ, то подъ день церемоніи готовится все нужное къ ея совершенію и здѣсь. Дворъ на чисто выметается; посреди его и какъ разъ противъ дверей гòль сүмэ воздвигается на четырехъ столбахъ родъ балдахина съ навѣсомъ изъ шелковыхъ матерій цвѣтовъ синяго, краснаго и желтаго; по бокамъ этого навѣса устанавливаются иногда четыре, а иногда два значка въ родѣ знаменъ. Подъ навѣсомъ ставится столикъ, покрываемый сначала барсовою кожею, а поверхъ ея шелковою пеленою. Это мѣсто для постановки сòра; оно должно служить центромъ для круга, въ которомъ совершаются пляски божествъ. Вокругъ этого балдахина на разстояніи не свыше одного аршина отъ колоннъ, ко-

торыя поддерживаютъ балдахинъ, проводится первый кругъ цѣма. Обозначается онъ узкою чертою посыпанной муки, или мѣлу, словомъ, какого либо бѣлаго вещества, которое рѣзче обозначало бы кругъ на общемъ фонѣ землянаго двора. Отъ этого перваго круга на разстоянїи саженой двухъ, или двухъ съ половиною обозначаются такіе же два бѣлые круга, отстоящіе другъ отъ друга аршина на полтора, или на два. Образующаяся между ними дорожка предназначается мѣстомъ, на которомъ должны совершаться пляски собственно тѣхъ масокъ, которыя изображаютъ собою бурхановъ — докшиговъ. Позади этихъ круговъ опять таки на разстоянїи отъ нихъ двухъ, или двухъ съ половиною аршинъ снова намѣчается два круга, а образующаяся между ними дорожка предназначается для пляски шанак'овъ, которые изображаютъ собою уже не божествъ, а ламъ созерцателей Ямандагй. Отъ этихъ двухъ круглыхъ дорожекъ, на которыхъ имѣютъ быть совершаемы пляски, до самыхъ дверей голь сумѣ такими же бѣлыми линиями очерчивается еще дорога, по которой маски, выходя изъ кумирни, должны доходить до круговъ, или мѣста своей пляски. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта дорожка пересѣкаетъ круги, очерчивается еще небольшими кругами мѣсто, на которомъ маски, выходящія изъ кумирни, должны останавливаться передъ началомъ своей пляски.

Въ кумирнѣ съ самаго ранняго утра начинается костюмировка ламъ. Одежды масокъ, изображающихъ божества, равно какъ и одежды шанак'овъ шьются изъ превосходныхъ шелковыхъ матерій, преимущественно изъ одноцвѣтнаго атласа и всѣ по одному покрою. Хубцауцъ, т. е. одежда, покрывающая все тѣло костюмирующихся, по формѣ значительно подобна нашему стихарю: другими словами, она представляетъ собою два равныя полотнища, сшитыя по бокамъ, со вставкою въ нижней части клиновъ и съ вырѣзаннымъ наверху отверстіемъ для продѣванія головы; отличие ея отъ стихаря представляетъ только форма рукавовъ. Эти послѣдніе дѣлаются здѣсь очень широкими и по виду напоминаютъ фигуру колчана () , каковой и дѣйствительно должны изображать они собою въ озна-

менованіе того, что всё докшиты постоянно скрываютъ въ своихъ рукавахъ лукъ и стрѣлы, которыми готовы поразить они враговъ вѣры. По верхъ этого хубчасу накидывается еще отдѣльная пелерина о пяти фистонахъ, называемая дѡдъ-икъ, описаніе которой уже было представлено нами въ разказѣ объ одеждѣ ламъ во время докшитскихъ хураловъ. На нижнюю половину хубчасу повязывается родъ фартука (мѡдъ-икъ), средину котораго составляетъ кусокъ матеріи или краснаго, или синяго, или зеленаго цвѣтовъ; кусокъ этотъ оторачивается за тѣмъ узкою полоскою чернаго атласа, а къ нижней сторонѣ этой оторочки фартука пришиваются еще полоски изъ желтаго и краснаго атласовъ. По верхъ этой одежды на шею накидывается восемь нитокъ громадныхъ четокъ съ золотыми шариками. Четки эти должны быть такъ велики, чтобы накинутые на шею они доходили до пояса спереди и сзади. Здѣсь у пояса, какъ на передней, такъ и на задней сторонѣ они скрѣпляются всё вмѣстѣ фигурою восьмирадіуснаго «номунъ хурдѣ», отъ котораго къ низу висятъ еще три золотыхъ шнура; къ среднему изъ нихъ привязывается колокольчикъ, къ двумъ боковымъ — такія же золотыя кисти. Маски, надѣваемые ламами, дѣлаются изъ папье-маше по формѣ лицъ тѣхъ докшитовъ, которыхъ должны изображать они; такимъ образомъ здѣсь являются и ужасно извращенныя человѣческія лица и наконецъ головы львовъ, быковъ, слоновъ и проч. Всё онѣ окрашиваются сообразно цвѣту того бурхана, котораго должны изображать. По величинѣ онѣ являются раза въ полтора или даже два больше обыкновеннаго человѣческаго лица и потому маскирующійся кажется безобразно большеголовымъ. Помимо лица маска изображаетъ еще и діадему изъ пяти человѣческихъ череповъ, которою украшается каждый докшитъ. Само собою разумѣется, что это еще болѣе увеличиваетъ объемъ маски. Сзади у масокъ, изображающихъ человѣческія головы, придѣлываются большія кисти изъ красныхъ шелковыхъ нитокъ, которыя обозначаютъ собою волосы докшитовъ. Шапки масокъ не одѣваютъ, но замѣнъ ихъ имѣютъ особыя шапки. Эти шапки состояются изъ черной овальной тульи съ широкими полями; на верху тульи

ихъ увѣнчивается деревянною фигуркою человѣческаго скелета, усѣченнаго до пояса, а надъ всѣмъ этимъ, начинаясь отъ полей, возвышаются два дугообразныхъ, сдѣланныхъ изъ папье-маше рога, которые соединяются между собою вставленнымъ между ними изображеніемъ чиндамани. Таковы одежды главныхъ дѣйствующихъ лицъ цѣма.

Въ храмѣ служеніе въ день совершенія цѣма начинается часовъ съ пяти утра. Послѣ обычнаго утренняго хурала, оканчивающагося часовъ въ 7-мь, ламы расходятся по домамъ и ко второму хуралу, на которомъ всегда совершается чествованіе Ямандагй, собираются часовъ въ 10-ть. Послѣ чтеній Ямандагй бываетъ освященіе сѣра, о которомъ мы уже говорили выше. Окончивъ двѣ первыхъ части служенія сѣра, ламы встаютъ съ своихъ мѣстъ, и выходятъ изъ хурала въ слѣдующемъ порядкѣ: Впереди идутъ ламы, несущіе фонари съ лампадами, далѣе ламы съ дымящимися хучжй, потомъ по одному ламѣ: первый съ баліномъ владыкѣ мѣстности (ᠲᠡᠳᠡᠬᠡ ᠶᠡᠨᠲᠡᠨ); слѣдующій несетъ бумбѣ съ налитымъ въ него аршаномъ, въ данномъ случаѣ носящимъ названіе золотого кропленія (ᠠᠷᠰᠠᠨ ᠶᠡᠨᠲᠡᠨ); далѣе лама, несущій сѣръ; за нимъ ламы съ разнаго рода храмовыми украшеніями и значками; еще далѣе ламы музыканты: сначала съ ганлінами, потомъ съ цѣнами, бишкѣрами, барабанами и проч. Вся эта процессія, выступивъ изъ сѣмѣ, останавливается въ его притворѣ и ставитъ сѣръ на особливо приготовленномъ здѣсь столикѣ. Немедленно раздается звукъ ганліна и по этому звуку являются первые провозвѣстники цѣма. Выходятъ двѣ маски, такъ называемые хохимай. Маски эти изображаютъ собою мертвыя головы, одѣты же они въ бѣлыя полотняныя одежды, плотно охватывающія всѣ части ихъ тѣла, какъ трико нашихъ гимнастовъ; по бокамъ этого костюма намѣчены у нихъ ребра, нѣкоторыя кости, словомъ весь этотъ костюмъ имѣетъ претензію на то, чтобы изобразить скелетъ. Вмѣстѣ съ этими двумя масками выходитъ и третья, изображающая ворону. Морда ея выдѣлывается довольно удачно, костюмъ же составляютъ узкіе, черные, калинкоровые шаровары съ такою же курткой. Немедленно по

выходѣ, хохимай становятся по бокамъ сѳра, а ворона набрасывается на сѳръ, какъ бы желая похитить его, но хохимай'и отгоняють ее палками, которыя держать въ рукахъ. Эгимъ оканчивается ихъ первое представленіе. Вслѣдъ за тѣмъ вмѣсто продолженія чтенія третьей части хурала «сѳръ», начинается музыка, необычайно быстрая; когда она умолкаетъ, изъ сѳмѣ появляется лама, несущій въ одной рукѣ габалу, наполненную кровью, а въ другой мандадь съ насыпанными въ него зернами и поставленными на немъ четырьмя балинами. Ставъ передъ сѳромъ, онъ, съ крикомъ «аргамъ», переливаетъ кровь изъ габалы на мандадь. Послѣ этого всѣ встають снова и, перенесши сѳръ на приготовленное для него мѣсто посреди двора подъ балдахиномъ, усаживаются на свои мѣста.

Немедленно по постановкѣ сѳра, передъ фигурою его начинается пляска двухъ хохимай: помимо разныхъ движеній всѣмъ тѣломъ, они перебрасываются своими палками, перебѣгаютъ послѣдовательно то на право, то на лѣво отъ сѳра, наконецъ шесть разъ обѣгаютъ вокругъ него и становятся на свои мѣста по бокамъ балдахина. Эгимъ роль ихъ оканчивается, во все дальнѣйшее продолженіе цѣма они неподвижно стоятъ на своихъ мѣстахъ, изрѣдка только отгоняя своими палками нападающую на сѳръ ворону.

Снова раздается звукъ ганлиа и въ это время выходятъ изъ сѳмѣ двѣ маски, называемыя ацзәръ. Они изображаютъ собою жителей Индостана. Маски ихъ представляютъ собою обыкновенныя человѣческія лица, только каррикатурно-извращенныя, окрашенныя въ буровато-коричневый цвѣтъ и, подобно всѣмъ другимъ маскамъ, увеличенныя раза въ $1\frac{1}{2}$ противъ обыкновеннаго человѣческаго лица. Одѣты ацзәр'ы въ прямые халаты изъ коричневаго шелка и опоясаны синимъ поясомъ; волосы ихъ вчесаны на верхъ въ одинъ пучекъ (уснйръ) подобно тому, какъ это находимъ мы на фигурахъ дэгэдү амугулантү бурхановъ. Ацзәры не входятъ въ кругъ цѣма, но пляшутъ почти у дверей храма и затѣмъ остаются на все время онѣ круга цѣма. Послѣ первой пляски дальнѣйшая роль ихъ состоитъ во встрѣчѣ Чак-

равартинъ хана, за симъ вовсе остальное время они бродятъ около круга цамъ, кое когда бросаются на надвигающуюся близко къ кругу толпу зрителей и отстраняютъ ее назадъ, доставляя при томъ не мало смѣха толпѣ своими выходками.

Вслѣдъ за ацзарами, по звуку ганлиа, изъ кумирни выходитъ Чакравартинъ ханъ, съ супругою и сыномъ. Всѣ эти лица одѣты въ обычные китайскіе костюмы, каковы: халатъ, курма и пр.; отличительную особенность въ ихъ костюмѣ составляетъ только то, что всѣ они имѣютъ у себя накинутаю на плечи пелерину додъ-икъ. Чакравартинъ ханъ имѣетъ при томъ особаго устройства шапку и держитъ въ рукахъ бумбѣ. Семья Чакравартина выходитъ въ сопровожденіи двухъ маленькихъ ацзаровъ, которые послѣдуютъ за нею, держа на плечахъ обнаженные мечи. Роль всѣхъ этихъ лицъ весьма безцвѣтная. Когда подходятъ они къ первому кругу цамъ, ихъ встрѣчаютъ здѣсь только что окончившіе свою пляску ацзары, кланяются предъ ними, посыпаютъ предъ ними цвѣты и отводятъ на приготовленный внѣ круга цамъ диванъ. Здѣсь Чакравартинъ ханъ усаживается съ своею супругою, сына своего усаживаютъ въ срединѣ, а сопровождающіе ихъ ацзары устанавливаются по бокамъ у нихъ, по старому держа наголо свои мечи.

Слѣдующій звукъ раковины вызываетъ изъ сѹмэ семью Хашинъ-хана, которая состоитъ изъ самого хана и шести сыновей его, малъ-мала меньше. Ханъ одѣтъ въ обычный халатъ монгольскихъ простолюдиновъ и курму, но по верхъ сего имѣетъ еще накинутае на плечи оркимчжй; дѣти его одѣты въ обычные халатики и курмы; каждый изъ нихъ держитъ въ рукахъ какую нибудь музыкальную принадлежность хурала: одинъ домбуръ, другой колокольчикъ, третій диншэ, четвертый маленькій цанъ, пятый цальнинъ, шестой дунъ-бурэ. Маски этихъ лицъ представляютъ обыкновенныя, каррикатурныя лица монголовъ и преподѣшны по тѣмъ добродушнымъ выраженіямъ, которыя имъ приданы. Хашинъ-ханъ выдается ламами за хубилгана хановъ Качійскихъ, которые, по преданіямъ, встрѣчали въ своемъ домѣ каждаго будду, приходящаго въ міръ. Роль Хашинъ (или Качинъ)

хана также точно состоитъ въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми выходитъ на встрѣчу каждой, впервые появляющейся маскѣ; сообразно этой роли, Хашинъ ханъ держитъ въ рукахъ громадный хадакъ, какъ привѣтственный подарокъ появляющимся маскамъ.

Всѣ вышепоказанныя маски не входятъ собственно въ составъ пляшущихъ божествъ и служатъ только для обстановки цѣма; самый же цѣмъ начинается только по выходѣ Хашинъ-хана.

Раздается тоекратный ударъ цѣна, вслѣдъ за нимъ звуки гаилйна и изъ сѹмѣ выходятъ два почжѹт'а, изъ числа восьми почжѹт'овъ — сотоварищей Чѹйчжила. Маски ихъ представляютъ искаженные злобою лица темножелтаго цвѣта, увѣнчанныя пятью черенами, въ рукахъ они держатъ въ лѣвой — габалу, а въ правой — цѹрбѹ, родъ книжала, у котораго вмѣсто ручки сдѣланъ очирь. При появленіи ихъ изъ сѹмѣ, изъ среды участниковъ цѣма выходитъ Хашинъ-ханъ съ своими сыновьями и съ поклономъ встрѣчаетъ ихъ, дѣти привѣтствуютъ ихъ нестройными звуками своихъ орудіи. Окончивъ это привѣтствіе, Хашинъ-ханъ возвращается съ своею семьей назадъ, а слѣдомъ за нимъ идутъ и маски почжѹт'овъ. Когда эти маски дойдутъ до перваго круга, съ котораго должны начаться пляски, ихъ встрѣчаютъ ацзѣры и, посыпавъ предъ ними муку, отходятъ. Маски начинаютъ пляску сначала на первомъ кругу, а потомъ во второмъ и наконецъ передъ сѹромъ. Пляски состоятъ то изъ тяжелыхъ и неловкихъ скачковъ съ одной ноги на другую, то изъ подпрыгиванія обоими ногами; не мало также бѣгаютъ, вертятся кругомъ и присѣдаютъ. Окончивъ пляску, маски возвращаются въ сѹмѣ. Таковы выходъ и пляски всѣхъ прочихъ масокъ, такъ что разница происходитъ здѣсь только въ маскахъ, да въ веществѣ, которое ацзѣры посыпаютъ на землю при ихъ встрѣчѣ.

Вторые два почжѹга Чѹйчжила имѣютъ коричневые лица; встрѣчающіе ихъ ацзѣры посыпаютъ предъ ними муку.

Третья пара почжѹтовъ Чѹйчжила имѣетъ синія лица; ацзѣры также посыпаютъ предъ ними муку.

Четвертая пара почжүтовъ Чойжила имѣетъ зеленяя лица; выходъ и пляски ихъ тѣже самыя.

Вслѣдъ за симъ послѣ девяти-кратныхъ ударовъ цана и звуковъ габалы выходятъ двѣ маски, извѣстныя подь общимъ именемъ Шамъ; въ частности одна изъ нихъ съ коровьей головой называется Манкй, а другая съ головою изюбря — Бугү; держать они въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой габалы; при появленіи ихъ ацзары поливаютъ предъ ними кровь. Образъ пляски ихъ одинаковъ съ предыдущими.

Вслѣдъ за ними появляется маска Очиръ-вани, держащая въ правой рукѣ очиръ, а въ лѣвой петлю, сдѣланную изъ шелкового шнура; по толкованію, эту петлей Очиръ-вани ловитъ враговъ вѣры. Ацзары встрѣчаютъ его также съ кровью; пляшетъ онъ какъ и всѣ въ первомъ и второмъ кругахъ и передъ сѣромъ.

Далѣе слѣдуетъ маска чернолицаго Гѣнбо. Онъ держитъ въ рукахъ: въ правой — ди-гүкъ, — орудіе родъ нашей сѣчки, съ ручкою на подобіе очира, а въ лѣвой — габалу. Ацзары встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

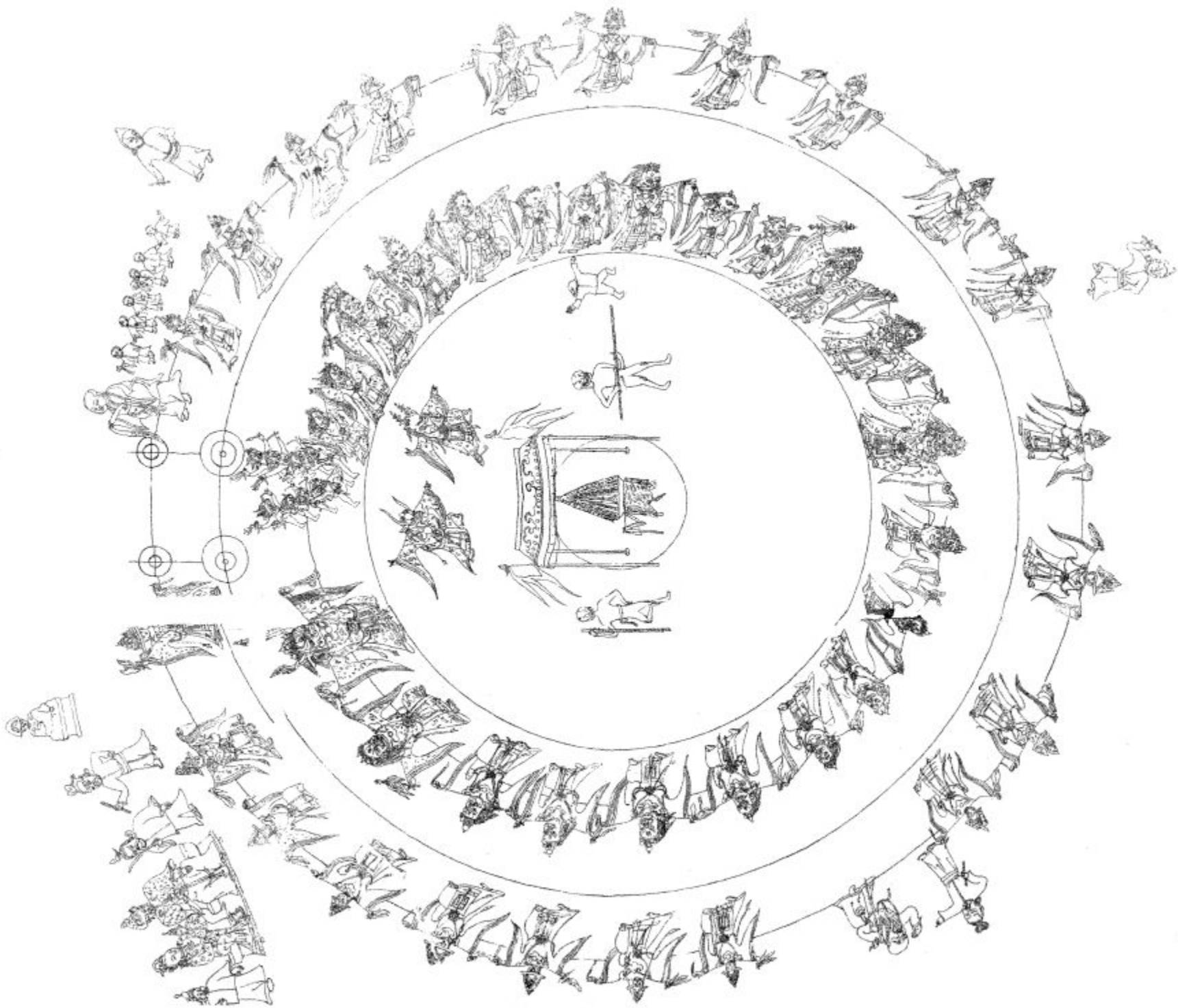
За Очиръ-вани'емъ выходитъ маска Хлама, съ синей человѣческой головою; въ правой рукѣ она держитъ ди-гүкъ, а въ лѣвой — габалу. Ацзары встрѣчаютъ ее съ кровью.

Когда Хлама, окончивъ свою пляску, скрывается въ сүмѣ, по девятикратному звуку ганліна являються два хубилгана Хламы — Сэнгэй-донъ-чжанъ съ львиною головою и Чус-ринъ-донъ-чжанъ съ головою Матара. Въ правой рукѣ они держатъ мечи, а въ лѣвой — змѣй, весьма искусно дѣлаемыхъ изъ синели. Ацзары встрѣчаютъ ихъ съ посыпаніемъ травы — гуша.

За ними слѣдуетъ выходъ Сэндамы, держащей въ рукахъ трезубецъ и габалу. Ацзары встрѣчаютъ эту маску съ кровью.

Потомъ выходитъ Намсарай, въ правой рукѣ держащій чжалцанъ, а въ лѣвой — сѣть. Ацзары встрѣчаютъ его посыпаніемъ цвѣтовъ.

Ему послѣдуетъ Гѣнбо-гүру, держащій въ правой рукѣ

бумбѣ, а въ лѣвой — изображеніе Чиндамани; его встрѣчаютъ также посыпаніемъ цвѣтовъ.

Далѣе слѣдуетъ попарный выходъ восьми сотоварищей Чжамсарана; всѣ они держатъ въ правой рукѣ мечи, а въ лѣвой — габалы. Монголы даютъ всѣмъ этимъ маскамъ названіе сэлмэчѣ, т. е. меченосцевъ. Ацзэры встрѣчаютъ ихъ кропленіемъ крови, равно какъ и являющагося послѣ нихъ самаго Чжамсарана. Эта маска одна изъ самыхъ ужасныхъ. Лице ея хотя и человѣческое, но извращено до крайней степени. Чжамсарангъ, какъ и всѣ другіе докшйты, коронованъ пятью человѣческими черепами, по поминно сего надъ каждымъ черепомъ его короны водруженъ еще значекъ въ родѣ знамени; въ одной рукѣ онъ держитъ пламеньющій мечъ, а въ другой сердце, облитое кровью.

Пляски всѣхъ этихъ докшйтовъ чрезвычайно медленны и до нельзя однообразны, почему смотрѣть наъ крайне утомительно; но послѣ выхода Чжамсарана представленіе нѣсколько оживляется выходомъ Цаганъ эбугэна. Маска Цаганъ эбугэна изображаетъ согбеннаго и лысаго старика съ большою сѣдою бородою; одѣтъ онъ бываетъ въ бѣлый халатъ и опоясанъ поясомъ, къ которому пристегиваются кошельки для табаку, ножа и вилокъ; вообще онъ является со всѣми атрибутами костюма монгольскаго простолюдина и держитъ въ рукахъ палку съ набалдашиникомъ, изображающимъ драконову голову. По началу Цаганъ эбугэна выносятся на коврѣ изъ сѹмэ и кладутъ передъ сѹромъ въ срединѣ круга. Пролежавъ нѣкоторое время, онъ медленно и старчески приподнимается, встаетъ на ноги, расправляетъ свои усы, бороду и густыя, нависшія брови, потомъ изъ подъ руки оглядываетъ все собраніе, шатаясь, ходить то въ одну, то въ другую сторону; въ это время одинъ изъ хохимайевъ подаетъ ему стклянку съ виномъ, онъ выпиваетъ вино, и начинаетъ плясать, подоткнувши полы, засучивъ рукава и разставивъ руки. Пляшетъ онъ, какъ пьяный, до тѣхъ поръ, пока не падаетъ отъ изнеможенія. Затѣмъ онъ встаетъ снова, выходитъ изъ круга, садится и начинаетъ мять овечью кожу, которую подаетъ ему одинъ изъ ацзэровъ.

За эту, всегда возбуждающею веселый смѣхъ публики сценою слѣдуетъ выходить по парно 32-хъ шанаконъ; всѣхъ ихъ встрѣчаетъ, по обычаю, Хашинъ-хѣнъ съ дѣтьми и предъ всѣми ими ацары посыпаютъ цвѣты; пляшутъ шанаконки только въ первомъ кругу, но чрезвычайно медленно. Разнообразія здѣсь нѣтъ даже и въ маскахъ, такъ какъ шанаконки не маскируются; костюмы всѣхъ ихъ совершенно одинаковы и всѣ они держатъ въ правой рукѣ пурбѹ, а въ лѣвой—габалу. По выходѣ шанаконъ является послѣдняя маска—Чойчжила съ громадною, синей, бычачьею головою и необыкновенно большими рогами, пламенѣющими огнемъ; помимо пяти череповъ Чойчжилъ коронованъ еще очиромъ. Его встрѣчаетъ Хашинъ-хѣнъ и ацары выливаютъ предъ нимъ цѣлую габалу крови. Пляска Чойчжила таже что и у всѣхъ докшитовъ, но окончивъ ее онъ не уходитъ въ сѹмѣ, а остается въ срединѣ круга. Доселѣ въ служеніи цѣла ламы принимали участіе только игрою на музыкальныхъ инструментахъ, съ окончаніемъ пляски Чойчжила они начинаютъ чтеніе *Линкѣ*. Джамѣ изъ сѹмѣ выносятъ фигуру линкѣ, на этотъ разъ дѣлаемую нѣсколько больше обыкновенной, то есть въ ростъ пяти-годовалого ребенка. Вслѣдъ за линкѣ изъ сѹмѣ выходитъ Чжамсарѣнъ съ своими меченосцами. Во все время чтенія линкѣ, Чойчжилъ и Чжамсарѣнъ, равно какъ и всѣ его товарищи пляшутъ вокругъ принесенной фигуры линкѣ, при извѣстныхъ же заключительныхъ словахъ: «этого врага. . . ударь, убей», они разрубаютъ ее на части. Вслѣдъ за симъ изъ сѹмѣ выходятъ всѣ маски и, образовавъ два круга, (въ первомъ— ближайшемъ къ сѹру — докшиты, а во второмъ — шанаконки) пляшутъ всѣ вмѣстѣ. На половинѣ этой пляски ламы поднимаются съ своихъ мѣстъ и, начавъ чтеніе послѣдней части хурѣла—сѹръ, выходятъ за монастырскія ворота, гдѣ на степи бываетъ уже разложенъ костеръ для сожженія сѹра. Сожженіе это бываетъ тѣмъ же порядкомъ, который уже былъ описанъ нами выше, при изложеніи спеціальнаго служенія сѹръ; но, окончивъ его, ламы снова возвращаются на монастырскій дворъ, гдѣ все еще продолжается пляска боговъ въ двухъ кругахъ. Когда ламы придутъ на мѣсто и разсядутся снова по своимъ сѣдалищамъ, начи-

нается ускоренная музыка, подъ акомпаниментъ которой маски начинаютъ быстро совершать круги, по которымъ они пляшутъ. Чдйчжилъ, находящійся во главѣ всѣхъ масокъ, идетъ впереди и какъ только доходить до начала круга, приходящагося противъ дверей сѹмэ, такъ оканчиваетъ свою пляску и скрывается въ храмъ;—остальные маски совершаютъ новый кругъ, теперь уже имѣя во главѣ Чжамсарана; когда будетъ сдѣланъ новый кругъ до дверей сѹмэ, то уходитъ Чжамсаранъ и такъ далѣе пока не уйдутъ всѣ. Послѣдній шанакъ кружится обыкновенно очень долго и своею пляскою доходить до самыхъ дверей сѹмэ. Уходомъ его оканчивается и церемонія цама.

Переходя теперь къ богослуженіямъ, совершаемымъ по нуждамъ, требованіямъ и просьбамъ народа, мы должны раздѣлить эти богослуженія на общественныя и частныя.

Къ числу первыхъ изъ этихъ хураловъ относимъ прежде всего «чествованія обѡ», или по монгольски «Обѡной тахилга», совершаемая отдѣльно въ каждомъ родѣ, въ каждомъ сумѹнѣ и въ каждомъ монастырѣ, безъ различія будутъ ли этотъ родъ, сумѹнъ, или монастырь большіе, или малые. Въ основѣ атого праздника, для совершенія котораго назначается одинъ изъ дней въ теченіе трехъ лѣтнихъ, или трехъ осеннихъ мѣсяцевъ, лежитъ чисто шаманская подкладка. По вѣрованію Монголовъ, каждый лѣтній и осенній мѣсяць спускается съ неба на землю «Лусѹнъ ханъ тэнгри», что значитъ—духъ, царь драконовъ. Эгими духами драконовъ населено небо въ громадномъ количествѣ: есть древесные духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), есть водяные духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), есть горные духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), есть вѣтровые духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), далѣе существуетъ еще различіе ихъ по цвѣтамъ, есть синіе духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), желтые духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ), черные духи драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ) и проч. Всѣ эти драконы спускаются въ различные дни лѣтомъ и осенью; но владыка ихъ — бѣлый царь драконовъ (ᠮᠣᠩᠭᠣᠯᠠᠳᠤ ᠬᠡᠳᠤ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠠᠨᠤᠯᠤᠯᠤᠰᠤ)

а) *ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*) постоянно нисходитъ съ неба только 2-го и 16 числа каждаго лѣтняго мѣсяца. Зимю все лүсы, или драконы, спятъ¹⁾. Духи драконовъ суть причина всѣхъ несчастій чело-вѣка: отъ нихъ зависитъ болѣзнь людей, падежъ скота и другія бѣдствія природы; вотъ почему Монголы чествуютъ этихъ ду-ховъ, стараясь задобрить ихъ жертвами. Чествованіе драконовъ распространено по всей Монголіи и состоитъ теперь въ прине-сенія жертвъ и чтеніи молитвъ около обѣ, которое нарочно устраивается для этой цѣли и посвящается духу драконовъ. Обѣ представляетъ собою ничто иное какъ груды камней, беспоря-дочно наваленныхъ на вершинѣ какой нибудь горы. Въ этомъ видѣ является обѣ у шаманистовъ, въ этомъ же видѣ воздви-гаются и въ Монголіи собственно тѣ обѣ, которыя чествуются дѣтьми; но обѣ, при которомъ чествуютъ драконовъ взрослые, приглашая для сего цѣлый сонмъ ламства, является теперь уже въ измѣненной формѣ, въ которой все приурочено ламами къ буд-дѣйской космологіи. Обѣ, чествуемое ламами, представляетъ теперь собою не одну груды камней, а цѣлыхъ тринадцать: сре-дняя изъ нихъ бываетъ самая большая и, по толкованію ламъ, она знаменуетъ собою гору Сумэру; отъ нея по сторонамъ свѣта располагаются груды по меньше, — онѣ знаменуютъ собою че-тыре тибя; по бокамъ этихъ послѣднихъ находится еще по одной еще меньшей грудѣ—это восемь малыхъ тибовъ. Все это одна-ко уже измышленія позднѣйшаго времени, къ каковому должно отнести и составленіе молитвъ и учрежденіе обрядовъ, при ко-торыхъ совершается нынѣ чествованіе обѣ. Въ предисловіи къ «послѣдованію чествованія обѣ» (*ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*), по которому совершается нынѣ этотъ обрядъ въ Ургѣ, неизвѣст-ный авторъ его прямо говоритъ; что «хотя въ настоящее время, въ нашей странѣ и въ высшей степени усилилось обыкновеніе поставлять и чествовать обѣ, но это обычай древній (*ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*)

1) Кажется, такое представленіе и дѣленіе драконовъ—чисто шаманское, понятія буддистовъ о драконахъ, какъ мы видѣли на стр. 317-й, совсѣмъ иныя.

тѣмъ же онъ" (тѣмъ же онъ); далѣе авторъ признается, что не смотря на это, онъ во всю свою жизнь «не видалъ ни тибетской буддѣйской книги, ни даже книги, составленной мѣстными, монгольскими избранными учеными, по которой можно было бы отправлять эту церемонію (тѣмъ же онъ); наконецъ еще далѣе заявляетъ, что хотя за свое настоящее сочиненіе «онъ и сдѣлается предметомъ презрѣнія для истинныхъ мудрецовъ, тѣмъ не менѣе, такъ какъ явилось очень много просящихъ чествовать обѣ, то онъ, не имѣя возможности противиться... все таки написалъ этотъ обрядъ чествованія (тѣмъ же онъ); Во всѣхъ этихъ разглагольствованіяхъ нельзя, конечно, не видѣть отчасти обычную авторскую скромность, но вмѣстѣ съ тѣмъ неволью приходитъ на мысль и то, не было ли и самое это смиреніе внушено автору, буддѣйскому ламѣ, именно тѣмъ сознаніемъ, что составляя это «последованіе», онъ поступаетъ буддизмомъ въ пользу шаманизма?

Впрочемъ какъ бы тамъ ни было, въ настоящее время обѣ чествуется уже совершенно буддѣйскими обрядами и торжество это отправляется для себя не только обществами простолюдиновъ, но даже и ламскими. Въ Ургѣ, гдѣ населеніе сгущенно, чествованіе обѣ совершается нѣсколько разъ: въ первомъ лѣтнемъ мѣсяцѣ празднуютъ ламы, во второмъ — простолюдины, въ третьемъ — дѣти, при томъ каждые совершаютъ свое чествованіе отдѣльно и одни не ходятъ на праздникъ другихъ. О днѣ праздника, т. е. о томъ днѣ и часѣ, въ который Лус'унъ тэнгри спустится на землю, знаютъ цзурухайчи по своимъ книгамъ. Видимыми знаками схожденія должны быть дождь и радуга, которая и есть собственно ничто иное какъ дорога, по которой спускается духъ на землю съ неба. Цзурухайчи впрочемъ не знаютъ, гдѣ именно спустится духъ, оттого и не могутъ сказать, гдѣ именно будутъ дождь и радуга.

Въ Ургѣ 28-мь ламскихъ аймаковъ не всѣ въ одинъ день чествуютъ свои обѣ, а раздѣляются по частямъ. Всѣ 28-мь аймаковъ имѣютъ только восемь обѣ и такимъ образомъ иногда одно обѣ совокупно чествуется двумя и тремя аймаками; однако эта совокупность относится только къ самому обѣ, — аймаки чествуютъ его отдѣльно хотя бы то въ одинъ и тотъ же день: одни, напримѣръ, — до полудня, другіе — послѣ полудня. Съ наступленіемъ перваго лѣтняго мѣсяца гѣбкѣй распоряжается обѣ изслѣдованіи цзурухайчіями дня схождения драконовъ и цзурухайчи назначаютъ его, а гѣбкѣй даетъ приказаніе оповѣстить обѣ этомъ хуваракъовъ. Къ назначенному дню каждый лама, по состоянію, передаетъ своему даргѣ (лама, исполняющій обязанности полицейскаго надзирателя надъ десятью домами) деньги, въ количествѣ отъ 2-хъ чаевъ до $\frac{1}{2}$ чая (кирпичнаго). Даргѣ передаютъ собранное нирбѣ, а послѣдній употребляетъ эти пожертвованія на приготовленіе всего необходимаго для чествованія обѣ. Онъ приобрѣтаетъ пять овецъ, муки для баліновъ, масло, хѣчжй, ячмень, вино (для принесенія въ жертву), хлѣбъ, сыръ и проч. Все это вмѣстѣ называется у монголовъ «Обѣнай чѣйнкоръ».

Въ назначенный день и въ условный часъ всѣ ламы аймака, который собирается чествовать обѣ, сходятся къ Чжиса-санъ (казначейству аймака Чжиса) и отсюда направляются къ обѣ толпою, иногда человекъ въ 500, что впрочемъ больше обуславливается погодою. Пришедши къ обѣ, ставятъ вокругъ обѣ по четыремъ странамъ свѣта четыре шеста, между коими растягиваютъ веревки, а къ послѣднимъ прикрѣпляютъ множество разноцвѣтныхъ дарцѣк'овъ; затѣмъ на южной сторонѣ обѣ растягиваютъ три палатки. Въ первой изъ нихъ отправляется хуралъ, — она называется «асаръ»; вторая и третья — назначаются для верховныхъ ламъ аймака. У самага обѣ расчищается мѣстечко и разстиляется кусокъ бѣлаго полотна, а на немъ поставляется ширѣ, въ свою очередь покрытое бѣлою пеленою. Здѣсь ставятся изображенія Шигэмѣни и другихъ бурхановъ, въ числѣ коихъ непременно долженъ быть кумиръ Вачжра-пани, равно какъ всѣ предметы, поставляемые на тахильинъ ширѣ. Передъ ними ста-

вится пять баліновъ, изъ которыхъ первый назначается въ жертву дракону, а второй—«гацзарьинъ эцээн'у»,—владыкъ мѣстности. Всѣ эти баліны дѣлаются изъ ячменной муки, затертой на коровьемъ маслѣ, съ примѣсью благовонныхъ и вкусныхъ травъ (эмъ). Передъ начальствующимъ въ хуралѣ кладется ва-чиръ, колокольчикъ, блюдечко съ ячменными зернами и чашка съ водою. На особомъ столикѣ за симъ раскладываются принадлежности ухійл'а, — бумбâ, толі, хадâкъ для отираія толі и мандакъ. Установивъ все на должныя мѣста, хуварâки берутъ музыкальные инструменты и рассаживаются на своихъ сѣдалищахъ. Хуралъ начинается принесеніемъ баліна Очиръ - вані. Въ молитвѣ, читаемой при этомъ случаѣ, его восхваляютъ какъ верховнаго изъ обладающихъ тайственными тәрни, какъ искоренителя препятствій, влекущихъ за собою все злое и какъ побѣдоноснаго врага всего грѣховнаго (ᠠᠶᠢᠨᠣᠨᠤᠲᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠯᠤᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ) и согласно этихъ, приписываемыхъ ему свойствъ его умоляютъ, чтобы силою своихъ тәрни онъ очистилъ грѣхи какъ приносящихъ этотъ балінъ, такъ и всѣхъ другихъ существъ, а равно своимъ пламенемъ пожегъ бы всѣхъ демоновъ (ᠠᠶᠢᠨᠤᠨᠠᠵᠢᠰᠤᠨᠤ), обитающихъ вверху, внизу и въ промежуточномъ пространствѣ. За симъ слѣдуетъ принесеніе баліна «гацзарьинъ эцээн'у», котораго просятъ ниспослать свое благословеніе на эту мѣстность великое какъ дождь. За этимъ баліномъ слѣдуетъ балінъ драконамъ и владыкамъ вселенной. Ламы поютъ: «Въ настоящій день мы, обращаясь съ вѣрою ко всѣмъ духамъ — драконамъ, возносимъ хвалы и жертвы. Владыки, обитающіе въ трехъ тысячахъ царствъ, владыки мѣстностей и драконы, обитающіе въ Утайшани верховной странѣ Маньчжушрїа, въ Будалѣ — царствѣ Хоншїмъ бодисâtвы, въ Шамбалѣ — странѣ тайственныхъ тәрни, въ Тибетѣ, въ Күкү-норѣ и другихъ мѣстахъ, въ странѣ Ойратовъ, въ оз. Сангійнъ далай и въ другихъ мѣстахъ, въ Амдò, въ Пекинѣ и другихъ мѣстахъ, въ (такомъ то имя рекъ) монгольскомъ хошүнѣ и особливо въ настоящемъ урочищѣ (имя рекъ), вамъ воздвигли мы это об̄ и приносимъ хвалы и жертвы, —

смилосердитесь и соизвольте придти сюда». За симъ настоятель начинаетъ подбрасывать зерна ячменя, и дѣлать кропленіе виномъ, а ламы въ это время поютъ: «Эти тринадцать обѣ, воздвигнутыя во вниманіе многоразличныхъ достоинствъ драконовъ, подобны горѣ Сүмэру царю горъ, четыремъ большимъ тѣбамъ и четыремъ малымъ тѣбамъ. Эти жертвоприношенія, представляя собою все необходимое для жизни (хлѣбъ, мясо, водка), составляютъ основу для существованія; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго; укрѣпите основы стяжанія всего, что мы ни пожелаемъ; укрѣпите основы истребленія враговъ; укрѣпите основы жизни нашего ламы; укрѣпите основы распространенія вѣры и священнаго ученія; укрѣпите основы мира и единенія хувараконъ; укрѣпите основы дружества народовъ; укрѣпите основы долгодѣтія; укрѣпите основы увеличенія рода; укрѣпите основы плодovitости скота. Укрѣпивъ основы всего этого, очистите 80,000 препятствій; очистите демоновъ 360-ти родовъ; очистите болѣзни 404-хъ родовъ; очистите 84 зловѣщихъ предзнаменованія; исполните съ легкостью всѣ благія начинанія; на всегда относясь къ намъ дружественно, заботьтесь и охраняйте насъ». — Вслѣдъ за принесеніемъ балина драконамъ читаются слѣдующія молитвы изъ отдѣла рапсаловъ: 1) Арбанъ цзүгүнъ харангуй арилгаху цаганъ шүхүртэй, 2) Улцзэй хутукъ цокцалаксанъ айшіинъ судуръ, 3) Октаргдй гацзар'унъ найманъ гэгэнъ, 4) Модонъ чимэкъ, 5) Лүсунъ тагялали хангакчй и 6) Гурбанъ эрдэнийнъ улцзэйтү шулукъ. Наконецъ начинается длинное произнесеніе йөрөлей, которое въ кратцѣ представляетъ слѣдующій стихъ: «цари драконовъ Нанти и Убананти и всѣ тэнгри, благоговѣющіе предъ вѣрою, да пріобрѣтутъ черезъ васъ вѣчное блаженство и ханы, и милостынедатели, и всѣ обѣднявшіе существа!» Этимъ йөрөлемъ оканчиваются чтенія передъ ламскимъ обѣ. Ламы выходятъ изъ асара, разбираютъ верхушку обѣ и кладутъ въ средину его: балинъ и части барана, — голову, лопатку и ребра съ западной стороны балина; кончикъ хвоста и бедро — съ восточной стороны; кусочекъ серебра — съ южной стороны; и хадакъ — съ сѣверной.

За тѣмъ все это снова закладываютъ сверху камнями и об̄ поливаютъ виномъ и водою, приносимыми въ жертву. Возвратившись въ палатку, ламы совершаютъ ухйяль и, совершивъ надъ собою омовеніе аршāномъ, возвращаются домой.

Чествованіе об̄ простолюдинами отличается отъ ламскаго нѣсколькими вставками, относящимися какъ до жертвъ, такъ и до чтеній. Въ степи о днѣ чествованія об̄ узнаетъ отъ гэлунговъ или хошунный тусалакчи (помощникъ князя — правителя), или сумунный цзангинъ, или наконецъ хотонный дарга, послѣ чего, получивъ должныя указанія, каждый изъ нихъ передаетъ состоящему при немъ ачжйку (надсмотрщикъ) полученные изъ хурула извѣстія для дальнѣйшихъ распоряженій по этому предмету. Ачжйкъ посылаетъ демчѣевъ (сборщикъ) въ улусъ для сбора необходимыхъ предметовъ для жертвоприношеній, каковы, архі, бислыкъ, урма, арулъ, айракъ, чай, хадѣки, деньги и проч. Все это дается каждымъ, смотря по тому кто что можетъ и сколько можетъ. Что касается пяти барановъ, необходимыхъ для принесенія жертвы, то они берутся только съ богатыхъ и при томъ съ соблюденіемъ очереди. Изъ всего собраннаго, по распредѣленію дарги, часть идетъ на жертву об̄, часть на подарки ламамъ, а часть на угощеніе народа, который впрочемъ, собираясь къ об̄, и самъ приноситъ съ собою, какъ угощеніе, архі, айракъ и пряженцы. Въ назначенный день къ об̄ съ ранняго утра начинаютъ тянуться ѣдущіе верхами на лошадяхъ, быкахъ и верблюдахъ домохозяева. Жены и дѣти ихъ не участвуютъ въ чествованіи об̄ и развѣ только сыновья богатыхъ начинаютъ ходить къ этому жертвоприношенію лѣтъ съ 18-ти. Когда соберется народъ, являются ламы. Приготовленія ихъ у об̄ тѣже самыя, что видѣли мы и выше, только при чествованіи народнаго обо, помимо всѣхъ вышеисчисленныхъ жертвъ у самага подножія об̄ полагаются еще: панцырь, шлемъ, лукъ, нѣсколько стрѣлъ, копье, мечъ и другіе предметы вооруженія. Согласно этой прибавкѣ жертвъ и въ чтеніи при возношеніи балйна драконамъ прибавляется: «Шлемъ и панцырь, непроницаемые въ битвѣ и неподдающіеся мечу, составляютъ основу для сохраненія

человѣческой жизни; по этому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . (и т. д. до конца всѣхъ 17-ти стиховъ). Лукъ и стрѣлы, имѣющіе свойство попадать въ самое сердце злобныхъ враговъ, составляютъ основу для разсѣянія всякаго рода препятствій; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія. . . и т. д. Острое, стальное копьё, украшенное роговою обложкой, уничтожая всѣхъ злобствующихъ, составляетъ основу для богатырской храбрости; поэтому мы и приносимъ его вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите основы умиротворенія всего злобнаго, . . . и т. д. Многообразные острые, стальные мечи, разсѣкающіе въ прахъ всякаго врага, составляютъ основу для возвышенія боевой славы; поэтому мы и приносимъ ихъ вамъ, предметамъ вѣры. Укрѣпите. . . . и пр. Въ йоррѳѣ существуетъ еще слѣдующая прибавка: «да потребятся отъ насъ всѣ враги наши, да отвратятся отъ насъ морь, голодь, болѣзни, несчастія дневныя, мѣсячныя и годовыя, набѣги волковъ на скоть, воры и грабители, роса, градъ, вѣтеръ, засуха и другія причины страданій, да будутъ идти дождь и разливаться рѣки въ потребное время, да увеличится у насъ урожай на хлѣбъ и траву, да умножится довольство всѣхъ одушевленныхъ существъ». Въ жертву обѣ закладывается при народныхъ чествованіяхъ только самая незначительная часть мяса, все же остальное раздѣляется между присутствующими. Домохозяйева считаютъ необходимою привезти это мясо домой и раздѣлить по кусочку всѣмъ своимъ домочадцамъ. Если дома остался у кого старый старикъ, то ему посылаютъ часть его черезъ сына, или черезъ кого либо изъ присутствующихъ родственниковъ, или сосѣдей. По окончаніи чествованія народнаго обѣ, близъ него устраиваются народныя игры.

Обѣны, чествуемые дѣтьми, не находятся на горахъ, а на равнинахъ; воздвигаютъ ихъ сами же дѣти во время игры. Чествованіе обѣ дѣтьми происходитъ въ послѣднемъ лѣтнемъ мѣсяцѣ, причѣмъ день для торжества назначаетъ также цзууухайчи. Дѣти, собравъ деньги, выбираютъ себѣ распорядителя старика,

который озабочивается приготовленіемъ необходимаго. Если денегъ много, то приносятъ въ жертву барана, нѣтъ, — чувствуютъ только пирожками и молочными продуктами, а вмѣсто вина—водою. Къ совершенію хурала приглашаютъ ламу, который бы не пилъ вина и не курилъ табаку, потому что перваго не любитъ бурханъ, а второе не правится драконамъ. У дѣтскаго обѣ лама читаетъ только лусыйнъ сѣнгъ, не употребляя при этомъ ни какихъ музыкальныхъ инструментовъ помимо колокольчика.

О другихъ какихъ либо хуралахъ, совершаемыхъ по просьбѣ цѣлыхъ обществъ, мнѣ не приходилось слышать въ Монголіи. Правда, во время моего пребыванія въ Барунъ хурѣ лѣтомъ 1877 года, случилось обстоятельство, что по случаю стоявшей въ ту пору долгое время ненастной погоды и холодовъ, Тушѣтү ханъ отъ лица всего своего хошүна обратился въ этотъ монастырь съ просьбою умиловитъ боговъ и отвратить тяготѣвшее надъ хошүномъ несчастье; но средство, которое было указано ламами, уже нельзя назвать хураломъ. Они объявили, что для отвращенія бѣды необходимо обнести Ганьчжүрѣ вокругъ всего хошүна, что и было исполнено. Ганьчжүрѣ былъ положенъ на 9 бѣлыхъ верблюдовъ и отправленъ по границѣ хошүна съ двадцатью ламами. Возвратившіеся разказывали мнѣ, что на границѣ хошүна, по четыремъ странамъ свѣта, они четыре раза прочитали весь ганьчжүрѣ. Сборы при этомъ случаѣ были по большей части мелкіе: чай, далимба, дабу и куски другихъ бумажныхъ матерій. Все это было отдано монастырскимъ начальствомъ сопровождавшимъ ганьчжүрѣ ламамъ; собранный же ими скотъ, въ количествѣ 34 лошадей, 40 коровъ и около 200 барановъ, поступилъ въ монастырское казначейство.

Въ совершенную противоположность этому число богослуженій, совершаемыхъ по просьбамъ народа въ отдѣльныхъ, частныхъ домахъ у современныхъ монголовъ-буддистовъ, уже ни какъ нельзя назвать незначительнымъ, такъ какъ не только ни одно выдающееся событіе въ жизни человѣка не проходитъ у нихъ безъ религіознаго освященія, но и проводя свою обыденную и мирную жизнь, монголы постоянно приглашаютъ ламъ для совер-

шенія молебствій. Такимъ образомъ рожденіе, бракосочетаніе и смерть человѣка теперь у всѣхъ монголовъ безъ исключенія не обходятся безъ ламскихъ молитвословій; помимо же того молебствія совершаются еще надъ каждымъ человѣкомъ: а) въ годовщину мэнгэ его рожденія (мэнгэйнь цзасалъ, или мэнгэйнь оролгонъ), что бываетъ періодически черезъ девять лѣтъ и б) въ годовщину циклическаго знака его рожденія (чжиліинъ оролгонъ), что повторяется черезъ двѣнадцать лѣтъ. Не менѣе важною и непремѣнною обязанностью каждый богатый монголъ почитаетъ отправить въ своемъ домѣ молебствіе однажды въ годъ съ цѣлью освятить свое имуществу и свой скотъ (ᠮᠠᠨᠭᠡ ᠶᠡᠨᠦ ᠨᠠᠭᠤ ᠶᠡᠨᠦ); еще болѣе состоятельные приглашаютъ ламъ, помимо сего, въ каждый изъ главнѣйшихъ праздниковъ, а именно: въ праздникъ «Чойнкоръ дуйчинъ», — въ одинъ изъ дней съ 1-го по 8-е число послѣдняго лѣтняго мѣсяца; въ праздникъ «Хлабунъ-дуйчинъ», — 22-го числа послѣдняго осеняго мѣсяца; въ праздникъ «Цзула», — 25-го числа 1-й зимней луны; въ дни новолѣтія, т. е. въ одинъ изъ первыхъ 15-ти дней Цаганъ сарà и наконецъ въ праздникъ воспоминанія кончины Шигэмунія, что бываетъ 15-го числа 1-й лѣтней луны. Отличающіеся особеннымъ богатствомъ и религіозностью призываютъ къ себѣ ламъ въ мацаки, или дни поста, т. е. 8-го, 15-го и 30-го числа каждаго мѣсяца и также точно заставляютъ ихъ служить молебствія. Скажемъ теперь обо всемъ этомъ болѣе подробно.

По рожденіи ребенка монголы совершаютъ надъ нимъ обрядъ «хүхэтъ аршалаху», вмѣстѣ съ которымъ соединяютъ еще обрядъ названія ребенка по имени. Собственно опредѣленныхъ дней и сроковъ для совершенія этихъ обрядовъ въ буддизмѣ не полагается; ламы, въ своихъ устныхъ бесѣдахъ, выставляютъ правиломъ, что обряды эти должны быть совершаемы не ранѣе какъ черезъ три дня послѣ рожденія, обычай же установилъ въ средѣ монголовъ только то, что обряды эти совершаются въ первый же мѣсяцъ по рожденіи дитяти. Намѣреваясь приступить къ совершенію религіозныхъ обрядовъ надъ новорожденнымъ, отецъ ребенка отправляется въ монастырь къ цзурухайчи и,

подробно разказавъ ему о днѣ, часѣ и обстоятельствахъ рожденія своего ребенка, проситъ его опредѣлить во 1-хъ то, счастливъ ли этотъ ребенокъ или нѣтъ, а во 2-хъ—назначить день, когда слѣдуетъ совершить надъ нимъ религіозные обряды, что именно должно исполнить, какіе помы прочитаты, и кѣмъ именно они должны быть прочитаны. Цзурухайчи, при производствѣ своихъ указаній по этому поводу, пользуются астрологическимъ сочиненіемъ Вайдурья-карпо¹⁾ и медицинскимъ «Хлантабъ». Ребенокъ признается счастливымъ, если онъ родился правильно, если по выходѣ изъ утробы онъ упалъ навзничь²⁾ и грудь его обвилась пуповиною, если тотчасъ же по рожденіи онъ сильно закричалъ, если у него высокая макушка, твердыя головныя кости, небольшое темя, оконечности волосъ подняты кверху, тѣло чистое, уши оттопыренные, если онъ сильно сосеть грудь и дрожитъ при сосаніи. Если напротивъ ребенокъ не будетъ имѣть этихъ примѣтъ, если онъ будетъ имѣть ихъ не въ достаточной степени, если, особенно, онъ родится съ зубомъ, то это почитается предзнаменованіемъ дурной судьбы, для исправленія которой нужно совершать еще особыя молебствія, помимо обычнаго обряда «хүхэтъ аршалаху». Соображая всѣ такого рода обстоятельства съ ученіемъ, изложеннымъ въ книгахъ, цзурухайчи указываетъ счастливый день для омовенія, разказываетъ, какія именно молебствія должны быть совершены надъ ребенкомъ и какимъ числомъ духовенства можно обойтись при совершеніи этихъ молебствій. Въ домахъ хановъ, князей и богатыхъ монголовъ при совершеніи надъ новорожденнымъ обряда «хүхэтъ аршалаху», независимо отъ указаній цзурухайчи, собирается до сотни ламъ; но самыя правила совершенія этого обряда требуютъ участія въ немъ только *четыре* галуновъ, изъ числа которыхъ одинъ необходимо долженъ быть вмѣстѣ съ

---

1) Вайдурья карпо—сочиненіе, извѣстное на языкѣ Монголовъ въ искаженномъ названіи Бидаръ гарбо, составлено въ 1686 г. Даридъ Саигджай-Чжамцѣ. Монголы почитаютъ этого автора хубилганомъ, или воплощеніемъ Маньчжурши.

2) Монголки рождаютъ сидя на корточкахъ.

тѣмъ и цзурухъайчи. Такое число ламъ обыкновенно и приглашаютъ къ себѣ монгольскіе престолюдины. Впрочемъ, такъ какъ приглашеніе четырехъ гэлѹновъ изъ монастыря обходится сравнительно весьма не дешево, то гораздо чаще изъ монастыря берутъ только одного гэлѹна, остальные же три лица дополняются изъ степныхъ ламъ, имѣющихъ степени гэцѹля и банди. При крайней бѣдности монгола весь обрядъ совершается наконецъ и однимъ лицомъ; другими словами, — бѣдные монголы приглашаютъ къ себѣ одного только цзурухъайчи, имѣющаго посвященіе въ санъ гэлѹна: онъ совершаетъ имъ астрономическія и религіозныя опредѣленія надъ ребенкомъ, онъ же исполняетъ и обрядъ омовенія.

Подробное изслѣдованіе относительно молитвъ, долженствующихъ быть прочитанными надъ ребенкомъ при совершеніи обряда хѹхэть аршалаху, совершается по «кѹйлѣамъ». Извѣстно, что въ буддѣйской астрологіи каждый день опредѣляется одною изъ восьми, послѣдовательно смѣняющихся другъ друга стихій и что эти стихіи носятъ названіе «кѹйлѣовъ». Каждому кѹйлѣу соотвѣтствуетъ особое чтеніе и именно надъ ребенкомъ, родившимся

1) въ кѹйлѣ *Ли* (монг. ᠯᠢ, тиб. ལྷ) соотвѣтствуетъ стихіи огня), должно читать: а) Бацзәръ бадаранà, б) Билѣкъ барамить, с) Сидда, д) Уснѣха бицзэя и е) Ча-дудба.

2) — въ кѹйлѣ *Конз* (монг. ᠬᠣᠨᠵ, тиб. རྩོན) соотвѣтствуетъ стихіи земли) читается: а) Намà сангадѣ, б) Рэмò-шуй-ба, с) Зунъ-дү; д) Чжят-дамба, е) Лангаръ-шэкъ-ба, ф) Сай-нинбо̀.

3) — въ кѹйлѣ *Два* (монг. ᠳᠠ, тиб. ཏྲ) соотвѣтствуетъ стихіи желѣза) читается: а) Найманъ гэгәнъ, б) Тэмүръ хошүнъ, с) Очѣръ хошүнъ, д) Бацзәръ бадаранà, е) Бацзәръ-махагала, ф) Билѣкъ барамить, г) Сидда и h) Намà-сангадѣ.

4) — въ кѹйлѣ *Кэнз* (монг. ᠬᠡᠨᠵ, тиб. རྩོན) соотвѣтствуетъ стихіи неба) читается: а) Найманъ гэгәнъ, б) Билѣкъ барамить, с) Бәнза-рākша, д) Алтанъ гэрэлъ, е) ʹʹльдзэй дабхүръ и ф) Намкà-нинбо̀.

5) — въ кўлїль *Камз* (монг. ᠬᠠᠮᠵ , тиб. ᠰᠠᠮᠵ соотвѣтствуетъ стихїи воды) читается: а) Бонгѡмъ-шак-чжѡ, б) Лўнъ-бан-гѡнъ, с) Усўнъ-дурмѡ, d) Галдзѡнъ, е) Бирїнъ-чѣнбѡ и f) Дорчжѣ-намчжїкъ-чў.

6) — въ кўлїль *Гинз* (монг. ᠭᠢᠨᠵ , тиб. ᠭᠢᠨᠵ соотвѣтствуетъ стихїи горъ) читается: а) Мачжѡ-чѣн бѡ, б) Добочѣ, с) Бицзѣй, d) Ланъ-рѡ, е) Лўнъ-дѡнъ, f) Сїдда, g) Юмъ, h) Бацзѡръ-бадарапѡ и i) Дорчжѣ ри-рѡбъ.

7) — въ кўлїль *Цзэнз* (монг. ᠴᠢᠵᠢᠨᠵ , тиб. ᠴᠢᠵᠢᠨᠵ соотвѣтствуетъ стихїи дерева) читается: а) Алтѡнъ гэрѣль, б) Дѡ-дамбѡ, с) Цѣ-бѣкъ (аїѡши), d) Бацзѡръ-бадарапѡ, с) Бѡнза рѡкша, f) Галдзѡнъ и g) Зунъ-дў,

8) — въ кўлїль *Сонз* (монг. ᠰᠣᠨᠵ , тиб. ᠰᠣᠨᠵ соотвѣтствуетъ стихїи воздуха), читается: а) Галдзѡнъ, б) Сїдда, с) Билїкъ барѡмпъ, d) Нѡйманъ гѣгѣнъ, е) Бацзѡръ бадарапѡ, f) Цѣбѣкъ (аїѡши), g) Лукдѡръ-накбѡ и h) Докзўнъ-ритѡтъ ламѡ чѡтбѡ.

Совершая обрядъ, лама по окончанїи соотвѣтствующихъ чтенїй, приступаетъ къ самому омовенїю: для сего беретъ въ чашку воды, соединяетъ эту воду на половину съ молокомъ, а сверхъ сего посыпаетъ нѣсколько щепотокъ благовонной травы (сангїйнъ идѣ), употребляемой для куренїя передъ бурханами. За симъ надъ этимъ составомъ лама прочитываетъ молитву, преподаетъ ему благословенїе (адистїдъ) чрезъ возложенїе на содержащую его чашку нѡма, или священной книги и наконецъ освящаетъ его собственнымъ дуновенїемъ съ произнесенїемъ тѡрни. Приготовленную такимъ образомъ водою, которая получаетъ названїе «чойгїйнъ усў» и омывается ребенокъ. По началу лама омокаетъ въ чойгїйнъ усў среднїй палецъ лѣвой руки и мажетъ имъ ротикъ ребенка; за симъ, такъ какъ ребенокъ самъ не въ состоянїи отплюнуть чойгїйнъ усў, лама высасываетъ каплю, попавшую въ ротикъ малютки и отплевываетъ за него. Это дѣйствїе повторяетъ онъ три раза. Потомъ наливаетъ нѣсколько капель воды на правую руку и омываетъ ими лице и голову ребенка; этимъ обрядъ омовенїя оканчивается и лама

объявляетъ, что посредствомъ этого обряда, малютка очистился отъ грѣховъ, которыя совершилъ онъ еще въ прежнихъ своихъ перерожденіяхъ; для того же чтобы и въ будущемъ былъ онъ стойкимъ въ добродѣтели, легко совершалъ добрыя дѣла и удобнѣе достигалъ спасенія, лама назначаетъ ребенку особыя тѣрни, или магическія слова, которыя, возросши, онъ долженъ постоянно произносить въ теченіе всей своей жизни. Эти тѣрни также точно какъ и молитвенныя чтенія распредѣляются по кўлйл'амъ и именно для родившагося

1) въ кўлйлъ *Ли*, назначаются тѣрни: «Омъ-на-надъ-ѣ-сваха»;

2) — въ кўлйлъ *Конъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-ка-ка-шакъ-сваха»;

3) — въ кўлйлъ *Два*, назначаются тѣрни: «Омъ-намъ-намъ-дамъ-сваха»;

4) — въ кўлйлъ *Кэнъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-гарши-сваха»;

5) — въ кўлйлъ *Камъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-камъ-сваха»;

6) — въ кўлйлъ *Гинъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-сы-шикъ-сваха»;

7) — въ кўлйлъ *Цзэнъ*, назначаются тѣрни: «Омъ-нама-шэдъ-сваха»; наконецъ

8) — въ кўлйлъ *Сонъ*, назначаются тѣрни: «Омъ на-надъ сваха».

Если родители новорожденнаго пожелаютъ, чтобы лама одновременно съ омовеніемъ ребенка далъ ему и имя, то въ такомъ случаѣ при этомъ обрядѣ опять таки является необходимымъ участіе цзурухайчи. Послѣдній соображаетъ годъ, мѣсяць и день рожденія ребенка съ показаніями, изложенными въ 12-й главѣ сочиненія Вайдурья кѣрпо и, на основаніи этихъ показаній, дается имя новорожденному. Въ Монголіи самый употребительный способъ для опредѣленія именъ новорожденнымъ есть изслѣдованіе такъ называемыхъ пяти гараковъ, на которыя раздѣляются въ буддійской астрологіи всѣ числа мѣсяца. Каждый изъ гараковъ имѣетъ свое особое названіе и это-то названіе и дается новорожденному какъ его имя, сообразно тому гараку, въ который онъ родился. Такимъ образомъ

гаракъ 1-го, 6-го, 11-го, 16-го, 21-го и 26-го чисель каждаго мѣсяца носить названіе *Дорчжй* (རོ་རྗེ་མཁའ་འགྲོ་) и сообразно этому, человѣку, родившемуся въ показанныя числа, дается имя Дорчжй.

Гаракъ 2-го, 7-го, 12-го, 17-го, 22-го и 27-го чисель называется *Ринчйнь* (རིན་ཆེན་མཁའ་འགྲོ་), поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чисель, дается имя Ринчйнь.

Гаракъ 3-го, 8-го, 13-го, 18-го, 23-го и 28 чисель называется *Бадмà* (བད་མ་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чисель, дается имя Бадмà.

Гаракъ 4-го, 9-го, 14-го, 19-го, 24-го и 29-го чисель называется *Лйчжй* (ལེས་ཀྱི་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чисель, дается имя Лйчжй.

Гаракъ 5-го, 10-го, 15-го, 20-го, 25-го и 30-го чисель называется *Санчжй* (སངས་རྒྱས་མཁའ་འགྲོ་); поэтому и человѣку, родившемуся въ одно изъ этихъ чисель, дается имя Санчжй.

Другой, также не рѣдко употребляемый способъ для опредѣленія имени есть усвоеніе новорожденному какъ имени названія той звѣзды, которая управляла днемъ его рожденія¹⁾. Жен-

1) Специалистамъ мы представляемъ здѣсь перечисленіе всѣхъ этихъ 28 звѣздъ съ показаніемъ ихъ монгольскихъ и тибетскихъ именъ, которыя даются и людямъ:

- 1-го числа монг. имя звѣзды རྩལ་འཇུག་ 7 (отъ санскр. tchâitra, тиб. ཅ་ཅོ་).
 2-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. çvatî, тиб. ས་རིས་).
 3-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. vaisâkha, тиб. ས་ག་).
 4-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. anourâdhâ, тибетск. ལྷ་མཚོ་མས་).
 5-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. djyechta, тиб. ལྷ་མཚོ་མས་).
 6-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. mûla, тиб. ལྷ་མཚོ་).
 7-го числа монг. имя звѣзды འཇུག་པོ་ (отъ санскр. pûrvachadh'a, тибет. ལྷ་མཚོ་).

щинамъ имена даются по тѣмъ же правиламъ и основаніямъ, оттого женскія имена у монголовъ въ сущности нисколько не должны разниться отъ мужскихъ и дѣйствительно почти не разнятся отъ нихъ. Впрочемъ монгольскіе ламы, конечно уже самовольно, ввели въ обычай нѣсколько отличать имена женщинъ, переводомъ тибетскихъ именъ на языкъ монгольскій. Предположимъ напр., что 1-го числа извѣстнаго мѣсяца родились мальчикъ и дѣвочка. Лама, давая обоимъ этимъ новорожденнымъ имена по гараку, назоветъ перваго тибетскимъ, именемъ *Дорчжй*, а вторую *Очирэ*, каковое слово монголы усвоили себѣ съ санскрита для перевода слова — «дорчжй». 2-го числа, при тѣхъ же обстоятельствахъ лама даетъ новорожденному мальчику имя Ринчйнъ, а дѣвочку назоветъ Эрдэни; получается такимъ образомъ два различныхъ имени, хотя въ сущности они значатъ одно и то же, ибо монгольское слово «эрдэни» есть не что иное какъ пе-

8-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *uttaraśādhā* тибет. མུ་སྐྱེད་).

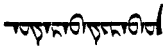
9-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *abhitchit*, тибетск. ལྷ་བཞིན་).

10-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *śrāvana*, тибетское ལྷ་བཞིན་).

11-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *dhaniṣṭa*, тибетское མོན་གྲུ་).

12-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *śatabhīṣā*, тибет. མོན་གྲུ་).

13-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *rūgvabhadra*, тибет. ལྷ་མཚན་ལྷོད་).

14-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *uttaraśādhā*, тибет. ལྷ་མཚན་ལྷོད་).

15-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *rīvatī*, тиб. ལྷ་མཚན་གྲུ་).

16-го числа монг. имя звѣзды (отъ санскр. *aświnī*, тибетское ལྷ་སྐྱེད་).

реводъ тибетскаго «ринчинъ». Безъ перевода въ этомъ случаѣ остается только наименованіе одного, послѣдняго гарѣка — санчжй. Слово это въ переводѣ на монгольскій языкъ обозначаетъ «бурханъ»; но называть человѣка такимъ именемъ ламы считаютъ уже неудобнымъ, хотя и не стѣсняются давать ему тибетское имя того же значенія — «санчжй», иногда являющееся въ болѣе удлиненной формѣ «сангачжй».

Нельзя не замѣтить однако, что иногда ламы ухищряются давать имена и болѣе сложныя. При мнѣ, напр., у халхаскаго Тушѣтү хана родилась дочь. По обычаю, на эти родины (милягудыйнъ хуримъ) собралась масса ламъ, приблизительно человѣкъ въ 200, или 250; всѣ они читали молебствія, когда же дошло дѣло до названія ребенка именемъ, то по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что дѣвочка родилась въ мѣсячный гарѣкъ луны (тиб. ལྷ་པ་ да-ва) и что имя звѣзды, правившей въ тотъ день, было

17-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. bhāṅgī, тиб. ལྷོ་ལྷོ་).

18-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. kartika, тиб. ཀའ་རྒྱུ་ཀྱི་མེ་ལྷོ་).

19-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. rōhinī, тибетское ལྷོ་ལྷོ་).

20-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. mārgaṣīra тибетское མེ་ལྷོ་ལྷོ་).

21-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. ardṛā).

22-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (санскр. также; тиб. ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་).

23-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (санскр. rauchya, тиб. ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་).

24-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. aslecha).

25-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. maghā, тиб. ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་).

26-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. pūrvaṣṭhī, тибетск. ལྷོ་).

27-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. uttaraphalgunī, тибетскій ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་).

28-го числа монг. имя звѣзды འཇགས་ཀྱི་མེ་ལྷོ་ (отъ санскр. hasta, тиб. ལྷོ་ལྷོ་).

Нарма (тиб. ལྷ་རྩེ་ལྷ་མོ་). Ламами рѣшено было въ имени дѣвочки смѣшать названіе гарака и звѣзды и такимъ образомъ, отдѣляя по одному слогу отъ того и другаго названія, они дали ей имя Данаръ. Несомнѣнно, что такая искусственность въ образованіи именъ обосновывается на правилахъ буддійской астрологіи; но, по отзывамъ самихъ ламъ, они пользуются этими правилами рѣдко, — только для людей избранныхъ и высокородныхъ. Мнѣ нельзя было не повѣрить этимъ рѣчамъ, ибо съ одной стороны, я не зналъ ни одной простолюдинки, носящей сложное имя, а съ другою — мнѣ припомнилось, что и у нашихъ Калмыковъ тѣмъ же именемъ Данаръ называлась младшая сестра хана Дондукъ-даши, бывшая за-мужемъ за хошоутовскимъ владѣльцемъ Замьяномъ.

Одновременно съ симъ опредѣляется для новорожденнаго и геній — хранитель его существа: тотъ же цзурухъайчи, по соображеніи стихіи года рожденія (чжилйнъ махамударъ), объявляетъ родителямъ, что ребенокъ ихъ будетъ находиться подъ покровительствомъ такого то божества, которому по преимуществу долженъ онъ молиться и котораго по преимуществу долженъ чувствовать (шутучжй ябуху), чтобы избавиться отъ несчастій, могущихъ случиться въ жизни.

Въ зависимости отъ этого опредѣленія божества является еще и указаніе масти скотинъ, которыя будутъ доставлять счастье новорожденному. Извѣстно, что, по представленіямъ буддистовъ, каждый изъ ихъ бурхановъ ѣздитъ на лошади особой масти; эта то масть и рекомендуется новорожденному для его блага. Если впоследствии онъ будетъ богатымъ и захочетъ ради увеличенія и здоровья своихъ табуновъ посвятить одну лошадь богамъ (сэтэрлэху), то онъ всегда долженъ посвящать именно лошадь указанной ему масти; если онъ будетъ бѣднякомъ, то, покупая лошадь, долженъ опять сообразоваться съ своею мастью, ибо, только ѣздя на такой лошади, онъ и можетъ быть счастливъ: Вотъ точная выписка относительно того какихъ бурхановъ должны чувствовать и какихъ лошадей должны употреблять люди, родившіеся въ теченіе всего, признаваемаго монголо-буддистами шестидесятилѣтняго цикла.

1) Родившіеся въ годъ Эрэ-модонъ-хулугунà¹⁾ должны чествовать бурхана Маньчжүшри и имѣть буланую лошадь.

2) Родившіеся въ годъ Эмэ-модонъ үхэръ д. ч. бурх. Ямандага и имѣть голубовато-сѣрую лошадь (ᠡᠨᠢᠭᠡ ᠡᠬᠡ).

3) Родившіеся въ годъ Эрэ-галь-бәрсь д. ч. бурх. Очирь-вәни и имѣть черновато-сѣрую лошадь.

4) Родившіеся въ годъ Эмэ галь тūлай д. ч. бурх. Окінъ-тэнгри и имѣть соловую съ лысиной лошадь.

5) Родившіеся въ годъ Эрэ шордй лū д. ч. бурх. Сйда и имѣть бѣлую лошадь.

6) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй могдй д. ч. бурх. Ами-таба и имѣть рыжую лошадь.

7) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмүръ моринъ д. ч. бурх. Ма-хагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

8) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмүръ хонй д. ч. бурх. Базарь бадаранà и имѣть гнѣдую лошадь.

9) Родившіеся въ годъ Эрэ-усунъ-мэчинъ д. ч. бурх. Уснйха-бицзэй и имѣть голубую лошадь.

10) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ-тахй д. ч. бурх. Юмъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.

11) Родившіеся въ годъ Эрэ модонъ нохдй д. ч. бурх. Маньч-жүшри и имѣть буланую лошадь.

12) Родившіеся въ годъ Эмэ модонъ гахай д. ч. бурх. Ба-зарь бадаранà и имѣть гнѣдую лошадь.

13) Родившіеся въ годъ Эрэ галь хулугунà д. ч. бурх. Ни-дүбэръ үцзэкчй и имѣть бѣлую лошадь.

14) Родившіеся въ годъ Эмэ галь үхэръ д. ч. бурх. Ами-таба и имѣть рыжую лошадь.

15) Родившіеся въ годъ Эрэ-шордй-бәрсь д. ч. бурх. Хайнъ-раба²⁾ и имѣть голубую лошадь.

---

1) Полный переводъ этого цикла съ показаніемъ соотвѣствующихъ ему годовъ христіанскаго лѣтосчисленія читатели найдутъ въ приложеніи къ нашему изданію «Монгольская лѣтопись «Эрдэнийнъ эрихэ».

2) Иначе Хайнкирва, Хаягрива, тиб. Дамдинъ, или Дамринъ.

- 16) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй тўлай д. ч. бурх. Уснїха-бицзэй и имѣть голубую лошадь.
- 17) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмўръ лў д. ч. бурх. Ниду бэръ ўцзэкчй и имѣть бѣлую лошадь.
- 18) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмўръ могдй д. ч. бурх. Юмъ и имѣть голубовато-сѣрую лошадь.
- 19) Родившіеся въ годъ Эрэ-усўнь-морїнь д. ч. бурх. Нам-сарай и имѣть бѣлую лошадь.
- 20) Родившіеся въ годъ Эмэ-усўнь-хонй д. ч. бурх. Уснїха-бицзэй и имѣть голубую лошадь.
- 21) Родившіеся въ годъ Эрэ модднъ мэйчїнь д. ч. бурх. Аюши и имѣть бѣлую лошадь.
- 22) Родившіеся въ годъ Эмэ модднъ тахя д. ч. бурх. Уснїртў и имѣть соловую лошадь.
- 23) Родившіеся въ годъ Эрэ галь нохдй д. ч. бурх. Амитаба и имѣть рыжую лошадь.
- 24) Родившіеся въ годъ Эмэ галь гахай д. ч. бурх. Майдари и имѣть буланую лошадь.
- 25) Родившіеся въ годъ Эрэ шордй хулугунà д. ч. бурх. Маньжўшри и имѣть буланую лошадь.
- 26) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй ўхэръ д. ч. бурх. Цэбэкъ (Аюши) и имѣть рыжую съ лысиной лошадь.
- 27) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмўръ барсь д. ч. бурх. Амитаба и имѣть рыжую лошадь.
- 28) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмўръ тўлай д. ч. бурх. Билїкъ барамить и имѣть соловую лошадь.
- 29) Родившіеся въ годъ Эрэ усўнь лў д. ч. бурх. Чжатдамба и имѣть бѣлую лошадь.
- 30) Родившіеся въ годъ Эмэ усўнь могдй д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.
- 31) Родившіеся въ годъ Эрэ модднъ морїнь д. ч. бурх. Окїнь тэнгрї и имѣть соловую съ лысиной лошадь.
- 32) Родившіеся въ годъ Эмэ модднъ-хонй д. ч. бурх. Банза-рākша и имѣть соловую лошадь.

33) Родившіеся въ годъ Эрэ-галь-мэчинъ д. ч. бурх. Билікъ-барамитъ и имѣть соловую лошадь.

34) Родившіеся въ годъ Эмэ-галь-тахя д. ч. бурх. Очиръ-вани и имѣть черно-сѣрую лошадь.

35) Родившіеся въ годъ Эрэ шорой нохой д. ч. бурх. Сайнь цагійнь нѳмъ и имѣть соловую лошадь.

36) Родившіеся въ годъ Эмэ шорой гахай д. ч. бурх. Маньч-жүшри и имѣть буланую лошадь.

37) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмүръ хулугунà д. ч. бурх. Окй-саба и имѣть бѣлую лошадь.

38) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмүръ үхэръ д. ч. бурх. Сидда и имѣть бѣлую лошадь.

39) Родившіеся въ годъ Эрэ усунъ барсъ д. ч. бурх. Амитаба и имѣть рыжую лошадь.

40) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ түлай д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

41) Родившіеся въ годъ Эрэ модонъ лү д. ч. бурх. Базаръ-бадаранà и имѣть гнѣдую лошадь.

42) Родившіеся въ годъ Эмэ модонъ могой д. ч. бурх. Намсарай и имѣть бѣлую лошадь.

43) Родившіеся въ годъ Эрэ галь моринъ д. ч. бурх. Хайнь-раба и имѣть голубую лошадь.

44) Родившіеся въ годъ Эмэ галь хонй д. ч. бурх. Лүйнь-хәнъ и имѣть голубую лошадь.

45) Родившіеся въ годъ Эрэ шорой мэчинъ д. ч. бурх. Очиръ-вани и имѣть черно-сѣрую лошадь.

46) Родившіеся въ годъ Эмэ шорой тахя д. ч. бурх. Бадма-хүчитү и имѣть вороную лошадь.

47) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмүръ нохой д. ч. бурх. Амитаба и имѣть рыжую лошадь.

48) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмүръ гахай д. ч. бурх. Махагала и имѣть гнѣдую съ лысиной лошадь.

49) Родившіеся въ годъ Эрэ усунъ хулугунà д. ч. бурх. Билікъ барамитъ и имѣть соловую лошадь.

50) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ ухэръ д. ч. бурх. Ниду-бэръ узэкчй и имѣтъ бѣлую лошадь.

51) Родившіеся въ годъ Эрэ модонъ бәрсѣ д. ч. бурх. Окінъ тэнгрй и имѣтъ соловую съ лысиной лошадь.

52) Родившіеся въ годъ Эмэ модонъ тўлай д. ч. бурх. Ма-хагала и имѣтъ гнѣдую съ лысиной лошадь.

53) Родившіеся въ годъ Эрэ галь лў д. ч. бурх. Номьйнъ-хәнъ и имѣтъ голубовато-сѣрую лошадь.

54) Родившіеся въ годъ Эмэ галь могдй д. ч. бурх. Намсарай и имѣтъ бѣлую лошадь.

55) Родившіеся въ годъ Эрэ шордй моринъ д. ч. бурх. Хайнъ-раба и имѣтъ голубую лошадь.

56) Родившіеся въ годъ Эмэ шордй хонй д. ч. бурх. Махагала и имѣтъ гнѣдую съ лысиной лошадь.

57) Родившіеся въ годъ Эрэ тэмўръ мэчйнъ д. ч. бурх. Ма-хагала и имѣтъ гнѣдую съ лысиной лошадь.

58) Родившіеся въ годъ Эмэ тэмўръ тахя д. ч. бурх. Нам-сарай и имѣтъ бѣлую лошадь.

59) Родившіеся въ годъ Эрэ усунъ нохдй д. ч. бурх. Ами-таба и имѣтъ рыжую лошадь.

60) Родившіеся въ годъ Эмэ усунъ гахай д. ч. бурх. Хайнъ-кирва и имѣтъ голубую лошадь.

Какъ талисманъ, способный предохранить человѣка отъ могущихъ приключиться съ нимъ несчастій, ребенку, со дня совершенія надъ нимъ обряда омовенія, привязываютъ пять такъ называемыхъ *бӯ*, которыя потомъ онъ долженъ носить собственно въ теченіе всего перваго года, хотя обыкновенно этого и не исполняется, ибо привязанныя къ ребенку *бӯ* не болѣе какъ черезъ день, или два сползаютъ, отрываются и пропадаютъ. Эти пять дѣтскихъ *бӯ* по формѣ своей почти одинаковы. Они состоятъ собственно изъ пяти отдѣльныхъ клочковъ бумажки, на каждомъ изъ которыхъ начертываются фигуры двухъ, перекрещивающихся очйровъ и надписываются соотвѣтствующія тәрнй; бумажки эти свертываются потомъ квадратнымъ четырехъ-угольникомъ, зашиваются въ лоскутокъ матеріи и въ этомъ видѣ привѣшиваются.

Положеніе, которое занимають *бӯ* на тѣлѣ ребенка, слѣдующее: одно *бӯ*, зашитое въ матерію краснаго цвѣта, одѣвается на шею, — на немъ, помимо общаго всѣмъ пяти *бӯ* изображенія двухъ, взаимно перекрещивающихся очіровъ, начертывается тарнистическая формула: «омъ-сомъ-я-бамъ-хумъ-ди-хумъ-хори»; два *бӯ*, зашитыя въ матерію бѣлаго цвѣта, привязываются къ рукамъ, при чемъ на *бӯ* правой руки пишутся тарни «омъ-суди-лэ-му-ни-хумъ-ри-содъ-содъ», а на *бӯ* лѣвой руки — тарни: «омъ-зэнь-са-мадъ-ни-хумъ-ри-хумъ-бамъ-ха»; два *бӯ*, зашитыя въ матерію желтаго цвѣта, привязываютъ къ ногамъ, написанныя же на нихъ тарни звучатъ для правой ноги: «омъ-сри-хумъ-са-а-судамъ-омъ-суба-падъ», а для лѣвой — «накъ-рикъ-ди-бамъ-хумъ-да-часа-омъ-му-ли-са». По прошествіи года дѣтскія *бӯ* должно смѣнять и тогда они замѣняются однимъ, такъ называемымъ «бѣнза-рѣкшайнъ *бӯ*». Это также клочекъ бумажки съ начертанными на немъ словами молитвы и тарнистическими изрѣченіями; онъ зашивается въ какую либо матерію краснаго, или желтаго цвѣтовъ и носится на груди на подобіе того, какъ христіане носятъ крестъ. Молитвы и тарнистическія изрѣченія бѣнза-рѣкшайнъ *бӯ* бываютъ весьма различны въ силу различія самаго ихъ назначенія. Въ сочиненіи Гѣ-чжама, составленномъ бодисатвою Дурма мунрѹмъ, хубилганомъ Оточй, или Мѣнлайнъ бурхана, подробно разказывается о существованіи въ мірѣ 360 злыхъ духовъ, 404-хъ болѣзней, и 80,000 препятствій (ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠ), мѣшающихъ человѣку проводить жизнь счастливо и вѣрнымъ путемъ идти къ совершенствованію своего духа. Какъ средство, подавляющее силы этихъ духовъ, болѣзней и препятствій, является *бӯ*. Соображая годъ, мѣсяцъ, день и часъ рожденія ребенка, цзурухайчи опредѣляетъ, какіе именно духи могутъ имѣть вліяніе на судьбу новорожденнаго, какимъ можетъ онъ подвергнуться болѣзнямъ, какія препятствія къ совершенствованію себя, могутъ встрѣтиться ему въ жизни. Для подавленія каждаго изъ этихъ духовъ, каждой болѣзни, каждаго препятствія есть свои особыя молитвы и тарни, иногда заключающіяся только въ одномъ словѣ. Эти то тарни, сообразно участи каждаго отдѣльнаго

лица и пишетъ цзурухъйчи, приготовляя бѹ для каждаго монгола буддиста. Такъ какъ бумажное и зашитое въ клочекъ холстины бѣнза-рѣкшайнъ бѹ скоро изнашивается, то каждый монголъ мѣняетъ его почти ежегодно. На этотъ конецъ цзурухъйчи назначаютъ при себѣ особыхъ учениковъ, на обязанности которыхъ состоитъ писать бѹ. Богатые вмѣсто бѹ съ начертанными на нихъ тѣрни, носятъ небольшіе золотые и серебрянные складни, въ которые вставляется рисованное изображеніе ихъ генія хранителя вмѣстѣ съ изображеніемъ того бурхана, хубилганомъ котораго этотъ геній хранитель почитается.

Читатели помнятъ конечно, что большая часть дѣтей мужскаго пола лѣтъ четырехъ, пяти, или шести, принимаетъ у монголовъ обѣты бѣнды (гѣнн'а); это обстоятельство вынуждаетъ каждаго монгола, имѣющаго сына, соотвѣтствующаго возраста, призывать къ себѣ ламъ для совершенія надъ нимъ должныхъ обрядовъ. Такъ какъ обряды эти уже были описаны нами въ главѣ о духовенствѣ, то, обходя ихъ, мы перейдемъ къ слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ обрядамъ, называемымъ «мѣнгѣйнъ цзасаль и чжилѣйнъ оролгонъ».

Обрядъ мѣнгѣйнъ цзасаль, какъ было уже сказано выше, совершается надъ каждымъ человѣкомъ во всю его жизнь периодически черезъ девять лѣтъ, т. е. на 9-мъ, 18-мъ, 27-мъ, 36-мъ и т. д. годахъ его возраста. О происхожденіи этого обряда ламы разказываютъ слѣдующую легенду. Въ Индіи проживалъ когда-то въ древности хѣнъ, по имени Накбѣ. У него было 5 сыновей и одна дочь; блестящій дворецъ его былъ поразителенъ по своей высотѣ и по своей обширности; чиновники у этого хѣна отличались глубиною мудрости въ управленіи дѣлами и старались превзойти другъ друга въ милосердіи къ народу. Накбѣ-хѣнъ по рожденію своему принадлежалъ къ году барса. Но вотъ наступилъ годъ дракона, въ который хѣну исполнилось 27-мъ лѣтъ и все перемѣнилось: что ни предпринималъ хѣнъ, ничего ему не удавалось; семья заболѣла, высокій дворецъ началъ осѣдаться и какъ бы опускаться въ землю, наконецъ и самъ хѣнъ началъ помрачаться въ разсудкѣ. Однажды, пришедши въ себя, началъ онъ

искать выхода изъ бѣды, сталъ на молитву и молился до тѣхъ поръ, пока заснулъ. Во снѣ слышитъ онъ голосъ: «хѣнь, то, что не спорится у тебя ни какое дѣло и что со всѣхъ сторонъ сыплются на тебя бѣды, происходитъ отъ того, что попалъ ты подъ девять глазъ годовыхъ и подъ девять глазъ коровьихъ (чжилйнъ йэсунъ нюдунъ, ухурыйнъ йэсунъ видунъду орохсони тула). Къ востоку отъ тебя живетъ повелитель черныхъ китайцевъ (ᠬᠡᠨᠠᠨ ᠬᠤᠨᠠᠨ), хубилганъ Гуйсцзэ'я. Пошли къ нему своего высшаго чиновника, пригласи его, поднеси ему въ подарокъ золота, поднеси ему ко рту золотое питье и попроси его сжечь всѣ несчастія твоего существа». Проснувшись, хѣнь поступилъ по этому приказу: пригласилъ Гуйсцзэ'ева хубилгана, и попросилъ его сжечь свои несчастія. По окончаніи церемоніи хубилганъ Гуйсцзэ'я снова повторилъ хѣну, что всѣ его несчастій происходили съ глазу и завѣщаль повторять обрядъ очищенія несчастія черезъ девять лѣтъ. Нынѣ при совершеніи этого обряда читается особая молитва, называемая «мэнгэйнь голь» и принадлежащая къ отдѣлу йорблей. Въ ней спрашивается человѣку счастье и благоденствіе во всемъ, что относится до его нравственнаго и физическаго существованія; всѣ благожеланія раздѣляются на 108 отдѣловъ и каждый отдѣлъ заключается произнесеніемъ особыхъ тарни. По прочтеніи йорбл'я, человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, омывають «чойгыйнъ усу», послѣ чего читаются еще двѣ молитвы, извѣстныя подъ именами «Чжанакъ гакдунъ» и «Найманъ гэгэнъ».

Послѣдняя молитва почитается самою основною молитвою для отгнанія отъ человѣка всякаго рода жизненныхъ препоны и несчастій, хотя содержаніе ея въ сущности весьма немногосложно. Вся молитва состоитъ изъ призванія разнаго рода существъ и геніевъ, которыми населилъ буддизмъ весь видимый и невидимый міръ и которыя, по вѣрованіямъ его, имѣютъ вліяніе на судьбу человѣка. Такимъ образомъ въ этой молитвѣ послѣ обычныхъ поклоненій буддѣ начинается общее призваніе геніевъ, обитающихъ на небѣ, въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ и всѣхъ ихъ вообще умоляютъ придти и отнестись дружественно къ ми-

лостынедателью (имя рекъ), на которомъ совершается обрядъ. За симъ начинаются частныя призыванія этихъ существъ, для образца которыхъ мы приведемъ нѣсколько параграфовъ этой молитвы дословно:

«Дрѣти-раштра, — великій Махаранца тэнгри, Вирутаки — великій Махаранца тэнгри, Вирупакши — великій Махаранца тэнгри, Вайсравани — великій Махаранца тэнгри, великій тэнгри — хранитель странъ, великій тэнгри Нанти-карти тэнгри, великій Эсруа тэнгри, великій Хормуста тэнгри, великій Маха-дѣва тэнгри, великій Раху тэнгри, Великій Гариди тэнгри, великій тэнгри, отрѣшившійся отъ споровъ (𐰽𐰺𐰾𐰽 𐰺𐰽 𐰽𐰺𐰾𐰽𐰽𐰽𐰽), великіе тэнгри, находящіе радость въ превращеніяхъ, великіе семнадцать тэнгріевъ, обитающіе въ мірѣ матеріальномъ (𐰽𐰺𐰾𐰽 𐰺𐰽 𐰽𐰺𐰾𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽), великіе четыре тэнгрия, обитающіе въ мірѣ безформенномъ (𐰽𐰺𐰾𐰽 𐰽𐰺𐰾𐰽 𐰽𐰺𐰾𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽𐰽) и всѣ прочіе тэнгри соизвольте придти въ дружество съ милостынедателемъ (имя рекъ); соизвольте сдѣлать его мирнымъ, благополучнымъ и здоровымъ».

«Великій повелитель драконовъ, охраняющій царскій родъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ простолюдиновъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ браминовъ; великій повелитель драконовъ, охраняющій родъ чандала; великій повелитель драконовъ, — сынъ обладающаго обширными богатствами; великій повелитель драконовъ, охраняющій раковины (𐰽𐰺𐰾𐰽 𐰽𐰺𐰾𐰽𐰽𐰽𐰽), великій повелитель драконовъ Падма; великій повелитель драконовъ-геніевъ воды, и всѣ прочіе великіе повелители драконовъ; великій повелитель драконовъ, именуемый сторотымъ и тысяче-глазымъ, великій повелитель драконовъ и властитель трехъ міровъ со своими товарищами, и прочіе повелители драконовъ, именуемые радостными и всерадостными, всѣ вы соизвольте придти въ дружество съ милостынедателемъ (имя рекъ); соизвольте сдѣлать его мирнымъ, благополучнымъ и здоровымъ».

Подобнымъ образомъ идутъ обращенія къ геніямъ покровителямъ а) гарак'овъ, б) кўйл'овъ, с) къ восьми бодисатвамъ,

устраивающимъ безмятежіе человѣческой жизни, и d) къ шестидесяти геніямъ, покровителямъ cadaго изъ годовъ шестидесятилѣтняго цикла. Къ послѣднимъ, помимо обычной просьбы придти въ дружество съ милостынедателемъ и сдѣлать его благополучнымъ и здоровымъ, обращается еще молитва, чтобы въ теченіе послѣдующаго времени своего правленія они не низпускали бы на милостынедателя эрліковъ гацзарійнь эцэна, не посылали бы на него никакихъ жизненныхъ несчастій, но положили бы въ его жизни начало къ приобрѣтенію славы и блаженства тэнгриевъ. Это моленіе заключается произнесеніемъ тѣрни «Омь-гили-гили-тили-тили-хумъ-падъ-ати-бадили-хумъ-падъ-сваха».

Послѣ сего слѣдуютъ снова призыванія, обращенныя прежде всего къ владыкамъ семи созвѣздій восточной стороны, во главѣ которой полагается созвѣздіе плеяды (бэчй); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій южной стороны, во главѣ которыхъ полагается созвѣздіе хошигунъ (?); потомъ къ семи владыкамъ созвѣздій западной стороны, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе цзасаръ тэнгри (?); наконецъ къ владыкамъ семи сѣверныхъ созвѣздій, во главѣ которыхъ поставляется созвѣздіе — Мунькири; всѣхъ ихъ также точно просятъ придти въ общеніе съ милостынедателемъ и помогать ему. Въ противность сему тѣ звѣзды, подъ лучемъ свѣта которыхъ не спорится работа, получается несчастное возрожденіе, совершается смерть людей и проч., просятъ никогда не бросать своихъ лучей на того, который съ благоговѣніемъ принимаетъ этотъ религіозный обрядъ.

Еще далѣе слѣдуютъ призыванія къ геніямъ владыкамъ a) снѣжныхъ горъ, b) черныхъ (т. е. не покрытыхъ снѣгомъ) горъ, c) ровныхъ пространствъ и степей, d) лѣсовъ, e) большихъ рѣкъ, f) морей на малыхъ озеръ, — всѣхъ ихъ также просятъ объ устроеніи блага и счастья молящагося. Заканчивается эта молитва произнесеніемъ многочисленныхъ заклинаній всѣхъ этихъ геніевъ исполнить просьбу и принять приносимый имъ по этому случаю балинъ.

По окончаніи чтенія «Найманъ гэгэнъ», какъ при совершеніи мэнгэйнь цзасаль, такъ и при служеніи чжиліннь оролгднь, со-

вершается еще обрядъ, извѣстный подъ именемъ «дзолікъ гаргаху». Для совершенія его какъ необходимую принадлежность готовятъ землю, взятую съ девяти горъ, песокъ со дна большой рѣки и землю съ могилы покойника; затѣмъ готовятъ еще девять дощечекъ съ нарисованными на нихъ изображеніями девяти эрліковъ, наконецъ девять черныхъ и девять бѣлыхъ камней. Самъ лама дѣлаетъ изъ тѣста небольшое изображеніе человѣка и одѣваетъ эту фигурку во всѣ тѣ одежды, которыя долженъ по своему общественному положенію носить тотъ, за счастье котораго совершается обрядъ. Фигурка эта называется дзолікъ; она долженствуетъ знаменовать собою именно того человѣка, который совершаетъ надъ собою мэнгэйнь цзасаль, или чжилійнь оролгонъ. Когда все это будетъ готово, у лѣвой стѣны юрты разстилаютъ двѣ овчины, одну — бѣлую, а другую — черную. На послѣдней сажаютъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а впереди его ставятъ дзоліка. Отъ этой черной овчины по направленію къ правой стѣнѣ, къ тому мѣсту, гдѣ сидитъ совершающій обрядъ лама, разстилаютъ бѣлую кошму и поперегъ ея дѣлаютъ девять дорожекъ изъ вышепомянутой земли, взятой съ девяти горъ, дна большой рѣки и изъ могилы. У каждой такой дорожки ставится по одной дощечкѣ съ изображеніемъ эрліка. Обрядъ начинается чтеніемъ молитвы, основное содержаніе которой составляетъ изложеніе девяти главнѣйшихъ причинъ смерти человѣка, съ просьбою избавить милостынедателя (имя рекъ), надъ которымъ совершается обрядъ, отъ каждой изъ этихъ причинъ. Окончивъ чтеніе cadaго изъ отдѣловъ, лама бросаетъ чернымъ камешкомъ въ дзоліка, и, прося, чтобы черная стрѣла смерти упала бы именно на дзоліка, произноситъ тårни; потомъ бѣлымъ камешкомъ бросаетъ въ человѣка и произноситъ новыя тårни, которымъ приписывается чудотворная сила сообщать человѣку бѣлый лучъ жизни. По прочтеніи такимъ образомъ перваго отдѣла, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, встаетъ съ черной овчины и, перешагнувъ черезъ одну изъ дорожекъ, намѣченныхъ посыпанной землею, произноситъ: «я перешагнулъ черезъ одинъ переваль, ушелъ отъ одной смерти»

(ᠲᠠᠨᠢ ᠰᠢᠨᠢ ᠶᠡ ᠰᠢᠨᠢ " ᠲᠠᠨᠢ ᠲᠠᠰᠠᠯᠢ ᠲᠠᠨ ᠰᠢᠨᠢ). За симъ начинается чтение втораго отдѣла, и по окончаніи его новое бросаніе камней и новое перешагиваніе черезъ одну дорожку. Такъ до девяти разъ пока ни будутъ пройдены всѣ дорожки. Прощедши ихъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, поворачивается на правую сторону и, возвратившись назадъ къ своему сѣдалищу у лѣвой стѣны, садится уже на бѣлую овчину. Вслѣдъ за симъ къ нему приближается лама. Опъ беретъ дзолька и, произнося тѣрни, трижды оборачиваетъ его противъ солнца надъ головою млостынедателя; за симъ опускаетъ дзолька къ лицу млостынедателя, тотъ три раза плюетъ на него. Окончивъ это, лама передаетъ дзолька прислужникамъ и начинаетъ снова произносить тѣрни, учащенно хлопая въ ладоши. Въ это время дзолька выносятся и бросаютъ въ степь, а человѣка, надъ которымъ совершался обрядъ, окропляютъ аршаномъ. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Таково служеніе обряда мэнгэйнь цзасаль обычное, т. е. когда послѣдующіе девять лѣтъ жизни человѣка не осложняются никакими особенно несчастными обстоятельствами, оградить отъ которыхъ и составляетъ цѣль совершенія обряда. Но должно замѣтить, что среди 60-ти лѣтняго цикла находятся еще четыре черныхъ или несчастныхъ года, это—21-годъ цикла, называемый хухэ модонъ мэчинъ; 28-й,—называемый Цагахчинъ тэмуръ тўлай; 30-й, — называемый харахчинъ усунъ могдой и 36-й,—называемый Шарахчинъ шордой гахай. Если въ числѣ послѣдующихъ девяти лѣтъ жизни человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, случится хотя бы то и одинъ изъ указанныхъ годовъ, то служеніе мэнгэйнь цзасаль, для исправленія несчастій собственно этого года, осложняется еще слѣдующимъ обрядомъ. На ближайшей изъ прилежащихъ къ юртѣ проѣзжихъ дорогъ ламы дѣлаютъ изъ песку, или изъ пыли небольшое возвышеніе, покрываютъ его хадакомъ, а на хадакъ ставятъ дурма, кладутъ девять драгоценностей, девять сортовъ различной пищи и одну лампаду. По четыремъ сторонамъ возвышенія втыкаютъ четыре хучжи. Изъ муки приготавливаютъ изображеніе человѣка и въ сре-

дину его кладутъ бумажку съ написаннымъ именемъ человѣка и годомъ его рожденія (напр. Лійчжй, родившійся въ годъ хоні). Въ сторонѣ отъ возвышенія ставятъ одно животное (лошадь, корову, или овцу) непремѣнно черной масти, а у ногъ этого животного кладутъ полный костюмъ человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, нарочно приготовляемый для сего обряда изъ матеріи чернаго цвѣта. Самого виновника обряда сначала омываютъ Чойгъйнъ усу, а потомъ надѣваютъ на него бѣлую одежду и даютъ ему въ руки чашку, наполненную хлѣбными сѣменами. Служеніе состоитъ изъ чтенія Найманъ гэгэнъ, үлдзэй-дабхуръ, Сая-пинъ-ба, Окторгойнъ цзүрүхэнъ, Сиддидү и Билікъ барамитъ. При чтеніи йөрөлей, входящихъ въ составъ каждой изъ этихъ молитвъ, человѣкъ, надъ которымъ совершается обрядъ, долженъ подбрасывать вверхъ хлѣбныя зерна, которыя онъ держитъ въ рукахъ. По окончаніи хурала, приготовленное возвышеніе тотчасъ же срывается, а приносимыя жертвы, равно какъ стоящее при обрядѣ животное и лежащее здѣсь платье поступаютъ въ награду ламамъ.

Обрядъ «Чжилйнъ оролгөнъ» совершается надъ монголомъ-буддистомъ періодически черезъ двѣнадцать лѣтъ, т. е. въ годовщину того циклическаго знака, въ который каждый родился. Обрядъ совершается собственно ради испрошенія человѣку долгоденствія и отгнанія причинъ его смерти, которыхъ почитается такъ много, что, по отзыву буддистовъ, не помѣстится и на бумагѣ, если описывать ихъ всѣ (ᠪᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠨᠠᠭᠤ) Богослуженіе совершается въ степи. Въ землю втыкаютъ палку, гладко выточенную и высотой нѣсколько больше маховой сажени; посрединѣ ея привязываютъ шелковую нитку краснаго цвѣта, а на верхушку надѣваютъ шапку, нарочно сшиваемую къ обряду, изъ заячей кожи. Относительно этой кожи существуетъ то постановленіе, что къ ней не должны были прикасаться собачьи зубы, почему зайца, изъ шкуры котораго готовятъ шапку обряда чжилйнъ оролгөнъ, непремѣнно стрѣляютъ, а не охотятся на него съ собаками. За симъ на особомъ клочкѣ бумаги пишутъ имя человѣка, надъ которымъ совершается обрядъ, а

равно названіе его рода и кости; бумажку эту зашиваютъ въ бѣлый, шерстяной мѣшочекъ и привязываютъ къ палкѣ. Впереди палки разстилаютъ бѣлый, полотняный платокъ, на которомъ тушью очерчивается кругъ, а въ этомъ кругу пишутся наименованія животныхъ двѣнадцатилѣтняго цикла въ слѣдующемъ порядкѣ: на сѣверной сторонѣ—года свиньи и мыши; на сѣверо-восточной—коровы; на восточной—барса и зайца; на юго-восточной—дракона; на южной—змѣи и лошади; на юго-западной—овцы; на западной—обезьяны и курицы; на сѣверо-западной собаки. Потомъ готовятъ изъ тѣста фигурныя изображенія этихъ двѣнадцати циклическихъ животныхъ и каждую фигурку ставятъ на ея надписи; при этомъ наблюдаютъ еще, чтобы привязанный къ палкѣ мѣшочекъ съ именемъ человѣка, за котораго совершается обрядъ, былъ обращенъ именно къ фигуркѣ того животнаго, которое знаменуетъ годъ его рожденія. Помимо сего дѣлаютъ изъ того же тѣста изображеніе тэнгрия—повелителя годовъ, извѣстнаго подъ именемъ Тэсь-хана и фигурку его сажаютъ верхомъ на фигурку того года, въ который человѣкъ родился. Въ срединѣ круга, образуемаго двѣнадцатью животными, кладутъ девяти сортовъ яства и девять драгоценностей; сбоку же платка кладутъ чулокъ съ лѣвой ноги и гашникъ отъ штановъ человѣка. На южной сторонѣ платка ставятъ еще лампы (зула), количество которыхъ должно соответствовать числу лѣтъ человѣка; по окончаніи хурала эти лампы бросаютъ въ ту сторону, гдѣ, по указаніямъ цзурухайчи, обитаютъ пять читкүровъ человѣка, надъ которыми совершается обрядъ. Чтеніе составляютъ двѣ молитвы: үлцзэй-дабхүръ и Найманъ гэгэнъ.

Послѣ совершенія обрядовъ мэнгэйнъ цзасаль и чжилинъ орогдонъ, почти каждому монголу лама является необходимымъ при совершеніи свадебнаго обряда. Слѣдуетъ замѣтить, что участіе ламъ при свадьбахъ чаще замѣчается у богатыхъ, чѣмъ у бѣдныхъ: у богатыхъ ламы помимо разрѣшенія вопроса о возможности брака, совершаютъ еще гүрюмы, отправляютъ свадебный обрядъ, служатъ молебствіе, когда ставятъ особую юрту для новобрачныхъ, освящаютъ эту юрту въ первый день пребы-

ванія въ ней новобрачныхъ, — ничего этого не бываетъ у бѣдныхъ; но ни бѣдные, ни богатые не могутъ обойтись безъ совѣщанія съ ламами о возможности брака и о назначеніи дня для совершенія онаго. Каждый монголь, намѣреваясь женить своего сына и намѣтивъ для него невѣсту, непременно отправляется въ монастырь къ цзурухъайчи и спрашиваетъ его, возможенъ ли предполагаемый бракъ. Цзурухъайчи подробно спрашиваетъ о лѣтахъ жениха и невѣсты, о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ ихъ рожденія, объ ихъ именахъ, отличительныхъ примѣтахъ и всѣ эти показанія соотнобразяетъ съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. При этомъ оказывается иногда, что судьба подлежащихъ двухъ лицъ такъ различна, что соединить ихъ было бы положительнымъ несчастіемъ, бракъ въ этомъ случаѣ конечно не возможенъ; по большей части однако случается, что однѣ примѣты жениха и невѣсты предвѣщаютъ имъ взаимное счастье, а другія, напротивъ, рисуютъ имъ невзгоды въ жизни. При такихъ обстоятельствахъ цзурухъайчи даетъ разрѣшеніе на бракъ, но предупреждаетъ, что для устраненія могущихъ быть такихъ-то и такихъ-то несчастій, необходимо отслужить такіе-то и такіе-то гүрюмы. Молебствій этого рода множество: одни предотвращаютъ безплодіе, другіе — смертность дѣтей, третьи — рожденіе однѣхъ только дѣвочекъ, четвертые — главенство жены надъ мужемъ, пятые удаляютъ болѣзни, шестые — бѣдность, седьмые — падежъ скота и т. д. и т. д. По совершеніи этихъ гүрюмовъ, монголь снова отправляется къ цзурухъайчи, чтобы узнать отъ него счастливый день для свадьбы и обстоятельства, при которыхъ она должна быть совершена. Цзурухъайчи опять соотнобразяетъ возрастъ жениха и невѣсты, годы, мѣсяцы и дни ихъ рожденія съ показаніями астрологическихъ священныхъ книгъ. Главнѣйшія данныя для опредѣленій дня свадьбы извлекаются изъ 23-й главы Вайдүрья-карпо и сообразно указаній этого же сочиненія цзурухъайчи опредѣляетъ какъ всѣ побочныя обстоятельства, такъ и то какой нѣмъ долженъ быть прочитанъ при совершеніи брачнаго обряда.

Что касается этихъ побочныхъ обстоятельствъ при свадьбѣ, то они состоятъ: а) въ выборѣ часа, въ который должна невѣста

выѣхать изъ своего дома и приѣхать въ домъ жениха; б) въ указаніи мужчины, который долженъ сажать невѣсту на лошадь; в) въ опредѣленіи масти лошади, на которой невѣста должна ѣхать и г) въ указаніи «приносящаго счастье и святость» человѣка (𐰽𐰺𐰸𐰸 𐰽𐰺𐰸𐰸 𐰽𐰺𐰸𐰸), который долженъ перевести невѣсту черезъ порогъ жениховой юрты. Въ частности, выборъ часа, въ который невѣста должна выѣхать изъ своего дома, обусловливается положеніемъ на небѣ тѣхъ двѣнадцати свѣтилъ, которые управляютъ жизнью каждаго человѣка; необходимо, чтобы на путь невѣсты не бросали своихъ лучей тѣ звѣзды, подъ вліяніемъ свѣта которыхъ совершается ея несчастіе и напротивъ она можетъ ѣхать только тогда, когда ей будетъ сопутствовать ея счастливая звѣзда, — только съ восходомъ этой звѣзды можно сажать невѣсту на лошадь для переправы къ жениху, что совершается особымъ человѣкомъ, который стоитъ къ невѣстѣ въ извѣстномъ отношеніи по годамъ рожденія и потому называется ея «ибѣль» (𐰽𐰺𐰸𐰸). Слово «ибѣль» нѣсколько не точно передается въ нашихъ словаряхъ словомъ «сверстникъ»; но это послѣднее означаетъ однолѣтка, ибѣль же бываетъ всегда или на четыре, или на восемь лѣтъ старше. Такимъ образомъ для человѣка, родившагося въ годъ мыши, ибѣль будетъ въ человѣкѣ, родившемся въ годъ зайца и курицы; къ году коровы ибѣль — годъ дракона и собаки и т. д. весь двѣнадцати лѣтній циклъ. Для опредѣленія масти лошади, на которой должна ѣхать невѣста, служить уже представленный выше шестидесяти-лѣтній циклъ съ указаніемъ соотвѣтствующихъ каждому году бурхановъ и ихъ лошадей; невѣста должна ѣхать на лошади, соотвѣтствующей году ея рожденія. Наконецъ опредѣленіе «приносящаго счастье и святость» человѣка, который долженъ перевести невѣсту черезъ порогъ жениховой юрты, обусловливается также годами рожденія невѣсты. Точнѣе, для опредѣленія его, двѣнадцати-лѣтній циклъ въ его послѣдовательномъ порядкѣ разбивается на три части, по три года въ каждой, и четвертый годъ будетъ годомъ человѣка «приносящаго счастье и святость»; такимъ образомъ для невѣсты, родившихся въ 1-й, 2-й и 3-й годъ цикла, человѣкомъ «принося-

щимъ счастье и святость» будетъ родившійся въ 4-мъ году; для родившихся въ 5-й, 6-й и 7-й годъ цикла — родившійся въ 8-мъ году; для родившихся въ 9-й, 10-й и 11-й годъ цикла — родившійся въ 12-мъ году. Но понятно, что при такомъ дѣленіи было бы невозможно удовлетворить всѣхъ невѣстъ и дѣвицы, родившіяся въ года 4-й, 8-й и 12-й года, не имѣли бы для себя «приносящихъ счастье и святость»; на этотъ конецъ означенные годы поставляются на второе мѣсто послѣдующаго порядка. По сему формула о человѣкѣ «приносящемъ счастье и святость», излагается такъ:

Для невѣстъ, родившихся въ 1-мъ, 12-мъ, 2-мъ и 3 годахъ, человѣкъ, «приносящій счастье и святость» есть родившійся въ 4-мъ году.

Для невѣстъ, родившихся въ 5-мъ, 4-мъ, 6-мъ и 7-мъ годахъ, человѣкъ, «приносящій счастье и святость» есть родившійся въ 8-мъ году, и наконецъ.

Для невѣстъ, родившихся въ 9-мъ, 8-мъ, 10-мъ и 11-мъ годахъ, человѣкъ «приносящій счастье и святость», есть родившійся въ 12-мъ году.

Что касается до чтенія нѣмовъ, отправляемаго при бракосочетаніи, то здѣсь читаются въ первыхъ макталы тѣхъ бурхановъ, въ года которыхъ родились женихъ и невѣста, а потомъ еще особый йѳрѳль, специально составленный на случай бракосочетанія. Йѳрѳль этотъ называется «послѣдованіе поклоненія невѣсты» (ལྷོ་མོ་ལྷོ་མོ་ལྷོ་མོ་ལྷོ་མོ་ལྷོ་མོ་) и отправляется такъ:

Предварительно прибытія невѣсты въ юрту жениха, здѣсь открываютъ бурхановъ, среди которыхъ необходимо ставится изображеніе бурхана Аюши и передъ всѣми ними ставятъ лампаду и хучжй, а равно семь обычныхъ жертвъ. Помимо сего на особомъ столикѣ, въ красномъ углу, приготовляются жертвы «табунъ хусэлъ», на этотъ разъ состоящія изъ маленькаго оловяннаго зеркала (толи); небольшой деревянной дудочки, мушкатнаго орѣшка, нѣсколькихъ кусочковъ леденцоваго сахара и клона шелковой матеріи, или шелковаго хадака. Къ этому присоединяется еще блюдо съ растопленнымъ масломъ, или курдючнымъ

жиромъ, разрѣзаннымъ кусочками. Все это назначается въ жертву богу огня, а потому и не ставится передъ бурханами. По прибытіи невѣсты, ее сажаютъ вмѣстѣ съ женихомъ у порога, а ламы начинаютъ сначала читать йѳрѳли бурханамъ, окончивъ же ихъ приступаютъ къ обряду «поклоненія невѣсты». Первенствующій лама встаетъ съ своего мѣста и произноситъ слѣдующую рѣчь:

«Подобно тому какъ, начиная отъ временъ Махà-самадї-сэ-цэнъ-хāна, впослѣдствіи владыка верховнаго, священнаго ученія Сронцзāнъ-гамбѳ-хāнъ, святой повелитель Чингїсь-хāнъ и прочіе, многообразныя, большіе и малые хāны, а равно и ихъ данники привозили невѣсты отъ чужихъ, неродственныхъ очаговъ, совершали йѳрѳли при посредствѣ могущественныхъ и важныхъ особъ, устраивали нарочито большіе и радостныя пиры и веселились въ полномъ безмятежїи,—нынѣ, послѣдую всѣмъ старымъ обычаямъ, отцы и матери, соединившись въ своихъ намѣренїяхъ, испросили одобренїя у всѣхъ родственниковъ и свойственниковъ, получили указанїя отъ верховныхъ мудрецовъ, приготовили различныя прекрасныя дары и привезли эту, извѣстную своимъ благонавіемъ дѣвушку. Ее отправилъ въ путь ея пѳль по лѣтамъ и прибыла она, по волѣ предопредѣленїя, въ счастливый часъ, исполненный превосходныхъ предзнаменованїй. Въ настоящемъ мѣстѣ чрезвычайной радости эту дѣвушку встрѣтилъ человекъ, «приносящїй счастїе и святость», онъ отворилъ (передъ нею) широкїя, большїя двери, онъ перевелъ ее черезъ высокїй, большой порогъ. Пришелъ женихъ и теперь, посадивши ихъ обоихъ на урочное мѣсто и заставивъ ихъ нелицемѣрно преклонить колѣна передъ всѣмъ, что составляетъ предметъ нашихъ чествованїй, мы, при обстоятельствѣ этого перваго поклоненїя невѣсты, воспоемъ по обычаю».

(При этомъ приглашенїи первенствующаго въ совершенїи обряда ламы, унзатъ немедленно начинается, а прочїе участвующїе ламы подхватываютъ слѣдующую молитву).

«Спасительный лама и три драгоценности, обладающїе чрезвычайными силами генїя-хранители священнаго ученїя, чрез-

мѣрно просвѣщающій всѣхъ и все тѣнгри огня съ своими сотоварищами, милосердуа, соизвольте придти сюда!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи года и обладающую превосходными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ руководительнымъ ламою-хранителемъ. Соизволь преподать ей благословеніе на всегдашнее довольство!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи мѣсяца и обладающую нерушимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ благопришедшимъ бурханомъ. Соизволь благословить ее быть полезною ханскому правленію!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи дня и обладающую исключительно хорошими благожеланіями, мы преклоняемъ передъ верховымъ и высокимъ ученіемъ (ᠲᠠᠨᠢ ᠠᠨᠢᠭᠦᠨ ᠲᠠᠨ ᠪᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ). Соизволь исполнить ее всякаго рода добродѣтелями!

«Эту дѣвушку, пришедшую во благовременіи часа и обладающую неизчислимыми благожеланіями, мы преклоняемъ предъ сонмомъ высокихъ хувараковъ. Соизволь сдѣлать ее нарочито счастливой и удачливой!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ урочища, въ которое пріятно ходить, и обладающую старинными, прекрасными благожеланіями, мы преклоняемъ предъ Аїши бурханомъ, — руководителемъ. Соизволь пожаловать ей святость долголѣтія!

«Эту дѣвушку, пришедшую изъ мѣсть, извѣстныхъ своимъ добрымъ правленіемъ и обладающую кроткимъ нравомъ, мы преклоняемъ предъ неудержимыми геніями-хранителями священнаго ученія. Соизвольте умирить все, что способно поставить ей препятствія къ доброй дѣятельности!

«Эту дѣвушку, введенную человѣкомъ, приносящимъ счастье и святость и прибывшую съ разрѣшенія правителей, мы преклоняемъ передъ геніемъ хранителемъ имущества. Соизволь преподать ей полныя добродѣтели и счастье!

Эту дѣвушку, пришедшую изъ всегда радостнаго урочища и обладающую прочнымъ спокойствіемъ, мы преклоняемъ передъ могущественнымъ геніемъ-хранителемъ огня. Соизволь обосновать ей распространяющееся во всѣ стороны благо!

При каждомъ этомъ отдѣльномъ стихѣ невеста встаетъ съ своего мѣста и дѣлаетъ земной поклонъ; по окончаніи же поклоненій она садится рядомъ съ женихомъ, по правую сторону его; обоимъ имъ подають баранью ляжку (羊腿), которую они обязаны принять и держать за края каждый правою рукою. Съ этого времени начинается принесеніе жертвъ собственно огню. Первенствующій при совершеніи обряда гэлунъ принимаетъ въ руки оловянное толи, а прочіе ламы поютъ:

«Этотъ прекрасный предметъ, вполне пріятный для зрѣнія мы приносимъ прекраснѣйшему тэнгрию огня и приглашаемъ поклониться (ему невесту).—Да распространятся величіе и красота этой по истинѣ счастливой дѣвицы!» (При этихъ словахъ невеста дѣлаетъ поклонъ, а первенствующій бросаетъ въ огонь толи и беретъ съ жертвеннаго столика деревянную дудочку. Ламы поютъ).

«Этотъ прекрасный инструментъ, издающій вполне пріятные для слуха звуки, мы приносимъ могущественному тэнгрию огня и приглашаемъ поклониться. (Снова поклонъ невесты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь дудочку и принимаетъ въ руки мушкатный орехъ; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йёрдлемъ): Да звучитъ добрая слава объ этой, обладающей прекрасною участью дѣвушкѣ!»

«Эту благовонную вещь, чрезвычайно пріятную для обонянія, мы приносимъ просвѣщающему мракъ тэнгрию огня и приглашаемъ поклониться! (Поклонъ невесты; первенствующій бросаетъ въ огонь мушкатный орехъ и принимаетъ въ руки кусочки сахара и другія пряности, а ламы заканчиваютъ стихъ йёрдлемъ): Да будетъ въ совершенной милости у всѣхъ эта, имѣющая неотвратимыя, добрыя предопредѣленія дѣвушка!»

«Эти прекрасныя яства, вполне пріятныя для вкуса, мы приносимъ высочайшему генію огня и приглашаемъ поклониться. (Поклонъ невесты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь кусочки сахара и беретъ въ руки шелковую ткань; ламы между тѣмъ заканчиваютъ стихъ йёрдлемъ): Да исполнится всѣми, какія только есть,

вещами и имуществами эта, имѣющая непоколебимую и прекрасную судьбу дѣвушка!»

«Эти шелковыя ткани, пріятныя на осязаніе, мы приносимъ мудрѣйшему тэнгрию огня и приглашаемъ поклониться. (*Поклонъ невесты; первенствующій лама бросаетъ въ огонь шелкъ, а ламы заканчиваютъ стихъ йорѳлемъ*). Да исполнится прекраснѣйшихъ нарядовъ и украшеній эта дѣвушка, обладающая счастливою судьбою, по которой ей приноситъ удачу всякій подарокъ!

Принесли эти пять жертвъ, лама беретъ чашку съ растопленнымъ масломъ, а все присутствующіе по пяти кусочковъ сала; ламы снова начинаютъ чтеніе:

«Могущественнѣйшій тэнгри огня вмѣстѣ съ своими товарищами, вкусивъ этихъ жертвъ, соизвольте преподать покой, миръ, блескъ, величіе, долгоденствіе, богатство и силы этимъ (имя рекъ) брачующимся! (*Первенствующій лама льетъ на огонь масло, а все прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Всѣ дѣла, клонящіяся къ ихъ спокойствію и прославленію, устрояйте мирно и легко; кротко и благопрістойно жалуя ихъ своимъ дружествомъ, исполняйте во благое все, что они задумаютъ! (*Первенствующій снова льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Соизвольте навсегда исполнить ихъ единомыслія и здоровья, безграничнаго увеличенія рода, полнаго согласія въ дѣятельности съ священнымъ ученіемъ и всего добраго! (*Первенствующій снова льетъ масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Небо и земля, представляя собою мудрость и средства, производятъ все доброе; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да распространяютъ во кругъ себя добродѣтели! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

«Солнце и луна, представляя собою мудрость и средства, постоянно освѣщаютъ своимъ свѣтомъ всю вселенную; подобно сему и эти двое (имя-рекъ), соединившись вмѣстѣ, да пребываютъ во вѣки въ чистотѣ! (*Первенствующій льетъ въ огонь масло, а прочіе бросаютъ по кусочку сала*).

Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ, Омъ-ма-хумъ».

Этимъ оканчивается при бракосочетаніи обрядъ религіозный.

Лѣтъ 35-ти, или 40-ка каждый монголь если не принимаетъ обѣтовъ убашй, то уже непременно налагаетъ на себя такъ называемый въ просторѣчій «бацагъйнъ санваръ», т. е. обѣты поста, а на языкѣ ламъ имянующійся «найманъ гэшигүтү санваръ» т. е. обѣтъ, состоящій изъ восьми членовъ. Собственно особаго посвященія при принятіи этого обѣта не существуетъ. Желающій исполнять бацагъйнъ санваръ, долженъ только получить наставленіе и подробное указаніе отъ ламы о томъ, какъ должно принимать и выполнять обѣты, а за тѣмъ можетъ уже принимать этотъ обѣтъ по своей доброй волѣ и самъ просто передъ кумиромъ будды, когда хочетъ и на какое хочетъ время. Наставленія и подробныя указанія ламъ изучиваются при этомъ обыкновенно практически. Яспѣе сказать, если кто изъ монголовъ захочетъ принимать обѣты, онъ является къ ламѣ, сообщаетъ ему о своемъ желаніи и проситъ его руководства. Лама спрашиваетъ, какъ именно хочетъ исполнять обѣты его милостынедатель, ибо въ этомъ исполненіи бываетъ большая разница. Одни, и это будетъ громадное большинство монголовъ, принимаютъ обѣты поста такъ, чтобы выполнять ихъ каждый бацакъ, или что тоже 8-го, 15-го и 30-го чисель каждаго мѣсяца; другіе обѣщаются держать постъ только въ дни великихъ праздниковъ (дуйчингъйнъ санваръ); иные желаютъ наконецъ исполнять постъ только въ извѣстный день, разъ въ годъ. Въ первомъ случаѣ лама, приглашенный быть руководителемъ, ѣздитъ обыкновенно въ юрту своего милостынедателя въ каждый день бацака, читаетъ съ своимъ милостынедателемъ молитву обѣтовъ и учитъ его всей обрядности до тѣхъ поръ, пока тотъ не изучитъ всего, что должно ему дѣлать; также поступаютъ во второмъ случаѣ; постники третьяго рода обыкновенно остаются въ юртѣ своего ламы руководителя, или приглашаютъ его къ себѣ на домъ и выучиваютъ молитву поста, и обрядъ исполненія его сразу. Принятіе и исполненіе этихъ обѣтовъ совершается такъ.

Желающій принять обѣтъ долженъ встать рано по утру,

вымыть себѣ руки до той степени, пока на нихъ будутъ видны всѣ черты, потомъ раскрыть находящееся въ его юртѣ изображеніе будды, приготовить жертвы и лампаду, наконецъ разуть ноги, стать шагахъ въ пяти отъ кумировъ, трижды поклониться и произнести:

«Омъ-сарва-та-та-га-та-идамъ-гуру-ратна-ман-да-ла-га-нирья-да-я-ми. (При этихъ тѣрни должно поднести бурхану мандаль). За тѣмъ ставъ на колѣна, сложивъ ладони на груди и представляя находящееся впереди изображеніе будды дѣйствительнымъ буддою, принимающій обѣтъ долженъ такъ подумать: «Я, услышавъ чистымъ сердцемъ, что будды говорили: «съ этой минуты пока не взойдетъ завтрашнее солнце, приму и сохранию обѣты поста ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ»; «пожелалъ подражать имъ». За симъ онъ произноситъ вслухъ:

«Я (имя рекъ) съ этого времени и пока живъ, вѣрую въ будду, высочайшаго изъ двуногихъ; вѣрую въ высочайшее ученіе, отрѣшенное отъ страстей; вѣрую въ сонмъ хуvaraковъ, — верховный изъ сонмовъ. Соболаговолите принять мнѣ съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце обѣты восьмичленаго поста!

(Эти слова принимающій обѣтъ долженъ произносить трижды, и когда скажетъ ихъ въ третій разъ, то долженъ думать, что онъ уже сподобился принять обѣты; а потому можетъ говорить такъ):

«Всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали въ теченіе всей своей жизни никогда не лишать жизни ни какихъ существъ и воздерживались отъ убійства. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ) съ этого времени пока не взойдетъ завтрашнее солнце, порѣшивъ не лишать жизни существъ, буду воздерживаться отъ убійства. Въ этомъ первомъ членѣ (обѣтовъ) я послѣдую ученію святыхъ, изучу его, выполню его, совершу его. Кромѣ того всѣ святые и побѣдители враговъ рѣшали оставить на всю жизнь захватывать (присвоивать себѣ) то, что не дано, любострастіе, ложь, употребленіе вина изъ плодовъ и варенаго вина, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣшиваніе украшеній, натираніе благовоніями и сидѣніе на

высокихъ сѣдалищахъ, безвременное принятіе пищи и отъ всего этого они воздерживались. Такимъ же образомъ и я (имя рекъ), начиная съ этой минуты и пока не взойдетъ завтрашнее солнце, рѣшилъ оставить захватъ того, что не отдано, любострастіе, ложь, фруктовое вино и вареное вино, пьянство и неосмотрительность, пляски, пѣніе, звуки радости и ликованія, привѣщиваніе украшеній, натираніе благовоніями, сидѣніе на высокихъ сѣдалищахъ и безвременное принятіе пищи; отъ всего этого я воздержусь и чрезъ сіе изучу наставленія святыхъ и побѣдителей враговъ, выполню ихъ, совершу ихъ».

Слова эти должно произнести три раза. Потомъ принявшій обѣты поста долженъ встать, снова сдѣлать три поклона, помолиться сколько онъ захочетъ, сѣсть на коверъ и размышлять о вѣрѣ. Вообще въ теченіе этого дня онъ долженъ ходить вокругъ священныхъ предметовъ, поклоняться имъ, возносить предъ ними жертвы, лампы и куренія, читать мѣни и микчжымъ, читать какія либо священныя книги и прилежать ко всему доброму. Онъ постоянно долженъ быть осмотрительнымъ въ отношеніи своего тѣла, языка и мысли и воздерживаться отъ грѣховныхъ дѣлъ; въ особенности же необходимо ему стараться о должномъ исполненіи принятыхъ обѣтовъ 8-ми членнаго поста. Утромъ ему позволяется выпить чаю и сѣсть бульону, приправленнаго мукою, въ полдень сѣсть обѣдъ но не иначе какъ изъ растительныхъ веществъ (пища такого рода, т. е. постная называется *Сендзю*); послѣ полудня кромѣ питья и растворяющагося въ питьѣ, подобно тому какъ напр. сахаръ растворяется въ чаю, ему должно оставить употребленіе всякой пищи. Предъ началомъ обѣда и послѣ принятія пищи должно полоскать ротъ водою. Исполнивъ такимъ образомъ въ теченіе одного дня это дѣло чистой добродѣтели и переночевавъ, принявшій обѣты на другой день встаетъ съ разсвѣтомъ, поклоняется предъ изображеніемъ будды, читаетъ молитву, какую знаетъ, снова приноситъ мандаль или жертвы и, попросивъ себѣ у будды святости, считаетъ обѣтъ оконченнымъ.

Но принятіе обѣтовъ поста, по ученію буддистовъ, служить

лишь однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ для личнаго совершенства человѣка; между тѣмъ такое совершенство, находясь даже на самой высокой степени, еще не можетъ служить залогомъ для пріобрѣтенія святости. Буддйская святость исключаетъ всякое субъективное стремленіе и чтобы быть святымъ по буддизму, человѣкъ долженъ дѣлать добро не для собственнаго блага, не для возвышенія нравственныхъ достоинствъ своего я, а ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ. Для людей, не посвященныхъ въ духовное званіе, вспомогательнымъ и чрезвычайнымъ средствомъ къ такому отрѣшенію отъ своего я и къ пріобрѣтенію силы дѣйствовать на благо одушевленныхъ существъ, служитъ принятіе такъ называемыхъ абишйковъ, или посвященій, въ которыхъ буддистъ ввѣряетъ себя покровительству того или другаго бодисатвы и обѣщается идти и дѣйствовать по пути его. Самые распространенные въ Монголіи абишйки это—абишйкъ Аюши и абишйкъ Ямандагй. Мнѣ лично не приходилось ни разу видѣть совершеніе этого хурала, хотя и случалось бывать въ тѣхъ улусахъ и хотонахъ, гдѣ преподавался абишйкъ. Дѣло въ томъ, что принятіе абишйка ламы считаютъ великимъ таинствомъ и не допускаютъ къ нему даже не изъявившихъ желаніе принять самый абишйкъ буддистовъ; нечего говорить конечно о невѣрующемъ иностранцѣ. Впрочемъ, благодаря бесѣдамъ съ ламами и нѣкоторыми простолюдинами, а равно и кое какимъ личнымъ наблюденіямъ я узналъ кое что объ этомъ обрядѣ и считаю долгомъ сообщить о немъ хотя бы то отрывочныя свѣдѣнія.

Въ Монголіи абишйкъ ни когда не дается одному человѣку и для принятія его собираются цѣлыя компаніи въ 200,300 человѣкъ. Преподаетъ абишйкъ всегда какой нибудь знатный лама, или же одинъ изъ болѣе старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ хубилгановъ. Когда такимъ образомъ соберется общество желающихъ принять абишйкъ, оно выбираетъ изъ себя членовъ, которые должны отправиться къ намѣченному ламѣ, или хубилгану съ просьбою преподать абишйкъ. Такое посольство бываетъ обыкновенно, по крайней мѣрѣ, за годъ до принятія абишйка, такъ

какъ, по правиламъ, просить ламу о подаяніи абишійка должно три раза и только въ третій разъ лама можетъ изъявить свое согласіе и назначить мѣсто, гдѣ должны собраться для совершенія этого обряда ревнующіе о святости милостынедателя. Къ назначенному дню и въ условленномъ мѣстѣ воздвигается новая, бѣлая юрта, въ которой долженъ совершаться обрядъ. Посреди ея на особомъ столѣ раскладывается рисунокъ «хотò манда́ла» того бурхана, въ честь котораго дается абишійкъ; на первое время обряда этотъ рисунокъ бываетъ впрочемъ покрытъ шелковою пеленою; тѣмъ не менѣе во все время обряда вокругъ него, по четыремъ сторонамъ стола, устанавливаются четыре тахильйи́нъ ширѣ, наполненные жертвами, лампадами, дымящимися хучжй и проч. Надъ всею этою святыней устраивается родъ балдахина (ᠪᠠᠯᠠᠳᠠᠬᠢᠨ), кругомъ увѣшаннаго хадака́ми, чжалца́нами, бада́нами, фонарями и проч. украшеніями. Съ лѣвой стороны юрты устраивается возвышенное сѣдалище для ламы, преподающаго абишійкъ; передъ нимъ поставляется столикъ, на которомъ кладутъ очйръ, колокольчикъ, дамàру, бумба́ съ арша́номъ и ма́нда́лъ съ ячменными зёрнами. По бокамъ отъ этого сѣдалища ламы располагаются чжаба́даны сослужащихъ ему хуварàковъ. За день до совершенія обряда, всѣ, принимающіе абишійкъ, совершаютъ обрядъ восьмичленнаго поста. Въ самый день совершенія абишійка, ламы предварительно совершаютъ хурàль «туй үргүхү», по окончаніи же его, по звуку раковины собираются всѣ, желающіе принять абишійкъ. Въ это время по бокамъ дверей юрты становятся два гэлүна, держащіе цзабьа́ съ арша́номъ. Каждый, имѣющій войти въ юрту, напередъ подходитъ къ одному изъ гэлүновъ и получаетъ отъ него арша́нъ, которымъ полощетъ ротъ, отираетъ голову, руки и ноги. Это называется обрядомъ омовенія пяти членовъ тѣла (ᠠᠨᠠᠯᠠᠳᠤ ᠠᠨᠠᠯᠠᠳᠤ ᠠᠨᠠᠯᠠᠳᠤ) и только по совершеніи этого обряда каждый получаетъ право войти въ юрту. Когда всѣ, омывшись, войдутъ въ юрту и сядутъ на свои мѣста (обыкновенно народу бываетъ такъ много, что принимающіе обѣты буквально сидятъ одинъ на другомъ), лама начинаетъ свою рѣчь къ собравшимся. Онъ говоритъ имъ о

важномъ значеніи таинства, о томъ, какъ должно приступать къ нему и предупреждаетъ, что всѣ, принявшіе абишйкъ, должны свято хранить его тайну послѣ того, какъ хураль будетъ оконченъ и посвященіе преподано.

Самое совершеніе обряда начинается принесеніемъ мандаля имѣющему совершать посвященіе ламѣ; подносятъ мандаля обыкновенно самые почетнѣйшіе изъ готовящихся принять таинство, остальные же только почтительно вытягиваютъ свои руки, дѣлая видъ, что и они участвуютъ въ этомъ поднесеніи. По окончаніи церемоніи мандаля, лама начинаетъ свою рѣчь о чрезвычайномъ значеніи таинства, при которомъ все, поврежденное нравственно существо принимающихъ абишйкъ должно будетъ придти въ соприкосновеніе съ божествомъ, неизъяснымъ, сильнымъ и великимъ. Это соприкосновеніе должно будетъ очистить всѣ ихъ пороки, исправить всѣ недостатки ихъ духа. Но съ другой стороны это необычайное соприкосновеніе можетъ быть и губельно для неприготовленныхъ къ оному, приѣмлющихъ абишйкъ, подобно тому какъ можетъ губельно подѣйствовать цѣлебная мазь, заставляющая прорваться еще не созрѣвшій нарывъ (འཇམ་མཚོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་): явленіе божественнаго духа можетъ ослѣпить не привыкшихъ къ общенію съ нимъ. Въ предохраненіе этой опасности лама почитаетъ необходимымъ дать повязку на глаза готовящихся къ таинству, которая при томъ будетъ способствовать и сосредоточенію ихъ духа въ самомъ себѣ, препятствуя ему развлекаться предметами видимаго міра. Послѣ этого лама встаетъ и, произнося тѣрни, повязываетъ глаза каждому, принимающему абишйкъ, особою повязкою, дѣлаемою изъ шелковой матеріи (флерь) краснаго цвѣта. Ламы между тѣмъ начинаютъ чтеніе молитвъ, въ которыхъ призывается божество, долженствующее низойти на всѣхъ этихъ людей и освятить ихъ. Всѣ эти молитвы испещрены произнесеніемъ тарнистическихъ словъ, послѣднія же изъ этихъ тѣрни имѣютъ силу очистить тѣло, языкъ и мысль принимающихъ абишйкъ. Ихъ произноситъ только одинъ лама, дающій посвященіе и произноситъ надъ каждымъ посвящаемымъ отдѣльно, вливая ему при этомъ въ ротъ три

чайныхъ лошечки аршана, смѣшаннаго съ камфорой. Окончивъ эту раздачу, лама повелѣваетъ имъ быть убѣжденными, что они очистились отъ грѣховъ и представить себѣ, что тѣло ихъ сдѣлалось прозрачно и чисто какъ хрусталь. За симъ читается молитва къ буддамъ, въ которой посвящаемымъ испрашиваются духовныя силы, чтобы положить въ своей душѣ начало возрожденію святыхъ мыслей. Какъ видимый знакъ этого возрожденія лама знаменуетъ крестообразно грудь каждаго посвящаемаго очиромъ; а чтобы не дать злымъ духамъ похитить у нихъ спасительныя ростки добродѣтели, даетъ еще каждому посвящаемому сакѹсунъ (предохранительный талисманъ), являющійся въ видѣ одѣваемой на лѣвую руку повязки изъ шелковыхъ нитокъ (цзангя), въ три пяди длиною. Этимъ обыкновенно и оканчивается обрядъ посвященія въ первый день. Я уже говорилъ выше, что число посвящаемыхъ обыкновенно бываетъ отъ 200 до 300 человѣкъ, такая масса народа значительно затягиваетъ обрядъ: не рѣдко одна раздача аршана занимаетъ времени часа полтора, или два, тоже самое время проходитъ при наложеніи на грудь очира и при повязкѣ сакѹсуна. Оканчивая обрядъ на первый день, лама завѣщаетъ каждому изъ принимающихъ таинство слѣдить въ ту ночь за своими сновидѣніями, такъ какъ послѣднія служатъ лучшимъ свидѣтельствомъ того, насколько святость абишика проникла въ душу принимающаго его. Съ этою цѣлью онъ раздаетъ каждому изъ посвящаемыхъ по два стебелька травы — гуща и приказываетъ на ночь положить одинъ изъ этихъ стебельковъ подъ голову, а другой подъ ноги. Лучшими сновидѣніями почитается: пить вино, ѣсть сырое мясо, видѣть бурхановъ, сидѣть среди собранія духовенства, всходить на высокую гору; худые признаки выражаются въ сновидѣніяхъ: ѣздить на верблюдѣ, быть въ грязи, видѣть черный цвѣтъ, быть одѣтымъ въ тяжелое платье и проч.

На другой день, изъяснивъ сновидѣнія видѣвшимъ ихъ, лама продолжаетъ обрядъ опять таки удостовѣреніемъ посредствомъ гаданія дѣйствительно ли всѣ изъ принимающихъ абишикъ очистились и готовы къ принятію посвященія. Теперь онъ садится

на своемъ сѣдалищѣ, а одинъ изъ прислуживающихъ ламъ ставитъ предъ нимъ мандаля съ насыпанными на немъ зернами. Взявъ маленькую палочку, называемую стрѣлою (сумунъ, вѣроятно, по наружному сходству ея съ этимъ оружіемъ, такъ какъ съ одной стороны она заострена, а съ другой на ней наклеены лепестки замбагай), лама передаетъ ее въ руки первому, подходящему для принятія абишйк и произноситъ при этомъ тәрни: «омъ-базаръ-хаса-ха». Принимающій абишйкъ беретъ эту палочку, устанавливаетъ ее между двумя большими и двумя безыменными своими пальцами и, произнося тѣ же тәрни «омъ-базаръ-хаса-ха», спускаетъ палочку на зерна, находящіяся на мандаля. Такимъ же образомъ продѣлываютъ это гаданіе и всѣ прочіе. Если палочка, упавъ на зерна, станетъ стойкомъ, это самый лучший признакъ; если упадетъ по направленію къ ламѣ, то это тоже хорошо; но худой признакъ, если упадетъ она на полъ, — въ такомъ случаѣ бросаніе повторяется до трехъ разъ. По правиламъ, тотъ у кого палочка упадетъ на полъ три раза, долженъ быть изгоняемъ изъ среды принимающихъ абишйкъ, но этого никогда не соблюдается. За симъ, когда гаданіе бываетъ окончено, лама встаетъ съ своего мѣста, подходитъ къ столу, на которомъ разложенъ хотò мандаля, снимаетъ покрывающую его пелену и приглашаетъ всѣхъ «войти въ мандаля», то есть посмотреть все устройство жилища бурхана. Посвящаемые раздѣляются на партіи человекъ въ 20-ть или 30-ть и по очереди окружаютъ столъ, а лама беретъ въ руки зажженную хұчжй и, употребляя ее вмѣсто указки, объясняетъ слушателямъ каждой партіи значеніе мандаля, его раздѣленіе и принадлежности, называетъ по именамъ всѣхъ, изображенныхъ на немъ бурхановъ и т. д. Когда всѣ будутъ введены въ мандаля, лама приступаетъ къ новому отдѣлу обряда, называемому «возвышеніемъ золотаго цвѣтка» (འཕགས་ལྗོངས་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་ལྷ་མོ་). Для этого онъ раздаетъ всѣмъ принимающимъ абишйкъ по пяти зеренъ, приказываетъ каждому выбрать изъ нихъ самое большое и положить на голову; засимъ онъ произноситъ тәрни, послѣ которыхъ каждый изъ посвящаемыхъ долженъ представить, что лежащее на головѣ его зерно уже превратилось въ золотой цвѣ-

токъ. Вслѣдъ за новымъ произнесеніемъ тарни каждый долженъ подходить къ ламѣ, передать ему свое зерно и, получивъ отъ него это зерно обратно, утвердить его между двумя безымянными пальцами, а потомъ бросить его на мандалъ. Имя того бурхана, на котораго упадетъ зерно, дается посвящаемому. Послѣ этого, при чтеніи особыхъ молитвъ, посвящаемымъ даются священныя одежды: бѣнцзаль, додъ-йкъ и чжодбонъ; но, за недостаткомъ костюмовъ, надѣваютъ ихъ обыкновенно не всѣ: лама, давъ ихъ пяти или шести человѣкамъ, остальнымъ предоставляетъ вообразить, что они также одѣлись въ эти костюмы. Обрядъ послѣ сего оканчивается чтеніемъ йѳрѳля посвященнымъ.

Всѣ вышеуказанныя молебствія монголъ совершаетъ собственно ради спасенія лично своихъ души и тѣла; но, какъ я сказалъ уже выше, каждый хозяинъ, и особливо богатый, считаетъ необходимымъ для себя по крайней мѣрѣ разъ въ годъ освятить весь свой скотъ и все свое имущество. Молебствіе, совершаемое по этому случаю, носитъ названіе «сацүли», т. е. «кропленіе». Совершается оно по большей части въ лѣтнее время, когда уже скотъ совершенно оправится послѣ зимней голодовки и монгольскія хозяйки успѣютъ понакопить порядочное количество всякаго рода молочныхъ продуктовъ для угощенія духовенства. Особенно избранными днями для совершенія «сацүли» считаются 2-е и 16-е числа мѣсяца; хотя можно совершать его и во всѣ другіе дни. Пригласивъ изъ монастыря ламъ, монголъ, ко времени прихода ихъ, на дому у себя дѣлаетъ слѣдующія приготовленія. Въ чистое ведро наливаетъ онъ молоко отъ коровы, отелившейся въ первый разъ; богатые скотомъ стараются при этомъ непременно приготовить молоко именно отъ бѣлой коровы, потому что такая жертва считается пріятнѣе богамъ. На отдѣльныхъ тарелочкахъ (табакъ) и въ отдѣльныхъ чашкахъ раскладываютъ и разливаютъ масло, таракъ, айракъ, ўрумэ, изюмъ, леденцовый сахаръ, жужубы, кедровыя орѣхи и другіе плоды, пріобрѣтаемые покупкою отъ китайцевъ. Съ ранняго утра къ юртѣ сгоняется весь скотъ домовладѣльца, всѣ одѣваются въ лучшіе костюмы,—

оживленіе во всемъ хотонѣ полнѣйшее. Часовъ въ девять утра приѣзжаютъ не менѣе разряженные ламы, усаживаются и начинаютъ хуралъ, или сначала приготовленія къ хуралу. Они дѣлаютъ одинъ балнѣ въ честь докшита своего монастыря, другой — въ честь генія-хранителя имущества, третій — въ честь пяти тѣнгріевъ-хранителей хозяина дома и четвертый — въ честь генія покровителя той мѣстности, гдѣ живетъ совершающій молебствіе домохозяинъ; за симъ ламы готовятъ кадила и куренія; наконецъ берутъ помянутое ведро съ молокомъ, разбавляютъ его водою, покладываютъ нѣсколько благовонныхъ травъ и готовятъ такимъ образомъ такъ называемую Чойгѣйнъ усу.

Первымъ дѣломъ хурала является освященіе всѣхъ этихъ жертвъ и такъ какъ оно совершается черезъ произнесеніе тарни, то служеніе начинается именно ими.

«Омъ-а-хумъ-омъ-сарва-бадъ-бхура-бхура-говара-говара, аваратайя-аваратайя бацзаръ санарана ха!»

При этихъ словахъ первенствующій возвышаетъ балны въ воздухъ и въ тоже время остальные ламы начинаютъ читать призываніе божествъ.

«Геніи хранители священнаго ученія, геніи хранители имущества, совмѣстно (съ домохозяиномъ) появившіеся пять тѣнгріевъ и геніи покровитель этой мѣстности, васъ призываемъ мы! Соизвольте придти и сѣсть на коврѣ, который для васъ приготовленъ! — Бадма гамалая.

«Съ великою вѣрою приносимъ вамъ, наполняя безъ конца все пространство между небомъ и землею, облако жертвъ, могущихъ возбудить вашу радость. Соизвольте вкусить ихъ радостно!

«Приносимъ кажденіе благовоннаго дыма — жертвенную вещь.»
(*ᠠᠷᠢᠠᠭᠢᠭᠣᠯᠣᠮᠤ*).

Приносимъ кажденіе ¹⁾ въ сѣмъ ламамъ начиная съ Вачіръ

---

1) Это выраженіе «приносимъ кажденіе» въ высшей степени интересно. Дѣло въ томъ, что по буквальному монгольскому тексту слово «арчигүлүмуй», значитъ «очищаемъ», а не «приносимъ кажденіе»; но ламы, съ которыми пришлось прочитывать мнѣ «саңли», толковали мнѣ слово «арчигүлүмуй»

ствующему въ хуралѣ, а послѣдній омокаеть въ него кропило и девять разъ кропитъ вверхъ. Ламы между тѣмъ поютъ.

«Приносимъ жертву благодѣтельнымъ, основнымъ ламамъ, во главѣ которыхъ Вачиръ Даръ.

(Нижеслѣдующимъ кропятъ по три раза).

«Приносимъ жертву сонму идамъ бурхановъ четырехъ тантръ

«Приносимъ жертву всѣмъ геніямъ хранителямъ священнаго ученія, во главѣ которыхъ Махагала.

«Приносимъ жертву тэнгрямъ, родившимся совмѣстно (съ нами).

«Приносимъ жертву тэнгрямъ, дающимъ жизнь.

«Приносимъ жертву сюдѣ тэнгрямъ.

«Приносимъ жертву тэнгрямъ возраста (ᠲᠠᠨᠭᠢᠷᠢᠮᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠢ).

«Приносимъ жертву тэнгрямъ жизни (ᠲᠠᠨᠭᠢᠷᠢᠮᠤ ᠶ᠋ᠢᠨᠠᠵᠢ).

«Приносимъ жертву тэнгрямъ имущества.

«Приносимъ жертву тэнгрямъ мужчинъ.

«Приносимъ жертву тэнгрямъ женщинъ.

«Приносимъ жертву пяти долговѣчнымъ Ухйнъ тэнгрямъ.

«Приносимъ жертву двѣнадцати могущественнымъ матерямъ.

«Приносимъ жертву тремъ тысячамъ покровителей различныхъ мѣстностей.

«Приносимъ жертву генію покровителю, обитающему въ здѣшней мѣстности.

Вкусивъ этой чрезвычайной жертвы кропленія, сонзвольте преподать всѣ высочайшія сидди всѣмъ: и учителямъ, и ученикамъ, и милостынедателямъ:

держите стражу трижды въ день,

имѣйте надзоръ трижды въ ночь,

при отправленіи изъ дому — провожайте,

при возвращеніи назадъ — встрѣчайте,

содѣйствуйте къ совершенію вѣка долгаго, безболѣзненнаго,

къ исполненію всякаго желанія,

исполните до совершенства домъ имуществомъ,

устройте и увеличьте тишину и довольство,

умирите причины разлуки, болѣзнь, демоновъ (түл), препоны, ссоры и распри.

разширьте, какъ полную луну, причины согласія, вѣкъ, добродѣтели, счастье, могущество и дружество, преподайте богатства трехъ царствъ, уничтожьте враговъ и препятствія, возстающихъ и на учителей, и на учениковъ, и на милостыпедателей!

Чтобы ни дѣлали они и дома и внѣ онаго, соблюдайте, сохраните, умирите.

Соблаговолите совершиться въ этомъ мѣстѣ вѣрѣ, спасенію и счастию десяти странъ, благому развитію имущества и скота.

За симъ всѣ вы, призванные въ это мѣсто жертвоприношеній и кропленія тэнгри, порадовавшись и удовлетворивъ свое желаніе, возвращайтесь каждый въ свое мѣсто; но въ потребное время соизвольте быть нашею вѣрою, защитою и силою.

Да водворится по всюду счастье и святость силою исполненныхъ величія геніевъ хранителей священнаго ученія, пяти тэнгриевъ, появляющихся совмѣстно (съ нами) и генія хранителя этой мѣстности!»

По окончаніи этихъ чтеній всѣ выходятъ изъ юрты; первенствующій въ хуралѣ обходитъ собранные табуны и скоть домохозяйина и окропляетъ ихъ равно какъ и все прочее его имущество.

Доселѣ мы излагали только тѣ хуралы, которые совершаетъ монголь при обычномъ теченіи своей жизни, проходящей безъ всякихъ тревоженій и заботъ; но вѣдь въ жизни встрѣчаются и несчастія, которыя въ свою очередь побуждаютъ монголовъ обращаться къ буддѣ и къ посредникамъ его между простолюдинами — ламамъ. Главнѣйшее и болѣе часто встрѣчающееся бѣдствіе это — болѣзнь. Должно однако замѣтить, что не при всякой, даже тяжелой болѣзни монголь непременно зоветъ ламу совершать молебствіе: это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, если болѣзнь затягивается, если она не поддается медицинскимъ средствамъ, если она нѣсколько разъ повторяется и проч. Въ первой главѣ сочиненія, носящаго у ламъ названіе «Манлайнъ тайльбури»

и составленнаго якобы Далай ламою Габанъ-Лубсанъ-чжамцò (?) подробно перечисляются всѣ случаи болѣзней, когда нужно призывать ламу для совершенія молебствій; тамъ-же между прочимъ разказывается, что въ одно время бодисѣтва Чжанбаралъ, хубилганъ Нидубѣръ узэччя (-Аръявалокитешвара), явился къ буддѣ Шигэмунію и спросилъ его, что должно дѣлать больному человѣку въ извѣстныхъ случаяхъ болѣзни и будда прямо рекомендовалъ ему, отправлять гурюмы (т. е. молебствія). Основываясь на этомъ завѣщаніи будды, ламы и назначаютъ теперь хуралы при одрѣ больныхъ. Хуралы эти весьма разнообразны и число ихъ очень велико: ламы говорятъ обыкновенно, что подобно тому, какъ велико число болѣзней и какъ велико количество приписываемыхъ противъ нихъ медицинскихъ средствъ, такъ же точно велико и разнообразно и число могущихъ быть отслуженными для вспоможенія больному молебствій. Вотъ почему родственники больного, получивъ отъ ламы-медика (эмчи) совѣтъ отслужить молебенъ, отправляются не прямо къ ламамъ, а напередъ идутъ къ цзурухайчи. Послѣдній спрашиваетъ о возрастѣ больного, разузнаетъ годъ, мѣсяцъ и день его рожденія и, соображая эти показанія съ наставленіями, изложенными въ 5-ой главѣ сочиненія, извѣстнаго подъ заглавіемъ Чжун-ба-ринчйнъ-гун-дү и составленнаго хутухтою Чжонъ-нокъ-шакъ-жа-дарба, хубилганомъ Маньчжүшри, указываетъ, какое именно молебствіе должно быть совершено надъ болящимъ. Иногда, оставляя въ сторонѣ возрастъ больного и время его рожденія, цзурухайчи опредѣляетъ гурюмъ (молебствіе) по дню, въ который больной слегъ въ постель; такого рода опредѣленіе совершается по 23-ей главѣ Вайдурья-карно.

Въ случаяхъ особенно тяжелой болѣзни къ гурюму, совершаемому надъ больнымъ, присоединяется еще обрядъ «дзоліккъ гаргаху». Постановленія о совершеніи этого обряда излагаются въ 3-ей главѣ вышеуказаннаго сочиненія Чжун-ба-ринчйнъ-гун-дү и чрезвычайно разнообразны въ деталяхъ, хотя сущность ихъ одна и таже, это — замѣнъ больного другою какою либо личностью и выкупъ его души у владыки смерти. Отсюда при каждомъ об-

рядѣ «дзолікъ гаргаху» является необходимымъ другой чело-
вѣкъ, который долженъ принять на себя, или на котораго должно
перенести все грѣхи и болѣзни страждущаго. Само собою разу-
мѣется, что найти такого челоѣка, особливо для обыкновенныхъ
смертныхъ, довольно трудно; поэтому то, какъ и при хуралѣ чжи-
линъ оролгонъ, или мэнгэйнъ цзасалъ, — дзолікъ въ данномъ
случаѣ дѣлается обыкновенно изъ муки, въ формѣ челоѣка раз-
личной величины (отъ одной пяди до трехъ четвертей аршина);
его кладутъ передъ больнымъ, переносятъ на него все болѣзни
страждущаго и затѣмъ эту куклу или выбрасываютъ въ степь,
или спускаютъ внизъ по теченію рѣки, или наконецъ сожигаютъ.
Съ богатыми и владѣтельными князьями и тайчжіями ламы, ко-
нечно уже въ видахъ чисто корыстныхъ, поступаютъ менѣе це-
ремонно и почти всегда приказываютъ имъ выставить какъ
дзоліка кого либо изъ живыхъ своихъ данниковъ. При совер-
шеніи обряда, на этого живаго дзоліка переносятся все княже-
скія бѣдствія, а по окончаніи обряда его выгоняютъ изъ того
хошӯна, въ которомъ живетъ князь и опредѣляютъ въ число ша-
бинаровъ того хутухты, изъ монастыря котораго были пригла-
шены ламы для совершенія обряда. Шабинары, образовавшіеся
у хутухты такимъ образомъ, носятъ названіе «дзолікъ гаргах-
санъ улусъ», или еще чаще въ послѣднее время называютъ ихъ
«бариданай улусъ», т. е. народъ взятки, что чрезвычайно мѣтко
характеризуетъ появленіе этихъ личностей въ числѣ данниковъ
хутухты. Въ числѣ шабинаровъ ургинскаго хутухты до нынѣ
существуетъ еще три отока, или рода, называемыхъ «гайда гар-
гахсанъ улусъ: два изъ нихъ въ количествѣ 150 семей, кочуетъ
по берегамъ р. Ирѣ, а одинъ, въ 50 семей, живетъ у истоковъ
Онѣна. О перечисленіи ихъ изъ хошӯннаго въ шабинское вѣдом-
ство существуетъ такой разказъ: въ одно время Ундуръ гэгәнъ
(первый монгольскій хубилганъ Чжэбцзунъ-дамба-хутухты) за-
болѣлъ: онъ не могъ принимать пищи и уже готовился къ смерти;
врачи отказались лечить его обыкновенными средствами и пола-
гали единственную надежду на «выкупъ», т. е. на замѣну лично-
сти Ундуръ гэгэна другими людьми. Тогда со всехъ хошӯновъ

Тушѣтү хановскаго аймака было собрано не менѣе какъ по десяти семей съ каждаго хошѹна и, согласно правиламъ о дзюликѣ, этимъ людямъ приказано было одѣться въ одежды Ундѹръ гэгэна, надъ всѣми ими совершили гүрүмъ, а за тѣмъ выгнали ихъ въ лѣсистыя и болотистыя мѣстности съ тѣмъ, чтобы они никогда уже не показывались въ кочевьяхъ Ундѹръ-гэгэна. Постановленіе это строго соблюдалось при Ундѹръ гэгэиѣ и только со времени втораго хутухты эти изгнанники получили право входить въ Ургу, а до того времени, избравъ своимъ мѣстопробываніемъ берега Ирѹ и Онѹна, они занимались охотою и звѣроловствомъ. При Ундѹръ гэгэиѣ «гайда гаргахсанъ» были избавлены отъ всякихъ податей; но со времени 3-го хутухты (1758—1773 г.) они начали представлять гэгэну по десяти кабановъ съ каждаго отѹка, которыхъ хутухтү обыкновенно тотчасъ же отсылаетъ въ подарокъ китайскому богдо-хану: Вообще дань съ этихъ шабиняровъ и до сего времени считается неблаговиднымъ расходовать на пищу и необходимости хутухты: ее употребляютъ на содержаніе шабиняровъ, заключенныхъ въ темницахъ, на подарки китайскимъ властямъ, или же сбываютъ продажею на сторону.

Если больной приближается къ смерти, то присутствіе въ его домѣ и при одрѣ его ламы, по обычаю монголовъ, уже безусловно необходимо для того, чтобы напутствовать душу умирающаго полезными совѣтами относительно загробной жизни. Обычай этотъ такъ распространенъ въ Монголіи, что, кажется, здѣсь не бываетъ ни одного человѣка, умирающаго безъ ламы, и ни одинъ лама, будучи приглашенъ къ одру умирающаго, не имѣетъ права отказаться отъ исполненія этого приглашенія, такъ какъ избавить душу отъ злыхъ перерожденій и направить ее въ блаженные нивы Сукавади составляетъ его священный долгъ. Въ 12-ой главѣ сочиненія «Пэцэ», составленнаго Чжонханъ гэгэномъ, ламамъ предписывается въ этихъ случаяхъ читать умирающему такъ называемую Цзүрдэингъ судүрѣ, написанную, по преданію, Падма-Самбавдю. Большинство ламъ знаетъ это сочиненіе наизусть и читаетъ его умирающему на монгольскомъ

языкъ; оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, что именно должна встрѣтить и испытать душа по разлученіи съ тѣломъ. Въ виду интереса самаго вопроса, я остановлюсь на описаніи этого предсмертнаго обряда возможно подробнѣе, тѣмъ болѣе, что мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ присутствовать въ юртахъ умирающихъ и слушать эту «цзурдайнъ судуръ».

Лама, призванный къ умирающему, вошедши въ юрту, ни съ кѣмъ не выдается, но прямо проходитъ къ больному, садится у его изголовья, нѣкоторое время смотритъ на него, пока больной не освоится съ его видомъ, затѣмъ онъ кладетъ на грудь больного свой гусунъ-тукъ, послѣ чего больной обыкновенно уже сознаетъ безнадежность своего положенія. Тогда лама начинаетъ къ нему приблизительно такую рѣчь: «слушай благородное чадо!» Теперь приходитъ къ тебѣ смертный часъ; положи же въ своей душѣ начало желанію сдѣлаться буддою ради блага всѣхъ одушевленныхъ существъ; въ особенности же если ты пожелаешь даже умереть за благо одушевленныхъ существъ, то добродѣтель твоя возрастетъ безъ числа, какъ сказалъ то учитель нашъ Турбэлъ-үгэй. Когда духъ твой разстанется съ этимъ бреннымъ тѣломъ, онъ ясно сознаетъ тѣ три основныхъ зла, на которыхъ зиждутся всѣ наши пороки; предъ нимъ предстанутъ всѣ его грѣховныя дѣянія, всѣ тѣ грѣхи, которые служатъ препонаю къ возвышенію его въ будущемъ. Въ ужасѣ ты вскрикнешь и въ это мгновеніе покажется тебѣ въ небѣ послѣдовательно, одинъ за другимъ необычайный и лучезарный свѣтъ пяти буддъ. Не страшись и не пугайся этого свѣта, но молись предъ нимъ. Среди этого свѣта будетъ находиться бурханъ Бирүзана, блистающій и имѣющій синеватый цвѣтъ. Но одновременно съ этимъ покажется тебѣ и другой, не издающій лучей, бѣловатый свѣтъ тэнгриевъ. У тебя явится чувство неудовольствія къ свѣту Бирүзаны и напротивъ съ радостью будешь ты смотреть на свѣтъ тэнгриевъ. Однако знай, что этотъ послѣдній свѣтъ есть свѣтъ невѣжества; онъ то именно и есть препопа, заграждающая путь къ спасенію, а потому не стремись къ нему страстно. Если въ душѣ твоей явится желаніе соединиться съ этимъ свѣтомъ, ни-

когда не разставаться съ нимъ, то пресѣки это желаніе, иначе ты возродишься въ царствѣ тѣнгріевъ и понесешь всѣ тѣ мученія, которыя они испытываютъ. При этомъ лама подробно разказываетъ умирающему, какія именно страданія претерпѣваютъ тѣнгрійи и наконецъ совѣтуетъ ему, отвратившись вовсе отъ свѣта тѣнгріевъ, молиться свѣту Бирұзаны и сказать такой йорбль: Бирұзана, обладающій лучезарно-синеватымъ свѣтомъ духовной премудрости! Когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода (བྱུང་བའི་ལུང་ལྗོངས་རྩེ་ལོ་ལྔ་པ་ལྟེན་པར་འབྱུང་བ་ལྟར་ལྟར་།)!

Послѣ сего весь этотъ свѣтъ скроется въ сердцѣ Бирұзаны и самъ онъ исчезнетъ, какъ радуга, въ обителяхъ Аганйшты. За тѣмъ съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирұзаны, появится другой, величественный и лучезарный, бѣлый свѣтъ бурхана Акшобі'я, а на ряду съ нимъ придетъ другой, адскій свѣтъ, опять таки не издающій лучей и имѣющій цвѣтъ дыма. Снова явится у тебя непріязненное чувство къ свѣту Акшобі'я и почувствуешь ты влеченіе къ этому второму, адскому свѣту. Но этотъ послѣдній свѣтъ является по силѣ гнѣва, онъ заграждаетъ путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, иначе возродишься въ аду и будешь испытывать мученія адскихъ существъ. Слѣдуетъ выясненіе адскихъ мученій, послѣ котораго лама совѣтуетъ умирающему во все отвратиться отъ адскаго свѣта и въ молитвѣ къ Акшоби сказать такой йороль: «Акшоби, обладающій бѣлымъ свѣтомъ премудрости, ясной какъ зеркало, когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить... и проч.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого йорбля свѣтъ Акшобія долженъ будетъ также скрыться. На смѣну его, съ лѣвой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Бирұзаны, покажется еще новый, лучезарно-желтый цвѣтъ бурхана Ратна-самбавы, а на ряду съ нимъ появится голубоватый, человѣческій свѣтъ. Отвратившись отъ желтаго свѣта Ратна-самбавы, ты почувствуешь влеченіе къ голубоватому, человѣческому свѣту. Но знай, что этотъ свѣтъ является по силѣ гордости и заграждаетъ путь спасенія, а потому не стремись къ

нему; иначе ты возродишься между людьми и будешь испытывать ихъ страданія. Перечисливъ умирающему страданія людей, начиная съ момента ихъ рожденія, лама совѣтуетъ ему отвратиться отъ этого голубоватаго цвѣта и сказать Ратна самбавѣ такой йорбль: «Ратна-самбавà, обладающій яснымъ, желтымъ цвѣтомъ непоколебимой премудрости, когда я буду возрождаться... и т. д. Послѣ этого съ правой стороны отъ того мѣста, гдѣ показывался свѣтъ Акшобія, появится нестерпимо блестящій, красный свѣтъ бурхана Амитабѣ, а на ряду съ нимъ желтый цвѣтъ биритовъ. Этотъ цвѣтъ является по силѣ сладострастія, онъ заграждаетъ собою путь спасенія, и стремленіе къ нему влечетъ за собою возрожденіе въ царствѣ биритовъ, а потому лама совѣтуетъ умирающему отвратиться отъ него и сказать йорбль Амитабѣ: «Амитабà, обладающій яснымъ, краснымъ свѣтомъ премудрости, вѣдающей все до мельчайшихъ подробностей, когда я буду возрождаться... и т. д. Наконецъ по правую сторону отъ этого послѣдняго свѣта появится лучезарный зеленый свѣтъ бурхана Амогасидди, а влѣдъ за нимъ красноватый свѣтъ асуріевъ. Подобно тому какъ это будетъ и при появленіи всѣхъ предыдущихъ свѣтовъ, духъ умершаго долженъ будетъ почувствовать непріятное чувство къ свѣту бурхана и напротивъ ощутить тяготѣніе къ свѣту асуріевъ. «Но, говоритъ лама, умирающему, этотъ свѣтъ асуріевъ является по силѣ зависти, онъ заграждаетъ собою путь спасенія и ты не долженъ стремиться къ нему, въ противномъ случаѣ ты возродишься въ странѣ удручаемыхъ битвами асуріевъ. Молись тогда свѣту Амогасидди и скажи такой йорбль: «Амогасидди, обладающій зеленоватымъ свѣтомъ премудрости, когда буду я возрождаться въ орчиланѣ, соизволь возвысить меня, соизволь спасти меня изъ утесовъ промежуточнаго періода!

Слушай дальше, благородное чадо! Когда минуютъ всѣ эти видѣнія въ отдѣльности, то влѣдъ за симъ они явятся всѣ вмѣстѣ, расположившись въ такомъ порядкѣ: въ срединѣ будетъ синеватый свѣтъ бурхана Бирұзаны, на восточной сторонѣ — бѣлый свѣтъ Акшобі'я, на южной — желтый свѣтъ Ратна-сам-

бавы, на западной — красный свѣтъ Амиабы и на сѣверной — зеленый свѣтъ бурхана Амогасидди. Вокругъ ихъ расположатся лучезарные свѣта Хормусты — повелителя тэнгриевъ, Бимчжидари, — повелителя асурьевъ, Шигэмүни — повелителя чело-вѣковъ, многосильнаго льва — повелителя животныхъ, Кабирма, — повелителя биритовъ и Эрликъ-хана — повелителя ада. Въмѣстѣ со всѣми этими свѣтами появятся не издающіе лучей: бѣлый свѣтъ тэнгриевъ, красный свѣтъ асурьевъ, синій свѣтъ людей, зеленый цвѣтъ животныхъ, дымчатый свѣтъ ада и желтый свѣтъ биритовъ¹⁾. Ты почувствуешь тяготѣніе къ этимъ шести цвѣтамъ; но не стремись къ нимъ, такъ какъ эти цвѣта являются по силѣ пристрастія къ предметамъ міра матеріальнаго и если ты въ самомъ дѣлѣ допустишь развиваться въ своемъ духѣ любви къ нимъ, то возродишься въ одной изъ странъ матеріальнаго міра; напротивъ, ты долженъ молиться свѣту бурхановъ и сказать такой йөрбѣль: «представшіе предо мною будды пяти родовъ и всѣ прочіе владыки, обладающіе пятью сортами премудрости, когда буду возрождаться я въ орчилангѣ, вознесите меня и спасите отъ утесовъ промежуточнаго періода!» Когда ты произнесешь такой йөрбѣль, каждый свѣтъ скроется въ сердцѣ своего бурхана и сами они исчезнутъ подобно радугѣ, а ты исполнишься святости.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ разказываетъ умирающему о предстоящихъ явленіяхъ другихъ буддъ и совѣтуетъ ему предъ всѣми ими произносить тотъ же йөрбѣль.

Но можетъ быть, говоритъ онъ далѣе, ты, увлекшись однимъ, какимъ либо грѣховнымъ свѣтомъ, забудешь сдѣлать йөрбѣль, тогда полное полученіе святости для тебя будетъ уже невозможно. Въ такомъ случаѣ ты все таки помни мои наставленія и

---

1) Ламы, изучающіе цангъ, разказывали мнѣ, что по ихъ ученію, свѣтъ различныхъ царствъ одушевленныхъ существъ отличается отъ этого, а именно: по цангиту, свѣтъ людей и безплотныхъ тэнгриевъ не синій, а желтый; свѣтъ тэнгриевъ облеченныхъ въ формы — бѣлый; свѣтъ животныхъ — дымчатый; свѣтъ биритовъ походитъ на свѣтъ воды, а свѣтъ адскихъ существъ — на горящую головню.

примѣчай тѣ видѣнія, которыя покажутся тебѣ послѣ явленія свѣта бурхановъ. Если покажется тебѣ озеро, на которомъ будутъ плавать гусаки и гусыни, то это—признакъ того, что ты возродишься на ўлэмчжй бэѣтү тибѣ (островѣ, обитаемомъ великанами); если покажется тебѣ какой нибудь прекрасный городъ, то это—признакъ, что ты возродишься въ цзамбутибѣ (островѣ, населенномъ людьми); если покажется тебѣ озеро съ людьми, лошадьми и другими домашними животными, то это—признакъ, что возродишься ты на ўхэръ эдлэхчй тибѣ (островѣ, привольномъ для рогатаго скота); если покажется тебѣ озеро съ коровами, или покрытое фруктовыми деревьями, то это—признакъ, что ты возродишься на магү дагүту тибѣ (на островѣ, гдѣ слышится зловѣщій голосъ); если покажется тебѣ дворець, украшенный различными драгоценностями, то это—признакъ, что ты возродишься у тэнгриевъ, если покажутся тебѣ пещеры, скалы, рвы и пр., это—признакъ, что ты возродишься въ среди животныхъ; если покажется тебѣ короткая головня, это — признакъ, что ты возродишься у биритовъ; если послышатся тебѣ насмѣшки, или покажется мрачный домъ, красный домъ, пустынная степь, или черная тернистая дорога, это признакъ того, что ты возродишься въ аду. Теперь ты знаешь всѣ эти примѣты и если уже не приобрѣтешь святости, то старайся пробудить въ себѣ стремленіе къ возрожденію въ царствѣ человѣковъ, такъ какъ всѣ остальные перерожденія влекутъ за собою неисчислимыя страданія.

Таковы наставленія, даваемыя ламою, умирающему монголу; помимо того лама читаетъ еще надъ нимъ тибетскіе нѣмы, называемые Майдарійнъ дамчжай, Мингишгійнъ токтѣль, и Гундэлэггійнъ заракъ. Содержаніе этихъ трехъ нѣмовъ составляютъ цѣликомъ покаянныя молитвы, устрояющія спокойствіе духа, а въ Майдарійнъ дамчжай помимо того приводится еще разказъ о торжественной клятвѣ Майдари не допускать души одушевленныхъ существъ до ниспаденія въ три злополучныя перерожденія.

Когда монголь умираетъ, всѣ окружавшіе его одръ, уходятъ изъ юрты, такъ что въ ней не остается никого за исключеніемъ покойника. Немедленно же одинъ изъ родственниковъ

покойника отправляется въ монастырь къ цзурухъйчи и сообщаетъ ему о смерти больнаго, прося опредѣлить, кто именно можетъ приготовить покойника къ погребенію, какіе хуралы должно служить надъ нимъ, въ какой день можно хоронить его, въ какой часъ и въ какую сторону должно его вынести и наконецъ какимъ образомъ должно быть совершено его погребеніе.

Правильное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ составляетъ для монголовъ предметъ первой важности. Прежде всего, по повѣрью ихъ, никто не можетъ безъ вреда для себя и для будущности покойника прикоснуться къ нему, а тѣмъ болѣе ухаживать за нимъ и убирать его; для этого нуженъ человѣкъ въ извѣстномъ отношеніи соотвѣтствующій по годамъ своего рожденія покойнику и только онъ вполне безопасно можетъ приближаться къ трупу. Цзурухъйчи разрѣшаетъ этотъ вопросъ о лицѣ, имѣющемъ убирать покойника, равно какъ и всѣ прочіе вопросы, относящіеся до погребенія, на основаніи показанія различныхъ астрологическихъ сочиненій и между прочимъ по 29-й главѣ Вайдурья кърпо. Въ сочиненіяхъ этихъ относительно лица, которое должно убирать покойника, предписывается, чтобы покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса, зайца и дракона, убирала люди, принадлежащіе по рожденію къ году змѣи, при чемъ сообщается, что если покойника будетъ убирать человѣкъ, принадлежащій къ году коровы, то въ послѣдствіи въ этомъ домѣ непременно умретъ еще человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: лошади, змѣи и овцы, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году дракона; а если будутъ убирать принадлежащіе къ годамъ мыши и свиньи, то послѣ въ этомъ домѣ умретъ человѣкъ. Покойниковъ, родившихся въ годы: обезьяны, курицы и собаки, должны убирать принадлежащіе по рожденію къ году овцы; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ два, или три человѣка. Наконецъ покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ мыши, свиньи и коровы, должны убирать родившіеся въ годъ собаки; въ противномъ случаѣ въ домѣ умретъ одинъ, или два человѣка. Согласно этихъ указаній, монголь и приглашаетъ подходящаго человѣка ухаживать за своимъ по-

койникомъ. Лицо это носить у монголовъ названіе «буянчій», что значитъ собственно—«человѣка, дѣлающаго добродѣтельное дѣло», и называется онъ такъ, безсомнѣнія, потому, что исполняетъ свои обязанности безъ всякой награды. Призванный буянчій, по обычаю, омываетъ тѣло покойника, обвертываетъ его дабдоу, кладетъ на правый бокъ, подкладываетъ правую руку покойника подъ правую его щеку и безымяннымъ пальцемъ затыкаетъ правую ноздрю, выпрямляетъ правую ногу, а лѣвую сгибаетъ въ колѣнѣ, лѣвую руку напротивъ вытягиваетъ по возможности больше и кладетъ ее на тазъ покойника. Поза эта однаково сохраняется для всѣхъ тѣхъ труповъ, которые не подвергаются бальзамированію и не хоронятся въ сидячемъ положеніи. Монголы особенно дорожатъ этой позой, такъ какъ, по свидѣтельству нѣмцевъ, въ этой позѣ скончался Шигэмуніи; называется она на языкѣ монголовъ «арсалангѣицъ хѣптэлыгэ», т. е. лежаніе (на подобіе) льва, или, если можно такъ выразиться,—полежка льва. Таковы обычные уходы буянчій за покойникомъ; но помимо сего при смерти покойника не рѣдко обнаруживаются еще худыя примѣты, для подавленія которыхъ буянчій приглашаетъ уже ламу какъ совѣтника и наставника въ своемъ дѣлѣ. Чаще всего случается, что покойникъ умираетъ съ открытымъ ртомъ, что почитается дурнымъ признакомъ для живущихъ; для подавленія могущихъ произойти по этой примѣтѣ несчастій, необходимо во 1-хъ, нарисовать на бумажкѣ фигуры перекрещенныхъ очіровъ, и заклеить ею ротъ покойника; а во 2-хъ, при похоронахъ вмѣстѣ съ трупомъ покойника нужно вынести изъ юрты изображенія девяти человѣческихъ головъ, фигуры которыхъ приготавливаются изъ тѣста; если не сдѣлать этого, то въ теченіе года непременно случится несчастіе. Если покойникъ умретъ съ открытыми глазами, то это опять худой признакъ, ибо покойникъ предполагается смотрящимъ на своихъ живыхъ. Въ этомъ случаѣ глаза его зашиваютъ нитками и прикрываютъ черной шелковой матеріей. Вообще монголы крайне боятся примѣтъ отъ покойника и потому передъ смертью поворачиваютъ умирающаго ничкомъ; смерть въ такой позѣ почитается самую счастливою для остающихся.

Но при этомъ бываютъ случаи, что покойникъ судорожно сжимаетъ руки и умираетъ съ жестомъ, какъ бы манящимъ кого либо; это самый худой признакъ, такъ какъ онъ свидѣтельствуемъ о томъ, что покойникъ зоветъ за собою живыхъ. При такой примѣтѣ грудь покойника придавливаютъ желѣзнымъ концемъ плуга. Всѣ эти исправленія худыхъ примѣтъ производить также буянчій и только по окончаніи всѣхъ его уходовъ надъ покойникомъ можно совершать чтеніе номовъ. Последнее исполняется ламами въ большинствѣ случаевъ не въ той юртѣ, гдѣ находится покойникъ, а въ сосѣдней съ нею и не прерывается ни днемъ, ни ночью; по этому то ламы, призванные къ совершенію погребальныхъ обрядовъ, всегда почти раздѣляются на очереди. Чтеній надъ покойникомъ, по свидѣтельству ламъ, безчисленное множество; но мнѣ, сколько разъ ни приходилось видѣть похороны, всегда я находилъ, что ламы читали только йөрбөлъ, извѣстный подъ именемъ «үлцзэй дабхуръ», да «найманъ-гэгэнъ»; и два раза я встрѣчалъ еще чтеніе сочиненія «Соносогѣтъ йэхэдэ тонилгахчій нэрэтү йэхэ хүлгэнъ судуръ». Помимо этихъ, читающихъ ламъ, при похоронахъ являются какъ необходимость еще два ламы, которые отправляютъ хураль по книгѣ «Сэрдэбэ чакчжай» внѣ юрты и время отъ времени обходятъ юрту покойника съ кадильницею (ᠰᠡᠬᠡᠳᠡ); назначеніе совершаемыхъ ими чтеній и обрядовъ—отгонять злыхъ духовъ какъ отъ трупа, такъ и отъ живущихъ въ хотонѣ его родственниковъ. Такія чтенія совершаются обыкновенно вплоть до самаго выноса покойника изъ дома и его погребенія, что бываетъ весьма различно по времени: у бѣдныхъ покойниковъ хоронятъ, по большей части, на другой же день по смерти, а болѣе состоятельные держать у себя труны своихъ родныхъ дня три, четыре и даже до шести. Вообще на указаніе дня, въ который должно хоронить покойника, ламы не претендуютъ, но непременно уже подъ ихъ руководствомъ опредѣляется, въ которомъ часу должно выносить умершаго изъ дома, въ какую сторону нести его и какимъ образомъ похоронять. По точнымъ указаніямъ астрологическихъ сочиненій предписывается:

покойника, умершаго въ часъ барса, выносить изъ дому въ часъ обезьяны;

покойника, умершаго въ часъ зайца, выносить изъ дому въ часъ курицы;

покойника, умершаго въ часъ дракона, выносить изъ дому въ часъ собаки;

покойника, умершаго въ часъ змѣи, выносить изъ дому въ часъ свиньи;

покойника, умершаго въ часъ лошади, выносить изъ дому въ часъ мыши;

покойника, умершаго въ часъ овцы, выносить изъ дому въ часъ коровы;

покойника, умершаго въ часъ обезьяны, выносить изъ дому въ часъ барса;

покойника, умершаго въ часъ курицы, выносить изъ дому въ часъ зайца;

покойника, умершаго въ часъ собаки, выносить изъ дому въ часъ дракона;

покойника, умершаго въ часъ свиньи, выносить изъ дому въ часъ змѣи;

покойника, умершаго въ часъ мыши, выносить изъ дому въ часъ лошади;

покойника, умершаго въ часъ коровы, выносить изъ дому въ часъ овцы.

Что касается способовъ погребенія покойниковъ, то вообще трупы умершихъ, по буддизму, предписывается предавать существующимъ въ мірѣ стихіямъ: землѣ, водѣ, огню, воздуху и дереву. Разказываютъ, что такое предписаніе всегда и самымъ строгимъ образомъ соблюдалось въ старину и что трупы умершихъ, которые нужно было предавать землѣ, закапывали въ землю; долженствовавшіе къ погребенію въ водѣ бросали прямо въ рѣку; предназначавшіеся для преданія огню, — сжигали; для погребенія въ воздухѣ обыкновенно устраивали родъ качелей и трупъ покойника, завязавъ предварительно въ мѣшокъ, привѣшивали къ перекладинѣ, или матицѣ качелей; наконецъ при нуж-

дѣ предать тѣло покойника стихіи дерева, трупы полагали въ дуплахъ деревьевъ, иногда приготовляемыхъ природою, а иногда нарочно устраиваемыхъ для этой цѣли рукою человѣка.—Все это формальнымъ образомъ соблюдается и доселѣ; поэтому въ ламскихъ, астрологическихъ книгахъ относительно стороны, въ которую должно выносить покойника изъ дому, въ которую должно положить его головою на самомъ мѣстѣ погребенія, наконецъ для опредѣленія того какимъ образомъ должно быть совершено погребеніе, существуютъ особыя указанія. Вотъ эти главнѣйшія постановленія.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ барса и зайца, самымъ счастливымъ погребеніемъ какъ для нихъ самихъ, такъ и для оставшихся живыми ихъ родственниковъ, можетъ быть то, когда ихъ возможно вынести изъ дому и положить головою въ восточную сторону; среднее—если можно вынести ихъ на сѣверъ и худое, совершенно несчастное погребеніе, если придется выносить ихъ на западъ. Если, по обстоятельствамъ, покойника придется выносить на западъ, то смерть не сомнѣнно не прекратится въ его домѣ; а если придется вынести его въ одно изъ четырехъ междустраній (сѣверо-востокъ юго-западъ и пр.), то въ домѣ, хотя и не будетъ смертнаго случая, однако непремѣнно совершится какое нибудь несчастіе. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса или зайца,—самое счастливое, если можно похоронить его въ воду, среднее—если положить въ дерево и худшее—если предать огню. Наконецъ если похоронить такого покойника въ землю, или бросить въ воздухѣ, то въ домѣ его непремѣнно случится еще смерть, ибо, по точному выраженію астрологическихъ сочиненій, такимъ погребеніемъ «не будутъ закрыты уста смерти».

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ лошади и змѣи, самое лучшее погребеніе—на южную сторону; среднее—на востокъ; худшее—если придется выносить ихъ изъ юрты и полагать головою въ сторону одного изъ междустраній. Хоронить такихъ покойниковъ на западъ и на сѣверъ безусловно

воспрещается. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ лошади, или змѣи, самое лучшее—если возможно положить его въ дерево, среднее—если предать огню и худшее—если закопать въ землю; наконецъ если бросить его въ воду, то послѣдствіемъ сего явится смерть девяти человѣкъ изъ его однохотонцевъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, лучшее погребеніе—на западную сторону; среднее—на одно изъ четырехъ междустраній; худшее—на сѣверъ; выносить изъ дому и полагать такихъ покойниковъ головою на востокъ и на югъ—воспрещается. Относительно способа погребенія рекомендуется какъ самое лучше закапывать трупъ въ землю, среднее—полагать его въ воздухъ и худшее—бросать въ воду. Предать такого покойника дереву и огню считается невозможнымъ.

Для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ свиньи и мыши, самое лучшее погребеніе на сѣверную сторону; среднее—на западъ; худшее—на сторону одного изъ четырехъ междустраній. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ человѣкъ, родившійся въ годъ свиньи, или мыши, самое лучшее—если положить трупъ его въ воздушномъ пространствѣ, среднее—если бросить его въ воду и худшее—если положить въ дерево. Предать останки такого покойника огню воспрещается.

Наконецъ для покойниковъ, принадлежащихъ по рожденію къ годамъ коровы, овцы, собаки и дракона лучшее погребеніе—въ сторону одного изъ четырехъ междустраній; среднее—на югъ и худшее—на сѣверъ. За симъ въ какомъ бы году ни умеръ такой человѣкъ лучшее погребеніе для него это—предать его тѣло огню, среднее—закопать въ землю и худшее—положить въ воздухъ; полагать въ дерево или бросать въ воду такихъ покойниковъ безусловно воспрещается.

Спросятъ, къ чему такая масса указаній и отчего, если уже вѣрить всякаго рода несчастіямъ, не хоронить покойника всегда въ самую счастливую сторону? Но дѣло въ томъ, что въ сообщенія относительно выноса и погребенія мертвеца входятъ не

одни эти правила, а еще множество и другихъ обстоятельствъ. Когда зимою 1877 г. я проживалъ въ кочевьяхъ Чахаровъ, то у моего квартиро-хозяина дабѣнъ-цзалана умеръ племянникъ одиннадцати лѣтъ. Родился онъ въ 1866 году, именовавшемся годомъ мужчины, огня и барса, а умеръ по утру въ часъ зайца. По правиламъ, выносить его изъ дому слѣдовало въ часъ курицы и лучшее погребеніе для него, какъ рожденнаго въ годъ барса, было бы на востокъ. Но часъ курицы, соотвѣтствующій нашимъ 6-му и 7-му часамъ вечера, приключился такой, въ который свѣтила несчастная звѣзда покойника—Венера, имѣвшая свое движеніе на западъ. Если бы поэтому, вынеся покойника изъ юрты, нести его на востокъ, то покойнику пришлось бы двигаться на встрѣчу его несчастной звѣздѣ. Ламы должны были указать такимъ образомъ среднее направленіе на сѣверъ. Что касается способа погребенія покойника, то самымъ лучшимъ было бросить его тѣло въ воду, а среднимъ положить его въ дерево; но мы видѣли, что въ годъ рожденія этого мальчика входила стихія огня, которая совершенно противна стихіямъ воды и дерева; на этомъ то основаніи для бѣдняги можно было выбрать только худшее погребеніе, т. е. предать его тѣло огню,—и его дѣйствительно сожгли.

Соблюдая формальную сторону въ погребеніи — преданія своихъ покойниковъ стихіямъ, современные монголы однако очень упростили теперь погребальные обряды. Прежде всего, напримѣръ, огню они предають очень не многихъ, а трупы бѣдняковъ положительно никогда не сжигаютъ. Могилы роютъ только тогда, когда нужно предать тѣло умершаго землѣ; но эти могилы, за недостаткомъ потребныхъ орудій, обыкновенно выкапываются очень не глубоко: лишь бы можно было помѣстить трупъ и покрыть его сверху землянымъ слоемъ. Во всѣхъ остальныхъ способахъ погребенія они просто выносятъ покойниковъ въ степь и кладутъ на открытомъ пространствѣ; при этомъ на мѣстѣ погребенія тѣхъ, которыхъ нужно хоронить въ водѣ, они въ изобиліи льютъ воду, такъ что трупъ кладется въ грязь; долженствующихъ быть преданными дереву кладутъ так-

же на степи, только положивъ предварительно на доску; наконецъ тѣхъ, которыхъ назначено погребать въ воздухѣ, просто выносить и кладуть въ степи. По четыремъ сторонамъ могилы, или трупа покойника, ламы вбиваютъ четыре кола, аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною и къ нимъ прикрѣпляютъ четыре веревки изъ конскаго волоса; къ послѣднимъ привязываются разноцвѣтные дарцѣки съ начертанными на нихъ мѣни. Иногда на этихъ дарцѣкахъ помимо мѣни изображаются рисунки бурхановъ, субургановъ, или цвѣтка падмы, но мѣни пишутся уже непременно. Въ Халхѣ принято въ обычай дѣлать дарцѣки изъ матерій пяти цвѣтовъ, безъ различія надъ какой бы могилой эти дарцѣки ни вѣшались; но въ южной Монголіи дарцѣки строго различаются: дарцѣки краснаго и желтаго цвѣтовъ здѣсь ставятся только надъ трупами ламъ, а простолюдинамъ усвоятся исключительно бѣлые дарцѣки; тотъ же обычай соблюдается и въ Чжунгаріи у калмыковъ, или блѣговъ. Болѣе состоятельные монголы, помимо такой незатѣйливой ограды могилъ, врываютъ въ головахъ покойника столбъ и на вершинѣ его прикрѣпляютъ хурдэ, устраиваемое въ родѣ вѣтряной мельницы, крылья которой ворочаютъ небольшой, наполненный рукописными мѣни барабанчикъ. Не рѣдко внутренность такого столба выдалбливается и въ выдѣланную такимъ образомъ впадину ламы помѣщаютъ рисованное изображение какого нибудь бурхана. Всѣ эти святыни охраняютъ трупъ впрочемъ не долго и, обыкновенно, лишь только разойдутся погребавшіе, какъ къ трупу собирается масса собакъ, такъ что черезъ какихъ нибудь два, три часа отъ него не всегда остаются цѣлыми даже и бѣлыя кости.

Погребеніе князей и богатыхъ монголовъ совершается конечно такимъ же образомъ, т. е. читаются тѣже нѣмы и совершаются тѣ-же хуралы, только обрядовая сторона отличается въ нихъ большею роскошью. Къ погребенію князей собирается, напримѣръ, по 300 и по 500 ламъ, цѣлые дни воздухъ оглашается ихъ молитвенными чтеніями и звуками музыкальныхъ орудій. При самомъ погребеніи, тѣла князей не оставляютъ на открытой степи, но непременно строятъ особаго рода пирамидки,

называемыя бунханъ. Это четырехугольныя зданьяца, устраиваемыя изъ сырцеваго кирпича въ величину не больше квадратной сажени. Въ средину такого бунхана и полагають трупъ. По большей части тѣла князей хоронятся въ сидячемъ положеніи, причеиъ руки и ноги ихъ складываются въ молитвенную позу. Проѣзжая по кочевьямъ хэрүлэнскаго бэйсэ, я осматривалъ бунханъ года за три передъ тѣмъ похороненнаго князя. Трупъ былъ кругомъ окутанъ шелковыми матеріями и дабю, исписанными тарнистическими изрѣченіями и представлялъ изъ себя какъ бы одинъ большой узелъ, положенный на подставку изъ семи полныхъ цибиковъ кирпичнаго чая. По разказаиъ ламъ, тѣло почившаго князя слѣдовало предать стихіи дерева и они, очевидно, ухитрились изобразить дерево этими цибиками чая. Но еще чаще тѣла князей предаются сожженію, каковой обрядъ уже описанъ нами выше. Тѣхъ князей, которые умирають гдѣ-либо на чужой сторонѣ, помимо впрочемъ Тибета и У-тай-шан'и, монголы всегда перевозятъ для погребенія въ свой хошүнъ. Съ такимъ печальнымъ поѣздомъ я повстрѣчался только однажды на берегахъ Чернаго Иртыша. Перевозимы были останки умершаго торгоутскаго князя, скончавшагося въ Пекинѣ. Трупъ былъ положенъ въ обыкновенный, китайскій гробъ, который былъ установленъ на двухъ-колесной китайской телѣгѣ и, по обычаю китайцевъ, на верху гроба помѣщалась клѣтка съ пѣтухомъ. Покойника сопровождали отрядъ солдатъ и два ламы. Послѣдніе ѣхали съ покойникомъ изъ самаго Пекина. По дорогѣ хураловъ они ни какихъ не служили, но, при своемъ выѣздѣ изъ Пекина, получили отъ Чжанчжэ хутухты цѣлую пачку билетовъ, имѣвшихъ продолговатую форму и походившихъ на китайскія визитныя карточки. На этихъ билетахъ были начертаны разнаго рода тибетскія, тарнистическія выраженія. При каждой переправѣ черезъ рѣку и при каждомъ перевалѣ черезъ гору, ламы обязаны были сожигать по одному билету, — этимъ обрядомъ якобы давалось знать мѣстному духу, что покойникъ имѣетъ право на безпрепятственный пропускъ. По прибытіи останковъ въ родное кочевье князя, надъ ними предполагалось совершить весь тотъ обрядъ похо-

ронъ, который ламы исполнили бы, если бы этотъ князь умеръ дома.

Покончивъ погребальныя обряды надъ трупомъ монгола, ламы всегда возвращаются въ его юрту и отправляютъ здѣсь еще одинъ, очистительный хураль, цѣль котораго охранить оставшихся живыхъ отъ несчастій, могущихъ быть навѣянными духомъ покойника. Молитва, читаемая при этомъ обрядѣ, исполняется въ присутствіи всѣхъ однохотонцевъ почившаго. Вотъ ея содержаніе:

«Покланяюсь Маньчжүшри! Несчастія, ниспосылаемыя свыше отъ владыкъ семи гаракъовъ, отъ 27 звѣздъ и отъ тѣнгриевъ; несчастія, наводимыя снизу владыками различныхъ мѣстностей и урочищъ, во главѣ которыхъ Тэсъ-хань; восемьдесятъ тысячъ препятствій (ᠠᠨᠠᠭᠠᠨᠠᠨᠠᠨ); триста шестьдесятъ демоновъ; четыреста четыре болѣзни и несчастія, наводимыя адъями, альби́нами и читкүрами; всѣ эти несчастія вообще да отрѣшатся отъ обитателей этого дома!

Ты, преданный владыкѣ смерти — Эрліку, не отнимай отъ насъ добродѣтель и счастье; но соблаговоли пожаловать ихъ намъ!

Самъ ты уходи туда, вдаль!

Не уноси добродѣтель и счастье твоихъ родителей! (всѣ присутствующіе возглашаютъ при этомъ: «хурай! хурай!»)

Не уноси добродѣтель и счастье твоихъ старшихъ и младшихъ братьевъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

Не вырывай изъ нашихъ рукъ, но дай намъ добродѣтель и счастье «Падъ», охраняющее отъ Эрліка, альби́новъ и прочихъ! (всѣ: хурай! хурай!).

Если же не дашь ты счастье и святость по звуку страшныхъ тәрни «Падъ», то да разлетится твоя голова на сто частей силою заступничества трехъ драгоцѣнностей!

Сверхъ того:

добродѣтель и счастье низшихъ тѣнгриевъ (всѣ: «хурай! хурай!»)¹⁾.

1) Значеніе этого восклицанія не разъяснено съ точностью; но кажется оно составляетъ повелительную форму отъ глагола хураху—собираться.

добродѣтель и счастье низшихъ хановъ драконовъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

добродѣтель и счастье Бисманъ-тэнгри и ракшасовъ (всѣ: «хурай! хурай!»).

Вкратцѣ сказать: да повстрѣчаютъ насъ всякіе случаи все-совершеннаго довольства всѣхъ одушевленныхъ существъ трехъ міровъ! (всѣ: «хурай! хурай!»).

Да упрочится въ нашей средѣ счастье и святость! (всѣ: «хурай! хурай!»).

Эта очистительная и охранительная отъ покойника молитва читается непременно послѣ всякаго погребенія; но мы говорили уже, что бывають случаи, когда покойникъ умираетъ съ явными, несчастными признаками для живущихъ. Въ этомъ случаѣ почитается весьма важнымъ опредѣлить кому именно грозитъ это несчастье, чтобы во время принять противъ него должныя мѣры. Въ ламскихъ астрологическихъ книгахъ по этому поводу сообщаются свѣдѣнія довольно положительныя, а именно:

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ мыши и коровы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ лошади и зайца и особенное несчастье принадлежащимъ къ году курицы.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ барса и зайца, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ змѣи и лошади и особенное несчастье принадлежащимъ къ году свиньи.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ дракона и змѣи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ овцы и свиньи и особенное несчастье принадлежащимъ къ году коровы.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ лошади и овцы, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ мыши и курицы и особенное несчастье принадлежащимъ къ году зайца.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ годамъ обезьяны и курицы, то будетъ худо принадлежащимъ по

рожденію къ годамъ барса и свиньи и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году змѣи.

Если умретъ человѣкъ, принадлежащій по рожденію къ году собаки и свиньи, то будетъ худо принадлежащимъ по рожденію къ годамъ дракона и коровы и особенное несчастіе принадлежащимъ къ году овцы.

Для отвращенія несчастій отъ живыхъ людей, которымъ угрожаетъ опасность со стороны покойника вслѣдствіе соответствія года ихъ рожденія съ годомъ рожденія покойника, совершается еще особый обрядъ обыкновенно на второй, или на третій день послѣ похоронъ. Къ совершенію этого хурала ламы готовятъ изъ муки двѣ фигурки, изображающія человѣка и одну изъ нихъ окрашиваютъ въ бѣлый цвѣтъ, а другую въ чернѣйшій. За симъ разстилаютъ посреди юрты двѣ овчины, также одну бѣлую, а другую черную и на бѣлую овчину кладутъ бѣлаго человѣка, а на черную чернаго, присоединяя къ этимъ фигуркамъ еще, по цвѣту, семь бѣлыхъ и семь черныхъ камешковъ. Самый хуралъ состоитъ въ чтеніи молитвы, известной подъ именемъ «тачійлунъ харигулга» и оканчивающейся произнесеніемъ чжирүкхэн'ү тарни семи бурхановъ; при произнесеніи каждой тарни ударяютъ бѣлыми камешками въ бѣлаго человѣка, а черными — въ чернаго и за симъ все это выбрасываютъ въ степь. Возвратившись изъ степи въ юрту, снова дѣлаютъ трехсторонній балынъ, какъ умиловительную жертву докшѣтамъ и готовятъ лампаду и блюдо съ какими либо хлѣбными зернами. Въ краткой молитвѣ «Лүдъ», читаемой при этомъ, испрашивается покровительство докшѣтовъ человѣку, имѣвшему несчастіе соответствовать покойнику по годамъ своего рожденія; и за симъ произносятся три йөрөля, выражающихъ благожеланія этому человѣку. При произнесеніи каждого изъ этихъ йөрөлей несчастливца осыпаютъ помянутыми хлѣбными зернами. Этимъ обрядъ и оканчивается.

Защитивъ силою своихъ молитвъ и заклинаній живыхъ людей отъ вліяній на ихъ жизнь покойника, ламы продолжаютъ исполненіе своихъ обязанностей въ отношеніи къ этому послѣд-

нему. Эти обязанности состоятъ теперь въ совершеніи «түләшій», или поминокъ, которыя у князей и у богатыхъ монголовъ продолжаются непрерывно въ теченіе 49 сутокъ, а у бѣдныхъ ограничиваются хураломъ, отправляемымъ въ одинъ день. По большей части для сего избирается или третій, или седьмой день по смерти человѣка. Основаній, по которымъ совершаются поминки въ третій день, мнѣ не пришлось узнать; что же касается до седьмого дня, то обычай отправлять въ это время хураль, основывается на изложенномъ Цзонхавдю въ сочиненіи «Боді мўрўнъ цээргэ» мнѣніи, будто бы душа умершаго на седьмой день получаетъ возрожденіе въ Цзагўрату. Различіе поминокъ, совершаемыхъ у бѣдныхъ и богатыхъ впрочемъ только количественное, по содержанію же хураль этотъ одинъ и тотъ же. Онъ состоитъ изъ чтенія тибетскаго нѣма «Додъ-янга»; къ этому, по правилу, завѣщанному далай ламою Габанъ-лубсанъ-чжамцо, присоединяется еще чтеніе Мянлайнъ чога. Хураль этотъ не можетъ быть совершенъ менѣе какъ четырьмя ламами и доставляетъ монастырямъ очень большой доходъ. По правиламъ, преподаваемымъ ламами монголамъ, на поминъ души покойника въ пользу монастыря должна идти десятая часть всего имущества покойника; но обыкновенно берется и еще больше. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ревнующіе о счастіи въ загробной жизни монголы никогда не жалуется на тягость для себя этихъ поборовъ и охотно выдаютъ ламамъ все, что надлежитъ имъ получить не только по обычаю, но и сверхъ онаго.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ЛИЧНЫХЪ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ИМЕНЪ.

Сокращенія: будд=буддѣйскій; дух=духовный; кит=китайскій; мнө=мн-олческій; почт=почтовый; свящ=священныи; см=смотри; тиб=тибетскій; т. ч.=тоже что.

А.

Абида или Амиитаба (бурханъ) 312, 323, 324, 376, 421, 422, 423, 424, 459, 460.

Аганшита (небесная область) 458.

Акшобья или Акшоби (бурханъ) 323, 324, 458, 459.

Алашанскій хутухта 268.

Амдо (область) 407.

Амиитаба см. Абида.

Аминъ эцэнь (бурханъ) 330.

Амогасидди (бурханъ) 283, 323, 324, 459, 460.

Амурсана (чжунгарскій князь) 234.

Амуръ баяхуланту (монастырь) 10.

Ананда (ученикъ Будды) 84, 158.

Анинскій дацанъ (Бурятскій) 18.

Ариябало (бурханъ) 48, тоже что

Ариявалокитешвара 376, 454.

Арюнь идэнь ханъ 64.

Аюши (бурханъ) 70, 100, 255, 257, 264, 284, 289, 378, 422, 436, 438, 444.

Аюнская гора 83.

Б.

Бадма хучиту (бурханъ) 423.

Балданъ хлама (бурханъ) 283.

Банца ракша (бурханъ) 422.

Баньчэнь богдо 162, 249, 306.

Барушъ хуръ (монастырь) 7, 8, 9, 33, 37, 113, 276, 288, 302, 391, 411.

Басудари 373.

Бикцэ (см. Эгэчи - ду) 307.

Бимчжидари (повелитель асуровъ) 460.

Бирузана (т. ч. Вайрочана) 283, 289, 323, 324, 457, 458, 459.

Бисманъ тэнгри (т. ч. Намсарай) 282, 307, 451, 472.

Боро цэчжинъ сумэ 258.

Брайбушъ (монастырь въ Тибетъ) 71.

Бромъ бакши (буддѣйскій вѣроучитель) 69.

Будала (гора въ Тибетъ) 407.

Бурханъ - бакши (т. ч. Шигэмун) 56, 57, 136, 147, 285, 331.

Буряты 288, 300, 322, 393.

В.

Варанаши (т. ч. Бенаресъ) 60, 61, 280.

Варутаки (Махарачжа) 28, 428.

Васильевъ (Профессоръ) 238, 239.

Вачжра (см. Вачиръ и Очиръ).

Вачжра дара (см. Вачиръ дара) 151.

Вачиръ - дара (лама) 333, 450, 452.

Вачжра пани (см. Очиръ - вани) 254, 279, 406.

Раху тэнгри 428.
 Раю хутухта 270.
 Римдамба (тибет. лама) 197.
 Роба - гарби (или Роба - гарба, царь)
 60, 280.
 Рэбунг - гэгэжи - линг (монастырь) 9.

С.

Саирь усу (почтовая станція) 7.
 Самантабадра (бурханъ) 319.
 Сангийнъ - далай (озеро) 407.
 Санди 372.
 Сайнъ ноянь 20, 234.
 Сайнъ цагийнъ номъ (бурханъ) 423.
 Сидда (бурханъ) 421, 423.
 Сроцзанъ - гаибо - ханъ 69, 437.
 Суддаши (отець Шигэмүни) 61.
 Сукавади (санскр. *sukhavati*, тиб.
 སྐ་པ་ཅཱ་) божественная область
 Амитабы) 17, 106, 376, 391.
 Сумади - кирти - шри - гэгэнъ 303.
 Сумэру (мионч. гора) 96, 279, 313,
 373, 374, 379, 404, 408.
 Сэльби (или Сэльба рѣка) 10, 20.
 Сэнгэ - ринцинъ (халх. князь) 265.
 Сэнгэй - донъ - чжанъ 400.
 Сэндама 400.
 Сэцэнъ - ханъ (халхаскій) 263, 271,
 306.
 Сюльдэ тэнгри 281, 335, 452.

Т.

Тахильту (почтов. станція) 7.
 Тайранъ 331.
 Тибетъ 20, 26, 38, 50, 71, 73, 105,
 161, 200, 274, 300, 321, 470.
 Токтохо - түрү (халх. князь) 306.
 Тола (рѣка) 20.
 Түгэмэль амурчжигүлүхчи сумэ 13.
 Тулта (городъ въ Чжунгаріи) 248.
 Турбэлъ угэй (въроучитель) 457.
 Түшита (небесная область) 63, 285,
 289, 313.
 Тушѣту ханъ 12, 320, 411, 419, 456.
 Тэкиши буянту (рѣка) 20, 21.
 Тэсѣ - ханъ (назв. тэнгрия) 433, 471.

У.

Убапанги (повелитель драконовъ) 373,
 408.
 Убса норъ (озеро) 24, 108.
 Угэй норскій монастырь (т. ч. Оромбо
 гэгэнэй хитъ) 6.
 Угэй нуръ (озеро) 3.
 Удіяна, (или Уржанъ) 278.
 Удрайна 280.
 Уланъ-бахча (урочище) 9, 204
 Уланъ даба (переваль) 238.
 Уланъ комъ (равнина) 235.
 Уланъ шубу (почт. станція) 7.
 Улясүтай городъ, 6, 7, 21, 236, 291.
 Ундуръ гэгэнъ 150, 151, 433, 436.
 Урга (городъ-монастырь въ Халхѣ) 6,
 7, 9, 10, 18, 20, 21, 26, 107,
 135, 154, 167, 193, 200, 204,
 263, 275, 276, 288, 302, 329,
 371, 385, 389, 405.
 Урчжанъ 106.
 Уснирту (бурханъ) 422.
 Усниха-бицзэя (бурханъ) 421, 422.
 Успенскій В. М. и. д. русскаго кон-
 сула 20.
 У-гай-шанъ (горы) 83, 274, 300, 407,
 470.
 Ухинъ тэнгри (т. ч. Охинъ-тэнгри)
 282, 307, 329, 335, 373, 452.

Х.

Хайнъ-кирва (т. ч. Хая-грива) 282,
 308, 329, 421, 423, 424.
 Хайнъ раба (т. ч. Хайнъ-кирва).
 Халха (=сѣв. Монголія) 1, 2, 5, 7,
 8, 10, 12, 19, 24, 43, 107, 110,
 120, 150, 167, 169, 233, 238,
 302, 320, 321, 469.
 Ханбо-гэгэнъ или Ханбо-лама 20, 21,
 Хангай (горы) 22.
 Ханъ-ула (гора) 10
 Хара хадаянъ сумэ 8.
 Хэрүлэнъ см. Кэрүлэнъ.
 Хла-бэйсэ (халх. князь) 33.
 Хлама (бурханъ) 18, 283, 390, 400.
 Хласса 45, 83, 300.
 Хоншимъ бодисатва, 303, 376, 407.

Хормуста тэнгри 37, 64, 66, 67, 77,
93, 279, 284, 339, 428, 460.
Хуань-ди (кит. императоръ) 153, 263.
Хуань-сы (монастырь въ Пекинѣ) 264.
Хуань-хоу (кит. императрица) 266.
Хубилай-сэцэнъ-хань 321.

Ц.

Цаганъ гэгэнъ 248.
Цаганъ-дара-эхэ (бурханъ) 68, 236,
237, 238.
Цаганъ-даялчи лама 169, 392.
Цаганъ-лүсунъ-хань тэнгри 404.
Цаганъ-махагала 282, 307.
Цаганъ тологой (урочище) 187.
Цаганъ үлэинь-сүмэ 204, 282, 390.
Цаганъ шубукту (горы) 238.
Цаганъ шухуртэй (бурханъ) 282.
Цаганъ эбугэнъ (божество) 83, 84, 401.
Цанба (т. ч. Эруа) 282.
Цанджинъ хань 278.
Цзабханъ (рѣка) 7, 237.
Цзамбо или Цзамбу (рѣка) 38, 86.
Цзасакту хань 24.
Цзонхава (буддйскій реформаторъ)
50, 69, 102, 105, 110, 138, 195, 237,
289, 303, 341, 343, 371, 384, 474.
Цзунъ хуръ (т. ч. Шат-дубъ-чойнкоръ
линъ) 9.
Цугэльскій дацанъ (бурятскій) 18.
Цзэбкъ (т. ч. Аюши бурханъ) 422.
Цянь-лунъ (кит. императоръ) 11, 234,
266.

Ч.

Чаида 280.
Чжамбала (тэнгри) 379.
Чжамбараль (бодисатва) 454.
Чжамсаранъ (т. ч. Эгэчи-ду, — док-
шигъ) 18, 282, 325 служеніе ему
329—337, 401, 402, 403.
Чжампанъ лама 195.
Чжанцзя или Чжанчжа хутухту 264,
267, 306, 470.
Чжат-дамба (бурханъ) 422.
Чжигмэть (монг. князь) 263.
Чжидоръ ханбо 42.
Чжипчжигъ (т. ч. Ямандага) 18, 282.

Чжиргаланту (рѣка) 21.
Чжиса (аймакъ въ Ургѣ) 406.
Чжоннокъ-шагчжа-дакба 454.
Чжонханъ гэгэнъ 456.
Чжю-адиша (тиб. вѣроисповѣдникъ)
38, 50, 102, 105.
Чжунгарія 24, 114, 235, 469.
Чжунгары 234.
Чжунъ-чжень дянъ 267.
Чжэбцзунъ-дамба-хутухту 2, 4, 7, 8,
9, 10, 20, 50, 84, 102, 150, 155,
165, 167, 173, 179, 182, 234,
238, 249, 250, 262, 263, 265,
266, 321, 346, 455.
Чингисъ-хань 437.
Чинъ-тологой (почтов. станція) 7.
Чинъ суцзукту лама 234, 235.
Чойидонъ (тиб. лама) 26, 27, 165.
Чойчжилъ (т. ч. Эрликъ-ханъ) 18,
32, 282, 399, 402, 403.
Чулумъ-баньчжуръ (лама) 235.
Чуеринъ-донъ-чжапъ 400.
Чэнь-ба 266.

Ш.

Шакъя (родъ Шигэмүни) 128, 279.
Шамбалайнъ оронъ 37, 407.
Шань-си (кит. провинція) 83.
Шара сумэ (монастырь въ Долонъ
нуръ) 11, 12, 13, 193.
Шара сумэ (монастырь въ Кобдо)
282, 385.
Шаринутра (ученикъ будды) 72.
Шат-дубъ-чойнкоръ-линъ (монастырь)
9.
Шачжини бадарагулхчи сумэ 10.
Ши (чугучакскій амбанъ) 114.
Шигэмүни (или Сакъямүни) 37, 45,
46, 48, 49, 50, 54, 55, 58, его
изображеніе 63—68, 69, 70, 93,
102, 105, 128, 141, 171, 256,
277, 283, 288, 309, 339, 373,
406, 454, 463.
Шолчжитала 278, 280.
Шраваста (городъ въ Индіи) 60,
277, 286.
Шубукту (почт. станція) 7.
Шучжадала (см. Шончжитала).

Щ.

Щетивинъ (русскій генераль) 114.

Э.

Эгэтуевскій дацанъ (бурятскій) 18.

Эгэчи-ду (т. ч. Чжамсаранъ) 282.

Энэткэкъ (Индія) 277.

Эрдэни-цзу (монастырь) 2, 7, 8, 18, 20, 33, 37, 107, 160, 182, 193, 276, 288, 302, 320, 385, 389, 393.

Эрликъ-ханъ (владыка ада) 52, 73, 281, 282, 307, 376, 451, 460, 471.

Эруанчинъ-ган-данъ шат-дубъ-линъ 9.

Эсруа-тэпгри 37, 38, 67, 93, 218, 279, 282, 307, 379, 428.

Эсрунъ укгухчи 278.

Ю.

Юмъ (бурханъ) 421, 422.

Юнь-чжэнь (кит. императоръ) 11.

Я.

Ямандага (бурханъ) 51, 70, 282, 308, 329, 336, 372, 394, 396, 421, 444.

Янчжама 69.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

ПРЕДМЕТНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абишкъ (посвященіе) 444—448.

Агару (дерево) 157.

Агой шитугэнь (молитва) 134.

Ада (демонъ) 453, 471.

Адисъ (или Адистидъ,—благословеніе) 192, 238, 415.

Алоги (жертва), 91, 328.

Алтанъ гэрэль (молитва) 414, 415.

Алтанъ малахай (цанитская шапка) 498.

Алтанъ сацули (золотое кропленіе, т. ч. аршанъ) 396.

Алтанъ цэцэкъ ургуху (обрядъ) 448.

Альбины (миоич. существа) 330, 331, 335, 383, 471.

Амугуланту бурханай шүтэнь (родъ кумпоровъ) 47, 50, 55, 57.

Амугуланъ (привѣтствіе) 260.

Амулеты (см. Бу).

Амурлингуй бурханъ (родъ кумпоровъ) 46, 50, 51, 62, 109, 325.

Аратъ 138.

Аригуланъ сацухуйнъ усу (жертва) 91.

Арсалангийнъ хэбтэлгэ 463.

Арсаланту тэбцэнь (львиный престоль) 42, 43, 44, 254.

Арсаланъ тэригуту (молитва) 134.

Аруль (сушеный творогъ) 409.

Арханъ (или Архатъ,—святой) 139, 140, 146, 281.

Архи (водка) 179, 409.

Арца (можжевельникъ) 30, 116.

Аршанъ (см. рашіанъ) 131, 252, 261, 325, 327, 338, 340, 396, 408, 431, 445, 447.

Асаръ (палатка) 406, 408.

Асурин или Асуры (миоич. существа) 72, 77, 375, 380, 459, 460.

Ацзаръ (маска цама) 397, 398, 399, 400, 401, 402.

Ачжикъ (надсмотрщикъ) 409.

Ачжинай моринъ (миоич. лошадь) 106.

Ачплаху балинъ (жертва) 284.

Аюши (молитва) 134.
 Аяга (чашка) 123, 144, 153, 185, 355.
 Аймакъ (административная единица) 12, 456.
 Аймакъ (монастырская община) 10, 18, 130, 193, 281, 283, 303, 406.
 Айракъ (переваренное квашеное молоко) 419, 449.

Б.

Бадагъ (храмовья украшенія) 37, 100, 107, 386, 389, 445.
 Бадма (цвѣтокъ см. Падма).
 Бадма (гаракъ) 417.
 Бадма-рага (драгоценный камень) 335.
 Бадра, или Бадиръ аяга (священ. чашка) 47, 67, 94, 126.
 Бадымъ (жертва) 90, 327.
 Бакни (учитель) 137.
 Балингийнъ хуралъ 289, 291.
 Балинъ (т. ч. Дурма,—жертвоприношеніе) 22, 159, 253, 284, 285, 322, 325 — 329, 332, 337, 380, 382, 396, 397, 406, 408, 450, 473.
 Бал-бэ 87.
 Банримъ 59.
 Банца-ракша (молитва) 414, 415.
 Банца-ракшайнъ бу (талиманъ) 425.
 Банцаль (одежда) 129, 150, 324, 449.
 Банди (низшая степ. духовенства) 112, 115, 116, 120, 121, 124, 125, 129, 135, 136, 142, 146, 150, 161, 170, 174, 180, 183, 188, 300, 342, 370, 383, 414, 426.
 Барицанай улусъ 455.
 Барсовья шкуры 252, 338, 393.
 Бату орошилъ (молитва) 254, 272.
 Бацагыинъ санваръ 341.
 Бацакъ (т. ч. мацакъ) 276, 283.
 Бацаръ - бадарана (молитва), 134, 414, 415.
 Бацаръ махагала (молитва) 414.
 Байшинъ (каменное жилое зданіе) 8, 12, 13, 21.

Бидаръ-гарбо (см. Вайдурья - карпо).
 Бикшу (буддйскій монахъ) 40, 41, 346.
 Биликту (должность) 164.
 Биликъ - барамитъ (молитва) 134, 414, 415, 432.
 Биринъ-ченбо (молитва) 415.
 Биритъ (миовч. существо) 55, 76, 136, 170, 376, 459, 460, 461.
 Бирузана (хуралъ) 134.
 Бислькъ (сыръ) 409.
 Бицзэя (молитва) 415.
 Бишкурчи 160, 182.
 Бишкуръ (музык. инструментъ) 30, 105, 252, 258, 268, 302, 388, 389, 390, 396.
 Богдоханъ 10, 13, 113, 167, 248, 262, 456.
 Богдойнъ замъ (т. ч. Богдойнъ халга) 27, 30, 254.
 Боди мурунъ цзэргэ 38, 474.
 Бодисадунинъ санваръ 197, 348.
 Бодисатва 68, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 110, 310, 312, 315, 318, 372, 373, 428.
 Бонгомъ-шак-чжа (молитва) 415.
 Брай 59.
 Бу (талиманъ) 2, 24.
 Бугу (маска цама) 400.
 Букъ (домовой) 384.
 Бумба (священ. сосудъ) 23, 59, 86, 98, 99, 257, 325, 339, 340, 396, 398, 401, 407, 445.
 Бумба нигуху цзанъ уйлэ (сочиненіе) 91.
 Бумданъ 59.
 Бунханъ (усыпальница) 470.
 Бурханы (изображенія божествъ) 16, 17, 28, 29, 33, 37, 39, 43; ихъ описаніе 44—86; 90, 91, 99, 109, 116, 117, 131, 170, 178, 191, 238, 253, 265, 273, 274, 300, 339, 406, 426, 436, 469.
 Буръ (музык. инструментъ) 106, 160, 161, 191, 388, 389, 390.
 Буръчи, 160, 182, 390.
 Буръйнъ шата 30, 302, 346.
 Буянчи 463, 464.
 Буйби (жертва) 90, 327.

Буйцуръ (кадильница) 116, 191, 387,
390, 451, 464.
Бэчи (созвѣдіе) 371, 429.

В.

Вандапъ (родъ хадэка) 100.
Вачжра (см. Вачирь)
Вачирь (г. ч. Очирь) 41, 47, 98,
103, 150, 154, 171, 199, 214,
237, 271, 272, 278, 320, 325, 407.
Вачирунъ бэъ (свойство будды) 294.
Вачирь ицагурунъ цзабсаръ (сочи-
неніе) 55, 57.
Вайдурья-карпо 413, 434, 454, 458.
Винаинъ аймакъ саба 194, 195, 197,
199; тоже что
Виная (отдѣленіе Ганьчжура) 142,
384.
Высокій путь 30, 31, 254.

Г.

Габала (священ. сосудъ) 52, 98, 99,
171, 325, 327, 397, 399, 400,
401, 402.
Габчжу (ученая степень) 198, 201.
Габъ-и (хураль) 287.
Галабъ (періодъ мірозданія) 85, 316,
318.
Галандага (миоич. птица) 106.
Галбаварасъ (миоич. дерево) 106,
379.
Галцзанъ (молитва) 415.
Гандари (миоич. существа) 314.
Ганлинчи 160.
Гаулинъ (музык. инструментъ) 106,
388, 389, 396, 400.
Ганчжиръ 37, 38, 238.
Ганъ-йикъ 347.
Ганьди (било) 346.
Ганьди (жертва) 91, 328.
Ганьчжуръ 102, 193, 288, 411.
Ганьчжурынъ хураль 284.
Гаракъ (священ. поясъ) 344.
Гаракъ (счисленіе дней) 416, 419,
428, 471.
Гариди или Гаруда (миоич. птица)
39, 63, 377.
Гарунъ абулга (глава сочиненія) 325.

Гацзарыйнъ эцзэнъ 109, 326, 407, 429.
Га-чжама (сочиненіе) 425.
Гайда гаргахсанъ улусъ 455, 456.
Гинъ (названіе кулила) 415, 416.
Голь сумэ (главный храмъ въ мона-
стырѣ) 18, 30, 31, 390, 392, 393.
Гундэлэгийнъ заракъ (сочиненіе) 461.
Гуницзэкъ (постная пища) 443.
Гурбанъ учирту (молитва) 134.
Гурбанъ эрдэнинъ улцэйту шулукъ
408.
Гурюмъ (молебствіе) 272, 433, 454.
Гусунъ-тукъ (принадлежность гэлуна)
153, 457.
Гуша (трава) 92, 447.
Гэбкуй или Гэбгуй (благочинный) 44,
115, 116, 130, 132, 134, 157,
169, 173, 180, 181, 182, 185, 188,
192, 204, 236, 270, 300, 303,
338, 405.
Гэбиш (ученая степень) 196, 197.
Гэбчжу 59.
Гэгэнъ (титулъ хубилгановъ) 3, 30,
37, 42, 248.
Гэгэн'у цзокъ (жертва) 91.
Гэгэру (камень) 23.
Гэикъ (должность) 159, 169, 182,
187, 191, 276, 300.
Гэлунъ (духов. степень) 69, 95, 115,
116, 120, 123, 125, 127, 128,
136, 138, 141—149, 150, 154,
156, 169, 170, 174, 180, 183,
190, 197, 238, 262, 270, 273,
275, 285, 290, 342, 348, 361, 370,
413, 445.
Гэртэнъ-бэрътахильбэлэтхэху йосонъ
(сочиненіе) 45.
Гэрэль (сіяніе у бурхана) 63, 67.
Гэхамъ (жертва) 93.
Гэцуль (духов. степень) 114, 115,
124, 135—141, 142, 146, 149,
150, 170, 174, 180, 183, 190,
197, 259, 270, 285, 338, 342,
348, 370, 383, 414.

Д.

Да-лама (должность) 167.
Дабу (холстъ) 411, 463, 470.

- Дабчжа (портикъ храма) 202.
 Давапчинъ (монастырь въ Тибетѣ) 196.
 Дагини или Дакини (женское божество) 55, 57, 337, 372.
 Даланъ халису (самшитъ) 33.
 Далимбу (нанка) 411.
 Дамару (музык. инструментъ) 41, 103, 257, 321, 445.
 Данаръ (женск. имя) 420.
 Данракъ дурма (жертва) 283.
 Даньчжуръ 102.
 Даньшигъ 254, 259, 272.
 Дара эхэ (молитва) 134, 282.
 Дарга (старшина въ хотонѣ) 409.
 Дарга лама (т. ч. Дэмчи-лама) 405.
 Дарцокъ 25, 282, 406, 469.
 Дарчжинъ 323.
 Даши (родъ хадака) 101.
 Даши-дакчжатъ (или раши-дакчжатъ) 86.
 Даянчи (созерцатель) 2, 202—228, 392.
 Даянъ (см. Дяна).
 Два (кулилъ) 414, 416.
 Двипа (т. ч. тибъ) 313.
 Джама (поваръ) 159, 204, 338, 381, 382, 383, 402.
 Джинджуки 160.
 Дзабья (т. ч. Куцэ) 339, 340, 445.
 Дзоликъ 430, 431, 455.
 Дзоликъ гаргахсанъ улусъ 455.
 Дзоликъ гаргаху (обрядъ) 430, 454, 455.
 Динва (коврикъ) 345, 347.
 Диншэ (см. Дэвшигъ).
 Ди-чабъ (жертва, — тиб. ཨྲ་ཆེན་) 91.
 Ди-гукъ 400.
 Дяна (созерцаніе) 66, 67, 69, 203—228, 287, 375.
 Добочэ (молитва) 415.
 Дод-икъ 323, 395, 398, 449.
 Дод-янга 474.
 До-домба (молитва) 415.
 Докуръ 104, 389.
 Докцунъ - ритотъ лама чотба (молитва) 415.
 Докшидыинъ сумэ 18.
 Докшитъ (отдѣлъ геніевъ-хранителей) 17, 85, 98, 307, 321, 380—383, 392—403, 450, 473; ихъ изображенія: 46, 50, 52, 53, 54, 55, 57, 62, 109.
 Докшит' (ское служеніе) 98, 108, 380 (описание его), 320—338.
 Дологанъ культи (молитва) 134.
 Долонъ цугуцэ (жертва) 89—93, 97, 99.
 Долонъ эрдэни (жертва) 87—89, 99, 373, 386, 387, 389.
 Домбо (кувшинъ) 132, 192.
 Домбуръ (родъ гитары) 398.
 Дониръ (должность) 166, 169.
 До-рамба (ученая степень) 202.
 Дорчжи (= дорчжэ, названіе гарака) 417.
 Дорчжи (имя) 417, 418.
 Дорчжи-намчжикъ-чу (молитва) 415.
 Дорчжи-ри-рабъ 415.
 Дуганъ, (или духанъ, буддйскій храмъ) 21, 107, 302, 304, 308.
 Дуганчи (должность) 161, 204.
 Дук-бой (жертва) 91, 327.
 Дук-чжуба (балинъ) 382.
 Дуллуй (жезлъ) 94, 95.
 Дульба (т. ч. Виная, отдѣлъ Гань-чжура) 100, 338, 342, 346.
 Дунъ (или Дунъ-буръ, т. ч. Дунъ гаръ, — раковина) 86, 94, 105, 252, 268, 300, 388, 398.
 Дунчи (или Лабайчи) 160.
 Дурбай (жертва) 93.
 Дурма (= дорма, т. ч. балинъ) 322, 431.
 Дурма эргуху (молитва) 134.
 Дуударма (музык. инструментъ) 105, 160, 389.
 Дуудармачи 160.
 Дуйцзанъ (или Дуйчинъ) 284, 412.
 Дуйчингинъ санваръ 441.
 Дэбэль (халатъ) 150.
 Дэбуръ (крыша въ юртѣ) 206.
 Дэгэду амугуланту бурханай шутэнъ 46, 47, 48, 55, 397.
 Дэгэду амугуланъ санваръ (сочиненіе) 55.

Дэгэду моринъ эрдэни (жертва, — тиб. ཨ) 89.

Дэдъ ширьту лама (т. ч. Лацабъ) 156.
Дэльбэ 104.

Дэлэхэйнъ эцэнъ 391.

Дэмчи лама 169, 182, 282.

Дэшиикъ (или Диншэ) 104, 257, 388, 398.

Дэнь-лу (фонарь) 104, 445.

Ж.

Желтая ограда 271.

Желтая телъга 267, 271.

Желтыя носилки 271.

Желтыя поводья 271.

Желтый поясъ на юртъ 271.

З.

Замбагай 448.

Зангинъ (эскадронный командиръ) 252.

Зангя 261, 447.

Занчи (мантя) 154, 198.

Занъ-эрдэни (жертва) 88.

Зая-бакши 205.

Зая-лама 130.

Зула (см. Цзула).

Зул-занъ (т. ч. Оркимчжи) 344.

Зун-ду (молитва) 414, 415.

Зун'у тахиль (т. ч. Яра) 285.

И.

Ибэль 435, 437.

Идамъ бурханы (отдѣль бурхановъ) 51, 307, 315, 329, 372, 452.

Илакдалъ 349.

Илагуксану чимэкъ (см. чжалцанъ).

Ильдучи (меченосцы, т. ч. сэльмэчи— сотоварищи Чжамсарана) 330, 331, 335, 336, 337, 401.

Илэрхэй аймакъ саба (часть Гань-чжура) 100, 194, 197, 199.

Иранга (одежда) 343, 365.

Иругэль (т. ч. Йороль) 282.

Итэгэль (молитва) 26, 311.

К.

Калымъ (= суй) 176.

Камъ (кудилъ) 415, 416.

Канцелярія монастыря 172.

Канъ (лежанка) 237, 260.

Карша-дэбэль (т. ч. намчжаръ) 344.

Качинъ ханъ (см. Хашинъ ханъ).

Конъ (кудилъ) 414, 416.

Круговращеніе Майдари (религіозная церемонія, 282, 393; описаніе ея 384—392).

Кудилъ 414, 428.

Кумбанди (многоч. существа) 317.

Курма (верхняя одежда) 153, 257.

Куцэ (т. ч. дзабья) 339.

Кэнгэргэ (или Хэнгэргэ) 103, 191, 252, 268, 300, 388.

Кэнгэргэчи 160.

Кэнь (кудилъ) 414, 416.

Кэцэ (шаминскій бубень) 162.

Л.

Лабари (балдахинъ) 99, 445.

Лабай (раквина) 93, 302.

Лабринъ (или Лабранъ, — дворець хутхты) 37, 268.

Лагой (духов. одежда) 144, 344.

Лама-бурхану цзалбариль (молитва) 282.

Ламайнъ тахиль (названіе хурала) 134, 282, 338.

Ламримъ (сочиненіе) 341.

Лангаръ-шэк-ба (молитва) 414.

Ланъ — (единица вѣса) 5, 12, 190.

Лацабъ (т. ч. Лобунъ, — должность) 156, 169, 181, 276, 322.

Ли (кудилъ) 414, 416.

Линка (хураль) 134, 381, 382, 402.

Линхоа (цвѣтокъ, т. ч. Падма) 55.

Лити (жертва) 93.

Ли-фанъ-юанъ 263, 266.

Лійчжи (гаракъ) 417.

Лотусъ (цвѣтокъ) 75.

Лу- (драконъ) 41, 317, 372, 377, 380, 383, 407.

Лу-ширфъ 41.

Лудъ (молитва) 473.

- Лукдоръ-накбо (молитва) 415.
 Лунъ-данъ (молитва) 415.
 Лунъ-ро (молитва) 415.
 Лунъ-банъ-гонъ (молитва) 415.
 Лунъ- (абишикъ) 112, 141.
 Лусунъ тагалали хангахчи (молитва),
 408.
 Лусунъ - ханъ - тэнгри (цари драко-
 новъ) 405, 428, 472 (ихъ пере-
 численіе) 403, 428.
 Лышинъ санъ (молитва) 411.
 Львиный престолъ (см. арсаланту
 тэбцэнъ) 42, 46.

М.

- Магу дагугу тибъ 461.
 Мад-икъ 324, 395.
 Макталъ (отдѣлъ рапсаловъ) 282,
 307, 313, 329, 436.
 Малахай (шапка) 150.
 Мангусъ (существо) 82, 279.
 Маңдалъ (свящ. блюдо) 21, 67, 96,
 97, 99, 171, 254, 256, 339, 390,
 397, 445, 446.
 Маңдалъ ургуху (обрядъ) 134.
 Мани (молитва) 26, 37, 38, 154, 443.
 Маниинъ хуралъ 284, 285.
 Мавинъ хурдэ 25, 26, 72, 469.
 Манлаинъ сумэ (храмъ лекарей) 18.
 Манлаинъ тайльбури (сочиненіе) 453.
 Манлаинъ хото (будд. изображеніе)
 70.
 Манлаинъ чога 474.
 Манхи (маска цама) 400.
 Манца (угощеніе духовенства чаемъ)
 159, 188, 341.
 Мармэ (жертва) 91.
 Маска (при цамъ ᠰ) 393.
 Матаръ (миоич. животное) 104, 400.
 Махагала (молитва) 134.
 Махаранца (или Махарачжа, тэнгри
 хранители) 35, 67, 71, 162, 279,
 314, 377.
 Мацакъ (см. Бацакъ, — постъ) 175,
 179, 205, 412, 441.
 Мачжа чэнбо (молитва) 415.
 Машида хайралахчи (сочиненіе) 143.
 Майдариинъ дамчжай (сочиненіе) 461.

- Микчимъ (молитва) 26, 134, 282,
 301, 303, 347, 443.
 Милягудинъ хуримъ 419.
 Минганъ тахиль (хуралъ) 288.
 Минтингыинъ токтоль — 461.
 Модонай тэмэсунъ (жертва) 93.
 Модонъ чимэкъ 408.
 Моринъ эрдэни 89, 253.
 Мунъ-кири (созвѣздіе) 429.
 Мусарага (камень) 23.
 Мэдэчи 161.

Мэдохъ (цвѣтокъ, — тиб. མེ་འོ་ལྷོ) 90.

Мэ-лонъ (т. ч. толи) 93.

Мэнгэ 412.

Мэнгэинъ голъ (молитва) 427.

Мэнгэинъ цзасалъ (обрядъ) 412, 455;
 его описаніе 426—431.

Н.

- Нада (фигура огненнаго языка) 326.
 Нама-сангади (молитва) 414.
 Намка-нинбо (молитва) 415.
 Намсарай (молитва) 134.
 Намчжаръ (духов. одежда) 144, 345,
 346.
 Нарма (звѣзда) 420.
 Насуну тарни (молитва) 282.
 Найманъ гэгэнъ (молитва) 414, 415,
 427, 432, 433, 464.
 Найманъ гэшигугу санваръ 442,
 445.
 Найманъ тахиль (восемь жертвъ)
 ихъ описаніе 86 — 87; 97, 99,
 386.
 Найманъ хэгэсугу хурдэ (восьмира-
 дусный кругъ) 26, 38, 87, 88.
 Нга-рамба (ученая степень) 202.
 Нигуруунъ сэригүцэлгэ (жертва) 90.
 Нигуца хурангуй (молитва) 134, 288
 289.
 Ниданы 77.
 Нирба (должность) 165, 169, 181,
 182, 187, 204, 205, 206, 406.
 Нирвана 217, 228, 283, 293, 303,
 316, 324.
 Нисванисъ (влеченіе къ матеріаль-
 ному) 319, 324, 392.

Номту дэбэль 51, 123, 125, 126,
141, 200, 352, 355.
Номту дэбискэръ (коврикъ) 123, 125,
127, 141, 345.
Номту хормохчи (одежда) 343.
Номунъ лама 161, 199.
Номунъ хубцасу (т. ч. номту дэбэль)
256.
Номунъ хурдэ (т. ч. найманъ-хэгэ-
суту-хурдэ) 395.
Номъ (свящ. книга) 16, 130, 135,
155, 177, 238, 301, 384, 415,
436, 464, 469.
Номъ сахихчи, или Номъ тэтхухчи
(т. ч. докшитъ) 307.
Носилки (чжу-ца) 265.
Ночжинъ 70.
Ньбиди (жертва) 328.

О.

Обо или Обонъ 403, 404, 405, 406,
409, 410, 411.
Обоной тахилга 403.
Обоной чойнкоръ 406.
Обосунъ (жертва) 93.
Оботай (шапка) 152.
Окружать сумэ (обрядъ) 299.
Октаргой гацзарунъ найманъ гэгэнъ
(молитва) 408.
Октаргойнъ цэурухэнъ (молитва) 432.
Олбокъ (подушка) 40, 41, 43, 207,
238, 256, 262.
Орго (юрта важнаго лица) 168, 257.
Оркимджи (одежда) 47, 185, 257,
304, 344, 367, 398.
Орогой (шаманская шапка) 162.
Оронго (звѣрь) 23.
Орчиланъ (мiръ матеріальный) 69,
117, 136, 202, 210.
Отокъ (родъ) 167, 455.
Оточи-бурхану цзанъ уйлэ (хураль)
283.
Очиръ (см. Вачиръ) 41, 267, 399,
400, 402, 424, 445, 447, 463.
Очиръ (женское имя) 418.
Очиръ заблагъ (поза для сидѣнія)
47.
Очиръ-хошунъ (молитва) 414.

П.

Падма (цвѣтокъ) 46, 47, 48, 64, 71,
86, 215, 216, 255, 278, 280, 294,
329, 335.
Парамита (т. ч. Барамитъ) 318, 376.
Парчинъ 195.
Подстилка (т. ч. номту дэбискэръ)
353, 357.
Почжуть 398.
Праджня парамита (сочиненіе) 77.
Промежуточный періодъ (см. цагу-
рату).
Пратіекабудда 316, 372, 374.
Пурбу 399, 402.
Цэцэ (сочиненіе) 456.

Р.

Рабчжамба (ученая степень) 201.
Ракта (жертва) 337.
Ракшасъ (миоич. существо) 330, 331,
335, 472.
Рапсаль (гимнъ) 307, 308, 310, 313,
387.
Рашиянъ (т. ч. расаяна, — аршанъ) 97,
153, 256, 314, 332.
Рашиянъ-номъ (сочиненіе) 202.
Ринчинъ (гаракъ) 417.
Ринчинъ-дукданъ 86.
Рити хубилганъ (магическія силы)
319.
Рити хубилган'а (мѣсяцъ; 1-й мѣ-
сяцъ года) 111.
Рити хубилгану макталъ (сочиненіе)
282.
Руководитель лама 124.
Рэмо-шуй-ба (молитва) 414.

С.

Сакусунъ (отдѣлъ геніевъ) 17, 281,
283, 372, 374, 437, 450.
Сакусунъ (талиманъ) 447.
Самади (созерцаніе) 209, 210, 211,
212, 214, 216, 218, 220, 221,
222, 225, 226, 227, 228, перечи-
сленіе ихъ 229—233, 312, 319.
Самбай (хадакъ) 101.

Сангачжи (мужское имя) 419.
 Сангасакъ 161.
 Саигыинъ идэ (курение) 116, 415.
 Сандуй-бурханъ 151.
 Сан-пу (монастырь въ Тибетъ) 196.
 Сансара (мiръ матеріальный) 72, 77,
 209, 217, 318, 374.
 Сансарыинъ хурдэ (рисунокъ) 71—
 83.
 Сансарыинъ эцээнъ (покровитель
 сансары) 281.
 Санъ (казначейство) 9, 167, 172, 180,
 182, 183, 187, 189, 282, 284, 288.
 Санъ (богослуженіе) 281.
 Санъ-бумба (сосудъ) 23.
 Санъ-даръ (жертва) 91.
 Санчжи (гаракъ) 417, 418, 419.
 Санчжи (муж. имя, т. ч. Сангачжи)
 419.
 Саранъ хухугэну намтаръ (сочине-
 ніе) 268.
 Сацули (молебствіе) 449.
 Сай-винбо (молитва) 414, 432.
 Сайнъ оюту 134.
 Сайнъ ябудалунъ иругэлунъ хаганъ
 (молитва) 134.
 Сидда или Сиддиду (молитва) 414,
 415, 432.
 Сидди 254, 314, 337, 373, 452.
 Синъ-бу (уголовая палата) 270.
 Солонго (радуга у бурхановъ) 63, 67.
 Сономъ (хадакъ) 100.
 Соносогатъ йэхэдэ тонилгахчи (со-
 чиненіе) 464.
 Соносохой тахиль (хураль) 282.
 Сонъ (кулилъ) 415, 416.
 Соръ (богослуженіе) 134, 289.
 Соръ (жертва) 159, 289, 380, 382,
 393, 396, 397, 402.
 Сочжинъ или Сочжонъ (хураль) 141,
 341, 370.
 Сойбунъ (прислужникъ) 71, 168, 253.
 Сүбурганъ 58, 59, 66, 95, 108, 217,
 274, 275, 283, 368.
 Судурунъ аймакъ саба (часть Гань-
 жура) 194, 195, 197, 199.
 Сумбумъ (собраніе сочиненій) 42,
 134, 306, 310, 325.
 Сумунъ (эскадронъ) 15, 17, 112,

115, 252, 403.
 Сумунъ (стрѣла) 448.
 Сумэ (монастырь и храмъ) 1, 2, 8,
 25, 27, 38, 108, 136, 156, 281,
 290, 299, 304, 371, 380, 396,
 399, 401, 402.
 Сумэ эргиху (обрядъ) 299.
 Сумэръ ула (миф. гора) 28.
 Сури 109.
 Сутра (т. ч. Судуръ, родъ сочиненій)
 84, 151.
 Суцзукту (паломникъ) 175, 199.
 Сэльмэчи (т. ч. ильдучи) 401.
 Сэнтэй 59.
 Сэрдэбэ чакчжай (сочиненіе) 464.
 Сэрнья (жертва) 86.
 Сэтэрлэху (обрядъ) 420.

Т.

Табакъ (блюдо) 449.
 Табикъ усу (жертва) 91, 373.
 Табунъ иругэль (молитва) 134.
 Табунъ хусэль (жертва, т. ч. табунъ
 чихула хусэхуй) 117, 373, 387,
 389, 436.
 Таму (адъ) 73, 75.
 Тангой (одежда) 343.
 Тантра (родъ сочиненій) 254, 451.
 Таракъ (жертва, — кислое молоко) 93,
 449.
 Тария (магическія изрѣченія) 85,
 103, 154, 171, 328, 336, 340, 382,
 392, 407, 415, 416, 424, 427, 446,
 448.
 Тарининъ санваръ (посвященіе) 197,
 348.
 Тарининъ ундусунъ (часть Ганьчура)
 100, 333.
 Тахилунъ эгулэнъ (жертвоприноше-
 ніе) 391.
 Тахильинъ модо (жертвенные столбы)
 25, 27, 254, 299.
 Тахильинъ ширъ (жертвенный столъ)
 6, 8, 86, 92, 93, 94, 97, 99, 107,
 289, 371, 380, 387, 389, 391,
 406, 445.
 Тахиль (жертва) 283.
 Тахильчи (должность) 159, 204.

Тачіялунъ харигулга (молитва) 473.
 Тайчжи (князь) 17, 250, 455.
 Тибъ (т. ч. Двица) 375, 404, 408.
 Тиртика (еретики) 286, 390.
 Титимъ (т. ч. Чжодбонъ) 324.
 Тѳ (шарикъ въ четкахъ) 154.
 Тѳ (пядь) 40, 354.
 Толи (зеркало) 73, 93, 94, 97, 99,
 339, 407, 436.
 Торцокъ (шапочка) 129.
 Торчжикъ 323.
 Тѳ-той олобокъ 40.
 Тойнъ (духовное лицо) 118, 124,
 128, 137, 142, 143, 147, 149.
 Тойнъ (типографщикъ) 165.
 Тукъ-кэбъ 59.
 Тукъ-тунъ 59.
 Түлэши (поминки) 474.
 Тунчжиръ 310.
 Тусалакчи (должность) 409.
 Тушилгэ (спинка у сѣдалища) 41, 44,
 256.
 Тушимэль-эрдэни (жертва) 88.
 Туй ургуху (хураль) 338, 339, 445.
 Туй-шонъ 339.
 Тэбчимъ 348.
 Тэгусъ цокту хану айлатху (сочине-
 ніе) 134.
 Тэмуръ хошунъ (молитва) 414.
 Тэнгри (духи) 72, 77, 119, 125, 136,
 151, 171, 251, 258, 281, 285,
 313, 316, 337, 372, 375, 377,
 380, 381, 383, 452, 459, 460,
 461, 471.
 Тэнсэль угэй ундусунъ (отдѣль
 чжуд'а) 308.

У.

Убадини (посвящающій гэлунъ и гѳ-
 лунъ руководитель) 143, 144, 146.
 Убасанца (женщина монахиня) 139.
 Убаши (1-я степень посвященія) 112,
 116, 117, 118, 119, 120, 130,
 139, 194, 252.
 Улцэй буйнту хумунъ 436.
 Улцэй дабхуръ (молитва) 414, 432,
 433, 464.
 Улцэй утасу (жертва) 87, 199.

Улцэй хутукъ (молитва) 391, 408.
 Улцэйту найманъ тэмдэкъ 86 387,
 389.
 Улцэйту найманъ эдъ 93, 373.
 Ульмэйнь сэригуцэлгэ (жертва) 90,
 373.
 Улэждэлъ 349.
 Улэмчжи бѳту тибъ 461.
 Умцзатъ (см. улзатъ).
 Ундусунъ (т. ч. чжудъ) 194, 308.
 Ундусунъ лама 112, 341.
 Унзатъ (установщикъ) 158, 169, 180,
 181, 182, 187, 192, 204, 276, 290,
 301, 303, 308, 372, 379.
 Унурту усу (жертва) 91, 373.
 Ургумаль цзалаху (молитва) 134.
 Урумэ (сливки) 409, 449.
 Уснирь (волосы) 47, 54, 55, 56, 397.
 Усниха-бинзэя (молитва) 414, 415.
 Усуву шухуръ (вѣнчикъ) 127.
 Усунъ-балинь (т. ч. усунъ-дурма, ху-
 раль) 170, 415.
 Утбала (цвѣтокъ) 57, 75.
 Утүгэнъ эхэ (шаманское названіе зем-
 ли) 85.
 Ухіялунъ табакъ 339.
 Ухіяль (т. ч. туй ургуху, — хураль)
 134, 252, 282, 338, 391, 407, 408.
 Ухухсэнъ амидуннъ иругэль (молит-
 ва) 134.
 Ухэръ-буръ (музыкал. инструментъ)
 106, 302, 388, 389.
 Ухэръ буръчи 160, 388.
 Ухэръ эдлэхчи тибъ 467.
 Уйлэинъ ундусунъ (отдѣль чжуд'а)
 308.

Х.

Хабуръ 327.
 Хадэкъ (платокъ) 24, 100, 107, 131,
 132, 157, 257, 261, 264, 339, 382,
 399, 407, 408, 431, 436, 445.
 Халга нэгэху (хураль) 287.
 Халганай асаръ (часовня надъ воро-
 тами) 27.
 Халгачи 168.
 Халхабчи 327.
 Хананнъ халга (рѣзныя двери) 35.

- Ханбо-лама (т. ч. хамбо-лама, — настоятель монастыря) 132, 154, 155, 167, 169, 173, 181, 186, 256, 259, 262, 303, 387.
- Ханбо-помунъ-ханъ (Ургинскій хан-бо) 155.
- Хангалъ (докшитское служеніе) 282, 283, 284, 287, 288.
- Харанга (музык. инструментъ) 104, 161, 302, 389.
- Харангачи 160.
- Харангу (отдѣль раисаловъ) 307.
- Харахинъ усунъ могой (годъ) 431.
- Харсилъ (жезль) 94.
- Хатунъ эрдэни (жертва) 88.
- Хацинъ ханъ (т. ч. Качинъ ханъ) 398, 399, 402.
- Хибъ-торго (жертва) 94.
- Хилинтэиъ (т. ч. докшитъ) 307.
- Хитъ (монастырь) 1, 2, 8, 204.
- Хлабуцъ дуйцаиъ 288, 291, 412.
- Хлаутабъ (сочиненіе) 163, 413.
- Хла-рамба (ученая степень) 202.
- Хласское цзу 202.
- Хлассаинъ муиэхэ цзунинъ оронъ (сочиненіе) 45.
- Хомъ (сѣдло верблюда) 109.
- Хонгорцакъ усунъ 323.
- Хонхо (колокольчикъ) 41, 103, 171, 257, 272, 321, 325, 380, 388, 398, 445.
- Хорло (т. ч. Хурдэ) 87.
- Хормохчи (одежда) 126, 353.
- Хото-мандалъ (рисунокъ) 70, 71, 445, 448.
- Хотонъ (стойбище) 131, 169, 450, 464.
- Хохимай (маски цама) 396, 397, 401.
- Хошигунъ (созвѣздіе) 429.
- Хошунъ (княжество) 8, 11, 12, 14, 24, 115, 177, 191, 251, 252, 268, 306, 407, 455.
- Хранители св. ученія (см. сакүсунъ).
- Хуанди (кит. императоръ) 155, 263.
- Хубилганъ (перерожденіе) 3, 4, 10, 68, 122, 124, 146, 233—234; перечисленіе ихъ 239—248; описаніе ихъ жизни 248—275, 389, 444.
- Хубо (оторочка чжаблана) 41.
- Хубцасунъ (одежда) 394, 395.
- Хуваракъ (духовное лицо) 84, 113, 119, 123, 127, 137, 142, 147, 149, 152, 157, 174, 180, 184, 190, 191, 200, 255, 273, 300, 305, 311, 335, 348, 357, 361, 407, 408, 442.
- Хуль (мѣра) 138.
- Хуралунъ хэсулгэ 196.
- Хураль (богослуженіе), 2, 8, 11, 15, 17, 25, 30, 96, 103, 115, 116, 132, 133, 135, 136, 141, 156, 158, 160, 173, 175, 177, 180, 184, 188, 190, 200, 205, 275; описаніе ихъ 275—474.
- Хурдэ (или маніинъ хурдэ) 26, 27, 35, 67, 87, 175, 217, 382, 469.
- Хурдэ-эрдэни 87.
- Хурукъ (рисунокъ кумира) 44, 68, 70, 85.
- Хурулынъ сумэ 107.
- Хуръ (или хуръинъ) 1, 2, 8, 15, 109, 110, 115, 135, 177.
- Хусхо (подводы хубилгановъ) 253.
- Хусэлунъ тэнгри (отдѣль тэнгриевъ) 111.
- Хутухту (иначе — хутухта) 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 28, 37, 42, 43, 68, 124, 155, 168, 179, 239, 248, 311, 389, 455.
- Хүхэ модонъ мэчинъ (годъ) 431.
- Хүхэтъ аршалаху (обрядъ) 412.
- Хучжи (курительныя свѣчи) 61, 89, 91, 92, 93, 116, 132, 159, 192, 252, 257, 373, 381, 382, 387, 396, 406, 445, 448.
- Хучжинэй онгоцо 93.
- Хэнгэргэ, (т. ч. кэнгэргэ) 371, 389, 396.
- Хя (княжескіе тѣлохранители) 252.
- Хя-лама 168, 253.

Ц.

- Цабари (иначе цабри, чаври, чаврунъ) 152, 304.
- Цабрачи 160, 182.
- Цаганъ-балинъ (молитва) 134, 282.
- Цаганъ линхоа (сочиненіе) 317.

- Цаганъ сара 276, 281, 290, 380, 412.
 Цаганъ-хичжи (жертва) 94.
 Цаганъ шухуртэй (молитва) 134, 282, 408.
 Цаганъ эбугэну судуръ 84.
 Цагахчинъ тэмуръ тулай (годъ) 431.
 Цагунъ хурдэ (сочиненіе) 54, 57.
 Цайнъ тахиль (молитва) 134.
 Цамца (рубашка) 150.
 Цамъ (хуралъ) 282, 384, 390, описаніе его 392—403.
 Цанидыинъ сумэ 18.
 Цанитскіе аймаки ламъ 193, 197, 204.
 Цанитъ (ученіе) 18, 193, 202, 304, 308, 390.
 Цансумъ (молитва) 134.
 Цанъ (музык. инструментъ) 104, 252, 268, 388, 389, 396, 398.
 Цанчи 160.
 Царанъ 104.
 Цатхамалъ (литой бурханъ) 44.
 Цабсаръ тэнгри (созвѣздіе) 429.
 Цагурату (промежуточный періодъ между смертью и возрожденіемъ) 458, 459, 460, 461, 474.
 Цзакатъ-бадаръ (жертва) 357.
 Цзалбариль (отдѣлъ рапсаловъ) 307, 313, 347.
 Цзамбутибъ 285, 313, 376, 461.
 Цзамбутибыинъ шалсай (балинъ) 326.
 Цзангинъ (командиръ) 409.
 Цзангя (см. зангя).
 Цзанчи (т. ч. занчи) 300, 304.
 Цзасакъ (правитель) 113, 115, 263, 268.
 Цзасакъ-лама (должность) 166.
 Цзахирахчи 161.
 Цзу (изображеніе Шигэмуни) 45.
 Цзула (лампада) 91, 132, 373, 433.
 Цзулаинъ хуралъ 289, 291, 371, 412.
 Цзурачи 164.
 Цзурдаинъ судуръ (сочиненіе) 456.
 Цзурукъ (т. ч. хурукъ, — изображеніе будды) 341.
 Цзурхайнъ сумэ (храмъ астрологовъ) 19.
- Цзурхайчи (астрологи) 21, 22, 108, 138, 163, 172, 252, 269, 272, 405, 410, 412, 413, 414, 420, 425, 426, 433, 434, 454, 458.
 Цзэдъ (жертва духовенству нищею) 188.
 Цзэнъ (кулилъ) 415, 416.
 Цинъ (единица вѣса) 284.
 Цокту - цзандавъ (молебствіе) 134, 141, 310.
 Цокту ямандагаинъ эгусхэлъ (сочиненіе) 38.
 Цокчинъ (соборный храмъ) 18, 300, 303, 305, 371.
 Цомба 97.
 Цорчи 116, 130, 131, 136, 154, 155, 156, 166, 169, 173, 181, 182, 186, 187, 190, 204, 236, 252, 254, 256, 259, 262.
 Цзэбэкъ (молитва) 415.
 Цзэлынъ (музык. инструментъ) 104, 388, 389, 398.
 Цзэлыннич 160.
 Цзригунъ ноянъ эрдэни (жертва) 89.
 Цзэцэкъ (жертва) 90, 373.
 Цзэжибчи (или Цзэгэжибчи, т. ч. Иранга) 343, 353, 365.

Ч.

- Чаврунъ (т. ч. Цабари) 41, 152.
 Ча-дудба (молитва) 414.
 Чакраварти-ханъ 87, 88, 278, 398.
 Чандала (каста) 428.
 Четки (см. эрихэ).
 Чжабданъ (ламское сѣдалище) 41, 107, 200, 254, 304, 445.
 Чжалцавъ 37, 38, 86, 100, 386, 387, 400, 445.
 Чжанакъ гакдунъ (молитва) 427.
 Чжат-дамба (молитва) 414.
 Чжилинъ оролгонъ (обрядъ) 412, 429, его описаніе 432—433; 455.
 Чжирукхэну тарни 198, 326, 473.
 Чжиса (малое служеніе) 276, 289, 305, 308.
 Чжокто (или Чжукто) 28, 157, 188, 191.

Чжотбонгъ 323, 449.
 Чжудъ (часть Ганьчжура) 100, 194, 197, 308.
 Чжудыннъ сумэ (храмъ тарнистиче-скаго ученія) 18, 308.
 Чжунба-ринчинъ гун-ду (сочиненіе) 454.
 Чигулгану дарга (сеймовой старшина) 113, 167.
 Чидакчи эркэту (молитва) 134.
 Чима-пурма (украшеніе) 101, 388.
 Чимэкъ (храмовыя украшенія) 389.
 Чиндамани 64, 87, 326, 379, 387, 396, 401.
 Читкуръ (чертъ) 471.
 Чихула хэрэглэхчи (сочиненіе) 317.
 Чод-онъ (жертва, тиб. རྩོམ་ལྷོ་ལྷོ) 91.
 Чойгынь усу 415, 427, 432, 450, 451.
 Чойнкоръ дуйцзанъ 284, 288, 412.
 Чойнкоръ чжисумъ 59.
 Чойчжины (геніи хранители) 51, 70, 321, 327.
 Чойчжинъ-лама 161, 162.

III.

Шабда (музыка) 328.
 Шабинары (даники хутухты) 4, 5, 6, 8, 155, 167, 179, 204, 239, 249, 455, 456.
 Шабинскій ямунь (управленіе) 167.
 Шабронъ 249.
 Шаб-сэль (или жаб-сэль, тибетскій རྩོམ་ལྷོ་ལྷོ) 90.
 Шал-сэль (жертва) 90.
 Шал-цзай (или жал-сай тиб. རྩོམ་ལྷོ་ལྷོ) 91.
 Шама 400.
 Шамтабъ (т. ч. шантабъ) 343.
 Шанакъ 394, 395, 402.
 Шанамъ малахай (шапка) 151.
 Шантабъ (т. ч. шамтабъ) 123, 125, 126, 144, 365.
 Шанцза 347.
 Шанцзотба 166, 236.

Шара-цай (денежная единица) 179.
 Шарахчинъ-шорой-гахай (годъ) 431.
 Шариль 275.
 Шасэръ (шапка) 152, 390.
 Шатакъ марчжи (балинь) 327, 338.
 Шахматы 259.
 Шачжинъ бадарангуй (сочиненіе) 134.
 Шимнуэъ (злой духъ) 42, 209, 312, 318, 330, 331, 335, 381, 392.
 Ширьту-лама 156, 169, 173, 181, 182, 186, 236, 254, 256, 303, 387.
 Шравакъ 312, 316, 372, 374.
 Шутэнъ (кумиръ) 44, 45, 48, 60.
 Шутэнэй өргө 107.
 Шухуръ или шукуръ 86, 104, 253, 265, 386, 387, 388, 389.

Э.

Эмчи (лекаръ) 162, 164, 165, 454.
 Эмчинъ сумэ 19.
 Эрдэни (женск. имя) 418.
 Эрихэ (цетки) 154, 178, 198, 207, 263, 304, 395.
 Эрлики 376, 430.
 Эрликъ-хапъ (молитва) 134.
 Эцэну сюльдэ 61.

Ю.

Юмъ (отдѣль Ганьчжура) 28, 102.
 Юмъ (молитва) 415.
 Юнь-гаръ (жертва) 94.

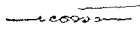
Я.

Ябудал'унъ ундусунъ (отдѣль Чжу-а'а) 308.
 Якшасъ (мионч. существо) 317, 330, 332, 335.
 Ямандаганнъ тахиль (хураль) 134, 284.
 Ямунь (присутственное мѣсто) 15.
 Яра (или ярнай хураль) 285, 286.
 Яргачи (сотоварищи Чжамсарана) 330.

Й.

Йоганинъ ундусунъ (отдѣль Чжуд'а)
307.
Йогацзари 331, 333, 337, 383.
Йороль (т. ч. иругэль, — отдѣль ран-

саловъ) 307, 309, 313, 315, 347,
381, 408, 436, 460, 473.
Йэхэ цзула, 92.
Йэхэ харигулга (хуралъ) 282.
Йэхэ хулгэнь (высшій отдѣль свящ.
ученія) 112.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
4	5	милитвенный	молитвенный
7	16	Долѡнъ вѹра	Долѡнъ нѹра
11	13	храмы	храмы:
12	14	саймака	аймака
38	30	Будды	будды
46	2	ной	ней
58	22	обыквоенно	обыкновенно
69	6	изображеніе	изображенія
91	7	Ди габъ	Ди чабъ
91	26	Агамъ	Аргамъ
138	22	друхъ	двухъ
141	26	འཇགས་པོ་	འཇགས་པོ་
157	23	чжукбо	чжукдо и др.
193	38	མཚན་ཉིད་	མཚན་ཉིད་
194	1	ཉིད་	ཉིད་
271	17	уговарить	уговорить
191	4	большой	большей
308	5	རྩ་མཛེན་	རྩ་མཛེན་
309	5	попаламъ	пополамъ
397	38	онѣ	внѣ
419	38	цзууухайчи	цзурухайчи
419	16	ལྔ་ཉི	ལྔ་ཉི
445	26	цабья	дзабья